

О.И. Тогоева

Дела плоти

Интимная жизнь людей
Средневековья в пространстве
судебной полемики

La corne d'abondance il porte sur sa teste
Et la pour se vanger si qlqun le frappeoit
Je men ray doncq dicy car si il me happoit
Il me pourroit huerter (coeur/bœuf) de sa creste..

Das Ceres horn so treget er
Auf seinem kopf für sein gewehr:
Ich mag hinschleichen als ein fuchs,
Das mich nit stoß der grimmy ochs.

Olga Togoëva

The works of flesh

Intimate life
and judicial polemics
in the Middle Ages

Center for humanitarian initiatives
Moscow–Saint-Petersburg
2018

О.И. Тогоева

Дела плоти

Интимная жизнь людей
Средневековья в пространстве
судебной полемики

Центр гуманитарных инициатив
Москва–Санкт-Петербург
2018

УДК 94(100-87)(09)

ББК 63.3(0)4

T50

Серия MEDIAEVALIA
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН.
Основана в 2015 г.

Составитель и главный редактор А.К. Гладков

Рецензенты:

доктор исторических наук М.А. Бойцов
доктор исторических наук А.Ю. Серегина

Тогоева О.И.

T50 Дела плоти. Интимная жизнь людей Средневековья в пространстве судебной полемики / О.И. Тогоева.— М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. — 352 с. — ил. — (MEDIAEVALIA).

ISBN 978-5-98712-838-1

Эта книга рассказывает о том, о чем обычно молчат исторические источники, – о частной жизни людей эпохи Средневековья и раннего Нового времени, об их личных переживаниях, о супружеской любви и об изменах, о неразделенных чувствах, о дружбе, обидах, попытках решить семейные проблемы самостоятельно или прибегая к помощи официальных инстанций. Героями историй, собранных здесь, стали самые простые обыватели, о которых почти никогда не упоминалось в хрониках, в теологических сочинениях, дидактических трактатах или художественных произведениях. Эти люди могли попасть в поле зрения историка, только если оказывались замешаны в различные преступления и ими начинал интересоваться суд. Материалы уголовных расследований, которые велись во Французском королевстве на протяжении многих столетий, позволяют отчасти проникнуть в сокровенные тайны его обитателей, услышать, как и что они говорили о самых интимных моментах своей жизни, узнать, что для них было допустимо обсуждать публично, а что нет, понять, какими правовыми и общекультурными представлениями они руководствовались.

Книга адресована историкам, правоведам, филологам, культурологам, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей повседневности и частной жизни.

ISBN 978-5-98712-838-1

© Тогоева О.И., 2018

© Гладков А.К., составление серии, 2018

© Центр гуманитарных инициатив, оформление, 2018

Дела плоти известны;
они суть: прелюбодеяние,
блуд, нечистота, непотребство...
(Послание к Галатам 5: 19)

Содержание

Введение. Суд, право и частная жизнь: точки пересечения	7
Часть I. Между историей права и исторической антропологией	
Глава 1. Можно ли говорить о запретном?	17
Глава 2. Честь женщины – достоинство мужчины	48
Глава 3. Бесконечная «прогулка на осле»	76
Глава 4. Свадьба под виселицей	97
Часть II. Казусы без конца... и без начала	
Глава 5. История Раймона Дюрана, содомита из Вильфранша	121
Глава 6. История Джона Райкнера, называвшего себя Элеонорой	143
Глава 7. История о том, как поссорились Колетт Ла Бюкет и Жан Ле Мерсье	163
Глава 8. История злоключений Масет де Рюйи, или О пользе пытки	183
Глава 9. История о том, кому была неверна Жанна де Брем	202
Часть III. Источников много не бывает?	
Глава 10. История Гийома де Флави, мужа-тирана и предателя Франции	219
Глава 11. История Марты Броссье, которая любила, да не вышла замуж	246
Глава 12. История Маргариты Ле Петур, которая никого не любила, но все-таки вышла замуж	275
Заключение. О казусах и контекстах	302
Список сокращений	307
Библиография.....	308
Происхождение иллюстраций	330
Указатель имен	331
Summary.....	338
Contents	340

ВВЕДЕНИЕ

Суд, право и частная жизнь: точки пересечения

Зачем люди обращаются в суд? Казалось бы, ответ на этот вопрос лежит на поверхности. Они являются туда, дабы в официальном порядке решить возникшие у них проблемы: отстоять собственные интересы, наказать обидчиков, восстановить честь – собственную, ближайших родственников или друзей. В иных случаях они бывают в суд вызваны – чтобы ответить на поданный против них иск, чтобы оправдать свои действия, чтобы защититься от обвинений и возможного приговора.

От эпохи Средневековья и раннего Нового времени до наших дней дошло внушительное количество материалов повседневной судебной практики, о какой бы стране Западной Европы мы ни говорили. Для любого исследователя, занимающегося историей права и правосознания, подобные документы представляют огромную ценность, поскольку позволяют изучить не только то, как мыслилось судопроизводство в теории, но и то, как оно велось в действительности. Впрочем, при ближайшем рассмотрении эти многочисленные судебные казусы способны, на мой взгляд, поведать нам нечто куда более интересное, нежели вполне обычные, а порой и откровенно скучные подробности рассмотрения того или иного гражданского или уголовного дела...

* * *

Двадцать второго декабря 1341 г. перед судьями Парижского парламента предстал Клеман Ла Юр, обвинявшийся в преднамеренном убийстве Тибо Бизо и его сына Этьена. Иск против него подал Жан Бризо, второй сын Тибо: он требовал разрешить ему сразиться с ответчиком на поединке, дабы доказать его виновность. В ходе следствия, однако, выяснилось, что Клеман совершил не одно лишь это преступление. Будучи человеком женатым, он вступил в интимную связь с женой соседа, Гийома Итье. Опасаясь, что его интрижка будет раскрыта, мужчина приказал отравить мужа своей возлюбленной, убил собственную жену и выбросил ее тело в реку. Затем он велел отравить тех слуг, что помогали ему расправиться с супругой, а также убить Тибо и Этьена Бизо, случайно прознавших о насильственной смерти несчастной женщины. Наконец, он отравил служанку покойной жены, которая «могла рассказать всю правду» о творившихся в доме Клемана бесчинствах. Судьи парламента, пребывая, очевидно, под большим впечатлением от услы-

шанного, не отважились сразу вынести решение по этому делу и отправили его на следствие, надеясь, что дополнительная информация с места событий поможет им верно оценить степень виновности Клема-на Ла Юра и обоснованность претензий его противника, Жана Бризо¹.

В 1405 г. чиновники королевской канцелярии вынуждены были рассматривать не менее запутанное дело, также касавшееся частной жизни нескольких французских обывателей. В письме о помиловании, выданном ими в конце концов на имя Марион, вдовы Жана Булиньи из Шартра, сообщалось о споре, произошедшем между молодой женщиной и неким Тома, приятелем ее умершего мужа. Встретившись однажды на дороге, эти двое разговорились, и мужчина не постеснялся спросить у Марион, «правда ли, что она забеременела от [своего свекра,] Пьера де Булиньи, отца покойного Жана Булиньи, ее мужа, и верно ли, что она [на самом деле] ждет ребенка». Это оскорбление, как признавалась просительница, и стало поводом для драки, в ходе которой она смертельно ранила Тома, была осуждена на смерть, но смогла получить королевское прощение².

В том же 1405 г. в уголовном суде Парижского парламента выясняли отношения представители двух почтенных семейств, желавшие сочетать браком своих детей. Из их замысла, впрочем, ничего не вышло, поскольку будущая невеста категорически отказалась выходить замуж, заявив, что уже отдала свое сердце другому – некоему Гоше, «который является ее возлюбленным и в обнаженном виде нравится ей куда больше, чем тот, кого выбрал ей дядя»³. Столь вызывающие откровения девушки породили сначала скандал, а затем и вооруженные стычки ее родственников с семьей отвергнутого жениха.

Осенью 1415 г. супруги Ламбер, проживавшие во французском городке Бернувиль, отправились как-то вечером в гости. Там жена Жана Ламбера – то ли в шутку, то ли всерьез – обратилась при всех собравшихся к мужу, похлопывая его ласково по щекам, с предложением «сегодня трижды устроить ей брачную ночь»⁴. Мужчина возмутился столь откровенным поведением своей второй половины и заявил, что «добропорядочной даме не пристало выражаться подобным образом в чужом доме»⁵. Дело кончилось потасовкой между супругами и тяжелым ранением молодой женщины, за что господина Ламбера и отдали под суд. Впрочем, он сумел получить письмо о помиловании, особо упирая на тот факт, что вывел его из себя неприличный поступок жены...

¹ ANF. X 2a 4, fol. 143 (décembre 1341).

² “Se il estoy vray qu’elle feust grosse de Pierre de Bouligny, pere dudit feu Jehan Bouligny son mary et qu’il vouldroit bien savoir se elle en estoit grosse” (ANF. JJ 160. № 96, novembre 1405).

³ “Que estoit homme que plus elle aimoit et l’avoit plus chier tout nu que celui que son oncle lui reservoit” (ANF. X 2a 250v, mai 1405).

⁴ “Commença a frapper sondit mary des paulmes parmi les joes en lui disant qu’il lui feroi la nuyt trois fois les nocés” (ANF. JJ 169. № 3, octobre 1415).

⁵ “Ce n’est pas dist de preude femme de ainsi parler en autrui hostel” (Ibid.).

Несколько коротких зарисовок, совершенно произвольно выбранных мною из огромного числа похожих дел, рассмотренных в судах Французского королевства в Средние века и в Новое время, со всей наглядностью демонстрируют, что речь во всех этих случаях шла не только и не столько об истории права и судопроизводства давно минувших времен, сколько об истории повседневности – о *частной* жизни самых обычных людей, не совершивших никаких особо выдающихся деяний и изначально ничем не примечательных. О них не сообщалось в хрониках, о них не упоминали в личной переписке или в художественных произведениях, а потому мы никогда ничего о них не узнали бы, если бы все они не оказались замешаны в преступления, записи о которых сохранились в регистрах Парижского парламента (высшей судебной инстанции средневековой Франции) или в архивах королевской канцелярии.

Только источники такого типа, по моему глубокому убеждению, способны предоставить нам относительно полную и объективную информацию о повседневной жизни абсолютно реальных и совершенно конкретных людей прошлого и – самое главное – об их *интимной* жизни, о переживаниях, связанных с семейными, дружескими, а порой и профессиональными интересами. Супружеская любовь и супружеская неверность, неразделенные чувства, месть, обида, способы разрешить конфликты «частным» образом, не прибегая к помощи официальных инстанций, – вот о чем сообщают нам судебные регистры. Как все это воспринималось простыми обывателями, чем были для них любовь, дружба, ненависть – вот что, как мне кажется, действительно может узнать исследователь, изучая протоколы гражданских и уголовных дел.

Конечно, материалы судебной практики эпохи Средневековья или Нового времени – опасный источник. Их серийный характер – всего лишь видимость, в действительности скрывающая отдельные фрагменты мозаики: нерегулярность ведения записей, утрату части регистров (каждый из которых охватывал от пяти до десяти лет) и даже целых архивов⁶, но прежде всего – авторский характер тех выборов,

⁶ Классическим примером является в данном случае ситуация, сложившаяся с архивами королевского суда Парижа – Шатле. От всего средневекового периода его существования мы располагаем лишь *тремя* сборниками документов. Первый из них – «Уголовный регистр Шатле» за 1389-1392 гг., составленный секретарем суда Аломом Кашмапе: ANF. Y 10531; *Registre criminel du Châtelet de Paris du 6 septembre 1389 au 18 mai 1392* / Ed. par H. Duplès-Agier. 2 vol. P., 1861-1864. Второй – список заключенных, помещенных в Шатле с 14 июня 1488 г. по 31 января 1489 г., в котором имена этих людей (2146 мужчин и 367 женщин) сопровождаются очень краткими описаниями обвинений, выдвинутых против них: ANF. Y 5266^A – *Registre des prisonniers entrés au Châtelet* (14 juin 1488-31 janvier 1489). Наконец, в 1982 г. были найдены фрагменты еще одного списка заключенных Шатле – за 24 апреля – 24 мая 1412 г. Шесть

которые дошли до наших дней. Речь, таким образом, идет не просто о фрагментарности информации, которую предоставляют нам данные источники. Важнее то, что она *a priori* является *отредактированной*, прошедшей через руки писцов, присутствовавших на слушаниях; самих судей, контролировавших не только следствие по уголовным (или гражданским) искам, но и письменную фиксацию принятых по ним решений; наконец, судебных секретарей, отвечавших за составление регистров уже рассмотренных дел. Именно эти тексты и становятся в конце концов нашими основными источниками по истории средневекового правосознания, и мы прежде всего обязаны учитывать в своей работе обстоятельства их возникновения.

Иными словами, судебные протоколы эпохи Средневековья и Нового времени ни в коем случае нельзя назвать беспристрастной констатацией фактов: это отнюдь не стенограмма заседаний, состоявшихся в далеких XIV, XV, XVI или XVII веках. Скорее, мы имеем дело с *интерпретацией* этих фактов и не можем рассчитывать на полную объективность полученных сведений – как не можем на их основании делать и какие-то обобщающие выводы. Необходимо прежде всего понимать, зачем создавался тот или иной документ, какие цели преследовал его автор, каково было его личное отношение к описываемым событиям. Ибо чаще всего мы имеем дело с сознательным или неосознанным искажением действительности как со стороны судей и их секретарей, так и со стороны истцов и ответчиков – в угоду самым разным, индивидуальным или же групповым, интересам: правовым, политическим, религиозным или сугубо личным. И изучаем мы события прошлого исключительно в *трактовке* их главных участников.

Вторая немаловажная проблема, с которой сталкивается историк, задумавший изучать частную жизнь людей Средневековья или Нового времени с использованием материалов судебных архивов, – отсутствие *полной* картины произошедшего в каждом конкретном случае. У нас имеются лишь обрывки сведений о судьбе того или иного человека, только то, что попало в поле зрения судебных чиновников, то, о чем истец или ответчик счел необходимым поведать на заседании или в прошении на имя короля. Иными словами, зачастую перед нами ока-

---

листов, содержащих этот перечень, в XV в. использовали для переплета печатной книги, и таким образом они сохранились до наших дней. Обнаруживший их переплетчик Дж.Р. МакКлуркин преподнес свою находку в дар библиотеке Калифорнийского университета, и в 1999 г. они были, наконец, изданы: Gauvard C., Rouse M. et R., Soman A. Le Châtelet de Paris au début du XVe siècle d'après les fragments d'un registre décous de 1412 // BEC. 1999. T. 157. P. 565-606. За исключением указанных документов от средневековых архивов Шатле не сохранилось более ничего, что крайне затрудняет изучение истории данного учреждения. Несколько более полной информацией об этой королевской тюрьме мы располагаем, лишь начиная с середины XVII в.: в архиве префектуры полиции Парижа сохранились списки заключенных Шатле за 1651 и 1669-1790 гг.

зываются рассказы без начала и без конца, и очень редко исследователю удастся воссоздать историю своих героев в более или менее полном объеме или детально описать хотя бы небольшой ее фрагмент.

Конечно, иногда историку просто везет, и он находит в тех или иных судебных архивах целую серию документов, посвященных одной и той же семье. В подобном случае у него действительно появляется шанс узнать об этих людях множество интересных подробностей. Одним таким казусом могу похвастаться и я. В регистрах Парижского парламента мне посчастливилось обнаружить не только любопытную запись о тяжбе между знатной французской дамой и ее вторым мужем, но и внушительное количество упоминаний о ее ближайших родственниках, которые, как выяснилось, так любили судиться со своими соседями, что подробности их жизни удалось проследить на протяжении сразу нескольких десятков лет. Таким образом, их вздорное поведение, становившееся причиной появления все новых уголовных и гражданских исков, способствовало нахождению информации о жизни всего семейства, что помогло пролить свет и на обстоятельства того дела, которое интересовало непосредственно меня⁷.

Впрочем, в моей исследовательской практике – как, уверена, и у большинства моих коллег – встречались и совершенно безнадежные, на первый взгляд, ситуации, когда тот или иной судебный казус оказывался абсолютно уникальным, и никакой – правовой, политический или религиозный – контекст создать для него было почти невозможно. С подобными историями без конца и без начала историк должен вести себя особенно аккуратно, о чем свидетельствует рассмотренное ниже единственное известное на сегодняшний день уголовное дело об английском бисексуале XIV в., занимавшимся проституцией⁸. Ни судебные чиновники, арестовавшие и допросившие этого человека об обстоятельствах его непростой жизни, ни современные историки не были в состоянии представить исчерпывающее объяснение данного феномена. Для издателей и весьма небольшого числа западноевропейских исследователей, посвятившим данному казусу свои работы, наиболее очевидной показалась его интерпретация в рамках гендерной истории. Хотя ни в Англии, ни в континентальной Европе эпохи позднего Средневековья не существовало понятия «гендер» и всех связанных с ним культурных коннотаций...

Наконец, третьей существенной проблемой, которая видится мне в изучении истории повседневности (и, в том числе, истории частной жизни людей прошлого), является *описательность* языка таких исследований, отсутствие в них четкой *проблематизации* собранных сведений. На первый взгляд, в подобном позитивистском (пусть даже в лучшем смысле этого слова) подходе нет ничего плохого. Стоит лишь перечитать какую-нибудь хронику, изучить чью-то частную пе-

⁷ См. ниже: Глава 9.

⁸ См. ниже: Глава 6.

реписку или заглянуть в книгу счетов, и повседневная жизнь авторов этих текстов, их родных и близких, а также их героев предстанет перед нами во всей красе – и нам останется лишь рассказать о ней. Однако здесь-то, на мой взгляд, и кроется главная ошибка, ибо простой пересказ событий прошлого еще не является историческим исследованием, и уж тем более им не является описание единичного казуса. Над проблематизацией каждого такого случая приходится думать отдельно, дабы не ошибиться и не создать для него *вымышленный* контекст, родившийся не из объективных данных источников, а в голове самого историка.

* * *

В полной мере осознавая встающие передо мной эти и многие другие проблемы как методологического, так и сугубо источниковедческого характера, я, тем не менее, все же решила рискнуть и представить на суд читателей собственную версию истории частной жизни людей эпохи Средневековья и (отчасти) Нового времени. Конечно, и она останется своеобразной авторской выборкой и будет, вне всякого сомнения, отличаться фрагментарностью. Дабы хоть как-то сгладить подобный эффект, а также для того, чтобы истории отдельных людей, о которых мне более всего захотелось рассказать, не повисали в воздухе, я посчитала необходимым отвести весь первый раздел книги вопросам, так сказать, теоретическим.

Свое исследование, таким образом, я начну с вопроса о *допустимости* публичного обсуждения деталей частной и интимной жизни, с точки зрения самих людей эпохи Средневековья, и попытаюсь разобраться, являлась ли подобная тематика для них безусловным табу, или же существовали некие обстоятельства, при которых такой разговор вполне мог состояться. Насколько противоречивы оказывались мнения по данному вопросу среди просвещенных интеллектуалов и среди простых обывателей; как эта тема освещалась в источниках различной жанровой принадлежности; что именно считали возможным рассказать в зале суда те или иные участники заседаний, истцы и ответчики, а также представленные ими свидетели, на какие моменты они обращали особое внимание, что пытались скрыть от собравшихся и какие цели преследовали в своих откровениях.

Не менее важным станет для нас и предварительный анализ тех *правовых норм*, которыми руководствовались люди эпохи Средневековья и Нового времени при решении проблем, возникавших перед ними. Какие действия они безоговорочно относили к уголовным преступлениям, совершенным на сексуальной почве, и какие меры борьбы с ними предусматривало общество. Как в сознании рядовых обывателей уживалась вера в практику самосуда и в контроль органов судебной власти за частной жизнью своих соотечественников и как эта вера оказывалась связана с пониманием чести и достоинства отдельных мужчин и женщин.

Наконец, мы подробно рассмотрим традиционные и весьма широко распространенные во Франции не только эпохи Средневековья и раннего Нового времени, но и значительно более позднего периода идеи о роли местного обычая в решении споров, касавшихся частной и интимной жизни обывателей. Обычай, который не имел ничего общего ни с королевским законодательством, ни с записью права, применявшегося в той или иной области, но вместе с тем являлся *неписаной нормой*, действие которой распространялось прежде всего на судопроизводство по уголовным делам.

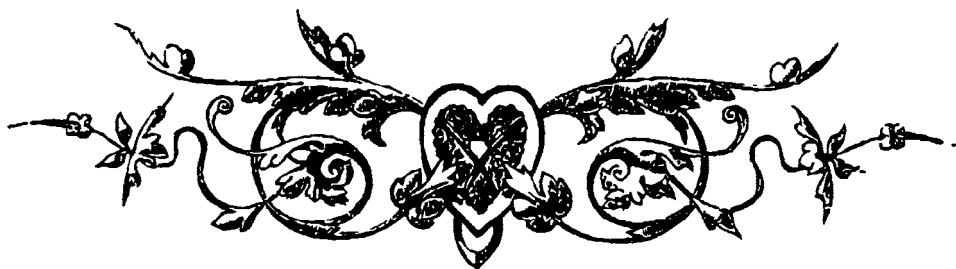
Только после подробного исследования этих проблем, составив представление о некоем общем – культурном и правовом – контексте, в рамках которого существовали наши герои, мы перейдем к конкретным историям из их жизни – к сюжетам, что донесли до нас материалы судебной практики, а также (в редких случаях) источники иной жанровой принадлежности: хроники, личные воспоминания и переписка, памфлеты, теологические и дидактические сочинения, церковные документы и уставы ремесленных корпораций. Каждая глава второй и третьей частей книги станет рассказом о каком-то одном казусе, чаще всего связанном с определенным типом преступлений – содомией, проституцией, адюльтером, словесными оскорблениями, мошенничеством, убийством и т.д. Но занимать меня будут в большей степени не правовые последствия всех этих многочисленных злодеяний, для некоторых из которых у юристов эпохи Средневековья и Нового времени, по правде сказать, и не находилось порой точного определения. Значительно больший интерес для меня будут представлять сами герои этих историй – их личные переживания, их сложные взаимоотношения, их чувства друг к другу, их попытки стать – или хотя бы казаться – любимыми, удачливыми и, в конце концов, счастливыми. То, как именно они говорили о своей частной и интимной жизни в стенах суда, на что стремились обратить максимум внимания собравшихся, на какие уловки пускались, дабы оправдать свои действия, – вот что окажется в центре моего внимания.

Кое-кто из персонажей этих историй уже, возможно, хорошо знаком моим читателям⁹, о других они узнают впервые, но в целом, я надеюсь, эти не связанные между собой рассказы окажутся способны сложиться в итоге в некую более общую картину – и тогда повседневная жизнь и заботы самых обычных людей, населявших Французское королевство много веков назад, станут для нас чуть ближе и понятнее.

Что же касается меня, то помимо моих героев я не могу не упомянуть имена тех коллег, без которых эта книга не была бы написана.

⁹ Некоторые главы этой книги публиковались ранее в виде отдельных статей. Однако для настоящего издания все они были существенно переработаны, дополнены новыми данными из источников и литературы, а иногда – и полностью переписаны.

Я безмерно благодарна И.Н. Данилевскому, А.Ю. Серегинной, Ю.П. Крыловой, М.А. Бойцову, О.Е. Кошелевой, Г.А. Поповой, П.Ш. Габдрахманову, С.И. Лучицкой за возможность в любой момент обсудить с ними самые, казалось бы, незначительные вопросы. Не могу не вспомнить я и Юрия Львовича Бессмертного (1923–2000), научившего меня видеть многое в малом и обратившего мое внимание на историю повседневности и частной жизни людей прошлого. Наконец, слова любви и благодарности я адресую моей маме, Ирине Алексеевне Тогоевой, лучшему в мире читателю и самому внимательному редактору, которая помогла свести мои разрозненные сюжеты воедино и создать из них книгу, которую вы и держите в руках.

ЧАСТЬ I
Между историей права
и исторической антропологией

ГЛАВА 1

Можно ли говорить о запретном?

Мои слова направлены ... против тех, кто осмеливается рассуждать вслух о постыдных частях человеческого тела и об ужасных [сексуальных] прегрешениях, ... против тех, кто думает, что не следует стыдиться того, что дано природой¹.

Эти слова Жана Жерсона (1363–1429) из проповеди *Considerate lilia*, произнесенной им в Наваррском колледже 25 августа 1401 г., возвестили о вступлении канцлера Парижского университета в хорошо известный историкам и литературоведам спор, предметом которого явился «Роман о Розе». Одним из основных вопросов этой дискуссии стала сама возможность публично обсуждать интимную жизнь человека или изображать ее во всех подробностях.

Как известно, «Роман о Розе» создавался на протяжении всего XIII столетия и традиционно приписывается двум авторам². Первая его часть была написана Гийомом де Лоррисом, вторая – Жаном де Меном, который настолько глубоко переработал все сюжетные линии, намеренные его предшественником, что вместо произведения, наполненного идеями и самим духом куртуазности, на свет явилась подлинная энциклопедия – «сумма знаний» эпохи развитого Средневековья об астрономии, астрологии, алхимии, философии, оптике и т.д. Далеко не последнее место в этом списке занимала та оценка, которую автор дал современной ему морали, что и принесло Жану де Мену славу отъявленного женоненавистника. Роза, которой платонически поклонялся

¹ “Sit sermo contra illos qui ignominiosas partes corporis et actus nefandos non solum aperta impudentia nominare audent... qui de nulla re naturaliter data erubescendum esse dicebant” (Gerson J. *Considerate lilia* // Gerson J. *Oeuvres complètes* / Ed. par P. Glorieux. 10 vol. P., 1960–1975. T. 5. P. 163).

² *Guillaume de Lorris et Jean de Meun. Le Roman de la Rose* / Edition d'après les manuscrits BN 12786 et BN 378, traduction, présentation et notes par A. Strubel. P., 1992. Краткую характеристику поэмы см. в: *Lefèvre S. Roman de la Rose* // *Dictionnaire des lettres françaises. Le Moyen Âge* / Sous la dir. de G. Hasenohr, M. Zink. P., 1992. P. 1308–1310. Существуют два перевода «Романа» на русский язык, однако удовлетворительными их назвать нельзя: *Панфилов Ф.М.* Рец. на кн.: Гильом де Лоррис, Жан де Мен. Роман о Розе / Пер. Н.В. Забабуровой, Д.Н. Вальяно. Ростов-на-Дону, 2001; Гийом де Лоррис, Жан де Мён. Роман о Розе / Пер. и комм. И.Б. Смирновой. М., 2007 // СВ. 2011. Вып. 72 (1–2). С. 430–434.

герой Гийома де Лорриса, из аллегории куртуазной любви превращалась во второй части поэмы в банальный сексуальный символ: ее следовало лишить девственности, поскольку главной задачей союза мужчины и женщины являлось, по мнению де Мена, продолжение рода. Ради достижения столь важной цели автор предлагал использовать любые средства. Обман, подкуп, сводничество, соблазнение и даже колдовство – все это оказывалось допустимо и законно, и подобные стратегии поведения подробнейшим образом обсуждали персонажи «Романа», давая откровенные и весьма сомнительные, с этической точки зрения, советы лирическому герою, спешащему на поиски своей возлюбленной.

Именно благодаря женоненавистнической направленности «Роман о Розе» Жана де Мена был крайне неоднозначно воспринят средневековыми читателями. На протяжении XIII–XIV вв. во Франции появился целый ряд произведений, содержащих критику поэмы: *Dit de la Panthère* Николя де Марживаля (1290–1328 гг.); анонимная *Cantique des cantiques* (кон. XIII–нач. XIV в.); краткий вариант «Романа о Розе» Ги де Мори (до 1290 г.), откуда были удалены все пассажи, ущемлявшие достоинство женщин; *Cour d'Amour* Матье де Пуарье (кон. XIII–нач. XIV в.); *Pèlerinage de vie humaine* Гийома де Дигюльвиля (1355 г.); *Voir-Dit* Гийома де Машо (1364 г.)³. Тем не менее, ни одно из этих сочинений не породило публичной дискуссии о достоинствах и недостатках «Романа»: первые подобные дебаты (и первые в истории мировой литературы, специально посвященные одному конкретному произведению⁴) состоялись во Франции лишь в начале XV в.⁵

³ Подробнее об этих произведениях с точки зрения критики мизогинистических идей «Романа о Розе» см.: Badel P.-Y. *Le Roman de la Rose au XIVe siècle. Etude de la réception de l'oeuvre*. Genève, 1980. P. 144-145, 154-156, 161-165, 362-376; Huot S. *The Romance of the Rose and its Medieval Readers: Interpretation, Reception, Manuscript Transmission*. Cambridge, 1993. P. 34-46, 93, 130-162; Valentini A. *Du paternalisme courtois au féminisme de la vague zéro: antécédents de la "Querelle du Roman de la Rose" et originalité de Christine de Pizan* // Christine de Pizan. La scrittrice e la città. Atti del VII Convegno internazionale "Christine de Pizan" / A cura di P. Caraffi. Firenze, 2013. P. 407-415. См. также специальное исследование, посвященное версии «Романа о Розе», созданной Ги де Мори: Idem. *Le remaniement du Roman de la Rose par Gui de Mori. Etude et édition des interpolations d'après le manuscrit Tournai, Bibliothèque de la Ville, 101. Bruxelles, 2007 (особенно P. 30-34).*

⁴ Bloch R.H. *Medieval Misogyny* // *Representations*. 1987. № 20. P. 1-24, здесь P. 6; Blumenfeld-Kosinski R. *Jean Gerson and the Debate on the Romance of the Rose* // *A Companion to Jean Gerson* / Ed. by B.P. McGuire. Leiden, 2006. P. 317-356, здесь P. 323-234.

⁵ Хронологические рамки спора о «Романе о Розе» рассмотрены в: Hicks E., Ornato E. *Jean de Montreuil et le débat sur le Roman de la Rose* // *Romania*. 1977. T. 98. P. 34-64, 186-219, здесь P. 40-41; Badel P.-Y. *Op. cit.* P. 411-414; Blumenfeld-Kosinski R. *Op. cit.* P. 322-323.

Начало этому спору⁶ положил трактат Жана де Монтрейя (1354–1418), секретаря Карла VI и прево Лилля⁷, посвященный анализу второй части «Романа о Розе». Сочинение «первого гуманиста Франции», как его традиционно именуют в специальной литературе⁸, до нас, к сожалению, не дошло, однако известно, что с романом он познакомился по настоятельному совету своего близкого друга и коллеги, еще одного королевского секретаря, Гонтье Коля (1350/1352–1418)⁹. Этим увлекательным, надо полагать, чтением де Монтрей развлекал себя в апреле 1401 г., имея целью составить о нем собственное мнение и изложить его на бумаге в мае того же года¹⁰. Его трактат, очевидно, разошелся

⁶ Далее ссылки на переписку участников спора о «Романе о Розе» даются преимущественно по новейшему изданию, подготовленному Андреа Валентини: *Christine de Pizan. Le Livre des epistres du debat sus le Rommant de la Rose* / Ed. critique par A. Valentini. P., 2016 (далее – *Le Livre des epistres*). Эта публикация крайне интересна для исследователей с текстологической точки зрения, поскольку выполнена по тем рукописным кодексам, которые в основе своей имели сборник, составленный самой Кристиной Пизанской и преподнесенный ею в феврале 1402 г. королеве Изабелле Баварской. Таким образом, перед нами предстает та последовательность текстов, которую хотела видеть сама поэтесса. Подробнее об издании см.: *Тогоева О.И.* Филология на службе у истории, или Феминизм «нулевого уровня». Рец. на: *Christine de Pizan. Le Livre des epistres du debat sus le Rommant de la Rose* / Ed. critique par A. Valentini. P., 2016 // СБ. 2017. Вып. 78. № 4. С. 201–209. Однако в этот сборник не вошел ряд сочинений, имевших непосредственное отношение к дебатам, поэтому ниже они цитируются по первому академическому изданию «Спора»: *Christine de Pisan, Jean Gerson, Jean de Montreuil, Gontier et Pierre Col. Le débat sur le Roman de la Rose* / Ed. par E. Hicks. P., 1977 (далее – *Le débat*).

⁷ Подробнее о Жане де Монтрейе см.: *Pons N.* Jean de Montreuil // *Dictionnaire des lettres françaises. Le Moyen Âge*. P. 823–824; *Ornato E.* Jean Muret et ses amis Nicolas de Clamange et Jean de Montreuil: contribution à l'étude des rapports entre les humanistes de Paris et ceux d'Avignon, 1394–1420. Genève; P., 1969; *Combes A.* Jean de Montreuil et le chancelier Gerson: contribution à l'histoire des rapports de l'humanisme et de la théologie en France au début du XVe siècle. P., 1942.

⁸ Данное определение было впервые использовано в немецкой историографии в середине XIX в.: *Voigt G.* Die Wiederbelebung des Klassischen Alterthums oder das erste Jahrhundert des Humanismus. Berlin, 1859. Bd. 2. S. 347. С начала XX в. оно прижилось и у французских специалистов: *Langlois E.* Le traité de Gerson contre le *Roman de la Rose* // *Romania*. 1918–1919. Vol. 45. P. 23–48; *Combes A.* Op. cit. P. 88.

⁹ Прямое указание на это содержалось в послании Жана де Монтрейя *Scis me* (epist. 120), адресованном Гонтье Колю: “Iugi hortatu tuo et impulsu” (*Le débat*. P. 32). Подробнее о Гонтье Коле и его брате Пьере, о котором речь пойдет ниже, см.: *Lefèvre S.* Gontier et Pierre Col // *Dictionnaire des lettres françaises. Le Moyen Âge*. P. 553–554; *Co-ville A.* Gontier et Pierre Col et l'humanisme en France au temps de Charles VI. P., 1934.

¹⁰ О том, что такой трактат был им действительно написан, Жан де Монтрей сообщал в письме *Mee an fuerit* (epist. 121) высокопоставленному представителю французской церкви (предположительно, Пьеру д'Альи) в конце мая 1401 г.: *Le débat*. P. 28.

по Парижу в некотором количестве копий. Во всяком случае, помимо Гонтье Коля с ним смогла ознакомиться и Кристина Пизанская (ок. 1364–1431), которая уже в июне-июле 1401 г. отправила Жану де Монтрейю развернутое послание, резко критикуя его позицию и отрицая возможность того положительного, с его точки зрения, эффекта, который способно было оказать чтение «Романа» на французскую публику.

Прево Лилля, однако, не счел необходимым ответить поэтессе лично. В одном из своих посланий неизвестному адресату¹¹, касающемся «Спора», он сравнил ее с афинской гетерой Леонтиной, любовницей Эпикура, которая «осмелилась перечить философу Теофрасту»¹². Иными словами, женщина, не имеющая должного университетского образования (и, прежде всего, не знающая латынь), казалась королевскому секретарю недостойной вести разговор о высоких материях. Более того, используя в отношении Кристины определение *meretrix* (проститутка), де Монтрей сознательно низводил заочную полемику с ней до плохо завуалированных обвинений в сексуальной распущенности¹³.

Обязанность донести до поэтессы собственную точку зрения прево Лилля возложил на своего друга Гонтье Коля, призвав его защитить память Жана де Мена от незаслуженных нападок. Королевский секретарь поспешил выполнить поручение и 13 сентября 1401 г. попросил Кристину прислать ему для ознакомления ее послание, направленное де Монтрейю. Незамедлительно его получив, он уже 15 сентября вновь написал ей, яростно критикуя ее позицию относительно «Романа о Розе» и именуя ее «трактат» «оскорблением» (*invective*) памяти Жана де Мена, «истинного католика, выдающегося знатока святой теологии, глубокого философа и прекрасного ученого»¹⁴. Реакция поэтессы не заставила себя ждать, ее ответ последовал в конце сентября того же года. На этом первая «фаза» дебатов завершилась, и Кристина Пизанская, собрав всю переписку в единую «Книгу» (*Livre des epistres*), преподнесла ее 1 февраля 1402 г. королеве Изабелле Баварской (1370–1435). Очевидно, в то же время копию сборника получил и Гийом де Тиньонвиль († 1414), прево Парижа. Цель, которую в обоих случаях преследовала Кристина, была прямо указана в письмах-посвящениях,

¹¹ Возможно, письмо предназначалось Эсташу Дешану или Оноре Буве: Ibid. P. 207, note 42.

¹² "Que licet, ut est captus femineus, intellectu non careat, michi tamen audire visum Leuntium grecam *meretricem*, ut refert Cicero, que 'contra Theophrastum, philosophum tantum, scribere ausa fuit'" (Ibid. P. 42, курсив мой – О.Т.).

¹³ О стилистических особенностях спора о «Романе о Розе» см.: Тогоева О.И. «Прения, преисполненные любезности». Кристина Пизанская и ее оппоненты-мужчины в споре о «Романе о Розе» // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2017. Вып. 25. С. 50-71.

¹⁴ "Jehan de Meun – vray catholique, sollempnel maistre et docteur en son temps en sainte theologie, philosophe tres parfont et exellant, sachant tout ce qui a entendement humain est sciible" (Livre des epistres. P. 152).

направленных ею своим высоким покровителям: она надеялась на их поддержку в полемике, развернувшейся вокруг сочинения Жана де Мена¹⁵.

Перерыв в дебатах продолжался до конца лета 1402 г., когда поэтесса получила пространное послание от Пьера Коля, каноника собора Парижской Богоматери, поддержавшего своего брата Гонтье в развернувшейся полемике. Ответ Кристины последовал 2 октября, а в ноябре того же года Пьер написал ей второе письмо. Ее реакции автор не дождался (либо нам об этом ничего не известно), однако зимой 1402–1403 гг. он получил послание Жана Жерсона (1363–1429), знаменитого французского теолога и канцлера Парижского университета, резко осудившего взгляды братьев Коля на «Роман о Розе» и своим собственным авторитетом положившего конец затянувшемуся спору.

Помимо этих, довольно многочисленных писем следует упомянуть и некоторые иные важные тексты, которые, безусловно, имели определенное влияние на тон и содержание всего спора, хотя непосредственно к нему и не относились. В первую очередь, речь идет о трактате «Видение о 'Романе о Розе'» (*Traictié d'une vision faite contre le Ronmant de la Rose*), а также о серии проповедей *Poenitemini* Жана Жерсона, поддержавшего Кристину Пизанскую в ее критическом отношении к произведению Жана де Мена¹⁶. Все эти сочинения появились в период с августа 1401 г. до зимы 1402–1403 гг. Кроме того, необходимо учитывать и письма Жана де Монтрейя, отправленные им в тот же период, но адресованные сторонним наблюдателям, к которым он обращался за советом относительно своей позиции по «Роману о Розе»¹⁷.

К непосредственным же участникам переписки, согласно всем без исключения сохранившимся до наших дней кодексам¹⁸, относились всего пять человек: Жан де Монтрей, Кристина Пизанская, Гонтье и Пьер Коль и Жан Жерсон. Вне всякого сомнения, это были люди, знакомые между собой, причем в некоторых случаях – знакомые не просто лично, но очень близко. Так, Жан де Монтрей, трудившийся в королевской канцелярии в одно время с Этьеном де Кастелем († 1390), безусловно, встречался и с его женой Кристиной. С Гонтье Колем, как я упоминала выше, его связывали тесные дружеские отношения, знал он, вероятно, и Пьера Коля, не говоря уже о Жане Жерсоне. Этот последний также был лично знаком с братьями Коля и, возможно, с Кристиной Пизанской. Единственными участниками спора, которые,

¹⁵ В письме Изабелле Баварской: “Si suppli humblement vostre digne haultece... y vueilliés adjouster foy et donner faveur de plus dire, se plus y scé” (Ibid. P. 150). В письме Гийому де Тиньонвилю: “Pour ce requier vous... s'encline a joindre a mes dittiez vraies oppinions, par si que vostre sagece me soit force, aide, deffence et appui” (Ibid. P. 265).

¹⁶ Трактат Жана Жерсона: *Livre des epistres*. P. 297–324. Проповеди *Poenitemini*: *Le débat*. P. 59–87, 179–185.

¹⁷ Ibid. P. 29–56.

¹⁸ Их подробный анализ см. в: *Livre des epistres*. P. 7–26.

пусть и заочно, узнали друг друга лишь благодаря начавшимся дебатам, были французская поэтесса и Гонтье и Пьер Коль: их переписка стала их первым личным контактом¹⁹.

Любопытно, однако, задаться вопросом о том, что именно они посылали друг другу, поскольку далеко не всегда свои тексты участники спора именовали «письмами» (*epistres*). Очень часто как собственные послания, так и полученные ответы они называли «трактатами» или «сочинениями». Мы встречаем подобные определения в письме Кристины Пьеру Колю от 2 октября 1402 г., где термин *traictié* был использован применительно к ее ответу Жану де Монтрейю²⁰; в ее обращении к Изабелле Баварской (*dictiéz*)²¹ и к Гийому де Тиньонвилю (*memoires*)²². В первом письме Гонтье Коля Кристине говорилось о «произведении» (*oeuvre*), которое она создала на основе сочинения де Монтрейя²³, а в ее ответе в том же контексте фигурировало определение «небольшой трактат в форме письма» (*un petit traictié en maniere d'epistre*)²⁴. Иными словами, речь уже изначально, по всей видимости, шла все-таки не о *приватном* обмене мнениями²⁵, но о суждениях, рассчитанных на большую аудиторию: ведь трактаты обычно создавались для более или менее широкого круга читателей, а не для личного использования. Это была не «частная» интеллектуальная игра, лишь заботами Кристины Пизанской получившая известность²⁶, но именно *публичное* обсуждение – дебаты, пусть даже и начавшиеся относительно случайно²⁷. Собственно, само слово «спор» (*debat*) появилось в данной переписке до-

¹⁹ Le débat. P. XVI, XLVIII.

²⁰ Livre des epistres. P. 176.

²¹ Ibid. P. 149-150.

²² Ibid. P. 264.

²³ Ibid. P. 152.

²⁴ Ibid. P. 171.

²⁵ На приватном характере переписки настаивает последний издатель «Спора» А. Валентини: Ibid. P. 108-109.

²⁶ Таково мнение, утвердившееся в специальной литературе: Le débat. P. XXXIV, XLI; Badel P.-Y. Op. cit. P. 432; Brown-Grant R. Christine de Pizan and the Moral Defence of Woman. Reading beyond Gender. Cambridge, 1999. P. 8; Livre des epistres. P. 106-107, 109.

²⁷ Случайное начало спора признавала сама Кристина Пизанская в письме Пьеру Колю: “Car d'aventure avint le commencement et non mie de voullenté proposee” (Ibid. P. 207, курсив мой – О.Т.). Единственным, кто действительно желал сохранить частный характер этого обмена мнениями, был, вероятно, Жан де Монтрей. В письме *Mee an fuerit*, предположительно адресованном Пьеру д'Альи, которому прево Лилля собирался отправить собственный трактат в защиту «Романа о Розе», он специально просил своего респондента не допускать копирования текста и его распространения: “Rursus igitur subiit mentem meam Paternitati Vestre mittere eam, de qua pridie in domo vestra sermonem habuimus, satirice invectionis formam tenentem epistolam, non ut transcribitur, hoc supplico, posco, obsecro requiroque, sed solum eam Vestra Dominatio pervideat” (Le débat. P. 36, курсив мой – О.Т.).

статочно рано: оно было использовано уже в письмах, отправленных поэтессой Изабелле Баварской и Гийому де Тиньонвилю в феврале 1402 г.²⁸ Тот же термин фигурировал и в послании Кристины Пьеру Колю²⁹.

Косвенным подтверждением того, что речь шла об *открытом* обмене мнениями, являлся и тот факт, что письма участников спора, имевшие вполне конкретных адресатов, читались и комментировались совсем другими людьми. Так, Гонтье Коль отвечал на «трактат» Кристины Пизанской, направленный в свое время Жану де Монтрейю, а Жан Жерсон – на послание Пьера Коля, полученное поэтессой. Кроме того, письмо Кристины де Монтрейю – как и сочинение Жерсона, посвященное критике «Романа о Розе», – читал Пьер Коль. Поэтесса же, в свою очередь, также имела возможность познакомиться с трактатом канцлера Парижского университета³⁰.

Подтверждение публичного характера дебатов мы находим и в содержании самих писем. Некоторые из них, если судить по контексту, в действительности явно задумывались как обращение не к одному определенному человеку, но к большому числу людей – либо к сторонникам Кристины Пизанской (родофобами), либо к их противникам-родофилам³¹. Так, в послании Жану де Монтрейю поэтесса писала, что трактат прево Лилля, посвященный сочинению Жана де Мена, предназначался не только ей, но в целом «некоторым хулителям “Романа о Розе”»³². В свою очередь, она обращала критику не против уважаемого члена королевской канцелярии лично, но против всех его «сторонников и сообщников» (*tous voz aliez et complices*)³³. Точно так же Гонтье Коль в своем первом письме от 13 сентября 1401 г. критиковал не только саму Кристину, но и всех «доносчиков» (*denonciateurs*), выступивших против Жана де Мена, которым ее «выпад» (*invective*) в его адрес доставил истинную радость (*plaisir*)³⁴. В посвящении Изабелле Баварской упоминались «многие [люди], имеющие противоположное мнение» (*aucunes oppinions a*

²⁸ Livre des epistres. P. 149, 264.

²⁹ Ibid. P. 176.

³⁰ Для эпохи Средневековья и раннего Нового времени было свойственно весьма свободное обращение с личной корреспонденцией, когда те или иные письма читались не только собственно адресатами, но и довольно широким кругом заинтересованных лиц. Подробнее о данной «этике чтения» см. специальное исследование: Desmond M. *The Querelle de la Rose and the Ethics of Reading* // Christine de Pizan: a Casebook / Ed. by B.K. Altmann, D.L. McGrady. N.Y., 2003. P. 167-180.

³¹ *Rhodophobes* (буквально «ненавидящие розу») – от греческих корней *ródo* (роза) и *φόβος* (страх), *rhodophiles* («любящие розу») – от *ródo* (роза) и *φίλος* (друг). Эти определения двух противоборствующих лагерей ввел в научный оборот Эрик Хикс: Le débat. P. XVII.

³² «Aucuns blasmeurs de la compilation du Rommant de la Rose» (Livre des epistres. P. 155-156).

³³ Ibid. P. 165.

³⁴ Ibid. P. 153.

honnesteté contraires), с которыми боролась поэтесса³⁵. Определением «ты и твои сообщники» (*toy et tes complices*) пользовался Пьер Коль в обращении к Кристине³⁶. Она же в ответ ясно давала понять, что, во-первых, ее идеи разделяют и другие родофобы, а во-вторых, что лагерь родофилов также не ограничивается одним лишь Пьером, но включает и других «учеников» (*disciples*) и «консорт» (*consors*) Жана де Мена³⁷.

Таким образом, «частные» письма непосредственных участников спора о «Романе о Розе» в действительности оказывались всеобщим достоянием и самой своей формой претендовали на публичность возникшего спора.

В этой связи кажется особенно важным отметить, что именно возможность *открытого* обсуждения интимной жизни любого человека с первых слов, написанных сторонниками и противниками «Романа о Розе», превратилась в один из основных сюжетов дискуссии. Для Кристины Пизанской, чье участие в данном споре следует, безусловно, рассматривать как продолжение ее борьбы за достойное изображение женщины в литературе, против предшествовавшей мизогинной традиции³⁸, было совершенно очевидно, что именно нужно считать неприличным в сочинении Жана де Мена: упоминание темы сексуальных отношений мужчины и женщины, произнесение вслух героями поэмы названий «постыдных» частей человеческого тела, а также советы относительно мошенничества как наилучшей стратегии поведения в делах любви³⁹. Она обрушивалась с критикой на многих персонажей «Романа»: на Истину (*Raison*), вставляющую в легенду о Сатурне излишне натуралистичные, с точки зрения поэтессы, сведения о мужских гениталиях⁴⁰; на Старуху (*La Vieille*) с ее коварными рекомендациями молодым людям (юношам и девушкам) искать прежде всего выгодные брачные партии и не останавливаться на этом пути ни перед какими препятствиями⁴¹; на Ревнивца (*Le Jaloux*) с его жено-

³⁵ Ibid. P. 150.

³⁶ Ibid. P. 334.

³⁷ Ibid. P. 203, 207.

³⁸ Подробнее об этом см.: Blumenfeld-Kosinski R. Christine de Pizan and the Misogynistic Tradition // RR. 1990. T. 81. P. 279-292.

³⁹ "Et quant il me souvient des faintises, faulx semblans et choses dissimulees en mariage et autre estat que l'en peut retenir d'icellui traictié, certes je juge que moult sont beaulx et prouffitables recors a ouyr!" (Livre des epistres. P. 159).

⁴⁰ "Sans faille, a mon avis, trop traicte deshonnestement en aucunes pars, et mesmement ou personnage que il clame Raison, la quelle nomme les secrés membres plainement par nom" (Ibid. P. 157). Эти слова отсылали к следующему пассажиру из «Романа о Розе»: "Joustice qui jadis regnot / Au tans que saturnus regne ot, / Cui Jupiter coupa les couilles, / Ausi com se fussent andoilles" (Guillaume de Lorris et Jean de Meun. Op. cit. P. 316. V. 5531-5534).

⁴¹ "Et divers reprouvez ensengnemens recorde ou chapitre de la Vieille! Mais, pour Dieu, qui y pourra notter fors ennortemens sophistes, tous plains de laidure et toute vilaine memoire?" (Livre des epistres. P. 158). Ср. монолог Старухи в «Романе о Розе»: Guillaume de Lorris et Jean de Meun. Op. cit. P. 680-768. V. 12750-14550.

ненавистнической философией⁴². Жан де Мен, писала Кристина далее, заставлял своих героев прославлять обман как лучшее средство в отношениях между супругами, однако обывателям вовсе не обязательно следовать подобным советам. Они не должны внимать проповедям Гения (*Genius*), который не рассуждает о святых вещах, но делится со своими слушателями секретами Природы (*nature*)⁴³, говорить о которых простым людям не стоит: их обсуждение становится уместным лишь в случае «крайней необходимости», например, на приеме у врача в случае болезни⁴⁴.

Об интимной жизни мужчины и женщины любой человек знает достаточно, полагала Кристина, так что лишний раз затрагивать эту тему не нужно⁴⁵. Если же подобный разговор по тем или иным причинам становится публичным, вести его следует в уважительной манере, вежливо и достойно⁴⁶, а не заставлять окружающих (особенно представительниц слабого пола) краснеть от смущения⁴⁷. Она отвергала испол-

⁴² "Puis ou chapitre de Jalousie, pour Dieu, queulx grans biens y peuent estre nottez, n'a quel besoing recorder les deshonestetez et laides paroles, qui assez sont communes en la bouche des maleureux passionnez d'icelle maladie?... Et la laidure qui la est recordee des femmes dient plusieurs, en lui excusant, que c'est le Jaloux qui parle, et voirement fait ainsi comme Dieu par la bouche Jheremie" (Livre des epistres. P. 159). Ср. подробный рассказ Ревнивца о тяготах семейной жизни, неверности и легкомыслии жен, их непочтительности по отношению к мужу и склонности к разврату: *Guillaume de Lorris et Jean de Meun*. Op. cit. P. 460-512. V. 8460-9496.

⁴³ "A quoy peut estre prouffitable le grant procès plain de vitupere, qu'il appelle 'sermon' comme par derrision de sainte predicacion, qu'i dit que fait cellui Genius, ou tant a de deshonestetez et de noms et de mos sophistes trouvez, plus atisans les secrés de nature? Les quieulx doivent estre teus et non nommez" (Livre des epistres. P. 159). Слова Кристины отсылали к диалогу Гения и Природы, в котором, в частности, сообщалось, что на отслуженной им мессе Гений перечислял перед собравшейся публикой все части человеческого тела, ответственные за репродукцию: "Hautement, en lieu d'autre messe, / Devant nature la deesse, / Li prestres, qui bien s'accordoit, / En audience recordoit / De toutes choses corrumptables / Qu'il ot escriptes en son livre, / Si com nature les li livre" (*Guillaume de Lorris et Jean de Meun*. Op. cit. P. 854. V. 16281-16288).

⁴⁴ "Pour ce, selon mon foible avis, en doit estre parlé sobrement et non sans neccessité pour fin d'aucun cas particulier, comme de maladie ou autre honneste neccessaire" (Livre des epistres. P. 158, курсив мой – О.Т.).

⁴⁵ "Ne scet on comment les hommes habitent aux femmes naturellement? Se il nous narrast comment ours ou lyons ou oyseaulx ou autre chose estrange fust devenus, ce seroit matiere de rire pour la fable, mais nulle nouvelleté en ce ne nous annonce" (Ibid. P. 164-165).

⁴⁶ "Et, sanz faille, plus plaisamment et trop plus doucement et par plus courtois termes s'en fust passé, et qui mieulx plairoient mesmes aux amans jolis et honnestes, et a toute autre vertueuse personne" (Ibid. P. 165).

⁴⁷ "Et dont que fait a louer lecture qui n'osera estre leue ne parlee en propre fourme a la table des roynes, des princeces et des vaillans preudefemmes, a qui couvendroit couvrir la face de honte rougie?" (Ibid. P. 164).

ненные женоненавистничества рассуждения Жана де Мена, опираясь на собственный опыт – опыт женщины, которая знает о любви и супружестве значительно больше, нежели клирик, в силу своего социального статуса совершенно не разбиравшийся в подобных сюжетах, а потому судивший о них понаслышке⁴⁸. По мнению поэтессы, автор «Романа о Розе» использовал для описания сексуальной жизни своих современников obscene слова и выражения потому, что был буквально «одержим плотским»⁴⁹, и эта его невоздержанность полностью извратила изначальный замысел – создать «зерцало нравственности» (*mirouer de bien vivre*), как в своем трактате именовал «Роман о Розе» Жан де Монтрей⁵⁰.

Не менее активным участником данной литературной дискуссии стал и канцлер Парижского университета Жан Жерсон. Любопытно отметить, что в его устных выступлениях, письмах и прочих сочинениях, посвященных критике «Романа о Розе», тема публичного обсуждения интимной жизни также заняла одно из центральных мест.

Особенно показательным с этой точки зрения являлся созданный в мае 1402 г. трактат «Видение о 'Романе о Розе'», в котором этот вопрос получил свою оригинальную трактовку. Жерсона волновало не только то, что Жан де Мен совершенно открыто и крайне подробно писал о «постыдных» частях человеческого тела. Еще больше его возмущало превратное представление о морали в целом: вызывающее отрицание целомудрия и священных уз брака, призыв к свободной («безумной» в его терминологии) любви, к «продаже» своего тела невинными девушками любому встречному, будь то светский человек или клирик, к греху сладострастия, к сексуальным отношениям вне брака⁵¹.

Жерсон полагал, что ни говорить, ни писать о подобных греховных сюжетах нельзя, тем более – нельзя их изображать⁵². Эти вопросы яв-

⁴⁸ “Et de tant comme voirement suis femme, plus puis tesmoignier en ceste partie que celui qui n'en a l'experience, ains parle par devinailles et d'aventure” (Ibid. P. 163-164).

⁴⁹ “Je suppose que *la grant charnalité*, peut estre, dont il fu rempli le fist plus abonder a volenté que a vie prouffitable” (Ibid. P. 165, курсив мой – О.Т.).

⁵⁰ “*Mirouer de bien vivre*, exemple de tous estas de soy politiquement gouverner et vivre religieusement et sagement” (Ibid. P. 166).

⁵¹ “Et ce il fait par une vieille mauldite, pieur que diable, qui enseigne, monstre et en-horte comment toutes jeunes filles doivent vendre leurs corps tost et chierement, sans paour et sans vergoingne, et que elles ne tiengnent compte de decevoir ou parjurer, mais qu'elles ravissent toujours aucune chose, et ne facent force ou dangier de se donner hastivement, tant qu'elles sont belles, a toutes vilaines ordures de charnalité, soit a clers, soit a lais, soit a prestres, sans difference” (Ibid. P. 300).

⁵² Возможно, Жерсон имел доступ к некоторым из иллюминированных рукописей «Романа о Розе». И хотя Э. Ланглуа утверждал, что в них присутствовало крайне мало obscene миниатюр (Langlois E. Op. cit. P. 32), знаменитый французский теолог возвращался к данной теме еще неоднократно. Он осуждал «постыдные» иллюстрации к «Роману» и в письме Пьеру Колю (*Talia de te*), и в серии проповедей *Poenitèmini*: см. прим. 58, 74. Он также посвятил им отдельное небольшое сочинение, где размышлял о вреде, который нано-

лялись, с его точки зрения, «священными и сакральными» (*sainctes et sacrees*), выносить их на публичное обсуждение означало подвергать их осмеянию, обесценивать их смысл⁵³. Любой человек, ведущий себя столь неподобающим образом, по мнению канцлера, совершал тяжкое преступление «подобное убийству, воровству, мошенничеству или похищению [людей]»⁵⁴, поскольку лишь тяга к сладострастию способна оказать на людские души столь сильное воздействие – тем более, с помощью слов и изображений⁵⁵.

Именно свободная любовь, за которую так ратовали Жан де Мен во второй части «Романа о Розе» и его поклонники, парижские интеллектуалы начала XV в., лежала, по мнению Жерсона, в основе всех прочих несчастий – «любого зла и любого безумия» – которые только могли происходить с людьми⁵⁶. Она вела к полному разрушению нравов и, как следствие, к впадению в ересь⁵⁷.

Та же тема последовательно развивалась в серии проповедей *Poenitemini*, с которыми прославленный французский теолог выступил 17, 24 и 31 декабря 1402 г. в церкви Сен-Жан-ан-Грев в Париже. Жерсон вновь возвращался здесь к вопросу о «постыдных книгах» и изображениях, которые достойны лишь уничтожения⁵⁸. Однако основ-

---

сят подобные образы молодым людям: *Gerson J. Expostulatio ad potestas publicas, adversus corruptionem juventutis per lascivas imagines et alia hujusmodi // Johannis Gersonii Opera omnia / Ed. par L.E. du Pin. Hagae comitum, 1728. Editio secunda. T. 3. Col. 291-292. См. в этой связи специальные исследования иллюминированных кодексов «Романа о Розе»: Fleming J.V. The Roman de la Rose: a study in allegory and iconography. Princeton, 1969 (особенно Pl. 22, 27, 33, 41, 42); Huot S. Op. cit. P. 273-322.*

⁵³ «Il... nomme les parties deshonestes du corps et les pechiés ors et vilains par paroles saintes et sacrees, ainssi comme toute telle euvre faist chose divine et sacree et a adourer, mesmement hors mariage et par fraude et violence; et n'est pas content des injures dessusdites s'il les a publié de bouche, maiz les a fait escrire et paindre a son pouoir curieusement et richement, pour attraire plus toute personne a les veoir, oïr et recevoir» (Livre des epistres. P. 301-302).

⁵⁴ «Seule laidure est de pechier, du quel touttefois on parle un chascun jour par son droit nom, comme de murtre, de larrecin, de fraudes et de rapines» (Ibid. P. 304, курсив мой – O.T.).

⁵⁵ «Et qui est pieur feu et plus ardent que le feu de luxure?... Maiz que plus art et enflamme ces ames que paroles dissolues et que luxurieuses escriptures et peintures?» (Ibid. P. 307).

⁵⁶ «Dont viennent conspiracions civiles, rapines et larrecins pour fole largesce nourrir, batardie ou suffocation d'enfans mornés, haines aussi et mort des maris, et, a brief dire, tout mal et toute folie? C'est par Fol Amoureux» (Ibid. P. 309, курсив мой – O.T.).

⁵⁷ «Dire le contraire seroit erreur en la foy, c'est assavoir dire que selonc droit de nature euvre naturelle d'omme et de femme ne feust pechié hors mariage» (Ibid. 318).

⁵⁸ «C'est fort par especial que lire livres esmouvans a luxure ne soit pechié mortel, et ceulx qui les retiennent devroient estre contrains par leur confesseurs les ardre ou dessirer... parellement dy je des peintures ordes et deshonestes» (Le débat. P. 179, курсив мой – O.T.).

ное внимание он уделил размышлениям о том, при каких условиях в принципе возможно публично обсуждать интимную жизнь людей и – особенно – «сокровенные» части их тел, отмечая, что подобные разговоры в целом совершенно неприличны⁵⁹ и даже супругам не следует их вести друг с другом⁶⁰. Тем не менее, канцлер допускал, что данную тему вполне могут затронуть бродячие актеры на представлении, либо «мудрые и ученые люди» – например, врачи, пытающиеся узнать истинную причину болезни⁶¹.

Особенно категорично Жерсон отзывался о публичном обсуждении интимной жизни в *Talia de me* – ответе Пьеру, брату Гонтье Коля, вступившему в спор о «Романе о Розе» осенью 1402 г. Ставший каноником собора Парижской Богоматери в 1389 г., совершивший длительное путешествие по делам церкви в Египет в 1414–1416 гг. и, наконец, назначенный членом французской делегации на Констанцском соборе (1414–1418), Пьер Коль был прекрасно знаком с канцлером Парижского университета⁶². Письмо его, однако, предназначалось не Жерсону, но Кристине Пизанской, возможно, потому, что в полемике с ней он чувствовал себя более свободным, нежели со своим именитым коллегой⁶³.

Несмотря на то, что основное внимание каноник собора Парижской Богоматери уделил литературным особенностям «Романа о Розе» и, в частности, вопросу несводимости к единому знаменателю точки зрения автора и его персонажей⁶⁴, он также посвятил несколько пассажей проблеме публичного обсуждения частной жизни своих современников и ее самых интимных моментов⁶⁵.

⁵⁹ “Ne se doit faire en publique pour les causes dessusdictes, et aussi doit estre verité et honnesteté gardee es personnages” (Ibid. P. 182).

⁶⁰ “Meismement entre gens mariéz doit estre honesté gardee” (Ibid.).

⁶¹ “Yci respont raison que parler proprement des choses se peut faire ou commencement par goulardie; ou appert par soy enflamer a luxure; ou par maniere de personnage; ou par maniere de doctrine entre gens saiges et adviséz et qui ne quierent fors la verite des choses” (Ibid. P. 181); “Comme ung malade se monstrera tout nus a ung medecin pour soy gairir” (Ibid. P. 182).

⁶² Жан Жерсон возглавлял делегацию представителей французской церкви на соборе в Констанце: *Valois N. La France et le Grand Schisme d'Occident. 4 vol. P., 1896-1902. T. 4. P. 273, 290-296.*

⁶³ *Blumenfeld-Kosinski R. Jean Gerson and the Debate. P. 342.*

⁶⁴ “Maistre Jehan de Meung, en son livre, introduisy personnages et fait chascun personnage parler selonc qu'i luy appartient, c'est assavoir le Jaloux comme jaloux, la Vielle come la Vielle, et pareillement des autres. Et est trop mal pris de dire que l'aucteur tiengne les maux estre en fame que le Jaloux, en faisant son personnage, propose” (Livre des epistres. P. 337).

⁶⁵ Подробный анализ позиции Пьера Коля в споре о «Романе о Розе» см. в: *Baird J.L. Pierre Col and the Querelle de la Rose // Philological Quarterly. 1981. Vol. 60. № 3. P. 273-286.*

Пьер обращал внимание Кристины на то, что ради продолжения рода и во избежание гомосексуальных связей – двух главных целей, которые и должны преследовать люди, вступающие в интимные отношения, – в равной степени естественными, т.е. предопределенными самой Природой (*Nature*), являются как брачные, так и внебрачные связи, а потому эти последние нельзя назвать греховными⁶⁶. Точно так же он полагал допустимым открыто говорить о «секретных» органах человеческого тела, прямо называть их своими именами и не считать это преступлением, поскольку их также создал сам Господь⁶⁷. Мы не стыдимся упоминать о гениталиях двух- или трехлетнего мальчика, писал он далее, поскольку тот не успел еще совершить ничего предосудительного и пребывает в состоянии невинности⁶⁸. То же самое можно сказать и в отношении любого целомудренного мужчины или девственницы, возраст которых не является помехой для обсуждения «сокровенных» частей тела – как, впрочем, и в отношении диких зверей, которые в принципе не способны впасть в грех⁶⁹. Данную аналогию Пьер Коль распространял и на историю Адама и Евы, отмечая, что если их половые органы после совершенного ими грехопадения превратились в постыдные и их запрещено стало называть, следует равным образом запретить произносить вслух имена и самих прародителей, поскольку заветы Господа нарушали именно они, а не их ге-

⁶⁶ “Et combien que je n’ose ne vueil dire que exercer l’œuvre de nature a ses deux fins dessus dictes tant seulement *hors de mariaige ne soit pas pechié*, toutevois ose je dire que il est premis icelle exercer a ses deux fins en l’estat de mariaige, et c’est ce que dit maistre Jehan de Meung ou chapistre de la Vielle” (Livre des epistres. P. 343-344, курсив мой – О.Т.).

⁶⁷ En l’estat d’ingnocence estoit licite de nommer les secrés membres, et... Dieu les forma en tel estat” (Ibid. P. 328). Данный пассаж из письма Пьера Коля отсылал к рассуждениям Кристины Пизанской из ее ответа Жану де Монтрейю. Поэтесса полагала, что созданное Господом не следует называть по имени, используя общенную лексику, поскольку это суть вещи «чистые и невинные по своей природе», которые испортил лишь первородный грех Адама и Евы: “Es choses que Dieu a faites n’a nulle laidure et par consequant n’en doit le nom estre eschivé, je dis et confesse que voirement crea Dieu toutes choses pures et nettes venans de soy, n’adonc en l’estat d’ingnocence ne eust esté laidure les nommer; mais, par polucion de pechié, devint homme inmonde, dont encore nous est demouré peché originel” (Ibid. P. 157).

⁶⁸ “Je te demande: se tu parloies des secrés membre d’ung enfant de deux ou de trois ans – car tu ne niroies pas que Dieu ne nous forme trestous – les oseroies tu bien nommer par leur propre non? Se tu dis que non, toutevoies est il en l’estat d’ingnocence, sans polucion en fait et en pansee” (Ibid. P. 328).

⁶⁹ “Se tu dis que oy – c’est assavoir c’on puisse nommer les secrés mèmbrs d’ung enfant – , je te prie que tu nous desclaires l’aage jusques au quel il est [licite] de les nommer, et auxi s’on peut nommer par leur non les membres secrés d’un aagié home chaste et vierge toute sa vie; pareillement des mambres pareilz aux membres secrés qui sont es bestes mues, se tu les oseroies nommer (car ceulx ne pechent point), affin qu’apraingnes a Raison et aux disciples du dit Meung comment on doit parler” (Ibid. P. 329).

ниталии⁷⁰. В Библии, однако, говорится совсем иное: вульва женщины является ее святилищем, которому следует поклоняться, а потому в ее открытом обсуждении нет ничего постыдного⁷¹.

В ответ на этот пассаж в письме от 2 октября 1402 г. Кристина замечала, что следует различать контекст, в рамках которого происходит подобная дискуссия: если речь идет о *медицинской* проблеме, то она действительно возможна, если же она возбуждает похоть, то от нее следует воздержаться⁷². В качестве доказательства своих слов она приводила собственную интерпретацию истории Адама и Евы и интересовалась у своего оппонента, почему же именно после грехопадения они стали стесняться своих «секретных членов» и прикрывать их. С ее точки зрения, произошло это потому, что они начали *осознавать* их как постыдные⁷³.

Еще более жесткий ответ отправил Пьеру Колю Жан Жерсон: его письмо содержало исключительно резкую критику основных идей оппонента. Прежде всего, канцлер университета в который раз заявлял, что «книги, слова и изображения», пробуждающие в людях похоть, должны быть изгнаны из «нашей республики христианской религии»⁷⁴. Он также вступался за униженную Пьером Колем Кристину Пизанскую: по его мнению, в своих письмах она совершенно разумно указала поклонникам «Романа о Розе» на то, что его чтение заставит покраснеть не только королев, но и любого достойного и скромного человека⁷⁵. Он поддерживал и подозрения поэтессы, высказанные ею в письме к Жану де Монтрейю в том, что Жан де Мен столь сильно интересовался проблемой вседозволенности плотских утех, поскольку сам был весьма озабочен этим вопросом⁷⁶.

⁷⁰ “Et se la polucion de nos premiers parans fait le non des secrés membres si lait qu'on ne les puisse licitement nommer, je dy que par plus fort raison on ne devoit pas nommer yceulx nos premiers parens, cas ce sunt ceulx qui pecherent et non pas membres” (Ibid. P. 329-330).

⁷¹ “Ainssy est il des secrés membres de fame, il y a peine qui y fait force ou qui, sans force, indeument les trespasse; et si dit la Bible que on souloit saintifier les secrés manbres de fenme” (Ibid. P. 331).

⁷² “Et toute fois, se pour certain cas de maladie ou autre necessité il couvenoit declairier ou les membres ou quoy que ce fust, et j'en parloye en maniere que on m'entendist et non nommer par propre nom, je ne parleroie point deshonestement” (Ibid. P. 177).

⁷³ “A ce je te feray pour response un gros argument, et vouldroie que bien le me soluces: pour quoy fu ce que, tantost que noz premiers parens orent peché et congnoissance orent de bien et de mal, ilz mucierent incontinent leurs secrés membres et se hontoyèrent?... Et me semble que tres lors fu nee honte raisonnable” (Ibid. P. 178).

⁷⁴ “Illic peroratum satis arbitror scripta, verba et picturas provocatrices libidinese lascivie penitus execrandas esse et a re publica christiane religionis exulandas” (Le débat. P. 162, курсив мой – О.Т.).

⁷⁵ “Illud subinde mulier hec prudenter attulit quod ad lecturam actoris tui erubescerent regine – erubescerent ingenia bene morata ingenuoque pudore predita” (Ibid. P. 168).

⁷⁶ “Vide potius ne actorem tuum iste dolus infecerit: dum enim amoris carnalis inducit vituperia – cuius laudes sepius extollit – , quidni secundum tuam noticiam faciles ad illum animos pronoiores reddere studuerit” (Ibid. P. 170).

Однако с особой язвительностью Жерсон отзывался о выкладках Коля, посвященных естественности публичных разговоров об интимной жизни. Рассуждения о том, что невинность ребенка позволяет безнаказанно рассуждать о его половых органах, приводили его в ярость: он называл подобные воззрения еретическими⁷⁷ и предлагал своему коллеге перечитать *De nuptiis et concupiscentia* Блаженного Августина, дабы осознать, что даже то состояние невинности, в котором пребывали Адам и Ева, не помешало им совершить плотский грех⁷⁸.

Еще больше вопросов вызывал у знаменитого теолога пассаж о вульве женщины как о ее святилище, вычитанный «неизвестно в какой Библии». Он предполагал, что текст Священного Писания, которым воспользовался Коль, явно отличался от общепринятого, или же его оппонент просто плохо понял слова св. Луки: «Как предписано в законе Господнем, чтобы всякий младенец мужеского пола, разверзающий ложесна, был посвящен Господу» (Лук. 2: 23)⁷⁹. «Что же в данном случае окажется посвящено Господу?» – вопрошал Жерсон. И сам отвечал на свой вопрос: «Если ты не можешь сказать, это сделаю я: первенец, [родившийся у женщины]»⁸⁰.

Яростные атаки Жана Жерсона на поклонников Жана де Мена и его трактовку проблемы любви положили конец спору о «Романе о Розе», первой крупной литературной дискуссии в европейской истории⁸¹. Тем не менее, вопросы, которые обсуждали ее участники, были далеко не новыми. Собственно, все они были подробно рассмотрены уже в трудах Блаженного Августина, которого на протяжении всего Средневековья почитали как наиболее авторитетного автора в вопросах сексуального воспитания⁸².

⁷⁷ “Dicis itaque quod puer biennis aut triennis sit in statu innocencie. Hec est heresis Pelagii, quam asserens pertinaciter hereticus est censendus” (Ibid. P. 164).

⁷⁸ “Legatur non ego sed Augustinus in *De Nuptiis et concupiscentia*, presertim in secundo librum... Putasti tamen arbitror quod putare non debueras: puerum ideo esse in statu innocentie, vel quia ignorans est, vel peccati actualis nundum reus. Sed originalem corruptelam morbide concupiscentie advertere mens tua debuerat, que ab ea ut omnes pessundatur” (Ibid.).

⁷⁹ “Sed quod addis membra secreta mulierum sanctificata olim ex more fuisse, nescio qualis te Biblia ducuerit nisi forte tu aliam a nostra te penes habueris, – aut si non movet te seducitque illud Luce: ‘Omne masculinum adaperiens yulvam, sanctum Domino vocabitur’” (Ibid. 166).

⁸⁰ “Quid, oro, sanctum Domino vocabitur? Si siles, respondeo: primogenitus” (Ibid.).

⁸¹ Пьер-Ив Бадель полагал, что поклонники «Романа о Розе» замолчали, как только поняли, насколько серьезно воспринял их «литературную игру» Жан Жерсон: *Badel P.-Y. Op. cit. P. 482.*

⁸² Не случайно именно Августина Жан Жерсон предлагал перечитать Пьеру Колю (см. прим. 78). Подобные отсылки имелись и в других текстах теолога, посвященных «Роману о Розе». В «Видении о ‘Романе о Розе’» он ссылаясь на *Admonitio ut silentium in ecclesia proebeat* (Le débat. P. 79, 113). Однако особенно много ссылок имелось на трактат Августина *De nuptiis et concupiscentia*: помимо

Для Августина (354–430), переход которого в христианство сопровождался радикальным пересмотром собственного отношения к плотским утехам⁸³, наиболее естественным состоянием представлялось воздержание. С особым отвращением он относился к самому акту соития, способному низвергнуть мужской разум с высот просветления в пучину низменных страстей⁸⁴. Теолог искренне сожалел, что продолжение человеческого рода невозможно без этих, совершенно животных движений⁸⁵, и полагал склонность людей к сексуальному наслаждению прямым следствием грехопадения Адама и Евы⁸⁶.

Изначально, писал он в *De civitate Dei*, наши прародители были способны полностью подчинять себе свои половые органы, однако после изгнания из Рая они утратили этот контроль, и их порочные инстинкты, вырвавшись на свободу, стали совершенно неуправляемы-

---

письма к Пьеру Колю он упоминался и в «Видении» (Ibid. P. 83, 84, 214), и в проповедях *Poenitemini* (Ibid. P. 180, 231). Почитала творения Августина и Кристина Пизанская: *Badel P.-Y.* Op. cit. P. 418. Подробнее о влиянии Августина на средневековое понимание вопросов интимной жизни см.: *Bullough V.L.* Sex Education in Medieval Christianity // *The Journal of Sex Research.* 1977. Vol. 13. № 3. P. 185-196; *Brundage J.A.* Adultery and Fornication: A Study in Legal Theology // *Sexual Practices and the Medieval Church* / Ed. by V.L. Bullough, J.A. Brundage. N.Y., 1982. P. 129-134; *Idem.* Law, Sex and Christian Society in Medieval Europe. Chicago, 1987. P. 73-123; *Saint Augustine on Marriage and Sexuality* / Ed. by E.A. Clark. Washington, 1996.

⁸³ В своей «Исповеди» Августин писал, что после обращения он перестал задумываться о поисках жены и о прочих земных удовольствиях: “Convertisti enim me ad te, ut nec uxorem quaererem, nec aliquam spem seculi huius, stans in ea regula fidei in qua me ante tot annos ei revelaveras” (*Augustinus. Confessionum libri tredecim* // PL. T. 32. Col. 659-868, здесь Col. 762-763).

⁸⁴ “Hoc saltem attendant miseri decepti et errore mortifero venenati, quia si per coitum masculorum et feminarum ligatur pars Dei, quam se manducando solvere et purgare profitentur, cogit eos huius iam nefandi erroris necessitas, ut non solum de pane et oleribus et pomis, quae sola videntur in manifesto accipere, sed inde per concubitum potest, si feminae utero concepta fuerit, colligari” (*Idem. De natura boni contra Manichaeos* // PL. T. 42. Col. 551-572, здесь Col. 570).

⁸⁵ “Qui tametsi, propter corpus mortis, quod nondum est resurrectione renovatum, sine quodam bestiali motu, de quo natura erubescit humana, non potest fieri” (*Idem. De gratia Christi et de peccato originali contra Pelagium et Coelestium* // PL. T. 44. Col. 359-410, здесь Col. 407). Ср. с рассуждениями Природы в «Романе о Розе», искренне полагающей, что естественная любовь (*amour naturel*) к собственному потомству в равной степени свойственна людям и животным: “A ceste amour sont prez et prestes / Ausi li hom comme les bestes” (*Guillaume de Lorris et Jean de Meun.* Op. cit. P. 328. V. 5771-5772).

⁸⁶ “Libidinis vituperatio non est damnatio nuptiarum. Pudor in corpore humano unde. Adam et Eva non sunt coeci creati” (*Augustinus. De nuptiis et concupiscentia* // PL. T. 44. Col. 413-474, здесь Col. 416).

ми⁸⁷. Похоть, которую познали Адам и Ева, – несмотря на то, что само соитие, вне всякого сомнения, следовало рассматривать как явление положительное, берущее начало от Бога – обращала каждый частный акт совокупления во зло, в наказание рода людского, посланное Господом. А потому отныне любой ребенок (за исключением Иисуса Христа) рождался во грехе⁸⁸, ибо его родителей побуждала к этому исключительно похоть⁸⁹. И хотя сам брак Августин признавал достойным общественным институтом⁹⁰, данное обстоятельство ни в коей мере не означало, что следует публично обсуждать и тем более превозносить плотскую любовь⁹¹. Напротив, законный союз мужчины и женщины оказывался, с его точки зрения, единственным средством превратить низменное желание в необходимую обязанность⁹², ибо рождение потомства отчасти лишало соитие его греховной окраски⁹³.

Таким образом, любое отклонение от интимных отношений, ограниченных рамками брака, – адюльтер или иная форма сексуальных девиаций – понималось Августином как грех, совершенный «по наущению дьявола»⁹⁴. Исцелить его – подобно тому, как врач исцеляет своих

⁸⁷ *Idem*. De civitate Dei contra paganos // PL. T. 41. Col. 13-804, здесь Col. 425-426, 427. Если бы не грехопадение, полагал Августин, Адам и Ева продолжали бы оставаться чистыми сердцем и душой: “Esse dictum de pudenda libidine, quam dicimus non fuisse in corpore beatorum, quando nudi erant, et non confundebantur” (*Idem*. De nuptiis et concupiscentia. Col. 417-418). См. также: *Ibid*. Col. 417-418; *Idem*. De civitate Dei. Col. 434-435.

⁸⁸ “Solut sine peccato natus est, quem sine virili complexu, non concupiscentia carnis, sed obedientia mentis virgo concepit” (*Idem*. De peccatorum meritis et remissione, et de baptismo parvulorum // PL. T. 44. Col. 109-200, здесь Col. 142).

⁸⁹ “Nec ipsis tamen peccatum sunt nuptiae, quae si in comparatione fornicationis eligerentur, minus peccatum essent quam fornicatio, sed tamen peccatum essent” (*Idem*. De bono conjugali // PL. T. 40. Col. 373-396, здесь Col. 381).

⁹⁰ “Bonum ergo conjugii non est servor concupiscentiae, sed quidam licitus et honestus ille servore utendi modus, propagandae proli, non explendae libidini accomodatus” (*Idem*. De peccatorum meritis et remissione. Col. 141). См. также: *Idem*. De nuptiis et concupiscentia. Col. 418; *Idem*. De bono conjugali. Col. 380-381.

⁹¹ “Ita nec propter libidinis malum nuptias condemnare, nec propter nuptiarum bonum libidinem laudare debemus” (*Idem*. De nuptiis et concupiscentia. Col. 418). См. также: *Ibid*. Col. 446.

⁹² “Quod non sic accipiendum est, tanquam prohibuerit Apostolus conjugalem, hoc est, licitum honestumque concubitum: sed ut iste concubitus, qui nihil morbidae libidinis haberet adjunctum, si non praecedente peccato in eo perisset libertatis arbitrium, quod nunc id haberet adjunctum, non sit voluntatis, sed necessitatis, sine qua tamen in procreandis filiis ad fructum perveniri non potest ipsius voluntatis” (*Ibid*. Col. 418-419, курсив мой – О.Т.). См. также: *Idem*. De bono conjugali. Col. 385.

⁹³ “Sola enim generandi causa est inculpabilis sexus utriusque commixtio” (*Idem*. Sermones ad populum // PL. T. 39. Sermo CCCLI. Col. 1541); “Nupcialis concubitus solus ille est qui fit causa generandi” (*Idem*. De bono conjugali. Col. 380-381).

⁹⁴ “Nec advertunt quod ita nuptiarum bonum malo originali, quod inde trahitur, non potest accusari; sicut adulteriorum et fornicationum malum bono naturali, quod inde nascitur, non potest excusari. Nam sicut peccatum, sive hinc, sive a parvulis trahatur, opus est diaboli” (*Idem*. De nuptiis et concupiscentia. Col. 413, курсив мой – О.Т.).

пациентов – способна была, по мнению теолога, лишь истинная вера⁹⁵.

Именно такое понимание частной жизни людей, ее положительных и отрицательных сторон, стало доминирующим в эпоху Средневековья. На нем была, в частности, основана вся система церковных пенитенциалиев, предполагавших различные наказания за сексуальные прегрешения. Рассматривая, вслед за Августином, покаяние как своего рода врачевание душ, исповедники основное внимание уделяли описанию «заболевания» и его симптомов, а затем предлагали пути излечения⁹⁶. В ходе подобных бесед с прихожанами представители церкви не только получали сведения о различных сексуальных отклонениях: в сборниках пенитенциалиев, в проповедях и сочинениях теологов прочно закрепилась *медицинская* метафора, описывавшая процесс признания греха и его искупления⁹⁷.

Как мы видели выше, та же самая метафора присутствовала и в сочинениях Кристины Пизанской и Жана Жерсона. Противники «Романа о Розе» настаивали на том, что публичный разговор о «секретных органах» человеческого тела и об интимной жизни в целом возможен лишь при определенных условиях – в частности, на приеме у врача.

⁹⁵ “Medicinam Christi, qua peccata sanantur” (Ibid.); “Pelagiani et Coelestiani dicunt humanam naturam a bono Deo conditam bonam, sed ita esse in nascentibus parvulis sanam, ut Christi non habeant necessariam in illa aetate medicinam” (Ibid. Col. 440).

⁹⁶ Bullough V.L. Op. cit. P. 187. Не случайно один из последних по времени создания пенитенциалиев – сборник Бурхарда Вормского (ок. 1008–1012) – носил говорящее название «Корректор, или Врач» (*Corrector sive Medicus*): Le pêcheur et la pénitence au Moyen Âge / Textes choisis, traduits et présentés par C. Vogel. P., 1969. P. 33, 80–81. Впрочем, сравнение священника, выслушивающего исповедь, с врачом, излечивающим болезнь, присутствовало в пенитенциалиях, начиная с самых ранних из дошедших до нас текстов. См., к примеру, высказывание Алкуина (ок. 730–804): «Если телесные раны делают необходимым обращение к врачу, насколько больше душевные раны требуют участия духовного наставника?»: Ibid. P. 143. См. также пролог к пенитенциалиям Халитгара (IX в.): «Ни один врач не сможет вылечить рану, если боится заражения. Точно так же ни один священник или епископ не сможет облегчить страдания грешника и избавить его от греха, если не приложит силы, если не будет молиться [о нем], если не прольет [о нем] слезы»: Ibid. P. 51.

⁹⁷ О рождении этой метафоры см. подробнее: Bériou N. La confession dans les écrits théologiques et pastoraux du XIIIe siècle: Médication de l'âme ou démarche judiciaire? // L'Aveu. Antiquité et Moyen Âge / Actes de la table-ronde de l'Ecole française de Rome. Rome, 1986. P. 261–282; Тогоева О.И. «Мертвец возвращается к свету...». Религиозные метафоры средневекового правосознания // Одиссей. Человек в истории – 2007. М., 2007. С. 111–126. Об очищении и спасении души прихожан посредством нравоучительных «примеров» (*exempla*) как составной части проповеди, получивших широкое распространение в XIII в. и регулярно поднимавших тему сексуальных девиаций, см. прежде всего: Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Exempla XIII века). М., 1989. С. 241–291; Мелетинский Е.М. Историческая поэтика новеллы. М., 1990. С. 51–60.

Иными словами, оба автора полагали, что сексуальные желания (тем более, сексуальные девиации) следует расценивать как проявление болезни, от которой удастся избавиться, обратившись к специалисту и подробно рассказав ему о своем недуге.

Любопытно, однако, отметить, что ни парижские интеллектуалы начала XV в., ни Блаженный Августин, на авторитет которого они ссылались, ни разу не упомянули иных (помимо исповеди и аналогичной ей беседы с врачом) контекстов, в рамках которых, по их мнению, человек имел бы полное право открыто говорить о своей сексуальной жизни. Тем не менее, мне представляется крайне интересным затронуть этот вопрос и рассмотреть публичную полемику о «постыдном» не только в связи с художественной литературой или теологией, но и применительно к *реальной* жизни людей Средневековья, к их повседневным радостям и заботам.

«Роман о Розе», несмотря на внушительное количество копий и явную популярность⁹⁸, вызвавшуюся в том числе и в возникновении дискуссии между ранними гуманистами, занимал умы весьма ограниченной части населения Французского королевства: образованных богословов, священников, членов университета, придворных и владельцев сеньоров. Огромная масса неграмотных людей оказывалась, таким образом, за пределами данного круга и не имела, вероятно, ни малейшего представления о теоретических дебатах, касавшихся темы запретного и публичной полемики вокруг нее⁹⁹.

Это, однако, не означает, что мы совсем ничего не можем узнать о том, как средневековые обыватели относились к открытому обсуждению своей (или чужой) интимной жизни. Конечно, тексты и изображения в кодексах, если следовать рассуждениям Жана Жерсона, не являлись для них источником знаний, однако *устное слово* – в виде рассказов, разговоров, споров – все же было им доступно. В том числе оставались им доступными и споры судебные, о которых не раз писал сам канцлер университета, призывая преследовать по закону подобно настоящим уголовным преступлениям любые публичные упоминания о «постыдных» органах тела, об интимной жизни его сограждан, о сексуальных отношениях, браке и добрых связях¹⁰⁰.

⁹⁸ От XIII-XVI вв. до наших дней дошло более двухсот рукописей (многие из которых богато иллюстрированы) и печатных изданий «Романа о Розе». См. подробнее: *Lefèvre S. Roman de la Rose; Huot S. Op. cit. P. 7.*

⁹⁹ Тем не менее, Жан Жерсон полагал, что «Роман о Розе» буквально «уничтожил» многие тысячи читателей или отравил их сознание: «*Tu as par ta folie... mis a mort et murtri ou empoisonné mil et mil personnes par divers pechiés, et encore fais de jour par ton fol livre*» (*Livre des epistres. P. 306*).

¹⁰⁰ Интересно, что посвященный критике «Романа о Розе» трактат Жерсона «Видение о 'Романе о Розе'» был выстроен как запись судебного заседания, где обвиняемым выступал Жан де Мен, истцом являлась Чистота (*Chasteté*), а председательствовала на этом процессе Справедливость (*Justice Canonique*).

Суд, вне всякого сомнения, являлся вторым после церкви публичным пространством в средневековом обществе. Только в отличие от церкви, где право на слово принадлежало обычно священнику, здесь могли (и обязаны были) говорить все заинтересованные лица. И иногда их выступления оказывались столь подробны, что в них мы действительно можем попытаться найти ответ на вопрос, обсуждали ли открыто (а если да, то при каких обстоятельствах) люди Средневековья свою интимную жизнь, свои привязанности и сопряженные с ними личные переживания.

Поставленная задача облегчается в данном случае тем, что в нашем распоряжении имеются регистры судебной практики именно за то время, что миновало с момента завершения Жаном де Меном второй части «Романа о Розе» в 70-х гг. XIII в. до возникновения спора об этом произведении в среде парижских интеллектуалов в начале XV в. Сохранившиеся до наших дней архивы, безусловно, не полны и не однородны по составу: в них входят и приговоры, вынесенные по тем или иным делам, и журналы работы судов, и апелляции, и письма о помиловании. Тем не менее, существует и кое-что, объединяющее эти тексты: все они представляют собой *судебные документы*, т.е. имеют практическую, а не теоретическую (в отличие от королевского законодательства, сборников обычного права или юридических трактатов) направленность, что дает нам возможность услышать голоса живых людей и узнать об их повседневных заботах и проблемах, в том числе – и в интимной жизни. Кроме того, большинство имеющихся в нашем распоряжении архивов связаны с Парижем и его окрестностями, где, собственно, и писался сам «Роман о Розе» и где проживали основные участники дискуссии, развернувшейся вокруг него: ниже – за некоторыми исключениями – мы рассмотрим особенности судебной практики столичных церковных судов, обладавших правом светской юрисдикции, Парижского парламента и подчиненных ему региональных судов, тюрьмы Шатле, а также королевской канцелярии.

Следует прежде всего отметить, что именно в конце XIII в., когда Жан де Мен создавал вторую часть «Романа о Розе», преступления, совершенные на сексуальной почве, начали постепенно переходить в ведение *светской* уголовной юрисдикции. И первыми в этом ряду стали изнасилование и похищение незамужних девушек, за которые, по мнению Филиппа де Бомануара, полагалась смертная казнь – как и в случае убийства, измены или разбоя¹⁰¹. В том же списке, согласно регистрам

¹⁰¹ «Quiconques est pris en cas de crime et atains du cas, si comme murtre, ou de traison, ou d'homicide, ou de fame esforcier, il doit estre trainés et pendus... Fame esforcier si est quant aucuns prent a force charnel compaignie a fame contre la volenté de la fame et seur ce qu'ele fet son pouoir de defendre (*Beaumanoir Ph. de. Coutumes de Beauvaisis* / Ed. par A. Salmon. 2 vol. P., 1899-1900. T. 1. P. 429-430). Тот же список, но уже с добавлением похищения девушки или женщины (*rapt*), приводился, к примеру, в: *Livre de jostice et de plet* // Publié pour la première fois d'après le manuscrit unique de la Bibliothèque Nationale par H. Klimrath et J. Rapetti. P., 1850. P. 289; *Etablissements de Saint Louis accompagnés des textes primitifs et de textes dérivés* / Ed. par P. Viollet. 4 vol. P., 1881-1886. T. 2. P. 343.

судебной практики, уже с 40-х гг. XIV в. фигурировал и адюльтер, хотя официально в сферу компетенции королевских судов это преступление вошло лишь в конце XIV в.¹⁰²

Так или иначе, но записей о подобных казусах во французских уголовных регистрах конца XIII–первой половины XIV в., сохранившихся до наших дней, встречается крайне мало. В материалах церковных судов (аббатств Сен-Мартен-де-Шам, Сен-Жермен-де-Пре, Сент-Женевьев, Сен-Мор-де-Фоссе и Сен-Дени), обладавших правом светской юрисдикции в Париже и его окрестностях, преступления, совершенные на сексуальной почве, упоминаются всего 12 раз¹⁰³. В записях Парижского парламента, которые начали вестись лишь с 1319 г., подобных случаев за период до середины XIV в. имеется чуть больше: среди них три дела об адюльтере, одно – о принуждении к гомосексуальным отношениям, шесть – об изнасиловании и, наконец, 13 – о похищении незамужних девушек¹⁰⁴.

Столь скромное количество дел, посвященных раскрытию преступлений, совершенных на сексуальной почве, не должно нас удивлять. Средневековые обыватели явно не стремились делать неприглядные события своей частной жизни достоянием общественности, поскольку

¹⁰² Впервые адюльтер как уголовно наказуемое преступление был упомянут в королевском ордонансе от 1381 г. наравне с убийством, воровством и похищением женщин: “Qui casus sunt hii... de vulnere ubi cicatrix remansit in vultu, vel membrum fuerit mutilatum vel debilitatum; in furto, raptu mulierum, adulterio, et violencia publica et armata; de qualibet percussione facta cum gladio, ubi magna sanguis effusio emanasset” (Ordonnances des roys de France de la troisième race. 22 vol. P., 1723-1849. T. 7. P. 729).

¹⁰³ В этих регистрах представлены 10 дел об изнасиловании (1268, 1274, 1287, 1317, 1333, 1337, 1338, 1342 гг.) и одно дело предположительно о скотоложестве (1307 г.): *Registre criminel de la justice de Saint-Martin-des-Champs à Paris au XIVe siècle* / Publ. par L. Tanon. P., 1877. P. 40-43, 87-89, 124-125, 187-188, 225; *Tanon L. Histoire des justices des anciennes églises et communautés monastiques de Paris suivie des Registres inédits de Saint-Maur-des-Fossés, Sainte-Geneviève, Saint-Germain-des-Prés, et du Registre de Saint-Martin-des-Champs*. P., 1883. P. 327-328, 338, 360, 395, 428. Еще в одной записи (1304 г.) мельком упоминается о незаконном сожительстве клирика с женщиной, ревность к которой толкнула его на убийство соперника: *Ibid.* P. 434.

¹⁰⁴ Дела об адюльтере: ANF. X 2a 4, fol. 143 (a. 1341); X 2a 4, fol. 131 (a. 1344), X 2a 5, fol. 14v (a. 1346). Дела об изнасиловании: ANF. X 2a 3, fol. 195 (a. 1333), X 2a 3, fol. 38v (a. 1335), X 2a 3, fol. 74 (a. 1336), X 2a 4, fol. 9 (a. 1340), X 2a 5, fol. 98 (a. 1347), X 2a 5, fol. 189 (a. 1350). Дела о похищении: ANF. X 2a 3, fol. 131v (a. 1330), X 2a 3, fol. 115 (a. 1331), X 2a 3, fol. 182v (a. 1333), X 2a 32v (a. 1335), X 2a 50 (a. 1336), X 2a 3, fol. 64 (a. 1336), X 2a 4, fol. 2 (a. 1340), X 2a 4, fol. 8 (a. 1340), X 2a 4, fol. 136 (a. 1340), X 2a 4, fol. 85v (a. 1342), X 2a 5, fol. 176v (a. 1350), V 2a 5, fol. 185 (a. 1350), X 2a 5, fol. 185v (a. 1350). Дело о принуждении к гомосексуальным отношениям: ANF. X 2a 4, fol. 194v-196, 205-206 (a. 1333, 1335), опубликовано в: *Confessions et jugements de criminels au Parlement de Paris (1319-1350)* / Ed. par M. Langlois et Y. Lanhers. P., 1971. P. 80-84, 108-111. Подробнее о нем см. ниже: Глава 5.

ку заботились о репутации собственной семьи и, прежде всего, о репутации дочерей, которых следовало во что бы то ни стало удачно выдать замуж¹⁰⁵. Данное общее наблюдение подтверждается и анализом особенностей составления тех судебных документов, в которых все же встречаются упоминания интересующих нас деликтов. Речь здесь шла в первую очередь о случаях, когда преступление, совершенное на сексуальной почве, невозможно было долее скрывать: когда оно влекло за собой другие, еще более тяжкие правонарушения¹⁰⁶, когда оно оказывалось уже известным окружающим¹⁰⁷ или когда порождало проблемы, касавшиеся прав наследования и/или владения имуществом¹⁰⁸. Как следствие, число уголовных дел, возбужденных непосредственно по факту совершения преступления *сексуального* характера, в конце XIII–первой половине XIV в. оказывалось достаточно невысоким.

Эта ситуация, как кажется, отчасти изменилась во второй половине XIV в. Регистры Парижского парламента за 1350–1406 гг., а также единственный уцелевший регистр королевской тюрьмы Шатле за 1389–1392 гг. свидетельствуют прежде всего о большем разнообразии рассматриваемых отныне деликтов такого рода. Помимо

¹⁰⁵ К тем же выводам приходила и Клод Говар, анализирувшая более поздний судебный материал: *Gauvard C. Honneur de femme et femme d'honneur en France à la fin du Moyen Âge // Francia. Forschungen zur Westeuropäischen Geschichte. 2001. Т. 28. № 1. P. 159–191.*

¹⁰⁶ Так произошло, к примеру, с упоминавшимся выше Клеманом Ла Юром, убившим не только жену, но и ее служанку, супруга своей любовницы и двух случайных свидетелей одного из преступлений. Только расследование этой серии убийств привело судей к раскрытию причины подобного поведения обвиняемого – его желания скрыть от окружающих факт адюльтера: ANF. X 2a 4, fol. 143 (a. 1341).

¹⁰⁷ Например, в 1333 г. суд Сен-Мартен-де-Шамп рассматривал иск об изнасиловании некоей Жанетт Билёз, девочки 10 лет (*fille de l'age de dis ans ou environ*). Жалобу подал ее отец Гийом, который привел с собой 17 свидетелей, перечисленных в регистре поименно, «и многих других» (*pluseurs autres*): *Registre criminel de la justice de Saint-Martin-des-Champs*. P. 41–43. Справедливости ради стоит заметить, что и обвиняемый мог представить в суд собственных свидетелей защиты. Так поступил, к примеру, в 1268 г. некий Гийо, заподозренный чиновниками аббатства Сен-Мор-де-Фоссе в изнасиловании девственницы (*por la soupeçon... qu'il avoit efforcée une pisele*). Вместе с Гийо в суд явились 11 человек, подтвердивших его непричастность к случившемуся: *Tanon L. Op. cit.* P. 328.

¹⁰⁸ Так, в 1344 г. Парижский парламент рассматривал дело шевалье Пьера де Гонто, сира де Бирона, который вместе того, чтобы организовать свадьбу собственного сына с уже просватанной за него девушкой, изнасиловал ее и сделал своей сожительницей: ANF. X 2a 4, fol. 131 (a. 1344). От этого союза, длившегося несколько лет, родились дети, кроме того, де Гонто самовольно распоряжался землями жертвы, также имевшей знатное происхождение. Его преступление оказалось раскрыто (и классифицировано как «измена и адюльтер») лишь потому, что родственники его «жены» обратились в суд с имущественными претензиями.

уже хорошо известных средневековым судьям случаев похищения, изнасилования и адюльтера здесь упоминались инцест, незаконное сожительство (конкубинат), а также семейная проституция¹⁰⁹. Кроме того, потерпевшие (как, впрочем, и судьи) оказывались значительно активнее в возбуждении процессов, связанных с интимной сферой. Вне всякого сомнения, в этот период многие подобные дела становились предметом уголовного расследования лишь потому, что входили в состав более крупных дел (частных вооруженных конфликтов, нападений на дом истца, процессов, связанных с имущественными правами)¹¹⁰ или уже были известны окружающим¹¹¹. Но вместе с тем

¹⁰⁹ Наиболее показательны, с этой точки зрения, регистры приговоров Парижского парламента, в которых материалы дела копировались максимально полно, начиная с указания сути иска и заканчивая решением (промежуточным или окончательным), вынесенным в том или ином случае, а также «Уголовный регистр Шатле», в котором оказались собраны подробные признания обвиняемых в различных уголовных преступлениях. Дела о похищении: ANF. X 2a 7, fol. 128v-132v (a. 1363), X 2a 7, fol. 322-324 (a. 1366), X 2a 8, fol. 16-17 (a. 1367), X 2a 8, fol. 66-67 (a. 1368), X 2a 9, fol. 207v-210 (a. 1379), X 2a 11, fol. 3-3v (a. 1382), X 2a 11, fol. 169-170v (a. 1384). Дела об изнасиловании: ANF. X 2a 6, fol. 11 (a. 1352), X 2a 6, fol. 27 (a. 1352), X 2a 6, fol. 62-65 (a. 1353), X 2a 6, fol. 75-77v (a. 1353), X 2a 6, fol. 363-365 (a. 1357), X 2a 6, fol. 366v (a. 1357), X 2a 7, fol. 13-16 (a. 1360), X 2a 9, fol. 125v-126v (a. 1378); *Registre criminel du Châtelet de Paris*. T. 2. P. 119-130 (a. 1391). Дела об адюльтере: ANF. X 2a 6, fol. 57v-59 (a. 1352), X 2a 9, fol. 232-233v (a. 1380), X 2a 9, fol. 242-243v (a. 1381). Дела об инцесте: ANF. X 2a 7, fol. 293-294v (a. 1366), X 2a 9, fol. 232-233v (a. 1380). Дела о конкубинате: ANF. X 2a 9, fol. 132v-134v (a. 1378), X 2a 9, fol. 242-243v (a. 1381); *Registre criminel du Châtelet de Paris*. T. 2. P. 221-247 (a. 1391). Дела о семейной проституции (случаи, когда сводни и проститутки являлись кровными родственницами): ANF. X 2a 15, fol. 111v-112 (a. 1405); *Registre criminel du Châtelet de Paris*. T. 1. P. 41-47 (a. 1389).

¹¹⁰ Например, в 1353 г. дело об изнасиловании жены истца, в результате которого она потеряла ребенка и скончалась, рассматривалось в рамках более крупного процесса о частном вооруженном конфликте (*guerre privée*): ANF. X 2a 6, fol. 62-65 (a. 1353). В 1363 г. в спор из-за имущества супруги вступили два ее мужа: первый, законный, супруг и второй, который похитил женщину и вынудил ее выйти за него замуж, намереваясь получить в свое управление ее наследство: ANF. X 2a 7, fol. 128v-132v (a. 1363). В 1379 г. факт похищения девочки 7 лет стал достоянием общественности потому, что сама потерпевшая обратилась спустя 10 лет в суд, обвинив похитителя в том, что он собирается насильно выдать ее замуж за собственного сына и присвоить себе ее имущество: ANF. X 2a 9, fol. 207v-210 (a. 1379).

¹¹¹ Характерным примером такого расследования может служить дело 1391 г., в ходе которого в нападении на аббатство в городке Ранжи обвинялись сразу шесть человек. Все они заявили на следствии, что причиной их преступления стал факт незаконного сожительства местного кюре с юной девушкой, которую они хотели забрать с собой, поскольку она являлась сестрой одного из нападавших. Ту же информацию подтвердили и вызванные в суд свидетели. Иными словами, о конкубинате священника было давно и хорошо известно всем жителям Ранжи: *Registre criminel du Châtelet de Paris*. T. 2. P. 221-247 (a. 1391).

и сами преступления, совершенные на сексуальной почве, во второй половине XIV в. часто являлись *непосредственным* поводом для уголовного расследования¹¹².

Нас, однако, интересует не столько вопрос *наличия* во французских уголовных регистрах конца XIII–начала XV в. дел, связанных с преступлениями сексуального характера, сколько проблема *свободного обсуждения* интимной жизни участников того или иного процесса в зале суда. С этой точки зрения, разница между названными выше временными периодами представляется наиболее заметной. Безусловно, здесь следует принимать во внимание изменения в самой работе следственных органов, произошедшие за это время: резкий рост сферы усмотрения светских судей, утверждение инквизиционной процедуры, дававшей им больше возможностей по самостоятельному возбуждению дел, реорганизацию работы писцов, призванных фиксировать все решения, вынесенные на том или ином заседании, и, как следствие, серьёзное увеличение объема самих регистров, связанное с более детальным описанием каждого конкретного процесса¹¹³.

Изменения коснулись и характера документов, в которых мы встречаем упоминания преступлений, совершенных на сексуальной почве. Для конца XIII–первой половины XIV в. нашими основными источниками здесь являются письма (*lettres*), рассылаемые Парижским парламентом подотчетным ему региональным королевским судам, а также т.н. журналы заседаний (*journaux*), призванные фиксировать сам факт проведения слушаний по тому или иному делу¹¹⁴. Тексты такого рода не предполагали детализации состава преступлений: правонарушение могло быть названо, но никогда не бывало подробно

¹¹² Например, в 1382 г. в парламенте обсуждалась судьба 70-летней дамы де Треналь (*dame de Trainal*), являвшейся сообщницей своего старшего сына-шевалье, который выкрал замужнюю женщину из ее дома, изнасиловал ее и заставил стать его женой (*espousée*): ANF. X 2a 11, fol. 3-3v (a. 1382). В 1389 г. в сводничестве (*maquerelle publique et commune*) была обвинена Катрин, супруга Анри дю Рокье. Женщина выступила сутенершей собственной золовки по имени Марго, «продав ее» (*vendu*) некоему шевалье, который лишил юную особу девственности (*lequel a eu son pucelage*): *Registre criminel du Châtelet de Paris*. Т. 1. Р. 41-47 (a. 1389).

¹¹³ Тогоева О.И. «Истинная правда». Языки средневекового правосудия. М., 2006. С. 6, 17-18, 93-121; Она же. Когда преступник – свинья. «Дурные обычаи» и неписанные правила средневекового правосудия // Многоликая софистика: нелегитимная аргументация в интеллектуальной культуре Европы Средних веков и раннего Нового времени / Отв. ред. П.В. Соколов. М., 2015. С. 403-436.

¹¹⁴ Что касается регистров церковных судов Парижа и его окрестностей, то их характер предполагал фиксацию *любых* событий, так или иначе связанных с судебной сферой: гражданских и уголовных дел, прав наследования, вопросов юрисдикции. Как следствие, практически все эти записи (в том числе – тексты приговоров) носили чрезвычайно краткий характер.

описано¹¹⁵. Что же касается признаний обвиняемых или вынесенных им приговоров, то для означенного периода подобных документов еще практически не существовало: в нашем распоряжении имеются еще достаточно краткие записи постановлений парламента за 1339–1343 и 1345–1350 гг., а также сборник признаний заключенных за 1319–1350 гг.¹¹⁶ Во всех этих документах содержатся сведения всего о трех преступлениях сексуального характера: о двух случаях адюльтера и одном – гомосексуальных отношений¹¹⁷. В остальном нам, к сожалению, приходится довольствоваться лишь кратким упоминанием об имевшем место изнасиловании или похищении той или иной незамужней девицы. Сюда же следует отнести и те письма, в которых столичные судьи настоятельно рекомендовали своим коллегам на местах объявить в розыск людей, подозреваемых в «разбое, нападениях, поджогах, воровстве и насилии над женщинами»: очевидно, что подобные формулировки не столько подразумевали реально совершенные преступления, сколько являлись фигурой речи, создавая своеобразный «эффект реальности» и усиливая тем самым ощущение опасности¹¹⁸.

Ситуацию, сложившуюся с интересующими нас источниками во второй половине XIV в., следует назвать более благоприятной для исследователей. Прежде всего, потому, что упоминания о преступлениях сексуального характера чаще встречаются здесь в записях *приговоров* Парижского парламента, что уже подразумевает большую детализацию в описании не только действий судей, но и самого происшествия. Не менее полезными для наших целей оказываются и *признания* заключенных королевской тюрьмы Шатле, сохранившиеся до наших дней благодаря регистру секретаря по уголовным делам этого суда, Алома Кашмаре. Несмотря на сравнительно небольшое число упомянутых здесь дел, посвященных преступлениям, совершенным на сексуальной почве, эти записи заслуживают самого пристального внимания.

Насколько доступными для общественного обсуждения оказывались подобные описания и насколько подробными они были? Безусловно, само следствие по любому уголовному делу изначально предполагало некоторую огласку: сбор предварительной информации, объ-

¹¹⁵ Ту же особенность составления судебных документов, но на сей раз происходящих из архивов Ватикана, отмечал Андре Куртманш: *Courtemanche A. Morale sexuelle des clercs et des laïcs à Fréjus au XIVe siècle // Revue de l'histoire des religions*. 1992. Т. 209 (4). Р. 349–380, здесь Р. 365–366, 371.

¹¹⁶ Этот сборник, составленный секретарями уголовного суда Парижского парламента Этьеном де Гиеном и Жоффруа де Маликорном, представлял собой первый (из известных нам) опыт классификации уголовных преступлений и подробной записи показаний обвиняемых: *Confessions et jugements de criminels au Parlement de Paris*. Р. 11–26.

¹¹⁷ О единственном за рассматриваемый период процессе, в ходе которого обсуждалось принуждение к гомосексуальным отношениям, см. ниже: Глава 5.

¹¹⁸ *Тогоева О.И. «Истинная правда»*. С. 107–110.

явление о составе преступления в зале суда перед началом слушаний, допрос истцов и ответчиков, снятие показаний со свидетелей, наконец, оглашение приговора – все эти действия происходили публично и, таким образом, настраивали на некое открытое обсуждение. В отдельных случаях предусматривалось также объявление о совершенном преступлении при помощи глашатаев – например, с целью поиска и ареста подозреваемых¹¹⁹. Подобное дело могло быть названо «скандалом», что для окружающих прямо указывало на его особое общественное значение¹²⁰.

И все же, даже если речь на процессе шла о конкретном правонарушении, совершенном на сексуальной почве, из записей о нем мы чаще всего не можем узнать никаких «пикантных» подробностей. Будь то признание обвиняемого или текст приговора по его делу, состав преступления – точно так же, как в письмах парламента или в журналах судебных заседаний – обычно оказывается лишь назван, но не описан в подробностях. Нам никогда не узнать, к примеру, что конкретно вызвало особый гнев обманутого мужа-экуйе, заставшего супругу в объятиях ее давнего любовника-монаха и вынужденного на сей раз применить оружие, ранив («но не убив», как уточнялось в регистре) незадачливого соперника¹²¹. Мы вряд ли поймем, в чем именно заключалась инцестуальная связь между девочкой 11 лет и ее отчимом, поплатившимся за, возможно, излишне близкие отношения с падчерицей головой, но оправданного посмертно, благодаря апелляции, поданной его вдовой (и матерью девочки)¹²². Мы, к сожалению, уже не сможем расспросить диакона, женившегося на владелице замка и ставшего на какое-то время его сеньором, какие причины подвигли его на столь грандиозный обман, закончившийся гибелью кузена разгневанной женщины, не желавшей жить в конкубинате¹²³...

Таким образом, при первом знакомстве с судебными записями о преступлениях, совершенных на сексуальной почве, нам может показаться, что рассуждения противников «Романа о Розе» о недопустимости публичного обсуждения частной жизни и ее самых интимных подробностей следует рассматривать как в высшей степени умозри-

¹¹⁹ Например, в 1350 г. подобное решение о розыске было вынесено Парижским парламентом по просьбе Жанны де Босе, виконтессы де Туар, обвинявшей шевалье Мореля Одуэна и его сообщников в разграблении принадлежавшего ей городка Сен-Солин и многочисленных изнасилованиях его жительниц: ANF. X 2a 5, fol. 189 (a. 1350).

¹²⁰ «Скандалом» (*scandale*) было названо в 1368 г. похищение девочки 10 лет, являвшейся, тем не менее, законной супругой потерпевшего. В связи со смертью этого последнего с иском в парламент обратился его брат: ANF. X 2a 8, fol. 66-67 (a. 1368).

¹²¹ ANF. X 2a 6, fol. 57v-59 (a. 1352).

¹²² ANF. X 2a 7, fol. 293-294v (a. 1366).

¹²³ ANF. X 2a 9, fol. 132v-134v (a. 1378).

тельные, поскольку они не имели никакого отношения к повседневной жизни французов XIII–XV вв. Данное наблюдение, однако, оказывается верным лишь отчасти. Достаточно повнимательнее присмотреться к жанровым особенностям судебных документов той эпохи, чтобы заметить одну любопытную закономерность: мы все же можем найти в них весьма детальные описания преступлений сексуального характера, однако все они происходят из текстов весьма специфической направленности – из жалоб, с которыми потерпевшие обращались к представителям судебной власти.

Жалобы эти, безусловно, носили самый разнообразный характер. Это мог быть, к примеру, собственно донос (*denonciation*), т.е. прошение, поданное в тот или иной суд с требованием расследовать совершенное против истца (истицы, истцов) преступление. Так, в сентябре 1342 г. в суд Сен-Мартен-де-Шамп обратилась Жанетт Ле Гаж, девица 13 лет, утверждавшая, что ее изнасиловал Жан Пинар, который затащил ее к себе домой, связал ей руки, заткнул рот и лишил девственности¹²⁴. На следующий день Жанетт была осмотрена повитухой (*nostre matrone jurée*) Эрмелиной Ладюшесс, которая полностью подтвердила на допросе слова девушки¹²⁵.

В качестве жалобы могла фигурировать и апелляция (*appelation*), в которой обвиняемый жаловался на недостойное обращение с ним в ходе следствия, выразившееся, в частности, в сексуальных домогательствах или же в членовредительстве. Любопытно при этом отметить, что такие подробности со второй половины XIV в. начали упоминаться в делах, никоим образом не связанных с собственно преступлениями, носившими сексуальный характер: указания на интимные отношения или «постыдные» части человеческого тела регулярно служили в качестве смягчающих или отягчающих вину обстоятельств при любом составе преступления. В частности, в 1368–1376 гг. судьи Парижского парламента были вынуждены рассмотреть целую серию дел, в которых истцы жаловались на сексуальные издевательства со стороны ответчиков: в апелляциях фигурировали и подвешивание за мошонку священника во время его пребывания в частной тюрьме местного сеньо-

¹²⁴ “Ledit Jehan, oultre son gré, consentement et volenté, la prist par la main et la mena en sa chambre, et la geta sus son lit, et se efforça de la despuceller... Et aveques ce, pour ce que ycelui Jehan ne la post despuceller sus son lit, il l’embrassa et l’apporta sus une table... et ferma l’uis, et là, sus ycelle table, la corrompy et despucela tout oultre, et lui mist les mains sous lui, afin que elle ne se peust aider, et aussi son chapperon sus sa bouche, afin que l’en ne l’oïst crier” (Registre criminel de la justice de Saint-Martin-des-Champs. P. 187-188).

¹²⁵ “Elle avoit veue et visitée bien et diligemment ladite Jehannete, là où il appartenoit à veoir, visiter et tater, et que ycelle Jehannete estoit corrupue, dessirée et despucellée tout oultre et de nouvel” (Ibid. P. 188). Следует отметить, что и другие жалобы на изнасилования, поданные в церковные суды Парижа и его окрестностей, несмотря на общий характер этих регистров, отличались полнотой и детализацией: Ibid. P. 40-43, 87-89, 124-125; Tanon L. Op. cit. P. 327-328.

ра, и гениталии, оторванные при незаконных пытках, и кастрация как способ отомстить за проигранный в суде процесс¹²⁶.

Как можно заметить, во всех приведенных выше примерах участники судебных слушаний не стеснялись выносить на публичное рассмотрение самые интимные подробности своей жизни: их не смущали ни письменная фиксация их сообщений судебными чиновниками, ни обсуждение их с многочисленными свидетелями и приглашенными экспертами, ни неизбежная огласка при вынесении приговора. Напротив, потерпевшие, похоже, использовали сложившуюся ситуацию ради достижения максимальной выгоды для себя самих. Публичное оглашение факта изнасилования не только указывало на преступника, но и оставляло его жертве надежду на сохранение репутации¹²⁷. А апелляция на неподобающее обращение в частной тюрьме могла в корне изменить судьбы замешанных в подобном преступлении людей – например, лишить их имущества и сделать изгоями¹²⁸.

Подобные действия средневековых французов в зале суда, вне всякого сомнения, хорошо известные парижским интеллектуалам, вступившим в спор о «Романе о Розе» в начале XV в., действительно вполне могли рассматриваться ими как прямое следование заветам Жана де Мена. Впрочем, между его откровениями и личными стратегиями поведения простых обывателей имелось и одно существенное отличие: доносы и апелляции, поданные в суд, оказывались крайне далеки от праздной болтовни на тему секса, от сплетен и похвалы. Это были рассказы о том, что беспокоило потерпевших, что не давало им спокойно жить, что мучило их – как болезнь, требовавшая обращения к врачу. Иными словами, все эти тексты укладывались в рамки дискурса, который противники «Романа о Розе» признавали единственно возможным при обсуждении интимной жизни, – в рамки *медицинского* дискурса, когда жалоба судье воспринималась как доверительная беседа с врачом или исповедником, т.е. с теми, кто способен излечить от недуга.

Данное наблюдение над материалами французских уголовных регистров конца XIII–начала XV в. полностью подтверждается при обращении к еще одному (и весьма специфическому) корпусу судебных документов – к *письмам о помиловании*, которые выдавались уже осужден-

¹²⁶ ANF. X 2a 8, fol. 54v-56 (a. 1368), X 2a 8, fol. 101v-102v (a. 1369), X 2a 9, fol. 37-38 (a. 1376).

¹²⁷ Именно на это надеялся отец девушки, которую сначала соблазнил, а затем изнасиловал лейтенант королевского прево Парижа. В своей апелляции, поданной в парламент, мужчина прямо указал, что осуждение виновного приведет к возвращению его дочери потерянных «достоинства и репутации»: ANF. X 2a 6, fol. 75-77v (a. 1353).

¹²⁸ Такой приговор был вынесен, в частности, в 1368 г. по упомянутому выше делу священника, побывавшего в тюрьме местного сеньора: см. прим. 126. Виновных приговорили к полной конфискации имущества и вечному изгнанию из королевства.

ным преступникам королевской канцелярией¹²⁹. Их главной отличительной чертой, вне всякого сомнения, также являлось сходство с жалобой, только на сей раз направленной в самую высокую инстанцию – монарху, обладавшему правом даровать прощение за совершенное злодеяние¹³⁰. Дабы получить помилование, человек обязан был подробнейшим образом описать все те события своей жизни, что предшествовали нарушению закона¹³¹. И, несмотря на то, что королевский ордонанс от 1357 г. запрещал даровать прощение не только убийцам, поджигателям и нарушителям перемирий, но также насильникам и похитителям женщин¹³², очень часто обстоятельства совершения преступления, за которое тот или иной осужденный рассчитывал получить (и получал) прощение, оказывались теснейшим образом связаны с его интимной жизнью.

Согласно подсчетам Клод Говар, подобные письма о помиловании составляли большую часть документов, выдававшихся королевской канцелярией¹³³. Сюда относились и те случаи, когда преступление имело сексуальный характер (адаюльтер, супружеская ссора, изнасилование), и те, при которых перипетии частной жизни того или иного человека служили поводом для совершения иного правонарушения (в частности, убийства или членовредительства). Так или иначе, но подробности произошедшего обычно оказывались изложены в прошениях о помиловании с исключительной детализацией.

Одним из наиболее ярких примеров тому может служить история эжюйе Робера де Саля. Застав жену в постели с собственным слугой, он погнался за сбежавшим обидчиком, схватил его и «с помощью малень-

¹²⁹ Регистры писем о помиловании представляют собой одну из наиболее полных серий французских средневековых судебных документов. Самое первое из известных нам писем было выдано в мае 1304 г. (ANF. JJ 37. № 26), и вплоть до 1500 г. в архивах королевской канцелярии не выявлено практически ни одной лакуны: Gauvard C. "De grace especial". Crime, Etat et société en France à la fin du Moyen Âge. P., 1991. P. 64-65.

¹³⁰ Основные этапы формирования института королевского помилования см. в: Duparc P. Les origines de la grâce dans le droit pénal romain et français du Bas-Empire à la Renaissance. P., 1970.

¹³¹ Подробнее о правилах составления письма о помиловании, призванного в первую очередь обелить его автора и представить произошедшие события в выгодном для него свете, см. ниже: Глава 2.

¹³² "Nous ne ferons pardons ou remissions de murdres ou de mutillacions de membres..., ne de ravisement ou efforcement de femmes, memement de religions, mariees ou pucelles, de feus bouter en eglises ou en autres lieux..., de trieves, asseurement ou paix jurees, rompues ou brisees...ou autres cas semblables plus grans et se estoit par importunité. Nous voullons que il ne vaille et que obey n'y soit" (Ordonnances des roys de France. T. 3. P. 128, курсив мой – О.Т.). Данный ордонанс не возымел ни малейшего влияния на судебную практику XIV-XV вв.: Gauvard C. "De grace especial". P. 909-913.

¹³³ Ibid. P. 573.

кого ножика отрезал этому Мериго пенис и яички, говоря при этом, что не причинит ему никакого иного ущерба, кроме как в той части тела, которой тот оскорбил его жену»¹³⁴. Не менее показательным являлось и прошение, составленное от имени некоей Перрот Тюрлюр. Пытаясь избежать потери «цветка невинности» (*la fleur de virginité*) и «насилия над ее [девичьим] телом» (*estre villennée de son corps*), она ранила напавшего на нее человека ножом, но была помилована¹³⁵. Более трагично закончилась история Колена Бюшерона, который вступил в драку с соседями, оскорблявшими его сожительницу, и смертельно ранил нескольких из них. Признавая вину в содеянном, он объяснял ее просто: недовольные тем, что пара не состояла в официальном браке, их обидчики постоянно обзывали несчастную «проституткой» (*femme publiquement diffamée*), а затем и вовсе вломились в дом Колена, вытащили его «конкубину» из постели прямо на улицу и там по очереди изнасиловали ее, в результате чего женщина умерла¹³⁶. Не менее печальной оказалась и судьба неизвестной старухи (*femme ancienne*), которую попытался изнасиловать Тевенен дю Пюи. Отбиваясь, она больно «ухватила его за мошонку» (*l'attrape par le genitoire*), однако, будучи хрупкой и больной, окончательно лишилась сил и умерла на месте, а незадачливому насильнику пришлось обращаться с просьбой о помиловании¹³⁷.

Подобные, более чем откровенные рассказы о самых интимных моментах жизни французских обывателей XIV–XV вв., о пережитых ими разочарованиях и страданиях можно цитировать бесконечно долго. Главное, впрочем, в этих историях всегда оставалось неизменным: излишне, казалось бы, подробное описание тех или иных событий, приведших автора письма к преступлению, и давало ему возможность получить прощение. Все наши «герои» – и Робер де Саль, и Перрот Тюрлюр, и Колен Бюшерон, и Тевенен де Пюи, и многие другие – были помилованы королем и отпущены восвояси. И, разумеется, все они совершенно сознательно снабжали свои петиции столь интимными подробностями, необходимыми им для оправдания собственных действий в глазах правосудия и – одновременно – для очернения сопер-

¹³⁴ “Et d’un petit coustel fendi audit Merigot la couille et lui osta les couillons en luy disant qu’il ne luy feroit aucun mal fors seulement es membre dont’il avoit villene sa femme” (ANF. JJ 155. № 298, a. 1400).

¹³⁵ “Pour doute de estre villennée de son corps et violee, disant audit Brunet que avec lui n’iroit point... en son deshonneur; et pour celle cause, ledit Brunet perseverant en son mal propos et dampnable, convoitant soustraire la fleur de virginalité d’icelle Perrote... la batist et injurast moult durement de grans buffes” (ANF. JJ 127. № 91b, a. 1385).

¹³⁶ “Le dit Colin la estoit couchié en son lit avec sadicte concubine... et entrèrent lesdits suppliants et ceulx qui, avec euls, estoient audit hostel et firent lever sadicte concubine et la menerent hors dudit hostel et la cognurent charnellement aucuns d’icelle comaignie” (ANF. JJ 102. № 130, a. 1371).

¹³⁷ ANF. JJ 165. № 10 (a. 1410).

ников. Однако для нас важно прежде всего то, что они *говорили* о своей частной жизни – и делали это совершенно открыто¹³⁸.

Возвращаясь к истории спора парижских интеллектуалов о достоинствах и недостатках «Романа о Розе», развернувшегося в начале XV в., напомним еще раз, что и для противников Жана де Мена, Кристины Пизанской и Жана Жерсона, публичная дискуссия о «постыдном» в ряде случаев также оказывалась вполне возможной. В первую очередь речь здесь шла о медицинском дискурсе, когда проблема сексуальных девиаций становилась предметом обсуждения между врачом и пациентом. Тот же подход мы наблюдаем и в рассуждениях средневековых теологов, которые, начиная с Блаженного Августина, распространяли медицинскую метафору на отношения между священником и его паствой – на исповедь, в ходе которой могли быть раскрыты сексуальные прегрешения и даны наставления по их искоренению. Именно под влиянием церковного права медицинская метафора проникла и в зал средневекового суда, где рассказ о преступлении в определенных случаях также мог включать детальное описание интимной жизни участников того или иного процесса. Уголовное расследование, таким образом, в восприятии современников приравнивалось к исповеди¹³⁹, на которой было не стыдно посвятить окружающих в подробности своей интимной жизни и – как на приеме у врача – получить некое избавление от пережитых страданий. И хотя сфера уголовного права, вне всякого сомнения, охватывала не все стороны жизни людей Средневековья, мы, рассуждая об их повседневных заботах, не должны забывать о том, насколько полезными могут оказаться в некоторых случаях регистры судебной практики, делающие наш научный поиск намного точнее и полнее.

¹³⁸ Данное наблюдение не позволяет согласиться со слишком, как представляется, общим выводом Клод Говар, полагавшей, что *любые* публичные разговоры об интимной жизни людей Средневековья являлись для них своеобразным табу: Gauvard C. Paroles de femmes: le témoignage de la grande criminalité en France pendant le règne de Charles VI // La femme au Moyen Âge / Sous la dir. de M. Rouche. Maubeuge, 1990. P. 327-340, здесь P. 336-337.

¹³⁹ Эта аналогия прослеживается и по нормативным юридическим текстам эпохи Средневековья: Тогоева О.И. «Истинная правда». С. 37-48, 278-281; Она же. «Мертвец возвращается к свету...».

ГЛАВА 2

Честь женщины – достоинство мужчины

Читатель, я думаю, уже обратил внимание на одну важную особенность судебных документов эпохи Средневековья. Если речь в них все же заходила о преступлениях, совершенных на сексуальной почве, то обычно правонарушения эти оказывались лишь названы, но не описаны подробно. Именно поэтому до нас дошло совсем немного уголовных дел XIV–XV вв., при рассмотрении которых упомянутое правило было нарушено.

И все же в нашем распоряжении имеются источники, где действительно можно найти интересующую нас информацию о частной и интимной жизни людей Средневековья. Прежде всего, это письма о помиловании – *lettres de rémission*, происходящие из архива королевской канцелярии, чиновники которой на рубеже XIII–XIV вв. начали выдавать подобные документы просителям, осужденным за уголовные или гражданские правонарушения¹. В них подтверждалось, что французский монарх дарует свое высочайшее прощение тому или иному конкретному человеку (реже – группе лиц), а потому вынесенный в отношении него приговор – будь то решение королевского, сеньориального, церковного или городского суда – объявляется недействительным. Таким образом, ответчик восстанавливал свою добрую репутацию, возвращал себе конфискованное имущество, хотя и был обязан выплатить истцу судебные издержки².

Процедура получения письма о помиловании – как, впрочем, и оформление любого иного судебного документа – в средневековой Франции была жестко регламентирована. Его составлению предшествовала устная просьба, с которой ответчик или кто-то из его близких (родственников или друзей) обязан был обратиться к суду. Представители палаты прошений Парижского парламента рассматривали отдельно каждый подобный случай и передавали сведения о нем в королевский совет, который в свою очередь должен был принять решение о том, имеет ли преступник право подавать теперь уже письменную просьбу. При положительном ответе осужденному или его родственникам следовало обратиться в королевскую канцелярию, чиновник которой составлял для них сам документ и регистрировал его. На

¹ Как я уже упоминала, самое первое письмо о помиловании из дошедших до нас датируется маем 1304 г.: Gauvard C. “De grace especial”. P. 64.

² Ibid. P. 63–64.

этом, однако, процедура не заканчивалась. Осужденному требовалось представить копию письма о помиловании тому судье, который вынес в отношении него обвинительный приговор, для подтверждения (ратификации) королевского решения местным судом и аннуляции процесса. Еще одну копию письма он должен был предъявить истцу или его ближайшим родственникам на тот случай, если они потребуют от него не только выплаты издержек, но и денежной компенсации за причиненное зло³.

Содержание письма о помиловании, как и процедура его получения, также являлось полностью формализованным. В нем следовало изложить в мельчайших подробностях историю преступления, перечислить обстоятельства, приведшие к подобному исходу, описать все предпринятые судом меры по расследованию данного дела, уточнить претензии и требования истца, а также указать, какой именно приговор был вынесен судом. Однако главными составляющими такого документа являлись, вне всякого сомнения, те *аргументы*, которые обвиняемый приводил в свою защиту и которые, с его точки зрения, могли рассматриваться как обстоятельства, способные смягчить его вину или – в идеале – свести на нет сам факт преступления⁴.

Каковы же были аргументы, к которым апеллировали просители? В целом они весьма неплохо изучены в историографии применительно не только к эпохе позднего Средневековья, но и к периоду раннего Нового времени⁵. Доводы подателей писем о помиловании представляются в достаточной мере стереотипными, разрабатывающими одни и те же «извинительные» стратегии поведения: ссылки на подорванное здоровье, тяжелую болезнь и возраст (слишком юный или слишком пожилой), на эмоциональное и ментальное состояние в момент совершения преступления (состояние аффекта, помешательства, опьянения), на наличие семьи и малолетних детей, на собственную бедность или на имеющиеся долги, на социальный статус (в частности, знатность) или на то, что истец нанес непоправимый урон чести и достоинству ответчика. Преступление могло быть также описано как *вынужденная* мера в ответ на неправомерные действия второй стороны, а также – как результат вмешательства дьявола в дела людей⁶.

³ Braun P. La sorcellerie dans les lettres de rémission du Trésor des chartes // Actes de 102e Congrès national des sociétés savantes, Limoges, 1977. Section de philologie et d'histoire jusqu'à 1610. P., 1979. T. II. P. 257-278, здесь P. 257-259.

⁴ Подробнее о формуляре «образцового» письма о помиловании см.: Gauvard C. "De grace especial". P. 76-109.

⁵ Ibid. P. 86-105; Braun P. Le valeur documentaire des lettres de rémission // La faute, la répression et le pardon. Actes du 107e congrès national des sociétés savantes, Brest, 1982. Section de philologie et d'histoire jusqu'à 1610. P., 1984. T. 1. P. 207-221; Davis N.Z. Fiction in the Archives. Pardon Tales and their Tellers in the Sixteenth-century France. Stanford, 1987 (франц. перевод: Eadem. Pour sauver sa vie. Les récits de pardon au XVIe siècle. P., 1988).

⁶ Gauvard C. "De grace especial". P. 86-99.

Иными словами, осужденные и/или их близкие использовали любой повод, дабы обелить себя в глазах властей и, как следствие, получить прощение. Именно эта особенность писем о помиловании дает нам поистине уникальный шанс проникнуть в частную жизнь людей Средневековья. Ведь, согласно подсчетам Клод Говар, только на 1380–1424 гг. 50% от общего количества выданных королевской канцелярией подобных документов составляли дела, непосредственной причиной появления которых была супружеская измена, а еще 38% приходилось на расследования, связанные со ссорами мужа и жены⁷. Таким образом, все перипетии их личных отношений выставлялись на всеобщее обсуждение – сначала в зале суда, а затем в канцелярии – в попытке найти оправдание тому или иному преступлению, будь то убийство, ранение или членовредительство, ставшие следствием неподобающего поведения кого-то из супругов.

Вместе с тем, письма о помиловании – как никакие иные судебные документы эпохи Средневековья и раннего Нового времени – помогают пролить свет на совершенно особое понимание самой сути преступлений сексуального характера, свойственное этому периоду. Шла ли речь об адюльтере, словесном оскорблении, похищении или изнасиловании, на первом месте оказывался отнюдь не материальный или физический ущерб, но ущерб моральный. Если страдали честь и репутация женщины (или мужчины), то именно такой урон потерпевшие всеми силами стремились возместить прежде всего.

Однако – и это вторая особенность расследования преступлений, совершенных на сексуальной почве, о чем мы также узнаем из средневековых писем о помиловании, – в подавляющем большинстве случаев истцы вовсе не были заинтересованы в привлечении официальных властей для разрешения своих личных проблем. Напротив, они стремились самостоятельно восстановить справедливость, действуя, таким образом, в рамках не судебной, но *парасудебной* системы. Собственно, именно это обстоятельство впоследствии и обуславливало появление того или иного письма о помиловании: желая во что бы то ни стало защитить собственное достоинство и честь своей семьи, человек, убивший или ранивший обидчика, сам превращался в подсудимого и был вынужден просить короля о прощении, которое чаще всего оказывалось ему даровано.

Именно эти парасудебные ситуации и станут основным предметом нашего рассмотрения. Мы попытаемся понять, при каких конкретных обстоятельствах они возникали и к каким последствиям приводили, кто оказывался обычно втянут в подобные конфликты, как они описывались в источниках и каковы были особенности тех наказаний за сексуальные преступления, которые регламентировались не только законодательством, обычным правом или суммой прецедентов – но волею самих потерпевших.

⁷ Ibid. P. 573.

Начать, пожалуй, следует все-таки с женщин. Ведь они, в отличие от мужчин, были не слишком частыми гостями в средневековом суде: редко выступали в роли ответчика или истца и только в исключительных случаях (как, например, в делах о колдовстве) заслушивались в качестве свидетелей⁸. Единственной, пожалуй, сферой уголовного судопроизводства, касавшейся преимущественно женщин и требовавшей их присутствия на заседании, были как раз дела, связанные с преступлениями сексуального характера: с проституцией, изменами или абортами. И именно эти правонарушения, как, впрочем, и преступления, совершенные *против* представительниц слабого пола, но также связанные с сексуальной сферой (изнасилования, оскорбления, похищения), имели непосредственное отношение к вопросу о понимании женской чести в период Средневековья. Ведь в ту эпоху сексуальное поведение играло основополагающую роль в формировании репутации женщины и в оценке ее достоинства⁹. Это правило в равной степени распространялось как на знатных дам, так и на простолюдинок; на юных девушек и на замужних матрон.

Незамужняя особа обязана была быть (или хотя бы казаться) «добропорядочной девственницей» (*bonne pucelle*), дабы со временем удачно и без проволочек выйти замуж. Малейший намек на «распутность» (*vie dissolue*), тем более, прямое обвинение в утрате невинности могли стать серьезным препятствием для заключения брака и уж во всяком случае полностью компрометировали девушку в глазах окружающих. Именно так, к примеру, восприняли в 1381 г. оскорбление, нанесенное дочери Жака де Марваля, ее родные. Некий Симон Шартье по прозвищу Отвисший живот (*Longuepance*) на протяжении нескольких месяцев постоянно прилюдно обзывал ее «проституткой» (*putain*) и «гулящей девкой» (*ribaude*), что могло, по мнению братьев потерпевшей, «весьма помешать ей выйти замуж» (*estre moult reculee de mariage*)¹⁰. Сначала они попытались разрешить конфликт мирным путем (поскольку дружили с сыновьями Симона), но не преуспели в своих усилиях. Тогда они напали на обидчика и так его избили, что спустя некоторое время он умер. Вот почему Жирар и Ламбен де Марвали были вынуждены обратиться за помилованием к королю, объяс-

⁸ Тогоева О.И. Правдивая ложь, или Как ведьме обмануть короля // Стратегии обмана в обществах Средних веков и Нового времени / Под ред. О.И. Тогоевой и О.Е. Кошелевой. М., 2017. С. 187-201.

⁹ Gauvard C. Honneur de femme et femme d'honneur. P. 161-162; Courtemanche A. La rumeur de Manosque. Femmes et honneur au XIVe siècle // Normes et pouvoirs à la fin du Moyen Âge / Sous la dir. De M.-C. Déprez-Masson. Montréal, 1989. P. 127-142; Christoph S. Honor, Shame and Gender // Masculin/Féminin dans le roman arthurien médiéval. Actes choisis du XVIIe Congrès International Arthurien / Ed. par F. Wolfzettel. Amsterdam; Atlanta, 1995. P. 26-33.

¹⁰ ANF. JJ 120. № 33 (a. 1381).

няя свой поступок не только заботой о репутации юной девушки, но и тем, что Симон Шартье был «пьяницей, обжорой и ужасным задирой, из-за чего постоянно попадал в переделки»¹¹.

Если в данном случае за честь девушки вступились ее родственники, то в уже упоминавшемся ранее деле 1385 г. речь шла об отпоре, который вынуждена была давать своему обидчику сама жертва. Перрот Тюрлюр, 18-летняя крестьянская дочь, решительно отказалась принимать ухаживания некоего Броне, заявляя, что «никуда не пойдет с ним из родительского дома, страшась бесчестья». Ее отказ взбесил молодого человека, и он принялся оскорблять девушку и избивать ее¹². А потому, по ее словам, ей не оставалось ничего другого, как зарезать его ножом, «не желая бесчестья, оскорблений и потери девственности»¹³. Страх Перрот был вполне оправдан – ведь само ее будущее зависело от сохранения ею невинности. Недаром во многих случаях жертвы сексуального насилия и их родственники сознательно умалчивали об обстоятельствах дела, пытаясь скрыть позор и устроить все же судьбу пострадавшей. Этим объясняется, в частности, и малое количество упоминаний о преступлениях сексуального характера как в письмах о помиловании, так и в уголовных судебных регистрах¹⁴.

Как отмечала Клод Говар, говорить о достоинстве женщины вообще было не принято, и предметом живого обсуждения ее репутация становилась лишь тогда, когда оказывалась серьезно подорвана – прежде всего, в результате насилия¹⁵. В этом случае девушка превращалась – по крайней мере, в глазах окружающих – в распутницу и даже в проститутку, выставлявшую напоказ и на продажу собственное тело. Репутация таких женщин и их достоинство, вернее, отсутствие такового, также прочно увязывались с темой секса и разврата.

Интересно, что вольное поведение могло в глазах общества превратить в проститутку и вполне благополучную замужнюю особу. Например, в письме о помиловании от 1405 г. говорилось о некоей Жанетт, супруге Гийемина Лорана, которая «принимала у себя священников, клириков и других [мужчин] так, что ни во что не ставила собственного мужа, и являлась публичной женщиной, и вела себя как прости-

¹¹ "Homme buveur, gormant et yvroing et de si mauvais gouvernement que tousjours eu esconveniemens" (Ibid.).

¹² "Pour doubte de estre villenee de son corps et violee, disant audit Brunet que avec lui n'iroit point hors de la dicte maison ne ailleurs en son deshonneur, et pour celle cause, ledit Brunet perseverant en son mal propos et dampnable, convoitant soustraire la fleur de virginalité d'icelle Perrote... le batist et injuriast moult durement de grans buffes" (ANF. JJ 127. № 91b, juin 1385).

¹³ "Doubtant le deshonneur, vitupere et corumpement de la virginité de son corps et estre deshonorée ou morte" (Ibid.).

¹⁴ По подсчетам Клод Говар, дела о сексуальном насилии над женщинами упоминаются примерно в 3% писем о помиловании и всего в 1% приговоров Парижского парламента (Gauvard C. Honneur de femme et femme d'honneur. P. 166).

¹⁵ Ibid. P. 168; *Eadem*. Paroles de femmes.

тутка»¹⁶. В документе от 1455 г. упоминалась некая Жанна, состоявшая в законном браке с Тибо: она не только отличалась «дурным поведением и два года провела с солдатами [в армии]», но и прославилась как отъявленная лгунья, а потому суду предлагалось «не верить тому, что она говорит»¹⁷. Столь же «дурное поведение» было свойственно, согласно постановлению парламента от 1451 г., и некой Маргарите, даме замужней, которая, однако, «живет самым греховным и распущенным образом со многими..., сквернословит, возводит на людей напраслину и кичится этим»¹⁸.

Достоинство взрослой женщины, таким образом, в не меньшей степени, чем достоинство юной девушки, зависело от ее сексуального поведения. Равным образом любой эксцесс – оскорбление, изнасилование, адюльтер или следовавший за всем этим аборт – мог отразиться на ее репутации¹⁹. Более того, подобные преступления ставили под удар жизнь всего сообщества. Так во всяком случае рассуждали королевские легисты во Франции XIII–XIV вв., пытаясь обосновать право светских судов рассматривать подобные дела. К середине XV в. этот процесс был завершен, так что королевский прокурор имел полное право заявить, что «похищение, адюльтер и аборт являются тяжкими уголовными преступлениями»²⁰, за которые виновным полагается смертная казнь. Сексуальная сфера оказывалась, таким образом, связана с самой жизнью женщины – преступницы или потерпевшей. Не случайно упоминавшаяся выше Перрот Тюрлюр боялась «бесчестия или смерти» (*estre deshonorée ou morte*)²¹. С ее точки зрения, утрата девственности была практически равноценна утрате жизни.

¹⁶ “Avoit prestres, clers, et autres telement qu’elle ne faisoit et ne tenoit compte de son mary et estoit femme publique et se gouvernoit comme ribaude publique” (ANF. JJ 160. № 116, décembre 1405).

¹⁷ “[Elle] est de petit gouvernement, a suivi gens d’armes l’espace de deux ans et est fort menteresse par commune renommee, par quoy ne doit la Court adjouster foy a chose qu’elle dit” (ANF. X 2a 24, fol. 91v, novembre 1455).

¹⁸ “[Elle est] de petit gouvernement, vivant lubriquement et dissolument cum pluribus... est aussi mal parlant, diffamant toutes gens et qui se glorifie de dire mal d’autrui” (ANF. X 2a 25, fol. 155, mars 1451).

¹⁹ Вот почему, к примеру, в 1447 г. Одетт Сабатье, дама замужняя, желавшая скрыть, что ее изнасиловал Жан Ле Вогри по прозвищу Страшила (*Terrible*), заключила с ним мировое соглашение, дабы «сохранить достоинство» (*couvrir l’honneur d’icelle femme*). Тем не менее, спустя некоторое время Одетт вместе с мужем вынуждена была все же обратиться с жалобой на своего обидчика в Парижский парламент, поскольку Жан поспешил получить письмо о помиловании за это преступление, что не только нарушило достигнутые ранее договоренности, но и делало позор молодой женщины публичным достоянием: ANF. X 2a 24, fol. 179 (mai 1447).

²⁰ “Rapt, adultere et avortement sont crimes capitaux” (ANF. X 2a 25, fol. 86v, décembre 1446).

²¹ См. прим. 13.

Но как на подобном фоне выглядел вопрос о чести и достоинстве мужчин? По мнению Клод Говар, в средневековом обществе их репутация никоим образом не была связана с сексуальной сферой. Если в оценке поведения особ слабого пола преобладали морально-нравственные коннотации, то достоинство представителей сильного пола обычно подразумевало воинские (рыцарские) подвиги, проявление силы (и даже насилия), верную службу королю (для людей знатных) или профессиональные достижения (для простолюдинов)²². Иными словами, для женщины главным считалась ее природа (естество), а для мужчины – его душевные и умственные качества²³.

Это суждение – в общих чертах, безусловно, верное – все же требует, на мой взгляд, определенного уточнения. Дело в том, что в средневековом обществе нередко возникали ситуации, когда честь мужчины оказывалась напрямую связана с его сексуальной жизнью и половой идентичностью. И особенно ярко это проявлялось, как ни странно, именно во время судебных или же парасудебных разбирательств.

* * *

Рассмотрим для начала один из наиболее ярких и уже упоминавшихся ранее примеров. В ноябре 1400 г. Робер де Саль, экюйе из Пуату, получил королевское письмо о помиловании. Речь шла о супружеской измене, виновными в которой признавались жена Робера и его слуга Мериго де Мень, незадолго до того принятый на службу. Застав любовников на месте преступления, экюйе погнался за Мериго, успешным сбежать через окно, но не смог его догнать²⁴. Тогда, призвав на помощь своих шуринов, племянника, а также двух слуг, обманутый муж снарядил настоящую карательную экспедицию и устремился на поиски обидчика. На восьмой день утром он нашел его спящим в доме матери, пинками выгнал на улицу, отвел в ближайший лес, где «с помощью маленького ножика отрезал этому Мериго пенис и яички, говоря при этом, что не причинит ему никакого иного ущерба, кроме как в той части тела, с помощью которой он оскорбил его жену»²⁵. Судя по документам, сохранившимся в архивах Парижского парламента, Мериго пытался опротестовать письмо о помиловании, даро-

²² Gauvard C. Honneur de femme et femme d'honneur. P. 162, 182.

²³ Pastré J.-M. Droit matrimonial et loi naturelle dans les fabliaux allemands // Le droit et sa perception dans la littérature et les mentalités médiévales / Actes du Colloques du Centre d'études médiévales de l'Université de Picardie. Göppingen, 1993. P. 145-153, здесь P. 151.

²⁴ "S'en sailly hors de l'hotel par une fenestre, et s'enfuy par le vergier dudit hostel" (ANF. JJ 155. № 298, novembre 1400).

²⁵ "Et d'un petit coustel fendi audit Merigot la couille et lui osta les couillons en luy disant qu'il ne luy feroit aucun mal *fors seulement es membre dont il avoit villene sa femme*" (Ibid., курсив мой – О.Т.). Письмо частично опубликовано: Choix de pièces inédites relatives au règne de Charles VI / Publ. par L. Douët d'Arcq. P., 1864. T. 2. P. 73-76.

ванное Роберу, однако безуспешно: решение по данному делу так и не было принято²⁶.

По мнению К. Говар, эта история представляла собой типичную ситуацию, когда репутация женщины страдала в результате преступления, совершенного на сексуальной почве²⁷. Вместе с тем, как мне кажется, моральный урон должен был понести и обманутый муж, честь семьи которого оказывалась дискредитирована²⁸. В первую очередь речь шла о возможном будущем потомстве супругов, ведь законное происхождение их сыновей (как, впрочем, и дочерей) отныне было бы очень трудно доказать: адюльтер матери лишал их права на отцовские титул и наследство, а кроме того сказывался на их репутации.

Характерным примером здесь может служить история борьбы за английский престол между Вильгельмом Завоевателем (ок. 1027/1028–1087) и Гарольдом (1015–1040), сыном Эльфгивы, супруги Кнута Великого (994/995–1035), якобы рожденным ею вне брака. Согласно слухам, приводимым хронистами, любовница, а затем законная жена правителя Англии, Дании и Норвегии тщетно пыталась подарить ему наследника. В конце концов она выдала ребенка, зачатого от священника, за сына Кнута, который его признал и дал ему имя Свен. Та же история повторилась и с Гарольдом, родившимся от сапожника²⁹. Эту историю в ретроспекции мы можем наблюдать на ковре из Байё (кон. XI в.). Неизвестный мастер изобразил здесь Гарольда, стоящего перед троном Вильгельма и пытающегося опровергнуть факт адюльтера своей матери. Он указывает рукой на следующую сцену, которая на самом деле является воспоминанием о преступлении, совершенном около 30 лет назад: клирик соблазнял Эльфгиву³⁰, и для того, чтобы исход этой встречи не вызывал сомнений у зрителей, в самом низу оказался изображен маленький голый человечек с выдающимися гениталиями, который воспроизводил жест клирика в зеркальном отражении³¹. (Илл. 1)

Гарольд, как мы знаем, не смог доказать свои права на английский трон и потерпел сокрушительное поражение в битве при Гастингсе в 1066 г. Однако его история лишней раз свидетельствует: измена

²⁶ ANF. X 2a 14, fol. 17v-18 (mars 1401).

²⁷ *Gauvard C. Honneur de femme et femme d'honneur. P. 164.*

²⁸ К тем же выводам приходил в свое время на итальянском материале Гвидо Руджеро: *Ruggiero G. "Più che la vita caro". Onore, matrimonio e reputazione femminile nel tardo Rinascimento // Quaderni storici. 1987. № 66. P. 753-775.*

²⁹ Подробнее см.: *McNulty J.B. The Lady Aelfgyva in the Bayeux Tapestry // Speculum. 1980. Т. 55. № 4. P. 659-668.*

³⁰ Факт соблазнения в данном случае подтверждался жестом клирика, касавшегося рукой лица женщины. В средневековом обществе такое прикосновение считалось совершенно недопустимым, поскольку обладало сексуальными коннотациями: *Gauvard C. "De grace especial". P. 726-727.*

³¹ Подробнее о трактовке этих двух сцен см.: *McNulty J.B. Op. cit. P. 666-668; Schmitt J.-C. La raison des gestes dans l'Occident médiéval. P., 1990. P. 258-260.*

женщины больно ударяла не только по ее репутации, но и по чести всей ее семьи, всех ее родственников – прежде всего по мужской линии. Такое восприятие адюльтера было характерно уже для раннего Средневековья³²; сохранилось оно и позднее. Так, в 1408 г. королевское прощение смог получить Кардине де Претреваль, экуйе из Тура, подрезавший сухожилия на ногах (*les nerfs des jarrèz*) священника, повадившегося навещать вдовую мать просителя, что, по его словам, стало «бесчестьем (*déshonneur*) для всего его рода»³³. В документе от 1385 г. сообщалось, что некий Жак де Рошфор, клирик, соблазнивший замужнюю даму, был убит ее супругом, дабы положить конец «угрозам ему самому, его роду и роду этой женщины»³⁴. В 1400 г. прощение оказалось даровано Жаннену дю Бовею, отчиму еще одной замужней матроны, которая, тем не менее, открыто сожительствовала с неким бретонским сапожником по имени Торрой. Жаннен оправдывал свое участие в преследовании виновного исключительно «естественным чувством любви к Жаннетт, являющейся дочерью его жены, а [также] бесчестьем (*deshonneur*), которое этот Торрой ему причинил»³⁵.

Та же ситуация повторялась, если жертвой сексуального насилия оказывалась незамужняя девушка. Так, родственники Элоизы, ставшей возлюбленной Абеяра (1079–1142) и родившей ему сына, расценили их отношения как позор для всей семьи. Они настояли на заключении брака, обещав хранить случившееся в тайне. Однако, как писал сам Абеяр, «желая загладить свой прежний позор, начали говорить всюду о состоявшемся браке и тем нарушили данное мне обещание»³⁶. Так же воспринял изнасилование двоюродной сестры и некий молодой человек из Сен-Пьера-ле-Мутье, убивший обидчика «из чувства глубокой любви и уважения к своему роду, [для восстановления] своей собственной чести (*onneur*) и чести своей кузины», но получивший за свое преступление королевское прощение³⁷.

³² *Le Jan R. Famille et pouvoir dans le monde franc, VIIe-Xe siècles. Essai d'anthropologie sociale.* P., 1995. P. 90-94, 225-241.

³³ «Pourquoy de rechief le dit suppliant eust requis et prié à icelui prestre, que plus il venist en sondit hostel, et que sa dicte mère en estoit grandement blasmée, ou deshonneur de toute sa lignée» (Choix de pièces inédites. T. 2. P. 22-25, здесь P. 23, курсив мой – О.Т.).

³⁴ «Courroucier lui et le lignage de lui et de la dicte femme» (ANF. JJ 127. № 205, novembre 1385).

³⁵ «Amour naturelle qu'il avoit a ladicte Jehannette qui est fille de sa femme et le deshonneur que ledit Torroil lui faisoit» (ANF. JJ 155. № 137, juin 1400).

³⁶ Абеяр П. История моих бедствий / Издание подготовили Д.А. Дрбоглав, Н.А. Сидорова, В.А. Соколов, В.С. Соколов. М., 1959. С. 30.

³⁷ «Meu en ceste partie d'amour et affinité de lignage pour l'onneur de lui et de sadicte cousine» (ANF. JJ 165. № 305, mai 1411). Похожий пример: ANF. JJ 127. № 112 (juin 1385).

Если муж неверной женщины и/или его родственники-мужчины воспринимали адюльтер как *личное* оскорбление и мстили прежде всего за собственное унижение, то и наказывали они чаще всего именно ту часть тела обидчика, которой был нанесен непосредственный урон³⁸. Таким образом, кастрация прелюбодея свидетельствовала прежде всего о *характере* совершенного им преступления.

История незадачливого Мериго де Меня – далеко не единственный случай, когда подобное наказание воспринималось как достойный ответ на нанесенное оскорбление. Например, в 1353 г. Парижский парламент вынес решение по делу о «случайной» кастрации некоего монаха. Будучи многократно застигнут в постели своей любовницы ее мужем, он всякий раз отпускался с миром – вплоть до того момента, когда терпению супруга-рогоносца, видимо, пришел конец. Однако, несмотря на все требования оскотенного монаха, ответчик смог получить королевское прощение³⁹. А в одном из писем о помиловании за 1482 г. прямо заявлялось, что его податель не постеснялся «отрезать причиндалы» (*couper les genitoires*) любовнику своей жены⁴⁰.

Прелюбодеяние воспринималось средневековыми обывателями как «бесчестье» (*deshonneur*) и «оскорбление» (*villenie*), и, с их точки зрения, восстановить достоинство потерпевших можно было лишь за счет ответного унижения противника: именно этот принцип лежал в основе всего средневекового судопроизводства⁴¹. В данном конкретном случае подобное унижение мыслилось исключительно как физическое насилие над половыми органами преступника, чье достоинство, таким образом, напрямую увязывалось с сексуальной сферой, ставилось в зависимость от самых интимных частей тела мужчины. И если в истории Мериго де Меня эта тема не получила эксплицитного выражения в силу специфики самого судебного документа, в котором она излагалась⁴², то в случае с Абельяром она выходила на первый план и звучала совершенно определенно.

³⁸ В данном случае я не рассматриваю специально дела, когда наказанием за адюльтер становилось убийство прелюбодея. Смертная казнь, постепенно приобретавшая в Средние века характер универсального наказания, очень быстро утратила символическую связь с конкретными составами уголовных преступлений, за которые назначалась: Morel B. Une iconographie de la répression judiciaire. Le châtement dans l'enluminure en France du XIIIe au XVe siècle. P., 2007. P. 36-88. Меня же в первую очередь будет интересовать именно эта составляющая наказаний, полагавшихся в средневековый период за измену.

³⁹ ANF. X 2a 6, fol. 57v-59 (janvier 1353).

⁴⁰ ANF. JJ 207. № 161 (novembre 1482).

⁴¹ Подробным образом он рассмотрен в: Gauvard C. "De grace especial"; Dean T. Marriage and Mutilation: Vendetta in Late Medieval Italy // Past and Present. 1997. № 157. P. 3-36, особенно P. 34-35.

⁴² В письме о помиловании, дарованном Роберу де Салю, речь, естественно, могла идти только о том, что это его достоинство было ущемлено, а затем – через кастрацию соперника – восстановлено.

Отъезд Элоизы из дома и пребывание в монастыре Аржантейль дали ее дяде, канонику Фульберу, повод для обвинения Абеяра в стремлении постричь возлюбленную в монахини и навсегда о ней забыть:

Придя в сильное негодование, они составили против меня заговор и однажды ночью, когда я спокойно спал в отдаленном покое моего жилища, они с помощью моего слуги... отомстили мне самым жестоким и позорным способом, вызвавшим всеобщее изумление: они изуродовали те части моего тела, которыми я свершил то, на что они жаловались⁴³.

Важно отметить, что насильственная кастрация в данном случае противоречила определенным неписаным правовым нормам, ведь пострадавший уже являлся мужем обесчещенной девицы. Это противоречие подчеркивалось, в частности, во втором письме Элоизы Абеяру:

Понесенное тобою наказание было бы достойной карой для мужей, виновных в каком угодно прелюбодеянии. То, чем другие заплатились за последнее, ты навлек на себя в результате того самого брака, которым, как ты был вполне уверен, ты уже исправил все свои прегрешения. Собственная жена навлекла на тебя такое бедствие, какое навлекают на прелюбодеёв развратницы⁴⁴.

Однако сам Абеяра никак не комментировал незаконность действий своих противников, подчеркивая прежде всего собственные нравственные страдания от перенесенного унижения:

Особенно терзали меня своими жалобами и рыданиями клирики и прежде всего мои ученики, так что я более страдал от их сострадания, чем от своей раны, сильнее чувствовал стыд, чем нанесенные удары, и мучился *больше от срама, чем от физической боли*. Я все думал о том, какой громкой славой я пользовался и как легко слепой случай унизил ее и даже совсем уничтожил;... как по всему свету распространится весть о моем величайшем позоре⁴⁵.

Тема кастрации как почти неотвратимого наказания за преступления сексуального характера (в частности, за адюльтер) возникала не только в письмах о помиловании или в текстах личного характера (эго-документах), но и в средневековых нравоучительных «примерах» (*exempla*). Так, в сборнике Этьена де Бурбона (1180–1261) рассказы-

⁴³ Абеяра П. Указ. соч. С. 31.

⁴⁴ Там же. С. 83.

⁴⁵ Там же. С. 31 (курсив мой – О.Т.). На публичный стыд и позор, пережитые Абеяром, обращал в свое время внимание и А.Я. Гуревич: Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М., 2005. С. 396–399.

валась история одного развратника, столь сильно страдавшего вследствие своего поведения от боли в гениталиях, что он просил окружающих дать ему нож, дабы отрезать их и не позволять дьяволу терзать его более⁴⁶. Цезарий Гейстербахский (ок. 1180–ок. 1240) также приводил похожий «пример» о священнике, убитом молнией во время сильной грозы. У него оказались сожжены гениталии, хотя все тело осталось нетронутым, из чего прихожане сделали вывод, что погибший был прелюбодеем⁴⁷. Приводивший эти истории в своем исследовании об *exempla* А.Я. Гуревич отмечал, что чувство *стыда*, на которое делался в них особый упор, являлось важным средством социального контроля в средневековом обществе: «В “примерах”, касающихся сексуальных проступков, вина и стыд идут рука об руку»⁴⁸.

* * *

Кастрация мужчины, виновного в преступлении сексуального характера, заставляет нас вспомнить о принципе *талиона*, известном еще по Закону XII таблиц и представлявшем собой промежуточную ступень между правом убить человека и принять от него денежный штраф⁴⁹. Однако, в самом Риме эта норма и, как следствие, система уголовного преследования, предусматривавшая «символическое членовредительство» виновных⁵⁰, не получили особого развития⁵¹. Напротив, подобные наказания были широко распространены в Византии, в частности, в случае адюльтера или иных преступлений, совершенных на

⁴⁶ “Narravit frater Hemericus Coloniensis... quod quidam, qui multum luxuriose vixerat, in fine niger factus ut carbo, torquebatur a dyabolo, maxime membris genitalibus, ita fortiter quod nulla pena tormento suo, ut asserebat, posset comparari; et petebat sibi dari rasorium ut illa amputaret, ne dyabolus in eis haberet materiam vexandi eum; et cum non daretur, volebat surgere, sed non valebat; et in illo dolore mortuus est” (Anecdotes historiques, légendes et apologues tirés de recueil inédit d’Etienne de Bourbon / Publiés par A. Lecoy de la Marche. P., 1877. P. 391. № 453).

⁴⁷ “Cuius genitalia exusta sunt, reliquo corpore intacto. Quae filius eius accurens, calcando extinxit, et avulsit. Ex quo patet fornicatorem illum fuisse” (*Caesarii Heisterbaccensis monachi ordinis cisterciensis Dialogus Miraculorum / Textum ad quatuor codicum manuscriptorum editionisque principis fidem accurate recognovit J. Strange. Coloniae; Bonnae; Bruxellis*, 1951. Bd. 1-2. Bd. 2. S 238-239. Dist. X. Cap. XXIX).

⁴⁸ Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы. С. 289.

⁴⁹ Бартошек М. Римское право. Понятия, термины, определения / Пер. Ю.В. Преснякова. М., 1989. С. 93, 152, 308.

⁵⁰ Термин Гвидо Руджеро: Ruggiero G. Constructing Civic Morality, Deconstructing the Body: Civic Rituals of Punishment in Renaissance Venice // Riti e rituali nelle società medievali / A cura di J. Chiffolleau, L. Martines, A. Paravicini Bagliani. Spoleto, 1994. P. 175-190, здесь P. 180.

⁵¹ В частности, правило талиона не применялось в делах, касавшихся преступлений сексуального характера. Например, за адюльтер как женщине, так и ее любовнику грозила «обычная» смертная казнь: Morabito M. Droit roman et réalités sociales de la sexualité servile // Droit, histoire et sexualité / Textes réunis et présentés par J. Poumarede et J.-P. Royer. Lille, 1987. P. 3-20, здесь P. 7.

сексуальной почве⁵². Как полагают историки, именно отсюда принцип талиона и был в целом воспринят на Западе⁵³.

Во Франции влияние данной правовой нормы ощущалось вплоть до конца Средневековья не только в законодательной, но и в судебной сфере⁵⁴. В частности, почти неизменными, начиная с XII в., оставалось законодательство, касавшееся случаев богохульства. Согласно ордонансам Филиппа Августа (1181 г.), Людовика Святого (1268/1269 г.), Филиппа Смелого (1272 г.), Филиппа Красивого (1293 г.), Филиппа Валуа (1329 г.), за поношение Господа, Богоматери или святых виновному должны были проколоть язык каленым железом⁵⁵. То же наказание полагалось, если преступник оскорбил свою жертву. Так, в 1390 г. некий Шарло Конверс был приговорен к позорному столбу, прокалыванию языка и изгнанию из Парижа за то, что обозвал сеньора де Турень «отродьем проститутки» (*un ribaut putier*)⁵⁶. Галео де Шуасоль, эжюе и брат сира д'Эгремона, легко получил в 1380 г. письмо о помиловании за то, что отрезал кончик языка человеку, назвавшему его «сыном грязной проститутки» (*filz d'une mauvaise putain*)⁵⁷. Отрезание языка за богохульство предусматривалось еще ордонансом Людовика XIV (1638–1715) от 1666 г., правда, только в том случае, если это преступление совершалось в седьмой раз:

Пусть те, которые будут изобличены в божбе и поношении святого имени Бога, его пресвятой матери или его святых, будут осуждены в первый раз – к штрафу, во второй, третий и четвертый раз – к двойному, тройному и четвертному штрафу; в пятый раз – к железному ошейнику; в шестой раз – к позорному столбу и отрезанию верхней губы; в седьмой раз – к отрезанию, в меру, языка⁵⁸.

⁵² О наказаниях, принятых в Византии в отношении подобных преступлений (адюльтера, соращения, похищения женщины) и предусматривавших членовредительство (публичную порку, бичевание, обрезание волос), см.: Kazhdan A. Byzantine Hagiography and Sex in the Fifth to Twelfth Centuries // DOP. 1990. Vol. 44. P. 131-143, особенно P. 135-136; Karlin-Hayter P. Further Notes on Byzantine Marriage: Raptus – ἀρπαγή or μνηστέρια? // DOP. 1992. Vol. 46. P. 133-154, здесь P. 141-142.

⁵³ Lopez R.S. Byzantine Law in the Seventh Century and its Reception by the Germans and the Arabs // Byzantion. 1942/1943. T. 16. P. 445-461.

⁵⁴ Об использовании принципа талиона во французском уголовном судопроизводстве см. некоторые замечания в: Gauvard C. Les juges jugent-ils? Les peines prononcées par le Parlement de Paris, vers 1380-vers 1435 // Penser le pouvoir au Moyen Âge (VIIIe-XVe siècles) / Textes réunis par D. Boutet et J. Verger. P., 2000. P. 69-87.

⁵⁵ Ordonnances des rois de France. T. 1. P. 45, 99, 100, 296; T. 2. P. 48, 282; T. 12. P. 328.

⁵⁶ "Estre, pour les causes dessus dites, tourné ou pillory, la langue percée, et bany à tousjours du royaume de France" (Registre criminel du Châtelet de Paris. T. 2. P. 27).

⁵⁷ ANF. JJ 118. № 30 (novembre 1380).

⁵⁸ Цит. по: Ямпольский М. Физиология символического. Книга I: Возвращение Левиафана. Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого порядка. М., 2004. С. 76-77.

Весьма популярной мерой борьбы с воровством во Франции XIV–XV вв. считалось членовредительство. Так, в 1357 г. Парижский парламент был вынужден рассматривать апелляцию одного из осужденных, несогласного с тем, что ему отрубили кисть правой руки, тогда как он просил отрубить кисть левой руки. В качестве возмещения причиненного ему ущерба вор требовал, чтобы его судье отрубили обе руки⁵⁹. Принцип «око за око, зуб за зуб», похоже, был весьма популярен в средневековом обществе. Податель судебного иска считал вполне законным, например, желание отрубить палец обидчику взамен своего, утраченного в стычке с последним⁶⁰. Точно так же можно было добиваться проведения пыток в отношении судьи, который ранее под тем или иным предлогом (но, конечно же, незаконно!) послал на дыбу самого истца⁶¹.

Что же касается кастрации, то ее использование в качестве наказания за сексуальные преступления было известно уже салическим франкам:

Если раб причинит насилие чужой рабыне и вследствие этого преступления рабыня умрет, раб должен или уплатить господину рабыни 240 ден., что составляет 6 сол., или же должен быть кастрирован⁶².

То же наказание полагалось насильникам (*mulierum oppressores*) в XI в.⁶³ Позднее, как видно из приведенных выше примеров, такая мера применялась почти исключительно в парасудебных ситуациях, хотя и считалась вполне допустимой: именно поэтому месть оскорбленных родственников так легко прощалась королевским судом.

Интересно, что кастрация прелюбодея рассматривалась в качестве нормы права (очевидно, также под влиянием византийского законодательства) в городах средневековой Италии: Флоренции, Перудже, Венеции. Здесь, как мне представляется, особое звучание приобретало «теоретическое» обоснование членовредительства, разработанное византийскими теологами. В основе его лежало понятие *πορνεία*, обозначавшее любые незаконные сексуальные отношения и, в частности, адюльтер⁶⁴. С религиозной точки зрения, *πορνεία* являлась грехом телесным (а не духовным), что делало само тело опасным для окружающих, особенно когда бывало обнажено и прекрасно⁶⁵. Именно поэтому в качестве единственного дей-

⁵⁹ ANF. X 2a 6, fol. 361-363A (juin 1357).

⁶⁰ ANF. X 2a 9, fol. 205vB-207vA (mars 1379).

⁶¹ Например: ANF. X 2a 6, fol. 75B-77vA (avril 1353); X 2a 6, fol. 190vB-193 (mai 1354); X 2a 7, fol. 13-16A (février 1360/1361); X 2a 7, fol. 338vB-343A (mai 1367).

⁶² Салическая правда / Пер. Н.П. Грацианского, под ред. В.Ф. Семенова. М., 1950. Ст. XXV. § 7.

⁶³ Du Cange C. Glossarium mediae et infimae Latinitatis. Graz, 1954. Bd. 1-10. Bd. 2. S. 212.

⁶⁴ Meyendorff J. Christian Marriage in Byzantium: The Canonical and Liturgical Tradition // DOP. 1990. Vol. 44. P. 99-107.

⁶⁵ Как представляется, здесь находила свое развитие древнегреческая традиция, согласно которой сексуальное желание являлось естественным ответом именно на красоту человеческого тела, неважно, мужского или женского: Dover K.J. Classical Greek Attitudes to Sexual Behavior // Arethusa. 1973. Vol. 6. № 1. P. 59-73.

ственного средства для борьбы с данным грехом (или преступлением) византийские правоведы рассматривали членовредительство⁶⁶.

Ту же картину мы наблюдаем и в средневековой Италии. Если мужчину, виновного в адюльтере, ждала кастрация, то женщине отрезали нос, дабы ее красота более не привлекала к себе взгляды окружающих⁶⁷, либо подвергали публичной порке⁶⁸. И в том, и в другом случае подчеркивался прежде всего производимый диффамационный эффект, позволявший за счет унижения преступника восстановить честь и достоинство не только его непосредственной жертвы, но и всего городского сообщества⁶⁹. Таков был основной принцип итальянского судопроизводства, и особенно, как отмечал Гвидо Руджеро, в отношении преступлений, совершенных на сексуальной почве⁷⁰. Тот же принцип, по всей видимости, доминировал и в представлениях итальянцев о загробных страданиях. Изображая мучения, уготованные грешникам в аду, художники, по мнению специалистов, часто воспроизводили сцены наказания преступников, знакомые им по повседневной жизни⁷¹. Так, на фреске Джотто «Страшный суд» (1305 г.) перед зрителями предстала некая пара, очевидна, признанная виновной в адюльтере: мужчина был подвешен на веревке, привязанной к гениталиям (что намекало на возможную кастрацию), а женщина висела на крюке, зацепленном за вагину. (Илл. 2) Только в XV в. под влиянием гуманистических идей в итальянской системе уголовных наказаний произошли

⁶⁶ Kazhdan A. Op. cit. P. 134-135, 143.

⁶⁷ Той же участи, по мнению итальянских судей, заслуживали и пассивные гомосексуалисты, приравниваемые к женщинам (Ruggiero G. Constructing Civic Morality. P. 181). Подобное «уравнение в правах», возможно, также было воспринято средневековой правовой традицией из греческой. Подробнее см.: Dover K.J. Greek Homosexuality. L., 1978. P. 16, 187; Михайлин В.Ю. Тропа звериных слов. Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. М., 2005. С. 298-304.

⁶⁸ Lett D. "Femme tenues" et "femmes connues". Concubinage et adultère dans trois status communaux marchésans du XVe siècle // Splendor Reginae. Passion, genre et famille. Mélanges en l'honneur de Régine Le Jan / Sous la dir. de L. Jégou, S. Joye, T. Leinhard, J. Schneider. Turnhout, 2015. P. 169-178, здесь P. 174-175.

⁶⁹ См. подробнее: Ruggiero G. Constructing Civic Morality. P. 180-183; Zorzi A. Rituali e cerimoniali penali nella città italiane (secc. XIII-XVI) // Riti e rituali. P. 141-157, здесь P. 146-147. О значении диффамационного эффекта в такого рода наказаниях в Византии: Kazhdan A. Op. cit. О древнегреческих корнях подобного отношения, когда соблазнение женщины оскорбляло исключительно достоинство ее родственника-мужчины (отца или мужа), см.: Cohen D. Law, Society, and Homosexuality in Classical Athens // Past and Present. 1987. № 117. P. 3-21; Dover K.J. Classical Greek Attitudes. P. 62.

⁷⁰ Ruggiero G. The Boundaries of Eros. Sex Crime and Sexuality in Renaissance Venice. N.Y., 1985. P. 17-19, 21-24, 43-49, 70-75, 90-92.

⁷¹ Edgerton S.J. Pictures and Punishment. Art and Criminal Prosecution during the Florentine Renaissance. Ithaca;L., 1985. P. 23-27; Baschet J. Les justices de l'au-delà. Les représentations de l'enfer en France et en Italie (XIIe-XVe siècles). Rome, 1993. P. 518-531.

видимые изменения: «символическое членовредительство» начало постепенно уступать место денежным штрафам⁷².

В отличие от Италии, во Франции – при всем понимании унизи-тельности кастрации – на первый план выходил все же не ее диффамационный эффект, но, как ни странно, ее *близость к смерти*. Убийство виновного действительно являлось здесь наиболее «популярным» наказанием за адюльтер в случае самосуда⁷³. Например, в 1392 г. письмо о помиловании было даровано Симону де Ламуа из Котентена, на протяжении восьми лет терпевшему сожительство собственной жены с местным кюре Робером Жильбером и даже согласившемуся взять на воспитание девочку, которая родилась от этой связи. Симон пытался обратиться в арбитражный суд, где заключил со своим соперником соглашение, и

упомянутый Жильбер в присутствии этих арбитров пообещал и поклонялся на святых евангелиях, а также пообещал принести клятву перед распятием, что более никогда не придет к истцу и к этой женщине [в дом] и не оскорбит ее⁷⁴.

И все же «перемирие» длилось недолго. В очередной раз застав любовников на месте преступления, Симон убил их обоих.

Понимание *равноценности* двух возможных в случае адюльтера наказаний – убийства и кастрации – прослеживается и по нормативным документам, причем уже самым ранним. Например, согласно «Салической правде», за кастрацию свободного мужчины полагалось заплатить точно такой же штраф, как за его убийство или за кражу его жены – 8 тысяч денариев⁷⁵. Наличие гениталий, таким образом, вполне логично

⁷² *Zorzi A. Op. cit. P. 151; Dean T. Op. cit. P. 14-15; Ruggiero G. Violence in Early Renaissance Venice. New Brunswick, 1980. P. 44-45, 164.*

⁷³ Интересно, что в некоторых сборниках обычного права убийство любовника жены даже не рассматривалось как уголовно наказуемое деяние. См., например: «Car il est clere chose que se uns hons defent a un autre par devant justice ou par devant bonnes gens qu'il ne voit plus entour sa fame ne en son ostel pour li pourchacier tel honte, et il, apres la defense, le trueve en fet present gisant a sa fame, s'il ocist l'homme et la fame, ou l'un par soi, *il n'en pert ne cors ne avoir*» (*Beaumanoir Ph.de. Op. cit. T. 1. P. 472, купсив мой – О.Т.*).

⁷⁴ «Et eust ledit Guillebert promis et juré en la presence desdiz arbitres aux saintes evangiles de Dieu et promis a faire serement sur le corps de Dieu sacré que jamais a ladictе femme ne retourneroit ne au dit suppliant ne la fourtreroit» (ANF. JJ 143. № 198, octobre 1392).

⁷⁵ «Если кто кастрирует свободного человека, присуждается к уплате 8000 ден., что составляет 200 сол. Прибавление 12-е. Если же оторвет совершенно, присуждается к уплате 8000 ден., что составляет 200 сол.» (Салическая правда. Ст. XXIX. § 9). «Если кто лишит жизни свободного человека, или уведет чужую жену от живого мужа, присуждается к уплате 8000 ден., что составляет 200 сол.» (Там же. Ст. XV). К тем же последствиям могли привести и измена жены или ее изнасилование: плата за это преступление была эквивалентна плате за убийство или кастрацию: «Если кто возьмет чужую жену при живом муже, повинен уплатить 8000 денариев, что составляет 200 солидов» (Салическая правда. Капитулярй VI. Ст. XVII. § 1).

связывалось с самой возможностью жизни, поскольку их отсутствие лишало мужчину надежды на продолжение рода⁷⁶.

Любопытную параллель к такому восприятию мужских половых органов мы находим в Библии. Здесь, в книге Бытия, упоминалась форма клятвы, имевшая хождение у евреев:

И сказал Авраам рабу своему, старшему в доме его, управляющему всем, что у него было: положи руку твою под стегно мое, и клянись мне Господом Богом неба и Богом земли, что ты не возьмешь сыну моему жены из дочерей Хананеев, среди которых я живу. Но пойдешь в землю мою, на родину мою, и возьмешь жену сыну моему Исааку... И положил раб руку свою под стегно Авраама, господина своего, и клялся ему в сем⁷⁷.

Таким образом, если дело касалось продолжения рода (т.е. самой жизни), клятву приносили буквально на гениталиях того, кто, собственно, и являлся наиболее заинтересованным лицом⁷⁸.

В более поздних, по сравнению с «Салической правдой», правовых текстах кастрация, в понимании как потерпевших, так и судей, также приравнивалась к смерти. Судя по уголовным регистрам Парижского парламента, возмещение ущерба за надругательство над мужскими половыми органами составляло 10 тысяч парижских ливров⁷⁹ – столько же, сколько обычно требовали за создание угрозы жизни истца или за убийство⁸⁰. В некоторых случаях за «незаконной» кастрацией могла последовать казнь

⁷⁶ Интересно, что уже у греков понятия «стерильность» и «смерть» были равнозначны. Подробнее см.: Bowie A.M. *Aristophanes: Myth, Ritual, and Comedy*. Cambridge, 1993. P. 265-267.

⁷⁷ Быт 24: 2-9. См. также: «И пришло время Израилу умереть, и призвал он сына своего Иосифа, и сказал ему: если я нашел благоволение в очах твоих, положи руку твою под стегно мое и клянись, что ты окажешь мне милость и правду, не похоронишь меня в Египте, дабы мне лечь с отцами моими: вынесешь меня из Египта и похоронишь меня в их гробнице. Иосиф сказал: сделаю по слову твоему» (Быт 47: 29-30).

⁷⁸ О важности данного жеста и его символическом наполнении в средневековой французской экзегетике см.: Schmitt J.-C. *Op. cit.* P. 61-62.

⁷⁹ В уже упоминавшемся выше деле 1353 г. о кастрации монаха истец требовал заплатить ему 10 тысяч парижских ливров за понесенный ущерб (ANF. X 2a 6, fol. 57v-59). В деле от 1368 г. говорилось о некоем экуе, обвинившем местного священника в краже домашних животных и зерна и заключившего его на этом основании в собственную тюрьму. Там он «много раз» пытал несчастного, подвешивая его за гениталии и предлагая отказаться от Бога. В качестве наказания священник требовал взыскать со своего мучителя ту же сумму в 10 тысяч ливров (ANF. X 2a 6, fol. 54v-56, juin 1368).

⁸⁰ При угрозе жизни вследствие многочисленных ранений: ANF. X 2a 6, fol. 54 (novembre 1352). В случае убийства: ANF. X 2a 6, fol. 342vB-345 (février 1356/1357); X 2a 7, fol. 34B-35A (septembre 1361); X 2a 9, fol. 132vB-134v (août 1378). Любопытно, что и за насильственное лишение девственности штраф составлял те же 10 тысяч ливров – в том случае, если преступнику удавалось избежать смертной казни. Именно такой приговор был вынесен, в частности, в 1401 г. сиру де Тюизи, сеньору де Шевриер, изнасиловавшему совсем юную девушку, но раскаявшемуся в содеянном и по собственному почину давшему признательные показания: ANF. X 2a 14, fol. 44v-47 (décembre 1401).

того, кто ее совершил. Именно такой приговор был вынесен в 1376 г. целой группе людей, напавших на свою жертву прямо около его дома. По свидетельству потерпевшего, они заявили к нему, когда уже стемнело и все спали, выпустили привезенную с собой курицу и заставили ее кричать. Истец, думая, что лиса залезла в его курятник, вышел безоружным во двор, где был схвачен и кастрирован – всего лишь потому, что незадолго до того выиграл у своих обидчиков несколько судебных процессов⁸¹.

Таким образом, в позднесредневековой Франции кастрация воспринималась, скорее, как преступление, нежели как достойное наказание виновного. Не удивительно, что все рассмотренные выше дела, связанные с преступлениями сексуального характера, представляли собой ситуации *парасудебного* разрешения конфликта. Система французских судебных наказаний в подобных ситуациях и, в частности, в случае адюльтера вообще довольно долго оставалась слабо разработанной и, в связи с этим, сильно различалась в зависимости от провинции, где рассматривалось то или иное дело. Например, в Арле обычным наказанием за измену было изгнание виновных из города⁸². Во Фрежюсе на них налагался внушительный штраф⁸³. В Тоннерре, напротив, адюльтер наравне с изнасилованием и убийством расценивался как тяжкое уголовное преступление и карался смертью⁸⁴. Неверных жен также весьма охотно заключали в монастыри⁸⁵. Данная норма была, в частности, известна обычному праву Тулузы, где применялась до 1296 г. вместе с конфискацией имущества прелюбодейки⁸⁶. Позднее, одна-

⁸¹ ANF. X 2a 9, fol. 37B-38 (juin 1376).

⁸² Тушина Г.М. Демографические аспекты социальной истории Прованса XII-XIV вв. // Женщина, брак, семья до начала Нового времени. Демографические и социокультурные аспекты / Отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. М., 1993. С. 83-88.

⁸³ Courtemanche A. Morale sexuelle des clercs et des laïcs. P. 366.

⁸⁴ Gauvard C. "De grace especial". P. 790.

⁸⁵ Eadem. Honneur de femme et femme d'honneur. P. 164-165. Данная норма опиралась на римское право – новеллу Юстиниана *Que sit mulieris adulterae poena* (nov. 134), предлагавшую двухлетнее заключение в монастыре для неверной женщины. Если по истечении этого срока супругам удавалось помириться, муж мог забрать жену домой, в обратном случае ему разрешалось развестись с ней и создать новую семью: Lovato A. Sulla novella 134 di Giustiniano // Carcer II. Prison et privation de liberté dans l'Empire romain et l'Occident médiéval / Ed. par C. Bertrand-Dagenbach et al. P., 2004. P. 71-92; Hillner J. Prison, punishment and penance in Late Antiquity. Cambridge, 2015. P. 322-326.

⁸⁶ Именно такая норма права упоминалась в основном тексте «Кутюм Тулузы», записанном в 1286 г. За адюльтер наказывались не оба любовника, но лишь неверная супруга, которая теряла право распоряжаться своим приданым, а также имуществом мужа после его смерти: "Consuetudo est Tholose sive usus quod mulieres transducte per maritos suos ipsis viris premortuis lucratur et debent recuperare de bonis ipsorum maritorum dotes et donationes propter nuptias seu agenciamentum... nisi forte ipse mulieres viventibus maritis suis crimine adulterii fuerint condemnate et, post eandem condemnationem, quod mariti earum eas sibi non reconciliaverint vel inter ipsos conjuges pactum aliter non extiterit" (Gilles H. Les coutumes de Toulouse (1286) et leur premier commentaire (1296). Toulouse, 1969. P. 125-126).

ко, эта система оказалась пересмотрена, и местные чиновники – как, впрочем, и их коллеги в других городах Южной и Северной Франции – предпочли обратиться к иным формам наказания за адюльтер, носившим прежде всего диффамационный характер и касавшимся не только женщин, но и мужчин.

* * *

Как отмечал Жан-Мари Карбасс, в южных областях Франции адюльтер рассматривался как тяжкое уголовное преступление уже в конце XII в. в отличие от северных регионов королевства, где светские власти начали уделять ему повышенное внимание лишь с конца XIV в.⁸⁷ Вероятно, примерно в то же время стало применяться и весьма специфическое наказание за супружескую измену, особенностям которого стоит уделить особое внимание. В документах, происходящих как из Тулузы⁸⁸, так и из Ажена, Периго, Эг-Морта, Сен-Бернара, Драгиньяна, Лурда и других городов Южной Франции, оно обычно именовалось «бегом» (*course*), а его суть заключалась в следующем⁸⁹.

Мужчина и женщина, признанные виновными в адюльтере, обязаны были пробежать через весь город по заранее установленному или определенному местным обычаем маршруту – чаще всего от одних ворот до других⁹⁰. Впереди них двигался глашатай, трубивший в трубу и призывавший жителей насладиться зрелищем. (Илл. 3) Естественно, «бег», как и любое иное публичное наказание, проводился исключительно средь бела дня – *non de nocte sed de die*⁹¹.

⁸⁷ Самое раннее упоминание адюльтера как общественно опасного преступления содержалось в первом варианте «Кутюмы Монпелье», датирующемся 1190 г.: Carbasse J.-M. "Currant nudi". La répression de l'adultère dans le Midi médiéval (XIIe-XVe siècles) // Droit, histoire et sexualité. P. 83-102, здесь P. 84-85.

⁸⁸ В глоссе к «Кутюмам Тулузы», составленной в 1296 г., сообщалось об отказе от норм римского права, согласно которому любовнику неверной супруги отрубали голову, а ее саму брили наголо и ссылали в монастырь. Отныне судьи обращались к местному обычаю, заставляя обоих преступников пробегать по улицам города на глазах собравшейся толпы, а затем конфискуя их имущество: "Item videndum est qua pena hodie puniuntur adulterantes in civitate Tholose. Nam de jure comuni certa pena posita est, videlicet homo comittens adulterium debet decapitari. Mulier vero debet mitti in monasterium et debet tondi et verberari et de hac materia consuevit legi C. ad legem Jul. de adulteriis. l. quamvis in fi. et in aut. ibi posita. Set hodie de usu et consuetudine Tholose extraordinarie puniuntur. Nam pluries vidi currebant villam nudus cum nuda et erant judicati per sententiam ad perdendum bona" (Gilles H. Op. cit. P. 256-257, курсив автора – О.Т.).

⁸⁹ Описание «бега» и соответствующие выдержки из источников, за исключением специально оговоренных случаев, приводятся ниже по: Carbasse J.-M. Op. cit.

⁹⁰ "De una porta dictae villae usque ad aliam" (Сен-Бернар, 1207 г.); "Currant a porta Loci usque ad portam Stagni per majorem plateam" (Памье, 1228 г.).

⁹¹ О негласных правилах проведения публичной экзекуции см. подробнее: Тогоева О.И. Казнь в средневековом городе. Зрелище и судебный ритуал // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. М., 2000. Т. 3. С. 353-361.

Для нас особенно важным представляется то обстоятельство, что очень часто подвергнутые такому наказанию любовники должны были бежать по улицам города *голыми*. Схваченные на месте преступления *nudus cum nuda*, они в точно таком же виде за свой проступок и расплачивались. Судя по документам, чаще всего оба были полностью обнажены⁹²; иногда мужчине оставляли его брз, а женщине – нижнюю рубашку⁹³. При этом распутница должна была бежать впереди, держа в руках веревку, второй конец которой привязывали к гениталиям (*per genitalia*) ее любовника⁹⁴. В некоторых случаях, насколько можно судить по рисунку из «Кутюм Тулузы», веревка бывала пропущена между ногами женщины, доставляя ей тем самым дополнительные мучения⁹⁵. (Илл. 4) «Бег» также мог сопровождаться публичным бичеванием, иногда – «до появления крови»⁹⁶.

Традиция наказывать виновных в адюльтере, выставляя их на всеобщее обозрение голыми, нашла свое отражение и в художественной литературе Средневековья. Так, в «Видении Туркиля» (1206 г.) описывалось посещение главным героем загробного мира, где он попадал на

⁹² Согласно «Кутюме Сент-Коломба» 1286 г.: “Tout homme qui sera surprise en adultère avec une femme mariée, tout homme marié ou tout autre homme quelqu’il soit, doit être conduit nud dans la ville” (Les coutumes de l’Agenais / Ed. par P. Ourliac, M. Gilles. P., 1976-1981. Т. 2. P. 322). Согласно «Кутюме Добеза» 1272 г.: “Aquest capitol parla: de tots hom que sera pres ab femna maridada e tota femna que sera presa ab home molherat, ambiduy corran lodit castet tutz nutz, liatz ab una corda” (Ibid. P. 341).

⁹³ “Nutz en bragas e la femna en sa camia” (Гурдон, 1243 г.); “Currant villam nudi cum braccis” (Леза, 1299 г.).

⁹⁴ “E si nuhls home molheratz ni nulla femna maridada son trobatz en adulteri, cadaus paguara a nos de gagie LXV s. e se habitans volen que passe o curren la dicha vila publicamen, tugh nud, liat lome ab una corda pels colhos, e la femna ira prumiera e tirara lome par la dicha corda” (Coutumes de Sauvagnas, 1264 // Les coutumes de l’Agenais / Ed. par H.-E. Rébouis. P., 1890. P. 28).

⁹⁵ Coutumes de Toulouse // BNF. Ms. lat. 9187. Fol. 30v. Кодекс датируется 1292-1297 гг., иконографическая программа, к которой относится интересующий нас рисунок, была, вероятно, исполнена в 1296-1297 гг. Подробнее о ней см.: L’Engle S. Justice in the Margins: Punishment in Medieval Toulouse // Viator. 2002. Т. 33. P. 133-165; Тогоева О.И. Между текстом и миниатюрой: наказание фальшивомонетчиков в «Кутюмах Тулузы» (BNF. Ms. lat. 9187) // ЭНОЖ «История». 2017. Вып. 6 (60): Европейское право эпохи Средневековья и Нового времени: между нормой и практикой / Под ред. О.И. Тогоевой и Г.А. Поповой: <http://history.jes.su/s207987840001890-8-1>

⁹⁶ “Hodie, in executione cuiusdam sentencie late per judicem Draguignani, contra Bertrandum de Tholosa et Hugam Robaudam, uxorem Bertrandi Robaudi, de Caliano, pro adulterio comisso per eos, predictos Bertrandum et Hugam, per castrum Draguignani usque ad locum deputatum fustigavi et usque ad sanguinis effusionem” (Драгиньян, 1338 г.); “A far lo cors de la vila et estre batutz per lo borreu jusquas ha effusion de sanc, et aysso per so que ladicha Helena forec presa en adulteri dins lo loc de Sant-Marcel” (Кордес, 1484 г.).

театральное представление, которое каждую субботнюю ночь давали для демонов в аду⁹⁷. На сцене сменяли друг друга различные «актеры» – грешники, показывавшие, за какие именно проступки они оказались прокляты. В частности, прелюбодеи должны были совокупляться на глазах у собравшихся зрителей⁹⁸. Та же тема обыгрывалась в многочисленных описаниях чудес, якобы произошедших с грешниками в церкви. Например, в «Поучении дочерям» рыцаря Жоффруа де Ла Тур Ландри (1372 г.) рассказывалась история некоего Перро Люара, который совокуплялся со своей любовницей прямо у алтаря. В наказание Господь полностью обездвижил обоих, и прихожане смогли увидеть их в весьма непристойной позе⁹⁹.

Наказание «бегом» оставалось популярным в городах Южной Франции вплоть до периода раннего Нового времени¹⁰⁰. В Тулузе его использовали не только в XIII в., но и в конце XIV в. и даже в начале

⁹⁷ Об этой особенности «Видения» см. подробнее: Schmidt P.G. The Vision of Thurkill // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1978. Vol. 41. P. 50-64.

⁹⁸ "Postmodum adductus est ad scenam furiosorum adulter cum adultera, qui adinvicem feda copula iuncti venereos motus et impudicos gestus palam omnibus cum multa sui confusione et demonum exprobratione replicaverunt" (Visio Thurkilli / Hrsg. von P.G. Schmidt. Weinheim, 1987. S. 58).

⁹⁹ "Il avint en celle eglise à une village de Nostre-Dame que un qui avoit nom Perrot Luart et qui estoit sergent de Cande en la mer, si coucha avec une femme sur un autel. Si advint un miracle qu'ilz s'entreprendrent et s'entrebessonèrent comme chiens tellement qu'ilz furent aussy pris de toute le jour à journée, si que ceulx de l'eglise et ceulx de paix eurent assez loisir de les venir veoir; car ils ne se povoient departir, et convint que l'on venist à procession à prier Dieu pour eulx, et au fort sur le soir ilz se departirent" (Le Livre du Chevalier Geoffroy de La Tour Landry pour l'enseignement de ses filles / Ed. par A. de Montaiglon. P., 1854. P. 80). Об особенностях использования в «Книге поучений» многочисленных нравоучительных «примеров» см. подробнее: Крылова Ю.П. Автор и общество в позднесредневековой Франции. «Книга поучений дочерям» Жоффруа де Ла Тура Ландри. М., 2014. С. 126-255.

¹⁰⁰ Как отмечает Лея Отис-Кур, в период позднего Средневековья в уголовном судопроизводстве Южной Франции наметилась, тем не менее, тенденция к использованию более щадящих наказаний в случае адюльтера. «Бег» назначался только тогда, когда обвиняемые не могли заплатить денежный штраф или имелись отягчающие обстоятельства (беременность женщины или ее любовная связь со священником): Otis-Cour L. "Lo pecat de la carn": la répression des délits sexuels à Pamiers à la fin du Moyen Âge // Studi di storia del diritto I. Milan, 1996. P. 335-366; Eadem. Réflexions sur l'application de la peine dans le Midi de la France à la fin du Moyen Âge // La peine. Discours, pratiques, représentations / Textes réunis par J. Hoareau-Dodinau, P. Texier. Limoges, 2006. P. 99-109, здесь P. 101-102. Кроме того, наказание «бегом» стали иногда проводить не на городских улицах, а в более «интимной» обстановке – например, в стенах суда, как это было в Памье в конце XV в.: Eadem. L'exemplarité de la peine en question: la pratique de la "peine cachée" dans le Midi de la France au XVe siècle // RHD. 2002. T. 80 (2). P. 179-186. Наконец, очень часто дела об адюльтере стали заканчиваться судебным примирением супругов: Eadem. Réflexions sur l'application de la peine. P. 103-105.

XV в.¹⁰¹ В XIV в. он упоминался в материалах судебной практики Драгиньяна, Периго, Руэрга, Фуа, Гурдона¹⁰² и Фрежюса¹⁰³. В конце XV в. он все еще применялся в Кордесе¹⁰⁴, а в конце XVI в., несмотря на ордонанс Людовика XI (1423–1483) от 1463 г.¹⁰⁵, наличие такого наказания фиксировалось в Арле¹⁰⁶. И хотя Жан-Мари Карбасс настаивал на том, что в данном случае мы имеем дело исключительно с южнофранцузской практикой¹⁰⁷, исследование Сирила Понса показало, что точно так же *course* был популярен и в некоторых городах Северной Франции, например, в Труа, в Лионе и его окрестностях¹⁰⁸. Более того, установления аббатства Ключни (1161–1172) свидетельствуют, что «бег» местные власти использовали уже в XII в.:

За адюльтер полагается следующее наказание. Чтобы прелюбодей и прелюбодейка пробежали бы голые из одного в другой конец города. Если же они исполнят это, их имущество и тела да пребудут в мире¹⁰⁹.

Указанием на использование «бега» в качестве наказания за адюльтер на севере Франции являлся и один из нравоучительных «примеров» Этьена де Бурбона, большую часть своей жизни проповедовавшего в родном Лионе, а также в Бургундии, Лотарингии, Савойе. Согласно его рассказу, некая замужняя женщина, вступив в преступную связь с местным банщиком, пригласила его к себе в отсутствие супруга. Однако тот, узнав о готовящемся свидании, внезапно вернулся домой и

¹⁰¹ В 1428 г. некая Клер де Порте была признана виновной в адюльтере и убийстве собственного мужа и приговорена к «бегу» за первое преступление и к смертной казни через отрубание головы – за второе: Carbasse J.-M. Op. cit. P. 100, note 53.

¹⁰² См., например: “Johanna, uxor Arnaldi Mantelini aliter dicti La Vessa, de Fuxo, de pluribus adulteriis et excessibus accusata, occasione dictorum criminum per nos fuerit condemnata ad currendum villam” (Фуа, 1370 г.).

¹⁰³ Courtemanche A. Morale sexuelle des clercs et des laïcs. P. 370.

¹⁰⁴ См. прим. 96.

¹⁰⁵ Официальный запрет на использование «бега» в качестве наказания за адюльтер содержался в ордонансе, призванном пересмотреть привилегии Перпиньяна: “Touchant la punition des adulteres, nous voullons que la peine de courir la ville ou la composition desquieulx est faite mention oudit article, soit ostée, et laquelle nous abolissons par ces presentes” (Ordonnances des roys de France. T. 16. P. 50).

¹⁰⁶ Согласно документам 1568 г., в Арле наказанию «бегом» подвергались куртизанки: Aubenas R. Cours d'histoire du droit privé. Aix-en-Provence, 1958. T. 6. P. 52.

¹⁰⁷ Carbasse J.-M. Op. cit. P. 83, 88–89, 102.

¹⁰⁸ Gauvard C. Honneur de femme et femme d'honneur. P. 164, note 24 (со ссылкой на: Pons C. L'adultère en France, XIIIe–XVe siècles. Mémoire de DEA. Université Paris I-Panthéon-Sorbonne, 1995, dactylographié).

¹⁰⁹ “Adulteri pena est, ut adulter adulteraque a fine usque ad finem ville nudi concurrunt; quod si fecerint, res eorum et corpora pacem habebunt” (Bruehl A. Recueil des chartes de l'abbaye de Cluny. P., 1903. T. 5. P. 550. № 4205).

привел с собой «много других людей». Женщина спрятала любовника в печи, но муж велел ей зажечь огонь и «испечь пироги». Голый и обгоревший, банщик, естественно, выпрыгнул из своего убежища, был схвачен присутствующими и проведен по улицам города до главной площади, где подвергся бичеванию, сопровождавшемуся «насмешками и оскорблениями»¹¹⁰.

О том, что *course* был хорошо знаком и жителям северных областей королевства, свидетельствовала также законодательная деятельность французских монархов. Еще Жан де Жуанвиль писал о том, что Людовик Святой (1214–1270) сам ввел подобное наказание для рыцарей, посещавших публичные дома. И в данном случае прежде всего бросался в глаза его диффамационный характер :

И первым, о ком мы расскажем, был рыцарь, застигнутый в борделе, которому предложили выбрать [наказание], согласно местным обычаям. Выбор заключался в том, что проститутка провела бы его, одетого в одну рубашку и с привязанной к гениталиям веревкой, по всему военному [лагерю], либо же он терял [боевого] коня и доспехи и изгонялся бы из войска¹¹¹.

Наследники Людовика IX и их юристы также хорошо понимали смысл «бега», регулярно подтверждая его использование в различных городах королевскими письмами и ордонансами: в 1292 и 1362 гг. – для Вильнеф-лез-Авиньон, в 1357 г. – для Вильфранш-дю-Периго, в 1395 г. – для Монфокона, в 1396 г. – для Флёранса¹¹². С точки зрения диффамационного эффекта, «бег» оказывался, вне всякого сомнения, значительно более серьезным наказанием, нежели смертная казнь¹¹³. Пробежка по городу в голом виде, в компании собственной любовницы, под градом ударов вела к публичному осмеянию и унижению мужчины, к превращению его в преступника – и не только. Особый смысл, на мой взгляд, имело здесь даже не раздевание прелюбодея, но привязывание к его гениталиям *веревки*, в буквальном смысле угрожавшей его мужскому достоинству. Подобным образом достигался

¹¹⁰ “Quod videns qui intus latebat, per medias flammes nudus et semiustus prosiliit in publicum, fustigatus cum derisione et ululatu per forum” (Anecdotes historiques. P. 404. № 469).

¹¹¹ “Tout premier vous dirons d’un chevalier qui fu pris au bordel, au quel l’en parti un jeu, selonc les usages du païs. Le jeu parti fut tel, ou que la ribaude le menroit par l’ost en chemise, une corde liee aus genetoires, ou il perdrait son cheval et s’armeure, et le chaceroit l’en de l’ost” (Joinville J. de. Vie de Saint Louis / Ed. par J. Monfrin. P., 1995. P. 250).

¹¹² Ordonnances des roys de France. T. 3. P. 207; T. 5. P. 611; T. 8. P. 54, 95-96.

¹¹³ О склонности средневековой системы правосудия к эффективным в плане диффамации наказаниям см.: Gauvard C. “De grace especial”. P. 790-791; Morel B. Op. cit. P. 96-114. О «миметическом моменте», составляющем сущность подобных наказаний: Ямпольский М. Указ. соч. С. 76-77.

эффект имитации кастрации, что приводило не просто к унижению, но и к символическому лишению виновного его половой идентичности, к превращению его в женщину и, как следствие, к исключению его из общества полноценных мужчин¹¹⁴.

* * *

Подобная трактовка «бега» могла бы выглядеть в высшей степени умо-зрительной, не располагай мы весьма интересными историческими параллелями к такому восприятию данного наказания. Параллели эти хоть и относятся к древнегреческому полисному праву, но их истинное происхождение до сих пор остается неясным.

Первой из тех, кто обратил пристальное внимание на систему наказаний, полагавшихся за адюльтер в Античности, была, насколько можно судить, Полин Шмитт-Пантель. Она отмечала, что полисы, в которых применялся именно «бег» (или «прогулка»), находились на периферии греческого мира – в Трифилии, Эолиде, Писидии. Жители этих мест не воспринимались как настоящие греки, хотя и «варварами» не считались. Их называли *μιζοβαρβαροι* (полуварвары), а принятые в их среде нормы права рассматривались населением центральных районов Греции как привнесенные извне, заимствованные из других культур¹¹⁵.

Тем не менее, о какой бы области ни шла речь, адюльтер расценивался здесь как прямой отказ от нормальной семейной жизни и рождения потомства, а значит – как угроза всему обществу в целом. Исключение представляла Спарта, где, в отличие от других греческих полисов, в прелюбодеянии могли обвинить только неженатого мужчину, чей холостой статус всячески осуждался. В зимнее время взрослые спартанцы, не состоявшие в браке, должны были нагими обходить агору, распевая особую песню, в которой признавали, что понесли данное наказание заслуженно, ибо не повиновались законам, предписывавшим им иметь жен¹¹⁶.

Как свидетельствовал Гераклид Понтийский, в некоторых полисах (например, в Лепреоне в Трифилии) в качестве наказания за адюльтер также практиковался обычай, очень похожий на средневековую французскую уголовную практику, – пробежка (или «прогулка») любовника замужней женщины по городу или за его пределами, вокруг стен,

¹¹⁴ Имитация наказания (например, в отношении судьи, вынесшего несправедливое решение и в свою очередь приговоренного к тому же самому наказанию) была весьма распространенным явлением в средневековом судопроизводстве. Подробнее см.: Тогоева О.И. «Истинная правда». С. 282-299.

¹¹⁵ Schmitt-Pantel P. *L'âne, l'adultère et la cité // Le Charivari. Actes de la table ronde organisée à Paris (25-27 avril 1977) par EHESS et CNRS / Publiés par J. Le Goff et J.-C. Schmitt.* P., 1981. P. 117-122.

¹¹⁶ Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима / Пер. В.К. Ронина. М., 1988. С. 140.

что означало символическое исключение преступника из общества¹¹⁷. Такую пробежку мужчина совершал связанным, что в обычной жизни считалось совершенно неприемлемым по отношению к взрослому свободному человеку, ибо унижало его и приравнивало к рабу¹¹⁸.

П. Шмитт-Пантель полагала возможным уподобление этого типа наказания за адюльтер двум другим правовым нормам, принятым, в частности, в Афинах. Пойманный с поличным прелюбодей подвергался насильственной эпиляции либо процедуре *ράφανιδωθή*, когда ему в анальное отверстие вставляли хрен (или редьку)¹¹⁹. То, что выбривание лобка являлось здесь повседневной женской практикой, уже превращало первое из упомянутых наказаний в нечто чрезвычайно унижительное для мужчины, поскольку таким образом его совершенно недвусмысленно уподобляли представительницам слабого пола. То же относилось и ко второму наказанию – *ράφανιδωθή* – символически изображавшем соитие и также «превращавшем» преступника в женщину и даже – в проститутку, услуги которой были доступны всем¹²⁰. Похожая участь ждала мужчин, нарушивших законы Гортины, где на виновных в адюльтере надевали корону из шерсти (что также ассоциировалось с женскими повседневными занятиями) и в таком виде выставляли на всеобщее обозрение¹²¹. Для прелюбодеев существовал термин *άνανδρος*, что буквально означало «не мужчина» и отсылало к образу греческого бога Адониса¹²².

Символическое превращение в женщину – так же, как и в рассмотренных ранее примерах с имитацией кастрации в городах средневековой Франции, – лишало преступившего закон мужчину общества ему подобных, делало его изгоем, поскольку вместе с половой идентичностью он терял и право быть гражданином полиса¹²³.

* * *

Формальная и смысловая близость наказаний, полагавшихся прелюбодеем в Древней Греции и во французских городах эпохи Средневековья и раннего Нового времени, заставляет задуматься о возможном

¹¹⁷ Schmitt-Pantel P. Op. cit. P. 118, 122.

¹¹⁸ Ibid. P. 119.

¹¹⁹ Allen D.S. The world of Prometheus: the politics of punishing in democratic Athens. Princeton, 2002. P. 214.

¹²⁰ Михайлин В.Ю. Указ. соч. С. 304.

¹²¹ Schmitt-Pantel P. Op. cit. P. 119-120. В Афинах при рождении девочки двери дома украшали шерстяными нитями: Винничук Л. Указ. соч. С. 155.

¹²² Об образе Адониса см. подробнее: Détienne M. Les jardins d'Adonis. La mythologie des aromates en Grèce. P., 1972. См. также: Bowie A.M. Op. cit. P. 46, 48-49, 56, 93. О буквальном воспроизведении этой традиции в Византии: Kazhdan A. Women at Home // DOP. 1998. Vol. 52. P. 1-17, здесь P. 14.

¹²³ Bowie A.M. Op. cit. P. 46. Той же участи заслуживали, согласно полисному праву, мужчины, занимавшиеся проституцией: Dover K.J. Classical Greek Attitudes. P. 67-68; Cohen D. Op. cit. P. 12-14.

влиянии одной правовой системы на другую. К сожалению, в специальной литературе, насколько можно судить, происхождение *course* в подобном ключе пока не рассматривалось. Жан-Мари Карбасс, настаивавший, как я уже упоминала, на бытовании данного обычая исключительно в южных областях королевства, полагал, что его корни следует искать на Пиренейском полуострове¹²⁴.

И действительно в этом регионе «бег» использовался в качестве наказания за адюльтер уже в XI–XII вв. Во всяком случае, о знакомстве с подобной нормой свидетельствуют местные правовые тексты. Одними из самых ранних являлись грамота, дарованная Олорону (Беарн) в 1080 г.¹²⁵, и сборник фуэро Миранды-де-Эбро 1095 г., где *course* предлагалось применять, если женатого человека пытались соблазнить посторонние женщина или мужчина. Таким образом, «бегом» здесь наказывалась не только собственно супружеская измена, но ее «прелюдия»¹²⁶. Однако уже в грамоте, дарованной Аграмуну в 1113 г., речь шла исключительно об адюльтере¹²⁷. Тот же контекст присутствовал в грамоте, выданной Льеиде в 1149 г.¹²⁸, и в тексте фуэро Теруэля 1176 г.¹²⁹ В более поздних документах – например, в фуэро Валенсии (кон. XIII–нач. XIV в.) – «бег» предлагалось использовать, если в незаконной сексуальной связи подозревали христианина и сарацинку¹³⁰.

Столь широкое распространение данной правовой нормы на территории Пиренейского полуострова позволяет, на мой взгляд, и в самом

¹²⁴ Carbasse J.-M. Op. cit. P. 89, 99.

¹²⁵ “Examentz, si augun homi de questa ciutat sera prees en adulteri, eg ab sa molher corren exetz bestiduras per tote la carrere ciutat” (For de Béarn, législation inédite du XIème au XVème siècle / Ed. par A. Mazure. Pau; P., 1841. P. 217).

¹²⁶ “Et si aliquis vir vel mulier pro sua facinia acceperit virum uxorum per capillas vel per barbam aut per testiculos redimat pugnum pro medio homicidio, et si non potuerit redimere jaceat in carcere xxx diebus et postea sint fustigati ab una parte ville usque ad aliam” (Muñoz y Romero T. Colección de fueros municipales y cartas pueblas. Madrid, 1847. T. 1. P. 348).

¹²⁷ “Si autem aliquis fuerit captus in adulterio cum uxore adulterius, currant ambo vir et mulier per majorem carrieram acrimontis nudi, et sint verberati. Aliud damnum non eveniat eis aliquo modo” (Ibid. P. 400).

¹²⁸ “Currant ambo vir et femina per omnes plateas civitatis ilerdae nudi et verbat nec aliud damnum, honoris vel pecuniae inde sustineant” (Loscertales P. Costumbres de Lérida. Barcelona, 1946. P. 7).

¹²⁹ “De eo qui duas in simul duxerit. Similiter quicumque in aliis partibus uxorem nuptam habuerit, et illa vivente, in turulio cum alia nupserit et si probatum fuerit suspendatur. Si vero dominum fecerit fustificetur per plateas et per omnes calles et eiciatur sine remedio de hoc villa” (Aznar y Navarro F. Colección de Documentos para el Estudio de la Historia de Aragón. Saragossa, 1905. T. 2. P. 204).

¹³⁰ Варьяш И.И. Сексуальные связи сарацинок с христианами в землях Арагонской Короны: норма и практика // ЭНОЖ «История». 2017. Вып. 6 (60): Европейское право эпохи Средневековья и Нового времени: между нормой и практикой: <https://history.jes.su/s207987840001903-2-1>.

деле предполагать, что именно отсюда она была заимствована в XIII в. французскими юристами, тем более, что исследователи нашли уже немало иных пересечений в текстах испанских фуэро и южнофранцузских кутюм¹³¹. Тем не менее, определить, откуда *course* появился на самих Пиренеях, значительно труднее. Проблема осложняется не только тем, что до сегодняшнего дня никто из историков даже не пытался связать воедино традиции отдельных греческих полисов с испанскими правовыми нормами. Не менее важно и еще одно, дошедшее до нас от поздней Античности письменное свидетельство об использовании «бега» в качестве наказания за адюльтер, принадлежащее Тациту. В нем сообщается о точно таком же обычае, принятом на вооружение в некоторых германских племенах:

У столь многолюдного народа прелюбодеяния крайне редки; наказывать их дозволяется незамедлительно и самим мужьям: обрезав изменнице волосы и раздев донага, муж в присутствии родственников выбрасывает ее из своего дома и, настигая бичом, гонит по всей деревне; и сколь бы красивой, молодой и богатой она ни была, ей больше не найти нового мужа. Ибо пороки там ни для кого не смешны, и развращать и быть развращаемым не называется у них – идти в ногу с веком¹³².

Идея о том, что на средневековые французские кутюмы оказали прямое воздействие варварские обычаи I в. н.э., была отброшена специалистами как необоснованная еще в конце XX в.¹³³ Это, однако, никак не приблизило их к решению вопроса, в какой взаимосвязи находились греческие и испанские нормы права, касавшиеся наказания за адюльтер. Правда, Ф. Рок предложил в свое время гипотезу, согласно которой германские племена (и, в частности, вестготы) оказали самое непосредственное воздействие на законодательство Пиренейского полуострова, в том числе – в сфере уголовного преследования преступлений сексуального характера. Тем не менее, исследователь признавал, что ни в эдиктах вестготских королей, ни в «Книге приговоров» (*Lex visigothorum*) такая норма как «бег» не упоминалась ни разу¹³⁴. Таким образом, его концепция, какой бы привлекательной она

¹³¹ См., в частности: Ourliac P. Les coutumes méridionales et les fueros // *Annales de la faculté de droit de Toulouse*. 1958. Vol. 6. P. 148-155. О заимствовании наказания «бегом» в городах Южной Франции из испанской практики см. специальное исследование: Roques F. Note sur l'origine de la Course // *RHDFE*. 1959. Vol. 36. P. 398-406.

¹³² Тацит Корнелий. О происхождении германцев и местоположении Германии // Тацит Корнелий. Сочинения в двух томах. Т. 1: Анналы. Малые произведения / Пер. А.С. Бобовича. Л., 1969. С. 345.

¹³³ Roques F. Op. cit. P. 398; Carbasse J.-M. Op. cit. P. 89.

¹³⁴ Roques F. Op. cit. P. 400-401. «Книга приговоров» (VII в.) рассматривала как совершенно легитимную реакцию на адюльтер убийство прелюбодеев законным супругом женщины или ее отцом, т.е. самосуд: Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование / Общ. ред. О.В. Аутова, А.В. Марья. М., 2012. С. 565.

ни казалась, повисала в воздухе. Более того, она никак не учитывала явно греческого происхождения данного типа наказания.

Однако, именно свидетельства, впервые собранные П. Шмитт-Пантель, могут, как мне представляется, пролить некоторый свет на долгую историю *course*. На мой взгляд, именно от населения *пограничных* греческих полисов германские племена в своем движении на Запад могли почерпнуть сведения о столь экзотическом наказании. Из того же источника, по всей видимости, информацию о существовании подобного правового обычая получили и византийские законотворцы. И хотя ни в одном документе, вышедшем из их скрипториев, насколько мне известно, не упоминалось о наказании «бегом», совершенно очевидно, что очень многие нормы частной жизни и ее регламентации были заимствованы в Империи из полисного права. В Византии также вполне легальным считалось разрешение конфликта посредством самосуда (убийство насильника или любовника замужней женщины ее супругом и отцом не являлось здесь преступлением¹³⁵) или же официальным путем, предусматривавшим использование принципа талиона: публичную порку, отрезание носа, обривание и т.д.¹³⁶ В свою очередь, именно византийское законодательство оказало существенное влияние на развитие правовой сферы на Пиренейском полуострове¹³⁷. Именно так там и мог появиться обычай использовать «бег» в качестве наказания неверных жен и их любовников, который затем практически в неизменном виде оказался перенесен на французскую землю¹³⁸. И хотя – повторяюсь – у нас нет ни одного *прямого* доказательства подобного происхождения *course*, мы, тем не менее, располагаем весьма важным косвенным подтверждением данной гипотезы. К рассмотрению этого аргумента мы теперь и обратимся.

¹³⁵ Deswarte T. Une sexualité sans amour? Sexualité et parenté dans l'Occident médiéval // CRM. 2005. № 190. P. 141-164, здесь P. 148-149.

¹³⁶ См. прим. 52.

¹³⁷ Lopez R.S. Op. cit. См. также: Martin C. Ne inter conjuges divortium fiat // Splendor Reginae. P. 93-99, здесь P. 95-96; Кофанов Л.Л. Римское право в Испании до VI века // Вестготская правда (Книга приговоров). С. 19-31, здесь С. 28-29; Марей А.В. Уголовное и гражданское право в «Вестготской правде» («Книге приговоров») // Там же. С. 134-151. Об использовании вестготами в качестве наказания за похищение свободной женщины насильственной эпиляции (декальвации) см. специальное исследование: Ауров О.В. "Alço la mano, a la barba se tomo": Из истории испанской средневековой правовой символики // Кентавр / Centaurus. Studia classica et medievalia. Вып. 1. М., 2004. С. 125-160.

¹³⁸ Дэвид Коэн отмечал, что восприятие адюльтера и, как следствие, наказания за него как унижающих достоинство мужчины (мужа или любовника соответственно) было характерно для всего средиземноморского региона, от Греции до Пиренейского полуострова включительно: Cohen D. Op. cit. P. 10-11.

ГЛАВА 3

Бесконечная «прогулка на осле»

Исследуя систему наказаний за адюльтер в Древней Греции, связующим звеном между «бегом» по городу или вокруг его стен и наказаниями, буквально превращающими мужчину в женщину (насильственной эпиляцией и *ράφανιδωθή*), Полин Шмитт-Пантель называла еще одну, весьма любопытную норму полисного права – «прогулку на осле»¹. Традиция эта, насколько можно судить, возникла еще в Древности, самым активным образом развивалась в эпоху Средневековья и в Новое время, а последние случаи обращения к ней датируются и вовсе началом XX в.

Любопытно, что за все время своего существования «прогулка на осле» не претерпела сколько-нибудь существенных формальных изменений: последовательность действий, из которых складывался данный ритуал, практически всегда оставалась неизменной, как, впрочем, и их символический смысл. Однако весьма разнообразное применение «прогулки» позволяет, как мне кажется, до некоторой степени проникнуть в систему мировосприятия людей прошлого и, в частности, понять, как именно они представляли себе саму сущность определенных общественных институтов и насколько тесно, с их точки зрения, соприкасались сферы частной и публичной жизни.

* * *

Наказание «прогулкой на осле» как в Античности, так и позднее, относилось к сфере уголовного права и применялось как в судебных, так и в парасудебных ситуациях. Суть ритуала состояла в том, что человека – преимущественно мужчину – катали верхом на осле по улицам города при большом скоплении народа. Дабы усилить диффамационный эффект от наказания, к символическому смыслу которого мы еще вернемся, преступника часто усаживали задом наперед, заставляя держаться за хвост животного.

Одни из самых ранних упоминаний о «прогулке» встречаются в древнегреческих источниках. Была ли она заимствована полисным правом (например, с Востока) или являлась местным изобретением, сказать, к сожалению, почти невозможно. Единственное, что мы знаем точно, – в Древней Греции это наказание использовалось только тогда,

¹ Schmitt-Pantel P. Op. cit. P. 122.

когда речь шла о преступлениях, совершенных на сексуальной почве. Как сообщал Николай Дамасский (I в. до н.э.), в некоторых городах Писидии на осле «катали» мужчин:

Если кто-либо будет схвачен как прелюбодей, то в течение установленного числа дней его и женщину возят по городу на осле².

Впрочем, тому же наказанию могли подвергнуть и неверную супругу. Так, Плутарх (I в. н.э.), описывая нравы, царившие в эолийской колонии Киме, писал:

Женщину, уличенную в неверности, выводили на площадь и ставили всем напоказ на какой-то камень. Затем ее сажали на осла (*ὄνος*) и провозили вокруг всего города, а потом она опять должна была стоять на том же камне. После этого женщина оставалась обесславленной на всю жизнь и звалась «онобатис»; камень же из-за этого считался нечистым, и его чурались³.

Скромное количество упоминаний ритуала «катания на осле» вовсе не означает, что данная практика являлась в Античности исчезающе редкой; напротив, она оказалась весьма живучей. И хотя мы не находим ее следов в римском уголовном судопроизводстве (как периода Республики, так и периода Империи), явная отсылка к «прогулке» присутствовала, например, в «Метаморфозах» Апулея (II в. н.э.), ставших, по мнению современных исследователей, латинской адаптацией греческого романа «Лукий, или осел» псевдо-Лукиана или написанных под его сильнейшим влиянием⁴. Главный герой Апулея, Луций, превращенный колдуньей в осла, возил на спине прекрасную Хариту, чья чистота и невинность ставились, таким образом, автором под сомнение. Недаром разбойники, в плену у которых оказывались оба героя, предлагали сделать из нее «потаскушку» и продать в публичный дом⁵. Непристойный характер отношений осла и девушки обыгрывался Апулеем и в сцене возвращения Хариты к родным при посредстве ее жениха Тлеполема:

Действительно, для всякого пола и возраста картина была небывалая и, клянусь Геркулесом, достойная памяти, как дева торжественно въезжала верхом на осле. Я сам повеселел и, чтобы не сочли, что я ни при чем в этом

² Николай Дамасский. Собрание замечательных обычаев из сборника Стробея / Пер. под ред. Е.Б. Веселаго // ВДИ. 1960. № 4. С. 237-248, здесь С. 238.

³ Плутарх. Греческие вопросы / Пер. Н.В. Брагинской // Плутарх. Застольные беседы. Л., 1990. С. 223-241, здесь С. 223.

⁴ Полякова С.В. «Метаморфозы» или «Золотой осел» Апулея. М., 1988. С. 24-27; Грабарь-Пассек М.Е. Апулей // Апулей. Апология. Метаморфозы. Флориды. М., 1993. С. 357-372.

⁵ Апулей. Метаморфозы, или Золотой осел / Пер. М. Кузмина // Апулей. «Метаморфозы» и другие сочинения. М., 1988. С. 214.

деле, наострил уши, раздул ноздри и громко заревел, огласив все кругом звучным ревом⁶.

Возможно, именно с греческой традицией следует связать и популярность «катания на осле» в качестве уголовного наказания в Византии, где его использование фиксировалось уже с V в. Правда, здесь на этих малопочтенных животных усаживали не прелюбодеев, но людей, совершивших *политическую* измену – светских или церковных узурпаторов. Так, в «Войне с вандалами» Прокопия Кесарийского (490/507–после 565) подробно описывалось наказание, которому в 426 г. император Валентиниан III (419–455) подверг своего соперника Иоанна:

Сын Аркадия Феодосий послал против этого Иоанна большое войско под начальством Аспара и Ардавурия, сына Аспара; он лишил Иоанна власти и передал царскую власть Валентиниану, совсем еще мальчику. Валентиниан, захватив Иоанна живым, велел отправить его на ипподром Аквилеи, отрубить ему одну руку, провезти его перед народом посаженным на осла и, заставив испытать множество оскорблений от слов и действий мимов, казнил. Так Валентиниан получил власть над Западом⁷.

Точно так же в 742 г. расправился с лжепатриархом Анастасием император-иконоборец Константин V (718–775):

Давая конские игры, приказал вывести Артавазда с детьми его и с друзьями, связанных, провести через ристалище со лжеименным патриархом Анастасием, ослепленным публично и на осле к хвосту посаженным⁸.

В 768 г. похожая участь постигла лжепатриарха Константина:

В тот же день на ипподроме выдергали ему ресницы и брови, выдергали всю бороду и все волосы с головы; потом одели в шелковый без рукавов мешок, посадили на осла наизворот оседланного, за хвост которого он должен был держаться, и вели его через малый на великий ипподром, а весь народ и все стороны смеялись и плевали на него⁹.

⁶ Там же. С. 216. В указанном эпизоде, по замечанию С.В. Поляковой, «можно усмотреть насмешливый намек на евангельскую сцену въезда Христа на осли в Иерусалим» (Полякова С.В. Указ. соч. С. 10). Об обыгрывании этого библейского сюжета в карнавальной культуре Средневековья см. ниже.

⁷ Прокопий Кесарийский. Война с вандалами / Пер А.А. Чекаловой // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М., 1993. I. III. 9.

⁸ Феофан Византиец. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / Пер. В.И. Оболенского, Ф.А. Терновского // Феофан Византиец. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. Приск Панийский. Сказания. Рязань, 2005. § 306-307.

⁹ Там же. § 322.

В 1043 г., подавив восстание Георгия Маниака, Константин IX Мономах (ок. 1000–1055) устроил триумф в честь победы, приказав прогнать мятежников «не в строю и не в пристойном виде, но... на ослах, задом наперед, с обритыми головами, с кучей срамной дряни вокруг шеи»¹⁰.

Именно из Византии, на мой взгляд, обычай катания преступника на осле был воспринят в Средние века и в странах Западной Европы. Впрочем, здесь оказались задействованы обе правовые традиции – как греческая, так и византийская. Иными словами, подобное наказание могло полагаться как за «обычный» адюльтер, так и за политическую измену: при этом в первом случае речь шла исключительно о парасудебных ситуациях, тогда как во втором – о приговорах, вынесенных официальными властями.

Во Франции «прогулка на осле» пользовалась особой популярностью и даже получила специальное название – *azouade*. К ней прибегали жители того или иного города, когда хотели лично расправиться с человеком, признанным ими виновным в адюльтере¹¹. Любопытно отметить, что в роли последнего обычно выступал здесь не любовник неверной женщины, но ее собственный законный супруг, всеми способами пытавшийся скрыть прискорбный факт измены. Та же участь была уготована мужчине, если жена имела обыкновение бить его, а он не предпринимал никаких ответных мер. Вне зависимости от состава преступления, «преступника» следовало усадить на осла задом наперед и в таком виде катать по улицам города¹².

Тем не менее, в отличие от *course*, «прогулка» не являлась в средневековой Франции правовой нормой; только за отказ подчиниться требованиям окружающих официальные власти назначали «виновному» штраф. Главными свидетелями и гарантами приведения парасудебного приговора в исполнение в данном случае становились соседи семейной пары, которые и заставляли обманутого мужа следовать традиции. Ближайший сосед обязан был лично вести животное под уздцы, хотя и не всегда на это соглашался¹³. В случае категорического отказа со стороны опозоренного мужчины сесть на осла, его роль мог также исполнить кто-нибудь из соседей¹⁴. Порой конфликт между участниками процедуры приводил к кровопролитию. Так, в 1376 г. в Санлисе супруги, приговоренные к *azouade*, попытались сбежать от преследо-

¹⁰ Михаил Пселл. Хронография / Пер. Я.Н. Любарского. М., 1978. Кн. 6. § 87.

¹¹ Подробное описание *azouade* см. в: Flandrin J.-L. Familles. Parenté, maison, sexualité dans l'ancien société. P., 1976. P. 40, 122-123.

¹² "Les maris qui se laissent battre par leur femmes seront contraints et condamnés a chevaucher un asne le visage par devers la queue dudit asne" (цит. по: Ibid. P. 122, курсив мой – О.Т.).

¹³ Например, в Гаскони штраф за отказ вести по улицам города осла составлял 10 ливров: Ibid. P. 122.

¹⁴ "Icelui Martin commença à dire que Jehanne femme de Guillaume du Jardin de la paroisse de sainte Marie des Champs, près Vernon sur Saine, avoit batu sondit mary, et qu'il convenoit que ledit Vincent, qui estoit le plus prouchain voisin d'icelluy mary batu, chevauchast un asne parmi la ville... tourné le visage pardevers le cul dudit asne, en disant et criant à haulte voix, que c'estoit pour ledit mary, que sa femme avoit batu" (Du Cange C. Op. cit. Bd. 1. S. 423).

вателей, с которыми в конце концов подрались. В 1393 г. в Кальвадосе, в 1404 г. в Юре, а в 1417 г. в Сантонже были отмечены убийства мужчин, которым было поручено вести осла под уздцы¹⁵. И все же обычай катать на осле мужа прелюбодейки оказался во Франции чрезвычайно живучим. Если в Италии существование данного наказания фиксировалось в источниках на протяжении XIII–XV вв.¹⁶, а в Германии к нему прибегали вплоть до конца XVI в.¹⁷, то, например, в Гаскони *azouade* использовалась и в XVIII, и в XIX в.¹⁸. Последнее же ее упоминание относится и вовсе к 1942 г., к периоду немецкой оккупации¹⁹. (Илл. 5)

То обстоятельство, что на осле ехал не любовник, а именно супруг неверной особы, не должно нас слишком смущать, тем более, что иногда на его месте все же оказывался его более счастливый соперник²⁰. Известно, что и в Древней Греции не только мужчина, соблазнивший замужнюю даму, но и ее муж – в том случае, если он не предпринимал против нее никаких карательных мер, – лишался гражданских прав²¹. Близким по смыслу к *azouade* оказывался и обычай шаривари – катания на осле в той же самой унижительной позе немолодого человека, сочетавшегося повторным браком с совсем юной девушкой²². Подобный союз символически приравнивался, по выражению Тертулиана, к «скрытому адюльтеру», поскольку, по мнению окружающих, чаще всего не мог привести к появлению у пары потомства²³. (Илл. 6)

Интересно, что обычай катать на осле супруга или любовника неверной женщины прослеживается как по западноевропейским, так и, к примеру, по северокавказским источникам. Достаточно вспомнить историю Урызмага и Сатаны, известную нам по осетинскому эпосу,

¹⁵ *Flandrin J.-L.* Op. cit. P. 123. В 1593 г. советник парламента Бордо, отказавшийся вести под уздцы осла с сидящим на нем соседом, вынужден был уплатить штраф: *Ibid.* P. 122.

¹⁶ *Taddei I.* *Gioco d'azzardo, ribaldi e baratteria nelle città della Toscana tardo-medievale* // *Quaderni storici*. 1996. Vol. 31. № 92 (2). P. 335-362.

¹⁷ Например, власти Дармштадта оплачивали в этот период услуги специального человека, ухаживавшего за ослом, который предназначался для «прогулки»: *Mellinkoff R.* *Riding Backwards: Theme of Humiliation and Symbol of Evil* // *Viator*. 1973. Vol. 4. P. 153-186, здесь P. 163.

¹⁸ *Cailluyer J.* *Une azouade manquée à Sabres en 1866* // *Bulletin de la société de Borda*. 1973. № 97. P. 197-206; *Fabre D., Traimond B.* *Le charivari gascon contemporain: un enjeu politique* // *Le Charivari*. P. 23-34; *Desplat C.* *Charivaris en Gascogne. La "morale des peuples" du XVIe au XXe siècle.* P., 2007. P. 76-95.

¹⁹ *Fabre D., Traimond B.* Op. cit. P. 29.

²⁰ К первой половине XVI в. относятся несколько английских примеров, когда на осле катали любовников неверных жен, а не их супругов: *Mellinkoff R.* Op. cit. P. 161.

²¹ *Just R.* *Women in Athenian Law and Life.* L.; N.Y., 1989. P. 68-70.

²² Подробнее о шаривари см.: *Grinberg M.* *Charivaris au Moyen-Ages et à la Renaissance: Condamnation des remariage ou rites d'inversion du temps?* // *Le Charivari*. P. 141-147; *Boiteux M.* *Deraison et deviance: à propos de quelques coutumes romaines* // *Ibid.* P. 237-249.

²³ *Colin-Goguel F.* *L'image de l'amour charnel au Moyen Âge.* P., 2008. P. 167.

разрозненные сказания которого стали объединяться в циклы в XIII–XIV вв. Речь в данном случае шла не только об инцесте, ибо герои приходились друг другу братом и сестрой, но и об измене Урызмага своей первой жене – Эльде. Согласно легенде, Сатана, дабы избежать ненужных пересудов, сама предложила мужу проехаться на осле:

«Осрамила ты меня, Сатана, как нам жить теперь среди Нартов, как на людях показаться?». «Людской хулы – на два дня, срам невелик, – сказала Сатана, – а как забыть про срам, я тебя научу. Поди, сядь на осла задом наперед и трижды прогуляйся на нем посреди Ныхаса. Гляди, как поведут себя люди, потом мне расскажешь»²⁴.

Урызмаг послушался совета и, добровольно выставив себя на посмеище, изменил спорную правовую ситуацию в свою пользу: вдоволь поиздевавшись над собственным правителем, подданные, тем не менее, признали его брак с Сатаной законным:

Сатана ему сказала: «Ну и наше дело таково: сперва посмеются, а потом никто уж о нас и не вспомнит». Когда люди узнали, что Урызмаг женился на своей сестре Сатане, то сперва над ними стали смеяться, а потом и вправду никто уж о них и не вспоминал. Так и стали жить Урызмаг и Сатана как муж и жена»²⁵.

Записанные в 1920-е гг. предания нартов любопытным образом пересекались и с историей Грузии того же времени. Если довериться писателю Георгию Леонидзе, обычай катать на осле неверную жену сохранялся здесь в горных селениях вплоть до начала XX в.:

Даже и сейчас волосы у меня встают дыбом при воспоминании об ужасном зрелище, представившемся моим глазам. По улице стремилась рекой разъяренная, буйная деревенская толпа. Она волновалась, бурлила, роптала, негодовала, металась, как поток в своем ложе... Толпа гнала перед собой осла. На осле сидела лицом к хвосту женщина в одной рубашке... И только безмолвный Цицикорэ стоял поодаль с суровым и непреклонным видом... Он не сомневался в своей правоте! Он ведь встал на защиту вековых понятий чести и нравственности, оградил родное село от позора, не захотел простить виновным явное преступление!²⁶

²⁴ Цит. по: Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология / Пер. А.З. Алмазовой. М., 1977. С. 240.

²⁵ Там же. С. 241.

²⁶ Леонидзе Г.Н. Волшебное дерево. Воспоминания детских лет. М., 1977. С. 208–210. В основанном на произведениях Г.Н. Леонидзе фильме Тенгиза Абуладзе «Древо желания» (1976 г.) «прогулка на осле» предшествовала смерти главной героини и ее возлюбленного. Сквозной сюжетной линией картины являлась история возвращения в деревню Мариты, которая влюблялась в небогатого односельчанина Гедиа. Родственники девушки и местный староста решали, тем не менее, выдать ее замуж за богатого пастуха. Тайные встречи молодой женщины с Гедиа дали повод заподозрить ее в супружеской измене. Под руководством старосты Мариту провозили через деревню, усадив задом наперед на осле, и забрасывали грязью.

Возвращаясь к Западной Европе, напомним, что здесь не была забыта и византийская традиция, согласно которой человек, запятнавший себя политической изменой, также вполне мог оказаться усаженным на осла. Например, в итальянском декрете, датированном 1131 г., о подобных преступлениях говорилось прямо:

Пусть о том, кто предаст своих союзников, не останется памяти, но пусть он сядет задом наперед на осла и возьмет его хвост в руки²⁷.

Близкий вариант ритуала, по всей видимости, принятый в Англии XIII в., описывался в «Ле о Хавелоке Датчанине». Речь в нем шла, в частности, о Годаре и Годрихе, наказанных за измену весьма схожим образом. Годара, связанного по рукам и ногам, избили, а затем усадили на «покрытую коркой парши кобылу, так что его нос утыкался ей в зад»²⁸. Годриха же привязали задом наперед к чрезвычайно грязному ослу и «в таком унижительном виде» отправили в Линкольн²⁹. «Прогулкой на осле» за предательство в Европе карали еще в XVI в. Например, шведский король Густав Ваза (1496–1560) в 1526 г. наказал подобным образом Педера Суннанвадера и Мастера Кнута. А в 1566 г. его сын, Эрик XIV (1533–1577), посадил на осла Нильса Стире, также заподозрив его в измене³⁰.

В то же время – и такую практику можно, вероятно, считать определенным «новшеством» по сравнению с более ранним периодом – «прогулка» стала использоваться в качестве наказания для людей церкви – предстоятелей, святых, мучеников или юродивых. Так, в 998 г. по приказу Григория V (970/972–999) похожим образом расправились с антипапой Иоанном XVI: ему отрезали уши, нос и язык, выкололи глаза и провезли на осле в вывернутых наизнанку одеждах, посадив задом наперед³¹. По сообщению автора жития Джованни Коломбини (1300–1367), этот святой не только сам неоднократно усаживался на осла, но и заставлял это делать своих последователей³². В 1556 г., согласно записям очевидца, еретики, приговоренные к смер-

²⁷ Mellinkoff R. Op. cit. P. 156.

²⁸ “And keste him on a scabbed mere, / Hise nese went up-to the crise” (The Lay of Havelok the Dane / Ed. by W.W. Skeat. Oxford, 1915. V. 2449-2450).

²⁹ “And demden, him to binden faste / Vp-on an asse swikthe un-wraste, / Andelong, nouht ouer-thwert, / His nose went unto the stert, / And so [un]-to Lincolne lede, / Shamelike in wicke wede” (Ibid. V. 2820-2825).

³⁰ Mellinkoff R. Op. cit. P. 159.

³¹ Ibid. P. 155.

³² Иванов С.А. Блаженные похабы. Культурная история юродства. М., 2005. С. 361-362. Об отношениях Коломбини со своими последователями, имитирующих отношения Иисуса Христа и Его апостолов, см.: *Gagliardi I. Giovanni Colombini e la “brigata de povari”. Padri spirituali e figlie devote a Siena alla fine del Trecento // Annali dell’Istituto storico italo-germanico in Trento. 1998. T. 24. P. 375-414.*

ти испанской Инквизицией, были доставлены к месту казни следующим образом:

Затем все они оказались схвачены, и каждый был усажен на осла задом наперед, и в таком виде в сопровождении большого числа вооруженных солдат их отвезли на место казни, которое располагалось за городскими воротами и называлось Дель Кампо³³.

Эта практика была актуальна для Испании и 100 лет спустя³⁴.

Любопытно, что, как и в случае с наказанием за адюльтер, «прогулка на осле» в делах о политической или религиозной измене получила распространение не только к западу, но и к востоку от Византии. Например, она упоминалась в «Житии Авраамия Ростовского» (не ранее XV в.): ей подвергся сам преподобный, которого бес, обернувшийся воином, обвинил перед князем в колдовстве:

Князь же великы Володимер разжегся гневомъ велиим на преподобнаго, и посла воина люта зело и сверепа по преподобнаго... В то же время преподобному на келейной молитве стоящу после съборнаго пения, во единой власянице, и не обуен в сандалиа. И прииде в то время злый и сверепый воин, не имый милости о преподобнем, не дадѣше ни глаголати к себе преподобному, ни ризами облачитися, ни обувения ногам, тако бо сатана обуя ему сердце. Видя же преподобный вражду вражию, бывшую нань, не убоаяся, но паче благодарѣше Бога о приключившейся нань беде. Възем же его воин, посади его на свой конь за бедра, и женѣше к Володимерю. И обрет на ону страну езера селянина, ездѣща на пезе ослиатице, в руке имы сандалиа женьскаа червлѣны суть, и въсади преподобнаго на ослиатице, и сандалиа въложи на ногу его. И абие постави его пред державою великого князя Владимера во единой власянице, безчестуема, яже на теле ношааше³⁵.

В правление Ивана Грозного (1530–1584) заподозренные в государственной измене митрополит Филипп (1507–1569) и архиепископ Новгородский Пимен († 1571) понесли схожее наказание. Филиппа, лишённого сана за открытое противостояние Ивану IV и, в частности, за жесткую критику опричнины, выслали в Тверь в разодранных ризах на дровнях, символизовавших путь в загробный мир, – или, если довериться слухам, которые передавал Андрей Курбский, «посадив на вола опоко», т.е. задом наперед. Что же касается Пимена, то его царь

³³ Baker J.A. Complete History of Inquisition. Westminster, 1736. P. 360. Похожие примеры см. в: Ibid. P. 397; Зеленина Г.С. Огненный враг марранов. Жизнь и смерть под надзором инквизиции. М.; СПб., 2018. С. 226, 255.

³⁴ The Ingenious and Diverling Letters of the Lady's Travels into Spane. L., 1708. P. 219–220.

³⁵ Житие Авраамия Ростовского // Тихомиров М.Н. Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968. С. 187. Подробнее об этом эпизоде: Юрганов А.Л. Убить беса. Путь от Средневековья к Новому времени. М., 2006. С. 272.

обвинил в желании «Новгород и Псков отдать литовскому королю», за что с архиепископа сорвали белый клобук и отправили в Москву, привязав к кобыле, объявленной его «женой», и дав в руки волюнку или гусли³⁶.

Возможно, впрочем, что обычай катать неугодного политического противника (в том числе, представителя церкви) на осле пришел в русские земли не напрямую из Византии. Вернее, в самой Империи он мог возникнуть не только и не столько под греческим влиянием. Не менее важным представляется существование такого рода наказания в восточной – прежде всего, персидской и арабской – традиции. Не случайно в «Сказках тысячи и одной ночи» рассказывалась история еврея, пытавшегося обратить в свою веру жену-мусульманку и за это наказанного «прогулкой на осле»³⁷:

И с еврея сняли его шелковую одежду и надели на него волосяную одежду Зейн-аль-Мавасиф, и его кинули на землю, выщипали ему бороду и больно побили его по лицу сандалиями, а потом его посадили на осла, лицом к зад, и вложили хвост осла ему в руки, и его возили вокруг города, пока не обошли с ним весь город. А потом с ним вернулись к кади, и он был в великом унижении, и четверо кадиев присудили его к отсечению рук и ног и распятию³⁸.

О персидских корнях «прогулки на осле» свидетельствовала история св. Бидзина Чолокашвили – грузинского князя, пострадавшего в 1661 г. от руки Аббаса II (1632–1667). Даже когда на глазах святого мученической смертью погибли его сподвижники – Элизбар и Шалва, эриставы Ксанские, – он не отрекся от Христа и не принял ислам. Тогда шах

велел опозорить святого князя и поругаться над его мужеством и доблестями. Для того султан приказал надеть на него женское платье, посадить на осла и в таком виде возить по Испагани. Мученика возили так по всему городу на глазах у всех людей, всячески оскорбляя его при этом³⁹.

³⁶ Подробный анализ этих двух эпизодов см. в: Чумичева О.В. Иконические перформансы Ивана Грозного: трансформация идеи царской власти // Пространственные иконы. Перформативное в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2011. С. 508–532, здесь С. 517–518.

³⁷ Споры о датировке и источниках «Сказок тысячи и одной ночи» ведутся до сих пор. Возникновение их прототипа относят как к эпохе Ахеменидов (VI–IV вв. до н.э.), так и ко времени Аршакидов (III в. до н.э.). Перевод на арабский был выполнен при Аббасидах (750–1258). Тем не менее, восточного влияния на возникновение византийского обычая «прогулки на осле» исключать не стоит.

³⁸ Рассказ о Масруре и Зейн-аль-Мавасиф (ночи 858–863) / Пер. М.А. Салье // Избранные сказки, рассказы и повести из «Тысячи и одной ночи». М., 1986.

³⁹ Страдание святого Бидзина Чолокашвили и мучеников Элизбара и Шалвы, эриставов Ксанских // Полные жизнеописания святых грузинской церкви: <http://sisauri.tripod.com/religion/russian/bidzina.htm> (дата обращения – 7.01.2018).

Уже в 1850 г. иностранный наблюдатель описывал тот же самый ритуал, использованный в Персии в отношении приверженца Али-Мохаммеда по прозвищу Баб, выдававшего себя за сейида⁴⁰:

Этот человек открыто заявлял, что он последователь Баба... Они арестовали его, высекли, вымазали сажей, искололи все его тело штыками и вставили в эти раны зажженные свечи. В таком виде его посадили задом наперед на осла, вложили хвост ему в руки и возили по улицам Тегерана, громко крича о причинах подобного наказания⁴¹.

* * *

Каким бы ни было изначальное происхождение «прогулки на осле», все без исключения приведенные выше примеры свидетельствуют, что общая схема отправления ритуала на протяжении многих веков оставалась практически неизменной, несмотря на различные обстоятельства его применения. Впрочем, иногда случались и определенные отступления от правил.

В частности, осел в некоторых случаях заменялся на другое животное. Так произошло, к примеру, в 1185 г. со свергнутым императором Андроником I Комнином (1118–1185). По сообщению Робера де Клари, жители Константинополя никак не могли придумать достойного наказания тирану:

И когда они пришли к нему, император сказал им: «Сеньоры, вот Андром, который содеял столько зла и вам, и другим. Мне кажется, что я не смогу творить над ним правосудие, чтобы удовлетворить желание каждого из вас; и я отдаю его вам, чтобы вы сделали с ним, что захотите». И жители города очень возрадовались этому и схватили его; и одни говорили, что его надо сжечь, другие – что его надо бросить в кипящий котел, чтобы он подольше жил в мучениях, третьи говорили, что его надо протащить по улицам города; так они не могли достигнуть согласия между собой, какой смертью покарать его и какие мучения причинить ему. Наконец нашелся мудрый человек, который сказал: «Сеньоры, коли хотите послушаться моего совета, то я научу вас, каким образом мы смогли бы достойно отомстить ему. У меня дома есть верблюд — это самое грязное и вонючее животное на земле. Возьмем Андрому, разденем его догола, а потом привяжем к спине верблюда лицом к задку животного и потом поведем верблюда по городу, от одного конца до другого. Тогда-то все мужчины и женщины, кому Андром причинил зло, смогут отомстить ему». И все согласились с тем, что сказал этот мудрый человек⁴².

⁴⁰ Али-Мохаммед Ширази (1820–1850) – иранский богослов, последователь шиитской реформистской секты шейхитов. В 1844 г. назвался Бабом (араб. – ворота), т.е. Вратами откровения, через которые махди (мессия) передает свою волю народу. В 1847 г. объявил себя самим махди, сейидом (потомком пророка Мохаммеда), был арестован и казнен в 1850 г.

⁴¹ Mellinkoff R. Op. cit. P. 157.

⁴² Клари Р. де. Завоевание Константинополя / Пер. М.А. Заборова. М., 1986. Гл. 25. § 22-23.

Любопытно, что в рукописи «Деяний знаменитых мужчин и женщин» Джованни Боккаччо, созданной в Туре в 1460–1465 гг., присутствовала, в частности, миниатюра, посвященная расправе над Андроником. Однако, глядя на нее, мы сразу обнаруживаем, что исполнивший ее знаменитый художник Жан Фуке произвольно заменил верблюда на... осла. (Илл. 7) Иными словами, данное изображение свидетельствует, что французские обыватели XV в. не только отлично знали, о каком наказании шла речь, но и полагали более «правильным» использование для него вполне определенного животного.

Тем не менее, согласно Сугерию, в 1121 г. на том же верблюде «катали» антипапу Григория VIII, свергнутого Каликстом II (ок. 1060–1124):

На изворотливое животное верблюда изворотливого папу, – мало того, антихриста, – в сырые и сочащиеся кровью козлиные шкуры одетого, поперек положили и, позор Церкви Божьей отомстившие, через центр города королевской дорогой, чтобы еще сильнее перед всеми [он] ославлен был, провезя,... на вечное пребывание в тюрьме в горах Кампании... осудили⁴³.

В «Путешествиях» испанского мавра Ибн-Джаббара под 1183 г. сходным образом описывалось наказание, которому подверглись в Египте сирийские христиане:

Когда мы прибыли в Александрию, первое, что мы увидели, была толпа людей, собравшихся поглазеть на христианских пленников, привезенных в город сидящими задом наперед на верблюдах в сопровождении звуков бубнов и рожков⁴⁴.

Осла могла иногда заменять и лошадь, о чем свидетельствует упоминавшееся выше «Ле о Хавелоке Датчанине»⁴⁵. В наказание за измену (а вернее, за трусость, проявленную на поле битвы) задом наперед на лошади возили тевтонских рыцарей. А английский автор XVI в. Джон Стоу описывал похожую «прогулку», к которой был приговорен лондонский священник, виновный в совращении своей соседки, жены торговца мануфактурой Джона Этвуда⁴⁶...

И все же ослы преобладали. Точно так же, как среди приговоренных к «прогулке» на них преобладали мужчины. Интересно, что описания случаев применения подобного наказания к женщинам встречаются в источниках Средневековья и Нового времени в основном в виде апокрифов. Например, как к выдумке относятся современные исследователи к описанию встречи супруги императора Фридриха Барбароссы

⁴³ Сугерий, аббат Сен-Дени. Жизнь Людовика VI Толстого, короля Франции (1108–1137) / Пер. с лат., вступ. статья и комм. Т. Ю. Стукаловой. М., 2006. С. 117.

⁴⁴ The Travels of Ibn Jubayr / Trans. R.J.C. Broadhurst. L., 1952. P. 31–32.

⁴⁵ См. прим. 28.

⁴⁶ Stow J. A Survey of the Cities of London and Westminster. L., 1720. T. 1. P. 134.

(1122–1190) Беатрисы, которую ей устроили в 1161 г. весьма недружелюбно настроенные жители Милана. По сообщению английского эрудита XVII в. Уильяма Уинстенли, Беатриса

была сначала заключена в тюрьму, а затем с ней поступили самым варварским образом. Они усадили ее на мула лицом к хвосту, велел держаться за него как за поводья, и возили в таком виде по всему городу, после чего отвели к воротам и вышвырнули прочь. Дабы наказать [миланцев] за содеянное, император осадил и захватил город и приговорил всех его жителей к смерти – за исключением тех, кто смог принести следующий выкуп. Резвому мулу сзади между ягодиц прикрепили связку фигов, и каждый, кто желал остаться в живых, со связанными за спиной руками должен был бежать за мулом и зубами срывать эти фиги. Такое условие, несмотря на страх получить удар копытом [в лоб], было многими принято и исполнено⁴⁷.

История эта, однако, никакими средневековыми источниками не подтверждалась⁴⁸.

Весьма популярными и, по-видимому, тоже вымышленными являлись спекуляции бургундских и английских авторов XV–XVI вв. на тему штурма Парижа, предпринятого 8 сентября 1429 г., в ходе Столетней войны, французскими войсками под предводительством Жанны д'Арк. Желая подчеркнуть незаконные претензии Карла VII (1403–1461) на столицу королевства (а также узурпаторский характер его власти в целом), Ангерран де Монстреле, Эдвард Холл и Ричард Графтон смаковали подробности неудачной военной операции, уделяя особое внимание тому обстоятельству, что Жанна, получив ранение, якобы упала с крепостной стены в ров и целый день провалялась там в грязи и помоях под задом осла⁴⁹. Именно эта апокрифическая история,

⁴⁷ *Winstanly W. Histories and Observations Domestick and Foreign, or a Miscellany of Historical Rarities. L., 1683. P. 76.*

⁴⁸ *Mellinkoff R. Op. cit. P. 155.*

⁴⁹ “Durant lequel assault furent renversés et abatus plusieurs desdiz François... Entre lesquelz la Pucelle fut très fort navrée, et demoura tout le jour ès fossés derrière une dodenne, jusques au vespres, que Guichard de Chiembronne et aultres, l'alèrent querre” (*Monstrelet E. de. La chronique en deux livres avec pièces justificatives, 1400–1440 / Ed. par L. Douët-d'Arcq. P., 1890. T. 4. P. 355*); “And threwe doune Ione, their greate goddesse, into the botome of the toune ditche, where she laie behynd the backe of an Asse, sore hurte, till the tyme that she all filthy with mire and dorte, was drawn out, by Guyschard of Thienbrone, seruaunt to the duke of Alaunson” (*Hall E. Chronicle Containing the History of England during the Reign of Henry IV and the Succeeding Monarchs / Ed. by H. Ellis. L., 1809. P. 155*); “Threw downe Ione, their great Goddesse, into the botome of the towne ditche, where shee lay behinde the backe of an Asse... till the tyme that she all filthie with mire and durt, was drawn out, by ... seruant to the Duke of Alaunson” (*Grafton's Chronicle or History of England to Which Is Added His Table of the Bailiffs, Sheriffs, and Mayors of the City of London (from the year 1189 to 1558 inclusive). Vol. 1–2. L., 1809. T. 1. P. 587*).

вкупе с явными заимствованиями из упоминавшегося выше Апулея, впоследствии легла в основу «Орлеанской девственницы» Вольтера, чей образ национальной французской героини вызвал не только литературный и политический скандал во Франции, но и послужил своеобразным толчком для начала процесса канонизации Жанны д'Арк⁵⁰.

***

И все же не стоит забывать о том, что первоначальный смысл «прогулки на осле» сводился к наказанию за адюльтер не только любовника неверной супруги, но часто и ее самой. Как отмечала О.М. Фрейденберг,

выражение «шествовать на осле» имеет значение по-гречески, как неожиданно поясняет античный глоссарий, определенного термина – «совокупляться с ослом», и, таким образом, женщину-«онобату» следует понимать не как «шествующую на осле», но как «оплодотворенную ослом», «сходящуюся с ослом»⁵¹.

Осел, вне всякого сомнения, являлся в греческой культуре *фаллическим* животным. Похожие культы существовали также на Крите, в древней Индии, в Малой Азии, во Фригии, в Египте и у древних семитов⁵². В Античности имели хождение многочисленные мифы весьма непристойного содержания, главным героем которых выступало именно это животное. Осел был одним из участников «маскарадов», связанных с культом Диониса⁵³, – т.н. фаллогий, главной отличительной чертой которых был торжественный вынос фаллоса:

Ведь именно Мелампод познакомил эллинов с именем Диониса, с его праздником и фаллическими шествиями. Конечно, он посвятил их не во все подробности культа Диониса, и только мудрецы, прибывшие впоследствии, полнее разъяснили им [значение культа]. Впрочем, фаллос, который носят на праздничном шествии в честь Диониса, ввел уже Мелампод, и от него у эллинов пошел этот обычай⁵⁴.

Осел символизировал также плодородие, был связан с культом хлеба, винограда и любых иных плодов, приносимых землей. Он почитался и как первый помощник беременных и рожениц: его копыто якобы способствовало внутриутробному развитию плода и помогало при

⁵⁰ Подробнее см.: Тогоева О.И. Еретичка, ставшая святой. Две жизни Жанны д'Арк. М.; СПб., 2016. С. 402-422.

⁵¹ Фрейденберг О.М. Въезд в Иерусалим на осле (из евангельской мифологии) // Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М., 1998. С. 623-665, здесь С. 645.

⁵² Подробнее см.: Там же.

⁵³ Schmitt-Pantel P. Op. cit. P. 122.

⁵⁴ Геродот. История в девяти томах / Пер. Г.А. Стратановского. М., 1999. С. 116. II, 49. См. также: Bowie A.M. Op. cit. P. 26-27, 201.

родах, а повешенный в саду череп ослицы способствовал оплодотворению⁵⁵.

В метафорическом совокуплении с ослом заключалась и символика «прогулки»: подобное унижение прелюбодейки предшествовало ее изгнанию из полиса, лишению прав гражданства. Виновная в адюльтере преступница переставала, таким образом, быть членом сообщества. Когда же «прогулкой» наказывался мужчина, он, во-первых, уподоблялся женщине, а во-вторых, подвергался диффамации и лишению статуса полноценного гражданина. Этот символический смысл *azouade* подтверждался и другими вариантами наказаний за прелюбодеяние, применяемыми в греческих полисах и рассмотренными выше: пробежкой по улицам города, насильственной эпиляцией или процедурой *ῥαφανιδωθή*. Любой представитель сильного пола, принужденный к «прогулке на осле», всегда, вне зависимости от обстоятельств, символически превращался в женщину. Именно это «превращение» имел в виду автор жития преподобного Авраамия, уточнявший, что святого катали на осле, обув в женские сандалии: «Муки злы наведу на тя и на пезеи ослитице всажен будеши без седалища в сандалях женская червленнаа обвуен будеши»⁵⁶, или автор жизнеописания св. Бидзина Чолокашвили, одетого шахом Аббасом в «женское платье»⁵⁷.

Таким образом, общий символический смысл ритуала сохранялся и в тех случаях, когда речь шла об «обычном» адюльтере, и когда преступника обвиняли в политической измене, и когда – как в случае со святыми и юродивыми – дело касалось явной или мнимой измены религиозному призванию. Все общественные институты, нарушение устоев которых наказывалось «прогулкой на осле», функционировали, с точки зрения современников, по одной и той же схеме, что, собственно, и делало столь значимым и вообще возможным использование одинакового ритуала наказания. Все они рассматривались как священный союз, как брак, заключенный между мужчиной и женщиной, правителем и его городом (страной), священником и самой церковью⁵⁸. Соответственно, любое политическое предательство или духовное искушение воспринимались аналогично измене физической.

Эта аналогия совершенно ясно прослеживалась, к примеру, в истории уже упоминавшегося выше Андроника I Комнина, обвинявшегося своим народом не только в узурпации власти, но и в сексуальном насилии над жительницами Константинополя:

⁵⁵ Фрейденберг О.М. Указ. соч. С. 635.

⁵⁶ Житие Авраамия Ростовского. С. 187.

⁵⁷ См. прим. 39.

⁵⁸ Подробнее о данном символическом значении брака см.: Топоров В.Н. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Топоров В.Н. Исследования по структуре текста. М., 1987. С. 121-132; Франк-Каменецкий И.Г. Женщина-город в библейской эсхатологии // Франк-Каменецкий И.Г. Колесница Иеговы. М., 2004. С. 224-236; Бойцов М.А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009. С. 25-36.

Когда Андром был коронован, то повелел незамедлительно схватить всех тех, кто, как ему было ведомо, считал худым делом, что он стал императором, и приказал выколоть им глаза, и замучить их и погубить их лютой смертью. И хватал всех красивых женщин, которых встречал, и насильничал над ними⁵⁹.

Поэтому во время «прогулки на осле» бывшему императору были предъявлены самые разнообразные обвинения:

И пока везли Андрома от одного конца города до другого, подходили те, кому он причинил зло, и насмехались над ним, и били его, и кололи его... при этом они приговаривали: «Вы повесили моего отца», «вы силою овладели моей женой!». А женщины, дочерей которых он взял силой, дергали его за бороду и так подвергали его постыдным мучениям, что, когда они прошли весь город из конца в конец, на его костях не осталось ни куска живого мяса, а потом они взяли его кости и бросили их на свалку⁶⁰.

Неслучайно и *кастрация* в византийской традиции часто рассматривалась как знак добровольного или вынужденного отказа от претензий на власть. Так, рассказывая о паракимомене Василии, приближенном Василия II Болгаробойцы (958–1025), Михаил Пселл отмечал:

С отцом Василия и Константина у него был общий родитель, но разные матери. Из-за этого его уже в раннем детстве оскопили, чтобы сын сожительницы при наследовании престола не получил преимущества перед законными детьми. Он смирился с судьбой и сохранял привязанность к царскому и, следовательно, своему роду. Но особое расположение он чувствовал к племяннику Василию, нежно его обнимал и пестовал, как любящий воспитатель. Потому-то Василий и возложил на него бремя власти и сам учился у него усердию. И стал паракимомен как бы атлетом и борцом, а Василий – зрителем, но целью царя было не возложить венки на победителя, а бежать за ним по пятам и участвовать в состязании.⁶¹

Похожая ситуация обыгрывалась и в «Слове о преподобном Моисее Угрине», являвшемся составной частью Киево-Печерского патерика, созданного под явным влиянием византийской традиции. Главный герой рассказа, попав в плен и оказавшись в Польше, подвергся домогательствам «одной знатной женщины, красивой и молодой, имевшей богатство большое и власть». Она предложила Моисею не только освободить его, но сделать своим возлюбленным, мужем и господином над всеми ее владениями. Он же категорически от всего отказывался: «Твердо знай, что не исполню я воли твоей; я не хочу ни

⁵⁹ Клари Р. де. Указ. соч. Гл. 21. § 18.

⁶⁰ Там же. Гл. 25. § 22–23.

⁶¹ Михаил Пселл. Указ. соч. Кн. 1. § 3.

власти твоей, ни богатства, ибо для меня лучше всего этого душевная чистота, а более того телесная». Перепробовав многие средства, но так и не сумев склонить Моисея к сожителству, дама приказала кастрировать его:

Однажды велела она насильно положить его на постель с собою, целовала и обнимала его; но и этим соблазном не смогла привлечь его к себе. Блаженный же сказал ей: «Напрасен труд твой, не думай, что я безумный или что не могу этого дела сделать: я, ради страха Божия, тебя гнушаюсь, как нечистой». Услышав это, вдова приказала давать ему по сто ударов каждый день, а потом велела обрезать тайные члены, говоря: «Не пощажу его красоты, чтобы не насытились ею другие». И лежал Моисей, как мертвый, истекая кровью, едва дыша⁶².

Таким образом, мне представляется вполне возможным предположить, что понимание союза государя с его страной (или священника с его церковью) как символического брака, нарушение основ которого воспринималось как сексуальное насилие, сближало явление политической измены с «обычным» адюльтером. Именно поэтому такие преступления и могли наказываться одинаково. Как следствие, данная аналогия присутствовала и в западноевропейской практике – как в судебной, так и в парасудебной.

Однако, наравне с идентичным использованием символики осла в политической и правовой культуре Античности и Средневековья, не стоит, как мне кажется, забывать и о том, сколь значимое место это животное занимало в культуре смеховой, комической, карнавальной, также в первую очередь направленной на – пусть и временное – поправление всех и всяческих церковных и светских норм и даже на отрицание власти в целом.

* * *

Поскольку осел изначально был связан с христианским культом, образами Девы Марии и самого Иисуса Христа, это животное весьма почиталось в средневековой Европе. Например, в Вероне в церкви Богородицы стояла статуя осла, внутри которой, согласно преданию, хранились останки того самого животного, на котором Христос въезжал в Иерусалим. Эту «богородицу-ослицу» несколько раз в год выносили из храма, и четыре монаха, одетые в архиерейские одежды, обходили с нею город. Во Франции повсеместно большим почетом пользовалась св. Аньес (т.е. св. Ослица)⁶³. Но те же самые темы из года в год возникали и на городских карнавалах по всей Западной Европе, что, в частности, позволяло О.М. Фрейденберг говорить о *параллельном*

⁶² Слово о преподобном Моисее Угрине // Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик / Изд. подг. Л.А. Ольшевская, С.Н. Травников. М., 1999. С. 48-53 (древнерусский текст), С. 152-157 (перевод).

⁶³ Фрейденберг О.М. Указ. соч. С. 653-654.

заимствовании античной темы осла в христианском культе и в карнавальной культуре⁶⁴.

Собственно, уже в Византии символика осла как фаллического животного обыгрывалась не только в серьезном, но и в комическом ключе. Так, в 600 г. во время брумалий по Константинополю водили осла, на которого был усажен пародийный двойник императора Маврикия (539–602) в венце из чесночных стеблей. Сопровождавшая его свита распевала песню, высмеивавшую частную жизнь правителя⁶⁵. При императоре Михаиле III (840–867) придворный шут Грилл пародировал патриарха, разъезжая по улицам города на белом осле. Сам василевс и его приближенные в одеждах архиепископов принимали участие в этом развлечении⁶⁶. И даже когда речь шла о поругании преступника, судьи не обходились порой без участия мимов, как, например, в случае с узурпатором Иоанном в 426 г.⁶⁷

Что же касается западноевропейской традиции, то интерес для нас, в частности, представляет справлявшийся во время Кёльнского фастнахта специальный «праздник субдиаконов», во время которого избирался шутовской папа или шутовской епископ. Его усаживали на осла и в сопровождении какого-нибудь чина из низшего духовенства провожали в церковь, где в его честь звучала хвалебная песнь и отправлялось богослужение⁶⁸. (Илл. 8) Можно вспомнить и хорошо известные исследователям «ослиные праздники», во время которых животное, покрытое золотым покрывалом, водили по улицам города, а затем вели в храм, где производили над ним торжественную службу. Обыгрывая таким образом сцену въезда в Иерусалим, все высшее и низшее духовенство принимало участие в празднике и пело славословия ослу, подражая ослиному реву⁶⁹.

То же самое происходило, и когда на карнавале «представляли» сцену бегства Марии в Египет. В этом случае на осла сажали роскошно одетую девушку с ребенком на руках, которую также возили по улицам и в честь которой служили литургию, крича по-ослиному⁷⁰. Нередко

⁶⁴ «Одно и то же идеологическое начало оформляется и в виде мученичества и в виде эротики» (Там же. С. 653). О единой семантике образа осла, участвовавшего в праздновании карнавала, Пятидесятницы, а также в *azouade*, см. также: Grinberg M. Le nouage rituel/droit. Les redevances seigneuriales (XIVe-XVIIIe siècles) // Riti e rituali. P. 247-261, здесь P. 249.

⁶⁵ Ельницкий Л.А. Византийский праздник брумалий и римские сатурналии // Античность и Византия. М., 1975. С. 340-350; Даркевич В.П. Народная культура Средневековья. М., 1988. С. 164.

⁶⁶ Там же. С. 167.

⁶⁷ См. прим. 7.

⁶⁸ Колязин В.Ф. От мистерии к карнавалу. Театральность немецкой религиозной и площадной сцены раннего и позднего Средневековья. М., 2002. С. 99.

⁶⁹ Фрейденберг О.М. Указ. соч. С. 654; Gaignebet C. Le carnaval. Essai de mythologie populaire. P., 1974. P. 138-139.

⁷⁰ Колязин В.Ф. Указ. соч. С. 99. Подробное описание см.: Реутин М.Ю. Народная культура Германии. М., 1996. С. 26; Greene H.C. The Song of the Ass // Speculum. 1931. Vol. 6. № 4. P. 534-549.

роль Пресвятой Девы могла исполнять и какая-нибудь местная проститутка. Именно эта традиция с известным изяществом обыгрывалась в знаменитом американском телевизионном сериале «Доктор Хаус» (*House, M.D.*, 2004–2012 гг.). В десятой серии четвертого сезона, вышедшей на экраны в январе 2008 г. и получившей название «Чудесная ложь» (*It's A Wonderful Lie*), к блестящему диагносту на прием в клинику являлась девица легкого поведения. Однако вместо каких-либо венерических заболеваний Хаус обнаруживал у нее сильнейшую аллергию – последствие заболевания контагиозной эктимой, полученной девушкой от... осла, с которым, по ее словам, она готовила некое «представление». В благодарность за помощь в конце сюжета проститутка приглашала Хауса на свой спектакль в церковь, где выяснялось, что речь шла о рождественском представлении. И бывшая пациентка исполняла на нем роль Девы Марии в сцене бегства в Египет...

Именно в ходе таких празднеств, как и в целом во время средневековых карнавалов, сексуальная составляющая образа осла выходила на передний план⁷¹. Проститутка в образе Богоматери, едущая на этом животном верхом, была только одним из свидетельств подобного «прочтения» античной темы. Однако не менее интересным в данном случае представляется и образ шута – практически главного действующего лица любого праздника.

Шут фигурировал здесь в желто-красном костюме ми-парти (похожем на платья, которые обычно носили средневековые проститутки⁷²) или в сером костюме, имитирующем ослиную шкуру⁷³, и обязательно в шапочке, украшенной ослиными ушами. Похотливость, свойственная – или приписываемая – этому животному всячески обыгрывалась и в поведении шута: то «королева» карнавала вела такого «осла» на веревке, а он ее развлекал⁷⁴, то он сам приставал к женщинам и девушкам на улицах, обнимая их и хватая за грудь⁷⁵. На картине Иеронима Босха

⁷¹ Впрочем, художественная литература Средневековья также весьма охотно обыгрывала эту тему. Например, согласно комическому трактату XV в. «Евангелия от прях», поездка верхом на осле оказывалась совершенно неподобающей «мудрому» мужчине, несмотря на то, что именно так передвигались Иисус Христос и Дева Мария, которой «от этого не было ничего плохого»: «Onques homme sage ne monta sur asne, pour l'honneur de Nostre Seigneur, qui dessus monta, mais très bien sur cheval, car qui chiet de l'asne, il dit: 'crieve' et qui chiet de cheval, il dit: 'lieve'. Glose. Sur cest article se puet faire un argument, car quant Joseph mena la Vierge Marie en Egypte, elle monta sur un asne et toutesfois elle n'en eut nul grief» (*Les évangiles des quenouilles* / Ed. critique, introd. et notes par M. Jeay. Montreal, 1985. P. 90, курсив мой – О.Т.).

⁷² О цветовом решении одежды средневековых проституток см. прежде всего: Пастуро М. Символическая история европейского Средневековья / Пер. Е. Решетниковой. СПб., 2012. С. 210–224.

⁷³ Колязин В.Ф. Указ. соч. С. 146.

⁷⁴ Там же. С. 148.

⁷⁵ Непристойный жест, в повседневном обиходе означавший сексуальное насилие: Gauvard C. «De grace especial». P. 726–727.

«Семь смертных грехов» (1475–1480 гг.) именно шут был изображен у входа в шатер, где разыгрывались сценки, символизирующие грех разврата (*luxuria*). (Илл. 9) Таким образом, связь этого персонажа с сексуальной стороной жизни и, прежде всего, с сексуальным насилием не ставилась под сомнение средневековой карнавальная культурой.

Через эту культуру, как представляется, *параллельно* с культурой политической, также могло происходить заимствование интересующего нас вида наказания. И осел занимал в этом процессе не менее почетное место, чем женщина.

* * *

Вернемся, однако, к тому, с чего мы начали этот долгий разговор о наказаниях, полагавшихся за преступления сексуального характера и применявшихся как в судебных, так и в парасудебных ситуациях.

Нет сомнения, что в средневековом обществе с сексуальной сферой связывались в первую очередь представления о репутации женщин. Однако, как я пыталась показать ранее, в некоторых, совершенно конкретных случаях морально-нравственные коннотации оказывались важны и для определения чести и достоинства того или иного мужчины. Сексуальное поведение юных девушек и замужних матрон самым непосредственным образом влияло на репутацию их ближайших родственников. Восприятие женщины как «распутницы» и «проститутки» – неважно, являлась ли она преступницей или всего лишь жертвой чужой агрессии, – унижало прежде всего ее мужа (брата, отца и даже отчима) и было, насколько можно судить, в опосредованном виде заимствовано из греческого полисного права, где считалось доминирующим.

Оттуда же, как представляется, в средневековое европейское судопроизводство пришло и понимание того, насколько недостойное сексуальное поведение самого мужчины способно повлиять на его репутацию. Система наказаний за адюльтер, существовавшая в греческой и византийской правовых традициях и распространившаяся затем по всему средиземноморскому региону, совершенно недвусмысленно увязывала мужскую честь с сексуальной сферой и половой идентичностью человека. Любое из перечисленных выше наказаний – будь то кастрация, «бег» или «прогулка на осле» – рассматривалось современниками прежде всего как диффамация виновного. Таким образом, в средневековом судопроизводстве был, по всей видимости, воспринят не только греческий принцип назначения наказания, но и его *символический смысл*: унижение достоинства мужчины через уподобление его женщине и последующее исключение из социума.

И все же – при сохранении этой общей тенденции – судебная практика в разных странах Европы оказалась различной. Если в Италии основное внимание в плане диффамационного эффекта уделялось кастрации, то во Франции предпочтение отдавалось «бегу» по улицам города любовника неверной женщины и «прогулке на осле» ее обма-

нутого мужа. Несшие практически идентичное наказание мужчины здесь в некотором смысле уподоблялись друг другу, ибо *обоих* окружающие признавали виновными в совершении подобного преступления. Отныне они не могли считаться достойными членами того общества, устоям которого угрожало их поведение. Они переставали быть собственно *мужчинами*, претерпевая символическую смерть⁷⁶, и это наказание во многом оказывалось куда более эффективным, нежели смерть реальная.

Подобный тип наказания за преступления сексуального характера был заимствован в странах Западной Европы из греческого полисного права при явном посредничестве византийских юристов. Но если *azouade* пришла во Францию, по всей видимости, из собственно имперской практики, то *course* проделал кружной путь: будучи изначально востребован обычным правом Пиренейского полуострова, уже оттуда он перебрался в кутюмы южных областей королевства. При этом «бег» во всех без исключения случаях трактовался как сугубо *правовая* норма, применявшаяся в делах об адюльтере исключительно представителями официальных судебных властей. Что же касается «прогулки на осле», то ее использование в европейской практике оказалось двояким. Если речь шла о преступлении государственного уровня (политической измене), к *azouade* мог прибегнуть сам правитель: в подобных делах она также относилась к нормам права. Если же «прогулкой» наказывался проступок «частного» характера, имевший отношение к интимной жизни западноевропейских обывателей, то ее применение относилось исключительно к парасудебным ситуациям, когда тот или иной конфликт окружающие разрешали собственными силами, без помощи официальных властей.

Так или иначе, но во всех этих случаях без исключения основа наказания оставалась неизменной, являя собой «символическое членовредительство», когда честь женщины и достоинство мужчины (как законного супруга прелюбодейки, так и преданного своими подданными монарха) могли быть восстановлены не просто через публичную диффамацию обидчиков, но через насилие над теми частями их тела, которыми и был нанесен непосредственный урон. И здесь, повторяюсь, следует учитывать, что союз правителя и его страны (или города) воспринимался в том же символическом ключе, что и союз супружеской пары, и нарушать священные узы этого брака не было позволено никому.

Подобное «восстановление» поруганной чести представлялось современникам – как в эпоху Средневековья, так и значительно позднее, вплоть до XX в. – способом ничуть не худшим, нежели убийство противника или его выдача судебным властям для последующей возможной казни. И то, что решение конфликта собственными силами в

⁷⁶ О наказаниях, имеющих сексуальные коннотации, как о символической смерти см.: Фрейденберг О.М. Указ. соч. С. 639; Mellinkoff R. Op. cit. P. 165-167.

Средние века и Новое время охотно прощались королем в случае подачи соответствующего прошения о помиловании, не должно нас сильно удивлять. Прежде всего потому, что одной из основных общественных ценностей той эпохи являлась личная честь. Кроме того, как я попыталась продемонстрировать выше, для этого периода европейской истории была характерна еще довольно слабо разработанная система уголовного судопроизводства, допускавшая порой весьма вольную трактовку различных преступлений и, соответственно, наказаний за них.

Эта система являлась не просто *биполярной*, ставившей человека перед выбором одного из двух возможных способов решения конфликта – обращение в официальные инстанции или парасудебная практика. В ряде случаев в ход расследования того или иного уголовного преступления вмешивалась *традиция* – обычаи, которые никак не регламентировались писаным правом (будь то королевское законодательство или сборники кутюм), но были отлично известны местным жителям по собственным воспоминаниям или по свидетельствам (часто устным) очевидцев. А потому в ряде спорных случаев люди эпохи Средневековья и Нового времени апеллировали именно к этим традиционным «нормам», в буквальном смысле *заставляя* следовать им и представителей официальных властей.

К данной сложной проблеме мы и обратимся теперь, подробно рассмотрев один из таких обычаев – т.н. *свадьбу под виселицей*, получившую широкое распространение и остававшуюся чрезвычайно популярной во Франции на протяжении всего Средневековья и Нового времени. Традиция эта, как следует уже из ее названия, не имела ничего общего с системой *наказаний* за сексуальное насилие. Однако с частной жизнью французов этой эпохи она оказалась связана самым непосредственным образом. Впрочем, как и с пониманием того, как можно было на совершенно законных основаниях обмануть правосудие и избежать смертной казни за совершенное преступление.

ГЛАВА 4

Свадьба под виселицей

Отсутствие четко фиксированной правовой нормы и ее письменного подтверждения являлось одной из характерных особенностей средневековой правовой системы, будь то уголовное право и судопроизводство или гражданский процесс. Данное обстоятельство уже само по себе подразумевало наличие определенных *неписанных* норм, касавшихся и общих правовых вопросов, и процессуальной стороны дела, даже если наши источники весьма скупы на их характеристики¹. Об одной такой неписаной традиции и пойдет речь ниже.

Прежде всего необходимо пояснить, что представляла собой данная практика. В историографии она часто именуется «свадьбой под виселицей», когда приговоренного к смерти преступника могла спасти девушка, которая прямо на месте проведения экзекуции просила отдать ей этого человека в мужья. Крайне редко – хотя подобные случаи и не следует сбрасывать со счетов – в роли просителя выступал мужчина, предлагавший осужденной женщине заключить с ним брак. Так, в 1376 г. письмо о помиловании было даровано 16-летней Анетт де Аранжи, признанной виновной в детоубийстве. Себе в жены ее попросил Анри Буге 22 лет от роду, пояснив свой порыв тем, что испытывает

чувство сострадания [к ее проступку] и питает к ней любовь. [И просил], чтобы ему согласились ее отдать и освободить [от наказания], дабы связать себя с ней узами брака как с [законной] женой и супругой².

¹ Подробнее о неписанных правовых нормах эпохи Средневековья и о сложностях, возникающих при их изучении, см.: *Тогоева О.И.* Когда преступник – свинья; *Тогоева О.И., Попова Г.А.* О дихотомии понятий «норма» и «практика» в средневековом праве // ЭНОЖ «История». 2017. Вып. 6 (60): Европейское право эпохи Средневековья и Нового времени: между нормой и практикой: <http://history.jes.su/s207987840001918-8-1>.

² “Pour la pitié du cas et l’amour qu’il avait d’elle qu’on la lui voulut rendre et délivrer pour la prendre au nom de mariage pour sa femme et épouse” (ANF. JJ 109. № 266, septembre 1376). В результате этой неожиданной просьбы Анетт вернули в тюрьму, и прево обратился в королевскую канцелярию за соответствующим письмом о помиловании, разрешающим проведение свадьбы. Состоялась ли данная церемония в действительности, мы, к сожалению, не знаем.

Следует оговориться, что данное дело – единственное, происходящее из *средневековых* судебных архивов. Все остальные примеры из французской практики, которые касались предложений о замужестве, сделанных женщине-преступнице, относились уже к Новому времени³.

Тем не менее, свидетельств «обратной» ситуации, когда преступника-мужчину спасала от смерти какая-нибудь сердобольная особа, в нашем распоряжении оказывается достаточно много. Данная традиция, насколько можно судить, была широко распространена практически по всей Европе. Во Франции «свадьбы под виселицей» часто происходили в районах к северу от Луары, а также в южных и западных областях королевства⁴. Не случайно в 1510 г. адвокат осужденного за убийство Пьера Момарша, казнь которого, тем не менее, была отложена по просьбе девушки, пожелавшей выйти за него замуж, в своей речи указывал на бытование этого обычая не только в парижском регионе, но также в «Сентонже, Невере, Молене и других местах»⁵. Одним из последних упоминаний о существовании данной традиции во Франции следует, вероятно, признать эпизод из романа «Собор Парижской Богоматери» Виктора Гюго (1831 г.):

Несчастливая жертва переживала ужасные мгновения, пока Клопен спокойно подталкивал ногою в огонь несколько еще не успевших загореться прутьев виноградной лозы... Но вдруг он остановился, точно осененный какой-то неожиданной мыслью.

– Пойдите! – воскликнул он. – Чуть не забыл!.. По нашему обычаю, прежде чем повесить человека, мы спрашиваем, не найдется ли женщины, которая захочет его взять. Ну, дружище, это твоя последняя надежда. Тебе придется выбрать между потаскушкой и веревкой⁶.

³ Hoareau-Dodinau J. La jeune fille, le roi et le pendu: A propos de la grâce par mariage // Le pardon / Textes réunis par J. Hoareau-Dodinau, X. Rousseaux, P. Texier. Limoges, 1999. P. 353-372, здесь P. 355-356, n. 9. Практически все подобные примеры также касались детоубийц, причем в двух случаях преступницы отказались от заключения брака на том основании, что их потенциальные супруги являлись их же палачами. Подробнее об этих казусах см. ниже: Глава 12.

⁴ Использование обычая «свадьбы под виселицей» во Франции эпохи Средневековья и Нового времени посвящено всего два современных исследования: Lemerrier P. Une curiosité judiciaire au Moyen Âge: la grâce par mariage subséquent // RHDFF. 1955. 4 série. 33 année. № 1. P. 464-474; Hoareau-Dodinau J. Op. cit.

⁵ “L’ancien coustume du pays de laquelle souvent a esté usé audit Xaintoins, a Nevers, a Molin et en autres lieux” (ANF. X 2a 67, s.p., juin 1510). Упоминание «свадьбы под виселицей» в уголовном регистре Парижского парламента объяснялось тем, что дело Пьера Монмарша рассматривалось здесь повторно: родственники убитого им человека не пожелали мириться с тем, что преступника оставили в живых, и подали апелляцию в центральный королевский суд страны.

⁶ Гюго В. Собор Парижской Богоматери / Пер. с фр. Н. Коган. М., 1959. С. 95.

Как мы помним, Пьера Гренгуара, приговоренного к повешению судом Королевства Бродяг, спасала от смерти цыганка Эсмеральда, соглашаясь выйти за него замуж:

Она приблизилась к осужденному своей легкой поступью... Гренгуар был ни жив ни мертв. Она с минуту молча глядела на него.

– Вы хотите повесить этого человека? – с важностью обратилась она к Клопену.

– Да, сестра, – ответил король Алтынный, – разве только ты не захочешь взять его в мужа.

Она сделала свою очаровательную гримаску.

– Я беру его, – сказала она⁷.

Тот же самый обычай – с некоторыми вариациями – прослеживался и на территориях, расположенных восточнее Франции. Так, согласно чешскому праву XIV в., человека, осужденного на смерть, могла спасти его собственная жена, обняв его или покрыв платьем⁸. «Свадьбы» были также распространены в Испании, откуда, вероятно, оказались восприняты во Фландрии, однако здесь подобные действия дозволялись не замужним дамам или невинным девушкам, но только проституткам⁹. Вплоть до XVII в. применение на практике данной традиции регулярно фиксировалось в Германии, а в Швейцарии последнее подобное решение было, насколько известно исследователям, вынесено в 1725 г.¹⁰ Этот же обычай соблюдался в Польше и в Речи Посполитой на протяжении XVI–XIX вв. и даже в начале XX в.¹¹ То же касалось и территории современной Украины (Малороссии) в XVII–XX вв.¹² Любопытный сравнительный материал предоставляют также источники западноевропейского и славянского «удалого» (разбойничьего и тюремного) фольклора¹³.

⁷ Там же. С. 97.

⁸ Бурба Д. Накинуть платок и выйти замуж: Дело из Вильнюса 1769 г. // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 2014-2016 / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. Вып. 11. М., 2016. С. 270-284, здесь С. 272.

⁹ Henne A. Histoire de la Belgique sous le règne de Charles-Quint. Bruxelles; P., 1865. Т. 4. Р. 198-226, особенно Р. 211-213; Grimm J. Deutsche Rechtalterümer. Leipzig, 1899; Brandt de Galametz (M. le comte de). Les fiancées volontaires et l'asile dans le mariage // Bulletin de la Société d'émulation d'Abbeville. 1904. Р. 188-199.

¹⁰ Бурба Д. Указ. соч. С. 273-274.

¹¹ Тем не менее, в романе Генрика Сенкевича «Крестоносцы», впервые опубликованном в 1897-1900 гг. и вызвавшем, в частности, рост интереса польских историков к обычаю «свадьбы под виселицей», главная героиня, шляхтянка Дануся, отнюдь не являлась девицей легкого поведения. Однако, именно она спасала своего возлюбленного, Збышка из Богданца, от смерти, набросив на него накидку и изъявив желание стать его женой.

¹² Левицкий О. Обычай помилования преступника, избранного девушкой в мужа (Страничка из истории обычного права в Малороссии) // Киевская старина. 1905. Т. 88. С. 89-97.

¹³ Алпатов С.В. Мотив виселица-свадьба в контексте научной методологии П.Г. Богатырева и О.М. Фрейденберг // Функционально-структуральный метод П.Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора. Сборник статей и материалов. М., 2015. С. 70-77; Он же. «Виселица или свадьба». От казуса обычного права к фольклорному топосу // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. Т. 69 (3). С. 8-10.

Происхождение «свадьбы под виселицей» остается, тем не менее, спорным. В историографии на сегодняшний день существует сразу несколько гипотез о ее зарождении. Первая из них пыталась связать возникновение данной традиции с влиянием германского обычая заключать брак между насильником и его жертвой – при условии, что родственники пострадавшей давали на это согласие¹⁴. Действительно, мы находим описания подобной практики в ряде сохранившихся до наших дней юридических памятников эпохи раннего Средневековья. Насколько можно судить, наиболее раннее из них и, пожалуй, самое любопытное происходило из «Рипуарской правды» (*Lex Ribuaria*), датирующейся VI–VIII вв.:

Если раб соблазнит свободную рипуарку, и ее родители захотят воспротивиться [этому союзу], будут предложены ей королем или графом меч и прялка. Если она выберет меч, раба убьют. Если же выберет веретено, то [сама] станет рабыней¹⁵.

В вестготской «Книге приговоров» сообщалось о норме, принятой, по некоторым данным, в правление короля Флавия Хиндасвинта (642–653):

Похитителя девушки или вдовы надлежит обвинять в общей сложности в течение 30 лет. Если же случится так, что с родителями девушки либо с самой девушкой или вдовой он договорится о браке, никто не может запретить им совершить это между собой. По прошествии же 30 лет право на любое обвинение исчезает¹⁶.

Та же норма присутствовала и в законодательстве лангобардов. Согласно эдикту Ротари (606–652),

¹⁴ См., к примеру: Lemerrier P. Op. cit. P. 471; Giry A. Les établissements de Rouen. Etudes sur l'histoire des institutions municipales de Rouen, Falaise, Pont-Audemer, Verneuil, La Rochelle, Saintes, Oleron, Bayonne, Tours, Niort, Cognac, Saint-Jean d'Angély, Angoulême, Poitiers. P., 1883. T. 1. P. 174.

¹⁵ “Quod si ingenua Ribuarum servum Ribuarum secuta fuerit et parentes eius hoc refragare voluerint, offeratur ei a rege seu a comite spada et cunucula. Quod si spadam acciperit, servum interficiat. Sin autem cunuculam, in servitio perseveret” (*Lex Ribuarum* / Hrsg. von F. Beyerle, R. Buchner // MGH. LL nat. Germ. Bd. 3 (2). Hannover, 1954. S. 113). Та же самая норма упоминалась в пенитенциалии св. Колумбана (кон. VI в.) – сборнике церковных тарифицированных наказаний, полагавшихся за те или иные грехи. В частности, лишение девушки невинности здесь предлагалось компенсировать женитьбой на ней ее обидчика, если он являлся холостяком, с согласия родителей потерпевшей: “Si autem uxorem non habuit, sed virgo virgini conjunctus est, si volunt parentes ejus, ipsa sit uxor ejus” (*Poenitentiale Columbanum* // Die Bussordnungen der abendländischen Kirche / Hrsg. von F.W.H. Wasserschleben. Halle, 1851. S. 353–360, здесь S. 357).

¹⁶ Вестготская правда (Книга приговоров). С. 560.

если девушка или свободная женщина по собственному разумению предавалась разврату, однако со свободным человеком, родичи имеют власть ее наказать (*dare vindictam*). И если случайно обе стороны (*ambam partium*) придут к соглашению [о том], что тот, кто вместе [с ней] распутничал, возьмет ее в жены, пусть уплатит [тогда] за вину, то есть *anagrip*, двадцать солидов, но если не согласится иметь ту женой, уплатит сто солидов... Если же родичи откажутся и не захотят ее наказать, тогда можно гастальду короля или скульдахию отдать ее в руки короля и присудить ей [то], что будет угодно королю¹⁷.

Возможность не только избежать смерти, но вступить в брак для человека, надругавшегося над девушкой, сохранялась и значительно позднее. Так, в 1468 г. королевское письмо о помиловании было дано Жаннену де Бару, французскому цирюльнику 16-ти лет, соучастнику группового изнасилования. Бальи Санлиса заставил его жениться на жертве ради сохранения ее доброй репутации¹⁸. Данное обстоятельство, а также юный возраст Жаннена (*jeune age*) и его профессиональная репутация (*bon ouvrier de son mestier*) позволили ему получить официальное прощение.

Та же ситуация повторилась в 1499 г. в Памье, где за сходное преступление арестовали некоего Гийамо де Камистро (*Guillamot de Camistros*). Судьи единодушно полагали, что проступок его заслуживает смертной казни (*crim delquel devia pendre mort*), однако в тюрьме Гийамо удостоился визита Жана III, короля Наварры (1469–1516), который велел освободить молодого человека от наказания, если тот пообещает жениться на потерпевшей¹⁹.

Наконец, еще одно упоминание об освобождении насильника от смертной казни при обязательном заключении брака между ним и его жертвой присутствовало в документах, происходивших с территории Речи Посполитой. В 1568 г. в городке Потилич Белзкого воеводства прощение за совершенное им изнасилование получил шляхтич Гжегож Залеский, которого, согласно постановлению суда, заставили жениться на обесчещенной девушке. Преступник, тем не менее, подал апелляцию, пытаясь доказать, что ничего противозаконного не совершал и что виновными в действительности являлись некие, не названные в документе по именам слуги²⁰.

Несмотря на то, что влияние германского обычного права явно прослеживалось в средневековой европейской судебной практике, ис-

¹⁷ Шервуд Е.А. Законы лангобардов. Обычное право древнегерманского племени. М., 1992. С. 37.

¹⁸ "A tracté ou fait tracter le mariage de luy et de ladicté fille... pour l'onneur de ladicté fille" (ANF. JJ 195. № 247, s.d.).

¹⁹ "Fuit captus et facto processu, quo penden, per lo rey de Navarra visitan lo castel, foc mandat relax, facto promiso matrimonio cum dicta filia" (цит. по: Otis-Cour L. Réflexions sur l'application de la peine dans le Midi de la France. P. 105).

²⁰ Бурба Д. Указ. соч. С. 273.

следователи предлагали также искать корни интересующего нас явления в некоторых более поздних установлениях. Так, многие из них обращали внимание на церковное право XI–XIII вв., согласно которому преступнику или человеку, подозревавшемуся в совершении уголовно наказуемого проступка, предоставлялось укрытие в церкви, монастыре, в резиденции епископа или в доме аббата²¹. Как отмечал в свое время Пьер Лемерсье, нередко правом спасти преступника от светских властей обладали и монахи: подобное убежище, по мнению историка, вполне могло служить прообразом «свадьбы под виселицей»²².

Наконец, третьим возможным истоком данного обычая исследователи называли практику освобождения преступников от ответственности в честь какого-нибудь знаменательного события: восшествия правителя на престол; его торжественного въезда в город; рождения у него наследника; его возвращения из плена²³. Французская средневековая практика знала немало таких примеров. Так, в 1338 г. Филипп VI (1293–1350) распорядился выпустить на свободу все арестантов парижской тюрьмы Шатле по случаю рождения у него внука, будущего Карла V (1338–1380)²⁴. Точно так же в 1382 г. при торжественном въезде в Руан Карл VI (1368–1422) продемонстрировал свою приверженность *bona justitia* следующим образом. Из 12-ти приговоренных к смерти преступников, просивших его о помиловании, он простил ровно половину, но остальных послал на казнь²⁵. В 1394 г., посетив впервые Клермон, он оказался более снисходительным:

По причине нашего полного королевского права, [а также] в связи с нашим счастливым прибытием [в город] мы постановляем освободить всех заключенных, содержащихся во всех [без исключения] тюрьмах и арестованных за любые преступления, совершенные в нашем королевстве²⁶.

И хотя происхождение традиции «свадьбы под виселицей» так и остается до сих пор до конца не проясненным, один факт, тем не менее, можно констатировать совершенно точно. В *нормативных* документах эпохи

²¹ Lemerrier P. Op. cit. P. 472-473.

²² В данном случае П. Лемерсье ссылаясь на обычное право Бигора конца XI–начала XII в.: «Omni tempore pax teneatur clericis ordinatis, monachis et dominabus et earum comitibus, ita quod si quis ad dominam confugerit, restituto damno quod fecerit, persona salvetur» (цит. по: Ibid. P. 472).

²³ Ibid. P. 473-474. Подробнее о ритуале дарования подобного прощения см.: Бойцов М.А. Указ. соч. С. 45-90.

²⁴ Lemerrier P. Op. cit. P. 473.

²⁵ Gauvard C. L'image du roi justicier en France à la fin du Moyen Âge d'après les lettres de rémission // La faute, la répression et le pardon. Actes du 107e congrès national des sociétés savantes, Brest, 1982. Section de philologie et d'histoire jusqu'à 1610. P., 1984. T. 1. P. 165-192.

²⁶ «Comme de notre plein droit royal et pour raison de notre joyeux avènement nous puissions délivrer tous prisonniers en quelque prison et pour quelque cas que nous trouvions en notre royaume être détenus» (цит. по: Lemerrier P. Op. cit. P. 473).

развитого и позднего Средневековья и, в частности, во французских ку-
тюмах (коль скоро говорить мы будем преимущественно о Французском
королевстве) данный обычай оказался зафиксирован всего два раза.

* * *

Первое подобное упоминание происходило из Байонны. В записи мест-
ного обычного права, датирующей 1273 г., сообщалось следующее:

Когда [невинная] девушка [по причине] собственной бедности или прос-
титутка, [желающая] оставить свое греховное [ремесло], попросит мэра [горо-
да] и сотню [его] советников [разрешить] ей выйти замуж за убийцу, приго-
воренного ими [к смерти], мэр и сотня [его советников] могут отдать ей
его в мужья. Никакой иной супруги он получить [не может], [а если он
откажется], будет казнен. Однако [после свадьбы] муж и жена будут изгнаны
из Байонны, и если когда-либо осужденного [вновь] увидят в Байонне, он
будет наказан судьями²⁷.

Возможно, в данном положении нашли отражение декреталии
папы римского Климента III (1187–1191), согласно которым человеку,
женившемуся на падшей женщине, прощались все его грехи²⁸. Одна-
ко в дошедших до нас документах средневековой судебной практики
отсутствуют упоминания о том, что казнь мужчины заменялась бы на
изгнание из города заключившей брак пары. Более того, лишь в одном
письме о помиловании (1382 г.) нашлось место указанию на прозвище
«невесты», свидетельствовавшее, возможно, о ее презренной профес-
сии и низком социальном статусе, – Жанетт Муршон Проститутка (*Re-
baude*)²⁹. Впрочем, нельзя также не упомянуть сообщение Парижского
горожанина, описавшего под 1429 г. просьбу о свадьбе с осужденным,
поступившую от девицы, «появившейся на свет [на рынке] Ле Аль»
(*une jeune fille née des Halles*)³⁰. Место рождения в данном случае могло
указывать на профессиональные занятия «невесты», поскольку этот
район славился своими публичными домами³¹. Во всех остальных из-

²⁷ “Quent puncele per sa paubretat o putang qui sie, per treir se de peccat, requer le mayre eus
cent partz en centeye augun per marit qui sie murtre, quent son sober judgement, lo maire et
los cent partz li poden dar per marit, per que en autre maneyre no si daule fame o lo mort que
ac sie; pero l’omi et le femne seran gitatz de Baione; et si d’aqui en avant l’acusat pode esser atent
en Baione o deffentz los decx, seri penut per justici” (цит. по: *Giry A.* Op. cit. P. 173, n. 4).

²⁸ “Statuimus, ut omnibus, qui publicas mulieres de lupanari extraxerint et duxerint in
uxores, quod agunt in remissionem proficiat peccatorum” (Decretales Gregorii papae
IX // *Corpus juris canonici. Coloniae Munatiana, 1779. T. 2. P. 203. IV, I, 20*).

²⁹ Письмо о помиловании было даровано Аннекину Дутару: ANF. JJ 121. № 271 (23
novembre 1382).

³⁰ *Journal d’un bourgeois de Paris* / Ed. par C. Beaune. P., 1990. P. 272.

³¹ *Rossiaud J.* Amours vénales. La prostitution en Occident, XIIe–XVIe siècle. P., 2010. P. 134–
136. Собственно, примерно в том же районе Парижа происходило действие ро-
мана В. Гюго «Собор Парижской Богоматери».

вестных нам делах о сомнительном характере занятий той или иной девушки ничего не сообщалось, напротив, постоянно подчеркивались их достойное происхождение и поведение³².

Второй французский нормативный документ, упоминавший о «свадьбе под виселицей», был составлен в Оверни во второй четверти XV в. Адвокат Жан Мазюэ (1380?–1450) в своем трактате *Practica forensis*, посвященном тонкостям уголовного и гражданского судопроизводства, кратко сообщал о существовании обычая отдавать «приговоренного к виселице» (*condamnatus ad patibulum*) в мужа невинной девушке (*puella*) в «некоторых районах» Оверни, хотя и не давал ему никакой оценки и не указывал, какое именно место ему можно было бы отвести в системе процессуального права³³.

О практике «свадьбы под виселицей» весьма охотно писали профессиональные юристы раннего Нового времени, осуждая данный обычай как совершенно неправомерный. Об этом, в частности, заявлял бургундец Бартеlemi де Шасне (1480–1541), полагавший, что о возможности заключения брачного союза с проституткой (*meretrix*) известно по всей Франции (*de consuetudine generali totius Franciae*), однако такое супружество, с его точки зрения, могло восприниматься лишь как более тяжкое, нежели смерть, наказание³⁴. Подобные правовые представления подтверждались общественным мнением еще в XVI в. Так, в 1596 г., когда шла подготовка к свадьбе Дианы д'Эстре, родной сестры фаворитки Генриха IV (1553–1610), и Жана де Монлюка (1545–1603), считавшегося главным виновником сдачи Камбре испанским войскам в 1595 г., по Парижу ходила следующая шутка:

Об этой свадьбе, которую многие находили [весьма] странной [затеей], придворные острословы говорили, что человек, заслуживший [за свои проступки] смерть через повешение, спастись от нее может одним-единственным способом – взяв в жены проститутку из борделя³⁵.

³² Подобные описания будущих «невест» могли, впрочем, являться всего лишь следствием особого формуляра писем о помиловании, в которых и сам обвиняемый, и его близкие должны были быть охарактеризованы с наилучшей стороны: *Braun P. Le valeur documentaire des lettres de rémission*.

³³ “In aliquis partibus servatur quod si puella illum qui condemnatus ducitur ad patibulum, requirat ut cum eo matrimonialiter copuletur, quod traditur ei et isto modo evadit mortem” (*Masuerii iuris consulti Galli Practica forensis*. Francoforti ad Moenum, 1571. P. 215. § 30). Подробнее о Жане Мазюэ и его сочинении см.: *Tardif A. “Practica forensis” de Jean Masuer. P., 1883*.

³⁴ “Majus supplicium est illi condemnatio accipere uxorem quam mori” (*Chasseneux B. de. Commentarii in consuetudines ducatus burgundiae*. Lyon, 1624. P. 207. Rubrica I. § V. 96-98).

³⁵ “De ce mariage, que beaucoup de gens trouvoient estrange, les medisans de la Cour disoient que quand un homme ayant gagné la corde il n’y avait point un plus beau moien de s’en racheter que d’aller prendre une putain en plain bordeau” (*L’Estoile P. de. Mémoires-Journaux, 1574-1611. T. 7: Journal de Henry IV, 1595-1610. P., 1982. P. 52*).

Выходец из Пуату, юрисконсульт Андре Тирако (1480?–1558), в отличие от Б. де Шасне, считал, что в его провинции столь странной традиции вообще не существует³⁶. А Жан Папон (1505–1590), королевский лейтенант в бальяже Монбризона, сообщал, что в начале XVI в. данная проблема вызвала жаркие споры в Парижском парламенте, в результате которых обязательным объявлялось участие королевской канцелярии в рассмотрении подобных дел:

Наши доктора [права] долго мучились, пытаясь ответить [на вопрос], можно ли отдать приговоренного к смерти [человека] девушке, желающей выйти за него замуж. Постановлением [парламента] Парижа от 12 февраля 1515 г. было решено, что это возможно... Как бы то ни было, юридически [такой приговор] не будет иметь силы без помилования и разрешения короля, который [единственный] способен отменить смертную казнь, как всем известно, поскольку никакая свадьба не в состоянии возместить или заменить собой наказание³⁷.

Таким образом, в случае «свадьбы под виселицей» мы сталкиваемся со средневековой неписаной правовой традицией практически в чистом виде. Крайне скупо описанная в нормативных текстах, она, тем не менее, была прекрасно известна людям Средневековья и Нового времени. Свидетельством тому являются материалы судебной практики, в которых она либо упоминалась, либо становилась главным предметом рассмотрения³⁸. Письма о помиловании, выданные от имени французских королей, позволяют говорить об использовании «свадьбы под виселицей» в качестве (пара)судебной процедуры по крайней мере с конца XIII в.³⁹ по начало XVII в.⁴⁰

³⁶ “Si puella reum mortis in maritum petierit, a morte liberat ex consuetudine Franciae... Ego vero nescio an olim id in Gallia fuit observatum. Id autem certo scio hoc tempore non observari” (*Andreas Tiraquellus De poenis*. Lugduni, 1562. P. 272–273. Causa 56). В данном пассаже А. Тирако ссылался также на мнение Б. де Шасне: “Meminit item novissime Bart. Chassan. in Comment. Consuetudinum Burgundiae..., ubi dicit se nullam huius rationem afferre posse, nisi quod per matrimonium maior reo videtur poena imponi, quam per mortem, per multa quae de malitia mulierum affert” (*Ibid.* P. 273).

³⁷ “Nos docteurs se sont tourmentés sans resouldre, assavoir si un condamné à la mort peult estre laissé à une fille qui le demande pour l’espouser. Par arret de Paris du 12e jour de février 1515 fut jugé qu’il se peut faire... Quoy qu’il en soit, cela ne se peult faire de droit, s’il se fait sans la grâce et permission du Prince, différant l’exécution capitale jusques à ce que l’on ayt cogneu de tout, car le seul mariage ne peult couvrir ny effacer la peine” (*Papou J. Recueil d’arrests notables des cours souveraines de France*. P., 1696. P. 643).

³⁸ Точное количество французских судебных дел за период Средневековья и раннего Нового времени, в которых речь шла бы о «свадьбе под виселицей», назвать затруднительно. На сегодняшний день таких упоминаний мною найдено около 30.

³⁹ Самое раннее упоминание об использовании «свадьбы под виселицей» (1284 г.) содержится в: *Grand R. Les “paix” d’Aurillac. Etudes et documents sur l’histoire des institutions municipales d’une ville à consulat (XIIe–XVe siècles)*. P., 1945. P. 81.

⁴⁰ Официально использование «свадьбы под виселицей» было запрещено постановлением Парижского парламента от 6 апреля 1606 г.: *Lebigre A. La justice du roi. La vie judiciaire dans l’ancienne France*. P., 1995. P. 224.

Впрочем, следует обратить внимание не только на сам факт известности данного обычая обывателям, но и на их решающую роль в реализации его на практике. Согласно нашим источникам, именно толпа собравшихся зрителей чаще всего становилась вершителем судеб для приговоренного к смерти преступника и его «невесты». Даже в тех случаях, когда присутствующие на месте казни представители суда отказывались следовать данному неписаному правилу, мнение большинства чаще всего перевешивало. Наглядным примером может здесь служить процесс 1374 г., состоявшийся в Божанси, на котором за воровство к смерти были приговорены трое преступников, и одного из них неизвестная местная девушка попросила себе в мужья. Перед королевским прево города она обосновала свои действия «обычаем данной местности», однако тот не дал согласия на отмену экзекуции, заявив, что «ничего не знает об этом обычае»⁴¹. В дело вмешались многочисленные зрители⁴², и под их напором судья уступил: двоих преступников он приказал повесить, а третьего – вновь заключить в тюрьму. Затем он обратился за советом и консультациями к бабьи Орлеана, который в свою очередь переслал дело в Парижский парламент, откуда на имя вора пришло долгожданное помилование, датированное 6 июня 1376 г. Была ли затем сыграна свадьба, мы, однако, не знаем.

Именно так люди, собравшиеся поприсутствовать на казни⁴³, заставляли судей изменить свое мнение, отложить экзекуцию и отправить дело на пересмотр, руководствуясь «существованием такого обычая» (*la coustume estoit telle*), «великой жалостью, которую все испытывали к [осужденному]» (*la pitie que chascun avoit de lui, grant pitie au peuple qui la estoit*), «громкими криками и желанием толпы» (*la grieve clameur et requeste du peuple*) или сомнениями в справедливости вынесенного приговора⁴⁴. Ведь очень часто проступок того или иного человека выглядел «вполне прощательным» (*très gracieable*) даже для самих судей и не заслуживал, с их точки зрения, казни виновного. Именно так расценили окружающие вынесение смертного приговора (казнь через повешение) Жану д'Отриву, попавшемуся на взломе и краже нескольких головок сыра из церкви Сен-Мартен в Лане в 1341 г.⁴⁵ Его письмо о по-

⁴¹ «Qui demanda audit prevost l'un des trois qui pour larecin était condamné, disant que par la coutume du pays elle devait avoir sadite requete, à laquelle ledit prevost repondit qu'il ne savait rien de la coutume» (*Galametz (M. le comte de)*. Op. cit. P. 197, курсив мой – О.Т.).

⁴² «Assemblée à une voix cria audit prevost que la coutume était telle» (*Ibid.*)

⁴³ О казни как зрелище в Средние века см.: Тогоева О.И. Смертная казнь в городе; Morel B. Op. cit. P. 213-295.

⁴⁴ ANF. JJ 109. № 49 (6 juin 1376); JJ 142. № 164 (avril 1391); JJ 171. № 373 (avril 1421); JJ 172. № 460 (avril 1424).

⁴⁵ «Pour cause de larrechin de certains fourmaiges emblés par Jehan d'Auterive, fils Colart d'Auterive, qui... avoit rompu en ladite église l'huis et fermeture ou estoient lesdites fourmaiges» (*Melleville M. L'usage au Moyen Âge de permettre à une jeune fille de sauver un criminel en l'épousant* // *Bulletin de la société académique de Laon*. 1854. T. 3. P. 377-387, здесь P. 383).

миловании было рассмотрено местным королевским бальи, который учел и просьбу о замужестве, исходившую от «достойной девушки» Элиссон де ла Трай, и общественное мнение, согласно которому наказание в данном случае не соответствовало тяжести проступка:

И по данному делу мы, получив сведения о порядочном и лояльном поведении, а [также] о доброй репутации упомянутой Элиссон, а также этого Жана [д'Отрива] до того, как [он совершил] свое преступление, испытывая жалость и снисхождение к упомянутому Жану и учитывая все вышесказанное, от имени короля, нашего господина, его особой милостью и королевской властью, прощаем этому Жану его проступок⁴⁶.

В ситуации, когда решающее слово оставалось за собравшимися на месте предполагаемой экзекуции зрителями, девушка, просившая отдать преступника ей в мужа, утрачивала, похоже, функции самостоятельного «актера» и превращалась в выразителя общественного мнения, в своеобразный «инструмент» в руках толпы. Именно так, в частности, развивались события в Парижском парламенте в 1424 г., когда просьба о свадьбе между осужденным Жиле де Луантреном и пожелавшей взять его в мужа девушкой последовала сразу же после вынесения приговора (а не под виселицей) и исходила не только от самой предполагаемой невесты, но и от ее «матери и прочих друзей» (*de sa mere et autres ses amis*), явившихся в суд вместе с ней⁴⁷.

Вероятно, именно с данной особенностью традиции «свадьбы под виселицей», когда девушка выступала лишь рупором общественного мнения, и было связано то, что заключением брака как таковым дело заканчивалось далеко не всегда, хотя в отдельных случаях это происходило буквально на месте экзекуции. Так, в 1421 г. Жан Руаго, получивший затем королевское письмо о помиловании, был обвенчан со своей избранницей буквально под виселицей присутствовавшим на месте казни священником. Молодая пара даже получила от собравшихся зрителей некую сумму денег «для обеспечения их брака» (*a soustenir en leur mariage*)⁴⁸. В 1426 г. в Нормандии та же история повторилась с юным вором Этьеном Патностром, причем деньги на обзаведение супругам выдали не простые граждане, а местные власти⁴⁹.

Преступника могли отпустить на все четыре стороны вместе с его новоявленной невестой даже и без заключения брака. Так поступил, в

⁴⁶ «Et ce fait, nous, enfourmez de bon port et loyal gouvernement et bonne renommée de la dite Héliссon et aussi dudit Jehan audevant dit meffait dessus dit, eue pitié et compassion dudit Jehan et eue considération aux choses dessus dites pour et ou nom du roy nostre sire, de sa grâce espéciale et de l'autorité royale, audit Jehan... le meffait dessus dit li pardonasmes et pardonnons» (Ibid. P. 384).

⁴⁷ ANF. JJ 172. № 460 (avril 1424).

⁴⁸ ANF. JJ 171. № 373 (avril 1421).

⁴⁹ ANF. JJ 173. № 566 (novembre 1426).

частности, судья Робер де Гранси, в 1376 г. освободивший прямо на месте казни Жана де Куртеле, которого обвиняли в многочисленных кражах и тайных сношениях с англичанами и которого попросила себе в мужья некая «невинная девушка» (*jeune fille pucelle*) по имени Этьенетт де Лешассень⁵⁰. Кроме того «влюбленные» могли скрыться с места казни при попустительстве толпы, как это произошло, например, в 1567 г. в Абвиле с молодым человеком, осужденным за воровство, и его невестой Антуанеттой. После прозвучавшей вслух просьбы о «свадьбе» палач как-то не слишком быстро, по мнению зрителей, поторопился ее исполнить, и тогда один из собравшихся, местный священник Шарль Мулен, собственным ножом перерезал веревку с петлей и помог парочке затеряться в толпе⁵¹.

И, тем не менее, далеко не все подобные просьбы о помиловании удовлетворялись. Судья вполне мог и не обратить на них должного внимания и настаивать на исполнении принятого им ранее решения. Именно так случилось в 1399 г. с молодым вором Гийомином Гарнье и Марион Ладели, которая, желая спасти от казни своего избранника, несколько раз обращалась в Парламент, требуя пересмотра смертного приговора, а затем добилась для «суженого» письма о помиловании⁵². История повторилась в 1421 г. с уже знакомым нам Жаном Руаго и его 14-летней невестой: несмотря на уже заключенный брак, местный балль настаивал, чтобы казнь в данном случае все же состоялась. Молодая пара была вынуждена апеллировать в Парижский парламент, а затем – обратиться напрямую к королю⁵³.

В большинстве случаев, однако, преступника, на которого указала девушка, возвращали в тюрьму для дальнейшего выяснения обстоятельств дела и для консультаций с вышестоящими инстанциями. Именно так произошло, к примеру, с Коленом Пти: в выданном ему 12 марта 1350 г. письме о помиловании отмечалось, что судья – после вмешательства «невесты» – вновь посадил его в камеру, дабы иметь возможность узнать «советы и мнения» своих коллег по его делу⁵⁴. Таким образом, главным результатом действий толпы становилась

⁵⁰ ANF. JJ 113. № 207 (3 octobre 1378). Письмо о помиловании было даровано Роберу де Гранси, превысившему, по мнению балль Макона, должностные полномочия.

⁵¹ *Galametz (M. le comte de)*. Op. cit. P. 188. Письмо о помиловании было даровано священнику Шарлю Мулену, обвиненному местным судом в препятствии правосудию, однако оправданному королем.

⁵² “Appella plusieurs fois d'icelle justice et dudit refus a nostre court de Parlement, obstant lequel appel et pour doubte d'actempter la dite justice ait sursis de la dite execution et ycelui Guillemain mis arriere es prisons” (ANF. JJ 154. № 311, juillet 1399).

⁵³ См. прим. 48.

⁵⁴ “Eust esté ramenez en ladicté prison par ledit maieur le quel eu sur ce conseil et avis” (ANF. JJ 78. № 260, 12 mars 1350). В письме о помиловании, полученном в 1375 г. Адамом Безьоном, присутствовала похожая оговорка: “Pour doubte de offenser contre raison et justice et pour avoir conseil sur ce, fust ramené en prisons” (ANF. JJ 107. № 76, 2 juin 1375).

именно просьба о помиловании, с которой осужденный обращался к королю⁵⁵. Местные чиновники лишь в редчайших случаях брали на себя смелость самостоятельно пересмотреть тот или иной конкретный приговор. Они просто оставляли преступников в заключении, надеясь, что решение по их делам будет принято другими, возможно, более опытными судьями, что частенько приводило к побегам несостоявшихся супругов. Так, в письме о помиловании, полученном в 1375 г. Адамом Безьоном, после указания на то, что вместо казни он вернулся в тюрьму, сообщалось, что через три недели он оттуда сбежал⁵⁶.

Королевское прощение снимало с местных властей всякую ответственность за то, что они последовали неписаной традиции, навязанной им извне. Однако именно таким образом – через прерывание казни и обращение к монарху – «свадьба под виселицей» как бы включалась в правовое поле, если не *de jure*, то уж во всяком случае *de facto*.

* * *

Собственно, именно так – как еще одну, дополнительную возможность для получения прощения (посредством апелляции или письма о помиловании) – и рассматривают «свадьбу под виселицей» современные исследователи⁵⁷. С одной стороны, такая трактовка не вызывает возражений: в том случае, когда обвиняемый не располагал поддержкой влиятельных и/или состоятельных родственников и друзей, способных ходатайствовать за него перед королем, участие неизвестной юной особы представлялось для него единственной и, вероятно, последней надеждой на спасение. Проблема, однако, заключается в том, что подобное участие, насколько можно судить по сохранившимся источникам, не являлось заранее *спланированным*, в отличие от вмешательства в судьбу преступника его близких. Человек, находившийся в тюрьме, никак не мог сговориться с какой-нибудь знакомой ему девицей, чтобы та спасла его от казни.

Впрочем, в трех имеющихся в нашем распоряжении письмах о имеющих свидетельства того, что подобный сговор все же иногда имел место. В одном случае девушка вмешалась в ход процедуры, дабы избежать от смерти своего жениха, с которым она уже была помолвлена⁵⁸. В другом в роли спасительницы выступила подружка преступника, которую он узнал в толпе. Это была уже знакомая нам Антуанетт из

⁵⁵ Этим обстоятельством и объясняется то, что большинство упоминаний о «свадьбе под виселицей» мы находим именно в письмах о помиловании.

⁵⁶ “Il fut ramen   comme dit est par l’espace de trois semaines ou environ... rompi les dites prisons et s’en ala” (ANF. JJ 107. № 76, 2 juin 1375). Данное обстоятельство не помешало, тем не менее, Адаму получить королевское прощение.

⁵⁷ Lemerrier P. Op. cit. P. 466; Hoareau-Dodinau J. Op. cit. P. 355, 367-368.

⁵⁸ Письмо о помиловании было дано Жану де Лансу: ANF. JJ 86. № 369 (1er septembre 1358).

Абвиля, к которой ее «суженый» прямо с эшафота обратился с призывом: «Антуанетт, спасите меня, попросите меня себе в мужа!»⁵⁹. Поскольку представители власти не выразили «никакого протеста» (*aucune resistance*), девушка беспрепятственно приблизилась к виселице, взяла своего избранника за руки, и зрители, собравшиеся на площади, закричали: «Пусть обрежут веревку, ведь она берет его в мужа!»⁶⁰. Наконец, третий пример являет собой случай и вовсе почти анекдотический. В марте 1349 г. королевское прощение получил уже упоминавшийся выше житель Суассона Колен Пти, совершивший кражу (*larrecin*) вместе со своей женой Авелиной. За это преступление супруги были приговорены к смертной казни, однако уже на месте экзекуции женщина начала всячески выгораживать собственного мужа, заявляя

перед всеми, что кража была совершена по ее [собственному] решению и что ее супруг участвовал в этом [преступлении] лишь по ее прихоти и настоянию, что он был и остается достойным человеком. И она попросила у судей и всех прочих собравшихся там, чтобы ему отменили казнь и простили этот проступок⁶¹.

Власти, однако, не успели откликнуться на последнюю просьбу преступницы, ибо, как только Авелина испустила дух на виселице, из толпы зрителей вперед выступила некая Алисон, дочь Симона Суира из Суассона, и потребовала отдать ей только что овдовевшего Колена в мужа⁶². Действовали ли эти двое по сговору, связывали ли их ранее некие интимные отношения – сказать невозможно, однако быстрота реакции молодой особы обращает на себя внимание. Тем не менее, судьи пошли ей навстречу. Они не стали приводить приговор, вынесенный Колену, в исполнение, но вернули преступника в тюрьму и принялись ждать ответа из королевской канцелярии. Тот пришел на удивление быстро и оказался положительным:

Мы прощаем этого Колена нашей особой милостью и всей полнотой нашей королевской власти и освобождаем его [от ответственности] за это преступление и от любого уголовного и гражданского наказания... Мы восстанавливаем его доброе имя и репутацию и [возвращаем ему] всё

⁵⁹ "Antoinette, sauvez-moi la vie, requerez-moi en mariage!" (*Galametz (M. le comte de)*. Op. cit. P. 188).

⁶⁰ "Qu'on coupe la corde puisqu'elle requiert en mariage!" (*Ibid.*). См. также прим. 51.

⁶¹ "Ladite Aveline eust dit devant tous que ledit larrecin avoit esté commis par le mouvement et le conseil d'elle, et que ce que son dit marry en avoit fait, il l'avoit fait par son conseil et par sa promotion, et qu'il avoit esté et estoit vray preudhomme, et requist ausdites gens gardans ladite justice et aus autres illec estans que len li vouldist respitier de mort et li quittier ledit faist" (ANF. JJ 78. № 260, 12 mars 1350).

⁶² "Et pour ceste cause et aussi pour ce que après ces choses Alison, fille feu Simon Suire, de Soissons, requist et pria au maieur desdits religieux que len li vouldist donner ledit Colin à marry et à espous, eust été ramené en ladite prison" (*Ibid.*).

имущество, учитывая, что, согласно общему мнению, упомянутая Алисон является невинной девушкой, ведущей достойную жизнь, а также ее намерение взять этого Колена в мужья⁶³.

Намек на возможный сговор с целью освободить преступника от виселицы содержался, как мне представляется, и в одном из дел, включенных Аломом Кашмаре в «Уголовный регистр Шатле». В 1389 г. к смерти был приговорен вор-рецидивист Флоран де Сен-Ло. Категорически отказываясь признавать свою вину в совершенных кражах, он, тем не менее, охотно поведал судьям, что уже давно обручен с некоей Маргаритой, на помощь которой надеется в сложившейся ситуации:

Упомянутый заключенный признал и подтвердил, что в Компьене у него осталась подружка по имени Маргарита, с которой он помолвлен, и что он молит Бога, чтобы она смогла узнать о том положении, в котором он теперь находится, и позаботилась бы о его освобождении⁶⁴.

И все же в большинстве случаев участники «свадьбы под виселицей» действовали, как представляется, значительно более спонтанно. Это особенно заметно в тех случаях, когда девушка *выбирала* из числа приговоренных к смерти одного, наиболее ей подходящего (симпатичного, молодого, здорового). Именно такую ситуацию описывал в своем «Дневнике» Парижский горожанин под 1429 г.:

На [площадь] Ле Аль в Париже привели одиннадцать [преступников] и отрубили головы всем десятерым. Одинадцатый был очень красивым молодым человеком примерно 24-ти лет от роду. Он был раздет и уже готов к тому, чтобы ему завязали глаза, когда некая юная девушка, рожденная [на рынке] Ле Аль, вышла [вперед] и смело попросила его [себе в мужья]. И ее намерения были столь добры, что его отвели обратно в Шатле, а затем их поженили⁶⁵!

⁶³ "Audit Colin... de grâce spéciale et de nos plain pooir et auctorité royale, quittons et remettons ledit faict et toute paine criminelle et civile... et le restituons à la bonne fame et renommée et à ses biens... pourveu que commune renommée soit que ladite Alison est pucelle et de bonne vie et conversation, et aussi que elle prendra ledit Colin par nom de mariage" (Ibid.).

⁶⁴ "Ledit prisonnier leur cogneut et confessa que en la ville de Compiengne il avoit une sienne amie nommée Marguerite, laquelle il avoit fiancée, et qu'il vouldroit qu'il pleust à Dieu que elle peust savoir l'estat en quoy il estoit et estoit, afin que elle pourveist sur la délivrance dudit prisonnier" (Registre criminel du Châtelet de Paris. T. 1. P. 201-209, здесь P. 203). Подробнее об этом деле см.: *Тогоева О.И.* «Истинная правда». С. 54-65.

⁶⁵ "On en mena onze ès Halles de Paris, et leur coupa-t-on les têtes à tous dix. Le onzième était un très bel jeune fils d'environ 24 ans, il fut dépouillé et prêt pour bander ses yeux, quand une jeune fille née des Halles le vint hardiement demander et tant fit par son bon pourchas qu'il fut ramené au Châtelet, et depuis furent épousés ensemble!" (Journal d'un bourgeois de Paris. P. 272).

Вполне приемлемой оказывалась и обратная ситуация: преступник мог сам указать на одну из нескольких претенденток, просивших его себе в мужья. Например, на ту, что была помоложе, как это случилось с упоминавшимся выше Пьером Момаршем⁶⁶, или на ту, что славилась «хорошим происхождением, достойной репутацией и отменным здоровьем»⁶⁷. Более того, иногда осужденный отказывался от предоставленной ему возможности спасти свою жизнь. Если довериться сообщению Мишеля Монтеня (1533–1592), подобные ситуации возникали в XVI в. как во Франции, так и за ее пределами:

Кто не слышал рассказа об одном пикардийце? Когда он уже стоял у подножия виселицы, к нему подвели публичную женщину и пообещали, что если он согласится жениться на ней, то ему будет дарована жизнь (ведь наше правосудие порою идет на это); взглянув на нее и заметив, что она припадает на одну ногу, он крикнул: «Валяй, надевай петлю! Она колченогая». Существует рассказ в таком же роде об одном датчанине, которому должны были отрубить голову. Стоя уже на помосте, он отказался от помилования на сходных условиях лишь потому, что у женщины, которую ему предложили в жены, были ввалившиеся щеки и чересчур острый нос⁶⁸.

Данное обстоятельство заставляет нас вновь вернуться к вопросу о том, чем собственно следует считать «свадьбу под виселицей» и чем она являлась для современников. Как мне представляется, прежде всего нужно понять, что речь в данном случае шла не просто о неписаной правовой традиции, но и об отсутствии опоры на некий предшествующий судебный прецедент – на решение, вынесенное когда-то ранее, а затем воспроизводившееся по аналогии в той или иной судебной инстанции⁶⁹. Именно на эту важнейшую особенность «свадьбы под виселицей» указывало, в частности, почти вызывающее нежелание самих судебных чиновников участвовать в данной процедуре. «Свадьбу» мог организовать кто угодно, но только не судьи, не магистраты и не палачи или их подручные. Все это происходило как бы *само по себе* – или же данное событие пытались представить свершившимся без помощи непосредственных участников судебного процесса или зрителей. Девушка, сообразуясь с одной ей известными обстоятельствами, делала шаг вперед и просила

⁶⁶ ANF. X 2a 67, s.p., 27 juin 1510.

⁶⁷ “Pucelle de bon lieu, et de bonne renommée, et de bon estat” (Melleville M. Op. cit. P. 383, дело Жана д’Отрива и Эллесон де ла Трай 1341 г.). Похожий выбор веком позже сделал и Жиле де Луантрен: ANF. JJ 172. № 460 (avril 1424).

⁶⁸ Монтень М. Опыты. Избранные произведения в 3-х томах / Пер. с фр. А.С. Бобовича. М., 1992. Т. 1. Кн. 1. Гл. 14.

⁶⁹ Насколько можно судить, именно к прецедентному праву изначально относилась традиция использовать родственников или друзей для подачи письма о помиловании: Gauvard C. “De grace especial”. P. 59-109, 643-651.

отдать преступника ей в мужа. Но каковы были эти обстоятельства? Что заставляло ее так поступить, если не считать мнения окружающей ее толпы?

* * *

Как справедливо отмечала Жаклин Оаро-Додино, наиболее существенным моментом следует признать тот факт, что большая часть известных нам реальных случаев применения «свадьбы под виселицей» связана с деятельностью церковных судов, часто обладавших в эпоху Средневековья правом светской юрисдикции, т.е. имевших возможность приговаривать своих преступников к смертной казни и приводить эти приговоры в исполнение⁷⁰. С точки зрения церковных властей, обычай «свадьбы под виселицей», вне всякого сомнения, оказывался исключительно близок Божественной ордалии – чудесам, которые происходили или якобы происходили на месте экзекуции и по которым присутствующие без особого труда могли определить, считает ли сам Господь осужденного на смерть преступника по-настоящему виновным.

Описания Божественных ордалий мы находим не только в нарративных средневековых текстах, из которых особого внимания, безусловно, заслуживают рассказы о чудесах Богородицы, явленных ею раскаивающимся преступникам, – о спасении их от виселицы или от пламени костра⁷¹. Мы встречаем их и в материалах светской судебной практики, в том числе – в приговорах Парижского парламента. Это – пусть и не многочисленные – упоминания о прощении, дарованном тому или иному осужденному по причине внезапной поломки лестницы, необходимой, дабы повесить вора⁷²; веревки, оборвавшейся или чудесным образом

⁷⁰ Hoareau-Dodinau J. Op. cit. P. 368-369. Подробнее о церковных судах такого типа см.: Тогоева О.И. «Истинная правда». С. 257-281; Она же. Воспоминания о власти. Реймс 1431 г. // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси в Средние века и Новое время / Под ред. М.А. Бойцова и О.Г. Эксле. М., 2008. С. 307-325.

⁷¹ Подробнее о чудесах Богородицы, связанных с судебной сферой, и об их средневековой иконографии см.: Gaiffier B. de. Un thème hagiographique: le pendu miraculeusement sauvé // Revue belge d'archéologie et d'histoire de l'art. 1943. T. 13. P. 123-148; Chartier R. La pendue miraculeusement sauvée. Etude d'un occasionnel // Les usages de l'imprimé (XVe-XIXe siècle) / Sous la dir. de R. Chartier. P., 1987. P. 83-127; Koopmans J. Le pendu miraculeusement sauvé: littérature et faits divers // Rapports. Het Franse boek. 2000. T. 70. P. 130-138; Guyon G.D. La justice pénale dans le théâtre religieux du XIVe siècle: les Miracles de Notre-Dame par personnages // Guyon G. La justice en questions. Recueil d'articles. Limoges, 2015. P. 79-105; Тогоева О.И. *Liberatus a suspendio*: судебная практика vs. литературный сюжет // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 2017 / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. Вып. 12. М., 2017. С. 169-184.

⁷² Чудо с лестницей подробно описывалось, к примеру, в деле Жана Робийара по прозвищу Копченый (*Fumée*), обвиненного в краже серебряного блюда из церкви Сен-Мартен в Туре. Несмотря на тюремное заключение и пытки, Жан отказывался признавать себя виновным. Тем не менее, он был приговорен к

пропавшей с места экзекуции⁷³; дверей тюрьмы, произвольно открывшихся посреди ночи и позволивших невинному выйти на свободу⁷⁴; течения реки, не дающего осужденной за детоубийство женщине утонуть⁷⁵.

Подобные истории, зафиксированные в материалах судебной практики, исключительно важны для анализа обычая «свадьбы под виселицей», поскольку они оказываются близки ему по *формальным* процессуальным признакам. Во всех этих делах решающей становилась роль толпы, которая воспринимала происходящее как настоящее чудо и на этом основании прерывала экзекуцию. Явление девушки, желавшей взять преступника в мужа, точно так же, как и таинственная пропажа веревки или лестницы, не означала полного окончания процесса, но гарантировала *отсрочку* в вынесении решения, а то и пересмотр дела с возможным последующим освобождением обвиняемого.

Иными словами, в случае «свадьбы под виселицей» мы, видимо, имеем дело не с какой-то частью строго инквизиционного процесса. Скорее, речь следует вести о еще одном проявлении *смешанной* процедуры, которая, собственно, и использовалась в судах Французского королевства на протяжении всего позднего Средневековья⁷⁶, когда элементы обвинительной процедуры (Божьего суда) вполне уживались с

повешению, однако на месте казни выяснилось, что отсутствует лестница, необходимая для накидывания веревки на шею осужденного. Поиски в трех ближайших деревнях ни к чему не привели: когда была найдена подходящая по длине лестница, она «чудесным образом» развалилась на три куска на глазах у собравшихся (*elle rompit miraculose en III pieces*). Люди, узрев чудо, сами увели осужденного с места казни (*le peuple veant le miracle ramena Fumee du gibet*), а его отец потребовал возобновить следствие, дабы установить невинность Жана (*requit son pere que sur son innocence on fist informacion*): ANF. X 2a 14, fol. 164-167 (février 1404).

⁷³ В июне 1404 г. человека, не признавшегося после многочисленных пыток в совершении убийства, однако приговоренного к смертной казни, не смогли повесить, поскольку не нашлось подходящей веревки. Местные жители, названные в тексте приговора «достойными людьми», расценили отсутствие признания как доказательство невинности и отказались помогать палачу в поисках веревки: “Les bonnes gens qui savoient son innocence ne voldrent prester corde” (ANF. X 2a 14, fol. 182v-184, juin 1404).

⁷⁴ В 1406 г. Масе Ле Корнер был заключен в тюрьму местным сеньором, шевалье Жаном Вержье. Вина Маса заключалась в том, что он подал в суд на своего обидчика, которого полагал убийцей собственного кузена. Оказавшись в застенке, Ле Корнер вознес молитвы Деве Марии (*il se voua a Notre-Dame de Rochemadour*), и ночью, когда стража заснула, чудесным образом освободился от оков и тюремного заключения и отправился в Анже подавать жалобу на Жана Вержье королевскому бальи: “Et la nuit, ainsi que ses gardes dormoient, s'en ala a touz ses fers et s'en ala a Angers le denoncer a justice” (ANF. X 2a 14, fol. 357-359, décembre 1406).

⁷⁵ Hoareau-Dodinau J. Op. cit. P. 368-369.

⁷⁶ Подробнее см.: Тогоева О.И. Когда преступник – свинья; Gauvard C. Op. cit. P. 145-189.

инквизиционными (допросом, сбором вещественных доказательств, пыткой обвиняемого и обязательным признанием им собственной вины, и т.д.).

* * *

В заключение следует сказать несколько слов о том, чем же заканчивались подобные удивительные истории. Что происходило после того, как преступник получал-таки королевское письмо о помиловании? Праздновала ли молодая пара свою, с таким трудом, казалось бы, отвоёванную свадьбу? И насколько долговечным оказывался подобный брак?

Конечно, у нас имеются примеры того, что бывший преступник и его столь внезапно обретенная невеста становились мужем и женой, а затем жили долго и счастливо. В деле уже знакомого нам Пьера Монмарша его адвокат как раз и вспоминал об одном таком случае, известном ему лично. Речь шла о некоем адвокате из Невера, который много лет назад

был приговорен к смерти и отведен к виселице, где молодая девушка попросила его себе в мужа. Он был отдан ей, она стала его женой, каковой является и ныне, и они все еще живут вместе достойным образом⁷⁷.

Однако столь же часты, насколько можно судить, оказывались и случаи, когда до свадьбы дело так и не доходило. Так, некий Бертело Клотерио, в 12-летнем возрасте приговоренный к смерти за убийство мужа собственной сестры, но чудесным образом спасенный предложением заключить брак, получил королевское письмо о помиловании лишь через 20 лет после вынесения приговора. К этому времени он был уже женат, имел нескольких детей, но нигде не указал, что его супруга – именно та молодая особа, которая когда-то спасла его от виселицы⁷⁸. Еще более показателен случай Аннекина Дутара, обвиненного в умышленном убийстве и кражах и спасенного от смерти Жанетт Муршон. После помещения в тюрьму он уже через месяц получил письмо о помиловании – на том условии, что свадьба должна быть «надлежащим образом устроена» (*soit parfait et accompli*)⁷⁹. Однако еще через месяц Аннекин вновь оказался в тюрьме – уже по новому обвинению – и вновь обратился за прощением к королю, нигде не указав, что он действительно женился на своей спасительнице⁸⁰.

⁷⁷ "Aujourd'uy est encores vivant ung advocat de Nevers... qui fut condanné à estre pendu et mené jusques gibet ou il fut requis par une fille en mariage à la quelle il fut rendu et est la femme qu'il a de present avec laquelle il vit de present honnestement" (ANF. X 2a 67, s.p., 2 juillet 1510).

⁷⁸ ANF. JJ 142. № 164 (avril 1391).

⁷⁹ Возможно также, что в данном случае речь шла о консумации уже заключенного брака.

⁸⁰ ANF. JJ 121. № 271 (23 novembre 1382).

Таким образом, многочисленные истории о «свадьбах под виселицей» на поверку оказывались не слишком романтическими. Скорее, они указывали на изрядный прагматизм главных действующих лиц, на их способность найти выход из любой, даже самой безнадежной ситуации, каковой, безусловно, и являлось пребывание в тюрьме. Именно о таком понимании «свадьбы под виселицей» и возможностей, которые она предоставляла, свидетельствует наш наиболее поздний по времени пример – дело Жана Королера, барабанщика морского флота Новой Франции, арестованного в 1751 г. и приговоренного к одному году заключения за участие в дуэли⁸¹. В соседней с ним камере сидела Франсуаза Лоран, служанка, обвиненная в краже одежды своих хозяев; ее ждала смерть на виселице. Проблема, однако, заключалась в том, что в Квебеке не имелось собственного палача: мэтр Дюкло, исполнявший эти обязанности ранее, умер в самом конце 1750 г., замену ему в колонии подобрать не смогли, и городская тюрьма оказалась переполненной. И как раз когда власти уже отчаялись найти выход из создавшейся ситуации, к ним обратился Жан Королер, заявив, что согласен стать новым палачом в обмен на свободу, и пообещав «прилежно исполнять свои обязанности». Верховный совет Квебека принял его предложение и 17 августа 1751 г. утвердил Жана в должности. Однако буквально на следующий день, 18 августа, Королер вновь явился в суд – теперь уже с просьбой отдать ему в законные супруги упомянутую Франсуазу Лоран, объясняя это тем, что женитьба поможет ему по-настоящему закрепиться в городе и обрести семейный очаг. Желая во что бы то ни стало заполучить нового палача, судебные чиновники пошли навстречу Жану и 19 августа освободили Франсуазу из заключения, организовав новобрачным пышную свадьбу в часовне Дворца правосудия. Однако всего через год ни мэтра Королера, ни его супруги в Квебеке не оказалось: оба они бесследно исчезли...

Столь прагматическое отношение простых обывателей к «свадьбе под виселицей» и восприятие ее как вполне легального способа *избавления* от, казалось бы, неминуемой кары сильно отличалось от понимания женитьбы как *наказания*, существование которого в обществах прошлого отмечается многими исследователями. С точки зрения С.В. Алпатова, к примеру, образная параллель «виселица – супруга» и мотивная связь «влезть (впрыгнуть) в петлю – жениться» прослеживаются на материале многочисленных словацких, моравских, польских, украинских, русских и румынских народных баллад, лирических песен и преданий⁸². Ту же зависимость мы довольно легко можем обнаружить и в западноевропейской средневековой литературе:

⁸¹ Armand F. Les bourreaux en France. Du Moyen Âge à l'abolition de la peine de mort. P., 2012. P. 152.

⁸² Алпатов С.В. Мотив виселица-свадьба. С. 71.

– Хорош, ребята, город Парижуха,
 Но в петле кочевряжиться на кой?
 – Зато приятна песенка для слуха,
 Как висельник венчается с доской,
 И прут жених с невестой на покой!
 – И дрыгается в воздухе браток
 С ноздрями рваными да без порток,
 С орясиной обрачившийся спьяну?
 Ярыга к нашей братии жесток!
 – Шалишь! Жениться на бревне не стану⁸³!

Более того, уподобление «свадьбы под виселицей» наказанию (*supplicium*) ничуть не лучшему, нежели смертная казнь, мы встречаем и в некоторых правовых трактатах – например, в уже упоминавшихся *Commentarii in consuetudines ducatus burgundiae* Бартеlemi де Шасне⁸⁴.

И тем не менее, в повседневной судебной практике о подобном понимании данного обычая как будто ничто не напоминало. Каковы бы ни были изначальные символические смыслы дихотомии брак/смерть, французские обыватели эпохи Средневековья и Нового времени явно предпочитали «считывать» лишь самый поверхностный из них. Оставаясь по преимуществу неписаным правовым обычаем, «свадьба под виселицей», по всей видимости, представлялась им особенно привлекательной именно потому, что позволяла задействовать *традицию*, которая на поверку оказывалась сильнее, легитимнее любой зафиксированной законодательством или местной кутюмой *нормы*.

Как мы успели убедиться, в сфере уголовного судопроизводства во Франции указанного периода подобных обычаев существовало немало. И это особенно хорошо заметно по ситуации, складывавшейся с расследованием преступлений, совершенных на сексуальной почве. Законодательная база в данной области долгое время оставалась не слишком разработанной, она не успевала за развитием самого общества. Подобное отставание, безусловно, было связано с сугубо частным характером таких правонарушений, когда заинтересованные лица предпочитали не посвящать официальные власти в свои проблемы. Однако в неменьшей степени опора на неписаную традицию объяснялась медленным развитием собственно права, отсутствием его кодифицированного свода. Как следствие, жители той или иной области Французского королевства часто получали возможность – а то и бывали вынуждены – обращаться за консультацией и защитой не к единым и обязательным для всех установлениям,

⁸³ Вийон Ф. Баллады на воровском жаргоне. Баллада VII / Пер. Е. Кассировой // Вийон Ф. Полное собрание поэтических сочинений / Вступ. статья, сост., коммент. Е. Витковского. М., 1998. С. 225-226. См. подробнее: Алпатов С.В. Мотив виселица-свадьба. С. 72.

⁸⁴ См. прим. 34.

но исключительно к местным обычаям, часто не имевшим письменной фиксации.

Важно отметить и то, что в ряде случаев в доступных современникам юридических текстах – будь то королевские ордонансы, сборники кутюм или трактаты правоведов – отсутствовали не только указания на то, какое наказание следует за тот или иной проступок и каким образом нужно приводить приговор в исполнение, но даже точное толкование конкретных правонарушений, совершаемых на сексуальной почве. Как действовали судьи, расследуя преступление, которое в буквальном смысле не имело ни названия, ни определения? На какие правовые нормы при вынесении решения они могли опереться, если не обладали нужной суммой прецедентов и не находили упоминаний о похожих делах ни в законодательстве, ни в кутюмах? Как вели себя потерпевшие и их обидчики, пытаясь отстоять в различных инстанциях собственную точку зрения? Что именно они считали необходимым сообщить о произошедшем с ними и на каких обстоятельствах стремились сделать акцент? Ответы на все эти вопросы часто можно найти лишь в конкретных судебных делах. Анализу некоторых из них и посвящена вторая часть этой книги.

ЧАСТЬ II
Казусы без конца...
и без начала

ГЛАВА 5

История Раймона Дюрана, содомита из Вильфранша

Тридцатого июля 1333 г. в Парижском парламенте королевскими советниками Жаном Ла Пи и Диманшем де Шатейоном были заслушаны показания Перро Фавареска (*Perrot Favaresque*), молодого человека 18-ти лет, уроженца Руэрга, который обвинил в сексуальных домогательствах (*pour le fait de sodomie*) своего бывшего хозяина – Раймона Дюрана (*Raymon Durant*), прокурора парламента, родом из Вильфранша¹. Слова Перро подтвердил доставленный в суд вместе с ним еще один слуга мэтра, Бернардо де Монжё (*Bernardo de Montgiex*) 15-ти лет. Оба они рассказали, что их господин неоднократно заставлял их не только оставаться на ночь в его комнате, но и делить с ним постель. Он обнимал и целовал их, а также совокуплялся с ними, «как если бы имел дело с женщиной» (*comme se il feust sur une fame*)².

Согласно показаниям Перро, они с Бернардо были отнюдь не единственными жертвами Раймона Дюрана. Об этом он узнал от служанки из местной таверны, которой как-то пожаловался на поведение хозяина:

И сказал, что на следующий день после того, как мэтр Раймон позабавился с ним, как он показал ранее, он в слезах отправился к служанке из таверны по имени Жанна. И рассказал ей, что мэтр Раймон заставил его провести с ним ночь в постели, однако не признался [ей], что он с ним там делал. И эта служанка начала смеяться [над ним] и заявила, что никакой выгоды он от [действий своего господина] не получит. И сказала, что были и другие, кто также поступал в услужение [к прокурору], но никакой выгоды [от этого] не получил³.

¹ ANF. X 2a 4, fol. 194v-196, 205-206 (30 juillet 1333, 25 novembre 1334, 1er avril 1335). Дело Раймона Дюрана опубликовано в: *Confessions et jugements de criminels au Parlement de Paris*. P. 80-84, 108-111.

² Ibid. P. 82.

³ “Et dit il qui parle que l'andemain que ledit maistre Raymon ot jeu avec lui,... il qui parle s'en ala pleurant à la chamberiere de l'ostel qui a non Jaine. Et li dit que ledit maistre Raymon le avoit fait gesir toute nuyt avec lui, mais il ne li dist pas ce qu'il li avoit fait. Et ladite chamberiere commença à rire et li dist que il ne feroit ja son proufist avecques lui et que autres vallès avoient demouré avecques lui qui n'i avoient de riens fait leur proufist” (Ibid. P. 83).

Ту же информацию подтвердил и некий Бернар Демье, еще один житель Вильфранша, «сказавший немало дурных [слов] об их господине»⁴.

По-видимому, в планы Перро и Бернардо получение выгоды от создавшейся ситуации вовсе не входило, они не собирались ни потакать прихотям мэтра, ни шантажировать его. По мнению младшего из потерпевших, Дюран совершил в отношении них «ужасное преступление» (*grant mauvestié*), граничившее с «великой ересью» (*grant heresie*)⁵, а потому двое слуг решили обратиться сразу в суд. Они предстали перед королевским сенешалем Руэрга, Риго де Бедюэ (*Rigaut de Béduer*), который без промедления направил их дело на рассмотрение высшей инстанции – Парижского парламента. Любопытно, насколько быстро он поверил полученным сведениям, несмотря на то, что столь серьезные обвинения были выдвинуты какими-то двумя простолюдными против местного сеньора, человека не только знатного, но еще и судебного чиновника самого высокого ранга⁶. Следовательно, либо Перро и Бернардо оказались исключительно убедительны в своих показаниях, либо до сенешаля уже доходили слухи о нетрадиционной сексуальной ориентации мэтра Дюрана, который, согласно показаниям его слуг, проводил много времени в родном Вильфранше, проживая то в доме матери, то в замке своего брата Арналя в Корде (Альби)⁷.

Так или иначе, но Риго де Бедюэ сразу же арестовал как самого Раймона, так и обоих обвинителей, и вместе с ними отправился в столицу Французского королевства. Действия его были совершенно оправданы, поскольку главный подозреваемый являлся прокурором парламента, и рассматривать столь важное дело надлежало его непосредственным коллегам⁸.

Перро Фавареск был допрошен в тот же день, когда прибыл в Париж, что, безусловно, свидетельствовало об особом внимании, с которым отнеслись к его рассказу столичные судьи. На следующий день,

⁴ “Dit que, une journée après ces choses dont ne li remembre, ledit Bernart Demier dit à lui qui parle plusieurs mauls de sondit maistre. Et il qui parle li raconta toutes les choses dessusdites” (Ibid.).

⁵ Ibid.

⁶ Судя по показаниям Перро Фавареска, неприятный инцидент приключился с ним 2 апреля 1333 г. Спустя еще «примерно три дня» (*environ III jours après*) между ним и Бернардо де Монжэ состоялся откровенный разговор, в ходе которого выяснилось, что они являются собратьями по несчастью и что их хозяин – настоящий преступник (Ibid. P. 82-83). А уже 30 июля, как мы помним, Риго де Бедюэ прибыл вместе со всеми фигурантами дела в Париж.

⁷ “A Villefranche en l’ostel de sa mere”, “avecques Arnal, frere dudit Raymon... ou chaste de Cordoes, en Albigois” (Ibid. P. 81-82).

⁸ О контроле со стороны членов Парижского парламента за дисциплиной своих собственных коллег, их нравственным обликом и благонадежностью см. подробнее: Цатурова С.К. Формирование института государственной службы во Франции XIII-XV веков. М., 2012. С. 364-380.

31 июля 1333 г., расследование продолжилось, и на заседание помимо Перро вызвали уже Бернардо де Монжэ и самого Раймона Дюрана. Как я уже упоминала, второй слуга полностью подтвердил показания первого, а также признался, что в отношении него сексуальное насилие хозяин проявлял неоднократно⁹. Однако сам прокурор – как того, впрочем, и следовало ожидать – отрицал все выдвинутые против него обвинения¹⁰. Более того, он заявил, что Перро вообще никогда к нему в услужение не нанимался, но состоял при его брате Арнале¹¹. Что примечательно, обвинения молодых людей не помешали мэтру Дюрану подтвердить в суде, что оба они пользовались доброй репутацией¹². Однако же те вновь поклялись на Библии, что их показания являются истинной правдой (*la pure verité*)¹³.

Вполне понятно, что судьи парламента испытывали значительное замешательство. С одной стороны, главным подозреваемым оказался их коллега, который к тому же свою вину полностью отрицал. С другой, их не могли не насторожить действия сенешаля Руэрга, столь оперативно давшего ход этому делу и, конечно, лучше других представлявшего себе ситуацию в Вильфранше¹⁴. Не меньшее значение имело и поведение

⁹ “Et ledit Bernardo li dist que son dit maistre avoit jeu a lui par III fois en la maniere dessusdite... Et just audit Bernardo, une fois, à un chastel appelé Challuz, et les autres II fois, il ne scet où, ne ne li remembre se ledit Bernardo li desclaira le lieu ou non” (Confessions et jugements de criminels au Parlement de Paris. P. 83).

¹⁰ “Item contre ledit maistre Raymon fu proposé par noz diz seigneurs le fait ci dessus contenu. Lequel maistre Raymon le nia tout à plain” (Ibid. P. 84, курсив мой – О.Т.).

¹¹ “Mais il dit que ledit Perrot n'estoit ne ne fu onques son vallet, mais il avoit bien demouré avec son dit frere” (Ibid.). Отчасти данное утверждение являлось истинным. По словам самого Перро, он проживал у Раймона Дюрана очень непродолжительное время (с ноября 1332 г. по 2 апреля 1333 г.) и уволился сразу же после ночи, проведенной в объятиях хозяина: “Confessa de son bon gré, de sa bonne volenté, sanz force et sanz contrainte et par son serment... que, environ la Toussains derrenierement passée, il vint demourer comme vallet avec maistre Raymon Durant... Et demoura il qui parle avec li continuellement dès ledit temps jusques à la semaine peneuse en laquelle... il se departi de son dit maistre” (Ibid. P. 81). Именно это заявление дает нам дату самого преступления, о котором рассказал потерпевший.

¹² “Item requis se il scet et croit que lesdiz Perrot et Bernardo sont loyaus hommes et sanz aucun mal, dit par son serement que il n'y scet ne ne croit aucun mal” (Ibid. P. 84, курсив мой – О.Т.).

¹³ Ibid. P. 83.

¹⁴ Стоит отметить, что сенешаль Руэрга был опытным чиновником. В этой должности он пребывал, «согласно его словам», с 1328 г. и, по-видимому, отлично разбирался в самых разнообразных судебных коллизиях. Свидетельством тому может служить тот факт, что когда в 1346 г. против него самого был возбужден уголовный процесс, в ходе которого он обвинялся в «кражах, убийствах, подложных расследованиях, превышении должностных полномочий», Риго де Бедюэ сумел добиться оправдательного приговора и сохранить свой пост: ANF. X 2a 5, fol. 82-86 (2 juin-1346).

Перро Фавареска и Бернардо де Монжэ, которые ни разу не отступили от своих первоначальных показаний, ни в чем их не изменили и подтвердили все под присягой даже на очной ставке с бывшим хозяином, которую под конец слушаний устроили им судьи¹⁵. Оба они считались уже взрослыми, правоспособными людьми: совершенно не случайно на страницах уголовного регистра оказался указан их возраст¹⁶.

При этом подвергнуть кого-либо из участников данного процесса попыткам судьи никакого права не имели. Мэтр Дюран являлся клириком, а потому сразу же после завершения заседания 31 июля он был передан официалу – представителю церковного (епископского) суда Парижа, который поместил подозреваемого под арест в приорстве Сен-Элуа. Двое его слуг остались в королевской тюрьме Шатле¹⁷, но и их пытать никто не собирался, поскольку они проходили по этому делу всего лишь как свидетели¹⁸. Таким образом, уточнить истинное положение вещей при помощи силы оказалось невозможно, даже если бы вырванные на дыбе «признания» и оставляли в дальнейшем место для сомнений.

Казус Раймона Дюрана вызвал такой интерес у его коллег из Парижского парламента, что на следующее заседание они собрались «в полном составе» (*en plain Parlement*), что отнюдь не являлось регулярной практикой¹⁹. Слушания состоялись 25 ноября 1334 г., т.е. через 15 месяцев после начала следствия. С одной стороны, в таком перерыве не было ничего удивительного: заседания Парижского парламента были

¹⁵ “Liquel jurerent aus saintes Euvangiles, la main mise sur le livre, de dire verité *en la presence dudit maistre Raymon et deposerent par leur serement*, en la presence dudit maistre Raymon, le fait estre tel comme il ont dessus déposé et comme il est dessus contenu et declairié” (Confessions et jugements de criminels au Parlement de Paris. P. 84, курсив мой – О.Т.).

¹⁶ “Ledit Perrot dit qu’il a bien XVIII anz et ledit Bernardo dit, *par son serement*, qu’il a bien XV anz si comme il dient” (Ibid., курсив мой – О.Т.). В средневековом праве, вслед за римской традицией, существовало довольно четкое деление населения на *infantes* (детей до 7 лет), *impuberes* (детей в возрасте до 12-14 лет), *puberes* (подростков от 12-14 лет) и *minores* (молодых людей в возрасте до 25 лет). После этого срока наступало совершеннолетие – *legitima aetas*, однако уже *puberes* считались самостоятельными членами общества, способными нести ответственность за свои слова и действия, в частности, в суде: Бартошек М. Указ. соч. С. 28, 266, 328, 380, 421; Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в Средние века. Очерки демографической истории Франции. М., 1991. С. 39. Вот почему Бернардо заставили *покаяться* в том, что ему уже исполнилось 15 лет, в противном случае его показания суд мог бы и не принять.

¹⁷ “Et pour ce, fu rendu comme clerc, le dir maistre Raymon audit official et lesdiz II vallez demourerent pris en Chastellet” (Confessions et jugements de criminels au Parlement de Paris. P. 84).

¹⁸ “Et à prouver le fait contre lui, on amena d’office les II valez dessusdiz *en tesmoins*” (Ibid., курсив мой – О.Т.).

¹⁹ О манере парламентских чиновников прогуливать заседания или являться на них с опозданием см.: Тогоева О.И. «Истинная правда». С. 94-97; Цатурова С.К. Офицеры власти. Парижский Парламент в первой трети XV в. М., 2002. С. 33-35, 38-41.

строго регламентированы, и на каждую французскую провинцию в год приходилось всего по одной сессии, занимавшей несколько дней²⁰. С другой стороны, за прошедшее время столичные судебные чиновники, возможно, попытались навести справки об основных фигурантах дела и собственно о составе преступления. Однако достоверных сведений о подобных шагах членов парламента у нас нет.

Так или иначе, но и на этом, очередном заседании Перро Фавареск и Бернардо де Монжé в который раз без малейших изменений повторили свою историю, и процесс вновь оказался отложен²¹. На сей раз судьи действительно послали в Руэрг специальных комиссаров для сбора дополнительной информации²², которая и была им предоставлена 1 апреля 1335 г. – на последнем заседании по данному делу, о котором нам известно. Сначала слушания проходили в самой Уголовной палате парламента, однако в присутствии парижского официала и его советников²³. Судьи еще раз ознакомились с показаниями Перро и Бернардо и, поскольку те вновь поклялись на Библии, что все сказанное ими ранее является правдой, их решили освободить «под подписку о невыезде». Иными словами, они были объявлены свободными, но до следующего заседания по их делу Париж покидать не могли²⁴.

Затем двое слуг вместе со светскими и церковными представителями судебной власти переместились в приорство Сен-Элуа, где еще раз повторили свои показания, вновь поклялись в их истинности, а также в том, что никакого тайного умысла или сговора в их действиях не было²⁵. Любопытно, что, несмотря ни на что, Раймон Дюран был

²⁰ Об этом свидетельствует сохранившееся от 1331/1332 г. расписание работы Уголовной палаты Парижского парламента: *Actes du Parlement de Paris. Parlement criminel. Règne de Philippe VI le Valois. Inventaire analytique des registres X 2a 2 à 5 / Ed. par B. Labat-Poussin, M. Langlois, Y. Lanhers. P., 1987. P. 380.* Данная информация подтверждается документом 1388 г. аналогичного содержания: *Choix de pièces inédites. T. 1. P. 91-94.* См. также: *Тогоева О.И. «Истинная правда».* С. 84-85.

²¹ “En la presence desquies deux vallez, furent leues leurs confessions qu’il avoient autres fois et plusieurs fois faites ou Chastelet de Paris et en Parlement... Et lesdites confessions... recognurent et confessierent... estre vraies” (*Confessions et jugemens de criminels au Parlement de Paris. P. 109*).

²² “Et ce fait et oyes leurdites confessions, il fu commandé audit prevost de Paris que il les renvoiaist arriers en Chastellet et que la Court en ordeneroit ce qui en seroit à faire de raison” (*Ibid.*).

²³ “Presenz et appelez à ce l’official de Paris, avecques lequel official estoit maistre Thomas de l’Office, de la court dudit official de Paris” (*Ibid. P. 110*).

²⁴ “La Court commanda au prevost de Paris que, considéré ladite prison ou lesdiz deus vallez ont esté longuement detenus et pour cause, il leur eslargast leurdite prison parmi la ville de Paris, jusques à tant que la Court en eust autrement ordené” (*Ibid.*).

²⁵ “Item ledit lieutenant dudit official de Paris leur demanda, par leurdit serement, se il avoient dit les choses dessusdites par don, par promesse, par faveur ou par amonestement d’autrui. Lesquies dirent par leurs sermens que non, fors que pure et loyal verité” (*Ibid. P. 111*).

также выпущен из тюрьмы, причем на тех же условиях: ему запрещалось лишь уезжать из столицы, в остальном он был волен поступать так, как ему заблагорассудится. Имело ли здесь место заступничество кого-либо из высокопоставленных друзей или родственников обвиняемого, сыграло ли свою роль его знатное происхождение или богатство, сказать мы не можем. Очень скоро официалу и его советникам пришлось убедиться в том, сколь опрометчивым было их решение. В письме, разосланном чиновниками парламента уже 9 сентября 1335 г. во все местные королевские судебные инстанции, сообщалось, что Раймон Дюран без особого на то разрешения покинул Париж, и предписывалось непременно его разыскать и незамедлительно препроводить в тюрьму Шатле. Последнее уточнение косвенно свидетельствовало о признании вины господина прокурора, которого отныне предполагалось передать *светским* судебным властям. О том же говорило и упоминание о конфискации его имущества в пользу короля, содержащееся в упомянутом письме²⁶.

Однако больше ничего о судьбе нашего героя мы не знаем. Процесс, возбужденный против него, так и остался незавершенным, и мы можем лишь гадать, как именно он бы закончился...

* * *

Дело Раймона Дюрана представляет собой уникальный казус в судебной практике Французского королевства эпохи позднего Средневековья. И уникальность эта объясняется сразу несколькими причинами.

Начнем с того, что материалы данного процесса – *единственное* исключительно подробное свидетельство о мужеложестве как об уголовном преступлении, зафиксированное в регистрах центрального королевского суда на протяжении всего XIV в. Все прочие записи секретарей Парижского парламента, касающиеся данного типа правонарушений, оказываются, к сожалению, крайне скупы на детали.

Самое раннее подобное упоминание в сохранившихся до наших дней уголовных регистрах датируется 1311 г. Из решения, вынесенного 8 мая этого года, становится понятно, что некий Бартеlemi по прозвищу Флорентиец (*de Florentino*), служивший королевским сержантом в бальяже Буржа, подозревался в «грехе содомии» (*super vicio sodomie*), но был оправдан и восстановлен в должности. Однако ни имени того, кто выдвинул против него подобное обвинение, ни каких-либо деталей произошедшего из этой короткой записи узнать невозможно²⁷. Точно так же из письма, посланного столичными чиновниками бальи Вермандуа 14 февраля 1317 г., мы выясняем, что похожее обвинение выдвигалось против Жана де Перонна его родным братом Гербертом де Бре – заключенным королевской тюрьмы Лана. Любопытно, что сам

²⁶ ANF. X 2a 3, fol. 28 (9 septembre 1335).

²⁷ Actes du Parlement de Paris / Ed. par M.E. Boutaric. P., 1863–1867. 2 vol. T. 2 (1299–1328). P. 79. № 3840.

Герберт оказался арестован за аналогичное преступление и закончил свои дни на костре. И вновь никаких подробностей обоих процессов у нас не имеется²⁸. То же самое можно сказать и о деле, рассмотренном в Парламенте 23 декабря 1317 г.: в этот день с Жиара де Шапа, экуюе, сеньора де Матуг (*Matuga*), были сняты обвинения в склонности к содомии, выдвинутые против него неким Кутоном по прозвищу Пеле (*Coletonum dictum le Pele*). Но и в данном случае детали процесса остаются нам неизвестными²⁹. Наконец, последнее упоминание о такого рода преступлении в регистрах парламента датируется 21 мая 1344 г. В письме, разосланном из столицы во все судебные инстанции королевства, требовалось разыскать и немедленно препроводить в Париж некоего Жаннена Муанеля (*Jeannin Moynel*), жителя городка Герберуа, «[склонного], по слухам, к содомии» (*diffamé de sodomie*). Данный процесс так, по всей видимости, и не начался, да и сами подозрения судей основывались всего лишь на непроверенной информации с места жительства Жаннена³⁰.

Таким образом, детальное описание обстоятельств совершенного преступления, наличие свидетельских показаний и подробное изложение всех следственных действий, предпринятых в отношении фигурантов, отличает случай Раймона Дюрана от прочих – весьма малочисленных – судебных записей, посвященных данному типу уголовных преступлений³¹. Очевидно, что именно по этой причине этот казус был не только включен в материалы рассмотренных в Парижском парламенте дел за 1325–1337 гг. (регистр X 2a 3), но и скопирован в следующем по времени кодексе, охватывающем 1339–1344 гг. (регистр X 2a 4), а также вошел в сборник «Признания уголовных преступников и приговоры, вынесенные по их делам», составленный секретарями суда Этьеном де Гиеном и Жоффруа де Маликорном в соответствии с их личными взглядами на право и судопроизводство³². Более того, дело Раймона Дюрана стало в их подборке единственным, связанным с преступлением, совершенным на сексуальной почве.

Означает ли это, что жители средневековой Франции не были в принципе знакомы с подобными нетрадиционными отношениями? Конечно же, нет. Другое дело, что правовая база для преследования

²⁸ Ibid. P. 195, 219, 234. № 4972, 5191, 5333.

²⁹ Ibid. P. 212. № 5129.

³⁰ ANF. X 2a 4, fol. 127 (21 mai 1344).

³¹ Я сознательно не рассматриваю здесь процесс против тамплиеров (1307–1308 гг.), которых, как известно, обвиняли в склонности к содомии, совершенно ясно ассоциировавшейся в данном случае с гомосексуальными отношениями: Барбер М. Процесс тамплиеров / Пер. с англ. И.А. Тогоевой. М., 1998. С. 317–319, 414–415. Тем не менее, данное дело относилось к ведению не светского, но церковного суда, деятельность которого остается за рамками моей книги.

³² Об особенностях составления *Confessions et jugements de criminels au Parlement de Paris* см.: Тогоева О.И. История права и история повседневности: точки пересечения // Одиссей. Человек в истории – 2014. М., 2015. С. 355–365.

такого рода правонарушений в первой половине XIV в. (как, впрочем, и позднее) являлась еще крайне слабо разработанной. Все знали, что мужеложество существует, большинство людей признавали его смертным грехом – но вместе с тем плохо представляли себе, как нужно расследовать подобные дела, как вести допрос подозреваемых и как их в конце концов наказывать.

* * *

Самое понятие «гомосексуализм», безусловно, не существовало ни в эпоху Средневековья, ни в раннее Новое время; его возникновение исследователи традиционно относят к XIX в.³³ Вместо него обычно использовался термин «содомия» (*sodomie* или *bougrerie*) – производное от названия библейского Sodoma, «истребленного» Господом за то, что жители его «были злы и весьма грешны»³⁴. Согласно многим средневековым комментаторам, пассаж из книги Бытия указывал, в частности, на то, что содомляне являлись мужеложцами:

И вызвали Лота, и говорили ему: где люди, пришедшие к тебе на ночь вывести их к нам; *мы познаем их*. Лот вышел к ним ко входу, и запер за собою дверь, и сказал: братья мои, не делайте зла. Вот у меня две дочери, *которые не познали мужа*; лучше я выведу их к вам, делайте с ними, что вам угодно, только людям сим не делайте ничего, так как они пришли под кров дома моего³⁵.

Хотя однозначной трактовки данного отрывка не существовало ни в Средние века, ни позднее³⁶, само определение «содомия» прижилось и стало широко использоваться и в теологических трактатах, и в светской литературе, и в законодательстве, сборниках обычного права, городских статутах, и т.д.³⁷ Тем не менее, понятие это, по мнению специалистов, могло подразумевать целый спектр различных правонарушений: и гомосексуальные отношения, и скотоложество, и связь с иноверкой или еретичкой³⁸. Однако анализ *юридических* текстов – как

³³ Boswell J. Christianity, Social Tolerance, and Homosexuality. Gay People in Western Europe from the Beginning of the Christian Era to the Fourteenth Century. Chicago; L., 1981. P. 9–10, 41–43; Burgwinkle W.E. Sodomy, Masculinity, and Law in Medieval Literature. France and England, 1050–1230. Cambridge, 2004. P. 3.

³⁴ Быт. 13: 13.

³⁵ Быт. 19: 5–8 (курсив мой – О.Т.).

³⁶ Подробнее см.: Carden M. Sodomy: A History of a Christian Biblical Myth. L.; N.Y., 2014.

³⁷ Boswell J. Op. cit. P. 92–117.

³⁸ Rossiaud J. Op. cit. P. 253–270; Kruger S.F. Conversion and Medieval Sexual, Religious, and Racial Categories // Constructing Medieval Sexuality / Ed. by K. Lochrie, P. McCracken, J.A. Schultz. Minneapolis; L., 1997. P. 158–179; Boone M. State Power and Illicit Sexuality: the Persecution of Sodomy in Late Medieval Bruges // Journal of Medieval History. 1996. T. 22. P. 135–153; Hergemöller B. U. Sodomiter, Schuldzuschreibungen und Repressionsformen im späten Mittelalter // Randgruppen der spätmittelalterlichen Gesellschaft / Hrsg. von B.U. Hergemöller. Warendorf, 1990. S. 316–356.

светского, так и церковного характера – не вполне, как мне кажется, подтверждает подобный вывод. Напротив, очень часто под содомией подразумевалось исключительно мужеложество.

Так, уже в самых ранних пенитенциалиях – сборниках, устанавливавших тарифицированную систему церковных наказаний за те или иные прегрешения, совершенные как монахами, так и светскими лицами, – мы находим совершенно недвусмысленные определения той преступной связи, в которой можно было уличить двух мужчин. Например, в пенитенциалии конца VI в., приписываемом св. Коломбану, говорилось следующее:

Если какой-то светский человек практикует содомию, т.е. совокупляется с мужчиной, [как если бы это была] женщина, ему следует поститься в течение семи лет. Первые три года – на хлебе и воде, [используя лишь] соль и сушеные овощи; в последние четыре года [он должен] воздерживаться от вина и мяса, и тогда вина его будет прощена³⁹.

То же самое значение «содомия» имела и для Бурхарда Вормского († 1025), включившего ее описание в 19-ю книгу своих «Декретов», названную «Корректор»⁴⁰. В аналогичном смысле этот термин использовался в теологических и юридических текстах и в последующие века, тем более, что на рубеже XI–XII вв., с началом григорианских реформ, гомосексуальные связи стали особенно активно обсуждаться и осуждаться применительно не только к монашеской среде, но и к обществу людей светских.

На волне этих перемен появилось, в частности, и первое теологическое сочинение, специально посвященное данной проблеме, – *Liber Gomorrhianus* Петра Дамиани (1007–1072), представлявшая собой письмо к папе римскому Льву IX (1002–1054)⁴¹. Прославленный бене-

³⁹ “Si quis vero laicus fornicaverit sodomitico ritu, id est cum masculo coitu femineo peccaverit, septem annis poeniteat, tribus primis cum pane et aqua et sale et fructibus horti siccis, quatuor reliquis abstineat se a vino et carnibus et ita dimittatur illi sua culpa” (Poenitentiale Columbani // Die Bussordnungen der abendländischen Kirche / Hrsg. von F.W.H. Wasserschleben. Halle, 1851. S. 353–360, здесь S. 357, курсив мой – О.Т.).

⁴⁰ “Fecisti fornicationem Sodomitae fecerunt, ita ut in masculi terga et in posteriora virgam tuam immitteres, et sic secum coires more Sodomitico? Si uxorem habuisti, et semel vel bis fecisti, X annos per legitimas series poenitere debes, unum ex his in pane et aqua. Si in consuetudine habuisti, XII annos per legitimas series poenitere debes. Si cum fratre tuo carnali idem scelus perpetrasti, XV annos per legitimas series poenitere debes” (*Burchardus Wortatiensis. Decretorum libri viginti* // PL. T. 140. Col. 949–1058, здесь Col. 967–968, курсив мой – О.Т.).

⁴¹ *Liber Gomorrhianus* датируется 1049 г. Тем не менее, это не означает, что проблема содомии и того зла, которое она несет роду человеческому, не поднималась средневековыми теологами ранее XI в. Собственно, уже Блаженный Августин писал в «Исповеди» о противоестественности гомосексуальных отношений, которые препятствуют деторождению, нарушая тем самым замысел Божий:

диктинец настаивал на исключительной опасности этого «отвратительного и позорнейшего греха» и призывал понтифика санкционировать «самое суровое преследование» содомитов, иначе «меч гнева Божьего окажется обнажен и в своей неукротимой жестокости падет [на головы] многих»⁴². Более того, Дамиани полагал, что наказанием за мужеложество – безусловно, уголовное преступление (*crimen*) – должна стать смертная казнь⁴³, о чем, по его мнению, прямо говорилось в Библии: «Они знают праведный суд Божий, что делающие такие дела достойны смерти; однако не только их делают, но и делающих одобряют»⁴⁴. Понимая содомию как «смертельную рану, [нанесенную] самому телу святой Церкви»⁴⁵, он указывал, что она «все оскверняет, все портит, все загрязняет настолько, что ничему не позволяет быть чистым, безупречным, подлинным»⁴⁶. Иными словами, подрывая церковные устои, содомиты вместе с тем нарушали и законы человеческого общежития, а значит, из общества людей они должны были быть с позором изгнаны⁴⁷.

“Itaque flagitia quae sunt contra naturam, ubique ac semper detestanda atque punienda sunt, qualia Sodomitum fuerunt. Quae si omnes gentes facerent, eodem criminis reatu divina lege tenerentur, quae non sic fecit homines ut se illo uterentur modo. Violatur quippe ipsa societas quae cum Deo nobis esse debet, cum eadem natura, cujus ille auctor est, libidinis perversitate polluitur. Quae autem contra mores hominum sunt flagitia, pro morum diversitate vitanda sunt” (*Augustinus. Confessionum libri tredecim. Col. 689-690*). Подробнее о взглядах средневековых теологов на содомию см.: *Goodich M. Sodomy in Ecclesiastical Law and Theory // Journal of Homosexuality. 1976 (Summer). T. 1. P. 427-434* (перепечатано в: *Idem. The Unmentionable Vice: Homosexuality in the Later Medieval Period. Santa Barbara; Oxford, 1979*); *Jordan M.D. The Invention of Sodomy in Christian Theology. Chicago; L., 1997*.

⁴² “Quoddam autem nefandissimum et ignominiosum valde vitium in nostris partibus inholevit, cui nisi districtae animadversionis manus quantocius obviet, certum est, quod divini furoris gladius in multorum perniciem immaniter crassaturus impendens” (*Petrus Damiani an Papst Leo IX. Diesem Brief, bekannt als liber Gomorrhianus // Die Briefe der Petrus Damiani / Hrsg. von K. Reindel // MGH. Die Briefe der deutschen Kaiserzeit. Munich, 1983. Bd. 1. S. 284-330, здесь S. 287*).

⁴³ “Hoc nempe flagitium in cetera crimina non immerito deterrimum creditur, quandoquidem illud omnipotens Deus semper uno modo exosum habuisse legatur, et cum reliquis viciis necdum per legale praeceptum frena posuerat, iam hoc districtae ultionis animadversione damnabat” (*Ibid. S. 289*).

⁴⁴ Рим. 1: 32.

⁴⁵ “Quid rogo, dixisset, si loetale hoc vulnus in ipso corpore sanctae ecclesiae foetere conspiceret” (*Petrus Damiani an Papst Leo IX. S. 294*).

⁴⁶ “Omnia foedat, omnia maculat, omnia polluit et quantum ad se nichil putum, nichil a sordibus alienum, nichil mundum esse permittit” (*Ibid. S. 310*).

⁴⁷ Подробнее о концепции Петра Дамиани: *Burgwinkle W.E. Op. cit. P. 53-65; Scanlon L. Unmanned Men and Eunuchs of God: Peter Damian's Liber Gomorrhianus and the Sexual Politics of Papal Reform // New Medieval Literatures. 1998. № 2. P. 37-64; Boyd D.L. Disrupting the Norm: Sodomy, Culture and the Male Body in Peter Damian's Liber Gomorrhianus // Essays in Medieval Studies / Ed. by A.J. Frantzen and D.J. Robertson. Vol. 11. Chicago, 1994. P. 63-74.*

Схожие мысли примерно век спустя высказывал и другой известный теолог, Алан Лилльский (ок. 1120–ок. 1202). В своем «Плаче природы» (*De planctu naturae*, 1170-е гг.), представлявшем собой классический визионерский диалог (*imaginario visio*) между главным героем и Природой, он, выступая против многочисленных сексуальных прегрешений (супружеских измен, скотоложества, инцеста, мужеложества, и т.д.), клеймил их прежде всего за противоестественность:

Зачем божественною славою обожествила я лик Тиндариды, которая употребление красоты заставила уклониться к злоупотреблению срамоты, когда, царственного брака обет отменяя, с нечестивым Парисом сочеталась? И Пасифая, неистовством гиперболической Венеры понукаемая, под видом мнимой коровы с грубою тварью скотскую свадьбу справляя, гнуснейшим паралогизмом для себя заключая, изумительным для быка заключила софизмом. И Мирра, подстрекаемая жалами миртовой Киприды, в любви к отцу отпав от дочерней любви, с отцом исполнила занятие матери. Медая же, собственному сыну мачеха, чтоб бесславное Венерино заданье свершить, сокрушила славное Венерино созданище. И Нарцисс, коему отражение сочинило второго Нарцисса, пустою тенью помраченный, уверовав, что сам он – другой, в опасную вдается любовь – себя к себе. И многие иные юноши, по моей милости славной красой облеченные, но упоенные жаждою денег, заставляют свои Венерины молоты нести службу наковален⁴⁸.

Таким образом, содомия оказывалась для Алана одним из главных и наиболее опасных грехов:

Стонет Природа, молчит добронравье, из знатности прежней
Изгнанная, сиротой ныне стыдливость живет.
Рода действительного опозоренный пол перепуган,
Видя, как горько ему кануть в страдательный род.
Пола честь своего пятнает муж, ставший женою,
Гермафродитом его чары Венеры творят.
Он предикат и субъект, с двумя значениями термин,
И грамматический им сильно раздвинут закон⁴⁹.

⁴⁸ Алан Лилльский. Плач Природы / Пер. с лат. Р.Л. Шмаракова // Шартрская школа: Гильом Коншский. Философия; Теодорих Шартрский. Трактат о шести днях творения; Бернард Сильвестр. Космография; Комментарий на первые шесть книг «Энеиды»; Астролог; Алан Лилльский. Плач Природы / Подгот. О.С. Воскобойников; пер. О.С. Воскобойников, Р.Л. Шмараков, П.В. Соколов. М., 2018. С. 229–290, здесь С. 253–254.

⁴⁹ Гомосексуальность описывалась здесь Аланом в понятиях грамматики. Соответственно, он порицал мужчину, превратившегося в женщину, как «страдательный род», как «субъекта» и как грамматический «варваризм»: Шартрская школа. С. 400, прим. 3–5.

Мужеству, дару Природы, чужой, в грамматике стал он
 Варваром. Близок ему в этой науке лишь троп.
 Тропом, однако, нельзя называться сему переносу:
 Эту фигуру верней между пороков считать⁵⁰.

Опасность гомосексуальных связей крылась, согласно автору, в невозможности произвести потомство, что еще со времен Блаженного Августина⁵¹ признавалось теологами единственной достойной уважения задачей любой супружеской пары:

Так как мужской род присоединяет к себе женский по условиям, необходимым для плодотворения, то если входит в употребление неправильная конструкция из одинаковых родов, так что сочетаются друг с другом части одного и того же пола, такая конструкция не получит моего одобрения ни как средство воспроизведения, ни как условие зачатия⁵².

Вот почему Алан полагал необходимым в *судебном* порядке искоренять данный порок, как противный Богу и самой природе вещей:

Итак, не пренебрегая ничем относящимся к делу, следуя за своими собственными целями, насколько я в силах простереть длань моего могущества, я поражу людей наказанием, сообразным их греху. Но поскольку я не могу выйти за пределы моей силы, и не в моей способности совершенно искоренить яд этой чумы, я, следуя правилу моей силы, наложу клеймо анафемы на людей, попавших в ловушки помянутых пороков. Надлежит мне спросить Гения, прислуживающего мне в жреческой должности, дабы он, поддерживаемый присутствием моей судебной власти, одобряемый вашим согласием, пастырским жезлом отлучения удалил их из перечня природных вещей, из пределов моей юрисдикции... отрешая сынов гнусности от священного общения нашей церкви, с должною торжественностью нашего служения... поразил их суровым жезлом отлучения⁵³.

В 1179 г. Алан Лилльский стал одним из участников III Латеранского вселенского собора⁵⁴, и, возможно, не без его активного участия в решениях, принятых верховными церковными иерархами на этой встрече, было включено постановление, согласно которому содомия официально объявлялась грехом, заслуживающим серьезного наказания:

⁵⁰ Алан Лилльский. Плач Природы. С. 231.

⁵¹ О взглядах Августина на данную проблему см. выше: Глава 1.

⁵² Алан Лилльский. Плач Природы. С. 262.

⁵³ Там же. С. 282-283. Подробнее о «Плаче Природы» и взглядах Алана Лилльского на проблему гомосексуализма см.: *Burgwinkle W.E.* Op. cit. P. 170-199; *Scanlon L.* Unspeakable Pleasures: Alain de Lille, Sexual Regulation and the Priesthood of Genius // *RR.* 1995. Т. 86 (2). P. 213-242.

⁵⁴ *Boswell J.* Op. cit. P. 310.

Кто бы ни был [найден] склонным к подобной невоздержанности, которая противна природе и по причине которой гнев Божий обрушился на неверных и уничтожил огнем пять городов [их], если он клирик, окажется лишен сана или отправлен в монастырь для покаяния. Если [же он человек] светский, подвергнется отлучению от церкви и будет изгнан из общины верующих⁵⁵.

Еще более жесткую позицию занимал в данном вопросе французский теолог Петр Кантор († 1197). Склонность к «постыдной страсти», упоминавшуюся в Первом послании к римлянам апостола Павла, он описывал как присущую исключительно гомосексуалистам⁵⁶, и рассматривал их отношения – вслед за Петром Дамиани – не только как грех (*peccatum*), но и как преступление (*crimen maxime detestandum*) равное убийству, поскольку оба эти правонарушения мешают воспроизведению рода людского⁵⁷. А потому, писал далее Кантор, одного церковного покаяния в данном случае совершенно недостаточно, и за мужеложество следует ввести уголовную ответственность и наказывать за него сожжением заживо, как это сделал в свое время сам Господь⁵⁸.

⁵⁵ “Quicumque incontinentia illa, quae contra naturam est, propter quam venit ira Dei in filios diffidentiae et quinque civitates igne consumpsit..., si clerici fuerint eiciantur a clero vel ad poenitentiam agendam in monasteriis detrudantur, si laici excommunicationi subdantur et a coetu fidelium fiant prorsus alieni” (Consilium Lateranense III // Consiliorum oecumenicorum decreta / Curantibus J. Alberigo, J.A. Dossetti, P.-P. Joannou, C. Leonardi, P. Prodi. Bologna, 1973. P. 217).

⁵⁶ “Si magis calescit, ut vir, permittunt cum ducere; si vero magis mollescat, et mulier permittunt ei nubere. Si autem in illo instrumento defecerit, nunquam concederetur ei usus reliqui instrumenti, sed perpetuo continebit, propter vestigia alternitatis vicii sodomitici, quod a Deo detestatur. Item ad Romanos, cap. I... Coitum etiam masculi cum masculo pari poena punit, ut coitum hominis cum bruto, scilicet morte” (*Petri Cantoris Verba abbreviatum* // PL. T. 205. Col. 2-554, здесь Col. 334-335). Ср.: «Потому предал их Бог постыдным страстям: женщины их заменили естественное употребление противоестественным; подобно и мужчины, оставивши естественное употребление женского пола, разжигались похотью друг на друга, мужчины на мужчинах делая срам и получая в самих себе должное возмездие за свое заблуждение» (Рим. 1: 26-27).

⁵⁷ “De tantum duobus ergo peccatis tanquam maximis ex paribus, homicidio scilicet et vicio sodomico, legitur clamor ascendisse ad Dominum de terra. Legitur Dominus conqueri, ideo scilicet, quod ‘masculum et feminam creavit ad multiplicandos homines’ (Gen. 1); *homicidae autem et sodomitae hos destruunt et perimunt ut hostes, et praecipui adversarii Dei et generis humani*” (Ibid. Col. 334, курсив мой – О.Т.).

⁵⁸ “Item, cum Dominus poenam pro aliis peccatis infligendam differat, pro hoc patientiam et bonitatem sibi innatam videtur exuisse, *non exspectans sodomitas ad poenitentiam, sed eos magis puniens temporaliter igne coelitus misso*” (Ibid., курсив мой – О.Т.). Здесь Петр Кантор ссылался на уже упоминавшийся выше пассаж из книги Бытия: «И пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба. И ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и произрастания земли» (Быт. 19: 24-25).

Как будто в ответ на размышления Петра Кантора, изложенные в *Verba abbreviatum* (ок. 1187 г.), данный вопрос оказался рассмотрен на IV Латеранском соборе 1215 г. И хотя в его постановлениях речь шла исключительно о представителях церкви (монахах и прелатах), их вина объявлялась «двойной» и, соответственно, требующей и церковного, и светского наказания – т.е. и как за грех, и как за уголовное преступление⁵⁹.

Как следствие, уже со второй половины XIII в. термин «содомия» начал упоминаться в светских правовых текстах⁶⁰ и, в частности, в сборниках кутюм Французского королевства. Впервые, насколько известно, о существовании подобного правонарушения и об уголовной ответственности за него сообщалось в «Кутюме Турени и Анжу» (1246 г.). И хотя рассматривать такие дела, по мнению составителей данного кодекса, надлежало церковному суду, наказание их оказывалось уже совершенно светским:

Если кто-то подозревается в [занятиях] содомией, его следует арестовать и передать епископу. И если [его преступление] окажется доказанным, его надлежит сжечь, а его имущество отойдет барону. Так же следует поступить и с еретиком, если [его преступление] доказано. И все его имущество отойдет барону⁶¹.

Тот же текст – буквально дословно – оказался повторен и в «Уставлениях св. Людовика» (1270-е гг.), которые во многом основывались на тексте этой «Кутюмы»⁶². Чуть ранее, в 1260-е гг., содомия как

⁵⁹ “Statuimus ut qui deprehensi fuerint incontinentiae vitio laborare, prout magis aut minus peccaverint, puniantur secundum canonicas sanctiones, quas efficacius et districtius praecipimus observari, ut quos divinus timor a malo non revocat, *temporalis saltem poena a peccato cohibeat*. Si quis igitur, hac de causa suspensus, divina celebrare praesumpserit, non solum ecclesiasticis beneficiis spoliatur, verum etiam pro hac *duplici culpa perpetuo deponatur*” (Consilium Lateranense IV // Consiliorum oecumenicorum decreta. P. 242, курсив мой – О.Т.).

⁶⁰ Goodich M. Sodomy in Medieval Secular Law // Journal of Homosexuality. 1976 (Spring). T. 1. P. 295-302 (в качестве отдельной главы статья была включена в: *Idem. The Unmentionable Vice*).

⁶¹ “Se aucuns est soupeçoneus de bougrerie, la joutise le doit prandre et envoyer à l’evesque, et se il en estoit provez, l’en le devroit ardoir; et tuit si mueble sunt au baron. Et, en tel manière doit l’en ouvrer d’ome hérite, por coi il en soit provez. Et tuit si mueble sunt au baron” (Coutume de Touraine-Anjou // Etablissements de Saint Louis. T. 3. P. 50).

⁶² “Se aucuns est soupeçoneus de bougrerie, la joutise le doit prandre et envoyer à l’evesque, et se il en estoit provez, l’en le devroit ardoir; et tuit si mueble sunt au baron. Et en tele manière, doit l’en ouvrer d’ome hérite, por coi il en soit provez; et tuit si mueble sunt au baron, ou au prince. Et est escrit en Decretales, ou titre Des significacions de paroles, ou chapitre Super quibusdam. Et costume s’i acorde” (Etablissements de Saint Louis. T. 2. P. 147-148). О влиянии текста «Кутюмы Турени и Анжу» на «Уставления» см. подробнее: Ibid. T. 1. P. 8-25.

совершенно светское уголовное преступление была упомянута в «Книге о правосудии и судопроизводстве» (*Livre de Jostice et de Plet*), созданной, вероятно, в графстве Гатине (долина Луары):

Тот, кто является содомитом, что доказано [по суду], должен лишиться яичек. А если он вновь совершит это [преступление], должен лишиться члена. А если [его поймают] в третий раз, должен быть сожжен. Женщина, которая [виновна в подобном преступлении] каждый раз лишается части [тела], а на третий раз ее нужно сжечь. И все их имущество отходит королю⁶³.

Еще более однозначно высказывался о проблеме нетрадиционных сексуальных отношений Филипп де Бомануар в «Кутюмах Бовези» (1279–1283 гг.). Он полагал, что человек, совершивший подобное преступление, заслуживает исключительно смерти на костре и конфискации имущества, как, впрочем, и «заблуждающийся в вере, не желающий вернуться на истинный путь»⁶⁴.

Таким образом, большинство местных французских кутюм второй половины XIII в. предполагало в качестве наказания за содомию-казнь через сожжение. Единственным исключением являлась *Livre de Jostice et de Plet*, автор которой настаивал на кастрации виновного при повторном задержании⁶⁵. Впрочем, та же норма оказывалась, на первый взгляд, близка и одному из составителей «Кутюм Тулузы» (BNF. Ms. lat. 9187), иконографическая программа которых вполне может рассматриваться как самостоятельный комментарий к тексту местного обычного права⁶⁶. Этот кодекс создавался на протяжении 1292–1297 гг., а иллюстрации к нему – в 1296–1297 гг. На одной из них как раз и была изображена кастрация преступника, в котором исследователи традиционно видели прелюбодея⁶⁷. (Илл. 10) Однако, как я уже упоминала, в графстве Тулузском, как и во многих других областях Французского королевства, самым распространенным наказанием за адюльтер яв-

⁶³ "Cil qui sont sodomite prové doivent perdre les c... (так в тексте – O.T.). Et se il le fet seconde foiz, il doit perdre membre. Et se il le fet la tierce foiz, il doit estre ars. Feme qui le fet doit à chescune foiz perdre membre, et la tierce doit estre arsse. Et toz leur biens sont le roi" (Li Livres de Jostice et de Plet. P. 279-280).

⁶⁴ "Qui erre contre la foi comme en mescreance de laquele il ne veut venir a voie de verité, ou qui fet sodomiterie, il doit estre ars et forfet tout le sien si comme il est dit devant" (*Beaumanoir Ph. de. Op. cit. T. 1. P. 431. § 833, курсив мой – O.T.*).

⁶⁵ См. прим. 63.

⁶⁶ Подробнее см.: Тогоева О.И. Между текстом и миниатюрой.

⁶⁷ Coutumes de Toulouse // BNF. Ms. lat. 9187. Fol. 32v. Как кастрация именно прелюбодея данное изображение описывается в: Colin-Goguel F. Op. cit. P. 166; Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы. С. 282; Бессмертный Ю.Л. Указ. соч. С. 32 (вклейка). Ранее я и сама склонялась к такой интерпретации: Тогоева О.И. Униженные и оскорбленные. Мужская честь и мужское достоинство в средневековом суде // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 2006 / Под ред. М.А. Бойцова и И.Н. Данилевского. Вып. 8. М., 2007. С. 71-101.

лялся «бег» по улицам города обоих виновных – замужней женщины и ее любовника. Кастрация же относилась преимущественно к парасудебным ситуациям, когда «приговор» своему счастливому сопернику выносил и приводил в исполнение муж неверной особы⁶⁸.

Тем не менее, кастрация как норма права была хорошо известна на Пиренейском полуострове. Важно отметить, что здесь – в отличие от Французского королевства – речь шла именно о мужеложестве, а не о более абстрактном явлении «содомии», смысл которого не уточнял ни один из перечисленных выше сборников кутюм. В качестве наказания за гомосексуальные отношения кастрация упоминалась, в частности, в вестготской «Книге приговоров», в указе короля Флавия Хиндасвинта (642–653):

Не должно оставаться безнаказанным злодеяние, столь ненавистное нравам своей гнусной извращенностью. И потому мужеложцы, либо те, кто согласно претерпевают это, должны быть наказаны по постановлению этого закона следующим образом. Как только судья достоверно расследует подобное нечестие, пусть озаботится затем кастрировать обоих и передаст их епископу того края, где это случится. А тот пусть свергнет их по отдельности в темницу, чтобы те, кто по своей воле совершил беззаконие, против воли своей совершали бы покаяние⁶⁹.

Та же норма права – и вновь применительно к делам о мужеложестве – присутствовала в «Фуэро Реаль» Альфонсо X Мудрого (1221–1284), в 1254 г. предпринявшего попытку унификации законодательства Леона и Кастилии:

Но поскольку иногда случается так, что один мужчина желает согрешить против природы с другим, мы повелеваем, чтобы те, кто совершил этот грех, кем бы они ни были, если это [преступление] доказано, были бы оба публично кастрированы, а на третий день повешены за ноги до наступления смерти, и чтобы их тела никогда не были преданы земле⁷⁰.

Возможно, как и при наказании «бегом» за адюльтер, в данном случае в «Кутюмах Тулузы» сказывалось влияние пиренейской правовой традиции, в свою очередь перенявшей многие нормы уголовного судопроизводства из Византии. Здесь, начиная с VI в., мужеложество также признавалось

⁶⁸ См. выше: Глава 2.

⁶⁹ Вестготская правда (Книга приговоров). С. 576–577.

⁷⁰ “Pero porque mal pecado alguna vez aviene, que home codicia à otro por pecar con él contra natura: mandamos, que qualesquier que sean, que tal pecado fagan, que luego que fuere sabido, que amos à dos sean castrados ante todo el pueblo, è despues, à tercer dia, sean colgados por las piernas fasta que mueran, è nunca dende sean tollidos” (Fuero Real // Coleccion de codigos y leyes de España / Ed. por A. Aguilera y Velasco, E. Pinel. Madrid, 1865. T. 1. P. 259).

преступлением и наказывалось соответствующе⁷¹. Вот почему кастрация упоминалась и в *Livre de Jostice et de Plet*: данный сборник кутюм в действительности являлся частичным пересказом законодательства Юстиниана⁷².

Тем не менее, как показывают конкретные судебные казусы и юридические тексты более позднего времени, во Франции данная норма не прижилась, и основным наказанием за нетрадиционные сексуальные отношения здесь являлось сожжение заживо (хотя, повторяю, суть этих отношений так и оставалась непроясненной)⁷³. Именно так предлагал поступать с содомитами Жан Бутейе, многие годы прослуживший королевским бальи в Турне, а под конец жизни ставший советником в Парижском парламенте. Его сборник обычного права «Деревенская сумма» (*Somme rural*, 1393–1396 гг.) не только являлся одним из наиболее авторитетных сочинений XIV в., но выдержал 23 издания на протяжении XV–XVII вв.⁷⁴ Давая определение содомии как преступления «противного человеческой природе, которое не следует совершать ни мужчине, ни женщине»⁷⁵, Бутейе добавлял, что виновных в нем следует вздернуть на виселице, а тела их сжечь⁷⁶.

Удивительно, что при таком внимании к данному преступлению со стороны составителей сводов обычного права Франции, в королевском законодательстве XIII–XV вв. о содомии и ее преследовании не говорилось ни слова. Возможно, подобное замалчивание могут отчасти пояснить слова того же Жана Бутейе, писавшего, что это правонарушение «столь отвратительно, что людям не следует ни знать, ни говорить о нем»⁷⁷. Даже когда «Большие хроники Франции» повествовали об Аде-

⁷¹ "Item lex Iulia de adulteriis coercendis, quae non solum temeratores alienarum nuptiarum gladio punit, sed etiam eos, qui cum masculis infandam libidinem exercere audent" (Institutes 4.18.4, курсив мой – О.Т.). Исследователи отмечают, что точное значение выражения «наказать мечом» остается в данном случае неясным, поскольку при Юстиниане за мужеложество карали и смертной казнью, и кастрацией: Moorhead J. Justinian. L.; N.Y., 1994. P. 36; Boswell J. Op. cit. P. 70-71, 127, 171-173.

⁷² Foviaux J. Livre de Jostice et de Plet // Dictionnaire des lettres françaises. P. 955-958.

⁷³ Возможно, данная традиция брала свое начало в «Капитулярии Карла Великого 779 г.»: "Haec porro indicia et evidentes vindictae declarant, quam detestabile et execrabile apud divinam maiestatem hoc vitium extet. Scimus enim, quoniam talium criminum patratores lex Romana, quae est omnium humanarum mater legum, igni cremari iubet" (Benedicti capitularia / Hrsg. von G.H. Pertz // MGH. Leges. Hannoverae, 1837. Bd. 2 (2). S. 17-158, здесь S. 156, курсив мой – О.Т.). В действительности капитулярий являлся подделкой второй половины IX в., которую традиционно приписывают авторству Бенедикта Левита, дьякона из Майнца.

⁷⁴ Foviaux J. Jean Bouteiller // Dictionnaire des lettres françaises. P. 751-753.

⁷⁵ "La dixneufiesme manière si est crime de sodomite, si comme de faire contre tout fait de nature humaine, et que n'à homme n'à femme naturellement appartient à faire" (Bouteiller J. Somme rural, ou Le Grand Coustumier general de pratique civil et canon / Ed. par L. Charondas Le Caron. P., 1611. P. 173).

⁷⁶ "Ceux convaincus d'un tel crime furent condamnez à estre pendus et estranglez, et leurs corps bruslez avec leur procès, à fin d'en abolir la detestable mémoire" (Ibid. P. 179).

⁷⁷ "Ce crime de Sodomie est grandement detestable, et ne devroit estre cogneu ne nommé entre les hommes" (Ibid.).

нольфо IV д'Аквино, графе Ачерре, наместнике Карла II Анжуйского (1248–1309) в Провансе, которого объявили в 1294 г. «жестоким содомитом и предателем своего сеньора» и отправили на костер, предварительно проткнув металлическим прутom, конкретный состав его преступления широкой аудитории не сообщался⁷⁸. (Илл. 11)

Так или иначе, но полное отсутствие упоминаний о содомии во французских ордонансах, безусловно, связано с тем фактом, что и соответствующая судебная практика Парижского парламента – центрального королевского суда страны – также была в этот период более чем скромной. Кроме того, как мы уже успели убедиться, в тех редких случаях, когда подобные дела все же фиксировались в уголовных регистрах, в них – как и в сборниках кутюм – отсутствовало внятное описание самого *состава* преступления, что не позволяет нам с уверенностью говорить о том, шла ли речь именно о гомосексуальных отношениях. Та же ситуация наблюдалась в церковных судах, обладавших правом светской юрисдикции, или, к примеру, в суде парижского прево, заседавшего в Шатле. Так, мы уже никогда не узнаем о конкретном составе преступления, совершенного неким Жанно Шико: краткая запись в регистре аббатства Сен-Жермен-де-Пре за 1307 г. сообщала лишь о его аресте «по обвинению в содомии», что не позволяет нам приблизиться к пониманию сути данного дела⁷⁹. Что же касается «Уголовного регистра Шатле» конца XIV в., то все преступления, представленные в нем и характеризующиеся как «содомия» (*bougrerie*), на поверку оказывались связаны со скотоложеством и не имели отношения к гомосексуализму, хотя и описывались исключительно подробно⁸⁰.

⁷⁸ “Et en ycelui an aussi, le conte d'Aucuerre en Puille, lequel le roy Charles, le roy de Cecille, avoit establi garde de sa conté de Prouvence, fu trouvé et esprouvé *très pesme sodomite et traître de son seigneur*, et fu pris par le commandement du roy, et fu, de son derrière jusques à la bouche, en une broche de fer ardent transfichié, et après fu ars” (Grandes chroniques de France / Ed. par J. Viard. T. 8. P., 1934. P. 153-154, курсив мой – О.Т.). Подробнее об этом процессе см.: *Dunbabin J. Treason, Sodomy, and the Fate of Adenolfo IV, count of Acerra // Journal of Medieval History. 2008. T. 34. P. 417-432; Idem. The French in the Kingdom of Sicily, 1266-1305. Cambridge, 2011. P. 242-244.*

⁷⁹ “L'an mil ccc et sis, le dimanche devant la Chandeleur, fu ars Jehannot Chicot, de Vermenton, *pour cas de bouguerrie*, et fut jugié par le conseil de l'église, presenz, Richart de Vannes, Robert de Bernay, Robert Billbaut, Guillemain du Celier, Raoul Riote” (*Tanon L. Op. cit. P. 428, курсив мой – О.Т.*).

⁸⁰ “Item, dist que, lui estant en l'age de XVI ans ou environ, ainsi qu'il gardoit, assez près de la ville où il fu nez, les bestes aus champs, c'est assavoir : vaches, jumens, ainesses, il, par X fois et plus... a eu compaignie à icelles bestes, ainsi comme icelles bestes estoient couchées au champs... et aussi aucunes autres fois a eu affaire et compaignie ausdictes bestes ainsi que elles estoient couchées es estables. Dist aussi que, à une chienne qu'il menoit avecques lui aus champs pour garder icelles bestes, il a eu affaire et compaignie à icelle chienne par pluseurs fois... Veue la confession duquel Estienne Blondel... fut dit et délibéré, et condempné icellui Estienne *à estre ars au devant de la justice comme bougres*” (Registre criminel du Châtelet de Paris. T. 1. P. 112, курсив мой – О.Т.). См. другие примеры: *Ibid. T. 1. P. 186-188, 566-567; T. 2. P. 273-274.* Все эти пространные показания были, тем не менее, получены под пыткой, что заставляет сомневаться в их правдивости.

На этом фоне уникальность процесса Раймона Дюрана становится заметной не только по причине совершенно ясного и недвусмысленного обвинения, выдвинутого против него. В регистре Парижского парламента оказался в малейших деталях описан сам *состав* его преступления, т.е. события, происходившие под покровом ночи в спальне господина прокурора. Вот что в действительности рассказал Перро Фавареск столичным судьям, собравшимся выслушать его 30 июля 1333 г.:

И заявил, поклявшись [в том], что однажды ночью... когда его хозяин лежал в постели в доме его матери в Вильфранше, он (Перро – О.Т.), по приказу своего господина, долго массировал ему ноги и член, который от этого сильно напрягся. А после, однажды воскресным вечером, во время прошлогоднего поста..., когда он раздел и уложил своего хозяина в постель... и хотел покинуть его, дабы и самому лечь спать..., господин окликнул его и велел, чтобы он разделся и лег с ним [в постель] полностью голым. Он решительно отказывался, но в конце концов согласился, подчиняясь приказу хозяина, раздеться и лечь [в постель] со своим господином полностью голым. И как только он лег, его хозяин навалился на него и [начал] целовать и крепко обнимать. И залез на него [верхом], как если бы [Перро] был женщиной, и сунул свой эрегированный член ему между ног, поближе к гениталиям, и начал двигать им взад и вперед, как если бы находился с женщиной. И гладил его бедра и терся о них членом, и [происходило это] против воли [самого Перро]⁸¹.

Не менее подробно оказался представлен в показаниях Фавареска и разговор, который состоялся у него «примерно через три дня» с Бернардо де Монжé:

И когда упомянутый Бернардо вернулся [в Вильфранш], они вместе отправились поразвлечься на лут, [принадлежавший] этому Раймону [и расположенный на берегах] реки Аверон, около Вильфранша. И тогда упомянутый Бернардо спросил у него (у Перро – О.Т.): «Если Господь тебе помогает, скажи мне правду, и будь ты повешен, если не скажешь. [Наш]

⁸¹ «Et dit par son serement que, une nuyt... quant son maistre fu couchié en son lit à Villefranche en l'ostel de sa mere, il qui parle, par le commandement de sondit maistre li frota les jambes moult longuement et le vit que il avoit bien tendu. Et après cè, à un dymenche au soir, à une journée en karesme derrenierement passé..., quant il qui parle ot deschaucié et couchié sondit maistre pour soy aler couchier en son lit... sondit maistre le rappella et li commanda que il se despoillast et se couchast tout nu avecques lui. Et il qui parle le refusa moult, mais à la parfin il convint, par le commandement son maistre, que il se despoillast et se couchast tout nu avec sondit maistre. Et si tost comme il fu couchié, sondit maistre se traist par devers li qui parle et le baisa et embrça moult forment et monta sur lui aussi comme se il feust une fame et li mist son vit tout tendu entre les jambes de li qui parle au plus prez de son vit en soy mouvant aussi comme se il feust sur une fame. Et touchia tout li qui parle par les cuisses de sa nature et de l'ordure qu'il gita sur lui, contre la volenté de lui qui parle» (Confessions et jugements de criminels au Parlement de Paris. P. 81-82).

господин совал тебе между бедер свой член, как он это делал со мной?». И [Перро] ответил, что да. И упомянутый Бернардо рассказал ему, что их хозяин забавлялся с ним подобным образом три раза. И заявил ему Бернардо, что это является великой ересью и ужасным преступлением⁸².

Думается, что в столь откровенных подробностях сексуальных контактов мэтра Дюрана с двумя его слугами и крылась причина того, что его дело оказалось не только включено в текущий регистр уголовных дел парламента, но и дополнительно скопировано в сборник «Признания уголовных преступников и приговоры, вынесенные по их делам», составленный секретарями суда Этьеном де Гиеном и Жоффруа де Маликорном. При полном отсутствии законодательной базы и иных, более или менее полных записей схожих прецедентов материалы процесса Раймона Дюрана представляли собой особую ценность, поскольку на них можно было бы впоследствии сослаться как на уже готовое решение⁸³.

Возникает, однако, закономерный вопрос. Почему Перро Фавареск и Бернардо де Монжэ не побоялись обратиться в суд? Ведь и их самих вполне могли привлечь к уголовной ответственности за соучастие в преступлении, которое каралось смертной казнью через сожжение⁸⁴.

⁸² “Et quant ledit Bernardo fu venus de dehors, ledit Bernardo et il qui parle se alerent esbatre en un pré dudit Raymon sur une riviere appellée Averon, prez de Villefranche. Et lors ledit Bernardo demanda à li qui parle: ‘Se Dieu te ait, dis moy verité et pendu soies tu se tu ne le me dis. Te a bouté, monseigneur, son vit entre tes cuisses aussi comme il a fait à moy?’. Et il qui parle respondi que oil. Et ledit Bernardo li dist que sondit maistre avoit jeu a lui par III fois en la maniere dessusdite. Et li dist ledit Bernardo que ce estoit grant heresie et grant mauvestié” (Ibid. P. 82-83).

⁸³ Возможно, следующим громким делом о мужеложестве, получившим известность не только во Французском королевстве, но и в других странах Западной Европы, стал процесс над Жилем де Ре. В 1440 г. этот бретонский барон был обвинен сразу в нескольких уголовных преступлениях, среди которых значились многочисленные случаи сексуального насилия над мальчиками: «Названные персоны... заявили со слезами и болью о пропаже их сыновей, племянников и прочих [мальчиков], предательски похищенных, а затем бесчеловечно убитых Жилем де Ре и его сообщниками... они насиловали их жестоко и противоестественно и совершали с ними грех содомии» (*Bataille G. Procès de Gilles de Rais. P., 1972. P. 195*). Как известно, Жиль де Ре и его слуги Анрие и Пуату были приговорены к смертной казни через сожжение судом епископа Нанта. Подробнее см.: Тогоева О.И. «Истинная правда». С. 182-221.

⁸⁴ Французские уголовные регистры раннего Нового времени свидетельствуют, к примеру, что в случае скотоложества часто наказывался не только сам преступник, но и животное, подвергшееся сексуальному насилию. Так, в 1553 г. в Анжу был сожжен вместе с овцой Мишель Морен, местный торговец вином, обвиненный в «содомии»: *Dubois-Desaulle L. Etude sur la bestialité du point de vue historique, médical et juridique. P., 1905. P. 154-157*. В 1606 г. в Шартре некто Гийом Гуйар был застигнут в неподобающем виде в компании собаки сестрами местного монастыря. После непродолжительного разбирательства обвиняемые были приговорены к смерти на костре, однако Гуйар ухитрился бежать из тюрьмы, собаку же сожгли живьем: *Berriat-Saint-Prix J. Rapport et recherches sur les procès et jugements relatifs aux animaux // Mémoires et dissertations sur les antiquités nationales et étrangères. P., 1829. T. 8. P. 403-450, здесь P. 437*.

Тем не менее, как мы помним, в материалах дела они проходили как свидетели и были отпущены на свободу после почти двух лет пребывания в тюрьме Шатле (с 30 июля 1333 г. по 1 апреля 1335 г.).

Французские правовые тексты, к сожалению, не дают нам ни малейшей подсказки относительно того, проводилось ли в судах королевства четкое разделение подозреваемых на активных и пассивных гомосексуалистов. Тем не менее, законодательство других европейских стран свидетельствует, что подобная практика действительно существовала. Собственно, уже римское право предусматривало в два раза менее тяжкое наказание для тех, кого принудили к противоестественным сексуальным отношениям⁸⁵. Автор «Пенитенциалия Беды» (VII в.) считал необходимым карать активных содомитов четырьмя годами поста (или семью – в случае рецидива), но для «молодых мальчиков» предлагал на выбор 40 дней поста или чтения псалмов⁸⁶. Еще более мягко относился к пассивным гомосексуалистам Регинон Прюмский (ок. 840–915): длительность покаяния для них должна была равняться, по его мнению, не году, но всего семи дням⁸⁷. Что же касается светского законодательства, то схожие меры предусматривала, к примеру, вестготская «Книга приговоров»:

Однако же тот, кто подвергнется этому ужасному позору, либо претерпит его не по воле своей, но принужденный против своего желания, сможет быть освобожденным от обвинения, если сам предстанет обличителем этого гнуснейшего злодеяния⁸⁸.

Более мягко относились к пассивным гомосексуалистам и в Италии XIV–XV вв.: здесь их не отправляли на костер, как было принято при наказании за содомию, а всего лишь отрезали им нос и выставляли на публичное осмеяние⁸⁹.

Возможно, сама идея обращения в судебные инстанции в случае принуждения к гомосексуальным отношениям возникла в средневековой Европе не без влияния трудов Петра Дамиани, полагавшего, что любой человек, будучи не в силах самостоятельно признать грех содомии, должен обратиться за советом и поддержкой к своим ближним,

⁸⁵ Boswell J. Op. cit. P. 122-123.

⁸⁶ "Sodomite annos IV. Si in consuetudine sit, annos VII, vel si monachi, annos VII... Si parvulus oppressus talia patitur, XL dies vel psalmis vel continentia castigetur" (Poenitentiale Bedae // Die Bussordnungen der abendländischen Kirche. S. 220-230, здесь S. 222-223).

⁸⁷ "Parvulus a majore oppressus septem dies poeniteat" (*Reginonis Prumiensis abbatis De ecclesiasticis disciplinis et religione Christiana libri duo* // PL. T. 132. Col. 175-400, здесь Col. 332).

⁸⁸ Вестготская правда (Книга приговоров). С. 577. О преследовании в средневековом суде преимущественно активных гомосексуалистов см. подробнее: Boyd D.L. Op. cit. P. 69-70.

⁸⁹ Ruggiero G. Constructing Civic Morality. P. 181.

которые и укажут ему на его заблуждение⁹⁰. Этими «ближними» для Раймона Дюрана в каком-то смысле и стали его слуги, подавшие на него официальную жалобу, а также его коллеги по парламенту, рассматривавшие данное дело. Слухи об увлечениях господина прокурора, которые, вероятно, ходили по Вильфраншу, быстрая реакция на поступивший донос сенешаля Руэрга Риго де Бедюэ, согласованные и ни разу не изменившиеся даже в деталях показания свидетелей, а также бегство мэтра Дюрана из Парижа в разгар процесса над ним – все это служило косвенными доказательствами его виновности. Однако то, что Перро Фавареск и Бернардо де Монжé сами заявили об имевшемся в отношении них сексуальном насилии, полностью снимало с них самих обвинение в склонности к мужеложеству.

Как я уже упоминала, процесс Раймона Дюрана так и остался незавершенным. Более того, мы, к сожалению, не узнали и уже никогда не узнаем, о чем он сам поведал своим коллегам в Парижском парламенте или в суде столичного официала: его показания в регистре отсутствуют. И все же материалы этого дела дают нам редкую возможность не только выяснить, насколько подробно в суде можно было рассказать о преступлении сексуального характера, но и понять, насколько скудны были в эпоху Средневековья познания в данной области, когда судьям приходилось использовать буквально любой, пусть даже единичный казус для создания теоретической базы, необходимой для расследования такого типа правонарушений.

⁹⁰ “Quatinus si sodomite ex semetipsis nesciunt pensare quod sunt, ab ipsis saltem valeant edoceri, cum quibus sunt communi orationis ergastulo deputati” (*Petrus Damiani an Papst Leo IX. S. 307*).

ГЛАВА 6

История Джона Райкнера, называвшего себя Элеонорой

Как мы помним, Раймона Дюрана, содомита из Вильфранша, судили в столице Французского королевства, которая уже в XII в. считалась современниками одним из главных рассадников нетрадиционных сексуальных отношений. Впрочем, не отставали от Парижа и другие крупные и особенно университетские центры Западной Европы – Венеция, Брюгге, Орлеан, Шартр. Городская культура рассматривалась многими средневековыми авторами как первое и основное условие для развития и распространения содомского греха¹. Так, Анри де Марси, аббат Клерво (1176–1179), полагал, что Содом возродился из пепла в образе университетских городов². Петр из Целлы, настоятель аббатства св. Ремигия в Реймсе (1162–1181) и епископ Шартра (1181–1183), в письме к своему другу Иоанну Солсберийскому называл Париж местом, где «царит упадок [нравственности]» и где «душа [человека] становится рабом печали и страдает»³. Маргинальные пометы XII–XIII вв. на некоторых более ранних кодексах уточняют, что подобный упадок современники связывали непосредственно с распространением греха содомии и, прежде всего, гомосексуальных отношений:

Пусть Шартр и Санс окажутся разрушены, [ибо] там сам Адонис продает себя, согласно законам борделя, где мужчины являются проститутками. Зараженный тем же грехом, благородный и особый город, Париж счастлив обручиться с молодым господином. Но [даже] в большей степени, чем все эти чудовищные города, ты, Орлеан, уничтожен своей репутацией [как более других расположенный к] подобному греху... Жители Орлеана – лучшие из всех, если вам нравятся [мужчины], которые спят с мальчиками⁴.

¹ Boswell J. Op. cit. P. 207–241; Burgwinkle W.E. Op. cit. P. 46–48.

² Lever M. Les bûchers de Sodome. Histoire des “infâmes”. P., 1985. P. 41.

³ “Ubi regnat luxuria, ibi miserabiliter ancillatur et affligitur animus. O Parisius, quam idonea es ad capiendas et decipiendas animas!” (Petri Cellensis Epistola LXXIII // PL. T. 202. Col. 519).

⁴ “Carnotum, Senonis, pereant ubi prostat Adonis / lege lupararis: sunt ibi stupra maris. / His infecta malis urbs nobilis, urbs specialis / Parisius tenerao nubere gaudet ero. / Tu magis insanis his omnibus, Aurelianis, / Que titulum sceleris huius habendo peris... Aurelianenses sunt primi, si bene penses / Illorum mores, puerorum concubitores” (Stehling T. Medieval Latin Poems of Male Love and Friendship. N.Y.; L., 1984. P. 94–95). Данные пометы были найдены в манускрипте IX в., хранящемся ныне в Лейдене (Vossianus lat. in oct. 88) и представляющем собой сборник поэтических, грамматических и философских текстов.

Похожие суждения высказывал и Жак де Витри (ок. 1165–1240), сообщавший о совершенно недостойном сексуальном поведении парижских студентов, что в 1292 г. привело к исключению целой группы школяров из столичного университета по обвинению в склонности к содомии⁵.

В том же «почетном» списке городов, известных распущенностью нравов своих жителей, уже с XI в. пребывал и Лондон, куда «содомия», по мнению английских авторов, была завезена прямоком из Франции⁶. Так полагали и Ансельм Кентерберийский (1033–1109), и Генрих Хантингтонский (ок. 1080–1160?)⁷, а Вальтер Шатильонский (1135–1200) писал, что знатные английские юноши превращаются в мужеложцев, стоит им только отправиться во Францию для изучения медицины⁸.

Подобные нападки на студентов, испытавших не себе чужое (преимущественно французское) влияние, были до некоторой степени связаны с более глобальной проблемой – с критикой английскими авторами той обстановки, которая сложилась при королевском дворе в Лондоне на рубеже XI–XII вв. В 1087 г. престол занял третий сын Вильгельма Завоевателя – Вильгельм II Рыжий (ок. 1056/1060–1100), являвшийся, по всей видимости, открытым гомосексуалистом⁹. Так во всяком случае полагал Ордерик Виталий (1075–ок. 1142), обвинявший короля в насаждении противоестественных отношений в его окружении, в «эффеминации» юных придворных, которые были не только близки с Вильгельмом, но и вместе с ним управляли страной:

Во времена, подобные тем, [когда] распутство граничило с безнаказанностью, а содомическая похоть омерзительным образом совратила женоподобных [юношей], которым суждено [гореть] в аду, [когда] прелюбодеяние открыто осквернило супружеское ложе..., тогда женоподобные [придворные] правили миром, безудержно придавались наслаждению, а грязные любовники, обреченные гореть в аду, подвергали себя греху содомии..., высмеивали увещающих их священников и упорствовали в своем варварском поведении и внешнем виде¹⁰.

⁵ Burgwinkle W.E. Op. cit. P. 47.

⁶ Leyser C. Cities of the Plain: The Rhetoric of Sodomy in Peter Damian's "Book of Gomorrah" // RR. 1995. T. 86 (2). P. 191–211.

⁷ Tatlock J.S.P. The Legendary History of Britain. Berkeley; Los Angeles, 1950. P. 353.

⁸ "Filii nobilium, dum sunt iuniores, / mittuntur in Franciam fieri doctores, / quos prece vel precio domant corruptores; / sic pretextatos referunt Artaxata mores. / Et quia non mutuunt anime discrimen, / principes in habitum verterunt hoc crimen. / virum viro turpiter iungit novus hymen, / exagitata procul non intrat femina limen" (Stehling T. Op. cit. P. 80–81).

⁹ Споры на эту тему, впрочем, до сих пор ведутся в историографии: Boswell J. Op. cit. P. 229–231; Aird W.M. Frustrated Masculinity: The Relationship between William the Conqueror and his Eldest Son // Masculinity in Medieval Europe / Ed. by D.M. Hadley. L.; N.Y., 1999. P. 33–55, здесь P. 55; Burgwinkle W.E. Op. cit. P. 51–52.

¹⁰ "Inter haec impune procedebat petulans illecebra molles flammisque cremandos turpiter fedebat uenus sodomistica maritalem thorum publice polluebant adulteria... Tunc effeminati passim in orbe dominabantur indisciplinate debachabantur sodomiticisque spurciis foedi catamitae flammis urendi turpiter abutebantur... hortamenta sacerdotum deridebant; barbaricumque morem in habitu et uita tenebant" (The Ecclesiastical History of Ordericus Vitalis / Ed. and trans. by M. Chibnall. Oxford, 1969–1980. 6 vol. T. 4. P. 186).

Хронист особенно порицал женскую моду, распространившуюся в мужском придворном обществе: тщательно уложенные длинные волосы, узконосые туфли, широкие рукава, богатые украшения и т.д.¹¹ Король, по мнению Ордерики, содержал при себе многочисленных проституток (как женщин, так и мужчин), которым платил за услуги. Когда же в конце концов он погиб на охоте, то его оплакивали лишь эти «бездельники» (*nebulones*), потерявшие в его лице щедрого хозяина¹².

Впрочем, Вильгельм II Рыжий был далеко не единственным английским монархом, которого соотечественники обвиняли в грехе содомии. Иоанн Солсберийский полагал, что все представители династии Плантагенетов подвержены этой напасти, поскольку ведут свое происхождение от фригийцев, отличавшихся внешним женоподобием и сексуальной распущенностью¹³. Так или иначе, но подозрения в гомосексуальной ориентации Ричарда I Львиное Сердце (1157–1199) или Эдуарда II (1284–1327) высказывались многими хронистами, что до сих пор является предметом оживленнейших историографических дискуссий¹⁴.

И тем не менее, общий исторический контекст и неплохое знакомство образованной части средневекового английского общества с проблемой содомии в ее различных проявлениях не могли, как мы сейчас убедимся, подготовить современников ко всем без исключения эксцессам, имевшим место в реальной жизни. Дело, к которому мы обратимся, как и казус Раймона Дюрана, представляет собой поистине уникальный случай уголовного расследования, точно так же оставшегося незавершенным¹⁵. Впрочем, в отличие от содомита из Вильфранша, наш новый герой отличался невероятной разговорчивостью. Данное обстоятельство, надо полагать, поставило в тупик его судей, но, к счастью, позволило нам узнать много любопытных подробностей о частной и интимной жизни людей эпохи Средневековья.

¹¹ "Femineam mollitiem petulans iuuentus amplectitur; feminisque uiri curiales in omni lasciuia sumnopere adulantur. Pedum articulis ubi finis est corporis colubrinarum similitudinem caudarum imponunt... Humum quoque puluerulentam inerularum et palliorumsuperfluo sirmate uerrunt: longis latisque maicis ad omnia facienda manus operiunt, et his superflutiatibus onusti celeriter ambulare uel aliquid utiliter operari uix possunt... Vix aliquis militarium procedit in publicum capite discooperto; legitimeque secundum apostoli preceptum tonso" (Ibid. P. 188).

¹² Ibid. Подробнее о возможной гомосексуальности Вильгельма II Рыжего см.: Burgwinkle W.E. Op. cit. P. 48-52.

¹³ Ibid. P. 66-72.

¹⁴ Ibid. P. 73-85; Boswell J. Op. cit. P. 231-232, 272, 298-301.

¹⁵ Данный судебный документ сохранился в свитках прошений в архиве Лондонской городской корпорации (Corporation of London Records Office. Plea and Memoranda Roll A34, m. 2). Полностью он был впервые опубликован в: Boyd D.L., Karas R.M. The Interrogation of a Male Transvestite Prostitute in Fourteenth-Century London // GLQ: A Journal of Lesbian and Gay Studies. 1995. Vol. 1. P. 459-465, здесь P. 481-482. Далее все цитаты приводятся по этой публикации.

В воскресенье, 11 декабря 1394 г., «в 18-й год правления Ричарда II» (*anno regni regis Ricardi secundi decimo octavo*), Джон Бритби из графства Йорк (*Johannes Britby de comitate Eboracum*), оказавшись проездом в английской столице, по завершении всех своих дел решил поразвлечься и снять проститутку. Проходя между 8 и 9 часами вечера по центральной улице Чипа, одного из районов лондонского Сити, мужчина заметил некую девицу, с которой завел разговор. Та назвалась Элеонорой и предложила ему свои услуги (*libidinose agere*). Бритби согласился уплатить запрошенную сумму, и они удалились в сторону «торговой лавки» на Соперс Лейн (*super quoddam stallum in venella vocata Sopereslane*), где и расположились, надо думать, со всеми возможными удобствами. Однако, на их беду мимо проходил полицейский патруль, который застал проститутку и ее клиента в самый разгар их «свидания». Арестованные были отведены «в тюрьму», где предстали перед мэром Лондона Джоном Фрешем и его олдерменами, которые допросили их по отдельности¹⁶.

И здесь выяснилось самое удивительное. Задержанная особа по имени Элеонора оказалась ... мужчиной, который совершенно добровольно, «покаявшись спасением собственной души» (*in animam suam sponte iuravit*), заявил, что в действительности его зовут Джон Райкнер и что искусство менять обличье и заниматься проституцией он постиг уже давно у знакомых ему женщин легкого поведения:

И упомянутый Джон Райкнер, приведенный в суд в женском платье и допрошенный по данному делу, признал, что все происходило именно так, как рассказал Джон Бритби, и т.д. Было также спрошено у этого Райкнера, кто научил его заниматься данным порочным [ремеслом], как долго, в каких местах и с кем [именно], мужчинами или женщинами, он предавался подобным развратным деяниям. Он, добровольно, покаявшись [спасением] своей души, признал, что некая Анна, сожительница бывшего слуги сэра Томаса Блаунта, первой обучила его заниматься данным отвратительным делом в облике женщины. Также [он] заявил, что некая Элизабет Броудерер первой нарядила его в женское платье. Она также приводила свою дочь Элис различным мужчинам ради [сексуального] наслаждения. Она подкладывала [Элис] ночью к ним в постель, не зажигая света, [и] заставляя [ее] рано утром от них уходить. [Вместо дочери она] предьявляла им упомянутого Джона Райкнера, одетого в женское платье, называя его Элеонорой и убеждая тех [мужчин], что [именно] с ним они занимались недозволенным¹⁷.

¹⁶ "Qui ab eo argentum pro labore suo petens sibi consentiebat, invicem transeuntes ad illud complendum usque stallum predictum. Ipsi tamen tunc ibidem per ministros predictos in eorum maleficiis detestabilibus capti fuerunt, carcere vero mancipati hucusque, etcetera" (Ibid. P. 481).

¹⁷ "Et predictus Johannes Rykener in veste muliebri hic adductus de materia predicta allocutus cognovit se fecisse in omnibus prout idem Johannes Britby superius fatebatur etcetera. Quesitum fuit ulterius a prefato Johanne Rykener quis ei docuit dictum

Совершив данный, весьма обстоятельный экскурс в историю своего превращения в проститутку, Райкнер на том же первом слушании по его делу поведал, что от отсутствия спроса он никогда не страдал. В частности, он рассказал, что в течение пяти недель проживал в Оксфорде, где – неизменно оставаясь в женском обличье – подрабатывал вышивальщицей¹⁸. Все это время он продолжал заниматься и проституцией, имея трех постоянных клиентов из числа студентов: сэра Уильяма Фокли, сэра Джона и сэра Уолтера, фамилий которых он то ли не знал, то ли не захотел назвать¹⁹.

Вслед за тем он перебрался в городок Бурфорд в Оксфордшире:

И там [он] проживал с неким Джоном Клерком, в [таверне] «Лебедь», [где служил] буфетчиком в течение следующих шести недель. В это время два брата-францисканца, одного из которых звали брат Майкл, а второго – брат Джон Барри (который подарил ему золотое кольцо), [а также] один кармелит и еще шестеро чужестранцев предавались с ним описанному выше пороку. Кто-то из этих братьев и упомянутых мужчин дал указанному Джону Райкнеру 12 пенсов, другой – 20 пенсов, [а еще] один – два шиллинга²⁰.

Затем Райкнер перебрался в Биконсфилд, где, однако, не стал выдавать себя за женщину: напротив, в своем естественном обличье он завел интрижку с некоей Джоан, дочерью Джона Мэтью. Впрочем, и на новом месте жительства у него появились клиенты-мужчины (это

---

vitium exercere et quanto tempore, in quibus locis, et cum quibus personis masculis sive feminis illud actum libidinosum et nephandum commisit. Qui in animam suam sponte iuravit et cognovit quod quaedam Anna, meretrix quondam cuiusdam famuli domini Thome Blount, primo docuit ipsum vitium detestabile modo muliebri exercere. Item dixit quod quaedam Elizabeth Brouderer prius vestivit ipsum veste muliebri; quae etiam conduxit quandam Aliciam filiam suam diversis hominibus luxuriae causa, ipsam cum eisdem hominibus in lectis eorum noctanter absque lumine reponens et eandem summo mane ab eisdem recedere fecit, monstrando eis dictum Johannem Rykener veste muliebri ornatum ipsum Alianoram nominantem, asserens ipsos cum ipsa sinistre egisse” (Ibid. P. 481-482).

¹⁸ “Item dictus Johannes Rykener fatebatur quod per quinque septimanas ante festum santi Michaelis ultimo elapsum morabatur apud Oxonium et operatus est ibidem in veste muliebri in arte de brouderer nominans ipsum Alianoram” (Ibid. P. 482).

¹⁹ “Et ibidem in marisco tres scolares ignotos, quorum unus nominatur dominus Willielmus Foxlee, alius dominus Johannes, et tertius dominus Walterus, usi fuerunt sepius cum ipso abominabile vitium supradictum” (Ibid.).

²⁰ “Et ibidem fuit commorans cum quodam Johanne clerc atte Swan in officio de tapster per sex septimanas proximas sequentes, infra quod tempus duo fratres minores, quorum unus nominatur frater Michael et alius frater Johannes Barry, qui sibi dedit unum anulum aureum, et unus frater carmelitus et sex diversi homines extranei commiserunt cum illo vitium antedictum. Quorum quidem fratrum et hominum supradictorum quidam dabat dicto Johanni Rykener .xii. d, quidam .xx. d, quidam .ii. s.” (Ibid.).

опять были братья-францисканцы), с которыми он и познакомился, и встречался исключительно как женщина-проститутка²¹.

В завершение своих показаний Джон Райкнер рассказал, что в последний его приезд в Лондон он постоянно оказывал сексуальные услуги некоему сэру Джону, который ранее являлся капелланом церкви св. Маргариты в Истчипе, а также двум другим капелланам, оставшимся в тексте допроса неназванными. Все трое встречались с ним на задворках церкви св. Екатерины в Лондоне, недалеко от лондонского Тауэра²².

Райкнер также сообщил своим слушателям, что многократно в мужском обличье вступал в интимные отношения с монахинями, а кроме того с замужними и незамужними женщинами, количество которых столь велико, что «всех он и не упомнит»²³. Столь же велико было число священников, воспользовавшихся его услугами и принимавших его за женщину. Именно с ними Джон, если верить его словам, более всего предпочитал иметь дело, поскольку они всегда «были готовы заплатить больше других [клиентов]»²⁴...

К сожалению, на этом история Джона Райкнера, «называющего себя Элеонорой» (*se Elianoram nominans*), обрывается. Мы не знаем, чем кончилось дело с его арестом, поскольку никаких иных документов в нашем распоряжении не имеется, а потому сложно предположить, какое решение приняли судьи и как они поступили со своим необычным арестантом²⁵. Впрочем, возможно, это и не столь важно, поскольку данный

²¹ “Item fatebatur idem Johannes Rykener quod fuit apud Bekenesfeld et ibidem idem ut vir concubuit cum quadam Johanna filia Johannis Mathew, et etiam ibidem cum ipso concubuerunt ut cum femina duo fratres minores alienigenae” (Ibid.).

²² “Item fatebatur dictus Johannes Rykener quod post eius ultimum adventum Londoniae quidam dominus Johannes quondam capellanus ecclesiae sanctae Margaretae Patyns et alii duo capellani in venellis retro ecclesiam sanctae Katerinae iuxta turrin Londoniensem commiserunt cum illo illud vitium antedictum” (Ibid.).

²³ “Item dixit dictus Johannes Rykener quod ipse sepius concubuit cum quampluribus monialibus ut vir, et etiam concubuit modo virili cum quampluribus mulieribus, tam maritatis quam aliis, *quarum numerum ignorat*” (Ibid., курсив мой – О.Т.).

²⁴ “Item fatebatur dictus Johannes Rykener quod quamplures presbiteri fecerunt illud vitium cum illo ut cum muliere, quorum numerum ignorat, et dixit quod citius cepit presbiteros quam alios quia *plus vellent sibi dare quam alii*” (Ibid., курсив мой – О.Т.). Данную фразу из протокола возможно, впрочем, интерпретировать совершенно иначе. Дело в том, что средневековые лондонские олдермены не слишком жаловали священников, а потому характеристика их как весьма неразборчивых, похотливых и при этом состоятельных людей, вполне вероятно, принадлежала не самому Джону Райкнеру, но его судьям. Подробнее об отношениях светской и церковной властей в средневековой Англии и, в частности, в Лондоне см.: *Röhrkasten J. The Mendicant Houses of Medieval London, 1221-1539. Münster, 2004. P. 279-300.*

²⁵ О судьбе Джона Бритби, незадачливого клиента «Элеоноры», нам также ничего не известно, за исключением того, что его допрашивали в суде мэра Лондона первым и что его показания были зачитаны Джону Райкнеру, который подтвердил их своим рассказом (см. прим. 17).

судебный казус дает нам, скорее, повод поразмышлять о том, как воспринималось в средневековом обществе такое явление как продажная любовь и, соответственно, как она описывалась в источниках.

* * *

Из текста доступного нам документа со всей очевидностью следует, что Джон Райкнер занимался проституцией на улицах Лондона, а также в других достаточно крупных населенных пунктах, т.е. выступал в роли *городской* проститутки. Это «ремесло» начало активно развиваться в Западной Европе с XII в. Очень быстро проституция заняла значительное место в повседневной жизни общества²⁶, и, как следствие, превратилась в своеобразный объект рефлексии как для обывателей, так и для образованных людей, пытавшихся осмыслить данное явление и определить, представляет ли оно опасность для окружающих или его можно считать вполне естественным, а потому – извинительным²⁷.

В целом, отношение к проституции, насколько можно судить по дошедшим до нас источникам самой разной жанровой направленности, в средневековом обществе складывалось, скорее, негативное²⁸. Допускались, однако, и исключения: в частности, весьма приветствовалось существование *армейских* проституток, которые, по мысли некоторых авторов, были необходимы для того, чтобы предупредить возникновение гомосексуальных наклонностей среди солдат, а также их увлечение мастурбацией. Как писал Жан Жерсон, проституция лучше, чем самоудовлетворение²⁹.

Тем не менее, очень быстро проститутки стали превращаться в нежелательных членов общества. Уже с середины XIII в. во многих европейских странах места их проживания были строго ограничены пригородами – либо они вовсе изгонялись из городов (и их имущество конфисковывалось)³⁰. Впрочем, частота появления подобных поста-

²⁶ Данной теме посвящена огромная литература. На английском материале см. прежде всего: Karras R.M. *Common Women. Prostitution and Sexuality in Medieval England*. N.Y.; Oxford, 1996. P. 14-24; *Eadem*. *The Regulation of Sexuality in the Late Middle Ages: England and France* // *Speculum*. 2011. Vol. 86 (4). P. 1010-1039.

²⁷ Подробный обзор высказываний средневековых правоведов и теологов о проституции см. в: Brundage J.A. *Prostitution in the Medieval Canon Law* // *Signs*. 1976. Vol. 1 (4). P. 825-845; Rossiaud J. *Op. cit.* P. 35-41, 74-78. Анализ особенностей английской религиозной мысли: Karras R.M. *Common Women*. P. 102-130.

²⁸ Подробнее об этом см.: Rossiaud J. *Op. cit.* P. 69-78.

²⁹ Gerson J. *De confessione mollitei* // Gerson J. *Oeuvres complètes*. T. 8. P. 72-73. Подробнее см.: Elliott D. *Pollution, Illusion, and Masculine Disarray* // *Constructing Medieval Sexuality* / Ed. by K. Lochrie, P. McCracken, J.A. Schultz. Minneapolis; L., 1997. P. 1-23; Rossiaud J. *Prostitution médiévale*. P., 1988. P. 100.

³⁰ Так, королевским указом 1393 г. лондонским проституткам было официально разрешено заниматься своим ремеслом лишь на одной улице – Кокс Лейн (*Cock's Lane*): Karras R.M. *The Regulation of Brothels in Later Medieval England* // *Signs*. 1989. Vol. 14 (2). P. 399-433, здесь P. 408-409. Однако Джон Райкнер был пойман совсем в другом месте, и одно это уже могло стать причиной его ареста.

новлений свидетельствует, что в отношении общества к «женщинам, ведущим распущенный образ жизни» на самом деле мало что изменялось. В Лондоне и Йорке запреты на занятия проституцией издавались постоянно (в 1277, 1301, 1310, 1320 гг. – и так вплоть до XVI в.)³¹, но, как кажется, не оказывали должного воздействия на обывателей, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что уже в XIV в. там существовали *официальные* публичные дома³². Таким образом, о полном изгнании проституток из столицы Английского королевства речь в принципе не шла.

То же самое можно сказать практически обо всех прочих европейских городах, правители которых, отчаявшись, видимо, полностью избавить население от любви к столь греховному времяпрепровождению, предпочитали сами брать его под контроль³³. На сохранившихся до наших дней миниатюрах с изображением средневековых публичных домов мы очень часто, пусть и на заднем плане, видим представителей властей, пристально наблюдающих за женщинами легкого поведения и их клиентами (Илл. 12).

Тем не менее, следует отметить, что уже в XIII–XIV вв. проституция в Западной Европе в ряде случаев рассматривалась все же как *преступление*, которым активно интересовались светские суды³⁴. В частности, в Англии именно в XIV в. произошла постепенная систематизация наказаний, применяемых в подобных ситуациях. Если ранее задержанную «при исполнении» проститутку надлежало попросту выпороть перед церковью или на рыночной площади³⁵, то отныне повсеместно вводилась система штрафов (причем в Лондоне они имели фиксированный вид)³⁶.

Вне всякого сомнения, уже в этот период к публичным женщинам относились как к особой социальной группе, которую выделяли в ка-

³¹ Ibid. P. 13-24; *Rossiaud J. Amours vénales*. P. 42.

³² *Karras R.M. Common Women*. P. 14-24, 35, 43-47. Как отмечает Рут Каррас, к коммерциализации проституции вело именно создание публичных домов, которые были связаны в сознании обывателей с предоставлением сексуальных услуг за деньги. То, что Джон Райкнер действовал в одиночку, также отличало его от «коллег по цеху»: Ibid. P. 70-71.

³³ *Rossiaud J. Amours vénales*. P. 88-98. О ситуации, сложившейся к концу XIV в. в Париже, см. ниже: Глава 7.

³⁴ Как отмечает Жак Россьо, только в XV в. население и власти западноевропейских городов стали более толерантными в отношении «своих» проституток: Ibid. P. 88-94. Напротив, Рут Каррас пишет об усилении наказаний за городскую проституцию в Англии того же периода: *Karras R.M. Common Women*. P. 15.

³⁵ Данное наказание относилось к телесным. В других европейских городах проституток наказывали схожим образом: при помощи выставления к позорному столбу, насильственного обривания, ношения позорной короны, и т.п.: *Rossiaud J. Amours vénales*. P. 91-94; *Ruggiero G. The Boundaries of Eros*. P. 17-19, 21-24, 43-49, 70-75, 90-92.

³⁶ *Karras R.M. Common Women*. P. 14, 20, 22-23; *Kelly H.A. Bishop, Prioress, and Bawd in the Stews of Southwark // Speculum*. 2000. Vol. 75 (2). P. 342-388.

честве самостоятельной как обыватели, так и представители власти. Внутри этой группы имелась своя, достаточно жесткая классификация. Так, различались городские (как Джон Райкнер), деревенские и армейские проститутки. Существовала и более дробное деление: например, на уличных и банных девиц легкого поведения³⁷.

Вместе с тем нужно отметить, что само понятие «проституция» трактовалось средневековыми (в том числе английскими) обывателями весьма широко (и эта особенность их мировоззрения прослеживается прежде всего по судебным документам). «Публичной» часто называли женщину, покинувшую своего мужа и решившую отныне проживать отдельно от него. Или ту, что регулярно изменяла законному супругу или имела постоянного любовника. Так же относились к особе, вступавшей в многочисленные любовные связи, не освященные таинством брака, либо к той, что сожительствовала с каким-то одним конкретным мужчиной, также не выходя за него замуж. Таким образом, *любую* представительницу слабого пола, по тем или иным обстоятельствам оставшуюся одинокой, легко можно было не только считать проституткой, но порой и *судить* за это³⁸.

Интересно, однако, отметить, что в данном контексте, насколько можно понять из сохранившихся документов, проблема *оплаты* сексуальных услуг никогда специально не поднималась³⁹. Тем не менее, само понятие заработка присутствовало не только в судебной практике, но и, к примеру, в трудах средневековых богословов: признавая занятие проституцией греховным и ужасным, многие авторы (вслед за Фомой Аквинским) полагали, однако, подобный доход совершенно законным⁴⁰. Наиболее подробно данную проблему разрабатывал англий-

³⁷ *Rossiaud J.* Prostitution médiévale. P. 20-23, 67-68; *Geremek B.* Les marginaux parisiens aux XIVe et XVe siècles. P., 1991. P. 261-263.

³⁸ См. исследования данной проблемы на английском материале: *Brundage J.A.* Law, Sex, and Christian Society. P. 248, 308-310, 389-390, 463-465; *Karras R.M.* The Latin Vocabulary of Illicit Sex in English Ecclesiastical Court Records // *The Journal of Medieval Latin*. 1992. Vol. 2. P. 1-17, здесь P. 6-9; *Eadem.* Common Women. P. 3, 52, 55-57. Об отношении французских обывателей и судей к проституткам см. ниже: Главы 7 и 8.

³⁹ *Karras R.M.* The Latin Vocabulary of Illicit Sex. P. 6-7; *Karras R.M., Boyd D.L.* "Ut cum muliere". A Male Transvestite Prostitute in Fourteenth-Century London // *Pre-modern Sexualities* / Ed. by L. Fradenburg and C. Freccero. N.Y.; L., 1996. P. 101-116, здесь P. 104; *Karras R.M.* Common Women. P. 3, 16-17, 27, 115-118, 131-132. Интересно отметить, что тема неразрывной связи проституции и денег в английских средневековых источниках присутствовала лишь в агиографических текстах: авторы житий Марии Магдалины, Таис, Пелагии и других подобных святых стремились таким образом подчеркнуть *перерождение* своих героинь, обретение ими новых моральных качеств, далеких от стяжательства и разврата: *Ibid.* P. 122-126; *Karras R.M.* Holy Harlots: Prostitute Saints in Medieval Legend // *Journal of the History of Sexuality*. 1990. Vol. 1 (1). P. 3-32.

⁴⁰ *Rossiaud J.* Amours vénales. P. 39.

ский теолог, помощник настоятеля собора в Солсбери Томас Чобэм в трактате *Summa confessorum* (1216–1217 гг.)⁴¹. Формальным поводом для появления его пространных рассуждений на эту тему стал, казалось бы, весьма незначительный факт. Морис де Сулли, епископ Парижский (1160–1197), отказался принять в дар от местных проституток деньги на изготовление одного из витражей в строящемся соборе Парижской Богоматери. Первым на это событие откликнулся уже упоминавшийся ранее французский моралист Петр Кантор, заявивший, что подобный дар следовало бы преподнести частным образом⁴². Томас Чобэм, который был учеником Кантора в Парижском университете (он окончил его в 1192 г.), рассмотрел данный вопрос более подробно⁴³.

Безусловно, писал он, публичные женщины, как и мужчины-развратники, заслуживают в целом негативного отношения к себе: и тем, и другим следует назначать одинаковое наказание за их недостойное поведение⁴⁴. Тем не менее, в некоторых случаях занятия проституцией являются вполне извинительными: нельзя называть потаскухой особу, которая «торгует собой тайно» или совершила подобный проступок лишь однажды⁴⁵. Точно так же снисхождения заслуживают и те, кто обратился к этому ремеслу «из-за нужды». Но если кто-то занимается проституцией постоянно и для «собственного сексуального удовлетворения», его поведение следует признать предосудительным, как, впрочем, и его заработок⁴⁶.

⁴¹ См. о нем: Baldwin J.W. *Masters, Princes and Merchants: The Social Views of Peter the Chanter and His Circle*. Princeton, 1970. Т. 1. P. 34–36; Т. 2. P. 266–271; Evans G.R. *Thomas of Chobham on Preaching and Exegesis // Recherches de théologie ancienne et médiévale*. 1985. Т. 52. P. 159–170.

⁴² Подробнее об этом конфликте см.: Baldwin J.W. *The Language of Sex. Fives Voices from Northern France around 1200*. Chicago, 1994. P. 81–82.

⁴³ Нужно отметить, что Томас Чобэм в целом являлся, как мы бы сейчас сказали, человеком широких взглядов. Мало того, что он весьма снисходительно относился к женщинам легкого поведения, он также, к примеру, выступал за браки священников, полагая, что так они легче смогут избежать греха разврата, которому предаются, пользуясь услугами все тех же проституток или незаконно сожительствуя на протяжении многих лет с любовницами: Courtemanche A. *Morale sexuelle des clercs*. P. 363.

⁴⁴ “Dicitur autem meretricium in muliere et scortatio in viro, quia sicut mulier dicitur meretrix, ita vir dicitur scortator. Unde et eadem penitentia que debetur meretrici videtur deberi scortatori” (*Thomae de Chobham Summa confessorum* / Ed. by F. Broomfield // *Analecta Medievalia Namurcensia*. Т. 25. Louvain;P., 1968. P. 346).

⁴⁵ “Si enim aliqua in occulto se venderet, non ideo diceretur meretrix. Et iterum si tantum uni se venderet, non ob hoc nomen meretrix haberet” (Ibid. P. 347).

⁴⁶ “Notandum autem si qua se multis exponit pro explenda libidine et alia pre inopia, prior deterior est, et tamen non iniungitur ei sollemnis penitentia, quia non profitetur publice meretricium suum. Ipsa autem professio inducit sollemnem penitentiam” (Ibid.). Влияние идей Томаса Чобэма ощущается, в частности, в тексте английского молитвенника XIV в., предлагавшего рассматривать проститутку (*meretrix*) как «женщину, которая отдает себя любому, никому не отказывает и получает за это денежное вознаграждение» (*Fasciculus Morum. A Fourteenth-Century Preacher's Handbook* / Ed. by S. Wenzel. University Park, 1989. Book 7. Chap. 7. P. 669).

То же отношение к оплате труда девиц легкого поведения, как к вполне естественному (хотя и не слишком нравственному) явлению, сохранилось в обществе позднего Средневековья и раннего Нового времени, о чем свидетельствуют, к примеру, хорошо знакомые нам иконографические сюжеты: соблазнение молодого человека проституткой, обнимающей его одной рукой, а второй открывающей его кошель; корыстная любовь молодой девицы к старику; «портреты» древнегреческой гетеры Лаис Коринфской... (Илл. 13)

Трудно сказать, получал ли Джон Райкнер удовольствие от своих занятий, и уж тем более, раскаивался ли он в содеянном, но в его случае проблеме заработка было уделено центральное место, что также отличает данный казус от других дел о проституции. Судьи обратили на этот аспект деятельности обвиняемого самое пристальное внимание: в своих показаниях (в том виде, в котором они дошли до нас) он говорил *исключительно* о деньгах⁴⁷. Причем – и данное обстоятельство следует особо подчеркнуть – о плате за сексуальные услуги Райкнер упоминал лишь в тех случаях, когда описывал свои контакты с *мужчинами*, перед которыми предстал в образе Элеоноры, т.е. переодевшись женщиной и «превратившись» в проститутку.

Таким образом, перед нами (как, вероятно, и перед лондонскими судьями в 1394 г.) встают два взаимосвязанных вопроса: кем следовало бы считать Джона Райкнера и чем для него являлись занятия проституцией.

* * *

Прежде всего, по всей видимости, стоит задуматься, могли или нет современники нашего героя воспринимать его как гомосексуалиста. Как мы уже успели убедиться, содомия (во всех ее проявлениях) была хорошо известна в средневековой Западной Европе, уже с XIII в. считалась там уголовным преступлением и наказывалась смертной казнью через сожжение⁴⁸. Однако в деле Джона Райкнера мы не найдем ни единого намека на подобное обвинение. С одной стороны, это объясняется тем, что в Англии гомосексуализм вплоть до XVI в. являлся преступлением, подпадавшим исключительно под церковную юрисдикцию, а потому никаких светских постановлений относительно его преследования не существовало⁴⁹. С другой стороны, судьи, собственно, и не могли посчитать арестованного «содомитом», ибо при контактах с женщинами он выступал в своем естественном – мужском – обличье,

⁴⁷ См. прим. 20, 24.

⁴⁸ См. выше: Глава 5.

⁴⁹ Boswell J. Op. cit. P. 292-293; Goodish M. The Unmentionable Vice. P. 77. Следует также отметить, что и в английской церковной практике обвинения в гомосексуализме встречались крайне редко. В частности, от XV в. до нас дошли всего два таких случая: одно было рассмотрено в Лондоне, другое – в Йорке (Wunderli R. London Church Courts and Society on the Eve of the Reformation. Cambridge (Mass.), 1981. P. 83-84; Karras R.M., Boyd D.L. Op. cit. P. 112, n. 4). Архивы лондонских церковных судов от XIV в., к сожалению, не сохранились: Ibid. P. 102.

а при контактах с мужчинами, напротив, весьма успешно притворялся женщиной. Его клиенты даже не подозревали, что их обманывают, и заключали с ним сделку как с настоящей проституткой, о чем свидетельствуют показания Джона Бритби:

В связи с чем этот Джон Бритби сообщил, что он проходил по центральной улице Чипа в воскресенье в упомянутое время. [Там он] встретил Джона Райкнера, одетого как женщина, и, думая, что перед ним женщина, спросил его (как если бы говорил с женщиной), не сможет ли она удовлетворить его сексуальное желание⁵⁰.

Иными словами, многочисленные клиенты нашего героя вовсе не жаждали вступить с ним в гомосексуальную связь⁵¹.

Может быть, как полагали издатели дела Джона Райкнера и практически все специалисты, так или иначе упоминавшие этого персонажа в своих исследованиях, следовало бы назвать его трансвеститом⁵²? Однако в Средние века мужской трансвестизм не имел сексуальных коннотаций и не преследовался судом как преступление. Крайне мало внимания ему уделяли и средневековые богословы. Собственно, рассуждения на эту тему мы можем встретить у одного-единственного автора – Александра Галенского (ок. 1185–1245), английского теолога, учившегося, а затем преподававшего в Парижском университете⁵³. Его главное произведение – *Summa theologica*, более известное как *Summa Alexandri* или *Summa Halensis*, оказало большое влияние на схоластику XIII в.⁵⁴

В этом сочинении Александр в том числе останавливался и на проблеме (предсудительного) переодевания мужчин⁵⁵. Он допускал, что

⁵⁰ “Qui quidem Johannes Britby inde allocutus fatebatur quod ipse per vicum regium de Chepe die dominica inter horas supradictas transiens, dictum Johannem Rykener vestitu muliebr ornatum, ipsumque mulierem fore suspicantem fuerat assecutus, petens ab eo, tanquam a muliere, si cum ea libidinose agere possit” (Boyd D.L., Karras R.M. Op. cit. P. 481).

⁵¹ Догадаться о том, что перед тобой мужчина, а не женщина, при физическом контакте было не всегда просто, учитывая позу, в которой чаще всего должно было (при нежелании проститутки забеременеть) происходить подобное соитие: Rossiaud J. Amours vénales. P. 193-195, 198-199.

⁵² См., к примеру: Karras R.M., Boyd D.L. Op. cit.; Karras R.M. Common Women P. 77; Dinshaw C. Getting Medieval. Sexualities and Communities, Pre- and Post-modern. Durham, 1999. P. 107-108; Normington K. Gender and Medieval Drama Cambridge, 2004. P. 57-59; Beattie C. Gender and Femininity in Medieval England // Writing Medieval History / Ed. by N.L. Partner. L., 2005. P. 153-170.

⁵³ См. о нем: Poirel D. Alexandre de Halès // Dictionnaire des lettres françaises. P. 45-46 Cullen C.M. Alexander of Hales // A Companion to Philosophy in the Middle Ages / Ed. by J.J.E. Gracia and T.B. Noone. Oxford, 2002. P. 104-108.

⁵⁴ *Alexander Halensis. Summa theologica* / Ed. Collegium s. Bonaventurae. Quaracchi 1924-1948. T. 1-4.

⁵⁵ Ibid. T. 3. Lib. II. Pars. II. Quest. III: De ornatu corporis. Cap. II: Utrum peccatum sit viris habere vestimenta muliebria. P. 477-478.

представители сильного пола могут надеть женское платье лишь в двух исключительных ситуациях: если им угрожает опасность и они таким образом пытаются спасти собственную жизнь или если они исполняют обязанности, обычно возлагаемые на женщин⁵⁶. Во всех остальных случаях мужчина, взявший за обыкновение ходить в платье, нарушает Божественные установления и совершает грех⁵⁷. Любопытно, что в подтверждение своих слов автор не привел ни одного – античного или средневекового – примера, хотя подобные истории были вполне на слуху. В частности, Александр мог бы вспомнить римского императора Гая Калигулу (12–41), о манере которого в одежде уподобляться женщине с явным презрением писал Светоний:

Одежда, обувь и остальной его обычный наряд был недостоин не только римлянина и не только гражданина, но и просто мужчины и даже человека. Часто он выходил к народу в цветных, шитых жемчугом накидках, с рукавами и запястьями, иногда в шелках и женских покрывалах, обутый то в сандалии или котурны, то в солдатские сапоги, а то и в женские туфли⁵⁸.

История императора Артавазда (742–743) и жителей Константинополя, напротив, вполне могла послужить для автора *Summa Halensis* примером ситуации, при которой смена одежды с мужской на женскую оказывалась вполне допустимой:

Но в городе терпели сильный голод, и продавалась мера ячменя по двенадцати монет, овощей по девятнадцати, конопля и бобов мера по восьми монет, масла пять литр по монете, шестая мера вина продавалась за полмонеты. Народ стал умирать, и Артавазд принужден был отпускать его из города. Но он приказал замечать лица и тем многих остановил; почему некоторые принуждены были прикрывать свои лица, одевались в женское платье, в монашеский образ, и таким образом могли скрытно уходить⁵⁹.

Не будучи, тем не менее, в состоянии вспомнить ни одного героя прошлого, надевавшего хоть раз женскую одежду, Александр Галенский был вынужден обратиться к истории Деборы, избравшей муж-

⁵⁶ "Nonne legitur de Debbora, quae ivit ad praelium? Et praesumitur quòd in armis militariis, quae ad viros pertinent. Pari ratione, ex causa aliqua posset vir veste muliebri indui, ut si quaereretur ad mortem et per hoc occultaretur, vel si faceret officium quod mulieri competere" (Ibid. P. 477).

⁵⁷ "Ad quod dicendum quod non pertinet ad honestatem viri veste muliebri indui: utrique enim sexui diversa indumenta natura dedit. Unde, si homo uteretur ex consuetudine veste muliebri, nisi in aliquo casu necessitatis, peccaret" (Ibid.).

⁵⁸ Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / Пер. М.Л. Гаспарова. М., 1993. С. 165. Кн. 4. § 52. Сочинение Светония было хорошо известно в средневековой Европе, начиная уже с Эйнхарда: Сидоров А.И. Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. СПб., 2006. С. 60–99.

⁵⁹ Феофан Византиец. Указ. соч. § 306.

ские доспехи ради участия в сражении⁶⁰, несмотря на то, что средневековая иконография библейской пророчицы была крайне бедна и ни на одной из известных миниатюр она не изображалась в мужском облачении⁶¹.

Тем не менее, в отличие от мужского, *женский* трансвестизм довольно часто упоминался в средневековой литературе, прежде всего, в агиографических сочинениях: подобные «казусы» использовались в данном контексте как специфический шаблон для описания поведения героини *in extremis*. В сложных жизненных ситуациях или в ситуациях выбора, когда существовала угроза непорочности или даже жизни той или иной юной особы, переодевание в мужское платье и, как следствие, сокрытие собственной идентичности оказывалось вынужденным, но оправданным шагом⁶². В реальной жизни женский трансвестизм также встречался, однако в основе его лежало отнюдь не желание *скрыть* свою сущность, но, скорее, *открытая* демонстрация нового социального статуса. Так было, к примеру, с Гаитой (Сигельгаитой), супругой Роберта Гвискара, герцога Апулии, Калабрии и Сицилии, наравне с ним участвовавшей в военных операциях; с Изабель де Конш, возглавившей войско своего мужа в его отсутствие; с Жанной д'Арк, ставшей одним из военачальников Карла VII; с Елизаветой I Тюдор, а также со многими другими женщинами-правительницами, присвоившими себе не только эту, сугубо мужскую функцию, но и соответствующие ей атрибуты, в том числе – одеяние, что также, безусловно, как и в случае в Деборой, описанном Александром Галенским, рассматривалось как вполне оправданный, а потому легитимный шаг⁶³.

Возвращаясь к предполагаемому трансвестизму Джона Райкнера, следует отметить, что слабая разработанность проблемы мужского трансвестизма в трудах средневековых авторов находила отражение и в судебной практике. Об этом справедливо напоминает Жак Россьо, ссылаясь на один, весьма похожий на случай Райкнера, процесс, состоявшийся в 1354 г. в Италии⁶⁴. Речь шла о некоем Роландино Ронкайя (*Rolandino Ronchaia*), который проживал в Венеции и, вероятно, вслед-

⁶⁰ См. прим. 56.

⁶¹ Об иконографии Деборы см.: Тогоева О.И. «Портрет» Жанны д'Арк на полях журнала Клемана де Фокамберга // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 2010-2013 / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. Вып. 10. М., 2015. С. 73-94.

⁶² Подробнее см.: Delcourt M. Le complexe de Diane dans l'hagiographie chretienne // Revue de l'histoire des religions. 1958. Т. 153. Р. 1-33; Anson J. The Female Transvestism in Early Monasticism: the Origin and Development of a Motif // Viator. 1974. Т. 5. Р. 1-32; Patlagean E. L'histoire de la femme déguisée en moine et l'évolution de la sainteté féminine à Byzance // Studi medievali. 1976. Ser. 3. V. 17. Fasc. II. Р. 597-623.

⁶³ Подробнее см.: Тогоева О.И. Virgo/Virago: Женщина у власти на средневековом Западе // Власть и образ. Очерки потестарной имагологии / Отв. ред. М.А. Бойцов и Ф.Б. Успенский. М., 2010. С. 256-274.

⁶⁴ Rossiaud J. Amours vénales. Р. 266.

ствие гормонального сбоя в организме, внешне скорее напоминал женщину. Тем не менее, он вырос и изначально осознавал себя именно мужчиной⁶⁵. Несмотря на то, что у него имелась вполне заметная грудь и его отличало совершенно женское поведение в быту, он даже был женат. Впрочем, через какое-то время супруга все же оставила его: как полагали судьи, рассматривавшие позднее его дело, по причине отсутствия у него эрекции. После ее смерти от чумы Роландино уехал в Падую, где жил у родственника и где многие обращали внимание на его абсолютно женскую внешность. В конце концов, один из гостей дома воспользовался этим обстоятельством, и Ронкайя получил первый опыт сексуальных контактов с женщиной. Как следствие, он очень быстро сменил имя, назвался «Роландиной» и под видом женщины вернулся в Венецию, где начал промышлять проституцией около моста Риальто⁶⁶, продавая себя «бесчисленному множеству мужчин». Когда его арестовали, он – как и Джон Райкнер – клялся, что никто из его клиентов даже не подозревал, с кем имеет дело⁶⁷. Более того, он делил кров с несколькими другими проститутками, и эти женщины тоже ни о чем не догадывались. И все же члены трибунала, проявив весьма умеренный интерес к анатомическим особенностям Ронкайя, приговорили его к смерти на костре за многочисленные гомосексуальные контакты, имевшие место как в Венеции, так и в Падуе.

Иными словами, венецианские судебные чиновники середины XIV в., как, вероятно, и их английские коллеги в конце того же столетия, не имели ни малейшего представления о таком явлении, как трансвестизм. Скорее, речь следовало бы вести о гермафродитизме, о котором представители средневековых образованных кругов уже кое-что слышали. О существовании людей «третьего пола» сообщал еще Плиний Старший (22/24–79), относя, правда, ареал их обитания на самые границы позднеантичной ойкумены. В седьмой книге «Естественной истории», прекрасно известной на Западе еще со времен раннего Средневековья, он рассказывал о разнообразных и странных племенах, проживавших где-то в Африке:

⁶⁵ Случай Роландино Ронкайя подробно разобран в: *Ruggiero G. The Boundaries of Eros. P. 136–137, 195.*

⁶⁶ Любопытно отметить, что действовал Роландино в том районе Венеции, который традиционно считался прибежищем отбросов общества; его потенциальными клиентами, очевидно, становились преступники, профессиональные попрошайки и нищие: *Gonthier N. Cris de haine et rites d'unité. La violence dans les villes, XIIIe–XVIe siècle. Montrouge, 1992. P. 102, 192.*

⁶⁷ На допросе Роландино рассказывал, что он «обманывал их следующим образом. Когда [клиент] ложился на него, он прятал, как мог, свой член, а затем брал член [клиента в руки], засовывал его себе в задний проход и оставался в таком положении, пока тот не выпускал в него сперму, доставляя [клиенту] наслаждение, как это делали настоящие проститутки» (цит. по: *Ruggiero G. The Boundaries of Eros. P. 195.*)

Каллифан сообщает, что помимо назамонов и их соседей, андрогинами были и махлии, которые, будучи двойственной природы, вступали в интимные отношения попеременно. Аристотель добавляет, что у них правая грудь была как у мужчины, а левая – как у женщины⁶⁸.

Похожей точки зрения придерживался и Джон Мандевиль, в своих «Путешествиях» (1357–1371 гг.) сообщая о некоем далеком острове как о месте проживания гермафродитов (Илл. 14):

А на другом острове живут люди, которые являются мужчинами и женщинами одновременно. С одной стороны [тела] у них имеется грудь, а с другой [ее] нет. И у них присутствуют как мужские, так и женские гениталии, которыми они пользуются [по очереди] по собственному желанию, один раз – одними, другой раз – другими. И они [могут] зачать ребенка, когда являются мужчинами. Когда же они являются женщинами, они [могут] забеременеть и выносить ребенка⁶⁹.

Впрочем, некоторые западноевропейские врачи эпохи Средневековья признавали существование гермафродитов и среди своих соотечественников, однако настаивали на том, что далеко не всегда подобные «аномалии» под силу исправить хирургическим путем и уже тем более сложно понять, с чем связано их появление⁷⁰. Научные размышления на эту тему появились, насколько можно судить, лишь в XVI в. Так, Иоганн Вейер (1515–1588), обучавшийся медицине в университетах Тулузы и Парижа и состоявший личным врачом при Вильгельме V, герцоге Клевском, в своем сочинении *De prestigiis daemonum* (1563 г.) от-

⁶⁸ Плиний Старший. Естественная история. Книга VII / Пер. и комм. А.А. Павлова // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2009. Вып. 17. С. 211–242, здесь С. 213–214.

⁶⁹ “Et en une autre ylle y a gens qui sont homme et femme ensemble, et ont une mamelle a un coste et point a lautre. Et ont membres de generacion domme et de femme et usent du quel quil leur plaist, une fois de lun et une fois de lautre; et engendrent enfans quant il font oeuvres de masles, et quant ilz font oeuvre de femme ilz concoivent et portent enfans” (Mandeville’s Travels. L., 1953. T. 2. P. 344).

⁷⁰ Jacquart D., Thomasset C. Sexualité et savoir médical au Moyen Âge. P., 1985. P. 195–196, 213. О понимании гермафродитизма в Средние века см. также: Naderman C.J., True J. The Third Sex: The Idea of the Hermaphrodite in 12th Century Europe // Journal of the History of Sexuality. 1996. T. 6. № 4. P. 497–517; Lugt M. van der. L’humanité des monstres et leur accès aux sacrements dans la pensée médiévale // Monstres et imaginaire social: Approches historiques / Ed. par A. Caiozzo, A.E. Demartini. P., 2008. P. 135–162; Metzler I. Hermaphroditism in the Western Middle Ages: Physicians, Lawyers and the Intersexed Person // Bodies of Knowledge: Cultural Interpretations of Illness and Medicine in Medieval Europe. Oxford, 2010. P. 27–39; Greene M.H. Caring for Gendered Bodies // The Oxford Handbook of Women and Gender in Medieval Europe / Ed. by J.M. Bennett, R.M. Karras. Oxford, 2013. Ch. 22.

мечал отдельные случаи превращения женщин в мужчин. По причине тяжелых жизненных обстоятельств, в результате сильных душевных переживаний или физических потрясений (испытанных, в частности, в самом начале менструаций или в первую брачную ночь), писал он, у них могли появиться борода и усы или даже «вырасти» член. И эти изменения были вовсе не следствием дьявольского наваждения, но всего лишь природной аномалией⁷¹.

Как будто в подтверждение рассуждений Иоганна Вейера в 1587 г. в кастильской Оканье состоялся суд над неким Элено де Сеспедесом (*Eleno de Céspedes*), который при ближайшем рассмотрении оказался женщиной по имени Елена⁷². На допросе, проведенном членами местного инквизиционного трибунала, она заявила, что некоторое время назад вышла замуж и родила в браке сына. Однако одновременно с появлением ребенка у нее «родился» и мужской член⁷³, а потому она сменила имя, стала вести совершенно мужской образ жизни, получила профессию хирурга и в конце концов завела новую семью. Супругой Элено стала Мария дель-Каньо, и их брак был заключен в Мадриде и освящен церковью. Не имея возможности осудить Элену как содомитку (поскольку данное преступление не подпадало в Кастилье под юрисдикцию Инквизиции), суд приговорил ее к публичному покаянию и общественным работам за кражу личности, глумление над таинством брака и бигамию. Любопытно, однако, что в свое оправдание Елена, ссылаясь на труды Цицерона и Плиния, утверждала, что ее гермафродитизм – явление совершенно естественное, не противоречащее природе и Божественным установлениям, а потому ничего «дьявольского» и «колдовского» в нем нет:

⁷¹ “Voilà... ce que j’ay bien voulu aleguer, pour prouver que non seulement ceste eschange de sexe est veritable, et apuyé en raisons naturelles, mais aussi que les femmes peuvent estre transmuees en masle” (*Wier J. Histoires, disputes et discours, des illusions et impostures des diables, des magiciens infames, sorcieres etempoisonneurs. P., 1579. P. 439*).

⁷² Подробнее о данном процессе см.: *Burshatin I. Elena alias Eleno: Genders, Sexualities, and Race in the Mirror of Natural History in Sixteenth Century Spain // Gender Reversals and Gender Cultures: Anthropological and Historical Perspectives / Ed. by S.P. Ramet. L.; N.Y., 1996. P. 105-122; Idem. Written on the Body: Slave or Hermaphrodite in 16th Century Spain // Queer Iberia: Sexualities, Cultures, and Crossings from the Middle Ages to the Renaissance / Ed. by J. Blackmore and G. Hutcheson. Durham; L., 1999. P. 420-456. На русском языке см.: Зеленина Г.С. Указ. соч. С. 360-361.*

⁷³ “Quando ésta parió, como tiene dicho, con la fuerça que puso en el parto se le rompió un pellejo que benía sobre el caño de la orina y le salió una cabeza como medio dedo pulgar, que así lo señaló, que parecía en su hechura cabeça de miembro de hombre, el qual quando ésta tenía deseo y alteración natural, le salía como dicho tiene, y quando no estava con alteración se enmustecía y recogía a la parte y seno donde estava antes que se le rompiese el dicho pellejo” (цит. по: *Burshatin I. Elena alias Eleno. P. 111*).

Я не притворялся мужчиной с тем чтобы жениться на женщине, как утверждается, ни с помощью тайного, ни явного сговора с дьяволом. А дело в том, что в этом мире не раз видели людей, которые андрогинны, иными словами – гермафродиты, у которых признаки обоих полов, и я тоже был одним из них, и когда я собирался жениться, то преобладали во мне признаки мужского пола и я был по природе своей мужчиной и обладал всем, что необходимо мужчине, чтобы иметь возможность жениться... Я совершенно естественно был и мужчиной и женщиной, и даже если это представляется редким явлением, гермафродиты, каковым я и являюсь, не противоестественны⁷⁴.

Таким образом, дело Элено де Сеспедеса, как и казус Джона Райкнера, представляло собой совершенно уникальный процесс, в ходе которого судьям пришлось столкнуться с необходимостью, во-первых, рассматривать проблему гермафродитизма, а во-вторых, решать, кто находится перед ними – мужчина или женщина.

Что же касается мужского трансвестизма, то помимо уже упоминавшегося дела Роландино Ронкайя, мне на сегодняшний день удалось обнаружить лишь одну запись, в которой речь бы шла о подобной смене обличья⁷⁵. В регистре заключенных королевской тюрьмы Шатле в Париже, помещенных туда в период с 14 июня 1488 по 31 января 1489 г., сообщалось о неких «монахах», пойманных в таверне, «являющейся местом разврата и превращенной в бордель». Все они предстали перед ночной стражей в женских платьях и головных уборах, т.е. в «одежде, которую им не позволено носить в ущерб собственному одеянию», за что, вероятно, были избиты и помещены под арест⁷⁶. Дальнейшая судьба монахов осталась неизвестной, что роднит их дело с казусом Джона

⁷⁴ "Por que yo con pacto expreso nj tácito del demonio nunca me fingj honbre para casarme con muger como se me pretende imputar. E lo que pasa es que como en este mundo muchas vezes se an vjsto personas que son andróginos, que por otro nonbre se llaman hermafroditos, que tienen entramos sexos, yo tanbién e sido uno de estos. Y al tienpo que me pretendí casar incalecía e prevalescía más en el sexo masculino e natural mente era honbre e tenja todo lo necessario de honbre para poderme casar... yo natural mente e sido honbre y muger, y aunque esto sea cosa prodigiosa y rrara que pocas veces se ve, pero no son contra naturaleza los hermafroditos como yo lo e sido" (цит. по: Ibid. P. 112-113, перевод Г.С. Зелениной).

⁷⁵ В недавнем обобщающем труде по истории сексуальных преступлений и наказаний, полагавшихся за них, в разделе о мужчинах, переодетых женщинами-проститутками, по-прежнему приводятся лишь два случая из средневековой судебной практики: дела Джона Райкнера и Роландино Ронкайя: Berkowitz E. Sex and Punishment. Four Thousand Years of Judging Desire. Berkley, 2012. P. 165-167.

⁷⁶ "En une taverne... qui est lieu dissolu et ou l'en fait bordeau, lesquelz religieulx estoient vestus de robbes, chappeaulx et cornettes quy est habit qu'ils ne doivent porter pour laissier l'abit de leur ordre et estoient embastonnées d'espees et de dagues" (Gauvard C., Rouse M. et R., Soman A. Op. cit. P. 584, n. 54).

Райкнера, хотя они, в отличие от него, и не скрывали свою половую принадлежность. С этой точки зрения, Роландино Ронкайя оказывался, безусловно, ближе к нашему главному герою, хотя у последнего явно не возникало никаких сложностей с потенцией, да и выглядел он в обычной жизни как нормальный мужчина: не случайно у него помимо клиентов-мужчин имелись и многочисленные любовницы.

Иными словами, проблемами психического и физического здоровья периодические превращения Джона в Элеонору не могут быть объяснены. А потому «обвинение» в трансвестизме мы вынуждены с него снять, несмотря на утверждения современных исследователей, видящих в данном казусе пример «смещения гендерных ролей» (*gender transgression*)⁷⁷: думается, что понятие «гендер» еще не было знакомо европейским обывателям конца XIV века.

Следует, скорее, предположить, что Джон Райкнер был бисексуалом, ибо легко вступал в интимные отношения как с мужчинами, так и с женщинами. Но и этого понятия – «бисексуальность» – люди Средневековья, похоже, не знали⁷⁸. Вот почему данное дело повергло лондонских судей в такое замешательство. Не думаю, что они специально постановили не фиксировать в письменном виде приговор, вынесенный Райкнеру, как полагают издатели документа⁷⁹. На мой взгляд, они просто не знали, как его сформулировать, – и, вполне возможно, просто решили отпустить обвиняемого на свободу, как, вероятно, поступили веком позже и их парижские коллеги в случае с монахами, перелетыми женщинами⁸⁰.

Безусловно, средневековые теологи (пусть их было и немного) осуждали мужской трансвестизм, но средневековые судьи пока еще не начали бороться с ним как с явлением, угрожающим устоям общества. Да, они преследовали в уголовном порядке проституток и содомитов. Но их представления о разнообразии продажной любви кардинально отличались от наших. И кое-каких ее проявлений для них тогда еще просто не существовало⁸¹.

Что же касается самого Джона Райкнера, то для него занятия проституцией были не просто забавой или приятным времяпрепровождением: они стали его профессией – и формой его повседневной жизни.

⁷⁷ Karras R.M., Boyd D.L. Op. cit. P. 102.

⁷⁸ Ibid. P. 103.

⁷⁹ Boyd D.L., Karras R.M. Op. cit. P. 460.

⁸⁰ На такое предположение наводит, по мнению исследователей, сама форма записей в регистре Шатле: Gauvard C., Rouse M. et R., Soman A. Op. cit. Косвенно о существовании для Джона Райкнера возможности выйти на свободу сразу же после ареста свидетельствует тот факт, что в конце XV в. 80% всех дел о проституции, рассматриваемых в судах Лондона, оставались без наказания: Rossiaud J. Amours vénales. P. 77.

⁸¹ Об этом, в частности, свидетельствует наблюдение Рут Каррас, не обнаружившей в английских средневековых судебных архивах более ни одного дела о мужской проституции: Karras R.M. Common Women. P. 144, n. 3.

На протяжении определенного времени он вполне сознательно овладевал этим ремеслом (не случайно в его показаниях присутствовал рассказ о двух его приятельницах, научивших его притворяться женщиной и завлекать мужчин). Он имел собственный круг клиентов, и временные «подработки» в качестве вышивальщицы или буфетчика не отрывали его от основного занятия, которое, собственно, и являлось главным источником его доходов⁸². Он даже выбрал для себя «профессиональное» имя – как делали многие средневековые проститутки⁸³. Кроме того, он, безусловно, четко разграничивал «работу» и личную жизнь, в которой всегда оставался полноценным мужчиной и вступал в любовные отношения исключительно с женщинами.

И с этой точки зрения, Джон Райкнер в какой-то степени напоминает мне Невилла Сент-Клера, главного героя рассказа Артура Конана Дойла «Человек с рассеченной губой» (1891 г.), который, будучи благополучным и достойным членом общества, зарабатывал на жизнь, переодеваясь в нищего и прося подавание в том самом лондонском Сити, где пятью веками ранее действовала «Элеонора»:

Теперь вообразите себе, легко ли работать за два фунта в неделю, когда знаешь, что эти два фунта ты можешь получить в один день, выпачкав себе лицо, положив кепку на землю и ровно ничего не делая? Долго длилась борьба между моей гордостью в стремлении к наживе, но страсть к деньгам в конце концов победила. Я бросил работу и стал все дни проводить на давно облюбованном мною углу, вызывая жалость своим уродливым видом и набивая карманы медяками⁸⁴.

Господин Сент-Клер четко различал две стороны своей жизни, каждое утро превращаясь в профессионального нищего Хью Буна и каждый вечер спеша домой, к поджидавшей его жене. Но, как и Джон Райкнер, он столь же мало мог рассчитывать на понимание окружающих...

⁸² В качестве «подработки» Джон Райкнер назвал «классическое» для средневековых проституток занятие – текстильное ремесло: *Geremek B. Op. cit. P. 263, 277; Goldberg P.J.P. Women in Fifteenth-Century Town Life // Towns and Townpeople in the Fifteenth Century / Ed. by J.A.F. Thompson. Gloucester, 1988. P. 107-128, здесь P. 118; Karras R.M. Common Women. P. 54.*

⁸³ *Rossiaud J. Amours vénales. P. 161.*

⁸⁴ *Дойл А.К. Человек с рассеченной губой / Пер. М. и Н. Чуковских // Дойл А.К. Записки о Шерлоке Холмсе. Кишенев, 1957. С. 123-148, здесь С. 146.*

Илл. 1 – Адюльтер Эльфгивы. Ковер из Байё (фрагмент). Ок. 1080 г.

Илл. 2 – Наказание за адюльтер (?). Джотто. Страшный суд (фрагмент). 1305 г.

Илл. 3 – Наказание за адюльтер «бегом». «Кутюмы Ажена» (Agen, Arch. dép., Ms. 42, fol. 40v). Ажен, сер. XIII в.

Илл. 4 – Наказание за адюльтер «бегом». «Кутюмы Тулузы» (BNF. Ms. lat. 9187, fol. 30v). Тулуза, 1292-1297 гг.

Илл. 5 – *Azouade*. Рисунок Кастенга де Рокфора. Газета L'illustration (Гасконь, Франция) 7 августа 1847 г.

Илл. 6 – Шаривари. Миниатюра из: *Mamerot S. Les passages d'Outremer faits par le Français contre les Turcs depuis Charlemagne jusqu'en 1462* (BNF. Ms. fr. 5594, fol. 193v) Брюгге, 1474-1475 гг.

Илл. 7 – Расправа над Андроником I Комнином. Миниатюра из: *Boccace. Des cas des nobles hommes et femmes* (München, Bayerische Staatsbibliothek. Cod. Gall. 6, fol. 328). Тип, 1460-1465 гг.

Илл. 8 – Священник на осле. Миниатюра из: *Le Livre de Lancelot du Lac* (Yale University, Beinecke Rare Book and Manuscript Library. Ms. 229, fol. 104v). Северная Франция, кон. XIII в.

Илл. 9 – Грех разврата (*luxuria*). Иероним Босх. Семь смертных грехов (фрагмент). 1475-1480 гг.

Илл. 12 – Публичный дом. Миниатюра из: *Valerius Maximus. Facta et dicta memorabilia* (BNF. Ms. fr. 289, fol. 414v). Брюгге, 1475-1480 гг.

Илл. 13 – Юноша и проститутка. Раскрашенная гравюра на дереве, Германия, XV в.

Илл. 14 – Гермафродиты. Гравюра на дереве к «Путешествиям сэра Джона Мандевиля», 1598-1600 гг.

ГЛАВА 7

История о том, как поссорились Колеетт Ла Бюкет и Жан Ле Мерсье

Вернемся, однако, в Париж. Здесь в конце XIV в. проституция цвела не менее пышным цветом, нежели в Лондоне. Девиц легкого поведения, конечно, пытались периодически удалять из столицы Французского королевства, но подобные меры мало на что влияли. Ордонанс 1254 г. Людовика IX Святого, согласно которому публичных женщин (*publice meretrices*) следовало изгонять из всех городов королевства, а их имущество конфисковывать, вплоть до одежды, оказался совершенно неэффективным¹. Его пришлось не просто повторить в 1256 г., но и внести в него некоторые уточнения: отныне проституткам не просто запрещалось пребывать в городе, но предписывалось держаться хотя бы подальше от его центральных улиц и «святых мест» (церквей и кладбищ). Любой, кто принимал у себя дома подобных особ или осмеливался сдавать им жилье, приговаривался к уплате крупного штрафа². Аналогичное решение проблемы предлагалось и в ордонансе 1269 г.³, а затем неоднократно воспроизводилось вплоть до конца XIV в.: в 1381 г., к примеру, в указе Карла VI ордонанс Людовика Святого оказался повторен слово в слово⁴.

Регулярные призывы королевской администрации покончить раз и навсегда с городской проституцией, впрочем, ни к каким результатам не привели. Конечно, в регистрах парижских (особенно церковных) судов XIII–XIV вв. мы можем отыскать некоторое количество дел, в

¹ “Expellantur autem publice meretrices, tam de campis quam de villis, et factis monitionibus, seu profectionibus, bona earum per locorum iudices capiantur, vel eorum auctoritate a quolibet occupentur, etiam usque ad tunicam vel ad pellicium. Qui vero domum publice meretrici locaverit scienter, volumus quod ipsa domus incidat Domino a quo tenebitur, in commissum” (Ordonnances des roys de France. T. 1. P. 74).

² “Item que toutes folles femmes, et ribaudes communes soient boutées et mises hors de toutes nos bonnes Citez et Villes, especiallement qu’elles soient boutées hors des ruës qui sont en cuer des dites bonnes Villes, et mises hors des murs, et loing de tous lieux Saints, comme Eglises et Cimetieres. Et quiconque loëra maison nulle esdites Citez et bonnes Villes, et lieux à ce non establis, à folles fammes communes, ou les recevra en sa maison, il rendra et payera aux establis à ce garder de par nous, le loyer de la maison d’un an” (Ibid. P. 79).

³ Ibid. P. 105.

⁴ Ibid. T. 6. P. 611. Подробнее о королевском законодательстве по вопросу проституции см.: Rossiaud J. La prostitution médiévale. P. 67-68.

которых упоминалось клеймение каленым железом и выставление к позорному столбу тех «похотливых особ» (*folles femmes*), которые, презрев постановления, возвращались в столицу и ее окрестности и продолжали заниматься своим ремеслом⁵. Тем не менее, когда в 1387 г. настоятель церкви Сен-Мерри в Париже обратился в суд с требованием запретить проституткам промышлять на соседней со святым местом улице Байо (*Baillehoë*), жители квартала возмутились и опротестовали данную жалобу в Парижском парламенте. От имени обитательниц местных борделей выступил их адвокат, мэтр Жаке дю Бург (*Jacquet du Bourg*), который сослался на постановление прево Парижа Гуго Обрио (ок. 1320–1382), гласившее, что данный район был официально закреплен за девицами легкого поведения и прогнать их оттуда никто не имеет права⁶. Похожая ситуация наблюдалась и в середине XV в. По сообщению Парижского горожанина, «потаскух» (*femmes folieuses*) в это время поддерживал сам королевский прево Амбруаз де Лоре (ок. 1395–1446): среди них он нашел себе «трех или четырех конкубин», с которыми сожительствовал, несмотря на наличие законной супруги⁷.

Самое большее, чего удалось добиться столичным властям, – это ограничить места проживания проституток и их сутенеров отдаленными районами города и официально узаконить публичные дома, которые с наступлением ночи обязаны были закрывать для посетителей двери⁸. В постановлении Гуго Обрио от 1367 г. называлось семь таких кварталов, в основном располагавшихся на правом берегу Сены, где традиционно селились торговцы, а также на острове Сите⁹. К этому времени прошло уже достаточно лет после скандала с участием Мориса де Сулли, епископа Парижского, и теперь проституция воспринималась окружающими как своеобразное, но все же ремесло (*ministerium, mestier*)¹⁰.

⁵ Registre criminel de Sainte-Geneviève, 1282 r.: “En ce meisme an, Hauys de Dammartin, Marote de Chartres, Catelot du Port Saint Landry, Bietris de Prouvins, et Agnès d’Abbeville, toutes famés de chans, furent conjurées, sus poine d’estre brüllées, de la terre” (*Tanon L.* Op. cit. P. 347). Registre criminel de Saint-Germain-des-Prés, 1310 r.: “Item, l’an mil cccx, furent prises trois femmes, oudit pré, qui, pour leur mauvaïse vie, avoient esté plusieurs fois conjoïées de la terre Saint Germain. Et furent à Saint Germain, et brûlées audit pillory” (*Ibid.* P. 433).

⁶ Recueil de différentes pièces concernant la Police (1263-1467) // BNF. Ms. fr. 8064. Fol. 209. Подробнее об этом деле см.: *Geremek B.* Op. cit. P. 259-260, 280.

⁷ “On disait pour vrai qu’il avoit 3 ou 4 concubines qui étaient droites communes, et supportait partout les femmes folieuses, dont trop y avoit à Paris pas sa lâchete, et acquit une très mauvaise renommée de tout le peuple, car à peine pouvait-on avoir droit des folles femmes de Paris, tant les supportait, et leurs maquerelles” (*Journal d’un bourgeois de Paris.* P. 433).

⁸ *Rossiaud J.* La prostitution médiévale. P. 12-14, 82-171; *Idem.* Amours vénales. P. 90, 134-139.

⁹ *Favier J.* Paris au XVe siècle, 1380-1500. P., 1974. P. 80-81.

¹⁰ *Rossiaud J.* Amours vénales. P. 41.

В эту «профессиональную» группу женщины попадали различными путями. «Распутный» образ жизни молодая девушка могла начать вести из-за собственной бедности, в результате продажи сутенеру (или сводне) матью или иной близкой родственницей¹¹; часто подобное ремесло передавалось также «по наследству»¹². Однако наибольший процент девиц легкого поведения составляли те, кто в юности лишился невинности (или же был изнасилован) и утратил таким образом надежду на замужество и создание семьи¹³. Как и Джон Райкнер, на жизнь эти женщины зарабатывали собственным телом, поступая в публичные дома или приобретая личных сутенеров. Они также могли «официально» наняться на должность горничной или служанки в городские таверны или бани, которые на поверку часто оказывались ничем иным как борделями (*bordiaus*). Именно так полагал Этьен Буало, при составлении своей «Книги ремесел» (1260-е гг.) специально оговаривая, что парижане не должны принимать проституток ни у себя дома, ни в мастерских¹⁴. А неизвестный автор *Le Mesnagier de Paris* (ок. 1370 г.) писал, что любая женщина, посещающая кабаки, превращается в «потаскуху» (*ribaude*), поскольку таверна – это «церковь дьявола, где собираются его ученики и где он вершит свои чудеса»¹⁵.

И все же надежды на лучшее будущее не покидали девиц легкого поведения. Причем далеко не всегда, как выясняется при ближайшем

¹¹ Так, в 1403 г. Парижский парламент приговорил к изгнанию из города некую Маргариту де Богуон, «проживавшую в доме [недавно] скончавшегося господина Жана де Пупенкура, первого президента [парламента]» (*demourante en l'ostel de feu mes. Jehan de Poupaincourt, jadis premier president de ceans*). Она была признана виновной в том, что сделала проституткой племянницу мэтра, Жанетт де Эно (ANF. X 2a 14, fol. 123v, juin 1403).

¹² В отдельных случаях проституткой могла стать и вполне уважаемая особа. В 1374 г. королевская канцелярия выдала письмо о помиловании просительнице, обвинявшейся в краже вина. В свое оправдание та заявляла, что к воровству ее вынудили тяжелые условия жизни: она покинула собственного мужа, «соблазненная дурными женщинами и своднями» (*est esté seduite par mauvaises femmes aussi comme maquerelles de lesser la compaignie de son mary*), и с тех пор сильно нуждалась (ANF. JJ 106. № 377, а. 1374).

¹³ Согласно подсчетам Жака Россьо и Жака Шиффоло, в Дижоне и Авиньоне половина местных проституток изначально являлись жертвами изнасилования: *Rossiaud J. La prostitution médiévale*. P. 46-47, 244; *Chiffolleau J. Les justices du pape. Délinquance et criminalité dans la région d'Avignon au XIVe siècle*. P., 1984. P. 186-188.

¹⁴ «Item, que nuls ne nule du dit mestier ne soustiengne en leurs mesons ou estuves, bordiaus de jour ne de nuit, mesiaus ne meseles reveurs, ne autres genz diffamez de nuit» (*Le Livre des métiers d'Etienne Boileau / Publ. par R. de Lespinasse et Fr. Bonnardot*. P., 1879 (2Genève, 1980). P. 154).

¹⁵ «Certes, telle gloutonnie met femme a honte, car elle en devient ribaude, gouliarde et larronnesse. La taverne si est le moustier au Deable ou ses disciples vont pour le servir et ou il fait ses miracles» (*Le Mesnagier de Paris / Texte édité par G.E. Brereton et J.M. Ferrier*. P., 1994. P. 104).

рассмотрении, они оказывались связаны с идеей удачного замужества. Напротив, даже обретя новый для себя социальный статус «достойной дамы», многие проститутки не оставляли привычного ремесла и продолжали зарабатывать им на жизнь¹⁶. Таким образом, главным для них оставалось *материальное* благополучие, и пути его достижения могли оказаться самыми неожиданными и не всегда законными.

* * *

Об одном таком случае, приведшем в результате к судебному расследованию, и пойдет теперь речь. Материалы данного дела сохранились в уже неоднократно упоминавшемся «Уголовном регистре Шатле» – сборнике дел, рассмотренных королевским прево Парижа в 1389–1392 гг. Его автор, секретарь суда Алом Кашмаре, как отмечали все без исключения исследователи¹⁷, основное внимание уделил тем процессам, которые были посвящены действительно серьезным правонарушениям и за которые полагалась смертная казнь: избиениям и убийствам, воровству, политическим изменам, подделке монеты, преступлениям сексуального характера, колдовству¹⁸. Однако некоторые записи выпадали из общей направленности регистра, поскольку касались вроде бы весьма незначительных происшествий.

Именно к этой категории, как кажется на первый взгляд, относилось и дело Колетт Ла Бюкет (*Colette La Buquette*) 1391 г. Эта молодая женщина, служившая горничной (*chamberiere*) на одном из парижских постоянных дворов, обвинялась в довольно странном правонарушении – в оскорблении (*blasme et diffame*) высокопоставленного чиновника¹⁹. Потерпевший – Жан Ле Мерсье († 1397), сеньор де Нувийон и де Фонтене – был доверенным лицом Карла V, а затем и его сына. Он входил в придворную партию «мармузетов» (*Marmousets*), фактически управлявших Францией в 1388–

¹⁶ Данную тенденцию подтверждал, в частности, указ парижского прево от 1427 г., в котором высказывалась озабоченность таким положением дел и в очередной раз запрещалось женщинам легкого поведения носить богатую одежду и украшения как неподобающие их статусу: “Et qui pis est chascune d’icelles femmes sont mariées ou se marient à aucuns compaignons de petit estat pour avoir couleur et auctorité de porter les estats dessusd. nonobstant quelle vivent dissoluement et oud. peschie e tordure, qui est au grant prejudice de justice et des dites ordonnances” (*Libre noire* vieil du Châtelet, цит. по: Geremek B. Op. cit. P. 287, n. 117).

¹⁷ Geremek B. Op. cit. P. 66-67; Gauvard C. La justice pénale du roi de France à la fin du Moyen Âge // Le pénal dans tous ses états. Justice, Etats et sociétés en Europe (XIIe-XXe siècles) / Sous le dir. de X. Rousseaux et R. Levy. Bruxelles, 1997. P. 81-112; Тогоева О.И. «Истинная правда». С. 6-9, 17-18, 244-246.

¹⁸ В регистре оказались собраны материалы 107 уголовных дел, по которым приговоры вынесли 124 обвиняемым. Из них 77 человек были осуждены за воровство, 16 – за политические преступления, 6 – за сексуальные преступления, 6 – за избиения, по 4 человека – за убийство и колдовство. 79 % рассмотренных дел закончились вынесением смертного приговора.

¹⁹ Registre criminel du Châtelet de Paris. T. 2. P. 119-130.

1392 гг.²⁰, и отвечал за королевские финансы. В 1391 г. Ле Мерсье являлся одним из четырех ближайших советников Карла VI, а также состоял в должности главного распорядителя его двора (*maître d'hôtel du roi*)²¹. Иными словами, в возникшем судебном споре Колетт Ла Бюкет столкнулась с исключительно могущественным и состоятельным противником. Его высокое общественное положение, казалось бы, могло полностью объяснить, почему данный процесс оказался упомянут в «Регистре Шатле». Однако, более внимательное изучение судебных архивов показывает, что дело заключалось не только в этом.

Случаев преследования за словесные оскорбления королевских чиновников парижские уголовные регистры сохранили крайне мало. Собственно, в 1391 г. еще не существовало никакой законодательной базы, которая определяла бы суть данного проступка и меру наказания за него. Первый ордонанс такого рода был опубликован в 1348 г., но касался он исключительно богохульства, т.е. словесных оскорблений Господа, Девы Марии и святых²². Однако конкретных уголовных дел второй половины XV в. с соответствующим составом преступления в нашем распоряжении находится также очень немного²³. Что же касается частных лиц, то здесь первым стало постановление парижского прево от 14 сентября 1395 г., налагавшее запрет на любые негативные высказывания в адрес короля и его приближенных (*nosseigneurs de France*)²⁴. По-видимому, именно этим указом и следует датировать официальное начало преследования в судебном порядке людей, оскорблявших словом королевских чиновников²⁵.

²⁰ Henneman J.B. Who were the Marmousets? // *Medieval Prosopography*. 1984. Vol. 5. P. 19-63; Autrand F. Charles VI: La folie du roi. P., 1986. P. 120-136.

²¹ Favier J. Dictionnaire de la France médiévale. P., 1993. P. 566-567; Rey M. Le domaine du roi et les finances extraordinaires sous Charles VI, 1388-1413. P., 1965. P. 135-136, 166-167, 175-176.

²² "Plusieurs de nostre Royaume, ou autres conversans et habitans en iceluy, et non ayant Dieu avec euls..., ont dit par plusieurs foiz et dient par chascun jour plusieurs paroles injurieuses et blasphemes de Dieu nostre Createur, et de la glorieuse Vierge Marie sa mere, et de tous Saints et Saintes, et jurent vilains serments" (Ordonnances des roys de France. T. 2. P. 282-283). Тот же указ был повторен слово в слово в 1397 г.: Ibid. T. 8. P. 130-131.

²³ Подробнее см.: Gauvard C. "De grace especial". P. 806-813.

²⁴ "Faiseurs de diz et de chançons et à tous autres menestrels de bouche et recordeurs de diz [de faire] aucuns diz, rimes ne chançons" (Livre rouge vieil du Châtelet, цит. по: Hoareau-Dodinau J. Les injures au roi dans les lettres de rémission // La faute, la répression et le pardon. Actes du 107e congrès national des sociétés savantes, Brest, 1982. Section de philologie et d'histoire jusqu'à 1610. P., 1984. T. 1. P. 223-240, здесь P. 224).

²⁵ Как отмечала Франсуаза Отран, анализирувавшая с той же точки зрения регистры гражданских дел Парижского парламента, количество судебных исков, в которых в принципе упоминались королевские чиновники, существенно возросло в 1388-1413 гг. по сравнению с предшествующим периодом: Autrand F. Offices et officiers royaux en France sous Charles VI // RH. 1969. T. 242 (2). P. 285-338, здесь P. 291. Тем не менее, и в этих материалах она смогла найти всего одно дело о словесных оскорблениях: оно рассматривалось в парламенте в 1364-1368 гг. и касалось спора между чиновниками епископа Шартрского и городским прево (Ibid. P. 299-307).

За вторую половину XIV–начало XV в., кроме процесса Колетт Ла Бюкет, мне удалось найти всего три похожих дела. Так, в 1354 г. в Парижский парламент была подана жалоба на королевского советника, который позволил себе «недостойно» отозваться об одном из парламентских распоряжений. Истцы, которые также являлись членами парламента, требовали от него принесения извинений и публичного покаяния (*publica emende*). Тем не менее, поскольку следствие в действиях обвиняемого никакого состава преступления не выявило, иск оказался отклонен, а советник – восстановлен в своей должности²⁶. В 1378 г. похожий процесс был возбужден по требованию королевского сержанта Шатийона, которого публично оскорбил арестованный им человек. В качестве возмещения ущерба истец также требовал публичного покаяния, принесенного не только в Париже, но и в других городах (Шато-Тьерри, Шатийоне и Эперне), а также уплаты штрафа в 6 тысяч ливров и выставления преступника к позорному столбу на три дня в столице королевства²⁷. Наконец, в 1406 г. две жительницы Пузожа (Путу) были арестованы и осуждены за то, что оклеветали королевского сержанта в бальеже Турени. По причине их бедности штраф в размере 20 ливров с каждой решили не назначать, но обе они должны были «в праздник или в рыночный день» простоять сутки у позорного столба (*in pillorio*) в Париже и в своем родном городе²⁸.

Материалы писем о помиловании также свидетельствуют, что реальные процессы об оскорблении чиновников любого ранга возникали редко и зачастую оканчивались прощением обвиняемых. В специальной работе, посвященной данному сюжету, Жаклин Оаро-Додино приводила всего три документа, авторы которых высказывались негативно о плохих и лживых советниках короля (*mal conseillés, faulusement et mauvaisement conseillie*), которые не управляли бы страной, если бы подданные оказались поумнее (*se nous estions saiges..., ceux qui nous gouvernent ne nous gouverneroient pas*)²⁹. Исследовательница обращала также внимание на тот факт, что чаще всего ни судьи парламента, ни сотрудники королевской канцелярии не считали необходимым уточнить, какие именно обидные слова были произнесены в адрес того или иного представителя власти³⁰.

На этом фоне процесс Колетт Ла Бюкет выглядит редким, а потому интересным для нас казусом. И интерес этот связан не только с личностью потерпевшего – Жана Ле Мерсье, но и с непосредственным содержанием оскорблений, которые нанесла ему наша героиня. Ибо речь

²⁶ ANF. X 2a 6, fol. 146v-147v (novembre 1353).

²⁷ ANF. X 2a 9, fol. 128-128v (juillet 1378). К сожалению, чем закончился этот процесс, мы не знаем, поскольку в записи указано лишь, что дело будет продолжено.

²⁸ ANF. X 2a 15, fol. 122-122v (mai 1406).

²⁹ ANF. JJ 86. № 446 (octobre 1358); JJ 123. № 59 (juillet 1383); JJ 170. № 106 (janvier 1418). Анализ этих писем о помиловании см. в: Hoareau-Dodinau J. Les injures au roi. P. 225-226.

³⁰ Ibid. P. 224.

в данном случае шла не просто о «недостойных словах», подробно зафиксированных в регистре Алома Кашмаре, но о форменном скандале, который учинила обвиняемая и который самым непосредственным образом оказался связан с личной жизнью и нравственным обликом финансового советника Карла VI.

* * *

Первое слушание по делу Колетт состоялось 26 июня 1391 г. Как сообщалось, арестована она была за то, что явилась в дом Жана Ле Мерсье в сопровождении мальчика «примерно семи лет», которого объявила сыном этого высокопоставленного чиновника. А поскольку слуги сеньора прогнали ее со двора, женщина прицепила ребенку на рукав записку: «Это – сын мессира Жана Ле Мерсье, сира де Нувийона», заставив в таком виде прогуливаться по улице, на которой проживал потерпевший, дабы «оскорбить его и выставить на посмешище»³¹.

На допросе, состоявшемся в тот же день, Колетт чистосердечно призналась в своем предосудительном поступке, уточнив, что приехала в Париж всего несколько дней назад, дабы представить отцу их общего сына и попросить денег на его «пропитание и воспитание»³². Она смогла встретиться с Жаном Ремуаром, «священником, родственником и слугой» (*prestre, familier et serviteur*) Жана Ле Мерсье, и поведала ему свою историю, надеясь на помощь и утверждая, что семь лет назад, будучи проездом в ее родном Кодебеке (Нормандия), сеньор де Нувийон изнасиловал ее и лишил девственности. Она забеременела, и у нее родился мальчик³³. На его содержание она никогда не получала от предполагаемого отца никаких денег или иной помощи, но продолжала все это время жить со своими родителями, для которых являлась источником позора³⁴.

³¹ “Elle est alée en l’ostel de monseigneur Jehan Le Mercier..., illec a mené un sien petit filz et dit et provulgué publiquement que icellui enfant estoit filz dudit seigneur de Novion. Et de fait, pour ce que les gens dudit seigneur de Novion avoient dit et deffendu à icelle prisonniere que doresenavant ne venist en l’ostel dudit sire de Nouvion, et par manière de desrision, et pour faire blasme et diffame audit sire de Nouvion, avoit mis sur le bras dudit enfant un rolle ou escriptiau ouquel avoit escript: ‘Cest enfant est filz messire Jehan Le Mercier, sire de Novion. Et icellui rolle ou escripteau avoit cousu à la manche et sur le bras dudit enfant’ (Registre criminel du Châtelet de Paris. T. 2. P. 119-120, курсив мой – О.Т.).

³² “Elle s’est mise à chemin pour venir à Paris, dire et monstres audit sire de Nouvion la manière comment elle avoit de lui eu et conseu ledit enfant, afin qu’il feist aucun bien à elle qui parle, et le aydast à nourrir et gouverner, et sondit filz aussi, pour ce que lors elle n’avoit denier ne maille pour soy vivre” (Ibid. P. 120).

³³ “Comme environ sept an a, elle avoit esté despucelée en ladite ville de Caudebec... par ledit mons. de Nouvion, duquel lors elle concepit le filz que elle lui monstra” (Ibid. P. 120-121).

³⁴ “Oncques de lui, ne de par lui, elle n’avoit aucunement, ne autrement que dit est, esté recompensée, ne lui fait ou faire faire aucun bien quelconques, par quelque voye ou manière que ce fust; depuis le quel temps jusques ad present elle s’est vescu et gouvernée avec ses père et mère, lesquieulx de ce l’ont moult de fois blasmée” (Ibid. P. 122).

Жан де Фольвиль, прево Парижа в 1389–1401 гг. и преданный сторонник партии «мармузетов»³⁵, лично рассматривавший дело Колетт Ла Бюкет в Шатле, не был, похоже, удовлетворен показаниями обвиняемой и поручил двум своим помощникам расспросить о происшествии самого Жана Ле Мерсье. Впрочем, учитывая статус потерпевшего, в суд его никто не вызывал: лейтенант прево Жан Трюкан и адвокат Мартин Дубль отправились к нему домой, где и состоялся их разговор³⁶. Королевский советник охотно признал, что «восемь или девять лет назад» действительно останавливался в Кодебеке. А поскольку в то время он являлся вдовцом и только собирался вступить в повторный брак, он позволил себе провести ночь с горничной, служившей на том постоялом дворе, где он расположился. С тех пор он ее не видел и не посещал этот город, хотя регулярно по поручению Карла VI наведывался в Нормандию³⁷.

Вместе с тем Жан Ле Мерсье поклялся, что если бы узнал о существовании у него сына раньше, он не только признал бы его, но и полностью его обеспечил, «даже если бы это стоило 200 ливров ренты»³⁸. Однако, учитывая нанесенное ему публичное оскорбление, а также бедность Колетт, очевидным образом желавшей пожить за его счет, он отказался признать ее ребенка своим: ведь она ни разу за семь лет не сообщила ему о появлении у него сына³⁹. А потому господин Ле

³⁵ Favier J. Dictionnaire de la France médiévale. P. 425.

³⁶ “Et, ce fait, par ledit mons. le prévost fu commandé et dit à honorables hommes et saiges maistre Jehan Truquan, lieutenant dudit mons. le prévost, et Martin Double, advocat du roy en Chastellet, que ilz alassent par devers ledit sire de Nouvion, le examinaient sur ce” (Registre criminel du Châtelet de Paris. T. 2. P. 122-123).

³⁷ “Il est record que environ viij ou ix ans, et au-devant du mariage de madame sa femme qu’il a ad present, il fu en icelle ville de Caudebec, logié en l’ostel... et est assez record que lors et en son vesve il ot compaignie charnele une fois seulement à une jeune fille, lors chamberiere et demourant en icellui hostel; mais depuis n’ot compaignie à elle, ne ne fu logié en icelle ville de Caudebec... passés sont sept ans et plus” (Ibid. P. 123-124). У Жана Ле Мерсье было всего две супруги: первая – Жанна де Сен-Дидье, вторая – Жанна де Вандом. Однако, сказать, когда именно были заключены эти браки, не представляется возможным: Ibid. P. 123, n. 2.

³⁸ “Dit avec ce qu’il vouldroit qu’il lui eust cousté deux cens livres de rente, et il feust advertenest que le filz d’icelle femme feust sien... et volentiers prenist à soy et gouvernast icellui enfant” (Ibid. P. 124). Выражение *livre de rente* означало площадь земельного надела, с которого можно было получить ренту размером в один ливр: Greimas A.-J. Dictionnaire de l’ancien français jusqu’au milieu du XIVe siècle. P., 1988. P. 368. Таким образом, Жан Ле Мерсье говорил о денежной помощи Колетт в размере 200 ливров в год, что являлось по тем временам огромной суммой.

³⁹ “Mais pour l’injure faite à sa personne et diffame, veu l’estat de sa personne contre celui de ladite femme, qui estoit et est meue de convoitise, attendu sa povreté, et qu’il n’est pas à croire ne presumer que ledit enfant eust esté sien, que elle eust icellui gardé jusques ad present, sanz lui en avoir fait aucune chose savoir” (Ibid.).

Мерсье потребовал от суда наказать обидчицу так, как полагается в делах о диффамации⁴⁰.

Показания у королевского советника были получены 28 июня 1391 г., и в тот же день следствие в Шатле возобновилось. Колетт Ла Бюкет вызвали на повторный допрос и потребовали рассказать всю правду об отношениях с Жаном Ле Мерсье, угрожая в случае отказа применить к ней пытку⁴¹.

Молодая женщина запирается не стала, но ее новые показания существенно отличались от первой версии рассказанной ею истории. На сей раз она сообщила, что на постоянный двор, где разворачивались все последующие события, она заглядывала очень часто, «чтобы позабавиться с другими девушками и горничными», поскольку таверна располагался рядом с домом ее родителей в Кодебеке⁴². Однажды вечером она повстречалась там с сиром де Нувийоном и по собственной воле отправилась в его комнату, где он «схватил ее, повалил на постель и овладел ею»⁴³. Колетт настаивала, что на тот момент она была девственницей (*pucelle*), иными словами, речь действительно могла идти об изнасиловании, если бы не одно «но». Как призналась арестованная,

в ту же ночь она развлекалась на протяжении всей ночи в компании [ныне] покойного Жана дю Буа, [который являлся] в то время клерком [теперь уже также] покойного Гийома д'Анферне, военного казначея, [и] который также имел с ней интимные отношения. И полагает, и [даже] совершенно уверена в том, что забеременела она от сира де Нувийона и Жана дю Буа, или от [кого-то] одного из них, но от кого [точно], она не знает⁴⁴.

Таким образом, из рассказа Колетт следовало, что предполагаемых отцов ее мальчика было сразу два. При чем упомянутый в ее показаниях покойный клерк королевского казначея изначально играл эту «роль», признав новорожденного своим сыном и оплачивая все расходы

⁴⁰ «Sur ce lui feist tele justice et raison, pour son honneur garder, et à la confusion et parjurement d'icelle femme pugnir comme au cas appartendroit» (Ibid.).

⁴¹ «Lui dist que des choses dessus dites elle lui deist vérité, et qui ad ce dire l'avoit induite et conseillée, en lui disant que se elle ne lui disoit, que *par force il le lui feroit dire*» (Ibid. P. 125, курсив мой – О.Т.).

⁴² «Ouquel elle avoit acoustumé d'aler jouer et esbatre bien souvent avec les filles et chamberieres dudit hostel, pour ce que elle estoit leur voisine» (Ibid.).

⁴³ «A un soir que elle estoit alée en la chambre dudit sire de Nouvion avec une des autres chamberieres dudit hostel, fu par icellui sire prinse, jettée sur un lit, et illec ot compaignie charnele à elle une fois. Et dit que alors elle estoit pucelle» (Ibid., курсив мой – О.Т.).

⁴⁴ «En laquelle nuyt mesmes elle jeut toute la nuyt en la compaignie de feu Jehan du Bois, lors clerc de feu Guillaume d'Anfernet, tresorier des guerres, lequel ot samblablement compaignie charnele à elle deposant. Et tient, croit et scet fermement, elle qui depose, que par lesdiz sire de Nouvion et Jehannin du Bois, ou l'un d'eulx, elle fu engrossie lors, mais elle ne scet lequel» (Ibid. P. 125-126).

молодой матери⁴⁵. После смерти Жана дю Буа эта почетная миссия была возложена на его начальника, который продолжал снабжать женщину деньгами «из любви и сочувствия, которые испытывал к своему писцу, к этому ребенку, а также к ней»⁴⁶.

Лишь после кончины казначея Колетт оказалась вовсе без средств к существованию, и «все люди и соседи» начали ее уверять, что сын ее исключительно похож лицом на господина Ле Мерсье⁴⁷. Тогда-то она и «вспомнила», что в ту знаменательную ночь развлекалась сразу с двумя мужчинами, и решила попытать счастья в столице, поскольку знала, что «это – высокопоставленный и могущественный сеньор, [имеющий] деньги и богатство» и что от него можно надеяться получить «кое-какие средства, которые помогут ей жить и содержать себя и сына»⁴⁸. Кроме того, на помощь Жана Ле Мерсье Колетт рассчитывала и потому, что

ее жених Жан де Порт ничего доброго ей не делал, но бил ее и вел дурной образ жизни, тратил все [деньги], которые она могла заработать тяжким трудом. [А затем] этот жених бросил ее, оставив ни с чем и совсем одну⁴⁹.

Вот почему она отправилась в дом господина де Нувийона, но тот лишь отругал ее и потребовал никогда более к нему не приходить и никаких разговоров о ребенке с ним не вести⁵⁰. Колетт, впрочем, и не подумала сдаваться: она обратилась за помощью к купеческому прево Парижа, которым на тот момент являлся Жан Жувенель дез Урсен (ок. 1360–1431), еще один сторонник партии «мармузетов»⁵¹. По просьбе молодой женщины он переговорил с Жаном Ле Мерсье, по-видимому,

⁴⁵ “Elle dist publiquement aus femmes qui estoient presentes que icellui filz estoit et appartenoit audit feu Jehannin du Bois, durant la vie duquel il a ycellui tenu pour son filz, l’a aidie à gouverner bien et grandement, et elle qui parle aussi” (Ibid. P. 126).

⁴⁶ “Et depuis le trespassement d’icellui defunct, ledit feu tresorier, pour contemplacion et amour qu’il avoit à son dit clerc, a icellui enfant, et elle aussi, gouverné et eulx donné de l’argent bien et grandement, jusques en la fin de ses derreniers jours” (Ibid.).

⁴⁷ “Et disoient lors les gens et voisins d’elle qui parle que le filz d’elle qui parle sambloit moult bien par sa filosomie audit sire de Nouvion” (Ibid.).

⁴⁸ “Elle recordant que ledit sire de Nouvion, en la nuyt que elle avoit conceu ledit enfant, avoit eu compaignie charnele à elle qui parle..., veant et saichant icellui seigneur estre moult hault seigneur, et poissant d’avoir et de biens, et en entencion d’avoir aucune chose de son avoir, pour aidier à vivre et nourrir elle qui parle et son dit filz” (Ibid.).

⁴⁹ “Jehannin des Portes, fiancé d’elle qui parle..., ne lui faisoit aucun bien, mais la ba-toit et menoit mauvaise vie, et aussi lui despendoit tout ce que elle pouvoit gaignier à la peine de son corps, et lequel son fiancé avoit lessiée elle qui parle toute seule et desnuee de tous biens” (Ibid.).

⁵⁰ “Parla à icellui sire de Nouvion, qui de ce que dit est la ravala et blasma moult fort, en lui deffendant que plus ne parlait, de ce, ne n’alast ou venist en son hostel pour ladite cause” (Ibid. P. 127).

⁵¹ Favier J. Dictionnaire de la France médiévale. P. 537.

своим добрым знакомым, однако успеха не добился⁵². И лишь после этого обвиняемая решилась на отчаянный шаг – сочинила записку, прикрепила ее сыну на рукав и заставила мальчика прогуливаться в таком виде во дворе дома сира де Нувийона.

В заключение наша героиня заявила, что, как ей кажется, именно Жан Ле Мерсье «лучше, чем кто бы то ни было другой», подходил на роль отца ее ребенка, хотя она всегда – «пока у нее было, на что жить и кормить себя и своего сына» – утверждала, что родила его от Жана дю Буа⁵³.

Столь подробный рассказ о собственной незадачливой судьбе не оставил Колетт ни малейшей надежды на снисходительное отношение к ней судей:

Все они, учитывая [социальное] положение заключенной, которая является женщиной, [ведущей] распущенный и дурной образ жизни, [ее] противоречивые показания, записанные в [этом регистре], обидные и оскорбительные слова, сказанные ею сире де Нувийону, который является, как всем известно, высокородным сеньором [и членом] королевского Большого совета, [а также] жажду наживы, которая подвигла ее произнести эти слова, решили и постановили [следующее]. В качестве судебного наказания за лживые обвинения, [высказанные в адрес сеньора де Нувийона], она будет выставлена к позорному столбу, а [затем] навечно изгнана из города, виконства и превотства Парижа под страхом быть закопанной заживо, [если вернется]⁵⁴.

* * *

Для парижских судей, собравшихся в Шатле в июне 1391 г., Колетт Ла Бюкет, вне всякого сомнения, являлась проституткой. Не случайно в приговоре она была названа «женщиной, ведущей распущенный и дурной образ жизни» (*femme de dissolue vie et mauvaise*). И дело

⁵² «Elle s'ala par devers ledit prevost des marchans, lequel lui dist que de ce il avoit parlé audit sire de Nouvion, lequel lui avoit respondu qu'il n'y estoit en riens tenus, et que plus ne doresenavant ne lui feust de ce parlé» (Registre criminel du Châtelet de Paris. T. 2. P. 127).

⁵³ «Elle croit et tient en sa conscience icellui enfant estre et appartenir audit sire de Nouvion mieulx que à autre personne quelconques, nonobstant ce que dit est... que... toujours eust recelé et dit icellui enfant non estre à autre que à icellui defunct Jehan du Bois, tant comme elle eust eu de quoy vivre ne nourrir soy et sondit filz» (Ibid. P. 128).

⁵⁴ «Tous lesquieulx, veu l'estat d'icelle prisonniere, qui est femme de dissolue vie et mauvaise, les denegacions et variacions par elle faites, cy-dessus escriptes, les parolles injurieuses et diffamatoires par elle dites de la personne dudit sire de Nouvion, qui est seigneur de tel estat que chascun scet, et du grant conseil du roy, la manière et cause de convoitise qui mouvoit et a meu icelle prisonniere de proférer les parolles dessus escriptes... délibérèrent et furent d'oppinion que, pour pugnicion de justice,... que elle ne feust, veu fon parjurement, tournée ou pillory, et banye à tousjours de la ville, viconté et prevosté de Paris, sur peine d'estre enfouye toute vive» (Ibid. P. 129-130).

заклучалось отнюдь не в личности её противника – Жана Ле Мерсье, которому для очистки совести и восстановления подорванной репутации требовалось унижить таким образом свою обидчицу, а заодно отвести от себя обвинение в ее изнасиловании⁵⁵. Как я уже не раз упоминала, в категорию «проститутток» во Франции эпохи позднего Средневековья могли угодить не только обитательницы борделей, но и особы, имевшие беспорядочные половые связи, одного или нескольких постоянных поклонников или даже единственного сожителя, который, тем не менее, не спешил в официальном порядке предложить своей подруге руку и сердце.

Именно такую судьбу, по мнению окружающих, и избрала – волей или неволей – наша героиня. Лишившись невинности в весьма, надо полагать, юном возрасте, она была практически обречена на жизнь одиночки, безо всяких надежд на замужество. Колетт, как уже говорилось, служила горничной на постоялом дворе, что также не могло не сказаться на отношении к ней в родном Кодебеке, а затем в Париже. Более того, из ее собственных показаний становилось ясно, что ее сексуальные партнеры постоянно менялись, и ни с кем из них брака она так и не заключила.

Улучшению репутации молодой женщины не способствовала и мимолетная связь с весьма знатным и состоятельным Жаном Ле Мерсье. Подобные случаи, конечно, не являлись редкостью для Франции XIV–XV вв., но часто влекли за собой скандалы и судебные разбирательства. Так, регистр Парижского парламента от 1404 г. сохранил для нас историю королевского прево Лана Тристана Анотена, воспылавшего страстью к некоей незамужней девушке и осыпавшего ее подарками. Юная особа не скрывала этих знаков внимания, очень быстро о них узнали соседи, которые принялись судачить (*les voisins en parlerent*) о ее недостойном поведении. Масла в огонь подлило и то обстоятельство, что месье Анотен состоял в законном браке, чем жители Лана особо возмущались: «Хоть он и был женат, но заводил интрижки на стороне, и об этом все узнали от женщин, которых он посещал»⁵⁶. В конце

⁵⁵ Как свидетельствуют письма о помиловании, одним из немногих способов добиться королевского прощения за изнасилование было попытаться доказать, что жертва не являлась девственницей (*elle n'estoit pas pucelle*) и отличалась дурной репутацией (*reputee d'estre diffamee*). Именно так, к примеру, оправдывались в совершенном преступлении участники группового изнасилования, совершенного в отношении служанки кюре городка Туси (*Toucy*): ANF. JJ 165. № 322 (septembre 1410). Те же аргументы использовались и в уголовных процессах Парижского парламента. Например, в 1406 г. Эмери Жирар, лейтенант управляющего крепостью Ла Рошель, настаивал, что не похищал и не насиловал некую Жанетт, дочь местного шеваляе, поскольку «всей округе известно, что эта девица не является невинной» (*il estoit commune renommee au pays que ladicte fille n'estoit pas pucelle*): ANF. X 2a 14, fol. 311–312v (mars 1406).

⁵⁶ «Bien qu'il soit marie ayme en dehors et en est renommee et contentee bien comme on dit les femmes qu'il aime» (ANF. X 2a 14, fol. 156, janvier 1404).

концов, соседи перешли к решительным действиям, и их перепалки с прево стали-таки предметом рассмотрения в суде.

Возможность наладить личную жизнь и выйти замуж для Колетт Ла Бюкет оказывалась проблематичной еще по одной причине – из-за наличия у нее внебрачного ребенка. Мальчик (имени которого, надо сказать, мы из материалов дела так и не узнали), вероятно, все это время жил с матерью исключительно благодаря материальной поддержке ее любовника Жана дю Буа, а после его смерти – его бывшего начальника Гийома д'Анферне, с которым нашу героиню также связывали не совсем понятные отношения. Подобный вариант, насколько можно судить, был счастливым и редким исключением из правил. Значительно чаще нежеланных детей, являвшихся для их матерей обузой, старались подбросить в монастыри, церкви или богадельни⁵⁷. Именно так решила поступить еще одна героиня Алома Кашмаре, Колетт Фелип (*Colette Phelipe*), дело которой рассматривалось в Шатле в 1392 г.⁵⁸ Забеременев от своего сожителя, она вскоре лишилась его поддержки и вынуждена была зарабатывать на жизнь в одиночку, нанявшись служанкой в частный дом, хотя, по мнению ее хозяина, проституцией не занималась⁵⁹. Тем не менее, спустя всего 15 месяцев после рождения дочери, женщина оставила ее у входа в собор Парижской Богоматери, где ребенка и обнаружили свидетели, также допрошенные в суде⁶⁰. К сожалению, мы не знаем, чем закончился данный процесс и какой приговор был вынесен в отношении Колетт, поскольку на ее деле регистр обрывается. Одно можно сказать точно: судьи сочли ее «публичной женщиной», не имевшей средств для содержания дочери, а потому бросившей ее на произвол судьбы и попытавшейся обвинить в этом посторонних лиц⁶¹.

⁵⁷ Об отношении церковных и светских властей к этой, распространенной с раннего Средневековья практике см. подробнее: *Alexandre-Bidon D., Lett D. Les enfants au Moyen Âge, V^e-XVe siècles. P., 1997. P. 36-37.*

⁵⁸ *Registre criminel du Châtelet de Paris. T. 2. P. 525-533.*

⁵⁹ “Laquele Colete, comme chamberiere, y demoura par l'espace de dix mois ou environ depuis le département dudit Atavien, durant lequel temps l'a veue estre de bonne vie et renommée, et de bonne conversacion, sanz faire pechié de son corps qu'il veist ne apperceust en son hostel” (*Ibid.* P. 527).

⁶⁰ “Elle vit une fillete de l'age de xv mois ou environ, laquele fu trouvée à Nostre-Dame de Paris après disner sur les carreaux” (*Ibid.* P. 530).

⁶¹ “Est femme qui de son corps fait sa volonté aus compaignons, ce que elle nye avoir apporté l'enfant à Nostre-Dame de Paris, mais li avoir fait porter par une personne èt femme incongneue, et laquelle elle ne vvelt nommer ou enseigner, disant que elle ne scet son nom ne sa demeure, qui n'est pas vraysemblable” (*Ibid.* P. 533). Справедливости ради следует добавить, что некоторые парижские проститутки испытывали все-таки более нежные чувства к собственному потомству. В 1407 г. одна из них – жертва сразу двух изнасилований – пыталась точно так же, как и Колетт, оставить ребенка в столичном Отель-Дьё, где произвела его на свет. Тем не менее, ей удалось наняться кормилицей в богатый дом, и она забрала своего мальчика с собой: ANF. X 2a 14, fol. 368v (mai 1407).

Убийство ребенка также являлось для женщин, не состоявших в браке, одним из распространенных способов избавиться от обузы и скрыть собственный позор. Так, в письме о помиловании за 1406 г. упоминалась некая 17-летняя горничная, которая задушила своего новорожденного сына, поскольку

очень страдала [от боли] и мучилась утрызениями [совести], совершенно лишилась разума и сил и не знала, что делать..., а также потому, что не имела никого, кто бы ей помог⁶².

Впрочем, подобный «выход из положения» искали не только проститутки или незамужние девицы, но и вполне, на первый взгляд, добропорядочные особы. Например, в 1405 г. оказалась помилована 28-летняя вдова из Амьена, которая утопила своего младенца,

дабы избежать позора для себя и своих родителей и друзей, а [также] из страха, что ее брат, [реакции] которого она опасалась, узнай он [о родах], задушит ее и убьет⁶³.

Тем не менее, Колетт Ла Бюкет не пошла на столь крайние меры, несмотря на то, что родители всячески попрекали ее внебрачным сыном. Мальчик продолжал жить с матерью, и в споре с Жаном Ле Мерсье он выступил ее главным помощником, если не сообщником. Та же метаморфоза произошла, по всей видимости, и с неким Ришаром из Сен-Дени, молодым человеком десяти лет, который в том же 1391 г. свидетельствовал в суде королевского прево Парижа против Марион де ла Кур (*Marion de la Court*) – местной прачки, а по совместительству «проститутки, женщины веселого образа жизни, собственным телом и в меру сил доставляющей удовольствие своим компаньонам»⁶⁴. Обвиняемая регулярно промышляла воровством, а мальчик помогал ей в этом ремесле, отвлекая на себя внимание клиентов, владельцев таверн и челяди в богатых домах, куда удавалось проникнуть его хозяйке⁶⁵. В своих показаниях в суде Марион постоянно отзывалась о

⁶² “Et en icelle nuit eust enfant et mis hors un enfant fils, apres lequel enfentement, quant elle fu un pou allegee de sa douleur et d’icelle aventure estant tres courrociee et dolente, toute despourveue de son sens et de sa force, et en peril de mort et de ce si astraite qu’elle ne savoit que faire... et aussi qu’elle n’avoit aucun qui la reconfortast” (ANF. JJ 160. № 191, janvier 1406).

⁶³ “Pour eschever le deshonneur d’elle et de ses diz parens et amis et pour crainte et doute d’un sien frere dont elle se doubtoit se ce venoit a sa cognoissance que il ne la tuast ou affolast” (ANF. JJ 160. № 95, novembre 1405).

⁶⁴ “Marion de La Court, lingiere, fille de vie... dit et afferma par son serement que verité est que elle est femme joyeuse de vie et... de son corps fait à son pouvoir le plaisir des compaignons” (Registre criminel du Châtelet de Paris. T. 2. P. 422-441, здесь P. 422).

⁶⁵ Ibid. P. 423-425.

Ришаре как о слуге (*son varlet*)⁶⁶, который обычно сбывал краденое, да и сам не брезговал мелким воровством. Однако перед казнью, стоя на краю ямы, в которой ее должны были закопать живьем как закоренелую преступницу⁶⁷, она внезапно назвала его сыном⁶⁸. Любопытно, что мальчик, несмотря на обвинения, выдвинутые против него его хозяйкой (или матерью), не был арестован и после ее смерти, по видимому, пополнил ряды многочисленных малолетних попрошаек, которыми так славился средневековый Париж⁶⁹. Примерно такая же участь могла ожидать и сына Колетт Ла Бюкет, учитывая, что нашу героиню изгнали из столицы королевства.

Оставался, впрочем, еще один – последний – способ устроить судьбу, не подвергая жизнь ребенка опасности и не принуждая его заниматься противозаконной деятельностью. Именно на такой вариант и рассчитывала, вероятно, Колетт. Жан Ле Мерсье вполне мог признать ее сына своим собственным, дать ему имя и назначить содержание. Подобных примеров история средневековой Франции знала немало. И если Жан, будущий граф Дюнуа (ок. 1402–1468), бастард Людовика, герцога Орлеанского (1372–1407), родился у знатной женщины – Мариэтт д’Энгьен (*Mariette d’Enghien*)⁷⁰, то упоминавшийся ранее королевский прево Парижа Амбруаз де Лоре был внуком Тифани Арнуль (*Thiphaine Arnoul*) – служанки в доме сеньора Гийома де Пре, сожительницей которого она стала. Отец признал незаконнорожденную дочь, появившуюся на свет в 1360 г., дал ей свое имя (Мари де Пре) и, выделив приданое, выдал замуж за Амбруаза I де Лоре,

⁶⁶ Ibid. P. 423, 430, 432-435.

⁶⁷ “Comme larrenesse elle ne feust exécutée, c’est assavoir enfouye toute vive, et... elle l’avoit bien gaignié et deservi” (Ibid. P. 436).

⁶⁸ “Elle estant auprès de la fosse ordennée à le enterrer et fur le point que l’en lui vouloit mettre, congneut et afferma par serement les confessions cy-dessus escriptes... estre vrayes.... Et, oultre ce, et en augmentant ycelles confessions et pour vérité et afin de descharger fon ame... de ses péchiez, crimes et larrecins par li faiz elle puist et ait cause de recevoir la mort en plus grant contriccion, congneut et confessaa avoir fait les larrecins... à plulieurs et diverses foiz et ycelles fait faire en sa presence à son sceu et commandement par *Richart son filz*” (Ibid. P. 437, курсив мой – О.Т.).

⁶⁹ *Alexandre-Bidon D., Lett D. Op. cit. P. 173-187.*

⁷⁰ После убийства отца в 1407 г. Жан получил известность как Бастард Орлеанский и воспитывался Валентиной Висконти, вдовой герцога. После того как его сводный брат Карл, герцог Орлеанский (1394–1465), оказался в плену после битвы при Азенкуре в 1415 г., именно Жан возглавил партию арманьяков – сторонников дофина Карла, на службу к которому он поступил в 1417 г. и оставался одним из самых преданных его военачальников и советников. В благодарность за службу Карл VII и даровал ему в 1439 г. титул графа Дюнуа: *Wagner J.A. Encyclopedia of the Hundred Years War. Westport;L., 2006. P. 175-176; Contamine Ph., Bouzy O., Hélarly X. Jeanne d’Arc. Histoire et dictionnaire. P., 2012. P. 674-676.*

отца будущего прево⁷¹. Похожая ситуация повторилась век спустя с Гийомом, Бастардом Пуатье, сыном графа Шарля II де Пуатье († 1455), королевского советника и камергера, и его служанки Беатрис. Гийом являлся верным сподвижником Карла VII, занимал пост сенешаля в графстве Валентинуа, а в 1461 г. стал опекуном своего сводного брата Эймара – законного наследника отцовского титула⁷². И хотя, как справедливо отмечают исследователи⁷³, наличие бастардов отнюдь не приветствовалось среди французских обывателей, поскольку вело к диффамации их матерей (как, впрочем, и отцов)⁷⁴, знатные сеньоры

⁷¹ Angot A. Tiphaine Arnoul, aïeule d'Ambroise de Loré // La Province du Maine. 1894. P. 168-174. Благородный поступок Гийома де Пре повлек за собой, тем не менее, серьезные последствия. Тифани Арнуль, желая обеспечить своей дочери и ее детям состоятельную жизнь, попыталась оспорить в суде права Оливье де Пре, законного сына Гийома. Тот отказался делить с Мари полученное от отца наследство, и тогда Тифани представила двух свидетелей, утверждавших, что ее брак с Гийомом был освящен церковью, а потому их общая дочь не являлась бастардом (*que ledit seigneur de Prez l'avoit espousé en Saincte Eglise et que ladite Marie avoit esté mise soubz le poile*). Эти показания суд посчитал ложными, Тифани отправили на пытку, где она призналась, что «сеньор де Пре всячески желал жениться на ней, если бы не боялся бесчестья, которое он причинил бы [этим поступком] своим друзьям и детям, [а потому так] и не решился заключить [с ней брак]» (*le seigneur de Prez auroit bien voulu l'espouser s'il n'avoit craint la deshonneur que il feroit a ses amis et enfans maiz pour doubte d'eulx ne l'osoit faire*). В качестве смягчающего ее вину обстоятельства Тифани назвала желание видеть своих внуков преуспевающими людьми (*veant la belle generacion de sadicte fille, desirant que ilz peussent estre avanciez*): ANF. X 2a 16, fol. 60-63v (août 1410). Подробнее об этом процессе см.: Gauvard C. "De grace especial". P. 575.

⁷² Harsgor M. L'essor des bâtards nobles au XVe siècle // RH. 1975. T. 253 (2). P. 319-354, здесь P. 331.

⁷³ Рут Каррас отмечала, что, согласно неписаным нормам, средневековый обыватель имел право признать своим только ребенка, рожденного от давней сожительницы. Если мужчина и женщина являлись любовниками и не могли рассчитывать на заключение брака даже в отдаленном будущем, их дети так и оставались бастардами: Karras R.M. Marriage, Concubinage, and the Law // Law and the Illicit in Medieval Europe / Ed. by R.M. Karras, J. Kaye, E.A. Matter. Philadelphia, 2008. P. 117-129. См. также: Gauvard C. "De grace especial". P. 721-723.

⁷⁴ Уголовные регистры Парижского парламента за XIV-начало XV в. содержат три подобных дела. В 1369 г. речь шла о рождении у жительницы Санлиса внебрачного ребенка, которого она, согласно слухам, убила и зарыла в саду, оставив без крещения. Обвинение против нее было выдвинуто лейтенантом королевского бальи Санлиса, но женщина вместе со своим супругом опротестовала данный иск в парламенте: ANF. X 2a 8, fol. 114-115 (juillet 1369). В 1369-1370 гг. бастард сира д'Эквен, виконта де Пуаз, пытался завладеть имуществом некоего жителя Арраса, с которым судился. Для этого он, в частности, подделал печать собственного отца. Виконта привлекли к ответу как соучастника преступления, но в суде он отказался от незаконнорожденного сына, объявив его бродягой (*vagabond*): ANF. X 2a 8, fol. 155v-156 (janvier 1370). Наконец, в 1404 г. в парламент

королевства, напротив, в XIV–XV вв. охотно признавали своих незаконнорожденных детей, наделяли их титулами и состоянием, обеспечивали им высокие должности в армии, при дворе или в церковной иерархии и таким образом создавали новые и весьма полезные для себя социальные связи⁷⁵. Иными словами, теоретически мы можем предположить, что, сложись ситуация иначе, Жан Ле Мерсье не отказался бы от сына-бастарда и так же, как и многие его знакомые и коллеги, принял бы его в свою семью⁷⁶. Тем не менее, скандал, который учинила Колетт Ла Бюкет в его доме и который, по мнению судебных чиновников, мог повлиять на отношения сира де Нувийона с законной супругой и даже привести к их разводу⁷⁷, не позволил ее мечтам осуществиться. Напротив, за свое преступление наша героиня заплатила весьма дорогую цену. Как мы помним, ее не только выставили к позорному столбу, что было самым распространенным наказанием в подобных случаях⁷⁸, но и навечно изгнали из Парижа и его окрестностей под страхом смертной казни.

Столь суровый приговор не может не вызвать у нас удивления. Дело в том, что у Колетт Ла Бюкет имелось важнейшее смягчающее вину обстоятельство – маленький ребенок. Как свидетельствуют регистры Парижского парламента XIV–XV вв., наличие детей у арестованных за уголовные преступления женщин чаще всего обуславливало более

было передано дело по обвинению некоей женщины, убившей свою внебрачную дочь: ANF. X 2a 15, fol. 1 (novembre 1404). В тот же период всего в одном уголовном процессе участвовал бастард, официально признанный родственниками по отцовской линии. Семья убитого королевского сержанта требовала примерно наказать преступника – виконта де Кодебека: смертной казнью и конфискацией имущества в том случае, если он сознается в случившемся, или же вызовом на судебный поединок, если он будет настаивать на своей невиновности. Поскольку сыну убитого сержанта на тот момент исполнилось всего 8 лет, его интересы на будущем поединке должен был отстаивать племянник покойного, являвшийся незаконнорожденным отпрыском семейства. Адвокат виконта заявлял, что поединок с бастардом не может иметь место, однако судьи Парижского парламента посчитали иначе и приняли положительное решение по данному делу: ANF. X 2a 7, fol. 179v–183v (mai 1365).

⁷⁵ Подробный анализ истории французских бастардов XIV–XVI вв., происходивших из знатных семейств Франции, см. в: *Harsgor M.* Op. cit. См. также интереснейшую подборку статей в: *Bâtards et bâtardises dans l'Europe médiévale et moderne* / Ed. par C. Avignon. Rennes, 2016.

⁷⁶ О наличии у Жана Ле Мерсье детей, рожденных в законном браке, нам, к сожалению, ничего не известно.

⁷⁷ Такое предположение было высказано в тексте приговора по делу Колетт: “Et que en ce pourroit advenir très-grant descort et separacion de mariage entre icelli sire de Nouvion et madame sa femme qu’il a de present” (Registre criminel du Châtelet de Paris. T. 2. P. 130, курсив мой – О.Т.).

⁷⁸ См. прим. 27–28. То же наказание, согласно ордонансу 1348 г., полагалось и за богохульство (см. прим. 22).

щающее наказание. Например, в 1410 г. дамуазель де Турне, проходившая как соучастница в убийстве, добилась защиты короля, который призвал советников парламента войти в ее бедственное положение и отпустить из тюрьмы Консьержери, где она сидела, домой – до следующего слушания ее дела. Извиняющим мотивом при этом являлось как раз «наличие пятерых малолетних детей» и утрата мужа⁷⁹. Похожее отношение к преступникам демонстрируют и письма о помиловании: на рубеже XIV–XV вв. семья или находящиеся на иждивении просителя дети упоминались в этих документах как смягчающее вину обстоятельство в 60 и 40 % случаев соответственно⁸⁰.

Конечно, Колетт Ла Бюкет, поссорившаяся с исключительно «неудобным» человеком – ближайшим советником Карла VI – загнала себя тем самым в настоящую ловушку. Хотя в конце XIV в. оскорбление королевского чиновника еще не воспринималось в полной мере как преступление, совершенное против самого монарха (*pars corporis regis*), эта идея, тем не менее, уже начала постепенно набирать силу⁸¹. А потому скандал, учиненный нашей героиней в доме Жана Ле Мерсье, мог привести к самым неожиданным и тяжелым для нее последствиям.

И все-таки одного оскорбления – пусть даже такого серьезного, ставившего под сомнение нравственность знатного сеньора и даже угрожавшего ему разводом с законной супругой – в 1391 г. было явно недостаточно, чтобы примерно наказать Колетт Ла Бюкет. При внимательном изучении материалов ее дела выясняется еще одно интересное обстоятельство: приговор ей был вынесен не только за «обидные слова», высказанные в адрес сира де Нувийона, но и за вполне обычное и исключительно распространенное в средневековой Франции преступление – за кражу кошелька с деньгами, отреза полотна и мехов, которые она позаимствовала в доме своей хозяйки, мадам Лангелот, где служила горничной⁸². Данное преступление, как я уже упоминала, на страницах «Уголовного регистра Шатле» встречалось неоднократно и практически всегда каралось парижскими судьями самым суровым образом⁸³. Лишь в редких случаях следствие не заканчивалось вынесением смертного приговора – в частности, когда речь шла о первой и единственной краже или о краже имущества, имевшего не-

⁷⁹ “Est ladictе damoiselle chargiee de cinq petiz enfans et par les gens d’armes qui sont sur le pays ne s’en ose aler a son pays et si ne pourroit retourner en si brief terme dont elle pourroit perdre toute sa chevance d’elle et de ses diz enfans veu le cas de la mort de dit mary” (ANF. X 2a 16, fol. 89-90, décembre 1410, курсив мой – О.Т.).

⁸⁰ Gauvard C. “De grace especial”. P. 100.

⁸¹ Autrand F. Offices et officiers royaux en France. P. 301-302, 307.

⁸² “Requise quelz biens elle a prins en l’ostel de sadite maistresse Langelote, dit par son serment que vérité est que par icelle sa maistresse Langelote avoit esté mis en sa chambre, sur un de ses coffres, une bourse à homme couverte de veleueau et à boutons d’argent dorez, et un peine et une touaille... et elle qui parle, print iceulx bourse, peine et touaille, et les bailla audit son ami” (Registre criminel du Châtelet de Paris. T. 2. P. 128-129).

⁸³ См. прим. 18.

большую ценность⁸⁴. К этой категории обычно относились и случаи воровства, которым промышляли слуги и которое Алом Кашмаре имел обыкновение именовать в своем сборнике «предательством» (*trayson*)⁸⁵, совершенном в отношении хозяев, что нарушало столь желанное доверие между обитателями одного дома⁸⁶. Именно так и был расценен поступок Колетт Ла Бюкет судьями Шатле – как «предательство, которое она совершила по отношению к упомянутой [Лангелот], украв [у нее] вещи стоимостью около четырех франков»⁸⁷.

Вероятно, в тот момент, когда дело нашей героини поступило на рассмотрение прево Парижа, ее главное преступление – оскорбление королевского чиновника – еще не являлось достаточным основанием для сурового наказания виновной. Как я упоминала ранее, подобные правонарушения только-только начали входить в сферу компетенции французских светских судей и в 1391 г. представлялись своего рода казусами, решение которых пока не опиралось на законодательную базу или на некую сумму ранее рассмотренных прецедентов. Поэтому чиновники Шатле были вынуждены использовать «дополнительное» обвинение, что позволяло им перевести данное дело в разряд особо тяжких и вынести по нему соответствующий приговор.

Таким образом, отвечая на вопрос, почему Алом Кашмаре обратил на процесс Колетт Ла Бюкет особое внимание и включил его материалы в свой сборник, сослаться мы можем сразу на несколько причин. Прежде всего, произошло это потому, что автора «Регистра Шатле» интересовали все варианты главного для средневековой Франции уголовного преступления – воровства, в том числе и категория «воровство-предательство», когда речь шла об отношениях домовладельцев и их слуг.

⁸⁴ *Registre criminel du Châtelet de Paris*. Т. 1. Р. 194, 196, 241, 310, 393, 398, 406, 494, 565; Т. 2. Р. 70, 171, 374, 436, 455.

⁸⁵ Подробнее об этом типе воровства см.: *Тогоева О.И.* Служанка, ее хозяин и его серебряные ложечки: к проблеме доверия и предательства в средневековой Франции // ЭНОЖ «История». 2018. Т. 9. Вып. 10: Обман и доверие в повседневной жизни обществ эпохи Средневековья и Нового времени / Под ред. О.И. Тогоевой и О.Е. Кошелевой (в печати).

⁸⁶ Как советовал автор *Le Mesnagier de Paris* своей супруге, при найме на работу служанки (*chamberiere*) следовало прежде всего поинтересоваться у ее прежних хозяев, насколько ей можно доверять и чего можно от нее ожидать на новом месте службы, учитывая ее прежний опыт: “Et par le service du temps passé enquez quelle creance ou esperance l'en peut avoir de leur service pour le temps advenir” (*Le Mesnagier de Paris*. Р. 438, курсив мой – О.Т.). Та же проблема доверия возникала, когда речь шла об отношениях между знакомыми или соседями. Так, в письме о помиловании от 1385 г., выданном Жану дю Канда (*Jean du Candas*), мелкому воришке из Амьена, говорилось, что он совершал кражи «у некоторых своих соседей и друзей, которые ему доверяли» (*aucuns de ses voisins ou amis desquelz se confioit*): ANF. JJ 127. № 15 (juin 1385).

⁸⁷ “La trayson par elle faite à icelle en prenant lesdiz biens, avec la valeur d'iceulx... à iiij fr. ou environ” (*Registre criminel du Châtelet de Paris*. Т. 2. Р. 130).

Кроме того, он, вероятно, решил зафиксировать в своей выборке один из самых ранних случаев судебного преследования человека, нанесшего словесное оскорбление королевскому чиновнику, личность которого чем дальше тем больше воспринималась как неотъемлемая часть «тела» правителя. Наконец, Алома Кашмаре – пусть даже это предположение и не основывается ни на каких прямых доказательствах – могла заинтересовать история самой Колетт Ла Бюкет, одинокой молодой женщины, оставшейся с ребенком на руках и без малейшей надежды наладить свою личную жизнь после бурно проведенной юности, отважившейся устроить невероятный скандал и поссориться с одним из самых высокопоставленных людей Франции, что стоило ей судебного разбирательства и запрета на проживание в Париже...

ГЛАВА 8

История злоключений Масет де Рюйи, или О пользе пытки

Но что могло бы случиться, если бы Колетт Ла Бюкет все-таки улыбнулась удача? Если бы один из ее многочисленных сексуальных партнеров предложил ей – «распутной женщине» – выйти за него замуж? С одной стороны, ответить на эти вопросы не представляется возможным из-за отсутствия у нас необходимой информации – прежде всего, о судьбе Колетт после ее изгнания из столицы Французского королевства. С другой стороны, мы можем предположить дальнейшее развитие событий, исходя из судебного казуса, также описанного в регистре Алома Кашмаре. Таким образом, нашей героиней вновь окажется парижская проститутка – женщина, которой удалось не только покончить со своим сомнительным ремеслом, но и стать супругой достойного и уважаемого человека.

Впрочем, подробности личной жизни этой молодой особы с трудом поддаются проверке. И проблема заключается здесь вовсе не в том, что нам, как в случае Раймона Дюрана, Джона Райкнера или Колетт Ла Бюкет, не хватает источников. Напротив, материалы судебного процесса, к которому мы теперь обратимся, представлены в «Уголовном регистре Шатле» в полном и, я бы сказала, поражающем воображение объеме¹. Однако события, послужившие поводом для возбуждения данного дела, были описаны в ходе следствия тремя разными рассказчиками, что породило три, весьма различные версии произошедшего, из которых судьям надлежало выбрать лишь ту, которая показалась им максимально правдивой. Попытаемся и мы последовать их примеру.

* * *

Познакомимся прежде всего с участниками процесса, который начался в парижском Шатле 29 октября 1390 г. Непосредственным поводом для него послужило исковое заявление некоего Аннекина де Рюйи (*Hennequin de Ruilly*) и его матери Люсет (*Lucete*). Эти жители городка Герар (*Guerart*) в провинции Бри обвинили свою знакомую – Жанну де Бриг (*Jehenne de Brigue*) по прозвищу Сговорчивая (*La Cordière*) – в занятиях колдовством.

¹ Registre criminel du Châtelet de Paris. T. 2. P. 280-343.

Надо сказать, что интерес, проявленный Аломом Кашмаре к данному составу преступления (а он включил в «Уголовный регистр Шатле» материалы сразу двух ведовских процессов²), сам по себе обращает на себя внимание. По единодушной оценке специалистов, рассмотрение подобных дел во французских судах в интересующий нас период носило единичный характер³. В частности, только 1% записей в регистрах Парижского парламента за 1380–1463 гг. касался обвинений в колдовстве. Та же ситуация наблюдалась и в королевской канцелярии, выдававшей письма о помиловании⁴. Тем не менее, это не означало, что судебные власти, а в еще большей степени представители церкви (теологи и университетские доктора) обходили данную проблему молчанием: напротив, на рубеже XIV–XV вв. во Французском королевстве уже активно разрабатывались теоретические основания для привлечения к уголовной ответственности «ведьм» и «колдунов», обсуждались меры борьбы с ними и создавалась собственная демонологическая концепция⁵.

Очевидно, именно с этим процессом и оказалось связано то, какое внимание уделил Алом Кашмаре своим героям. Возможно также, что его особо заинтересовал и статус потерпевшего. Аннекин де Рюий являлся королевским чиновником и много лет занимал в родном городе пост прево⁶. Конечно, эта должность не шла ни в какое сравнение с положением уже знакомого нам Жана Ле Мерсье, финансового советника Карла VI, однако и здесь речь могла вестись не просто о противозаконных занятиях колдовством, но о покушении на жизнь человека, приближенного к самому монарху.

На момент начала процесса в Шатле Аннекину исполнилось «примерно 34 года» (*xxxiiii ans ou environ*), и среди местных жителей он, как следует из материалов дела, пользовался большим уважением⁷. Помимо того, что он занимал в Гераре важный административный пост, он также являлся хозяином таверны⁸, что обеспечивало ему не

² Подробный анализ второго дела см. в: Тогоева О.И. «Истинная правда». С. 122–146.

³ Soman A. Les procès de sorcellerie au Parlement de Paris (1565–1640) // AESC. 1977. № 4. P. 790–814; Boudet J.-P. La genèse médiévale de la chasse aux sorcières. Jalons en vue d'une relecture // Le mal et le Diable. Leurs figures à la fin du Moyen Âge / Sous la dir. de N. Nabert. P., 1996. P. 35–52.

⁴ Gauvard C. "De grace especial". P. 441–448; Eadem. Paris, le Parlement et la sorcellerie au milieu du XVe siècle // Finances, pouvoirs et mémoire. Mélanges offerts à Jean Favier / Textes réunis sous la dir. de J. Kerhervé et A. Rigaudière. P., 1999. Vol. 1. P. 85–111.

⁵ Подробнее см.: Тогоева О.И. Еретичка, ставшая святой. С. 112–127.

⁶ "Lequel de Ruilly... est homme qui se gouverne ou pays de ses terres et labeur, et aussi de la prevosté de Guerart, qu'il a tenue par longtemps à ferme" (Registre criminel du Châtelet de Paris. T. 2. P. 316, курсив мой – О.Т.).

⁷ "Saichant le dessus dit Jehan de Ruilly... estre homme de bonne vie, estat, gouvernement et renommée" (Ibid. P. 292–293).

⁸ "En laquelle ville de Guerart sondit mary et elle ont demouré ensamble, et tenu taverne et hostellerie par l'espace de quatre ans" (Ibid. P. 328).

только достойное положение в обществе, но и широкий круг общения. В частности, в своих показаниях Аннекин отмечал, что с главной подозреваемой, Жанной де Бриг, он познакомился за восемь лет до описываемых событий и ему была прекрасно известна ее репутация проверенной знахарки и ведуньи⁹. Вот почему, когда молодой прево серьезно заболел и «не смог найти ни одного человека, кто бы ему помог», он обратился за помощью к Жанне, которая обещала подобрать для него нужное лекарство¹⁰.

Уже на следующий день после их первой встречи она явилась к Аннекину домой и сообщила ему, что причина его недуга кроется в колдовстве: порчу на него якобы навела давняя знакомая – некая Жилет, «дочь повитухи» из Парижа, с которой пациента связывали, надо полагать, весьма близкие отношения, поскольку она родила от него двоих детей¹¹. Тем не менее, Аннекин на ней не женился, отсюда и проистекали, по всей вероятности, его беды. По мнению Жанны де Бриг, как его изложил в суде пострадавший, Жилет изготовила фигурку из воска, куда заключила прядь его волос, и периодически нагревала ее на сковороде, поставленной на открытый огонь¹². Еще через неделю знахарка призналась, что ей удалось победить злые чары, восковая фигурка «умерла» (*ledit voutl estoit mort*), однако Жилет обзавелась тремя жабами, которых кормит грудным молоком и прячет с левой стороны постели и с их помощью по-прежнему наводит порчу на Аннекина. Жанна даже предложила своему клиенту отправиться в Париж, дабы лично убедиться в истинности ее

⁹ “Il a bien viij ans qu’il cognoist ladite Jehennete, et l’a veu demourer par icellui temps à Lortie, près de Guerart, durant lequel temps il a oy dire et tenir tout communement au pays que elle estoit devine” (Ibid. P. 286).

¹⁰ “Dit que, ou Quaresme derrenierement passé ot un an, il fu forment malade... et ne trouvoit homme qui lui donnast conseil pour la garison d’icelle maladie, ... que ladite Jehennete vint devers lui en son hostel,... et lui dist oultre que le landemain elle revenroit à lui, et y mettroit remède se elle pouoit” (Ibid., курсив мой – О.Т.).

¹¹ “Et lui dist icelle Jehennete que il estoit tenu de femme; et il qui parle lui demanda de quel femme, et elle lui respondi que ce estoit d’une femme appelée Gilete, fille d’une ventrière demourant à Paris,... de laquelle il avoit eu deux enfans” (Ibid. P. 286-287). Указание на профессиональные занятия матери Жилет почти автоматически предполагало знакомство этих женщин с колдовством. Подробнее о связи между ремеслом повитухи и ведьмы см. прежде всего: Agrimi J., Crisciani C. Savoir médical et anthropologie religieuse. Les représentations et les fonction de la *vetula* (XIIIe-XVe siècles) // AESC. 1993. № 5. P. 1281-1308, здесь P. 1284-1285.

¹² “Elle avoit fait un voutl de cire où elle avoit mis des cheveux de lui qui deppose, et que toutes fois que il estoit ainsi malade, elle mettoit sur le feu, en une paelle d’arain, ledit voutl, et le tournoit à une cuillier d’arain” (Registre criminel du Châtelet de Paris. T. 2. P. 287).

слов¹³. Тем не менее, спустя еще какое-то время она уверила прево Герара в том, что и с этой напастью она справилась и что теперь он обязательно поправится, поскольку все жабы умерли и Жилет выкинула их в Сену¹⁴. Молодой человек, по его собственному признанию, действительно стал чувствовать себя лучше, а потому заплатил за услуги знахарки один франк¹⁵.

Успешное излечение Аннекина де Рюйи, казалось бы, отнюдь не могло стать причиной судебного иска, тем более поданного в королевский суд Парижа. Напротив, потерпевший должен был быть благодарен Жанне де Бриг за оказанную помощь. Конечно, с конца XIII в. по начало XV в. во Франции, как и повсюду в Западной Европе, шла настоящая война профессиональных медиков со знахарками, которых обвиняли прежде всего в том, что их знания ненаучны, что они не могут понять истинных причин той или иной болезни и часто действуют по наитию. Большинство врачей полагали, что практические навыки этих женщин, передававшиеся по наследству из уст в уста, совершенно недостаточны для успешного лечения, поскольку лишены теоретической базы и опираются лишь на личные, весьма субъективные суждения и опыт, что само по себе представляет опасность для клиентов. И хотя сведения о воздействии на человеческий организм тех или иных трав и растений, доступные знахаркам, многими признавались

¹³ "Avoit icelle Gilete prins trois crapos, et les nourrissoit de let de femme aus piez de son lit. Et lui dist oultre que se il vouloit aler à Paris, il trouveroit ledit voult ou lit d'icelle Gilete, du costé destre" (Ibid. P. 287-288). С точки зрения средневековых обывателей (как, впрочем, и судей), жабы являлись почти неотъемлемым элементом любого колдовства. Тем не менее, в материалах французских ведовских процессов упоминания этих излюбленных питомцев «ведьм» и «колдунов» крайне редки, и, с этой точки зрения, дело Масет и Жанны де Бриг представляет собой известное исключение. Подробнее о связи жаб и лягушек с магическими практиками в Западной Европе эпохи Средневековья и Нового времени см.: *Игина Ю.Ф.* Ведовство и ведьмы в Англии. Антропология зла. СПб., 2009. С. 211-243. Об изначальной связи жаб с темой болезни и смерти см.: *Berlioz J.* Crapauds et cadavres dans la littérature exemplaire (XIIe-XIVe siècles) // *Micrologus*. 1999. T. 7: Il cadavere. P. 231-246. Совершенно логично выглядело и упоминание конкретного места, где Жилет прятала своих жаб, поскольку традиционно считалось, что левая сторона принадлежит дьяволу: *Тогоева О.И.* Рыжий левша: Тема предательства Иуды в средневековом правовом дискурсе // *Одиссей. Человек в истории* – 2012. М., 2012. С. 98-112.

¹⁴ Lui dist icelle Jehannete que elle avoit tant fait que iceulx trois crapos desquieulx icelle Gilete le vouloit encharéer estoient mors, et que icelle Gilete les avoit jettez en Saine" (Registre criminel du Châtelet de Paris. T. 2. P. 288).

¹⁵ "Depuis que icelle Jehannete lui ot dit que elle avoit fait mourir lesdiz voult et crapos, il amenda et gary bien, et tant qu'il a esté depuis tousjours en bonne santé... Requis quel salaire ladite Jehannete ot de lui, dit que elle en ot un franc" (Ibid. P. 288-289).

полезными и заслуживающими специального изучения, их реальное применение всегда оставалось под вопросом. Более того, уверенность в магическом характере познаний этих женщин и лежала в основе набравшей популярность идеи о том, что их действиями руководит Нечистый или его демоны¹⁶. Не случайно в подавляющем большинстве ведовских процессов, имевших место во Франции в XIV-первой половине XV в., речь шла не об «ученом», но о «деревенском» типе колдовства, когда суть обвинения составляли такие преступления, как наведение (или снятие) порчи, любовные привороты и отвороты, изготовление восковых фигурок «жертв» с целью вызвать у них болезни, физические страдания или спровоцировать их смерть¹⁷.

И все же, чтобы судить этих женщин как ведьм, необходимо было прежде всего их обнаружить и арестовать, а кроме того – иметь на руках доносы «доброжелателей» или исковое заявление потерпевших, позволявшие проводить допросы подозреваемых с особым пристрастием. Собственно, так и произошло в случае с Аннекином де Рюи, однако именно этот его поступок и вызывает удивление. По всей видимости, наш герой, давая показания в Шатле, о чем-то умолчал – и это становится тем более ясным, стоит нам познакомиться с рассказом Жанны де Бриг о, казалось бы, тех же самых событиях.

* * *

Любопытно, что обвиняемая изначально категорически отрицала, что является знахаркой и ведуньей (*devine*)¹⁸. По ее словам, этим «ремеслом» занималась ее давняя приятельница – некая Марион, к которой Жанна регулярно обращалась за советом и помощью, а потому и сама прослыла среди знакомых настоящей ведьмой¹⁹. В действительности же, заявляла госпожа де Бриг, она лишь исполняла роль посредницы между Марион и клиентами, желавшими вернуть

¹⁶ Agrimi J., Crisciani C. Op. cit. P. 1283-1289.

¹⁷ Подробнее о «деревенском» типе колдовства, описанном во французских судебных регистрах XIV-XV вв., см: Тогоева О.И. Еретичка, ставшая святой. С. 116-117. См. также: Le Roy Ladurie E. La sorcière de Jasmin. P., 1983. P. 23-30, 67-68; Maier E., Ostorero M. Utz Tremp K. Le pouvoir de l'inquisition // Les pays romands au Moyen Âge / Sous la dir. de A. Paravicini Bagliani, J.-P. Felber, J.-D. Morerod, V. Pasche. Lausanne, 1997. P. 247-258.

¹⁸ "Et dit que riens ne scet du fait de diviner" (Registre criminel du Châtelet de Paris. T. 2. P. 280).

¹⁹ "Et dist que, au temps dessus dit, elle... se accointa d'une femme nommée Marion... laquelle ne lavast point ses mains au dimenche et ne dist point sa patenostre, ne feist point de croix sur elle, ne deist aucun *Benedicite*,... et que icelle Marion feroit pour elle ce qu'elle voudroit" (Ibid. P. 280-281). Отрицание церковных таинств (нежелание отмечать воскресенье, осенять себя крестом или произносить слова молитв) являлось верным признаком истинной ведьмы: Тогоева О.И. Еретичка, ставшая святой. С. 135-136.

похищенные или пропавшие у них вещи, найти и наказать воров и браконьеров²⁰.

Тем не менее, когда на очередном заседании суда знахарке зачитали показания, полученные от Аннекина де Рюйи, она несколько изменила свою историю. Теперь вместо подруги Марион в ее рассказе фигурировала крестная, также носившая имя Жанна (*une sienne marrine nommée Jehenne*)²¹. Эта женщина, по словам обвиняемой, действительно занималась колдовством, заключив договор с дьяволом (*Haussibut*) и постоянно призывая его на помощь. Она неоднократно предлагала крестнице научить ее своему «искусству», на что та в конце концов согласилась²². Именно в этот момент к Жанне де Бриг и обратился Аннекин, который был уже сильно болен. Она захотела помочь столь уважаемому человеку и призвала дьявола; он-то и поведал ей о парижанке Жилет, которая навела порчу на бывшего сожителя²³.

Этого признания оказалось вполне достаточно для того, чтобы судьи сразу же приговорили обвиняемую к смертной казни через сожжение «как ведьму и отравительницу»²⁴. Однако здесь в плавном течении процесса произошел первый сбой: Жанна внезапно объявила о своей беременности, что не позволяло немедленно отправить ее на костер. Дабы подтвердить истинность ее слов, 9 февраля 1391 г. в Шатле были вызваны «матроны» – повитухи, которые осмотрели заключенную и заявили, что она действительно «носит ребенка уже около пяти месяцев»²⁵. Тем не менее, повторное освидетельствование, состоявшееся 5 апреля того же года, не выявило ни малейших следов беременности, а потому округлив-

²⁰ Registre criminel du Châtelet de Paris. T. 2. P. 282-285. Колдовские практики, к которым обращалась Жанна де Бриг и прочие «ведьмы», упомянутые Аломом Кашма-ре в его регистре, подробно рассмотрены в: *Gauvard C. Renommée d'être sorcières: quatre femmes devant le prévôt de Paris en 1390-1391 // Milieux naturels, espaces sociaux: Etudes offertes à Robert Delort. P., 1997. P. 703-716* (рус. пер.: Говар К. Прославившие ведьмами: четыре женщины, осужденные прево Парижа в 1390-1391 годы / Пер. с фр. И.А. Тогоевой // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 2000 / Под ред. Ю.Л. Бессмертного и М.А. Бойцова. М., 2000. С. 221-236).

²¹ Наследственный характер магических знаний, полученных от крестных или старших родственников, являлся важной составной частью обвинения на средневековых ведовских процессах: *Тогоева О.И. Еретичка, ставшая святой. С. 139.*

²² «Et, ce fait, sadite marrine lui enseigna la manière comme elle parleroit audit Haussibut et à ces autres choses, en lui disant que bien parleroient à li» (Registre criminel du Châtelet de Paris. T. 2. P. 292).

²³ «Lequel Haussibut... dist à elle qui parle que icellui de Ruilly estoit envoulté et ensorcelé par une femme demourant à Paris, à la porte Baudoyer, avec laquelle ledit de Ruilly avoit longuement fréquenté et eu de lui deux enfans» (Ibid. 293).

²⁴ «Délibérèrent et furent d'opinion que elle estoit digne et avoit desservi mort, comme sorciere ou ensorcelerresse de gens, et que pour ce elle feust arse» (Ibid. P. 296, курсив мой – О.Т.).

²⁵ «Agace La Françoisse et Jehanne La Riquedonne, matrones jurées du roy nostre sire... ont veue et visitée Jehanne La Cordiere... et tiennent et croient fermement... que icelle prisonniere est grosse d'enfant sentant de cinq mois ou environ» (Ibid. P. 297, курсив мой – О.Т.).

шийся живот Жанны списали на «дурные жидкости, скопившиеся в ее теле»²⁶. Не сумев воспользоваться этой отсрочкой, обвиняемая сразу же прибегла к другой, не менее законной уловке – она подала апелляцию в Парижский парламент, вынудив судей Шатле допустить коллег из вышестоящей инстанции к рассмотрению ее дела²⁷. Однако и те, ознакомившись со всеми предоставленными в их распоряжение материалами, не нашли в ходе процесса никаких нарушений, а потому приведение приговора в исполнение стало, казалось бы, неотвратимым²⁸.

Столь энергичное сопротивление Жанны де Бриг своей участи вызвало известное раздражение у судебных чиновников. Кроме того, они, возможно, все же решили подкрепить уже вынесенное было решение по ее делу дополнительными доказательствами вины, для чего отправили «ведьму» на пытку (*mise à question*)²⁹. Только после этого Жанна радикально изменила показания и поведала совершенно новый вариант истории своих отношений с семейством де Рюйи.

На сей раз выяснилось, что с просьбой осмотреть Аннекина и помочь ему справиться с болезнью к нашей героине обратилась его мать Люсет. Она же «по секрету» рассказала знахарке, что «по слухам» молодого прево околдовала его собственная жена – Масет³⁰. Но ни она сама, ни ее сын не осмелились заявить о своих подозрениях вслух и предпочли, чтобы всю правду об имевшем место преступлении открыла Жанна – «дабы сохранить мир и спокойствие между супругами»³¹.

Когда же «ведьма» прибыла в дом де Рюйи, ее успела перехватить сама Масет, которая, отведя ее в сторонку, упростила рассказать Аннекину, что в его болезни виновна Жилет Верьер, его бывшая подруга³². За эту услугу супруга прево Герапа обещала отлично ей заплатить

²⁶ «Mais tiennent et croient fermement que... ce que elles cuidoiient avoir sentu... estoient mauvaises humeurs acumulées ensamble en son corps, par quoy elle estoit ainsi ronde» (Ibid.).

²⁷ «De laquele sentence laditte prisonniere appella en parlement» (Ibid. P. 299).

²⁸ Ibid. P. 299-302. О существовавших в средневековом уголовном судопроизводстве совершенно законных отсрочках при рассмотрении дела Жанна де Бриг, вероятно, знала по собственному опыту, поскольку за два года до описываемых событий уже сидела в тюрьме. Там она родила ребенка, а потому была отпущена на свободу: «Cogneut avec ce, que, puis deux ans ença, elle fu emprisonnée... pour souspeçon de ce que l'en disoit que elle estoit devinerresse...; esqueles prisons elle... jeut d'enfant... et, en après ce, fu mise hors desdites prisons» (Ibid. P. 296).

²⁹ Ibid. P. 302.

³⁰ «Icelle Lucete dit *secretement* à elle qui parle que l'en avoit donné à entendre audit de Ruilly, son filz, et à elle, que sondit filz estoit prins et envoulté de charoy par Macete, sa femme» (Ibid. P. 303, курсив мой – О.Т.).

³¹ «Mais elle ne sondit filz ne osoient ce dire à icelle Macete, et amoient mieulx que par elle qui parle... feust dit et révéla la vérité, que ce icellui de Ruilly, son filz, ou elle, Lucete, le deissent, *pour nourrir et garder la paix entre iceulx mariez ses enfans*» (Ibid. P. 303-304, курсив мой – О.Т.).

³² «Elle qui parle fu prinse et tirée à part par icelle Macete..., et priée et requise très-instanment que elle vouldist dire audit de Ruilly, son mary, s'il lui demandoit se il estoit envoulté... que c'estoit par une nommée Gilete Verrière, demourant à Paris, à la porte Baudoyer, laquele avoit eu deux enfans de lui» (Ibid. P. 304).

и «сделать еще много хорошего»³³. Спустя какое-то время молодая женщина вновь вызвала Жанну на встречу и попросила научить ее кое-каким приемам колдовства (*faire et enseigner plusieurs choses*). Она призналась, что муж обращается с ней дурно, а сама она уже давно влюблена в капеллана Герара и хочет сбежать с ним из города³⁴. А потому ей необходимо, чтобы Аннекин не просто оставался болен, но и умер бы как можно быстрее³⁵. Согласно показаниям обвиняемой, она научила свою новую подругу, что следует в таком случае предпринять, та же в качестве ответной благодарности рассказала, как составлять приворотное зелье, поскольку сама Жанна де Бриг более всего мечтала об одном – выйти замуж за отца своих детей:

[Масет] рассказала ей, как заставить ее дружка Аннекина (это имя носил и сожитель Жанны – О.Т.) съесть этот [заговоренный] воск, [но] так, чтобы не умереть. Выслушав Масет, обвиняемая, испытывая чувство огромной любви к своему другу Аннекину, а также к детям, которых она родила от него, и надеясь, что он женится на ней, позаимствовала у этой Масет сковороду и ложку, о которых упоминалось выше, а [также] воск и смолу³⁶.

Тем не менее, все усилия Жанны ни к чему не привели, и она собралась вновь повидаться с Масет, чтобы узнать у нее о каком-нибудь более надежном средстве. Сделать ей это, однако, не удалось, поскольку в тот же день она была арестована и препровождена в Шатле³⁷.

³³ “Et afin que elle deist ces choses audit de Ruilly, son mary, lui promist donner le drap d'un chaperon qui vaudroit viij f., et mieulx lui faire ce elle faisoit ce que elle lui requeroit” (Ibid.).

³⁴ “Icelle Macete dist... que elle estoit moult fort et grandement énamourée du chapellain du curé d'icelle ville de Guerart, ne ne pavoit durer se elle ne le veoit, et que son entente, et aussi la volenté dudit curé, estoit d'eulx en aler ensamble par le pays et bien loings, pour ce que, par nulle voye et manière du monde, elle ne pavoit demourer ne plus estre avec ledit de Ruilly, son mary, pour la mauvaïse et oultrageuse vie que il lui menoit” (Ibid. P. 305).

³⁵ “Se elle lui savoit donner, enseigner ou bailler conseil ne chose quelconques par quoy ledit de Ruilly, son mary, cheist et feust en très-grant langueur de maladie, et que jamais il ne se peust partir de son hostel, *sans ce toutesvoies qu'il souffrist mort*” (Ibid., курсив мой – О.Т.).

³⁶ “Elle lui diroit et enseigneroit la manière comment elle feroit mengier audit Hennequin, son ami, de ladite cire, sans ce que à ceste cause il receust mort aucune. Ouye laquelle Macete, elle deposant, pour la très-grant ardeur d'amour que elle avoit audit Hennequin, son ami, et pour l'amour des enfans que elle avoit euz d'icellui, tantant afin qu'il espousast icelle deposant, print et emprumta d'icelle Macete... la paille et cuillier dont cy-dessus est faite mencion, et la cire et poix qui estoit dedens icelle paille” (Ibid. P. 308).

³⁷ “Pour ce qu'il estoit advis à elle qui parle que, par laditte ointure, sondit ami ne avançoit point sa volenté, ne n'espousoit elle qui parle, icelle deposant ot volenté et entencion d'aler par devers icelle Macete... et que ou jour que par le procureur de la roïne elle fu prise et admenée prisonniere en Chastellet” (Ibid. P. 309).

Такова была подлинная, как уверяла судей Шатле Жанна де Бриг, история ее конфликта с Аннекином де Рюи и его матерью. Теперь же на сцену вышла главная его зачинщица – супруга потерпевшего Масет. Она, конечно, также оказалась арестована и допрошена судьями Шатле 4 августа 1391 г. по обвинению в занятиях колдовством (*pour souspeçon d'estre sorciere*)³⁸.

Не отпираясь, «совершенно добровольно» Масет сообщила, что уже пять лет является супругой Аннекина и все это время проживает с ним в Гераре³⁹. Однако еще с юности она неоднократно вступала в любовные отношения, а ее первым сожителем девять лет назад стал скорняк по имени Жаннен Котен (*Jehannin Cotin*), которого она встретила в своем родном городке Рийи (Анжу) и который увез ее в Париж⁴⁰. Там через какое-то время он ее бросил, и Масет вынуждена была, «не имея ни от кого помощи и не зная никакого ремесла», наняться горничной на постоянный двор, расположенный на Гревской площади⁴¹. Впрочем, даже на момент встречи с Жанненом, как призналась заключенная, она уже не была девственницей⁴², и дальнейший рассказ лишь подтвердил ее репутацию публичной женщины. Любовники и сожители менялись у Масет постоянно, пока наконец она не познакомилась с будущим мужем, который буквально через «шесть недель или около того» предложил ей с ним обручиться⁴³. Затем Аннекин уехал на полгода в Испанию, а по возвращении женился на своей избраннице⁴⁴, хотя и выбрал для проведения церемонии отдаленную церковь, не желая, по словам молодой женщины, показывать ее друзьям и, вероятно, стыдясь ее прошлого⁴⁵.

³⁸ Ibid. P. 315.

³⁹ “Laquele prisonniere... cogneut et afferma par serement que de present elle est femme de Hennequin de Ruilly, demourant à Guerart, et que icellui elle, puis cinq ans ençà, a espousée, et puis continuellement ont demouré en icelle ville de Guerart” (Ibid.).

⁴⁰ “Après ce que Jehannin Cotin, pelletier... ot plusieurs fois eu compaignie charnele à elle, fu par icellui Jehannin eslevée et admenée de ladite ville de Rilly en Anjou, et mise logier en certain lieu à Paris” (Ibid.).

⁴¹ “Quant icellui Cotin ot laissiée elle qui parle à Paris, et s'en fu retourné ou pays d'Anjou... elle qui parle, veant que de nul elle n'avoit secours ou ayde, et ne savoit meslier aucun pour gaignier sa vie, se mist à servir comme chamberiere en l'ostel de la Nef en Grève” (Ibid. P. 315-316, курсив мой – О.Т.).

⁴² “Requise se au temps que ledit Cotin ot premièrement compaignie charnele, estoit pucelle, dit que non” (Ibid. P. 315).

⁴³ “Elle fist son ami ledit Hennequin de Ruilly, son mary, lequel, après ce qu'il ot compaigné et fréquenté elle qui parle par six sepmaines ou environ, d'un commun assentement, fiancèrent li uns l'autre” (Ibid. P. 316).

⁴⁴ Как показывают более общие исследования, подобные браки не являлись совсем уж редкостью: *Rossiaud J. Prostitution médiévale*. P. 49.

⁴⁵ “Lesqueles fiançailles ainsi faites, icellui de Ruilly ala ou pays d'Espagne, ouquel il demoura par l'espace de demi-an ou environ; et, en après ce qu'il fu retourné, eulx espouserent li uns l'autre,... et icelles espousailles firent en l'église de Saint-Pere aus Beufs, en la Cité... pour ce que ledit de Ruilly disoit que, *pour la doubte et crainte de ses amis, il ne vouloit pas espouser en lieu où ilz feussent cogneuz*” (Registre criminel du Châtelet de Paris. T. 2. P. 316, курсив мой – О.Т.).

Как бы там ни было, продолжала давать показания Масет, но они уехали из Парижа и жили все это время в Гераре, пока ее супруг не заболел и не слег окончательно. Когда же навестивший его приятель-менестрель предположил, что порчу на него навела какая-то женщина⁴⁶, Аннекин догадался, что речь идет о его давней сожительнице Жилет, о которой мы уже знаем из показаний Жанны де Бриг. Он сразу же рассказал о ней своим жене и матери⁴⁷, и те очень испугались и расстроились. Тогда-то Люсет и решила обратиться за помощью к профессиональной ведьме⁴⁸, которая в итоге подтвердила виновность бывшей возлюбленной Аннекина⁴⁹.

Таким образом, Масет изначально полностью отрицала собственную вину в болезни мужа, несмотря на зачитанные ей вслух показания Жанны де Бриг и на очную ставку, устроенную обвиняемым в Шатле⁵⁰. Проявленное упорство привело ее в конце концов на пытку, которую было решено применить не только из-за несовпадения показаний двух «ведьм», но и – что чрезвычайно любопытно – из-за несовпадения социальных статусов Масет и ее супруга:

Все они (судьи – О.Т.) согласились и пришли к мнению, что она будет послана на пытку, чтобы узнать правду о [выдвинутых против нее] обвинениях, учитывая личность и положение упомянутой Масет, которая, согласно ее показаниям, является публичной женщиной, [ведущей] распутный образ жизни, [а также учитывая] достойное происхождение и репутацию [господина] де Рюйи и то, что невозможно предположить, чтобы человек такого статуса взял в жены столь порочную особу, если только к этому решению она его каким-то образом не подтолкнула. [А также следует учесть] ответы Масет, данные в присутствии упомянутой знахарки, и манеру ее [поведения в суде]⁵¹.

⁴⁶ “Son mary estant moult malade au lit, fu venu veoir et visiter par un sien ami menestrel... et, après ce qu’ilz orent longuement parlé ensemble, dist icellui menestrel à sondit mary qu’il se avisast et gardast bien de quele femme il estoit accointé, et qu’il estoit ensorcelé et tenu de femmes” (Ibid. P. 317).

⁴⁷ “Lequel de Ruilly, presente Luce, mère d’icellui, et elle qui parle, dist et respondi que il ne savoit qui ce lui povoit avoir fait, sinon ladite Gilete La Verrière, jadis s’amie, et laquelle avoit eu deux enfans de li” (Ibid.).

⁴⁸ “Et finalement, icelle Lucete dist à elle qui parle que en la ville de Besmes, près dudit lieu de Guerart... avoit une divine... laquelle savoit moult de choses, et enseignoit tout ce que l’en lui demandoit, et qu’elle yroit par devers elle savoir la cause pourquoi son filz estoit malades, qui ce lui povoit avoir fait et de quelle maladie il estoit entechiez” (Ibid.).

⁴⁹ “Et finalement, li dist que par icelle Gilete avoit esté ensorcelé et estoit en grant péril de mort” (Ibid. P. 318).

⁵⁰ “Laquele Macete respondi par serement que desdites accusations il n’estoit riens, ne oncques n’avoit pensé à faire icelles” (Ibid. P. 321).

⁵¹ “Tous lesquieulx, veu l’estat et personne d’icelle Macete, laquelle, par sa confession, a esté fille de vie et de petit gouvernement, et que icellui de Ruilly est homme bien né et renommé, et n’est pas à presumer que un homme de tel estat eust prins par mariage une tele fille si diffamée, se par aucune aventure il n’eust ad ce elle ceduït par aucun; la contenance et manière des responses... faites par icelle Macete, en la presence de ladite divine... délibérèrent et furent d’oppinion que, pour savoir par sa bouche la vérité des accusations, elle feust mise à question” (Ibid.).

Иными словами, судьи посчитали, что Аннекин взял молодую женщину в жены не по любви, но лишь потому, что был ею околдован⁵².

Как и следовало ожидать, после пребывания на дыбе Масет – следом за Жанной де Бриг – резко изменила характер своих показаний. Теперь уже она «чистосердечно» признавалась, что действительно являлась ведьмой и с 12 лет (*en l'aage de xii ans ou environ*)⁵³ обучалась различным колдовским практикам в родном Рийи «у старухи по имени Ла Мюсет и других [женщин]». Лучше всего она знала, как приворожить мужчину, вызывая для этой цели дьявола (*Luciafer*)⁵⁴, а также – как извести супруга, если тот избивает свою жену⁵⁵.

В истории замужества Масет и ее семейной жизни с Аннекином де Рюйи также появились некоторые важные уточнения. Так, обвиняемая подтвердила, что познакомились они около пяти лет назад и почти сразу обручились. Однако затем новоиспеченный жених отбыл по делам в Испанию, так на ней и не женившись, «несмотря на свое обещание»⁵⁶. Вот почему, боясь, что Аннекин все-таки ее бросит, она завела себе нового приятеля:

В отсутствие упомянутого де Рюйи она сошлась с [очередным] компаньоном по имени Гийо де Лилль, который неоднократно пил, ел и спал в ее комнате... [И поступила так], сомневаясь в глубине души, как бы по возвращении из Испании ее жених не охладил бы в своих чувствах к ней и не расхотел бы на ней жениться, что принесло бы ей тяжкий урон и бесчестье, учитывая ее положение простой девушки и статус упомянутого

⁵² В данном случае судьи следовали еще одному распространенному мифу о колдовстве, согласно которому женская сексуальная привлекательность являлась следствием наведенных чар: *Deswarte T. Op. cit. P. 152.*

⁵³ Иными словами, Масет приобщилась к ремеслу колдовства, будучи еще, по меркам средневекового общества, девочкой-подростком.

⁵⁴ “Ouy et entendy que une femme ancienne, nommée La Mucete, et autres demourans en icelle ville... entre plusieurs parolles dites entre elles, distrent et enseignerent les unes aus autres, elle qui parle presente, que s’il estoit aucune femme ou fille qui eust son entencion et voulenté d’avoir par mariage aucun jeune homme ou autre qui la fréquentait..., que icelle femme, pour ce faire et acomplir sa voulenté, et jà soit ce que icellui son ami ne vouldist pas espouser celle qui le vouldroit avoir par mariage... que au commencement elle appellast un ennemi et deable d’enfer que l’en appellast Luciafer, et lui priaist et requist qu’il feust en son ayde à faire et acomplir sa voulenté et entencion, en lui disant sa peticion et requeste” (*Registre criminel du Châtelet de Paris. T. 2. P. 322-323*).

⁵⁵ “Ouy avec ce, elle qui parle,... que s’il estoit ainsi que aucune femme eust espousé aucun homme qui batist icelle et menast mauvaise vie, et que icelle femme vouldist bien estre vengée de son mary sans le faire mourir, et icellui mettre en tel estat que jamais, à nul jour du monde, ne se peust aidier ne battre icelle femme, mais demourer en tous les temps de sa vie en longue et perdurable langueur de maladie...” (*Ibid. P. 323-324*).

⁵⁶ “Fiancèrent li uns l’autre de leurs consentemens, et promistrent eulx entreprendre par mariage assez briefment ensuivant; laquelle chose ledit de Ruilly ne lui acompli aucunement” (*Ibid. P. 326, курсив мой – О.Т.*).

де Рюйи, который являлся богатым, могущественным и красивым молодым человеком, [имеющим] высокопоставленных друзей⁵⁷.

Страхи Масет оказались оправданными. Ее жених на самом деле не заводил с ней поначалу никаких разговоров о свадьбе, что и вынудило девушку, по ее словам, использовать любовный приворот:

Она настойчиво просила и умоляла упомянутого де Рюйи, чтобы тот сделал ее своей [законной] женой и супругой. Однако он не отвечал на ее вопрос прямо и честно, как она того желала... И ей кажется, и она думает и совершенно уверена, что ее суженый де Рюйи женился на ней быстрее, чем думал, [только] по причине приворота, [который она на него навела]⁵⁸.

Совместная жизнь молодых супругов, как мы уже знаем, не задалась. Прево Герара постоянно оскорблял свою молодую жену, попрекая ее низким происхождением:

На протяжении [всего] этого времени между ней и ее супругом постоянно возникали стычки и споры, в основном потому, что муж оскорблял ее и бил из-за того, что она не желала выполнять его прихоти, а также потому, что она в грубой форме отвечала ему [на замечания, утверждая,] что ее [репутация] ничуть не хуже его [собственной]⁵⁹.

Из-за постоянного разлада, царившего в семье, Масет и вынуждена была, по ее словам, прибегнуть к колдовству. Аннекин заболел, однако избивать и поносить супругу не перестал, а потому она вновь навела на него порчу, и тогда ему стало совсем плохо⁶⁰. Далее следовал уже

⁵⁷ "Pendant l'absence duquel de Ruilly, elle qui parle s'acointa d'un compaignon nommé Guiot de Lille, lequel but, menga et coucha par plusieurs nuyz avec elle en sadite chambre ... Doubtant en elle que quant sondit fiancé seroit retourné dudit pays d'Espagne, ne feust refroidie des amours qu'ilz avoient eues entre eulx, et qu'il ne voulüst elle qui parle aucunement espouser, laquele chose lui eust... très-deshonorable et dommable, eu regart à l'estat d'elle, qui estoit simple et jeune fille, et celui dudit de Ruilly, qui estoit beaux jeunes homs, riches, puissant et de grans amis" (Ibid.).

⁵⁸ "Elle qui parle pria et requist très-affectueuement icellui de Ruilly qu'il voullist elle qui parle prendre à femme et espous; lequel n'en respondoit pas si plainement ne liberalment à elle comme elle eust voulu... Et samble, tient et croit, elle qui parle, en sa conscience, que, à cause de ladite ointure, icellui de Ruilly, son fiancé, l'espousa plus tost qu'il n'eust fait" (Ibid. P. 326-328).

⁵⁹ "Durant lequel temps, entre sondit mary et elle ont esté plusieurs noises et debas, tant pour ce que sondit mary la blasmoit et batoit pour ce que elle ne vouloit pas faire et accomplir ses volentez, comme pour ce que elle lui respondoit moult durement et aprement, en lui disant que elle estoit aussi bonne comme sondit mary estoit" (Ibid.).

⁶⁰ "Nonobstant ces choses, ledit de Ruilly, son mary, ne se vouloit astenir de blasmer, vilener et battre elle qui parle; et pour ce, voulant soy eschever de ce, ayant en mémoire et remembrance l'ordonnance qu'il convenoit faire des botereaux, afin que sondit mary ne la peust d'ores en avant aucunement battre, et qu'il feust longuement en maladie..." (Ibid. P. 330, курсив мой – О.Т.).

знакомый нам рассказ о визите в дом де Рюйи менестреля, но, добавляла теперь обвиняемая, поскольку она очень боялась, что заподозрят в преступлении именно ее, она сама предложила своей свекрови Люсет обратиться к известной в области Бри знахарке⁶¹. В остальном же история Масет полностью повторяла второй вариант показаний Жанны де Бриг, который был также записан после пытки и в котором говорилось о сговоре, имевшем место между двумя «ведьмами»⁶².

Окончательную версию событий, представленную Масет, вроде бы подтверждали и известия из Герара. Слуги Аннекина де Рюйи обыскали весь дом и обнаружили во дворе жаб, припрятанных под поленницей⁶³. Сам же хозяин сообщал в Париж, что на протяжении последних двух недель, что его жена содержалась под стражей, здоровье его существенно улучшилось⁶⁴. Большого и желать было нельзя: судьи с чистой совестью единодушно приговорили Масет к смерти и 19 августа 1391 г. отправили ее вместе с Жанной де Бриг на костер⁶⁵.

* * *

Для нас должно быть совершенно очевидно, что окончательные и наиболее полные версии показаний обеих наших героинь были получены под пыткой. Этим, в частности, объяснялась их идентичность: большая часть подробностей произошедшего в Гераре преступления оказалась буквально «списана» незадачливой супругой Аннекина де Рюйи с показаний ее подельницы. И хотя их истории постоянно изменялись, дополнялись и уточнялись, мы обязаны принимать данное обстоятельство во внимание и не доверять слепо всему, что они рассказали в суде.

Вынужденный характер признаний Масет и Жанны следует, вне всякого сомнения, учитывать прежде всего при анализе сообщений об их предполагаемых занятиях колдовством. В конце XIV в. связь между использованием пыток в ведовских процессах и сомнительным, с рациональной точки зрения, описанием контактов «ведьм» и «колду-

⁶¹ "Et pour ce que elle qui parle ot doubte et paour que ilz ou ladite Lucete, sa dame, neustent souspeçon contre elle deposant que par son fait icellui de Ruilly feust prins et envoulté, pria et requist sadite dame Lucete, et tant fist par devers elle, que elle lui promist aler querre en la ville de Besmes une femme nommée Jehannete, laquelle l'en disoit estre divine" (Ibid. P. 331).

⁶² "Elle qui parle pria et requist icelle divine... , que icelle divine voulfist dire audit de Ruilly, son mary, que par une nommée Gilete La Verrière, demourant à la porte Bau-doir, à Paris, et laquelle avoit eu deux enfans de lui, il avoit esté prins et envoulté" (Ibid. P. 332).

⁶³ "Jaquemin, son paige, trouva deux crapoux en la court de l'ostel de lui qui deppose, soubz un auge de fust" (Ibid. P. 339).

⁶⁴ "Dit oultre que, quinze jours avant ce que sa femme feust prisonniere, il commença à admender, et est tousjours admendé sanz gesir" (Ibid. P. 340).

⁶⁵ "Et en cest estat finerent icelles femmes leurs jours, et furent arses en entérinant icellui jugement" (Ibid. P. 343).

нов» с дьяволом, их посещений шабаша или повседневных магических практик отсутствовала полностью. Французские судьи, как и все их европейские коллеги, искренне верили, что только на дыбе обвиняемые способны дать чистосердечные признания, рассказав собравшимся «истинную правду» о своем преступном ремесле. Только в конце XVI в. в трудах демонологов впервые отчетливо зазвучала мысль о том, что подобные показания могут являться абсолютным вымыслом и в действительности никаких «ведьм» не существует. Одним из первых, кто пришел к этому заключению, был уже упоминавшийся ранее Иоганн Вейер, прямо писавший в трактате *De prestigiis daemonum* (1563 г.) о невозможности узнать на пытке правду о преступлении – тем более, в делах о колдовстве, которое, с его точки зрения, следовало рассматривать не более чем иллюзии, насылаемые дьяволом на больных меланхолией женщин⁶⁶. Еще через год о бесполезности пыток заявил голландский юрист Юст ван Дамхудар в сочинении *Praxis rerum criminalium*, опубликованном в Антверпене в 1564 г. Он полагал, что ни один судья, участвующий в уголовном процессе, «не свободен от страсти»: прекрасно осознавая, что обвиняемые признаются в чем угодно, не будучи в состоянии терпеть физическую боль, он, судья, тем не менее, подчас выносит соответствующее решение на основании всего лишь слухов или дурной репутации человека⁶⁷.

Что же касается Франции, то здесь, насколько я могу судить, первые подобные размышления появились в трудах правоведов только в конце XVII в. В частности, им был посвящен трактат советника парламента Безансона Огюстена Николя, писавшего о недопустимости применения силы к заключенным, поскольку «очевидно, что многие, дабы избежать страданий, лгут на пытках»⁶⁸. Особое внимание автор также уделил вопросу о расследовании дел о колдовстве, когда результатом ошибочных действий судей всегда становилась смерть подозреваемых:

⁶⁶ “Comme la plus part de toutes leurs operations et actions semblent estre imaginaires, si bien que estans interroguées et prochaines du feu, elles confessent ouvertement les fautes, qui leur sont seulement conues par songes ou aparitions” (*Wier J. Op. cit. P. 213*).

⁶⁷ Подробнее о Юсте ван Дамхудере и его взглядах на использование пытки в уголовном судопроизводстве см.: *Wessels J.W. History of the Roman-Dutch Law. Clark, 2005. P. 233-234; Vanyacker D. The Impact of Humanists on Witchcraft Prosecutions in 16th and 17th-century Bruges // Humanistica Lovanientia. Journal of Neo-Latin Studies. 2001. T. 50. P. 393-434; Langbein J.H. Torture and the Law of Proof. Chicago; L., 1977. P. 8-9.*

⁶⁸ “Il faut souvent resister à l'empressement d'exposer un homme à la question, puisqu'il est constant que plusieurs, pour éviter ces douleurs, ont menti dans les tourmens” (*Nicolas A. Si la torture est un moyen seur à vérifier les crimes secrets. Dissertation morale et juridique. Marseille, 1982 (1st Amsterdam, 1682). P. 13, курсив мой – О.Т.*). Подробнее об Огюстене Николя и его демонологической концепции см.: *Тогоева О.И. Каким не должен быть судья: Огюстен Николя и его трактат о недопустимости пыток (1682 г.) // Право в средневековом мире. М., 2010. С. 255-270.*

Следует соответствовать званию судьи, что означает придерживаться рамок божественного права и ограничиваться показаниями неподкупных свидетелей, а не использовать этот ошибочный метод (т.е. пытку – О.Т.), как поступают в Германии, где судьям недостаточно и тысячи свидетельских показаний и они предпочитают собственное признание обвиняемого. Подобная одержимость практикой пыток и порождает в них дьявольскую жестокость⁶⁹.

Однако, в 1391 г. обоснованные сомнения в разумности использования в ведовских процессах пытки и в правдивости полученных таким образом показаний не были еще знакомы парижским судьям, и они расценили признания Масет и ее подруги Жанны де Бриг как вполне реалистичные. А поскольку подобные дела на тот момент все же представляли собой известную редкость, не стоит удивляться тому, насколько подробно оказались записаны рассказы наших героинь в «Уголовном регистре Шатле». Алом Кашмаре с любопытством истинного этнографа фиксировал малейшие детали, которые могли в дальнейшем пригодиться его коллегам при рассмотрении схожих случаев: обстоятельства, способствующие превращению молодой девушки или взрослой женщины в «ведьму»; условия заключения договора с дьяволом; особенности профессиональных интересов той или иной обвиняемой (их «специализации»); наконец, многочисленные «рецепты» зелий, о которых упоминали Масет и Жанна.

Данный демонологический аспект рассмотренного нами судебного казуса, безусловно, исключительно любопытен, а потому заслуживает самостоятельного исследования. Если же отбросить его в сторону и повнимательнее присмотреться к тем событиям, которые в конце концов повлекли за собой возбуждение уголовного дела, то окажется, что вся эта история в действительности представляла собой не что иное как рассказ о двух молодых и в общем очень несчастливых женщинах, которые всеми силами пытались устроить свою личную жизнь. И, как это ни ужасно звучит, именно применение пытки в данном процессе дало нам возможность довольно близко познакомиться с обеими героинями.

Сначала перед нами предстала Жанна де Бриг – матрона, обремененная маленькими детьми, отец которых никак не желал на ней жениться⁷⁰. Как следствие, она оказалась лишена возможности завести полноценную семью и собственный дом и стать уважаемой в обществе

⁶⁹ "Il faut pour demeurer dans les termes de Juge, et dans le prescit de la Loy divine, s'arrester à la conviction par témoins non reprochables, et ne pas donner dans cette erreur... comme ils font en Allemagne, qui est de ne rien coucher sur le témoignage de mille témoins irreprochables, si l'accusé ne confesse son crime de sa propre bouche. C'est cet abus qui produit parmi eux ces cruautés diaboliques dans la pratique des questions" (Nicolas A. Op. cit. P. 139).

⁷⁰ Жанна не уточняла, сколько именно детей у нее было, а следствие на этом вопросе не останавливалось: *Registre criminel du Châtelet de Paris*. T. 2. P. 281.

особой⁷¹. Вместо этого она вынуждена была зарабатывать на жизнь самостоятельно, регулярно прибегая к обману своих доверчивых клиентов или вступая с ними в сговор, как показывает история ее отношений с семейством де Рюйи.

Ее подельница Масет, на первый взгляд, находилась в более выигрышной ситуации. Правда, годы юности, проведенные в Рийи, а затем в Париже, особой удачи ей не принесли: многочисленные сожители, не спешившие взять ее в жены, обеспечили ей устойчивую репутацию проститутки. Однако, в отличие от Жанны де Бриг или от нашей давней знакомой Колетт Ла Бюкет, оставшихся матерями-одиночками, Масет в конце концов вроде бы повезло, и она смогла выйти замуж, да еще и за «богатого, могущественного и красивого» человека. Брак, тем не менее, оказался на поверку несчастливym, поскольку прево Герара явно стыдился своей жены и ее прошлого, что порождало между ними бесконечные ссоры. Мы не знаем, какими именно причинами руководствовался Аннекин, обручившись с бывшей проституткой, и насколько правдивой являлась история любовной связи его молодой жены с местным капелланом – но такое развитие событий представляется вполне возможным, учитывая скверные отношения, царившие в семействе де Рюйи.

Вероятно, столь же недовольна этим союзом была и мать Аннекина де Рюйи, Люсет. Ее слова о стремлении сохранить мир и спокойствие между супругами, которых она якобы называла «своими детьми» (*ses enfans*), следует, как мне кажется, расценивать как отговорку, даже если они и прозвучали в действительности в разговоре с Жанной де Бриг⁷². Если Масет мечтала избавиться от нелюбимого мужа, то ее свекровь, возможно, не менее сильно желала извести ненавистную невестку, для чего и воспользовалась болезнью сына и последовавшим затем судебным процессом⁷³. Не случайно и Аннекин, и Люсет так быстро «поверили», что в болезни молодого прево Герара виновна их юная родственница. Скандальное прошлое ставило ее на первое место среди возможных подозреваемых в наведении порчи: «Чем более честолюбивые и иные женщины одержимы страстью к плотским наслаждениям, тем безудержнее склоняются они к чародеяниям»⁷⁴. Данное наблюдение авторов «Молота ведьм» (1486 г.) оказывалось не менее актуальным и для Франции конца XIV в. Об этом свидетельствуют немногочисленные, но весьма показательные письма о помиловании,

⁷¹ При первом допросе Жанна сообщила, что проживала «со своим отцом и мачехой» (*avec son pere et sa marratre*): Ibid. P. 280.

⁷² См. прим. 31.

⁷³ Подобное поведение близких родственников, для которых обвинение в колдовстве часто оказывалось почти идеальным средством для того, чтобы избавиться от нежелательного члена семьи, для средневековой Франции было практически нормой. Подробный анализ похожего случая, рассмотренного в Парижском парламенте в 1354 г., когда ради получения наследства племянники пытались отправить на костер собственную тетку, см. в: Тогоева О.И. «Истинная правда». С. 66-90.

⁷⁴ Шпренгер Я., Инститотрис Г. Молот ведьм / Пер. Н. Цветкова. М., 1990. С. 127.

которые удавалось получить женщинам, обвиненным в занятиях колдовством. Так, в 1354 г. смертной казни смогла избежать Гийометт ла Тюбе, пытавшаяся приворожить собственного мужа⁷⁵. В 1375 г. была прощена Филиппа, супруга Адама Бигона, осужденная за попытку при помощи любовного зелья помириться с мужем и его дочерью от первого брака⁷⁶. Не менее популярной практикой, если довериться парижским архивам, было и наведение порчи на нелюбимого супруга. Именно за это в 1382 г. арестовали и приговорили к сожжению Жанетт Генъ, которую затем помиловали, поскольку из ее «колдовства» не вышло ни малейшего толка⁷⁷. Той же участи удостоился и Ришар Мартен, изготовивший в 1408 г. некий отвар для своей любовницы Пьеретт, собиравшейся погубить супруга, а затем – как и Масет де Рюи – соединить судьбу с новым избранником⁷⁸. Таким образом, практически любая средневековая женщина считалась потенциально способной приворожить, навести порчу или околдовать – желая всего лишь выйти замуж или удержать возле себя своего избранника.

Тем не менее, мы не можем с полным основанием утверждать, что в тяжелой болезни Аннекина была виновна именно Масет. Поскольку ее признания в занятиях колдовством были получены под пыткой, нам уже не удастся узнать, стремилась ли она на самом деле умиротворить его при помощи каких-нибудь – вполне реально существовавших, в отличие, надо полагать, от договора с дьяволом – трав или снадобий⁷⁹. Другое дело, что не менее распространенным, нежели идея о связи занятий колдовством с проституцией, поверьем в средневековой Франции на протяжении многих столетий оставалась идея о том, что отравление также является преимущественно женских рук делом и часто представляет собой одну из разновидностей магических практик⁸⁰.

⁷⁵ ANF. JJ 82. № 303 (а. 1354). Похожие примеры: ANF. JJ 84. № 205 (а. 1355); ANF. JJ 120. № 102 (а. 1382).

⁷⁶ ANF. JJ 82. № 303 (а. 1354).

⁷⁷ ANF. JJ 120. № 170 (а. 1382)

⁷⁸ ANF. JJ 162. № 89 (а. 1408). Подробнее об этих и некоторых других похожих делах см.: *Тогоева О.И.* Еретичка, ставшая святой. С. 116-117; *Она же.* Правдивая ложь, или Как ведьме обмануть короля.

⁷⁹ Как я уже упоминала, даже профессиональные врачи признавали крайне полезными познания деревенских знахарок в применении целебных трав и растений (см. прим. 16).

⁸⁰ Связь между колдовством и отравлением прослеживалась уже в деле 1337 г., исходящем из уголовного регистра Сен-Мартен-де-Шан. Заявление в суд подала местная жительница, которую публично оскорбили, обвинив в умении готовить «колдовские зелья и яды» (*les sorceries et poisons*): *Registre criminel de la justice de Saint-Martin-des-Champs*. P. 105. В 1355 г. Жанна, вдова Мишеля Фора, отравила своего супруга при попытке помириться с ним, за что, тем не менее, была прощена: ANF. JJ 84. № 264 (а. 1355). Точно так же в 1387 г. осудили Маса Валетт, которая своим колдовством довела до смерти раненого французского солдата Тено Невё; от смерти обвиняемую спасло лишь то, что она якобы использовала в своем ремесле «только заговоры» (*charme de paroles seulement*): ANF. JJ 131. № 142 (а. 1387).

Если какой-то мужчина бывал отравлен, первой подозреваемой почти автоматически становилась его супруга⁸¹. Подобные взгляды оставались доминирующими в западноевропейском обществе еще в раннее Новое время⁸². Только в конце XVI в. Иоганн Вейер предположил, что, в отличие от ядов, колдовские зелья в природе не существуют, и хотя отравителями чаще всего выступают действительно женщины, ведьмами назвать их нельзя⁸³. Однако еще в середине XV в. во Франции идея о наличии связи между распутным образом жизни, занятиями колдовством и использованием ядов была весьма распространена – в том числе, среди судей. Так, в 1447 г. в Парижском парламенте рассматривалось дело некоей Симоны, супруги Жана Нёвиля, которая, как сообщалось в материалах процесса,

согласно показаниям многочисленных свидетелей, подозревается в том, что убила собственного мужа, отравив его, [а также] вела дурной образ жизни при жизни супруга, [вступив в интимную связь] с мэтром Жаном Тьера, а после смерти супруга скрыла [от его родственников] большую часть его имущества⁸⁴.

Очень похожая ситуация, на мой взгляд, складывалась и в случае с Масет де Рюи, когда буквально все предрассудки средневекового общества, касавшиеся колдовства, сошлись воедино. Помимо негативного отношения мужа и свекрови именно они сыграли решающую роль в ее судьбе: наша героиня, как, впрочем, и Жанна де Бриг, оказалась казнена за преступление, которого, возможно, никогда не совершала. Вступить за нее, подать от ее имени письмо о помиловании было решительно некому, хотя подобная практика, как мы уже успели убедиться, в этот период была весьма распространена. Очень многие «ведьмы» или женщины, воспользовавшиеся их услу-

⁸¹ Так, в 1407 г. некая Казин ла Матин (*Casine la Matine*), последовательно отравившая, как выяснило следствие, двух своих мужей при помощи собственноручно приготовленного колдовского зелья, отправилась все-таки на костер: ANF. X 2a 14, fol. 387-391 (juin-juillet 1407). Похожие дела: ANF. X 2a 15, fol. 224v (août 1408); ANF. X 2a 16, fol. 35v-36 (décembre 1409).

⁸² Подробнее см.: Коллар Ф. История отравлений. Власть и яды от Античности до наших дней / Пер. Е. Лебедевой. М., 2010. С. 145-161, 173-179, 336-339.

⁸³ Иоганн Вейер полагал, что дьявол не в состоянии воздействовать на физические объекты (изменять форму и состояние предметов, жидкостей и веществ) или на природные явления: Wier J. Op. cit. P. 109-110. Как следствие, ничего подобного не могли, по его мнению, и те, кто считал себя ведьмами: Ibid. P. 202-207.

⁸⁴ "Ladite Simonne par vehemente presumpcion et par deposicion de plusieurs tesmoins est souspeconnée d'avoir fait mourir sondit mary par poisons, de s'estre mal gouvernée de son corps durant la vie de sondit mary avec maitre Jehan Tyera et s'avoir recelée plusieurs biens d'icellui mary après son trespas" (ANF. X 2a 24, fol. 174 v, mars 1447).

гами, получали королевское прощение за свои реальные или вымышленные проступки⁸⁵.

Однако Масет их примеру не последовала. Не смогла она и отсрочить вынесение приговора, что удавалось на протяжении почти года ее подельнице Жанне: она не имитировала беременность и не подавала апелляцию в парламент. Правда, она попыталась переложить ответственность за случившееся произошедшее на других людей: сначала на так и не представшую в суде «дочь повитухи» Жилет, а затем на Люсет, которую тоже по каким-то причинам не вызвали в Шатле, – но и это ей не помогло. Более того, признательные показания Масет после применения к ней пытки содержали столько «лишних» и нелицеприятных подробностей о ее личной жизни как до знакомства с Аннекином, так и после заключения с ним неравного союза, что никого, вероятно, не удивило, когда суд в результате признал ее виновной.

«Счастливый» брак, который поначалу представлялся нашей героине решением всех ее проблем, на деле оказался ловушкой, которая привела ее к гибели. И если у Колетт Ла Бюкет – даже после вынесения приговора – оставался по крайней мере шанс выжить, пусть даже и ценой потери привычного места жительства и круга общения, Масет де Рюйи такой возможности была лишена...

---

⁸⁵ *Тогоева О.И.* Правдивая ложь, или Как ведьме обмануть короля.

ГЛАВА 9

История о том, кому была неверна Жанна де Брем

История злоключений Масет де Рюйи демонстрирует, что мечта практически любой средневековой проститутки завершить свою сомнительную «карьеру» удачным замужеством в действительности могла привести к самым неожиданным и не всегда удачным последствиям. Несмотря на огромный объем данного судебного дела, во всех подробностях задокументированного Аломом Кашмаре, нам сложно предположить, как наша героиня планировала выйти из создавшегося положения. Решилась бы она на бегство с любезным ее сердцу капелланом, уморила бы законного супруга при помощи подручных средств или продолжила бы оставаться частью семейства де Рюйи, терпя побои и насмешки мужа, свекрови и их ближайшего окружения.

Наличие в нашем распоряжении трех вариантов истории о событиях, произошедших во французском Гераре, конечно, позволяет узнать очень многое о личной жизни их непосредственных участников, несмотря на важные различия, присутствующие во всех этих версиях, а также на пытку, примененную к обоим подозреваемым. Местами – благодаря активному включению в повествование демонологического дискурса – история и вовсе приобретает фантастический характер, и нужно приложить определенные усилия, чтобы разобраться, где правда, а где – ложь.

Впрочем, даже при отсутствии явно выдуманных элементов рассказа и при совершенно добровольной даче показаний в средневековом суде порой возникали ситуации, когда никто из собравшихся не мог понять, кому из фигурантов того или иного дела – истцу или ответчику – следует верить. Их версии событий настолько противоречили друг другу, что разрешение конфликта оказывалось практически невозможным, даже когда сам состав преступления не вызывал ни малейших сомнений.

Именно такой вариант судебной тяжбы мы теперь и рассмотрим. С историей Масет и Аннекина де Рюйи его роднит главное: и в том, и в другом случае речь шла о сложных отношениях внутри семейной пары, повлекших за собой, по всей видимости, убийство супруга его неверной женой. Подобных казусов французские средневековые архивы сохранили не так уж и мало, однако наша новая история отличалась одной интересной особенностью – в ней рассказывалось о *повторном* расследовании преступления, когда главная подозреваемая, уже вроде

бы оправданная и отпущенная на свободу, была вновь обвинена в его совершении своим вторым мужем.

* * *

Итак, героиню этой истории звали Жанна де Брем (*Johanna de Bremes*). К тому моменту, когда ее персоной заинтересовались судьи Парижского парламента, она успела овдоветь и, как кажется на первый взгляд, счастливо пребывала во втором браке. Ее новым избранником стал экюйе Бридуль де Мезьер (*Bridolus de Masieros*), который, впрочем, отнюдь не считал свой союз с Жанной удачным, поскольку подозревал ее в неверности. Тем не менее – в отличие от многих своих соотечественников, в случае адюльтера супруги охотно прибегавших к практике самосуда, – Бридуль избрал весьма нестандартную, на мой взгляд, стратегию поведения.

Несмотря на то, что имя соперника, как мы сейчас убедимся, было ему прекрасно известно, муж-рогоносец вместо того, чтобы убить его или хотя бы покалечить, обратился... в суд, обвинив Жанну де Брем в измене (*pro adulterio*) и потребовав примерно ее наказать. Иными словами, Бридуль выставил на всеобщее обозрение и обсуждение такие факты своей личной жизни, которые средневековые обыватели вроде бы обычно тщательно скрывали.

Так или иначе, но уже на первом слушании по данному делу, состоявшемся в суде королевского бальи Амьена, господин де Мезьер назвал имя своего обидчика – экюйе Жана де Кондета (*Johannes de Condete*), и заявил, что желает лично поквитаться с неверной супругой: поместить ее в собственную тюрьму и подвергнуть ее там пыткам и телесным наказаниям. Он также потребовал передать ему в пожизненное управление все немалое имущество Жанны¹.

Пикантность ситуации заключалась в том, что любовником госпожи де Брем был назван человек, признанный виновным в смерти ее первого мужа, шевалье Гийома де Капелля (*Guillelmus de Capella*), и казненный незадолго до описываемых событий. Таким образом, если довериться показаниям истца, Жанна изменяла с одним и тем же человеком не только ему, но и Гийому, который, возможно, и погиб из-за этой преступной связи, поскольку в деле упоминалось, что его вдову подозревали в соучастии в убийстве. Она якобы открыто сожительствовала с Жаном де Кондетом после гибели первого супруга, а также в то время, когда уже вышла замуж за Бридуля де Мезьера².

¹ Наиболее полно подробности дела Жанны де Брем были изложены в приговоре, временно освобождавшем обвиняемую из-под стражи вплоть до нового заседания парламента: ANF. X 2a 5, fol. 76v (2 juin 1346). То же решение оказалось скопировано и в регистре гражданских дел за 1346 г.: ANF. X 1a 10, fol. 453v (2 juin 1346).

² "Capta et postmodum ad nostros carceres adducta... fuisset pro suspicionem mortis dicti defuncti mariti sui de ipsius Johanne consensu et ea ut dicebant... murto interfecti per Johannem de Condete armigium a quosdam eius complices qui Johannes post homicidium perpetratum cum dicta Johanna matrimonium contraxant... et dicta Johanna ab eodem Johanne carnaliter cognosci adulterium contendo cum ipsa prius contraxisset matrimonium cum Bridolo de Maserys carnaliter copula consumatum" (Ibid.).

После следствия, проведенного бальи Амьена, Жанна была арестована и помещена в тюрьму графини Булонской (*comitisse Bolonie*), где подверглась пыткам. Вероятно, именно это обстоятельство заставило ее апеллировать в Парижский парламент³, чиновники которого сочли возможным рассмотреть данную жалобу. 2 мая 1346 г. обвиняемую перевели в королевскую тюрьму Шатле в Париже, где ознакомили с материалами процесса и дополнительной информацией с места преступления, «не делая [из нее] секрета» (*sens le secret*)⁴. Начиная с 5 мая при заключенной постоянно находился личный стражник, Жан дю Мутье, исполнявший обязанности «на свой страх и риск» (*à ses risques et perils*)⁵.

Первое заседание в парламенте было назначено на 16 мая 1346 г., и на нем судьи собирались рассмотреть апелляцию Жанны на неправомерные действия бальи Амьена⁶. Однако здесь в ходе процесса произошел неожиданный сбой: обвиняемая внезапно отозвала (*revocavit*) собственную жалобу. Как мне представляется, сделала она это не случайно, и вся история с апелляцией затевалась специально, чтобы добиться перевода дела в Париж, где оно расследовалось бы более опытными и, главное, не знавшими ее лично, т.е. непредвзятыми судьями.

Желание Жанны де Брем исполнилось: парижские судьи не стали отправлять ее обратно в Амьен и постановили, что процесс будет возбужден не по апелляции, но по «другим уголовным преступлениям» (*per alias criminos*), т.е. по обвинению в адюльтере⁷. А потому они вновь заслушали показания Бридуля де Мезьера, который повторил требования о передаче и неверной супруги, и ее имущества в его полное распоряжение. Он также просил, чтобы королевский суд назначил ей то наказание, которого она заслуживает, но привести приговор в исполнение хотел сам⁸.

Вполне естественно, что Жанну такое развитие событий никак не устраивало. Она всячески отстаивала свою невиновность, выбрав при

³ В отличие от случая Жанны де Бриг, которая возражала против вынесенного ей приговора, жалоба Жанны де Брем представляла собой типичный случай апелляции по процедуре, правила которой, с точки зрения ответчицы, были нарушены в суде бальи Амьена, т.е. в низшей по отношению к Парижскому парламенту инстанции: Olivier-Martin F. Histoire du droit français dès origines à la Révolution. P., 1992. P. 226-227, 235-236.

⁴ Приказ о переводе был отдан судебному исполнителю парламента Жану Фонте-ну: ANF. X 2a 5, fol. 13 (2 mai 1346).

⁵ ANF. X 2a 5, fol. 13v (5 mai 1346).

⁶ “Dicta Johanna postmodum de mandato nostro ad nostram curiam fuisset adducta cum huius informationibus... contra ipsam coram dicto Ballivo vel euis locustenente super premissis agitatis quadam appellationis causa per dictam Johannam ab audientia dicti Ballivi ad curiam nostram interiecte” (ANF. X 1a 10, fol. 453v, 2 juin 1346).

⁷ “En la cause principal... Bridoul fait fait et conclus que ladicte dame soit punie de adultere” (ANF. X 2a 5, fol. 14v, 16 mai 1346).

⁸ “Dictus Bridolus requisivit que dicta Johanna tanquam uxor sua sibi tenorem... cum bonis suis traderet incarcerationa et punienda per eum pro adulterio prelibato” (ANF. X 1a 10, fol. 453v, 2 juin 1346).

этом весьма небанальную линию защиты и заявив, что парижским судьям следовало бы прежде узнать у церковных властей Амьена, имело ли место бракосочетание между ней и Бридулем. Сама она этот факт категорически отрицала и настаивала на том, чтобы ее имущество, арестованное королевскими чиновниками, немедленно ей вернули, а ее саму освободили из тюрьмы. Отказываясь признавать себя женой господина де Мезьера, Жанна вполне логично заключала, что он не имеет никакого права подозревать ее в измене и, соответственно, требовать в отношении нее обвинительного, а тем более смертного приговора⁹.

Судьи, однако, не торопились верить ее словам. Они лишь несколько смягчили условия ее заключения: из Шатле они перевели ее в церковную тюрьму Сент-Женевьев-де-Пре, где женщин-заключенных должны были обслуживать и охранять также особы женского пола. Жанну велено было содержать отдельно от прочих – так, «чтобы никто не разговаривал с ней» (*que nul ne parle à elle*)¹⁰.

19 мая 1346 г. процесс «между Бридулем де Мезьером, экуюе, с одной стороны, и госпожой Жанной де Брем, с другой», возобновился¹¹. Однако судьям и на сей раз не удалось прийти ни к какому заключению, поскольку истец и ответчица никак не могли договориться, женаты они или нет. Бридуль настаивал, что брак был не только заключен, но и консумирован, Жанна все отрицала. Судьям оставалось вынести единственно возможное в такой ситуации решение: они посчитали необходимым отправить в Амьен своего комиссара, который выяснил бы у местных церковных властей всю правду о личной жизни этой странной пары¹². Лишь получив все необходимые сведения, чиновники Парижского парламента намеревались вновь вернуться к делу об адюльтере – если он и впрямь имел место.

Таким образом, благодаря отсрочке, 2 июня 1346 г. Жанна де Брем была освобождена из тюрьмы и могла находиться отныне где ей угодно «в пределах королевства» вплоть до следующего заседания по ее делу¹³. Правда, всего имущества ей так и не вернули, хотя и отправили бальи Амьена приказ выслать ей на расходы 100 парижских ливров из ее собственных средств¹⁴, помещенных на время следствия под арест¹⁵.

⁹ “Dicta Johanna econtrario perponente et dicente que ipsi sibi tradi non debebat nec liberari nec eius bona pro eo que nunquam ipsa matrimonialiter contrarat nec carnalem copulam habuerat cum eodem et sic nullum adulterium commisit nec erat admittendum dictus Bridolus ad requirendum que ipsa sibi traderet” (Ibid.).

¹⁰ ANF. X 2a 5, fol. 14v (16 mai 1346).

¹¹ “Inter Bridolus de Masieros armigerus ex una parte et domina Johanna de Bremes... ex aliter” (ANF. X 2a 5, fol. 15, 19 mai 1346).

¹² “Nam per curiam ecclesiasticam ad quam pertinet de matrimonio cognoscere” (ANF. X 2a 5, fol. 14v, 16 mai 1346).

¹³ “Donna Johanna de Brennes relicta Guillelmi de Capelli militis elargata est per regnum usque ad diebus ballivius” (ANF. X 2a 5, fol. 16v, 2 juin 1346).

¹⁴ “Ad Johanne per necessariis suis et cause sue quam habet” (ANF. X 2a 5, fol. 61v, 17 juin 1346).

¹⁵ “Super bonis mobilibus et immobilibus Johanne de Brennes relicta Guillelmi de Capella militis in manu nostram etis de causis existens contum” (Ibid.).

Вместе с тем на свет выплыли крайне неприятные для Жанны подробности: судьи парламента всерьез заинтересовались обстоятельствами более раннего преступления, а именно убийства Гийома де Капелля, подозревая, что их подопечная была соучастницей своего предполагаемого любовника. При этом они руководствовались как сведениями, полученными от коллег из Амьена, так и показаниями Жана де Кондета, а также признанием, сделанным ранее по этому делу самой Жанной. Последнее, правда, вызывало у них некоторые сомнения, поскольку было получено после пыток. А потому королевскому советнику Тома Ванену надлежало лично отправиться в Амьен, дабы собрать информацию о том, применялась ли к обвиняемой сила или ее признание было сделано без принуждения¹⁶.

Итак, в предварительном приговоре, вынесенном по делу Жанны де Брем, сообщалось, что Парижский парламент намеревается в будущем рассмотреть сразу два уголовных дела: об убийстве Гийома де Капелля и возможном участии в этом преступлении его вдовы, а также об измене, якобы совершенной ею в отношении второго мужа, Бридуля де Мезьера, если церковный суд подтвердит факт их свадьбы¹⁷. В таком случае судьи собирались предоставить Бридулю право отправить неверную супругу в заточение, однако категорически возражали против ее казни или каких бы то ни было физических наказаний (*sine morte vel mutilatos*)¹⁸.

* * *

Дело Жанны де Брем любопытно для нас с нескольких точек зрения.

Во-первых, речь в нем шла о преступлении, совершенном на сексуальной почве, упоминание которого в регистрах уголовной практики парижских судов, как я уже отмечала, было явлением довольно редким. В позднесредневековой Франции адюльтер не часто становился предметом судебного рассмотрения. Как следствие, сведения о такого рода происшествиях проще обнаружить в письмах о помиловании, весьма активно выдававшихся обиженным мужьям, братьям, отцам, а также их близким друзьям, лично наказывавшим любовников или насильников их жен, подруг, сестер и дочерей. Из тех же источников мы можем узнать и об излюбленных методах мщения за нанесенное оскорбление: об убийстве виновного в адюльтере мужчины, его кастрации или иных вариантах членовредительства¹⁹.

Впрочем, нередко жертвой обманутого супруга становилась и его собственная жена. Например, в 1382 г. золотых и серебряных дел мастер из Парижа, на протяжении многих лет «умолявший» (*supplié*) свою вторую половину прекратить бесконечные измены и «прощавший» (*pardonné*) их раз

¹⁶ ANF. X 2a 5, fol. 68 (2 juin 1346).

¹⁷ Во время судебного разбирательства в парламенте Жанна, во избежание недоразумений, именовалась исключительно «вдовой Гийома де Капелля, шевалье»: “Donna Johanna de Brennes relicte Guillelmi de Capelli milites” (ANF. X 2a 5, fol. 16v, 2 juin 1346).

¹⁸ ANF. X 2a 5, fol. 76v (2 juin 1346).

¹⁹ Подробнее см.: Глава 1, 2.

за разом, в итоге все же не выдержал и убил ее, но получил, тем не менее, письмо о помиловании²⁰. В 1388 г. избежал смертной казни горшечник из Руана, который случайно застал супругу в постели с любовником и, «придя в негодование от того, что увидел, потеряв голову, лишившись дара речи и глубоко оскорбленный, зарезал эту женщину»²¹. Точно так же некий мясник из Санса целый год пытался забыть об неверности жены, «призывая ее прекратить вести столь распутную жизнь»²². Найдя ее как-то вечером в придорожных кустах с очередным поклонником, он прикончил ее. Еще большую выдержку продемонстрировал Пьер де Куртене из Шартра. Он старался не обращать внимания на вереницу «приятелей» (*amis*) своей супруги, хотя понимал, что она ему изменяет, но обещал все простить, если она исправится. А потому он отослал ее из дома в Париж, но вскоре, «умирая от любви к ней» (*meu d'amour*), забрал ее оттуда и перевез в Орлеан, где она тут же «спуталась» (*s'acointe*) с местными студентами. Прознав об этом, Пьер сбросил неверную жену в колодезь²³.

Во всех подобных случаях обманутые и оскорбленные мужья достаточно легко получали королевское прощение. Типичным можно назвать обоснование для помилования, данное в письме на имя уже упоминавшегося горшечника из Руана:

Учитывая все вышесказанное и то, каким образом была совершена эта [измена], являющаяся оскорблением для чувств мужчины, которого касается данное дело²⁴.

Практика самосуда, таким образом, оказывалась в делах об адюльтере совершенно нормальным явлением как для простых обывателей, так и – что еще важнее – для представителей судебной власти.

На этом фоне поведение Бридуля де Мезьера выглядит тем более странно. Зачем он обратился в Парижский парламент? Почему не побоялся сделать измену своей жены достоянием гласности? Какие цели он преследовал? Почему сам не убил или как-то иначе не наказал Жанну де Брем, если знал, что в любом случае без особого труда получит королевское помилование?

Чтобы понять необъяснимые, на первый взгляд, мотивы поведения нашего героя, стоит обратить внимание на подробности жизни его супруги. Жанна, как нам уже известно, в первый раз вышла замуж за Гийома де Капелля, человека знатного и богатого. В регистрах

²⁰ ANF. JJ 120. № 5 (janvier 1382).

²¹ "Par la chaleur et desplaisance que ledit exposant ot de ce que dit est moult courcié, esmeu et eschauffé, feri ladicte femme" (ANF. JJ 133. № 11, juin 1388).

²² "Cuidant qu'elle se deust astenir de mener telle desordonnee vie" (ANF. JJ 165. № 13, novembre 1410).

²³ ANF. JJ 107. № 327 (août 1375).

²⁴ "En consideracion aus choses dessus dites et a la maniere dudiz fait qui est moult chose desplaisant a homme sensible quant elle lui touche" (ANF. JJ 133. № 11, juin 1388).

гражданских дел Парижского парламента сохранилась целая серия документов, где упоминается его имя. Из них мы узнаем, что Гийом был старшим сыном Этьена де Капелля и некой Беатрикс, которая, овдовев, сочеталась вторым браком с Жильбером де Недоншелем²⁵. Земли Жильбера, как и владения его пасынка, располагались недалеко от Амьена, а потому все спорные вопросы о наследстве решались в том же суде королевского бальи, где спустя совсем небольшое время допрашивали Жанну де Брем. Особо продолжительным стало разбирательство, в котором Гийом и его отчим объединили усилия и выступили против родственницы последнего, Жанны де Недоншель, пытаясь вернуть себе в узуфрукт некое владение Вавран (*Wavrans*). Данный процесс длился по меньшей мере с 26 января 1342 г. по 10 февраля 1345 г.²⁶ Именно под этой датой в регистрах гражданских дел и упоминалось в последний раз имя Гийома де Капелля. Весной 1346 г. его уже не было в живых.

Если же обратиться к материалам уголовного следствия, то мы узнаем, что Гийом де Капелль был убит группой заговорщиков, во главе которых стоял Жан де Кондет, впоследствии арестованный, признанный виновным и казненный в том же 1346 г. Причины, побудившие его расправиться с Гийомом, в материале дела не уточнялись, но судьи полагали, что в преступлении могла быть замешана Жанна де Брем. Точной информации, по всей вероятности, у них не имелось (иначе молодая вдова сразу оказалась бы за решеткой), но вполне допустимо предположить, что слухи о неподобающем поведении супруги Гийома де Капелля по Амьену ходили, и они-то и послужили основанием для подозрений. Именно таких «разговоров» в свое время опасалась и жительница городка Тинь (*Tigne*) Гийометт де ла Круа, арестованная в конце концов за убийство собственного зятя. Тот застал ее в неподобающем месте с неким Кола Югеном, который отнюдь не являлся ее мужем, хотя местные жители давно уже подозревали, что он ее любовник²⁷. Очевидно, что Жанну де Брем допрашивали в Амьене и об отношениях с Жаном де Кондетом, и об обстоятельствах смерти Гийома де Капелля, поскольку чиновники Парижского парламента именно оттуда рассчитывали получить дополнительную информацию об имевших место событиях. Таким образом, обвинение супруги в совершении уголовного преступления не являлось чистой выдумкой господина де Мезьера: в своих показаниях он ссылаясь на реально существовавшие материалы следствия.

Личные отношения Бридуля и Жанны также заслуживают особого внимания. Был ли между ними на самом деле заключен официальный

²⁵ Actes du Parlement de Paris. 2me série: Jugés / Ed. par H. Furgeot. P., 1960. T. 2 (1328-1350). № 3912, 5506.

²⁶ ANF. X 1a 9, fol. 269-270 (26 janvier 1342); X 1a 9, fol. 418v-419 (1 février 1343); X 1a 10, fol. 77-79 (21 février 1344); X 1a 10, fol. 50-50v (21 mai 1344); X 1a 10, fol. 45 (10 juillet 1344); X 1a 10, fol. 188-188v (10 février 1345).

²⁷ "Par commune renommée tant au village d'entour de Tigne qu'à Tigne... gouvernée mal de son corps avec Colas Hugain" (ANF. X 2a 24, fol. 134v, juillet 1446).

(церковный) брак? Даже если предположить, что Гийома де Капелля убили практически сразу после последнего судебного заседания, в котором он лично принимал участие (т.е. в феврале 1345 г.), то на заключение соглашения о повторном замужестве, официальную помолвку, свадебную церемонию и консумацию брака у Жанны оставалось чуть больше года. Однако для того, чтобы обвинить супругу в адюльтере и настаивать на том, что она уже *давно* изменяет ему, требовалось, чтобы Бридуль хотя бы сколько-нибудь продолжительное время прожил с ней под одной крышей.

Период, по истечении которого вдова могла вступить в повторный брак, никакими правовыми или законодательными документами специально не оговаривался. Данные исследователей по этому вопросу также весьма разнятся: срок между утратой первого мужа и заключением нового союза мог составлять от 30 дней²⁸ до пяти лет²⁹. Кроме того, как отмечал автор *Mesnager de Paris*,

когда женщина теряет первого супруга и более не живет в браке, ей очень сложно найти другого [мужчину], который соответствовал бы ее положению и ее вкусу. На протяжении долгого времени она остается растерянной и безутешной³⁰...

Следует учитывать и то обстоятельство, что Бридуль, настаивая на факте заключения брака с Жанной, мог либо сам путать официальную церемонию с предваряющей ее помолвкой (и такие случаи отнюдь не были редкостью)³¹, либо сознательно вводить следствие в заблуждение. Единственное, что позволяет предположить, что наши герои действительно уже успели пожениться до начала интересующего нас процесса, – собственно имущественные претензии истца, которые он столь упорно отстаивал в Парижском парламенте и которые не имели бы законной силы без наличия свидетельства о браке. Однако те же требования якобы обманутого супруга подсказывают нам, что в данном случае возможность самосуда его никак не устраивала.

Жанна де Брем являлась вдовой шевалье, а потому она оказалась, безусловно, знатнее своего второго мужа, имевшего титул экюйе³². Она, по всей видимости, была также богата, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что ни она, ни ее первый супруг не скупилась на расходы, когда отстаивали свои права в суде. Следовательно, деньги у

²⁸ Габдрахманов П.Ш. Средневековые крестьяне и их семьи. Демографическое исследование французской деревни в VIII-XI вв. М., 1996. С. 109-110.

²⁹ Бессмертный Ю.Л. Указ. соч. С. 83.

³⁰ "Puis que une femme a perdu son premier mary et mariage communement, a peine treuve elle selon son estat le second a son advenant; ains demeure toute esgaree et desconseillie long temps" (Le Mesnager de Paris. P. 294, курсив мой – О.Т.).

³¹ Бессмертный Ю.Л. Указ. соч. С. 81.

³² Титул, а также право на проживание в замке покойного супруга Жанна должна была получить в узуфрукт – в свое пожизненное владение, без права передачи второму мужу: Olivier-Martin F. Op. cit. P. 276-277, 652-653.

них водились, и они отошли Жанне, составив ее наследство. Об имущественном положении Бридуля де Мезьера нам, к сожалению, ничего не известно, кроме одного: он очень рассчитывал на собственность жены, когда обвинял ее в адюльтере и призывал судей передать ему в пожизненное управление ее владения.

Именно *материальная* сторона дела, как мне представляется, и заставила нашего героя обратиться в суд вместо того, чтобы *лично* учинить расправу над изменщицей. К этому моменту над Жанной де Брем уже висело обвинение в соучастии в убийстве, против нее свидетельствовали и показания Жана де Кондета, и прочие сведения, полученные с места преступления. Если бы дело было доведено до конца и молодую женщину признали виновной в гибели Гийома де Капелля, ее ждала бы смертная казнь и обязательная – как всегда в случае умышленного убийства (*meurtre*) – конфискация всего ее имущества в пользу короля. Именно так произошло в 1391 г. с Белон, супругой Дриона Ансо, обвиненной в том, что она вместе с любовником Тевенином по прозвищу Одиночка задушила ночью собственного мужа, а его тело бросила в реку³³. Объявленная «убийцей и пособницей в убийстве», Белон была единодушно приговорена судьями Шатле к сожжению³⁴.

Точно так же, по всей вероятности, развивались бы события и в деле Жанны де Брем, и ее второй супруг при вынесении обвинительного приговора не мог бы рассчитывать на получение ее имущества. Впрочем, если бы нашу героиню признали невиновной, ее владения все равно не перешли бы в управление Бридулю, поскольку являлись неотчуждаемой собственностью женщины. Речь шла о *douaire* – имуществе, унаследованном Жанной от Гийома де Капелля. Это могло быть т.н. условное наследование, при котором доля жены специально оговаривалась в завещании мужа, или же обычное наследование – треть или половина (при отсутствии у пары детей) имущества умершего супруга, не считая собственного приданого женщины. Так или иначе, но новый избранник госпожи де Брем не получил бы права распоряжаться этим наследством без согласия самой владелицы³⁵. Однако, если женщина по каким-то причинам лишалась возможности управлять своей собственностью (например, оказывалась больной, сумасшедшей или замешанной в преступлении), эта функция могла перейти к членам ее

³³ “Je feys executer un malfaitteur nommé Thevenin Tout Seul, pour ses demérites, en la juridicion d’Essonne, lequel, entre les autres cas par lui confessez, cognut que, environ la Toussains derrenierement passée, il tua et occist Drion Anceau, demourant en une ville nommée le Bois Mallesherbes, et l’occist environ trois heures de nuit, du consentement de Belon, femme dudit Anceau; et après laditte occision et mordre, le porta et jetta en la rivière” (Registre criminel du Châtelet de Paris. T. 2. P. 55-61, здесь P. 55).

³⁴ “Délibérèrent et furent d’opinion que elle estoit digne d’estre pugnée comme mordre et participant de la mort de son dit mary, et que, pour ce, elle feust arce... Et n’avoit aucuns biens” (Ibid. P. 60-61). Последняя фраза в деле («И не имела никакого имущества») указывала, что конфисковывать в пользу короля в данном случае будет нечего.

³⁵ Olivier-Martin F. Op. cit. P. 276, 652.

семьи³⁶. Данным обстоятельством, как мне представляется, и собирався воспользоваться Бридуль де Мезьер. Обратившись с официальной жалобой в суд, он, если можно так выразиться, попытался сыграть на опережение.

Тем не менее, чиновникам Парижского парламента оказалось весьма непросто доказать, что Жанна де Брем действительно длительное время изменяла своему второму мужу. Ведь Жан де Кондет, считавшийся ее любовником, уже умер и не мог ни подтвердить, ни опровергнуть слова «обиженного» истца. Вероятно, никакой измены наша героиня и вовсе не совершала, однако ей, учитывая ее репутацию и висевшие над ней иные обвинения, уже никто не верил: ее собирались передать в руки Бридуля, как только будут получены документы, подтверждающие заключение между ними брака. И тогда муж, лишив Жанну всех прав, посадил бы ее в свою собственную тюрьму, а сам имел бы полное право распоряжаться ее немалым состоянием.

* * *

Безусловно, подобное развитие событий является всего лишь моим предположением: ведь вполне могло оказаться, что брак с Жанной де Брем был попросту выдумкой Бридуля де Мезьера. Однако эту гипотезу подтверждают материалы судебной практики. Имущественные вопросы часто волновали оскорбленных мужей не меньше, а даже больше, чем собственно факт измены. Так, в 1381 г. парламент рассматривал дело некоего парижанина, обвинявшего свою жену в преступном сожительстве с королевским сержантом. При том, что женщина давно оставила его и открыто поселилась в доме любовника, ее муж вовсе не требовал, чтобы она к нему вернулась, и не собирався хоть как-то ее наказывать. Он всего лишь желал получить через суд имущество своей легкомысленной супруги, которое та забрала с собой и на которое он, естественно, предъявлял права. Претензии брошенного мужа были сочтены убедительными, и сержанта-любовника приговорили к возврату собственности стоимостью 500 парижских ливров³⁷. В деле от 1401 г. речь также шла об адюльтере: некая знатная дама (*fille de chevalier et de dame*) обвинялась в том, что завела любовника, пока ее супруг-шевалье (*nobles homs fils de chevalier*) отсутствовал дома. Вернувшись, муж подал на нее в суд, однако его предполагаемый соперник сразу же заявил, что никакой измены не было, и истец всего лишь покушается на *douaire* жены, т.е. на имущество, полученное ею после смерти первого мужа, и желает во что бы то ни стало прибрать его к рукам³⁸.

³⁶ Подробнее об управлении собственностью недееспособных лиц см.: Тогоева О.И. "Estre ydiot": категория «сумасшедший» во французском средневековом праве и способы ее описания // Власть, право, религия: взаимосвязь светского и сакрального в средневековом мире. М., 2003. С. 206-228.

³⁷ ANF. X 2a 9, fol. 243v (octobre 1381).

³⁸ ANF. X 2a 14, fol. 18 (mars 1401).

Эти примеры свидетельствуют, что кажущееся, на первый взгляд, несколько странным поведение Бридуля де Мезьера на самом деле было вполне логичным и хорошо продуманным. Значительно больше вопросов вызывает то наказание, которому он – при удачном для него стечении обстоятельств – собирался подвергнуть супругу и, в частности, его намерение посадить ее под замок в своей «частной» тюрьме.

Нужно прежде всего сказать, что такого варианта расплаты за совершенный адюльтер французское средневековое право в отношении женщин не предусматривало. Как я уже отмечала, данное преступление в принципе очень поздно вошло в сферу уголовной юрисдикции как сеньориальных, так и королевских судов³⁹, которые именно по этой причине выносили самые разнообразные решения в подобных вопросах: неверных жен посылали на смерть, заключали в монастыри, изгоняли из родных городов, штрафовали⁴⁰. Однако пожизненное тюремное заключение, по всей видимости, в данном списке никогда не фигурировало.

Это, тем не менее, не означает, что Бридуль де Мезьер не мог иметь собственной тюрьмы – или же его не вдохновил пример кого-нибудь из соседей. Наличие «частных» узилищ было для средневековой Франции совершенно нормальным явлением, хотя их неправомерное использование как раз в XIV в. стало активно преследоваться по закону. И речь шла не о незаконных арестах, производимых судебными чиновниками (впрочем, и подобных случаев тоже хватало⁴¹), но о преступлении, со-

³⁹ Впервые как уголовно наказуемое преступление адюльтер был упомянут в ордонансе от 1381 г.: “*Qui casus sunt hii... de vulnere ubi cicatrix remansit in vultu, vel membrum fuerit mutilatum vel debilitatum; in furto, raptu mulierum, adulterio, et violencia publica et armata; de qualibet percussione facta cum gladio, ubi magna sanguis effusio emanasset*” (Ordonnances des roys de France. T. 7. P. 729). Таким образом, данное правонарушение отсутствовало в списке «королевских» дел, рассматриваемых во французских судах в XIV в.: *Perrot E. Les cas royaux. Origine et développement de la théorie aux XIIIe et XIVe siècles. P., 1910. P. 327-328.*

⁴⁰ Подробнее см.: Глава 2. См. также: *Gauvard C. La violence des nobles // Gauvard C. Violence et ordre public au Moyen Âge. P., 2005. P. 245-264, здесь P. 250-251; McDougall S. The Opposite of the Double Standard: Gender, Marriage, and Adultery Prosecution in Late Medieval France // Journal of the History of Sexuality. 2014. Vol. 23 (2). P. 206-225.*

⁴¹ ANF. X 2a 6, fol. 75-77v (avril 1353); X 2a 6, fol. 137-138 (août 1353); X 2a 6, fol. 157-161 (décembre 1353); X 2a 6, fol. 153v-157 (avril 1354); X 2a 6, fol. 178-182 (septembre 1354); X 2a 6, fol. 185v-186v (août 1354); X 2a 6, fol. 187-188 (juin 1354); X 2a 6, fol. 189v-190v (mai 1354); X 2a 6, fol. 230v-232 (décembre 1354); X 2a 6, fol. 239v-240 (mars 1355); X 2a 6, fol. 348v-349v (mars 1357); X 2a 6, fol. 361-363 (juin 1357); X 2a 6, fol. 426v-430 (août 1359); X 2a 7, fol. 264-264v (septembre 1366); X 2a 7, fol. 265-266v (septembre 1366); X 2a 7, fol. 325v-327 (mars 1367); X 2a 8, fol. 35v-37 (mai 1368); X 2a 8, fol. 70v-71v (août 1368); X 2a 8, fol. 101v-102v (mai 1369); X 2a 8, fol. 119-121v (janvier 1369); X 2a 9, fol. 15 (août 1376); X 2a 9, fol. 22v-23 (mars 1376); X 2a 9, fol. 46-47v (août 1376); X 2a 9, fol. 128v-129 (août 1378); X 2a 9, fol. 234-235 (mars 1381).

вершаемом рядовыми, пусть даже и знатными, членами общества. Потерпевшие при этом относились к самым разным социальным слоям.

Так, в 1354 г. смертный приговор был вынесен сиру де Маранс за то, что он долгое время держал под арестом у себя в замке, а затем убил местного торговца (исполнявшего к тому же обязанности прево). В качестве доказательства его вины вдова покойного привезла в Париж тело своего мужа⁴². В 1355 г. монахи аббатства в Лиможе протестовали против действий собственного певчего, устроившего в монастыре «частную» тюрьму, которую не полагалось иметь братии, и засадившего в нее истцов. В свою защиту ответчик заявлял, что монахи занимались подделкой документов, а одного из них он и вовсе застал в обществе проститутки⁴³. В 1365 г. парламент рассматривал жалобу капитана крепости Тори (*Thory*) на шевалье де Брагелань, отдавшего приказ посадить его под арест без малейшего на то основания⁴⁴. В 1369 г. спор между настоятельницей монастыря Монтивильер и местным сержантом вспыхнул не только из-за наличия в аббатстве карцера, но и из-за того, что она своей волей посадила под замок несколько человек, подозревавшихся в совершении убийства. Через какое-то время – и на это ушел не один месяц – королевский чиновник все же добился от своих парижских коллег решения о лишении аббатисы прав светской юрисдикции⁴⁵. Еще дольше (с февраля 1395 г. по июнь 1396 г.) в парламенте изучали апелляцию некой служанки из Ла Рошели. Два клирика принуждали ее дать показания против семейной пары, у которой она работала и которая, по слухам, довела до смерти собственную беременную дочь, однако женщина категорически отказывалась это делать. Тогда они заключили ее под арест в замке одного из местных сеньоров, принялись пытать и в итоге полностью сожгли ей кожу на ступнях. Тем не менее, клирики были признаны невиновными, а служанку приговорили к публичному покаянию у позорного столба в Париже и в Ла Рошели⁴⁶. В том же 1396 г. к столичным судьям обратилась с жалобой графиня де Комминж, которую захватил в плен сир де Рошфор: пока она пребывала в его тюрьме, он вместе с сообщниками грабил ее владения⁴⁷.

Возможно, Бридуль де Мезьер слышал о каких-то похожих казусах и знал об энергичной борьбе королевских судов с «частными» тюрьмами, а потому захотел подстраховаться и получить официальное раз-

⁴² ANF. X 2a 6, fol. 129v-137 (mars 1354).

⁴³ ANF. X 2a 6, fol. 255v-257 (juillet 1355).

⁴⁴ ANF. X 2a 7, fol. 164v-167 (avril 1365).

⁴⁵ ANF. X 2a 8, fol. 102v-106 (mars 1369).

⁴⁶ ANF. X 2a 13, fol. 56-56v (4 février 1395); X 2a 13, fol. 58 (12 février 1395); X 2a 13, fol. 129v-131 (26 juin 1396).

⁴⁷ ANF. X 2a 13, fol. 171-171v (décembre 1396). Похожие примеры: ANF. X 2a 6, fol. 28v (avril 1353); X 2a 6, fol. 29v (mai 1353); X 2a 6, fol. 342v-245 (février 1357); X 2a 7, fol. 63v-66v (mars 1362); X 2a 7, fol. 178v-179v (mai 1365); X 2a 7, fol. 239v-243v (juin 1366); X 2a 7, fol. 261-263 (septembre 1366); X 2a 7, fol. 338v-343 (mai 1367); X 2a 8, fol. 47v-52 (juin 1378).

решение на свои дальнейшие действия. Таким образом, и он сам, и чиновники Парижского парламента выступили в рамках данного процесса сторонниками жесткого обращения с замужними женщинами.

Споры по этому вопросу самым активным образом велись во французском обществе в конце XIV–начале XV в. С одной стороны, излишний контроль за поведением и, как следствие, за моральным обликом представительниц слабого пола многими современниками Бридуля де Мезьера считался недопустимым. Кристина Пизанская, в частности, полагала, что посещение публичных мест и прогулки по улицам города в одиночестве вполне возможны для любой добропорядочной особы – нужно лишь хорошенько выбирать, куда ты идешь и с кем намереваешься встретиться⁴⁸. Если же тот или иной мужчина пытался запереть свою жену в четырех стенах, его зачастую подвергали откровенным насмешкам. Именно так в 1379 г. произошло с Жаком де Шартром, королевским плотником из Парижа. Вернувшись однажды вечером домой, он обнаружил, что входная дверь заперта на замок. На все его расспросы супруга отвечала, что поступила так, страшась угроз бывшего любовника. И уже на следующий день Жак тяжело ранил обидчика, был арестован, а в суде объяснил свой поступок «горячностью, которую может проявить любой женатый человек в подобной ситуации»⁴⁹. Его противник, тем не менее, все обвинения отверг и заявил что плотник – самый обычный ревнивец. Его подозрительность, как полагал адвокат защиты, была столь велика, что он даже

терпеть не мог, когда [его супруга] ходит к мессе, и на протяжении долгих лет держал ее в такой строгости, что она не могла посещать церковь и исповедоваться. Всего раз в год, на Пасху, он сам отводил ее в церковь августинцев, чтобы она исповедовалась, и всегда оставался рядом с ней до конца исповеди, так близко от священника, как только мог. И уводил ее с исповеди еще до того, как она закончит, всячески демонстрируя, как ему неприятно находиться [в церкви]. И не разрешал ей гулять одной, где ей было угодно, но всегда держался рядом⁵⁰.

Впрочем, часто свобода, который пользовались замужние женщины, могла обернуться против них же самих или против их ближайших

⁴⁸ “Aller trotant par ville... se elle est sage, doit bien aviser ou, avec qui, comment et qui y doit estre ou elle va” (*Christine de Pizan. Le livre des trois vertus* / Ed. par C.C. Willard, E. Hicks. P., 1989. P. 182).

⁴⁹ “Chaleur qui peut cheoir en tout homme marié en tel cas” (ANF. X 2a 10, fol. 77v, avril-juin 1379).

⁵⁰ “Il ne souffroit pas que elle alloit oir messe, mais par longtemps la tenoit si estreote que elle ne pavoit pas aller a l'eglise ne soy confesser et une foiz sur le temps de Pasque, la mena aus Augustins pour estre confessée et se tenoit touzjours de costé elle jusques à tant qu'elle fut confessée et si près du prestre qu'il pavoit et la fist lever de confesse avant que elle eust tout parfait, monstrant semblant que il lui desplaisoit pour la demeure et ne la laissoit aller plain pas de voie que il ne feust empres elle” (Ibid.).

родственников. Так, в 1424 г. супруга Пьера Ламбера, столичного золотых и серебряных дел мастера, отправилась к мессе в одиночестве, отказавшись от сопровождения золовки. Однако вместо церкви она свернула к ближайшему колодцу, куда бросила своего новорожденного ребенка и куда попыталась броситься сама, желая покончить жизнь самоубийством⁵¹. Именно от подобных ситуаций и пытался предостеречь своих читателей Этьен Буало в «Книге ремесел», когда писал, что если уважаемые дамы

появляются на удаленных от их домов торговых улицах такого города как Париж в столь [поздний] час и в одиночестве, это приводит к преступлениям, разврату и [прочим] безобразиям⁵².

От тех же случайностей предостерегал свою молодую жену и автор *Mesnagier de Paris*:

Отправляясь в город или в церковь, вам следует, в соответствии с вашим статусом, иметь достойных сопровождающих, особенно добропорядочных дам, [которые известны] своей репутацией, и избегать сомнительной компании. Не приближайтесь ни [к одной] подозрительной особе и не приглашайте ее с собой. Когда вы идете [по улице], держите голову ровно, веки – опущенными и неподвижными, смотрите прямо перед собой... Старайтесь не глазеть по сторонам или останавливать взгляд на каком-нибудь мужчине или женщине справа и слева от вас, не задирать голову вверх [или] бесцельно рассматривать все подряд, не смеяться и не останавливаться, чтобы поболтать с кем-то на улице... Если вы будете вести себя подобным образом, вам [от этого] будет только лучше и вы заслужите уважение [в обществе]⁵³.

Подобными, абсолютно традиционными представлениями о месте женщины в обществе и в семье и собирався, по всей видимости, воспользоваться Бридуль де Мезьер, намереваясь запереть Жанну де Брем дома и безраздельно хозяйничать в ее владениях. Правда, для достижения своей цели он использовал весьма нетипичную для Франции XIV в. стратегию поведения. Он обратился к *праву*, т.е. вынес на рассмотрение

⁵¹ ANF. JJ 172. № 430 (mars 1424).

⁵² "S'en veit a tel eure parmi tel ville come Paris est, toute seule... parmi rues foraines, dessi a son ostel, et en ont esté aucun mal, aucun pechié, aucune vilðnie faite pour la reison de tel essoignement" (Le Livre des métiers d'Etienne Boileau. P. 166).

⁵³ "A l'aler en ville ou au moustier vous acompaigniez convenablement selon vostre estat, et par especial avec preudefemmes, et fuyez compaignie suspecsonneuse; et jamais femme suspecconneuse ne approuchez, ne ne souffrez en vostre compaignie. Et en alant ayant la teste droite, les paupieres droites basses et arrestees, et la veue droit devant vous... sans regarder ou espandre vostre regard a homme ou femme qui soit a destre ou a senestre, ne regarder hault, ne vostre regard changier en divers lieux muablement, ne rire ne arrester a parler a aucun sur les rues... Et s'ainsy le faites et perseverez, honneur vous sourdra et tout bien vous vendra" (Le Mesnagier de Paris. P. 46).

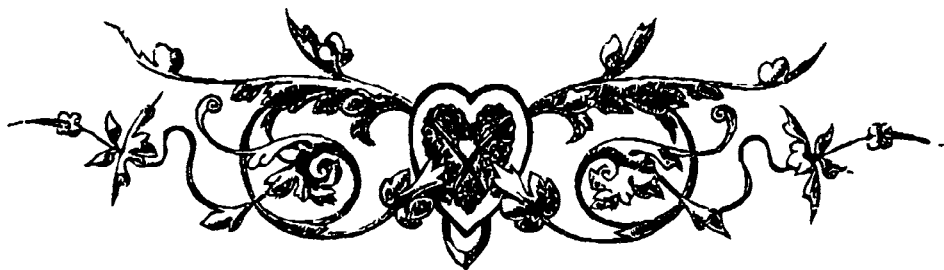
судебных властей такую проблему, которая при других обстоятельствах могла и вовсе никогда не стать достоянием гласности. Он во всеуслышание заявил об измене супруги, о чем подавляющее большинство обманутых мужей предпочитали молчать. Однако похоже, что стремление Бридуля к подобному разбирательству имело очень мало общего с желанием восстановить поруганную честь и достоинство. Скорее всего, выдуманная им история с адюльтером была призвана замаскировать его истинную цель – чисто материальную заинтересованность в исходе дела.

* * *

К сожалению, мы уже никогда не узнаем, чем закончился данный процесс. Была ли оправдана Жанна де Брем, подозревавшаяся сразу в двух серьезных уголовных преступлениях (убийстве и супружеской измене), или отправилась на казнь. Являлась ли она в действительности женой Бридуля де Мезьера или все же смогла впоследствии опротестовать его претензии как необоснованные. Свидетельства героев этой истории противоречили друг другу даже в мелочах, а поскольку попытка к ним не применялась, то и решить, кто прав, а кто виноват, судьям изначально оказалось не под силу.

Вне всякого сомнения, затруднения, которые испытали чиновники Парижского парламента при рассмотрении запутанных отношений Жанны и Бридуля, были связаны в первую очередь с малым количеством сведений, полученных ими из Амьена. А нам не позволяет глубже проникнуть в историю этой пары отрывочность и краткость их собственных записей. Однако далеко не всегда *нехватка* информации является единственным препятствием на пути исследователя: очень часто, напротив, ее *избыток* становится таким же, если не более опасным его «врагом». Мы уже наблюдали этот «стерёоскопический» эффект, когда пытались понять, как на самом деле развивались события во французском городке Герар, где проживали Масет де Рюи, ее муж Аннекин и их знакомая Жанна де Бриг. Три разных человека ухитрились преподнести судьям парижского Шатле три различных версии связавшего их вместе происшествия, и любая из этих интерпретаций могла оказаться истинной.

Переходя к заключительной части своей книги, я попытаюсь продемонстрировать, сколь сложным представляется порой анализ совершенно, казалось бы, конкретных эпизодов прошлого, о которых сохранились *многочисленные* свидетельства. Когда некий судебный казус оказывается не только прекрасно документирован, но и описан в источниках самой различной жанровой принадлежности, когда его оценивают не только судьи, но и сторонние наблюдатели – современники главных героев или их потомки. Мы вновь поговорим о частной и интимной жизни людей Средневековья и даже более позднего периода – эпохи Нового времени, для которой, как может показаться на первый взгляд, проблема *сбора* информации (как, впрочем, и ее интерпретации) стояла уже не столь остро. И тем не менее, истории, о которых далее пойдет речь, убеждают нас, что это было отнюдь не так...

ЧАСТЬ III
Источников много не бывает?

ГЛАВА 10

История Гийома де Флави, мужа-тирана и предателя Франции

Девятого марта 1449 г. в замке Нель в Пикардии скоропостижно скончался его владелец, один из преданных военачальников Карла VII и капитан Компьеня Гийом де Флави. Он был убит в собственной постели женой Бланш д'Овербрюк и ее любовником Пьером де Лувеном при пособничестве двух вступивших с ними в сговор слуг.

Событие это, несмотря на его, казалось бы, частный и вполне рядовой для эпохи Средневековья (как мы уже имели возможность убедиться) характер, повлекло за собой весьма неожиданные последствия. Судебные разбирательства по данному уголовному делу затянулись в общей сложности на 50 с лишним лет, на протяжении которых в них были втянуты десятки людей. Более того, убийство капитана послужило поводом для создания одной из самых знаменитых историографических легенд, связанных с историей Франции XV в. и существующих и поныне.

Попробуем и мы обратиться к этому уникальному казусу, чтобы понять, чем оказалось обусловлено столь пристальное внимание к нему и к его главному герою.

* * *

Гийом де Флави (ок. 1398–1449)¹ происходил из знатной пикардийской семьи, известной как минимум с начала XIII в.² В юности он обу-

¹ О дате рождения нашего героя мы можем судить исключительно по сообщениям хронистов. Так, Матье д'Эскуши, уроженец Пикардии, проведший там всю жизнь и знакомый с семейством де Флави, сообщал, что в год смерти Гийому исполнилось «около пятидесяти лет»: «Guillaume de Flavy, cappitaine de Compiengne, aagé de cinquante ans ou environ, qui avoit eu grant gouvernement, et acquist moult de chevance et de seignouries durant les guerres de France» (Chronique de Mathieu d'Escouchy / Ed. par G. du Fresne de Beaucourt. 3 vol. P., 1858-1864. Т. 1, P. P. 143). Менее информированный Жак Дюклерк, проживавший в Аррасе и писавший в самом конце XV в., полагал, что Гийом умер в 60 лет: «Ils fust viel et de lx ans» (Mémoires de Jacques Duclercq / Imprimés sur les manuscrits du roi et publiés pour la première fois par Frédéric, baron de Reiffenberg. 4 vol. Bruxelles, 1823. Т. 1. P. 419).

² Подробное описание жизненного пути Гийома де Флави составил в начале XX в. Пьер Шампион. Он же опубликовал в приложении к своей монографии внушительное количество документов, имевших отношение к истории нашего героя. Ниже, за исключением специально оговоренных случаев, ссылки даются имен-

чался в университете Парижа и даже получил там степень (неизвестно, правда, каких именно наук)³, однако карьере ученого предпочел военную службу. Любопытно, что из шести братьев де Флави трое – Гийом, Шарль и Луи – поддерживали профранцузскую партию арманьяков, тогда как остальные – Жан, Гектор и Рауль – примкнули к лагерю бургиньонов⁴. В 1418 г., когда войска Жана Бесстрашного (1371–1419), герцога Бургундского, захватили Париж и вынудили дофина (будущего Карла VII, 1403–1461) бежать из столицы⁵, Гийом де Флави, если довериться позднейшим свидетельствам, находился при нем⁶.

С тех самых пор наш герой никогда, насколько можно судить, не изменял своим политическим симпатиям. Тем более, что, благодаря давним семейным связям, он пользовался расположением Реньо Шартрского (ок. 1380–1444), архиепископа Реймса и канцлера Франции⁷, вместе с которым совершил ряд путешествий с дипломатическими миссиями: к папе римскому Мартину V, герцогу Савойскому и даже в Англию⁸. О его военной карьере, однако, мы знаем значительно меньше: кампании, в которых он участвовал, проходили преимущественно в Пикардии и были связаны не столько со сражениями с англичанами или бургундцами, сколько с захватом тех или иных городов, не же-

---

но на эту коллекцию источников: *Champion P. Guillaume de Flavy, capitaine de Compiègne. Contribution à l'histoire de Jeanne d'Arc et à l'étude de la vie militaire et privée au XVe siècle. P., 1906 (repr.: Genève, 1975).* На исследование П. Шампиона опирается краткая биографическая справка: *Hélary X. Flavy, Guillaume de (v. 1398-9 mars 1449) // Contamine Ph., Bouzy O., Hélary X. Jeanne d'Arc. Histoire et dictionnaire. P. 712-714.*

³ “Ledit Guillaume fut escollier à Paris et y fut gradué. Ne scet de quel degré ce” (*Champion P. Op. cit. P. 217*).

⁴ “Ils avoient esté six frères, dont les trois avoient tousjours tenu le party du roy et les autres trois le party du duc. Lequel Jehan estoit l'aisné, et très riche, et ne fut oncques chevallier; aussy ne fust Guillaume, qui estoit second et très riche. Ceux qui tinrent le party du roy feurent ledit Guillaume, messire Charles, chevallier, et ung aultre qui mourut au siège de Compiègne d'ung traict, estant à une fenestre” (*Mémoires de Jacques Duclercq. T. 1. P. 420*).

⁵ “Et quand le prévôt de Paris, nommé Tanguy de Chatel, vit Fortune ainsi contre lui, et que les Bourguignons tâchent à emprisonner les autres en plusieurs prisons diverses, et le commun à piller, vint à Saint-Pol, et prit le dauphin aîné fils du roi et s'enfuit tout droit à Melun, qui moult troubla la ville de Paris” (*Journal d'un bourgeois de Paris. P. 109-110*). Подробнее о бегстве дофина Карла из Парижа летом 1418 г. см.: *Цатурова С.К. Танги дю Шатель и успешный заговор чиновников (рыцарь на службе короне Франции) // Человек XV столетия: грани идентичности / Под ред. А.А. Сванидзе, В.А. Ведюшкина. М., 2007. С. 159-180.*

⁶ “Dit que quant les Bourguongnons entrèrent en ceste ville de Paris, il s'en ala avecques le roy, qui estoit lors Daulphin” (*Champion P. Op. cit. P. 217*).

⁷ Отец Реньо Шартрского, Гектор, в 1377 г. женился на Бланш де Нель, которая, овдовев, в 1397 г. вышла замуж вторично – за Рауля де Флави, отца Гийома: *Ibid. P. 4*.

⁸ “Et fut à Romme avec lui par deux foiz et devers le duc de Savoye, en Angleterre et en autres voyages” (*Ibid. P. 217*).

лавших поддерживать арманьяков, а также с бесконечными грабежами местного населения⁹. Тем не менее, нам вполне достоверно известно, что в июле 1429 г. Гийом сопровождал дофина на его коронацию в Реймс¹⁰, а уже через месяц – 15 августа того же года – жители Компьень избрали его своим капитаном. Именно в этом ранге де Флави вел переговоры между Карлом VII и горожанами, убеждая их открыть ворота французскому войску, и к 18 августа его усилия увенчались успехом: новый король Франции торжественно въехал в Компьень¹¹.

И все же, согласно договору, заключенному между Карлом и Филиппом Добрым (1396–1467), город должен был оставаться под контролем герцога¹². Подобный политический расклад не устраивал Гийома де Флави. Он предпочел нарушить волю своего государя и обречь Компьень на осаду¹³, которая продолжалась с 20 мая по 25 октября 1430 г., после чего бурбундцы и англичане вынуждены были отступить под натиском пришедшего на подмогу горожанам французского войска во главе с маршалом де Буссаком и графом Вандомским¹⁴.

Окончание осады ознаменовалось для Гийома де Флави не только ростом его авторитета среди местных жителей¹⁵, но и возникновением у него репутации законченного мародера, уж больно он «заботился»

⁹ Ibid. P. 5-22.

¹⁰ “Et quant le roy vint à son sacre à Reims, Flavy le sceut. Et manda Flavy beaucoup de gens avec luy, de trois à cccc chevaliers que gentilz hommes, et avoient livrées de blanc et vert, et s'en ala devers le roy à son sacre” (Ibid. P. 218).

¹¹ “Le mercredi XVII jour dudit mois furent aportés devers le roy les clefs de la ville de Compiègne, et le jeudi ensuivant, le roy et sa compaignie alerent à giste audit Compiègne” (Chroniques de Perceval de Cagny / Publ. par H. Moranvillé. P., 1902. P. 164).

¹² “Duc de Bourgogne, auquel, par traité fait audit Compiègne le 28 dudit mois d'aoust avec les deputtés dudict duc, avoit esté acordé trêve jusques au jour de Noël, prorogée depuis de trois mois, pendant laquelle ladictie ville de Compiègne seroit mise ès mains dudict duc” (Extrait d'un mémoire à consulter sur Guillaume de Flavy // Quicherat J. Procès de condamnation et de réhabilitation de Jeanne d'Arc. 5 vol. P., 1841-1849. T. 5. P. 173-177, здесь P. 174).

¹³ “Et fut mandé audit Guillaume de Flavy, de par le roy de France, de bailler et délivrer icelle ville audit duc de Bourguongne, de laquelle chose il fut refusant” (Chartier J. Chronique de Charles VII, roi de France / Ed. par A. Vallet de Viriville. 3 vol. P., 1858. T. 1. P. 125).

¹⁴ “Et adonc ledit mareschal de Boussac, le conte de Vendosme et les aultres capitaines François se boutèrent dedens la ville de Compiègne, à tout leur gens, ou ils furent receus à grand joye” (Chronique d'Enguerran de Monstrelet en deux livres avec pièces justificatives, 1400-1444 / Publ. par L. Douët-D'Arcq. 6 vol. P., 1857-1862. T. 4. p. 415).

¹⁵ Ангерран де Монстреле, бурбундский хронист и приближенный Филиппа Доброго, наиболее полно осветивший обстоятельства осады Компьень, отмечал небывалое мужество Гийома де Флави, своим примером увлекавшего за собой как женщин, так и мужчин: “Auquel assault estoit Guillaume de Flavy, qui en grand diligence et fier hardement conduisoit et induisoit ses gens de faire tout debvoir. Avec lequel aussi estoient hommes et femmes, qui sans eulx espargnier, grandement et vaillamment en tous périlz se adventuroient à eulx grever leurs adversaires” (Ibid. T. 4. P. 414).

о поддержании мощи собственного гарнизона, позволяя солдатам совершать многочисленные набеги на близлежащие городки и деревни¹⁶. Участвовал он, впрочем, и в серьезных военных операциях, в частности, во взятии Сен-Дени в июне 1435 г.¹⁷, ставшем началом кампании по завоеванию Парижа, куда войска Карла VII смогли войти уже в следующем году¹⁸.

Военные заслуги нашего героя не уберегли его, тем не менее, от королевского гнева, и 8 декабря 1436 г. в Компьень прибыл коннетабль Артур де Ришмон (1393–1458), дабы предать капитана суду за его бывшее неподчинение и непрекращающиеся грабежи местного населения¹⁹. Де Флави арестовали²⁰, и от приговора его спасло лишь вмешательство Реньо Шартрского²¹. В обмен на свободу он вынужден был отказаться от звания капитана Компьеня и пообещать выплатить огромный штраф в размере 20 тысяч золотых экю²². Тем не менее, уже в марте 1437 г. он нарушил данную клятву, вернувшись в город и самолично

¹⁶ *Champion P. Op. cit.* P. 62-69. Справедливости ради следует заметить, что образ «мародера», «насильника» и «тирана» применительно к людям военным являлся абсолютно стереотипным для текстов эпохи позднего Средневековья: *Gauvard C. Rumeurs et stéréotypes à la fin du Moyen Âge // La circulation des nouvelles au Moyen Âge. P., 1994. P. 157-177; Eadem. Rumeur et gens de guerre dans le royaume de France au milieu du XVe siècle // Hypothèses – 2000. P., 2001. P. 281-292.*

¹⁷ “Ledit Monseigneur le Bastard arriva à Saint Denys, et de là prit ce qu’il peut recouvrer de gens, et manda Poton et La Hire, et autres gens des garnisons de delà la rivière d’Oyse; et aussi Guillaume de Flavy Capitaine de Compiègne, et ceux du pays de Valois” (Suite d’une Chronique... composée par Berry premier Heraut // *Godefroy D. Histoire de Charles VII, roy de France par Jean Chartier, sous-chantre de Saint-Denys; Jacques le Bouvier, dit Berry, roy d’armes; Matheiu de Covey et autres auteurs du temps, qui contient les choses les plus mémorables advenues depuis l’an 1422 iusques en 1461. P., 1661. P. 389.*

¹⁸ В результате договора, заключенного в Аррасе 20 сентября 1435 г. между Карлом VII и Филиппом Добрым, бургундцы перешли на сторону короля и помогли ему отвоевать Париж. 13 апреля 1436 г. город открыл ворота французскому монарху: *Басовская Н.И. Столетняя война: леопард против лилии. М., 2001. С. 326-329.*

¹⁹ Как сообщалось в судебном иске, поданном против Гийома де Флави в 1445 г., коннетабль откликнулся на жалобы пикардийцев, изнемогавших от «тирании» капитана: “Et se le connestable print Flavy, fut... pour les offenses faictes par Flavy, dont le connestable ot les plaintes” (*Champion P. Op. cit.* P. 225).

²⁰ “Comme environ le mois de decembre, l’an mil CCCC trente six, nostre tres chier et amé cousin, le conte de Richemont... eust prins et arresté en nostre ville de Compiengne nostre bien amé escuier d’escuierie, Guillaume de Flavy” (*Ibid.* P. 209).

²¹ “Le chancelier, qui le sceut, en fut bien esbay et le requist comme son clerc, pour l’avoir” (*Ibid.* P. 219).

²² “Dit que, avant que Flavy partist de Comepeigne, bailla audit connestable caucion de vint mille escuz de non prendre la dicte ville, et que, ou cas qu’il la prendroit, paieroit la dicte somme” (*Ibid.* P. 220).

восстановив себя в прежней должности²³. Дабы отомстить коннетаблю за пережитое унижение, в 1440 г. он захватил в плен его племянника, маршала Франции Пьера де Рио, бросил его в тюрьму и довел до смерти. Однако в том же году де Флави сумел получить от Карла VII письмо о помиловании²⁴ и до конца своих дней сохранил пост капитана Компьня, несмотря на все противодействие Артура де Ришмона²⁵.

Именно на этот, исключительно насыщенный событиями период в жизни Гийома и пришлось его знакомство с будущей женой. Впервые, насколько можно судить по дошедшим до нас документам, он встретился с Бланш д'Овербрюк в 1436 г., в Реймсе, где проживала ее семья²⁶. За невестой давалось солидное приданое, что не могло не заинтересовать претендентов на ее руку²⁷, но сама она при этом была еще крайне юна: на момент официальной помолвки ей исполнилось «всего десять лет». Жених оказался почти в четыре раза старше ее, а потому пообещал не вступать с ней в законный брак до истечения трех лет. Однако и эту клятву Гийом де Флави не сдержал: Бланш стала его женой через три месяца²⁸.

* * *

Остановимся здесь на минуту и задумаемся о том, из каких именно источников многие поколения исследователей черпали сведения о семейной жизни нашего героя и о его трагической кончине.

Убийство Гийома де Флави, совершенное Бланш д'Овербрюк и ее сообщниками 9 марта 1449 г., стало предметом судебного разбирательства уже 26 мая того же года²⁹. Процесс был возбужден в Парижском

²³ “Et après ceulx de la ville mandèrent Flavy que retornast, et ilz le mectroient dedans. Et pour ce que Flavy estoit seur de la voulenté du Roy, acompaignié de ses parens, ala en la ville et se mist dedans et print la capitainerie” (Ibid.).

²⁴ Пьер де Рио умер в замке Нель в 1441 г. Решение о прекращении уголовного дела в 1444 г. оспорил Франсуа де Рио, племянник покойного и его наследник, который рассчитывал вернуть себе имущество дяди, присвоенное Гийомом де Флави. Таким образом, был возбужден новый процесс, длившийся с 25 июня 1444 г. по 23 июля 1445 г. Подробнее о нем см.: *Gauvard C. La violence des nobles*. P. 244-245. Публикацию судебных документов см. в: *Champion P. Op. cit.* P. 209-211, 214-227.

²⁵ “Et de fait le tint long temps depuis (Компъень – О.Т.), et ce du consentement du roy Charles, non obstant que ledit connestable fesisit depuis pluseurs diligences de le ravoier” (Chronique d’Enguerran de Monstrelet. T. 5. P. 274).

²⁶ “L’an cccc xxxvj, fut pourparlé du mariage d’entre ledit feu Guillaume de Flavy et de la fille feu messire Robert d’Auvrebiech, lors demeurant à Reims” (*Champion P. Op. cit.* P. 264-265).

²⁷ О семействе д'Овербрюк и его завидном материальном положении см. подробнее: Ibid. P. 77-81.

²⁸ “Car n’avoit que dix ans quand elle fut mariée avec son dit feu mary... Et cōmbien que pour son jeune aage il eust promis de ne l’espouser de troys ans ensuivans, neantmoins troys moys après l’espousa” (Ibid. P. 245, курсив мой – О.Т.).

²⁹ Ibid. P. 236-237.

парламенте братьями покойного Шарлем и Гектором, действовавшими в интересах Шарло де Флави, их племянника, единственного сына и наследника капитана Компьеня. Любопытно, что в данном случае истцы – как в свое время и Бридуль де Мезьер – не стали прибегать к практике самосуда³⁰. Напротив, они предпочли действовать строго в рамках закона, не рассматривая при этом даже возможности заключения с Бланш мирового соглашения³¹: уже в самых первых из дошедших до нас парламентских документов ясно говорилось, что братья расценивали смерть Гийома де Флави как «подозрительную», а потому желали примерно наказать виновных³². Более того, они не посчитали нужным связаться прежде с бальи Санлиса и его лейтенантом, в ведении которых должно было бы находиться данное дело. Возможно, что Шарль и Гектор сознательно стремились избежать контактов с местными чиновниками, подозревая их в симпатиях к Бланш д'Овербрюк и рассчитывая, что обращение в высший королевский суд гарантирует им большую беспристрастность при расследовании и при вынесении окончательного решения³³. Тем более что в Париже – как и во многих других областях королевства – адюльтер рассматривался как сугубо женское преступление³⁴, а в том, что касается убийства законного супруга, обвиняемая могла рассчитывать на снисхождение, лишь доказав, что муж обращался с ней неподобающим образом на протяжении всей их совместной жизни. В противном случае преступницу ждала почти неминуемая расплата, поскольку практика королевских помилований в подобных делах касалась почти исключительно мужчин: 80% представителей сильного пола получали в этот период прощение за убийство неверной жены и/или ее любовника³⁵.

³⁰ См. выше: Главы 2 и 3.

³¹ Уже ордонанс Людовика IX Святого от 1270 г. запрещал заключать мировые соглашения, если речь шла об «убийстве, предательстве, похищении, разбое на дорогах, ограблении, воровстве, нарушении перемирия, поджоге», хотя исключения, конечно, случались: *Ordonnances des roys de France*. T. 1. P. 252.

³² “Messire Charles de Flavy et messire Hector de Flavy, chevaliers, frères de feu Guillaume de Flavy disent que apres le deces dudit de Flavy, qui puis aucun temps est aie de vie a trespas, par bien estrange manière..., delaissié ung sien filz aagé de cinq ou six moys, ilz ont esté ordonnez administrateurs des personne et biens dudit enfant par le bailli de Senlis” (*Champion P. Op. cit.* P. 236, курсив мой – О.Т.).

³³ Жиль де Рувруа, бальи Санлиса, до того, как занять этот пост, являлся камергером коннетабля де Ришмона, закланного врага Гийома де Флави. Его лейтенант Жан Ле Шарон происходил из Компьеня и вполне мог – как и другие жители города – видеть в капитане местного «тирана»: *Gauvard C. La violence des nobles*. P. 248-249. Как мы помним, ту же стратегию избрала Жанна де Брем, подав в Парижский парламент апелляцию на действия бальи Амьена.

³⁴ *Carbasse J.-M. La condition de la femme mariée en Languedoc (XIIIe-XIVe siècles) // La femme dans la vie religieuse du Languedoc (XIIIe-XIVe siècles). Toulouse, 1988. P. 99-112.*

³⁵ *Gauvard C. “De grace especial”. P. 314.*

Обращение Шарля и Гектора де Флави в Парижский парламент повлекло за собой перемещение всех заинтересованных лиц в столицу королевства. Подозреваемых заключили в тюрьму Консьержери, где Бланш сразу же наняла адвоката – мэтра Попенкура (*Popaincourt*), который и выступал от ее имени в суде. Ее девери также обзавелись собственным представителем, мэтром Пуаньяном (*Poignant*), а поскольку речь все-таки шла об убийстве королевского чиновника, т.е. о преступлении, напрямую затрагивающем честь и достоинство самого монарха (*lèse-majesté*), то мэтр Барбен (*Barbin*), прокурор парламента, выступал от имени не только потерпевших, но и Карла VII³⁶.

Дело, таким образом, изначально оказалось крайне запутанным, ибо к его уголовной составляющей постоянно примешивались сугубо гражданские вопросы, самым важным из которых являлось право опеки над несовершеннолетним сыном капитана де Флави, которому на момент смерти отца исполнилось всего 5 или 6 месяцев³⁷. Каждая из сторон желала во что бы то ни стало доказать в суде *свою* правду, а потому иски, жалобы, прошения и письма, составленные адвокатами, все множились, и в нашем распоряжении на сегодняшний день имеется внушительное количество письменных источников, касающихся этого процесса и заботливо собранных и изданных Пьером Шампионом³⁸. Только благодаря этой коллекции мы и обретаем возможность в мельчайших подробностях узнать о тех трагических событиях, что произошли в замке Нель 9 марта 1449 г. Проблема, однако, заключается в том, что практически все документы, которыми мы располагаем, по своему происхождению являются *судебными*. Более того, они были составлены как от имени истцов, так и от имени ответчицы, а потому история убийства Гийома де Флави представлена в них двумя, весьма различными версиями.

У Шарля и Гектора де Флави на момент подачи иска, очевидно, не существовало ни малейших сомнений в виновности Бланш д'Овербрюк в смерти ее мужа, иначе они вряд ли обратились бы напрямую в Парижский парламент. О подозрениях в отношении молодой вдовы прямо говорилось уже в судебном постановлении о ее аресте³⁹. А потому адвокат обвиняемой, Жан Попенкур, сразу же избрал в качестве основной (и, добавлю, единственно возможной при подобном

³⁶ "Barbin, pour le procureur du roy, dit que en ce a crime de lese magesté *ex quarto capite* veu que Flavy estoit capitaine de Compiegne et escuier d'escuierie du roy" (*Champion P. Op. cit. P. 244*). Таким образом, идея о том, что преступление, совершенное в отношении королевского чиновника, является действием, направленным против персоны самого монарха, к середине XV в. стала практически *нормой права*, в отличие от конца XIV в., когда в Шатле рассматривалось дело Колетт Ла Бюкет и Жана Ле Мерсье.

³⁷ См. прим. 32.

³⁸ *Champion P. Op. cit. P. 236-268*.

³⁹ "Blancha d'Ovrebruec, domicella, relictā dicti defuncti Guillelmi de Flavy, que de hujusmodi murtro sive homicidio per dictas informaciones suspecta reperitur" (*Ibid. P. 237*).

составе преступления) линии защиты описание ужасных условий, в которых его подопечная и ее родители пребывали в доме Гийома де Флави. Именно к этим доводам относилось, в частности, упоминание об исключительной молодости невесты, которую жених буквально принудил к заключению брака⁴⁰. Конечно, ни о каком похищении и/или изнасиловании речь в данном случае не шла, но супруга капитана, согласно заявлениям Попенкура, не достигла даже нижней границы возраста, в котором девушка могла выйти замуж⁴¹.

Не менее сильным аргументом в устах адвоката стало упоминание об издевательствах, которые терпели от супруга Бланш ее родители, и об их гибели, якобы им спровоцированной. Мало того, что капитан Компьеня практически насильно отобрал у них все земли, но он также пригласил их поселиться в его доме, чем и обрек на крайне «тяжелую жизнь»⁴². Анна де Франсьер, мать Бланш, умерла от «разочарования»⁴³. Что же касается Робера д'Овербрюка, то его Гийом уморил голодом в тюрьме, вынудив под конец питаться подошвами собственных башмаков⁴⁴.

Жизнь самой Бланш, в представлении ее адвоката, также трудно было назвать счастливой. Гийом обращался с ней «бесчеловечно» (*inhumainement*), постоянно избивал ее, угрожая убить. Он также пытался заставить ее передать часть наследства двум его незаконнорожденным дочерям, которых он признал и которые проживали в его доме⁴⁵. Как следствие, он не только не приветствовал беременность Бланш, но желал, чтобы у нее случился выкидыш, а когда время родов все-таки пришло, прислал ей в помощь всего лишь повитуху, не обеспечив врачом⁴⁶. В общем, заключал мэтр Попенкур, Гийом не давал своей жене

⁴⁰ См. прим. 28.

⁴¹ Согласно еще римской традиции, нижней границей возраста, в котором девушка могла вступить в брак, являлись 12 лет. Эта норма была, по всей видимости, принята в Западной Европе раннего Средневековья повсеместно, однако, к XV в. брачный возраст повысился и более распространенной являлась практика выхода замуж в 15-21 год: *Бессмертный Ю.Л.* Указ. соч. С. 31-33, 39-40, 158-159.

⁴² "Et fist par maniere que ses pere et mere lui firent transport de toutes leurs terres, moyennant ce qu'il leur devoit bailler troys cens livres par chascun an, dont riens ne leur tint, mais leur mena dure vie" (*Champion P. Op. cit. P. 245*).

⁴³ "Et de desplaisance ladicte mère cheut en maladie, dont ala de vie a trespas" (*Ibid.*).

⁴⁴ "A ceste occasion eurent paroles ensemble et le batit Guillaume tres enormement et puis le fist mettre prisonnier et de lui donnoit que manger, ains crioit a la fain et mangea partie de ses souliers. Et finalement mourut de fain esdictes prisons, sans avoir les sacrements de sainte eglise" (*Ibid.*).

⁴⁵ "Aussi traictoist ledit Guillaume icelle Blanche bien inhumainement... Et si la vult contraindre a donner et transporter partie de ses heritaiges... a deux ses bastardes qu'il avoit fait legitimer, desquelles l'une estoit née constant leur mariage. Et, car n'y vouloit consentir, la batoit souvent et menacoit de la faire mourir" (*Ibid.*).

⁴⁶ "Et quant on lui disoit qu'elle estoit grosse, il respondoit qu'il voudroit qu'elle feust avortée; et a grant peine vult souffrir que eust sage femme a son enfantement" (*Ibid.*).

ни малейшей возможности почувствовать себя истинной хозяйкой дома: вместо нее всеми делами заправлял приближенный капитана Симон д'Обиньи, а у бедной женщины в распоряжении имелась всего одна служанка, да и сама она прислуживала мужу «и днем, и ночью»⁴⁷.

Являлись ли рассказы Жана Попенкура правдивыми? Страдала ли Бланш д'Овербрюк на самом деле от жестокого отношения мужа-тирана? Ответить на эти вопросы не представляется возможным, учитывая прежде всего характер документов, в которых излагались пугающие подробности частной жизни супругов де Флави. Думается, впрочем, что они были несколько преувеличены, учитывая тот факт, что сторона истцов также весьма преуспела, выдумывая самые невероятные события, связанные с недавним прошлым.

В ответ на претензии адвоката Бланш д'Овербрюк Шарль и Гектор де Флави попытались прежде всего отвести аргумент о насильственном принуждении девушки к замужеству, вызванном якобы богатством и высоким социальным статусом ее семьи. Они объявили свою невестку дочерью «угольщика» (*cordouannier*), т.е. человека не просто незнатного, но происходящего из самых низов общества⁴⁸. Робер д'Овербрюк действительно не имел собственного титула, однако он удачно женился, а огромное состояние приобрел благодаря завещанию дальнего родственника. Таким образом, его положение на момент помолвки Бланш с Гийомом было даже выше, чем у его будущего зятя, который, конечно, отличался родовитостью, но шевалье не являлся и никакими особыми доходами не располагал⁴⁹. А потому заявление адвоката истцов о том, что Гийом буквально вытащил невесту из грязи и дал ей все, о чем только может мечтать молодая девушка, следует расценивать как еще одну выдумку.

От якобы низкого происхождения Бланш д'Овербрюк братья де Флави в своих аргументах логично переходили к ее повседневным привычкам. С их точки зрения, капитан Компьеня так и не смог при-
вить жене манеры истинной дамы⁵⁰: она сквернословила, любила вы-

⁴⁷ "Elle a esté aussi pouverment servie comme noble femme du pays; et estoit la femme dudit Jehan le Clerc, pouver femme de labour, a qui l'en avoit baillé actour de damoiselle... Mais n'eust oncques devers elle l'auctorité d'un denier. Et gouvernoit tout Simon d'Aubigny. Et combien qu'elle le servist a table, et ou lit et ailleurs, de nuyt et de jour, le mieux qu'elle pouvoit, toutesvoves si la gouvernoit il ainsi que est contenu en ladicte remission" (Ibid. P. 247).

⁴⁸ "Dit que feu messire d'Ovrebrec, pere de ladicte Blanche, estoit natif du pays de Boulannoys. Ne scet s'il estoit gentilhomme ou nom. Mais une foiz Flavy, estant, de par le Roy oudit pays de Boulannoys, s'en enquist et trouva que ses parens estoient cordouanniens, cousturiers et autres gens de bas estat... Et apres iceulx messire Robert et sa femme s'en allerent demeurer en une mestairie pres Reims, appartenant aux religieux de Saint Denis en France et illec faisoient le charbon et le portoient vendre a Reims" (Ibid. P. 239-240).

⁴⁹ Gauvard C. La violence des nobles. P. 246-247.

⁵⁰ "Et estoit icelle Blanche bien jeune quant Flavy l'espousa, et la cuida instruire en bonnes meurs, mais ne pot" (*Champion P. Op. cit.* P. 240).

пить, не умела себя вести за столом и даже пи́сала стоя, как мужчина, чем весьма смущала гостей и прислугу⁵¹. Они также настаивали, что убийство их брата являлось предумышленным и было спланировано Бланш и ее слугами – бастардом д'Орбанда и цирюльником Жаном Бокийоном – «более года назад»⁵². Сначала они попытались отравить Гийома, и тот действительно серьезно заболел, но не умер⁵³. Тогда заговорщики решили действовать наверняка. В ночь на 9 марта 1449 г., когда де Флави отправился спать, Бланш осталась в его комнате⁵⁴. Именно она открыла дверь своим сообщникам и положила на лицо супруга заранее припасенную подушку, чтобы задушить его. Бастард несколько раз ударил хозяина поленом по голове, а затем перерезал ему горло ножом⁵⁵.

Сложно сказать, насколько система доказательств, избранная Шарлем и Гектором де Флави, и их версия событий основывались на реальных фактах. Как мы уже знаем, обвинение жены в том, что она отравила опостылевшего супруга, являлось для периода позднего Средневековья практически «классическим», однако далеко не всегда соответствовало действительности: достаточно вспомнить рассмотренную выше историю «проститутки» и «ведьмы» Масет де Рюйи⁵⁶. И хотя ее дело стало предметом уголовного разбирательства в королевском суде Шатле, судьям Парижского парламента, вероятно, также хорошо были известны излюбленные доводы сторон в подобных случаях. А потому, несмотря на всю тяжесть предъявленных обвинений, уже 15 июля 1449 г. Бланш д'Овербрюк смогла получить королевское письмо о помиловании⁵⁷.

⁵¹ “Dit que ladicte Blanche, durant le temps qu'elle a este mariée avec Flavy, excepté de sa personne, s'est gouvernée bien petitement, car estoit fort sur sa bouche, et mesmement au regard de boire. Et souvent, elle estant a table, quant avoit bien beu, elle retenoit du vin en sa bouche et le geçoit es visages de ceulx qui estoient presens; et apres aloit pisser comme ung homme contre ung mur, toute debout, sans aucune vergoigne” (Ibid.).

⁵² “Et a la verité, elle, le bastard d'Aurbandas et le barbier avoient machiné en sa mort *plus d'un an avant* qu'ilz le tuassent” (Ibid., курсив мой – О.Т.).

⁵³ “Et par conspiracion faicte entre culx ledit barbier, qui avoit acoustumé mettre ou nez de Flavy, ou il avoit mal, tentes oinctes d'oignemens appropriiez a ladicte maladie, oigny lesdictes tentes, environ deux ou troys jours avant la mort, d'oignemens contraires a icelle maladie; et tantost apres le visage lui enfla et en fut tres fort malade” (Ibid.).

⁵⁴ “Et incontinent qu'il fut couché, elle faigny qu'elle vouloit dormir avec lui” (Ibid.).

⁵⁵ “Et elle print un origlier et le mist sur le visage dudit Flavy qui dormoit; et ledit bastard monta sur icellui Flavy pour l'etouffer et lui donna dudit baston sur la teste... Et apres icellui bastard frappa d'un Cousteau Flavy parmy le coul, tellement qu'il le tua” (Ibid. P. 240-241).

⁵⁶ См. выше: Глава 8.

⁵⁷ *Champion P. Op. cit. P. 238.* К сожалению, текста этого письма не сохранилось в архивах королевской канцелярии. О его содержании мы знаем лишь из жалоб, поданных в парламент адвокатами истцов.

Вполне естественно, что ратификации этого документа в парламенте яростно воспротивились братья де Флави, 31 июля 1449 г. оспорившие его законность. Однако даже к этому моменту адвокат истцов, мэтр Пуаньян, и королевский прокурор Барбэн так и не сумели прийти к единому мнению относительно всех тонкостей рассматриваемого дела. В частности, они не смогли договориться по вопросу о приговоре, которого добивались для Бланш. При этом, в отличие от Бридуля де Мезьера, презревшего все существующие нормы права и требовавшего *личного* участия в наказании собственной жены, Жанны де Брем, в данном случае судебные чиновники явно опирались на законодательную базу. Тем не менее, ее несовершенство и внутренняя противоречивость, т.е. отсутствие строгой зависимости между конкретным типом преступления и последующим приговором, о чем я уже упоминала ранее, привели к печальным для истцов результатам. Если мэтр Пуаньян предлагал ограничиться публичным покаянием, которое Бланш принесла бы в замке Нель, строительством двух часовен за упокой души Гийома де Флави, частичной конфискацией имущества и штрафом в две тысячи ливров⁵⁸, то мэтр Барбэн настаивал на более строгом наказании. Он требовал, чтобы Бланш была приговорена к смертной казни и конфискации всего имущества или – «по крайней мере» (*au moins*) – к штрафу в 50 тысяч ливров, запрету носить траур по мужу и навечному заточению в монастырь «на хлеб и воду». По его мнению, ей также следовало запретить впредь выходить замуж, поскольку «она этого не достойна» (*car elle en est indigne*)⁵⁹.

Отсутствие единого мнения по данному вопросу, как мне представляется, весьма облегчило дальнейшую судьбу Бланш д'Овербрюк. 7 августа 1449 г. она смогла получить второе письмо о помиловании и представила его на утверждение в Парижский парламент, который передал документ на личное рассмотрение короля. 14 ноября 1450 г. Карл VII окончательно помиловал супругу капитана Компьеня и запретил

⁵⁸ "Si conclud que ladicte Blanche soit condempnée et constraincte a fonder deux chapelles garnies d'ornemens de deux messes perpétuelles chacun jour... Et requiert que soit declairé ladicte Blanche avoir perdu tout droit de douaire et donnacions et aussi de tous meubles et acquestz qu'elle pouvoit avoir sur les biens dudit Flavy... et avec ce soit condempnée envers ledit messire Charles de Flavy a lui faire amende honorable ceans et au lieu de Neelle, ou elle a commis et perpetré ledit cas, en tel estat que la court advisera" (Ibid. P. 241).

⁵⁹ "Et requiert que icelles non obstands, elle soit punye de telle punicion corporelle et publique qu'il appartient selon le cas et comme crimineuse de crime de lese magesté, et tous ses biens, meubles et immeubles, declairez estre confisquees et appartenir au roy...; au moins soit bannie perpetuellement de ce royaume, et sesdiz biens confisquees au roy et avec ce soit condempnée envers le roy en cinquante mil livres d'amende a prendre sur sesdits biens et avant toute confiscacion, et requiert que l'abit de dueil qu'elle porte lui soit osté et défendu comme a indigne de les porter; et si requiert que ladicte Blanche soit mise en une religion, au pain et a l'eau, a toute sa vie, et lui soit défendu de jamaiz ne se marier, car elle en est indigne" (Ibid. P. 241-242).

проводить новые слушания по этому делу⁶⁰. Бланш вышла на свободу, потеряв лишь опеку над собственным сыном, которая поручалась отныне Шарлю де Флави. Обратившиеся в бегство сразу после совершенного злодеяния Жан Бокийон и бастард д'Орбанда официально объявлялись умершими⁶¹, и хотя в 1455 г. парламент выпустил новый приказ об их аресте⁶², найти их так и не удалось. Что же касается Пьера де Лувена, не принимавшего непосредственного участия в убийстве, то он также был оправдан⁶³: уже в октябре 1449 г. он участвовал в осаде Руана королевскими войсками⁶⁴, а в 1451 г. король лично возвел его в ранг шевалье⁶⁵.

Эти решения не остановили, тем не менее, противников Бланш д'Овербрюк. Новая серия исков против нее с еще более фантастическими обвинениями последовала в 1463–1464 гг. и была вызвана, очевидно, смертью единственного сына Гийома де Флави. Теперь истцом выступал самый младший брат последнего, Рауль. Его главным аргументом для возбуждения повторного расследования являлся тот факт, что всего через три дня после совершенного убийства Бланш «тайно» (*clandestine*) вышла замуж за Пьера де Лувена⁶⁶. Это обстоятельство, по мнению современников, вполне могло доказывать, что супруга капитана действительно была виновна в адюльтере: во Франции эпохи позднего Средневековья женщина, излишне поспешившая после смерти первого мужа с заключением повторного брака, часто рассматривалась как прелюбодейка, изменявшая покойному со своим новым избранником⁶⁷.

⁶⁰ “Et imposa silence le feu roy de sa bouche a son procureur, en son grand conseil, en presence des seigneurs de son sang” (Ibid. P. 262).

⁶¹ “Et n'en peut estre sceue la verité que par sa bouche (т.е. от самой Бланш – О.Т.) actendu que on ne peut avoir le bastard et le barbier qui sont morts comme l'en dit” (Ibid. P. 252–253).

⁶² Ibid. P. 260–261.

⁶³ “Et par ainsy fut mis Pierre de Louvain à plainne delivrance; et lui furent remis en sa main grant partie des gens qu'il avoit paravant en son gouvernement” (Chronique de Mathieu d'Escouchy. T. 1. P. 146–147).

⁶⁴ Chartier J. Op. cit. T. 2. P. 140–141.

⁶⁵ “Et combien qu'il ne fut issu de bien hault lieu, sy estoit-il fort aimé du Roy, pour sa vaillance et bonne conduite, et par ce que long temps l'avoit servy en ses guerres et grans affaires” (Chronique de Mathieu d'Escouchy. T. 1. P. 147).

⁶⁶ “Dit que quant le défendeur auroit espousé Blanche du commandement du roy ce ne l'excuse pas, mais quant il l'espousa clandestine trois jours apres la mort, ce ne l'excuse mye” (Champion P. Op. cit. P. 263, курсив мой – О.Т.).

⁶⁷ Именно эту ситуацию мы наблюдали и в деле Жанны де Брем и Бридуля де Мезьера. Те же обвинения в 1448 г. выдвигались, к примеру, против Катерины де Л'Иль Бушар, которая вышла замуж за Жоржа Ла Тремуйя, великого камергера Карла VII, через 8 дней после того, как тот убил ее первого мужа, Пьера де Жиака, фаворита короля: Du Fresne de Beaucourt G. Histoire de Charles VII. T. 2. P., 1882. P. 296–300. Похожие случаи см. в: Porteau-Bitker A. Un crime passionnel au milieu du XIVe siècle // Revue d'histoire du droit français et étranger. 1981. T. 59. P. 635–651; Menard H. Deux affaires de moeurs au XVe siècle // Revue du Comminges. 1986. T. 99. P. 333–336.

Именно эту карту и разыграли теперь Рауль де Флави и его адвокат, мэтр Удрак (*Oudrac*). Они заявляли, что с Пьером де Лувеном, уроженцем Пюи, Бланш познакомилась около 1445 г.: именно тогда он занял должность капитана Нуайона, рядом с которым периодически проживали супруги де Флави⁶⁸. Между любовниками установилась регулярная переписка, которую они тщательно скрывали⁶⁹: в их отношения оказались посвящены только двое слуг Гийома, которых де Лувен переманил на свою сторону – бастард д'Орбанда и Жан Бокийон. Эти четыре человека, как полагал истец, а вовсе не три, как говорилось в первом иске братьев де Флави, и замыслили убийство капитана Компенья⁷⁰. Изначально его якобы предполагалось просто задушить, когда он ляжет отдохнуть после трапезы⁷¹. Однако Бланш и Пьер предпочли воспользоваться ядом: они добавили его Гийому в суп, но тот показался ему «пересоленным», и есть он его не стал⁷². В этот момент заговорщикам не осталось иного выбора, как убить несчастного во сне, что и было исполнено.

Со своей стороны ответчики также не поскупились на новые подробности давно минувших событий, приукрасив их на собственный лад. Так, внезапно выяснилось, что Бланш д'Овербрюк на момент ее свадьбы с Гийомом де Флави было вовсе не десять, а всего *девять лет*⁷³. Что жестокий супруг бросил в тюрьму не только своего тестя, который сошел в заключении с ума и питался собственными экскрементами, но и тещу, также умершую в результате дурного с ней обращения⁷⁴. Что он пытался уморить голодом и саму Бланш⁷⁵, а под конец задумал

⁶⁸ “Louvain se loga a Noion, pres duquel lieu demouroient feu Guillaume de Flavy et sa femme. Louvain voutl trouver moien d'avoir accointancc eu l'ostel de feu Guillaume de Flavy, fist tant qu'il y eust par un receveur de Guillaume de Flavy” (*Champion P. Op. cit. P. 265*).

⁶⁹ “Des lors Louvain et Blanche s'escrivoient plusieurs lettres, dont furent nouvelles par le pais. Ung sergent nomme Nycaise en parla: par ce Louvain le fit batre” (*Ibid.*).

⁷⁰ “Illec s'accointa de Jehan Boquillon, barbier, et du bastard qui firent le murdre de feu Guillaume de Flavy. Par eulx furent faictes plusieurs promesses de mariage et portées plusieurs lettres Louvain et Blanche par l'un l'autre” (*Ibid.*).

⁷¹ “Entreprendrent le tuer quant dormiroit apres disner et l'estoufferoient d'un orillier” (*Ibid. P. 266*).

⁷² “Lequel commenca a leſ sentir (ядовитые вещества – О.Т.), et trouva son potaige fort salé, et dist au bastart qu'il en tatab. Qui n'osa y contredire, et dist au barbier que s'estoit cuidé empoisonner lui mesmes; lequel lui dist mangeast qu'il d'aucune chose qu'il nomme, et qu'il seroit garanti” (*Ibid.*).

⁷³ “Car elle n'avoit lors que IX ans, mais ce nonobstant il l'espousa trois mois apres” (*Ibid. P. 267*).

⁷⁴ “Marchanda de faire morir la defenderesse sa femme. Print la mere et la detint en ung chastel, print aussi le pere et le detint où chastel de Pernant où par rage de fin l'a fait morir. Le tenoit enchesné et, par rage de fin, manga ses souliers, voire encore sa fiante” (*Ibid.*).

⁷⁵ “Sadite femme n'avoit que vivre...; souffroit que les serviteurs la villenassent, lui defendoit sa table et son lit” (*Ibid. P. 267-268*).

и вовсе ее отравить, подослав к ней собственного бастарда, который, впрочем, открыл ей глаза на этот гнусный план⁷⁶.

Как и следовало ожидать, судебные заседания и на сей раз не привели к пересмотру королевского решения, а потому 15 июня 1464 г. братья капитана де Флави решились на отчаянный шаг. Заманив Пьера де Лувена в лес, они избили его, выкололи ему глаза и перерезали горло, а тело затем расчленили⁷⁷. Таким образом, они применили на практике древний обычай *талиона*, отчасти повторив обстоятельства смерти, которой в 1449 г. умер их брат⁷⁸. И все же отомстить им удалось лишь одному и, по всей видимости, не самому главному обидчику. Потеряв второго супруга и отца своих шестерых сыновей⁷⁹, Бланш, тем не менее, в том же году вышла замуж в третий раз – за Пьера де Пюи, мэтра Палаты прошений при Людовике XI (1423–1483). Еще через 36 лет – 5 июня 1500 г. – она получила от Парижского парламента свидетельство о ратификации королевского письма о помиловании, выданного ей в далеком 1450 г.⁸⁰ На тот момент Бланш исполнилось уже как минимум 74 года, и, по некоторым данным, она счастливо пребывала в четвертом браке⁸¹...

⁷⁶ “*Finaliter marchanda a son bastart de l’empoisonner et lui dist s’il ne la faisoit morir, qu’il le fairoit morir. Ledit bastart s’en descouvry a la defenderesse*” (Ibid. P. 268).

⁷⁷ Ibid. P. 111, note 4. Первая попытка отомстить Пьеру де Лувену за смерть Гийома относилась еще к 1451 г. Тогда подручные братьев де Флави смогли лишь ранить его, за что заплатились жизнью: “*Monseigneur le lieutenant fit dresser ung gibet tout neuf, pour pendre cinq hommes... lesquels... avoient navré Pierre de Louvain, chevalier, luy estant au service du roy, et l’avoient espié par plusieurs journées, le cuidant tuer, pour certains débats qui estoient dès il y avoit long-temps meus entre iceux de Louvain et de Flavy*” (*Chartier J. Op. cit. T. 2. P. 311-312*).

⁷⁸ Об использовании принципа талиона во французской средневековой практике, как судебной, так и парасудебной, см. выше: Глава 2.

⁷⁹ О наличии у Бланш шестерых сыновей от Пьера де Лувена сообщалось в иске от 19 мая 1485 г., касавшегося утраченных ранее земельных владений, которые они себе надеялись вернуть: “*Entre maistre Glaude de Louvain, messire Gilles, Anthoine, Barthelet, Nicolas et Anthoine Louvains appellans de maistre Pierre de Cerisay, conseiller du roy en la court de céans d’une part... Piedefer pour lesditz appellans dit pour ses causes d’appel que l’an mil iiij^e cⁱⁿquante et deux messire Pierre de Louvain, pere desditz appellans, acquist de dame Blanche d’Auvrebruech, leur mere, leur terre de Beu, Nelle, Herlyes, Tilloy et autres declairées es lectres d’aquisition sur ce faictes*” (*Champion P. Op. cit. P. 269-270*).

⁸⁰ Данное письмо о помиловании также отсутствует в архивах королевской канцелярии. О его существовании известно лишь по анонимной записи, обнаруженной в своей время Жюлем Кишра и датирующейся, вероятно, уже XVI в.: “*Pour quoi, ladicte d’Awrebruche aiant obtenu en juillet 1449 lettres de remission, ladicte remission n’auroit esté enterinée que par arrest du Parlement du 5 juin 1500, LII. ans après le fait*” (Suite de mémoire à consulter sur Guillaume de Flavy // Quicherat J. Op. cit. T. 5. P. 368-373, здесь P. 373). Неизвестный автор, правда, ошибся в датах: в действительности речь шла о ратификации *второго* письма о помиловании, полученного Бланш д’Овербрюк в 1450 г.

⁸¹ *Mestre J.-B. Guillaume de Flavy n’a pas trahi Jeanne d’Arc. P., 1934. P. 206.*

История убийства Гийома де Флави и последующих, в буквальном смысле бесконечных, гражданских и уголовных разбирательств, связанных с расследованием этого преступления, и сама по себе, безусловно, заслуживает внимания. Не так часто в нашем распоряжении оказывается судебное дело, которое длилось бы более 50-ти лет и от которого сохранилось бы такое количество документов, донесших до нас голоса очень многих заинтересованных лиц, каждый раз по-новому излагавших события прошлого.

И все же в этой истории присутствует дополнительный и весьма любопытный для нас элемент – *память* о событиях, их интерпретация потомками, видевшими в нашем герое не просто очередного мужа-тирана, собственной жизнью поплатившегося за проявленную им жестокость, но одного из главных предателей Французского королевства в период Столетней войны. Рождение этой легенды оказалось, вне всякого сомнения, напрямую связано с тем знаменательным фактом, что именно в Компьене, находившимся на тот момент под управлением Гийома де Флави, была захвачена в плен Жанна д'Арк, принимавшая участие в обороне города.

Как я уже упоминала, весной 1430 г. в результате неудачных военных действий близ Марны-сюр-Уаз Компьень осадили бургундские войска, прибывшие из-под Клервуа; к ним вскоре присоединился и английский гарнизон Венетты⁸². В ходе очередной операции по освобождению города Жанна, явившаяся со своим отрядом на помощь местным жителям, оказалась зажата около крепостного рва, мост через который был поднят, а городские ворота – закрыты. Бургундский лучник стянул Деву с коня и вынудил ее отдать ему свой меч. Вместе с девушкой были захвачены в плен ее брат Пьер, исповедник Жан Пакерель и оруженосец Жан д'Олон. Это событие, повлекшее за собой суд над французской национальной героиней и ее казнь, произошло 23 мая 1430 г.

Известие о пленении Жанны д'Арк быстро распространилось во Франции и за ее пределами. Даже крайне скептически относившийся к Орлеанской Деве Ангерран де Монстреле, лично присутствовавший при ее передаче Филиппу Доброму, герцогу Бургундскому, отмечал, насколько сильное недовольство вызвала данная «потеря» (*perte*) у французов⁸³. В письме, отправленном 22 июня 1431 г. из Брюгге в Венецию, неизвестный итальянский купец восклицал: «Пусть Богу будет угодно, чтобы это оказалось неправдой!»⁸⁴. О том, что сторонники

⁸² Подробнее об этой операции см.: *Champion P. Op. cit. P. 32-46.*

⁸³ «Et lesdiz François rentrèrent en Compiengne, dolans et courroucés de leur perte. Et par espécial eurent moult grant desplaisance pour la prise d'ycelle Pucelle» (*Chronique d'Enguerran de Monstrelet. T. 4. P. 388.*)

⁸⁴ «E Christo I piaqua I adevogna el contrario, segundo como s'a dito, se questa cosa sia cusy la veritade!» (*Chronique d'Antonio Morosini. Extraits relatifs à l'histoire de France / Ed. par G. Lefèvre-Pontalis, L. Dorez. 4 vol. P., 1901. T. 3. P. 356.*)

Карла VII были искренне огорчены судьбой Жанны, свидетельствовал позднее и Тома Базен, называвший ее пленение «неудачным и печальным событием»⁸⁵.

Несмотря на столь единодушные отклики на происшествие в Компьене, авторы первой половины XV в., тем не менее, никак не комментировали *обстоятельства*, приведшие к столь трагическому концу военной карьеры Жанны д'Арк. Лишь после процесса по ее реабилитации, состоявшегося в 1455–1456 гг. и полностью снявшего с девушки обвинения, выдвинутые против нее в 1431 г.⁸⁶, французские хронисты обратились к подробностям ее жизни и, в частности, к событиям 23 мая 1430 г. Именно с этого момента, насколько можно судить, в исторических сочинениях начала разрабатываться версия о возможном предательстве, ставшем причиной гибели Девы, и был названо имя человека, стоявшего за ним, – нашего давнего знакомого, капитана Гийома де Флави, отдавшего приказ о закрытии ворот Компьеня.

Впервые применительно к эпопее Жанны д'Арк о де Флави упомянул Жан Шартье в своей «Хронике», законченной около 1460 г. и завершившей «Большие французские хроники»⁸⁷. Он сообщал, что этот «доблестный» (*vaillant*) капитан выступал против намерения Карла VII сдать Компьень герцогу Бургундскому и удерживал город всеми силами. Король поначалу был крайне недоволен поведением де Флави, но «многие полагали», что его неподчинение лишь сыграло на руку монарху: при осаде Компьеня бургундцы и англичане потеряли много сил, что позволило королевским войскам удержать другие занятые ими города⁸⁸. Пленение Жанны д'Арк Шартье никак не связывал с личностью Гийома де Флави. Причиной, по которой Жанна потерпела неудачу, он полагал поломку ее меча, что следовало расценивать как знак Свыше к прекращению любых военных операций. Отказавшись покинуть поля сражений, девушка лишилась помощи Господа в своих дальнейших действиях, что и предопределило ее печальный конец⁸⁹.

⁸⁵ “Eidem Johanne infaustum omen atque infelix valde contigit. Nam, cum certo die cum multis armatis opidum exiens in hostes impetum faceret, ab uno milite Burgundione capta fuit” (*Basin T. Histoire de Charles VII / Ed. par Ch. Samaran. T. 1-2. P., 1964. T. 1. P. 152*).

⁸⁶ Подробнее см.: Тогоева О.И. Еретичка, ставшая святой. С. 179–270.

⁸⁷ Первоначальный вариант хроники был создан Жаном Шартье до 1450 г. и записан на латыни. В нем осаде Компьеня и пленению Жанны д'Арк была уделена всего одна фраза, и наш герой в ней не упоминался: “Villa de Compendio ab Anglicis obseditur, qui ibidem Puellam rapuerunt” (*Cronica regis Karoli, hujus nominis septimi // BNF. Nouv. acq. lat. 1796. Fol. 49*).

⁸⁸ “Dont le roy fut d'abord très mal content, et touteffoiz plussieurs disoient que la désobeissance que icellui de Flavy avoit faite avoit prouffité au roy, car par icelle ville furent les Angloiz et Bourgueignons trèsfort endommagez, et fut cause d'entretenir les autres villes que ledit roy avoit conquises” (*Chartier J. Op. cit. T. 1. P. 125*).

⁸⁹ “Et estoit chose notoire que, depuis que ladite espée fut rompue, ladite Jehanne ne prospéra en armes au prouffit du roy ne autrement, ainssi que par avant avoit fait” (*Ibid. P. 122–123*).

Тем не менее, упоминание о Гийоме де Флави и особый упор, сделанный на его участии в защите Компьеня, заставляет предположить, что какие-то слухи о его роли в пленении Жанны д'Арк до Жана Шартье, возможно, доходили, хотя и были им отринуты.

На существование подобных слухов совершенно ясно указывал анонимный автор «Компиляции о миссии, победах и пленении Жанны Девы», составленной в Орлеане в самом конце XV в.:

По мнению некоторых, *кто-то из французов* стал причиной того, что она не смогла спастись. В это легко верится, поскольку [в этом сражении] никого более не было захвачено в плен или ранено, по крайней мере из людей выдающихся. Я не хочу сказать, что это – правда, но, как бы то ни было, это стало большой потерей для короля и королевства⁹⁰.

А Матье Томассен, начавший в 1456 г. по приказу дофина Людовика (будущего Людовика XI) составлять свой *Registre delphinal*, и вовсе не сомневался в том, что под Компьенем Жанна «была предана»⁹¹.

Как полагал Огюст Валле де Виривиль, подобные замечания французских хронистов могли основываться на устных рассказах очевидцев событий – жителей Компьеня⁹². Существование слухов о виновности Гийома де Флави подтверждал также тот факт, что на уже упоминавшемся выше процессе, возбужденном против капитана в 1444 г. по делу о преднамеренном убийстве Пьера де Рио⁹³, королевский прокурор обвинил его в том, что он получил от герцога Бургундского 30 тысяч золотых экю за сдачу города, «учитывая, что он закрыл ворота перед Жанной-Девой»⁹⁴.

Именно эта версия – то, что корыстолюбивый Гийом де Флави, по сути дела, продал Жанну д'Арк бургундцам, т.е. совершил *политическое предательство*, – получила особое развитие во французских исторических сочинениях XV–XVI вв. Ни удачная военная карьера капитана, ни его

⁹⁰ «Aulcuns veulent dire que *quelqu'ung des Francoys* fut cause de l'empeschement quelle ne peust retirer, qui est chose facile a croire, car on ne trouve point qu'il n'y eust aucun Francoys, au moins parmi les hommes de non, prins ne blece en ladicte barriere. Je ne veulx pas dire qu'il soit vray. Mais quoy qu'il en soit ce fut grand dommaige pour le roy et le royaume» (Compilation du manuscrit 518 d'Orléans sur la mission, les victoires et la capture de Jeanne la Pucelle // La Minute française des interrogatoires de Jeanne la Pucelle d'après le Réquisitoire de Jean d'Estivet et les manuscrits de d'Urfé et d'Orléans / Ed. par P. Doncoeur. Melun, 1952. P. 55-77, здесь P. 67, курсив мой – О.Т.).

⁹¹ «Laditte Pucelle fut trahie et baillée aux Anglois devant la ville de Compiègne» (Thomassin M. *Registre delphinal* // Quicherat J. Op. cit. T. 4. P. 312, курсив мой – О.Т.).

⁹² Vallet de Viriville A. Notes bibliographiques sur le *Mirouer des femmes vertueuses* // BEC. 1855. T. 16. P. 551-560.

⁹³ См. прим. 24.

⁹⁴ «Et n'est a croire que en refusast xxx^m escuz, *veu qu'il ferme les portes a Jehanne la Pucelle*, par quoy fut prise. Et dit on que pour fermer lesd. portes il ot plusieurs lingotz d'or» (Champion P. Op. cit. P. 225, курсив мой – О.Т.).

близость ко двору и преданность Карлу VII, позволившие ему сохранить свой пост до самой смерти, ни даже родственные связи с Реньо Шартрским никак не повлияли на трактовку событий, произошедших в Компьене 23 мая 1430 г. А вот обстоятельства *личной* жизни нашего героя, привлекавшие внимание современников после его жестокого убийства 9 марта 1449 г., как представляется, в высшей степени способствовали как появлению, так и дальнейшему развитию данной легенды.

Репутация Гийома, который был охарактеризован в выступлениях адвоката Бланш д'Овербрюк как настоящий тиран, женившийся на девушке значительно моложе себя ради богатого приданого, постоянно избивавший ее и изменявший ей, серьезно пострадала в результате судебных расследований 1449–1464 гг. Его собственные и, надо признать, вполне реальные преступления – убийство маршала де Рио, жесткая манера управления вверенной ему крепостью и сознательный грабеж местного населения – добавляли к этой картине лишь отдельные недостающие детали. Все это в целом позволило хронистам уже второй половины XV в. с легкостью примерить Гийому де Флави заодно и маску человека, способного на предательство. Единственным автором, придерживавшимся, как кажется, более или менее реальных фактов, остался лишь Матье д'Эскуши. Он сообщал, что убийство капитана Компьеня стало делом рук Бланш д'Овербрюк, отомстившей таким образом за смерть родителей и за дурное обращение с ней самой:

[Она] была арестована, но благодаря тому, что предоставила королю и его совету объяснение [своего поступка], а именно [рассказала] о том, как Гийом, по собственной жестокости и из желания присвоить их имущество, безжалостно погубил ее отца и мать, изо дня в день обращался с ней грубо и угрожал заключить ее в тюрьму до конца жизни, при помощи добрых друзей получила от короля прощение и помилование⁹⁵.

Писавший чуть позднее д'Эскуши Жак Дюклерк' рисовал уже совсем иную картину. Для него де Флави являлся

доблестным воином, но вместе с тем тираном, совершившим больше ужасных преступлений, чем это было возможно: он захватывал молоденьких девушек и, несмотря на все увещания, насиловал их, [а также] без всякого снисхождения убивал и топил людей⁹⁶.

⁹⁵ "Fut mise et détenue prisonnière; mais, par le moien d'aucuns ses bons amis, et pour certaines raisons que elle fist declairier envers le Roy et son conseil, c'est assavoir que le dessusdit Guillaume avoit par tyrannie, et pour avoir le leur, fait morir piteusement en ses prisons son seigneur de père et dame de mère, et, de jour en jour, lui faisoit et avoit fait de long temps plusieurs rudesses, et, avec ce, menaçoit de la emmurer et tenir en prison toute sa vie, obtint et eut pardon et remission du Roy" (Chronique de Mathieu d'Escouchy. T. 1. P. 145-146).

⁹⁶ "Vaillant homme de guerre, mais le plus tyran et faisant plus de tyrannie et horribles crimes qu'on porroit faire: prendre filles malgré tous ceulx quy en vouloient parler, les violer, faire morir gens sans pitié et les noyer" (Mémoires de Jacques Duclercq. T. 1. P. 419).

Наконец, в 1465 г. Жорж Шателен уже напрямую связывал убийство капитана с его прошлыми преступлениями и совершенными им предательствами:

Еще один изменник, Гийом де Флави, нашедший смерть от [руки] собственной жены, своей порочной жизнью отчасти сам себя обрек на столь ужасный конец⁹⁷.

На рубеже XV–XVI вв. Алан Бушар, буквально повторяя слова королевского прокурора, сказанные в 1444 г., прямо называл нашего героя «предателем» (*traître Flavy*) и сообщал, что тот «продал Деву бургундцам и англичанам, а для того, чтобы достичь своей цели, заставил ее выйти из города и принять участие в сражении»⁹⁸. За это преступление капитан не был отдан под суд. Вот почему, по мнению хрониста,

Господь, не желая, чтобы подобный проступок оставался безнаказанным, допустил, чтобы жена де Флави, Бланш д'Овербрюк,... задушила его при помощи его личного цирюльника в то время, когда он спал в собственной постели⁹⁹.

В XVI в. версия о предательстве Жанны д'Арк, совершенном лично Гийомом де Флави, и понесенном им наказании получила дальнейшее развитие. Именно в этот период во Франции стали во множестве публиковаться жизнеописания выдающихся людей прошлого, одной из главных героинь которых часто выступала Орлеанская Дева¹⁰⁰. Так, автор анонимного «Зеркала достойных женщин», изданного в Лионе в 1546 г., слово в слово повторял суждения Алана Бушара: капитан крепости заранее договорился с врагами Карла VII о продаже им Девы

⁹⁷ "Un autre de pervers semblant, Guillaume de Flavy... lequel imputant sa mort à sa femme, en partie accusoit soy mesme avoir esté digne de mauvaïse fin par la perversité de sa vie" (*Chastellain G. Le Temple de Boccace / Oeuvres de Georges Chastellain / Ed. par K. de Lettenhove. Bruxelles, 1863-1866. 8 vol. T. 7. P. 95*).

⁹⁸ "Avoit ja vendue aus dessudictz Bourgoignons et Anglois la Pucelle, et pour parvenir a ses fins il la pressoit fort de sortir par l'une des portes de la ville, car le siege en estoit pas devant icelle porte" (*Bouchart A. Grandes Chroniques de Bretagne / Texte établi par M.-L. Auger et G. Jeanneau, sous la dir. de B. Guenée. T. 1-2. P., 1986. T. 3. P., 1998. T. 2. P. 202, курсив мой – О.Т.*). Первое издание хроники Бушара вышло в 1514 г., и до 1541 г. она переиздавалась еще 5 раз: *Vallet de Viriville A. Op. cit. P. 551-552*.

⁹⁹ "Et pour ce que par la justice des hommes celui de Flavy ne fut pugny de ce cas, Dieu le Createur, qui ne veult delaisser ung tel cas impugny, permist depuis que la femme d'icelui de Flavy nommee Blanche d'Auvrebreuch,... le suffoqua et l'estrangla par l'ayde d'un sien barbier alors qu'il estoit couché ou lict" (*Bouchart A. Op. cit. T. 2. P. 202*).

¹⁰⁰ Подробнее об особенностях трактовки истории Жанны д'Арк в такого рода источниках см.: *Тогоева О.И. Еретичка, ставшая святой. С. 291-327*.

и лично настоял на том, чтобы она вышла за ворота и приняла бой, исход которого был предreshen¹⁰¹.

Трактовки эпизода в Компьене А. Бушара придерживался и Пьер де Брантом (1540–1614) в своих «Галантных дамах». Следует, правда, отметить, что автора в первую очередь интересовала отнюдь не история Жанны д'Арк, но судьбы тех женщин, которые осмеливались дать отпор своим мужьям-тиранам (*maris-tyrans*) и даже отправить их на тот свет. И здесь ему на ум приходил образцовый пример подобного поведения – поступок Бланш д'Овербрюк, отомстившей Гийому не только за свою тяжелую жизнь, но и за совершенное им в отношении Жанны д'Арк предательство:

Как это сделала Бланш д'Овербрюк со своим супругом, съёром де Флави, компьенским маршалом и губернатором, который предал Орлеанскую деву, став причиною ее плена и гибели. Дама эта, Бланш, прознала, что муж собирается утопить ее, и опередила его, успев с помощью мужнина цирюльника задушить злодея; король Карл VII тотчас помиловал ее – думаю, скорее из-за предательства мужа, нежели по другой причине¹⁰².

Та же связь между действиями «неверного» (*desloyal*) Гийома де Флави и его ужасной смертью присутствовала и в «Портретах и жизнеописаниях знаменитых людей» 1584 г. Андре Теве. Более того, в рассказ об убийстве, совершенном Бланш, автор также включил эпизод внезапной гибели на поле боя брата капитана, Луи де Флави:

Флави нашел способ под выдуманным предлогом избежать судебного преследования (за совершенное преступление – О.Т.), но Господь, наказывая его за измену, внезапно после пленения Жанны забрал к себе его брата, Луи де Флави, [погибшего] от пушечного ядра. Что же касается самого предателя, то его смерть приблизила Бланш д'Овербрюк, его супруга, которая из-

¹⁰¹ “Mais celui de Flavy avoit fait ceste ordonnance pource que il avoit ia vendu aux desusdiz Bourguignons et Angloys la Pucelle. Et pour parvenir ses fins il la pressoit fort de sortir par l'une des portes de la ville car le siege n'estoit pas devant icelle porte” (*Mirouer des Femmes vertueuses*. 2 éd. P., 1547, без пагинации). Как полагал Огюст Валле де Виривиль, автор «Зеркала» в качестве своего основного источника использовал именно хронику А. Бушара: *Vallet de Viriville A. Op. cit.* P. 551, 554.

¹⁰² “Ainsi que fit Blanche d'Auverbruckt à son mary le sieur de Flavy, capitaine de Compiègne et gouverneur, qui trahit et fut la cause de la perte et de la mort de la Pucelle d'Orléans. Et cette dame Blanche... l'estouffa et l'estrangla, dont le roy Charles septième lui en donna aussitost sa grace; à quoy aussi ayda bien la trahison du mary pour l'obtenir, possible plus que tout autre chose” (*Brantôme. Les Dames galantes* / Ed. par M. Simonin. P., 1962. P. 52). Русская цитата приводится по изданию: *Брантом П. Галантные дамы* / Пер. с фр. И. Волевич, Г. Зингер. М., 2007. С. 40.

за плохого с ней обращения задушила его, пока он спал, с помощью цирюльника¹⁰³.

Луи де Флави действительно погиб в июне 1430 г. под Компьенем, во время осады города англичанами и бургундцами. Это событие упоминалось в «Хронике» Ангеррана де Монстреле, который, однако, никак не связывал его с пленением Орлеанской Девы, уделив основное внимание тому, насколько мужественно держался в этот момент сам капитан города: он не только никому не показал своего горя, но и приказал после очередной отбитой атаки неприятеля трубить победу, «дабы приободрить людей»¹⁰⁴.

Любопытно при этом отметить, что практически одновременно с версией об особой роли, которую сыграл Гийом де Флави в судьбе Жанны д'Арк, продав ее бургундцам, во Франции начала набирать силу и несколько иная трактовка событий. Впервые, как представляется, она возникла еще в хрониках второй половины XV в., авторы которых особо отмечали раздражение капитанов французского войска, вызванное военными успехами Девы, и указывали на *зависть* с их стороны как на основную причину ее провала под Компьенем. Об этом, в частности, сообщал анонимный создатель «Хроники Турне»:

И с тех пор многие говорили и утверждали, что из-за зависти французских капитанов и из-за симпатии, которую испытывали некоторые члены королевского совета к Филиппу Бургундскому и Жану Люксембургскому, Жанну д'Арк приговорили к смерти на костре¹⁰⁵.

Ему вторил автор «Хроники Лотарингии», ошибочно относивший момент пленения Девы к битве за Руан, но также считавший, что причиной ее гибели стало отношение к ней «некоторых военных»¹⁰⁶. Как

¹⁰³ "Flavy par voyes illusaires trouva moyen d'eschaper la iustice, mais Dieu, vengeant sa trahison, soudain apres la prise de Ieanne luy osta Louys de Flavy son frere par le moyen d'un coup de boulet; et quant au traître, sa mort luy fut avancée par Blanche Danurebruch, sa femme, qui pour le mauvais traictement, qu'il luy faisoit, le suffoqua et estrangla par l'ayde de son barbier, lors qu'il estoit couché au lict" (*Thevet A. Les vrais pourtraits et vies des hommes illustres*. P., 1584. P. 281).

¹⁰⁴ "Pour la mort duquel ledit Guillaume fut moult troublé et anoyeux, mais non obstant il ne s'en monstra nul samblant, ains pour resbaudir ses gens, brief ensievant, fist devant lui sonner ses menestrelx, ainsi qu'il avoit acoustumé de faire" (*Chronique d'Enguerran de Monstrelet*. T. 4. P. 391).

¹⁰⁵ "Et depuis dirent et affermerent plusieurs que, par le envie des capitaines de France, avec la faveur que aulcuns du conseil du roi avoient à Philippe duc de Bourgogne et à messire Jean de Luxembourg, on trouva couleur de faire morir laditte Pucelle par feu" (*Chronique de Tournai // Corpus Chronicorum Flandriae...* edidit J.-J. de Smet. Bruxelles, 1856. P. 417).

¹⁰⁶ "D'autres disoient qu'aucuns de l'armée l'avoient faict mourir, pour cause qu'elle attribuoit tous ses honneurs des faicts d'armes à elle" (*La chronique de Lorraine // Quicherat J. Op. cit.* T. 4. P. 338).

отмечала Колетт Бон, подобные чувства окружавших Жанну военных были вполне естественны: с ее появлением любая удачная операция французов почти автоматически становилась ее личной заслугой, усилия же всех прочих отходили в тень¹⁰⁷.

Как следствие, пленение Жанны д'Арк под Компьенем и в последующие века часто объяснялось именно завистью королевских военачальников. Так, в чрезвычайно популярных во Франции «Анналах и хрониках» Николя Жилия¹⁰⁸ назывались сразу две возможные причины произошедшего. «Кое-кто говорит», замечал автор, что давка на мосту через крепостной ров была столь велика, что девушка просто не смогла вернуться в город¹⁰⁹. Однако есть и «другие» – считающие, что ворота Компьеня были закрыты специально – «по приказу некоторых французских капитанов, завидовавших военным успехам Жанны и ее славе»¹¹⁰.

Версия предательства, совершенного по отношению к Орлеанской Деве ее ближайшими соратниками, продолжила свое существование и позднее. И в ряде случаев она оказалась *совмещена* с версией об измене Гийома де Флави. Так, Франсуа де Мезере в созданной по заказу кардинала Ришелье в 1646 г. «Истории Франции» писал, что капитан Компьеня предал Жанну из зависти к тому доверию, которое она вызывала в войсках¹¹¹. Луи Ле Жандр в «Новой истории Франции» 1719 г. заявлял, что де Флави действовал «по злему умыслу или безрассудно»¹¹². Франсуа Гайо де Питаваль полагал, что Дева оказалась в плену потому, что «кто-то» закрыл перед ней ворота города, хотя сама она и предвидела такое развитие событий и предсказала, что ее предадут¹¹³. Поступок

¹⁰⁷ Beaune C. Jeanne d'Arc. Vérités et légendes. P., 2008. P. 128-129.

¹⁰⁸ Сочинение Н. Жилия выдержало 22 издания в XVI-начале XVII в.: *Lanéry d'Arc P. Livre d'or de Jeanne d'Arc. Bibliographie raisonnée et analitique des ouvrages relatifs à Jeanne d'Arc.* P., 1894. № 73; *Huppert G. The Idea of Perfect History. Historical Erudition and Historical Philosophy in Renaissance France.* Chicago; L., 1970. P. 12-13.

¹⁰⁹ «Disoyent aucuns qu'à ladicte retraicte la presse estoit si grande à la porte, qu'elle n'estoit peu entrer» (*Gilles N. Les Annales et croniques de France.* P., 1553. Fol. 78v-79).

¹¹⁰ «Les autres disoyent que les barrières luy avoyent esté fermées à l'appetit d'aucuns des Capitaines Francois, qui estoient desplaisans de ce que de tout ce qui se faisoit es guerres, la gloire estoit attribuee à ladicte Jehanne» (Ibid. Fol. 79, курсив мой – О.Т.).

¹¹¹ «Elle trouva la barrière fermée par la trahison de Guillaume Flavy Gouverneur de la Ville, qui supportoit impatiemment de ce qu'elle avoit plus de credit que luy parmi les gens de guerre» (*Mezeray F.E. de. Histoire de France depuis Faramond jusqu'au règne de Louis le juste.* 3 vol. P., 1685. T. 2. P. 617).

¹¹² «Le Gouverneur nommé Flavi, par malice ou par imprudence, aiant fait fermer la barrière trop tost» (*Le Gendre L. Nouvelle histoire de France, depuis le commencement de la Monarchie, jusques à la mort de Louïs XIII.* T. 1-8. P., 1719. T. 4. P. 14).

¹¹³ «La garnison fut à peine rentrée, que sans l'attendre on ferma la barrière, de sorte qu'elle fut obligée de se rendre à Lionnet Batard de Vendôme... Elle avoit pressenti son infortune, et avoit dit, en sortant de la Ville, *je suis trahie*» (*Gayot de Pitaval F. Causes célèbres et intéressantes, avec les jugements qui les ont décidées.* P., 1739-1754. T. 21. P. 39).

«этого француза» автор называл «черным вероломством» в отношении героини, которая спасла Францию от, казалось бы, неминуемой гибели¹¹⁴. Точно так же описывал события, произошедшие в Компьене, и Жан-Зоробавель Обле де Мобуи¹¹⁵, считавший, что французы виновны в гибели Жанны д'Арк в не меньшей степени, нежели англичане. И хотя предательство капитана «не было доказано», его поступок был чем-то большим нежели простое проявление «недоброжелательства»¹¹⁶.

Последнее замечание Ж.-З. Обле де Мобуи представляется весьма показательным, поскольку оно свидетельствовало об определенной смене парадигмы, в рамках которой прочитывался отныне эпизод в Компьене. Возникшие у авторов XVIII в. сомнения в постоянно воспроизводимой на протяжении трех веков версии событий были следствием происходившего в этот период постепенного перехода к *рационалистическим* принципам историописания, что нашло свое отражение в том числе и в интерпретации эпопеи Жанны д'Арк¹¹⁷. История с предательством, якобы совершенном Гийомом де Флави, была раскритикована и отвергнута за недоказанность. Характерным примером такого отношения к давней легенде стало сочинение Николя Лангле Дюфренуа «История Жанны д'Арк, девственницы, героини и мученицы за страну», увидевшее свет в 1753–1754 гг.

Посвятив событиям 23 мая 1430 г. отдельную главу своего труда, Лангле Дюфренуа подробно остановился на всех возможных причинах неудачи, постигшей его героиню. Он отмечал, что, по мнению «некоторых историков», захват Жанны в плен стал следствием заговора Гийома де Флави и других капитанов: все они завидовали ее военным успехам и полагали, что победа под Компьенем (если таковая случится) будет также приписана исключительно усилиям Девы, «как уже произошло под Орлеаном»¹¹⁸. За свое преступление, продолжал Лангле Дюфренуа, де Флави не подвергся судебному преследованию,

¹¹⁴ “Comment croira-t-on qu’une personne... qui avoit delivré Orléans, on peut dire miraculeusement sauvé la France sur le penchant inévitable de sa ruine, ait été par la plus noire perfidie abandonnée, et livrée à l’ennemi, par le François même?” (Ibid. P. 39-40).

¹¹⁵ “Jeanne demeura à la queue pour favoriser la retraite... mais lorsqu’elle se présenta, elle trouva la porte fermée. Elle se battit avec un nouveau courage, ne s’attendant guères cependant qu’on viendrait à son secours; car en sortant de la place, soit qu’elle eût vu, entendu quelque chose, elle s’étoit écriée: *je suis trahie*” (Aublet de Maubuy J.-Z. Les vies des femmes illustres de la France. P., 1762. T. 1. P. 26).

¹¹⁶ “Les François ayent eu autant part à la perte de la Pucelle que les Anglois; car quoique la trahison de Gouverneur *ne soit pas bien averée*, néanmoins il est certain qu’il y eut plus que de la mauvaise volonté” (Ibid. P. 27, курсив мой – О.Т.).

¹¹⁷ Тогоева О.И. Еретичка, ставшая святой. С. 389-441.

¹¹⁸ “Quelques Historiens prétendent que Guillaume de Flavi gouverneur de Compiegne, avec quelques autres Officiers, jaloux de cette Héroïne, convinrent ensemble de la faire prendre; de peur sans doute que si le siège de Compiegne étoit levé, la gloire en rejaillit sur elle, comme la réussite de celui d’Orléans” (Lenglet Dufresnoy N. Histoire de Jeanne d’Arc, vierge, héroïne et martyr d’Etat. P.; Orléans, 1753-1754. P. 130, курсив мой – О.Т.).

но был наказан собственной женой, убившей его и получившей за это королевское прощение на том основании, что она «полностью доказала» виновность своего мужа в гибели Жанны д'Арк¹¹⁹. Таким образом, в сочинении Лангле Дюфренуа все существовавшие ранее варианты данного сюжета оказались сведены воедино. Это, однако, не означало, что сам автор верил в них: напротив, ссылаясь на показания Жанны на обвинительном процессе 1431 г., он замечал, что источники не подтверждают историю предательства Гийома де Флави и что главными виновниками гибели девушки следует считать бургундцев и англичан, перекрывших ей дорогу к воротам Компьеня¹²⁰.

Некоторые сомнения в том, что именно де Флави был виновен в пленении французской национальной героини, высказывал и Филипп-Александр Ле Брюн де Шарметт, в 1817 г. издавший четырехтомную «Историю Жанны д'Арк». Он, как и Н. Лангле Дюфренуа, приводил в своем труде все высказывавшиеся ранее объяснения трагического конца Орлеанской Девы¹²¹ и подробно останавливался на версии предательства, отмечая, что «эта проблема – одна из тех, что в изобилии имеются в эпосе французской героини»¹²². К сожалению, писал далее Ле Брюн де Шарметт, у нас отсутствуют документальные свидетельства, подтверждающие подобное развитие событий: в частности, о возможном участии в своей судьбе Гийома де Флави ничего не говорила сама Жанна¹²³. Вместе с тем *репутация* капитана Компьеня, известная по текстам XV в., – и здесь Ле Брюн ссылаясь на «Воспоминания» Жака Дюклерка¹²⁴ – заставляет предположить, что он вполне мог испытывать к Деве негативные чувства: его грубое обращение с женщинами и, в частности, с собственной женой должно было вызывать отвращение у Жанны, славившейся своим целомудрием¹²⁵. Таким

¹¹⁹ “Flavi fut depuis poursuivi pour cette démarche, mais il n’évita la punition que faute de preuves... Il en reçut la peine de la part de sa propre femme, ... qui le fit mourir; crime dont cette femme reçut l’abolition, *après avoir suffisamment prouvé* que son mari avoit résolu la mort de cette vertueuse Fille, et qu’il avoit promis au sieur de Luxembourg de la lui livrer” (Ibid. P. 130-131, курсив мой – О.Т.).

¹²⁰ “Convention, qui selon la déposition de la Pucelle, ne paroît gueres probable... Ce furent les Anglois et les Bourguignons, qui l’ayant coupée l’empêcherent de rentrer dans la ville” (Ibid. P. 131).

¹²¹ *Le Brun de Charmettes Ph.-A. Histoire de Jeanne d’Arc, surnommée la Pucelle d’Orléans*. 4 vol. P., 1817. T. 3. P. 130-131.

¹²² “La part que put avoir Guillaume de Flavy au malheur de la Pucelle, est un de ces problèmes dont abonde l’histoire de cette héroïne” (Ibid. P. 137).

¹²³ “Dans tout le cours de ses interrogatoires, Jeanne d’Arc, parlant devant des ennemis de la France, se montre attentive à ne rien dire qui puisse nuire à la gloire de son patrie” (Ibid. P. 138).

¹²⁴ Ibid. P. 140-141. См. прим. 96.

¹²⁵ “Un pareil homme devait exciter par sa conduite l’indignation de la chaste Jeanne d’Arc” (Ibid. P. 141). Это замечание автора выглядит особенно забавным, если учесть, что в 1430 г., когда Гийом де Флави познакомился с Жанной д'Арк, Бланш д'Овербрюк было примерно 4 года.

образом, по мнению автора, измена де Флави являлась недоказанной, хотя и вполне возможной¹²⁶.

Сомнения, обуревавшие Ф.-А. Ле Брюн де Шарметта и не дававшие ему остановиться на какой-то одной трактовке событий, вполне разделяли и последующие поколения французских историков. Несмотря на доступность многочисленных и уже опубликованных документов XV в. и на кажущийся единственно возможным рациональный подход к их изучению, многие авторы XIX в. продолжали верить не только в сам факт предательства Гийома де Флави, совершенного по отношению к Жанне д'Арк, но и в его тесную связь с последующим убийством капитана Компьеня. Так, в обширном историческом очерке, предваряющем очередной том издания средневековых источников, Жозеф-Франсуа Мишо и Жан-Жозеф-Франсуа Пужула – вслед за Жоржем Шателеном, Аланом Бушаром, Пьером де Брантомом, Андре Теве – уверенно заявляли, что смерть де Флави явилась логичным результатом его отношения к Орлеанской Деве:

[Многие] обвиняли Гийома де Флави, капитана Компьеня, в том, что он приказал закрыть ворота [города]. То, что нам известно из истории о характере и нравах Гийома де Флави, лишь придает веса этим подозрениям... Это был человек дурной жизни, и Жанна, которая всегда оставалась исключительно строга в том, что касалось морали, возможно, иногда упрекала де Флави за его поведение... Гийом де Флави погиб трагически: его цирюльник перерезал ему горло по приказу супруги [капитана], а сама она закончила дело, задушив мужа. Одно из обвинений, которые предъявляла эта дама своему супругу, заключалось в пленении Девы¹²⁷.

Пожалуй, только в работах Жюль Кишра середины XIX в. гипотеза о предательстве капитана Компьеня была подвергнута решительной критике с опорой на все известные на тот момент источники¹²⁸. Однако и во второй половине XX в. эта версия все еще периодически возникала даже в сугубо научных исследованиях. В 1981 г. об измене Гийома де Флави, как о само собой разумеющемся факте, писала Марина Уорнер

¹²⁶ "Concluons de tout ce que nous venons de dire, qu'il n'est pas prouvé que Guillaume de Flavy eût trahie la Pucelle; mais que la fausseté, encore moins l'impossibilité de ce crime, n'est pas non plus, à beaucoup près, démontrée" (Ibid. P. 142, курсив мой – О.Т.).

¹²⁷ "On a accusé Guillaume de Flavy, gouverneur de Compiègne, d'avoir fait fermer la barrière. Ce que l'histoire nous apprend du caractère et des mœurs de Guillaume de Flavy ne fait que donner du poids à cette odieuse accusation... C'était un homme de mauvaise vie, et Jeanne, qui se montra toujours si sévère en matière de mœurs, avait peut-être reproché parfois sa conduite à Guillaume de Flavy... Guillaume de Flavy périt tragiquement: son barbier lui coupa la gorge par l'ordre de sa femme, et celle-ci l'acheva en l'étouffant; un des griefs que cette dame reprochait à son mari était la captivité de la Pucelle" (Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France / Ed. par MM. Michaud et Poujoulat. P., 1837. T. 3. P. 14).

¹²⁸ Quicherat J. Aperçus nouveaux sur l'histoire de Jeanne d'Arc. P., 1850. P. 77-95.

в своей, ставшей классической, работе «Жанна д'Арк. Образ женского героизма»¹²⁹, а в 1986 г. та же история была повторена в «Жанне д'Арк» Режи́н Перну и Мари-Вероник Клэн¹³⁰.

Существует эта легенда и поныне¹³¹. И хотя сегодня уже мало кто помнит, что родилась она в результате преступления, совершенного 9 марта 1449 г. в замке Нель, имена жестоко убитого своею собственной женой капитана Компьеня и французской национальной героини Жанны д'Арк, на мой взгляд, еще долго будут упоминаться вместе – как в научных, так и в научно-популярных сочинениях.

* * *

История Гийома де Флави и Бланш д'Овербрюк позволила нам не только в деталях изучить особенности расследования уголовных дел такого рода, но и увидеть, какими путями сохранялась *память* о преступлении, совершенном в середине XV в., на протяжении последующих столетий. Авторы Нового времени пытались по-своему осмыслить убийство капитана Компьеня и предложить собственное объяснение поступка его неверной супруги. Таким образом, в нашем распоряжении оказалось огромное количество очень подробных и самым тщательным образом составленных судебных документов, а также записей хронистов и историков, и перед нами предстал целый «хор» голов, рассказывающих одну и ту же историю.

Подобное многообразие мнений мы редко встретим применительно к эпохе Средневековья даже тогда, когда речь заходит о каком-то значительном (прежде всего, в политическом плане) событии или явлении. В еще меньшей степени это касается приватной сферы. В подавляющем большинстве рассмотренных выше казусов – историях Раймона Дюрана, Джона Райкнера, Масет и Аннекина де Рюи, Колетт Ла Бюкет и Жана Ле Мерсье – мы не смогли «услышать» голоса всех заинтересованных лиц и узнать, что же *они* думали по поводу тех частных конфликтов, которые в какой-то момент стали явными и превратились в предмет публичного судебного разбирательства.

Дело Бланш д'Овербрюк (как и дело Жанны де Брем и Бридуля де Мезьера) в какой-то степени заполнило эту лагуну, хотя и породило проблему иного рода – проблему *доверия* к источникам информации, особенно в тех случаях, когда этой информации становится слишком много. Все версии произошедшего в замке Нель убийства, как я пыталась показать выше, разнились между собой, каждая из них была

¹²⁹ Warner M. Joan of Arc. The Image of Female Heroism. L., 2000 ('L., 1981). P. 75.

¹³⁰ Pernoud R., Clin M.-V. Jeanne d'Arc. P., 1986 (русский перевод: Перну Р., Клэн М.-В. Жанна д'Арк / Пер. Т.Б. Пошерстник, О.Е. Ивановой. М., 1992. С. 371-375).

¹³¹ См., например: Рассказы из истории Средних веков // <http://srednevekovje.ru/zhanna5.htm> (дата обращения – 17.12.2017); Ромм Ф. Жанна д'Арк. Загадки Орлеанской Девы // http://www.k2x2.info/istorija/zhanna_d_ark_zagadki_orleanskoi_devy/index.php (дата обращения – 17.12.2017).

рассказана по-своему, с учетом интересов того или иного конкретного лица. Точно так же действовали и более поздние авторы, пытавшиеся увязать убийство капитана Компьеня с собственными представлениями о ходе Столетней войны и о роли в ней Жанны д'Арк. «Игра в слова», которой занимались все эти персонажи – кто в зале суда, а кто в тишине собственных кабинетов – напоминает отчасти принцип действия калейдоскопа, в котором с каждым следующим поворотом возникает новая картинка, совершенно не похожая на предыдущую.

С одной стороны, подобное многообразие не может не радовать историка, поскольку действительно предоставляет ему шанс увидеть и понять и тот казус, который его заинтересовал, и реакцию на него последующих поколений. С другой стороны, в обилии источников оказывается очень легко потеряться и упустить ту единственную, но очень важную деталь, которая может стать ключом не только ко всему написанному о том или ином событии, но и к самому этому событию.

Именно о такой ситуации и пойдет речь в следующей главе. Мы перенесемся во Францию XVI столетия и поговорим о сюжетах, которые, на первый взгляд, уже не имеют ничего общего с эпохой Средневековья: об одержимости человека демонами и практике экзорцизма, о политике веротерпимости Генриха IV и об ожесточенных спорах умеренных католиков со «спиритуалами»... И все же, как мне кажется, существует определенная связь между старыми и новыми героями моих историй. Она выражается прежде всего в наличии у них неких базовых культурных ценностей и представлений, не успевших за одно столетие измениться сколько-нибудь радикальным образом, а также – в способах отбора и интерпретации информации, которую тот или иной непосредственный участник событий был готов предложить своим слушателям и читателям.

ГЛАВА 11

История Марты Броссье, которая любила, да не вышла замуж

История, о которой пойдет речь, хорошо известна специалистам, занимающимся ранним Новым временем, а особенно тем, кто интересуется проблемами религиозности – народной и ученой, точками их пересечения и их расхождений. Впервые читающая публика познакомилась с ней благодаря ставшей уже классической работе Робера Мандру 1968 г. о вере в сверхъестественное во французском обществе XVII в.¹ Историки права привлекали ее в качестве иллюстрации в исследованиях, посвященных особенностям судопроизводства в ведовских процессах². Много раз обращались к ней и ученые, занимающиеся проблемами демонологии и одержимости в Западной Европе эпохи Средневековья и Нового времени³.

Как и в случае с Гийомом де Флави, интерес к Марте Броссье и ее наполненной самыми невероятными событиями жизни был связан не в последнюю очередь с внушительным количеством источников, содержащих разнообразнейшие сведения о ней. К ним относятся и отчеты церковных экзорцистов, пытавшихся изгнать из молодой женщины демонов, якобы овладевших ею, и частная переписка, и официальные королевские реляции, и полемические трактаты французских теологов и врачей, и судебные документы. На основании этих текстов ока-

¹ *Mandrou R. Magistrats et sorciers en France au XVIIe siècle. Une analyse de psychologie historique. P., 1968. P. 163-179.*

² *Soman A. The Parlement of Paris and the Great Witch Hunt (1565-1640) // Sixteenth Century Journal. 1978. T. 9. № 2. P. 30-44.*

³ *Walker D.P. Unclean Spirits: Possession and Exorcism in France and England in the Late Sixteenth and Early Seventeenth Centuries. Philadelphia, 1981. P. 33-42; Walker A.M., Dickerman E.H. A Woman under the Influence: A Case of Alleged Possession in Sixteenth-Century France // Sixteenth Century Journal. 1991. T. 22. № 3. P. 535-554; Ferber S. The Demonic Possession of Marthe Brossier, France, 1598-1600 // No Gods Except Me: Orthodoxy and Religious Practice in Europe, 1200-1600 / Ed. by Ch. Zica. Melbourne, 1991. P. 59-83; Eadem. Demonic Possession in Early Modern France. L., 2004. P. 40-58; Houdard S. La possession de Marthe Brossier. Un carrefour critique entre libertinage politique et mystique en France au début de l'époque moderne // Chasses aux sorcières et démonologie. Entre discours et pratiques (XIVe-XVIIe siècles) / Textes réunis par M. Ostorero, G. Modestin et K. Utz Tremp. Firenze, 2010. P. 117-129.*

зывается довольно просто, на первый взгляд, реконструировать биографию нашей героини...

* * *

Марта Броссье родилась и выросла в городке Роморантен в Берри, относившемся в конце XVI–начале XVII в. к диоцезу Орлеана. В 1599 г., согласно нашим источникам, ей исполнилось 26 лет. Именно в это время ее имя стало известно всей Франции: 30 марта того же года девушка в сопровождении отца и двух своих сестер, рассказ о которых ждет нас впереди, прибыла в Париж, где на протяжении нескольких месяцев оставалась главной сенсацией⁴. Впрочем, к этому моменту она уже посетила многие другие французские города: Орлеан, Клеры, Сомюр, Анже и Лош, где каждый раз ее встречали с все возрастающим интересом. Объяснялось это любопытство тем обстоятельством, что в течение предшествующих 15 месяцев Марта была одержима демонами и никак не могла избавиться от них, несмотря на все усилия ее семьи и самых разнообразных экзорцистов, начиная с кюре приходской церкви в Роморантене и заканчивая епископом Анже.

Как можно заключить из дошедших до нас откликов современников, именно с целью покончить со своей одержимостью Марта и явилась в столицу Французского королевства, где ее случай привлек внимание не только простых обывателей и рядовых священников, но и самого Пьера де Гонди (1533–1616), епископа Парижского. По его личному распоряжению 30 и 31 марта, а затем 1 апреля 1599 г. девушка подверглась нескольким процедурам изгнания демонов, на которых присутствовали помимо собственно экзорцистов (представителей ордена капуцинов) парижские теологи и врачи⁵. Все они были призваны, дабы ответить на вопрос, является ли Марта на самом деле одержимой и, как следствие, можно ли верить в то, что ее предсказания и пророчества происходят от демонов, или же они – плод ее воображения.

Важно отметить, что, с точки зрения процедуры, в действиях столичных священников не было ничего удивительного. Именно так и следовало поступать с любым человеком, состояние которого заставляло окружающих подозревать его в одержимости: прежде всего требовалось удостовериться в реальности самого явления, а уже затем приступить к его искоренению. Об этом любой практикующий экзорцист мог прочесть в одном из многочисленных пособий, распространенных в Западной Европе в XVI в. и подробно описывавших порядок действий местных церковных и светских властей при выявлении случаев одер-

⁴ “Le mardi 30e de ce mois, une fille, aagée de 26 ans, qu’on nommoit Marthe, qui avoit le diable au corps (ainsi qu’on disoit), fust amenée de Loches en ceste ville de Paris, et mise près de S^{te}. Genevieve, où chacun, par admiration ou par curiosité, l’alloit voir” (*L’Estoile P. de. Op. cit. P. 182*).

⁵ Discours veritable sur le fait de Marthe Brossier de Romorantin pretendue demonique. P., 1599. P. 4-5, 7-8.

жимости⁶. Тем не менее, относительно «казуса» Марты Броссье назначенная епископом Парижским комиссия не смогла прийти к единому мнению. С точки зрения братьев-капуцинов и столичных теологов, девушку действительно одолевали демоны; присутствовавшие же на сеансах экзорцизма врачи посчитали ее обманщицей⁷.

Существовала, однако, дополнительная и весьма серьезная проблема, заключавшаяся в том, что высказывания Марты, которые она позволяла себе делать на публике (или, если довериться свидетельствам ее экзорцистов, которые позволял себе делать ее главный демон, Вельзевул), были весьма опасного свойства. Как отмечал в своем «Дневнике» Пьер де л'Этуаль (1546–1611), девушка «приводила много удивительных [доводов] против гугенотов»: она называла их пособниками дьявола и уверяла, что каждый день Сатана вербует себе новых адептов из жителей Ла Рошели и других городов, остававшихся оплотом протестантизма во Франции⁸. Иными словами, заявления Марты шли вразрез с политикой религиозной толерантности, провозглашенной в Нантском эдикте, который положил официальный конец Религиозным войнам во Франции⁹.

Эдикт, как известно, был принят далеко не всеми французскими католиками и породил как скрытое сопротивление, так и многочисленные открытые выступления против Генриха IV (1553–1610). Король,

⁶ Все эти пособия были созданы в основном из Италии. Наиболее авторитетными из них считались труды Альберто Кастеллано и Франческо Самарино: *Castellano A. Liber sacerdotalis*. Venise, 1523 (название после 1537 г.: *Castellano A. Sacerdotale iuxta sanctae Romanae Ecclesiae ritum*); *Samarino F. Sacerdotale*. Venise, 1579 (название после 1593 г.: *Samarino F. Sacerdotale sive sacerdotum thesaurus*). Именно эти два пособия легли в основу «Римского ритуала» (*Rituale Romanum*) – руководства для священников по проведению различных церковных обрядов, в том числе процедуры экзорцизма, составленного по указанию папы римского Павла V (1605–1621) в 1614 г. и ставшего последним из литургических текстов, подготовка и публикация которых были определены постановлениями Тридентского собора (1545–1563). Подробнее о пособиях по экзорцизму и их известности во Франции см.: *Sluhovsky M. Spirit Possession as Self-Transformative Experience in Late Medieval Catholic Europe // Self and Self-Transformation in the History of Religions / Ed. by D. Shulman, G.G. Stroumsa. Oxford; N.Y., 2002. P. 150–170; Junod S. Le récit au piège du démoniaque: Charles Blendedecq, Cinq Histoires admirables (1582) // Albineana: Cahiers d'Aubigné. 2009. Vol. 21. P. 115–135. О использовании авторских пособий в создании «Римского ритуала» см. подробнее: *Van Slyke D.G. The Ancestry and Theology of the Rite of Major Exorcism // Antiphon. 2006. T. 10. № 1. P. 70–116, особенно P. 78–79.**

⁷ *Discours veritable*. P. 6, 8, 10–11.

⁸ “Elle disoit merveilles contre les Huguenos, et son diable alloit quérir tous les jours quelque ame nouvelle à la Rochelle et ailleurs pour mettre en sa chaudière, disant que tous les Huguenos estoient à lui” (*L'Estoile P. de. Op. cit. P. 182, курсив мой – О.Т.*).

⁹ *Hours B. L'Eglise et la vie religieuse dans la France moderne, XVIe–XVIIIe siècle. P., 2000. P. 142.*

подписавший этот документ 30 апреля 1598 г., добился от Парижского парламента его регистрации лишь 25 февраля 1599 г., т.е. всего за месяц до прибытия Марты в Париж¹⁰. Неудивительно, что девушку, выступавшую против «новой религии», столь тепло встретили столичные капуцины, принадлежавшие к наиболее яростным противникам политики веротерпимости в этот период¹¹: они не только постарались взять в свои руки проведение сеансов экзорцизма, но даже поселили семейство Броссье в принадлежавшем им аббатстве св. Женевьевы¹².

Вне всякого сомнения, появление Марты оказалось противникам политики религиозной толерантности очень кстати, и они поспешили использовать ее заявления как дополнительное оружие собственной пропаганды¹³. Однако в неменьшей степени – и по той же самой причине – данный случай заинтересовал и обеспокоил самого Генриха IV и его партию «политиков» (умеренных католиков), которые совершенно справедливо расценили выступления девушки как угрозу проводимому ими курсу¹⁴. Уже 2 апреля 1599 г. Парижский парламент поручил своему лейтенанту по уголовным делам, Пьеру Луголи, произвести арест Марты, что и было исполнено на следующий день. Девушку заключили в тюрьму Шатле, где 4 и 5 апреля она вновь подверглась меди-

¹⁰ Recueil des lettres missives de Henry IV / Publ. par M. Berger de Xivrey. T. V (1599-1602). P., 1850. P. 89-94. Подробнее о сложностях принятия эдикта см., к примеру: *Hours B.* Op. cit. P. 142-146.

¹¹ Об отношении ордена капуцинов к религиозной политике Генриха IV и об их критике Нантского эдикта см. прежде всего: *Père Godefroy de Paris.* Les frères mineurs Capucins en France. Histoire de la province de Paris. T. II: De l'expulsion projetée à l'approbation enregistrée (1597-1601). P., 1950.

¹² *L'Etoile P. de.* Op. cit. P. 182.

¹³ Об использовании процессов об одержимости в качестве средства религиозной пропаганды см., к примеру: *Walker D.P.* Demonic Possession Used as Propaganda in the Later Sixteenth Century // Scienze, credenze occulte, livelli di cultura / Convegno internazionale di stidi (Firenze, 26-30 giugno, 1980). Firenze, 1982. P. 237-248; *Weber H.* L'exorcisme à la fin du XVIe siècle, instrument de la Contre Réforme et spectacle baroque // Nouvelle revue du XVIe siècle. 1983. T. 1. P. 79-101; *Pearl J.L.* Demons and Politics in France, 1560-1630 // Historical Reflections. 1985. Vol. 12. № 2. P. 241-251; *Idem.* "A School for Rebel Soul": Politics and Demonic Possession in France // Historical Reflections. 1989. Vol. 16. № 2-3. P. 286-306; *Hanlon G., Snow G.* Exorcisme et cosmologie tridentine: trois cas agenais en 1619 // Revue de la Bibliothèque nationale. 1988. T. 28. P. 12-27.

¹⁴ О борьбе «политиков» и их вечных оппонентов – «спиритуалов» (наиболее активных представителей католической церкви) и в целом о религиозном климате во Франции конца XVI в. см. прежде всего: *Houdard S.* Les invasions mystiques. Spiritualités, hétérodoxies et censures à l'époque moderne. P., 2008. См. также: *Gauchet M.* L'Etat au miroir de la raison d'Etat: la France et la chrétienté // Raison et déraison d'Etat. Théoriciens et thories de la raison d'Etat aux XVIe et XVIIe siècles / Ed. par Y.-C. Zarka. P., 1994. P. 193-244; *Hours B.* Op. cit. P. 95-176; *Tallon A.* Conscience nationale et sentiment religieux en France au XVIe siècle. P., 2002.

цинскому осмотру, в который раз не давшему, впрочем, однозначного ответа о ее состоянии¹⁵.

Этим обстоятельством не преминули воспользоваться представители католической церкви. Уже 6 апреля они обратились к епископу Парижскому с просьбой назначить нового экзорциста для Марты Броссье. Им должен был стать Пьер де Берюль (1575–1629), католический богослов и мистик, будущий основатель французского ордена ораторианцев и будущий кардинал¹⁶. Он приступил к возложенной на него миссии 7 апреля, однако уже 13 апреля Генрих IV приказал своему главному прокурору полностью прекратить сеансы экзорцизма. Марта все это время продолжала оставаться в тюрьме, где ее посещали толпы народа¹⁷. В столице Франции, по словам очевидца, не говорили ни о чем другом кроме одолевавших девушку демонов: местные священники в своих многочисленных проповедях выступали против вмешательства светских судей в религиозные дела и заявляли, что «предпочли бы скорее, чтобы Париж и все его мосты оказались разрушены, чем была бы потеряна хоть одна [невинная] душа»¹⁸.

Ситуация становилась настолько напряженной, что 3 мая 1599 г. Генрих IV обратился с личным письмом к своему врачу Мишелю Мареско (1539–1605)¹⁹, входившему в самую первую медицинскую комиссию, осматривавшую Марту, с просьбой незамедлительно записать и издать в виде отдельной брошюры свои впечатления от данного визита, дабы общественность получила, наконец, ясный ответ, является ли поведение девушки признаком одержимости или же все это – сложной обман (*imposture*)²⁰.

¹⁵ Discours veritable. P. 12-13.

¹⁶ Подробнее о Пьере де Берюле см.: Morgain St.-M. La théologie politique de Pierre de Bérulle (1528-1629). P., 2001.

¹⁷ “Veue et visitée par Evesques, Abbez, et autre Ecclesiastiques; Conseillers de la Cour, Advocats, Gentils-hommes, et plusieurs dames et damoyselles, toutesfois et quantes que l'on l'a voulu voir” (Discours veritable. P. 12).

¹⁸ “Les prédicateurs crièrent fort,... qu'il eust mieux valu que la ville de Paris et tous les ponts eussent esté abismés qu'une ame eust esté perdue” (*L'Estoile P. de*. Op. cit. P. 183).

¹⁹ Подробнее о Мишеле Мареско см.: Michel Marescot: enfant de Vimoutier, 1539-1605, médecin du bon roi Henry IV. Vimoutier, 2003.

²⁰ “Pour ce qu'il y en quelques-uns qui... font courir un bruit fort prejudiciable a la religion catholique que une nommee Marthe Brossier, de Romorantin, est demoniaque;...je vous ay bien voulu faire ce mot de ma main pour vous prier et commander, comme chose que j'affectionne, pour ce qu'elle importe à mon service, de faire un discours à vray de ce que vous y aurés recogneu, lequel vous ferés imprimer, affin que par ce moyen la verité de ce fait-là soit reconnue d'un chascun, mesmement par les gens de bien, et l'imposture, si aulcune y en a, averée. Vous ferés en cela chose qui me sera fort agreable” (Recueil des lettres missives de Henry IV. T. V (1599-1602). P. 127-129).

Мареско исполнил приказ своего короля²¹. Его «Правдивые рассуждения о Марте Броссье из Роморантена, притворяющейся одержимой» были опубликованы практически сразу после того, как Парижский парламент вынес решение по ее делу. Согласно данному постановлению, Марту, ее отца Жака Броссье, а также ее сестер Сильвину и Мари, в сопровождении лейтенанта Николя Рапена следовало выслать в их родной Роморантен²². Там Марта должна была оставаться под надзором семьи и никуда не отлучаться из города под страхом смертной казни²³. Иными словами, девушку осудили как уголовную преступницу, признав ее обманщицей и мошенницей и отказав ей официально в праве называться одержимой.

Текст приговора парламента, датированный 24 мая 1599 г., был включен Мишелем Мареско в текст его «Правдивых рассуждений», где он занимал последние несколько страниц, подводя своеобразный итог всему сказанному. С одной стороны, это свидетельствовало о том, что автор знал о принятом решении до окончания работы над трактатом (в его заключении присутствовала соответствующая отсылка к тексту приговора²⁴). С другой стороны, можно, вероятно, предположить, что данное сочинение не заставило себя долго ждать, тем более, что опубликованы «Правдивые размышления» были Мамером Патиссоном, «постоянным королевским издателем», как значилось на их титульном листе²⁵.

Свой небольшой трактат Мареско начинал с заявления о том, что «вера» (*foy*) и «доверчивость» (*credulité*) – суть разные явления, и история Марты – лучшее тому доказательство²⁶. Он честно признавал, что мнения столичных интеллектуалов об этой девушке разделились,

²¹ О том, что трактат появился на свет по приказу Генриха IV, говорилось в посвящении, предваряющем основной текст: “Par le commandement de vostre Maiesté nous avons mis par escrit briefvement et veritablement ce qu'avons recogneu en la visitation de Marthe Brossier, pretendue demoniaque, avec l'advis que nous'en avons sur ce donné en nos consciences” (Discours veritable. Без пагинации).

²² “Ladicte Cour a ordonné et ordonne que ladicte Marthe Brossier, Silvine et Marie Brossier ses soeurs et Jacques Brossier leur pere estans en ceste ville, seront menez et conduits en la ville de Remorantin lieu de leur demeure par M. Nicolas Rapin Lieu-tenant de robbe courte en ladite Prevosté” (Ibid. P. 45).

²³ “Et ladicte Marthe Brossier par luy lisee en la garde dudit Jacques Brossier son pere, auquel ladicte Cour fait inhibitions et defences, sur peine de punition corporelle, de la laisser vaguer, ne sortir hors ladite ville, sans ordonnance et permission de M. Paul Gallus Juge chastelain de Remorantin” (Ibid. P. 45-46).

²⁴ Ibid. P. 47.

²⁵ “Par Mamert Patisson Imprimeur ordinaire du Roy” (Ibid. Без пагинации).

²⁶ “La foy est une seure et certaine voye pour parvenir à verité, salut et sagesse; la trop grande credulité est un chemin qui nous precipite à faulseté, fraude, folie et superstition. Cette difference de foy et credulité se pourroit demonstrier par plusieurs exemples des anciens: mais il n'y en a point de plus digne... que l'histoire de Marthe Brossier de Romorantin, pretendue inspiritee” (Ibid. P. 2, курсив мой – О.Т.).

и никакие повторные проверки не смогли привести их к согласию²⁷, однако, с его точки зрения, все слова и действия Марты указывали, без сомнения, лишь на «обман и мошенничество» (*imposture et feintise*), творимые ею²⁸. Для Мареско, как для опытного врача, было совершенно очевидно, что девушка не страдала ни эпилепсией, ни истерией, ни меланхолией, ни сумасшествием, т.е. заболеваниями, которые вызывали у человека обмороки, конвульсии, потерю веса или спутанное сознание²⁹. Тем более, не являлась она одержимой, поскольку все известные автору признаки этого недуга (способность изъясняться на иностранных и древних языках, знание прошлого и будущего, наличие меток дьявола на теле жертвы, нежелание или невозможность подойти к причастию, способность к левитации, черный язык и текущая изо рта слюна³⁰) либо отсутствовали у Марты, либо не вызывали доверия. Так, на все вопросы, заданные ей на латыни, по-гречески или по-английски, она отвечала по-французски или просто отмалчивалась³¹. Она спокойно позволяла вложить себе в рот частицы «святых реликвий», но отталкивала обычную шапку, протянутую ей одним из докторов теологии, вызванных для ее освидетельствования³². Несмотря на просьбы собравшихся, она не смогла подняться в воздух, заявив в свое оправдание, что именно в этот момент демон покинул ее тело³³. В отличие от других известных Мареско одержимых Марта

²⁷ Ibid. P. 2-3.

²⁸ "Plusieurs Prelats, Theologiens, et Medecins... ont par une diligente observation de tous ses signes et actions decouvert l'imposture et feintise de ceste femme" (Ibid.).

²⁹ "Les agitations que nous y observons, ne retiennent rien de la nature des maladies, mesmes de celles ausquelles de prime face elles ressemblent le plus: n'estant ny epilepsie, laquelle suppose perte de tout sentiment et jugement; ny affection, que nous appellons hysterique, laquelle n'est jamais ou sans privation, ou sans contrainte d'halaine, desquelles choses il n'en paroît aucune icy" (Ibid. P. 18-19).

³⁰ Основные признаки одержимости были изложены в уже упоминавшемся выше «Римском ритуале» 1614 г.: "Signa autem obsidentis daemonis sunt: Ignota lingua loqui pluribus verbis, vel loquentem intelligere; Distantia et occulta patefacere; Vires supra aetatis, seu conditionis naturam ostendere; et id genus alia, quae cum plurima concurrunt, majora sunt indicia" (Rituale Romanum Pauli V. Pontificis maximis jussu editum. Mechliniae, 1854. P. 311). Тем не менее, и до публикации «Ритуала» французские экзорцисты ссылались на те же самые симптомы. Подробнее см.: Sluhovsky M. A Divine Apparition or Demonic Possession? Female Agency and Church Authority in Demonic Possession in Sixteenth-Century France // Sixteenth Century Journal. 1996. Т. 27. № 4. P. 1039-1055; Тогоева О.И. «Мужская» и «женская» одержимость в сочинениях французских демонологов XVI-XVII вв. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2014. Вып. 22. С. 183-205.

³¹ Discours veritable. P. 4-5, 10-11.

³² "Alors luy fait presenter des reliques de la vraye Croix, lesquelles elle endure luy estre mises en la bouche. On luy presente le chaperon d'un Docteur, lequel elle rejette vivement: comme si le chaperon d'un Theologien, ou la Mitre de l'Evesque avoyent plus de vertu et plus de divinite que les reliques de la vraye Croix" (Ibid. P. 6).

³³ Ibid. P. 8-9.

выглядела здоровой и упитанной особой, а ее вызывающие изумление у окружающих конвульсии не сопровождались, как того следовало бы ожидать, учащением пульса и дыхания или изменением цвета кожного покрова³⁴.

Таким образом, личный врач Генриха IV приходил к выводу, что в поведении его подопечной не наблюдалось никаких отклонений, которые нельзя было бы объяснить естественными причинами³⁵. Ее гримасы и ужимки являлись, с его точки зрения, не более чем притворством, на которое был способен любой придворный лакей или ярмарочный фокусник³⁶. Марта «прекрасно изображала» одержимую, тем более, что она занималась этим целых 15 месяцев, в течение которых ее семья возила ее из города в город словно циркового медведя или обезьяну³⁷. Мареско полагал, что подобную манеру поведения девушка усвоила из популярных книжек об одержимых, действия которых она просто копировала³⁸. Не пытаясь ответить на вопрос, какие цели преследовала сама обманщица³⁹, автор «Правдивых размышлений», тем не менее, замечал, что первым в выдуманную одержимость дочери поверил ее отец, который сумел удачно использовать ее состояние для собственного заработка: он предлагал желающим задавать Марте вопросы об их прошлом и будущем, а за ответы брал деньги⁴⁰.

Важно отметить, что само явление одержимости Мареско при этом ни в коем случае не ставил под сомнение⁴¹. Тем не менее, поведение своей героини он расценивал как уловку – причем уловку крайне опас-

³⁴ "Davantage est il probable que depuis quinze mois estant si souvent agitee et tourmentee, elle demeurast grasse et en bon point" (Ibid. P. 16).

³⁵ "Les actions de Marthe Brossier sont telles, qu'elles n'ont rien d'extraordinaire par dessus les loix de nature" (Ibid. P. 15).

³⁶ "Il n'y a personne, je ne dy pas des bateleurs, mais des laquais de la Cour qui n'en fist autant" (Ibid.).

³⁷ "Il y avoit quinze mois qu'on la menoit comme un singe, ou comme un ours, à Angers, Saumur, Clery, Orleans, Paris, et qu'on luy apprenoit à faire ces faults" (Ibid. P. 29).

³⁸ "Laquelle... lisoit tousiours des livres de diablerie, et principalement celui du diable de Laon, estoit fort propre a telles gentilleses et fictions diaboliques" (Ibid. P. 39). Упоминание «дьявола из Лана» в данном пассаже отсылало читающую публику к истории другой знаменитой французской одержимой, Николь Обри, речь о которой пойдет ниже.

³⁹ "Si Marthe n'est point possedee de l'esprit malin, Cui bono? A quelle fin fait elle toutes ces choses? Ce n'est point de nostre art de respondre à ceste question" (Ibid. P. 38).

⁴⁰ "Si c'estoit par une folie, pensant que sa fille eust le diable au corps, ou pour faire quelque nouveau remuement, ou par avarice, Dieu le sçait... Mais la verité est, que plusieurs ont baillé de l'argent au pere... Et ne faut douter, que si l'affaire eust reüssi, il neust beaucoup gagné d'argent" (Ibid. P. 39-40).

⁴¹ "Car nous croyons par la foy Chrestienne les démons estre, entrer aux corps des hommes, et les tourmenter en plusieurs sortes, et tout ce que l'Eglise Catholique a déterminé de leur creation, nature, puissance, effects, exorcismes, nous le tenons pour vray, ferme et stable comme le pole" (Ibid. P. 14).

ную, поскольку девушку начали использовать в своих интересах противники короля, нарушая тем самым Божественные установления⁴². Марта не просто заставляла окружающих верить в «ложные чудеса» (*faulx miracles*), она провоцировала «брожение в умах», которое необходимо было как можно скорее прекратить⁴³. Однако представители церкви пытались противоречить своему монарху, они хотели доказать, что данный случай лежит вне компетенции светских судей и может быть рассмотрен лишь в рамках церковной юрисдикции⁴⁴. Иными словами, личный врач Генриха IV прямо указывал на политический, вернее, *политико-религиозный* подтекст данного дела, в котором не было «ничего демонического, очень много мошенничества и самая малость болезни»⁴⁵.

В ответ на сочинение Мишеля Мареско были изданы два трактата, принадлежавшие перу уже упоминавшегося выше Пьера де Берюля – «Трактат об энергуменах» и «Рассуждение об одержимости Марты Броссье»⁴⁶. В них, как и следовало ожидать, отстаивалась точка зрения церкви: и данный случай, и подобные ему дела объявлялись автором не политическими, но религиозными, а потому подпадающими исключительно под церковную юрисдикцию⁴⁷. Своего противника де Берюль именовал «либертинцем от религии» (*Libertin de Religion*), заявляя, что его вера «далека от католической» (*sa creance peu catholique*)⁴⁸, а сам он – «старая обезьяна», которую выставляют на театральных подмостках, дабы во всеуслышание проповедовать против истинного церковного

⁴² Ibid. P. 12, 47.

⁴³ «Rendront graces à Dieu qui a decouvert ceste imposture, de laquelle s'ensuivoient non seulement des faulx miracles, mais aussi grandes divisions entre le peuple» (Ibid. P. 4).

⁴⁴ «Les Ecclesiastiques y repugnent, disans que ceste cause de la femme pretendue demonique leur appartient. Les Prescheurs en crient tout hault» (Ibid. P. 12).

⁴⁵ «*Nihil a daemone. Multa ficta. A morbo pauca.* Rien du diable; plusieurs choses feintes; peu de maladie» (Ibid. P. 6).

⁴⁶ Оба сочинения были опубликованы де Берюлем под псевдонимом Леон д'Алексис: *D'Alexis L. [Berulle P. de.] Traicté des Energumenes, suivi d'un discours sur la possession de Marthe Brossier; contre les calomnies d'un medecin de Paris. Troyes, 1599.* Это не означало, что автор не хотел быть узнанным, напротив, в последующие годы он неоднократно издавал «Трактат об энергуменах» под своим именем. Как полагает Софи Удар, в 1599 г. псевдоним был выбран по той причине, что автор даже на титульном листе своего сборника полемизировал с Мишелем Мареско, трактат которого был опубликован анонимно: *Houdard S. La possession de Marthe Brossier. P. 124.*

⁴⁷ «Un affaire qui touche non à l'Estat, mais à l'Eglise» (*D'Alexis L. [Berulle P. de.] Discours sur la possession de Marthe Brossier // D'Alexis L. [Berulle P. de.] Op. cit. P. 8.* Подробнее о концепции одержимости у Пьера де Берюля см.: *Houdard S. La possession de Marthe Brossier. P. 120, 124-128; Morgain St.-M. Op. cit. P. 59-79.*

⁴⁸ *D'Alexis L. [Berulle P. de.] Discours sur la possession de Marthe Brossier. P. 12, 16.*

учения⁴⁹. Он уподоблял Мареско городской черни, неспособной рассуждать о столь сложных вопросах и распознавать истину⁵⁰. В равной мере не мог этого сделать и врач, выступающий, как и любое иное светское должностное лицо, от лица государства, ибо об одержимости демонами, как и о сущности этих последних, судить имели право лишь представители церкви⁵¹. Именно их прерогативы интересовали Пьера де Берюля более всего: вот почему в его сочинениях сама Марта Броссье практически не упоминалась, и автор всего один раз назвал ее по имени⁵².

Тот же безличностный подход мы наблюдаем и в других откликах конца XVI–начала XVII в. Так, Пьер де л'Этуаль коротко останавливался в своем «Дневнике» на обстоятельствах появления Марты в Париже и на осмотре девушки врачами, отказавшимися признать ее больной или одержимой⁵³. Наиболее подробно автор, принадлежавший к партии «политиков», писал о реакции Генриха IV: король, озабоченный тем, что «сказки» (*contes*) Марты волнуют его народ и дают повод некоторым церковникам для новых протестов, распорядился отправить ее под арест⁵⁴. Выступления местных капуцинов, возмущенных подобным решением, закончились, по сообщению де л'Этуаля, высылкой самого активного из них из Парижа⁵⁵. Автор также приводил в своем «Дневнике» анонимные стихи, ходившие в то время по французской столице: в них случай Марты Броссье также рассматривался исклю-

⁴⁹ “Ce Singe estant sur ses vieux ans n'a peu se maintenir longuement hors de son naturel, et s'estant posé sur un Theatre pour parler en la France contre l'Eglise” (Ibid. P. 17). Данная фраза являлась прямой отсылкой к тексту трактата М. Мареско, сравнивавшего Марту Броссье с дрессированными медведем и обезьяной: см. прим. 37.

⁵⁰ “La populace, de laquelle un Ancien a dict, *plebi non iudicium non veritas*, et par consequent mal propre à temoigner et à juger une verité” (Ibid. P. 47-48).

⁵¹ “Et cest à une mesme Eglise, de parler des Energumenes et d'un Energumene” (Ibid. P. 3). “Or en quelle loy trouvons nous que le Magistrat seculier ait pouvoir sur Satan, que nous savons estre spirituel en son essence” (Ibid. P. 54). Последняя фраза также напрямую отсылала к сочинению М. Мареско, в котором он призывал своих читателей почитать короля и подчиняться его магистратам: “Ains de nous contenir en nostre office et vacation, de craindre Dieu, d'honorer le Roy, d'obeir aux Magistrats” (Discours veritable. P. 47).

⁵² D'Alexis L. [Berulle P. de.] Discours sur la possession de Marthe Brossier. P. 43.

⁵³ “Cinq médecins de Paris furent nommés et députés pour la revisiter... qui tous dirent que, selon leur art, elle n'avoit point de diable” (L'Estoile P. de. Op. cit. P. 182).

⁵⁴ “Finalement, le Roy, adverti de tout et que par ses contes elle esmouvoit son peuple et donnoit pied à quelques ecclésiastiques de nouveaux remuemens, envoya lettre à M. D'Estrées par lesquelles il lui enjoignoit de la tirer de là où elle estoit et la mettre entre les mains de sa Justice” (Ibid. P. 183).

⁵⁵ Ibid. Речь шла об отце Жан-Батисте Брюлар де Силлери (1544-1624), настоятеле монастыря на улице Сен-Оноре в Париже, одном из наиболее яростных противников Нантского эдикта, прославившемся своими проповедями, направленными против политики религиозной толерантности.

чительно в рамках политической истории – в рамках политико-религиозного конфликта, который более всего волновал современников событий⁵⁶.

Похожее отношение к нашей героине прослеживается и по анонимной «Апологии епископа Парижского» (*Apologie pour Monsieur de Paris*), точная датировка которой невозможна. Однако, поскольку представляла она собой своеобразную развернутую «рецензию» на только что прочитанное сочинение Мишеля Мареско, следует предположить, что этот текст писался в конце мая-июне 1599 г.⁵⁷ Автором, вне всякого сомнения, выступал представитель католической церкви и, возможно, член партии «спиритуалов». Кроме того, судя по тексту, он входил в состав епископской комиссии, которая осматривала Марту Броссье 30-31 марта 1599 г. – той самой, членом которой был и личный врач Генриха IV⁵⁸. «Апология» была, впрочем, посвящена не столько данному случаю, сколько отличительным чертам одержимости как особого религиозного состояния⁵⁹. Автор упрекал Мареско в том, что тот не постеснялся опозорить епископа Парижского, который провел все необходимые в подобных ситуациях процедуры с соблюдением всех возможных правил и со всеми предосторожностями⁶⁰. Усомнившись в действиях Пьера де Гонди, Мареско тем самым обвинил его в подлоге (*imposture*), что было совершенно недопустимо для истинного католика⁶¹. Свое основное внимание, тем не менее, наш анонимный автор – как и Пьер де Берюль – уделял проблеме юрисдикции. С его точки зрения, процессы об одержимости (к которым он относил и дело Марты, хотя сам воздерживался от того, чтобы высказать собственное мнение

⁵⁶ В одном из стихотворений, в частности, сообщалось, что парижане не увидят чуда избавления Марты Броссье от демонов, которое предрекали церковники, поскольку в дело вмешался светский суд и «дьявол оказался укрошен»: «On ne verra point le miracle / Que Messieurs avoient pretendu: / La Justice y a mis obstacle, / Et leur diable a esté tondu» (Ibid.).

⁵⁷ «Je dis ce propos a l'occasion d'un petit livre qui depuis peu de iours est tombé entre mes mains touchant ceste pauvre fille Marthe Brossier» (Pièces concernant Marthe Brossier, de Romorantin, possédée et accusée d'imposture (1596-1600) // BNF. Ms. fr. 18453. Fol. 1-104, здесь Fol. 21v).

⁵⁸ «Iay eu cet honneur d'estre present a la plus grande partie de ceste histoire faite de dans la ville de Paris en la compagnie de mondit Sieur de Paris et plusieurs autres» (Ibid. Fol. 22).

⁵⁹ В тексте самым подробным образом были описаны все отличительные черты «истинного» одержимого: знание им иностранных и древних языков, невозможность причащаться, черная пена, изливающаяся из его рта, знание прошлого и предвидение будущего, способность отвечать на сложные религиозные вопросы, умение левитировать: Ibid. Fol. 26-26v, 28v, 32-35.

⁶⁰ К этой теме автор «Апологии» возвращался буквально на каждой странице: Ibid. Fol. 24, 24v, 25, 25v, 27.

⁶¹ «Et neüst esté le grand tort quil fait a l'honneur et reputation de mondit Sieur de Paris et de plusieurs autres gens de bien quil accuse d'imposture d'avoir jnstruict ceste fille a dire et faire ce qu'on a veu et ouy d'elle» (Ibid. Fol. 23v).

о ее состоянии⁶²) должны были находиться исключительно в ведении Церкви⁶³.

Стремление рассмотреть «казус» Марты Броссье в рамках политико-религиозного дискурса присутствовало и у авторов, писавших позднее. Так, Габриэль Нодэ (1600–1653), французский ученый и библиотечарь, в своих «Политических рассуждениях о государственных переворотах» (1639 г.) отмечал, что Генриху IV удалось обернуть мошенничество Марты Броссье, поддержанное парижскими «спиритуалами» и Пьером де Берюлем, на пользу своей религиозной политике⁶⁴. Хотя данное дело и заставило короля, как новообращенного католика, уверовать в таинство евхаристии⁶⁵, в одержимости девушки он заподозрил обман и, прежде чем передать ее экзорцистам, потребовал, чтобы ее осмотрели «врачи и хирурги». Заключение медицинской комиссии и судебное решение по данному делу изложил в своем «маленьком трактате» Мишель Мареско, чей главный вывод разделял и Нодэ⁶⁶.

С точки зрения урона, нанесенного королевству после принятия Нантского эдикта, рассматривал казус Марты Броссье и Жак-Огюст де Ту (1553–1617)⁶⁷. Подробно пересказывая данную историю по «Правдивым рассуждениям» Мишеля Мареско, президент Парижского парламента заключал ее тем же выводом, что в свое время сделал личный врач Генриха IV⁶⁸: в этом деле он видел «много обмана и совсем ничего болезненного». Он также приводил текст приговора парламента, предписывавшего Марте и ее семье вернуться в Роморантен под надзор властей⁶⁹.

⁶² “Mais ce nest mon jntention... toucher la question si Marthe Brossier est ou a esté veritablement possedée” (Ibid. Fol. 37–37v).

⁶³ “C’est une prerogative qui appartient a Dieu seul et a ceux a qui il a donné la puissance” (Ibid. Fol. 36v). Последовательность доказательств в пользу церковной юрисдикции в делах об одержимости, которые приводил автор «Апологии», заставляет видеть в нем внимательного читателя не только трактата М. Мареско, но и сочинений П. де Берюля, которыми он, возможно, вдохновлялся.

⁶⁴ “L’histoire de la possedée Marthe Brossier, laquelle à dire vray n’estoit qu’une pure feinte, entreprise par quelques zelez Catholiques, et appuyée par un bon Cardinal” (G.N.P. [Naudé G.] Considerations politiques sur les coups d’Estat. Rome, 1639. P. 122).

⁶⁵ “Le Roy eust occasion de croire la presence réelle en l’Eucharistie, de laquelle presence ou pour mieux dire transubstantiation, on ne tenoit pas qu’il fust entierement persuadé” (Ibid.).

⁶⁶ “Mais luy qui ne se laissoit pas facilement surprendre, voulut qu’auparavant que d’en venir aux exorcismes, les Medecins et Chirurgiens fussent appelez pour en dire leur advis, lequel ayant esté conceu en ces termes rapportez par Monsieur Marescot dans le petit livret qu’il a composé sur cette histoire: *Naturalia multa, ficta plurima, à daemone nulla*” (Ibid. P. 122–123, курсив автора – О.Т.). Ср.: прим. 45.

⁶⁷ “Après la publication de l’Edit de Nantes, il arriva un faict qui fascha fort le Roy et qui apporta bien du trouble à la Paix et à l’ordre qui avoit esté mis en l’estat” (Thou J.-A. Histoire de Marthe Brossier pretendue possedee. Rouen, 1652. P. 1).

⁶⁸ “Qu’il y avoit beaucoup de feintise et peu de chose qui vint de maladie” (Ibid. P. 3).

⁶⁹ Ibid. P. 11.

Таким образом, случай Марты Броссье рассматривался ее современниками исключительно в политико-религиозном контексте – как событие, в котором отразились все основные противоречия эпохи. Для партии «политиков» и, позднее, для «либертинцев» реакция Генриха IV казалась совершенно естественной: это была борьба короля за его нововведения. Для «спиритуалов» история Марты стала поводом не только лишний раз напомнить о собственных политических идеалах, но и продвинуться в постижении и описании самого явления одержимости как специфического религиозного состояния, требующего вмешательства представителей церкви. Особенно актуальны подобные рассуждения оказались для конца XVI в., т.е. до появления «Римского ритуала» (1614 г.), в котором признаки одержимости и способы борьбы с ней были представлены с официальной позиции папского престола и во исполнение последних постановлений Тридентского собора⁷⁰.

Точно так же, как и Мишеля Мареско и Пьера де Берюля, более поздних авторов сама Марта, ее личные чувства и мысли интересовали не слишком сильно. Единственный намек на какую-то «частную» информацию о нашей героине мы находим в «Дневнике» Пьера де л'Этуаля. Он писал, что весной 1599 г. многие парижане заподозрили жительницу Роморантена в обмане не только по причине ее резких высказываний в адрес гугенотов, но и потому, что репутация семейства Броссье вызывала у них большие сомнения: мать Марты, согласно распространившимся слухам, подозревали в занятиях колдовством, а саму девушку – в проституции⁷¹.

Ни один другой столичный автор не сообщал о прошлой жизни Марты Броссье столь удивительных фактов, и мы вполне могли бы отнести эту мимоходом брошенную фразу к разряду *уникальной информации* о данном деле – информации, которую невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть, а потому крайне сложно использовать в научных построениях⁷². Следует, однако, заметить, что странное, на первый взгляд, замечание Пьера де л'Этуаля не являлось вымыслом, отражавшим слухи, циркулировавшие, возможно, в столице Франции весной 1599 г. Напротив, в его основе лежали вполне надежные све-

⁷⁰ См. прим. 6.

⁷¹ *"Il se descouvroit de la pipperie, en ce fait, en beaucoup de sortes, et que mesmes la mère avoit eu le bruit de se mesler de sorcellerie, et la fille de l'amour"* (L'Etoile P. de. Op. cit. P. 182, курсив мой – О.Т.).

⁷² Об особенностях использования уникальной информации источника в историческом исследовании см.: Данилевский И.Н. Историческая реконструкция: между текстом и реальностью // Человек читающий: между реальностью и текстом источника / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. М., 2011. С. 5-22; Тогоева О.И., Данилевский И.Н. Ad fontes. О проекте «Средневековые письменные источники как историко-художественные тексты: создатели – читатели» // ЭНОЖ «История». 2013. Вып. 6 (22): Событие-образ-реконструкция. Историко-художественные тексты как основа исторической реконструкции / Под ред. О.И. Тогоевой, И.Н. Данилевского: <http://www.history.jes.su/s207987840000608-7-1>.

дения, происходившие из родного города семейства Броссье, Роморантена. Эти источники сохранились и поныне, а потому у нас есть редкая возможность узнать, какой была судьба Марты до приезда в Париж.

Более того, новые документы заставляют нас забыть – во всяком случае отчасти – весь политико-религиозный контекст интересующей нас истории и обратиться к, казалось бы, менее всего очевидному в данной ситуации вопросу: кем *в действительности* являлась эта девушка и как она превратилась в одержимую? Ибо брошенная мимоходом фраза Пьера де л'Этуалья оказывается тем самым ключом, который открывает нам дверь в совсем другую, *частную* жизнь Марты Броссье...

* * *

Материалы, проливающие свет на историю нашей героини до ее прибытия в Париж, до сих пор не изданы. Они хранятся в Национальной библиотеке Франции, где составляют отдельный кодекс, скопированный, если судить по почерку, тремя разными писцами уже в XVII в.⁷³ Именно из этой рукописи происходит, в частности, текст анонимного апологетиста епископа Парижского, упоминавшийся выше⁷⁴, однако помимо него здесь имеются и некоторые другие, весьма любопытные документы. К ним прежде всего относятся два текста, авторы которых категорически отрицали сам факт одержимости Марты Броссье.

Наибольший интерес для нас представляет первый из них – письмо, адресованное Пьеру де Гонди и отосланное в Париж, как следует из титула, 16 марта 1599 г., т.е. за две недели до того, как семейство Броссье появилось в столице Франции. В самом тексте, однако, содержалось уточнение: автору уже было известно, что Марта предстанет перед комиссией, созванной епископом 30-31 марта того же года⁷⁵. Таким образом, указанная неизвестным переписчиком дата оказывалась неверной, и наш документ следует отнести самое раннее к началу апреля 1599 г.

От кого же пришло это письмо? В его титуле значилось, что оно было отправлено некоей Анной Шевро, жительницей Роморантена⁷⁶. Послание от простой незнатной провинциалки епископу Парижа вполне могло считаться для XVI в. событием редким, хотя и не исклю-

⁷³ Впервые в научный оборот данный кодекс ввел Робер Мандру (*Mandrou R. Op. cit. P. 164-166*), однако никакой кодикологической или палеографической оценки ни он, ни последующие исследователи ему не давали.

⁷⁴ См. прим. 57.

⁷⁵ "Ladite Brossier est Deliberée d'aller par devers vous pour se faire conjurer et prendre attestation de sa faulce possession" (*Pièces concernant Marthe Brossier, de Romorantin. Fol. 1v-2*).

⁷⁶ Lettre écrite à Monsieur de Paris par une nommée Anne Chevreau prisonniere à Romorantin accusée par Marthe Brossier pretendue demoniaque, de l'avoir ensorcelé, du 16e Mars mil cinq cents quatre vintz dix neuf // *Ibid. Fol. 1-19v*.

чительным⁷⁷. Значительно больше впечатляет тот факт, что Анна писала Пьеру де Гонди из тюрьмы, где к тому времени находилась уже год и куда угодила по обвинению, сфабрикованному... Мартой Броссье и ее родителями. Согласно данному документу, женщина подозревалась в том, что являлась ведьмой и, благодаря своей связи с дьяволом, смогла навести на нашу главную героиню порчу («отравила ее»), превратив ее в одержимую⁷⁸.

Подобная ситуация для французов эпохи Средневековья и раннего Нового времени представлялась совершенно типичной. Человек становился одержимым не сам по себе, т.е. не вследствие прямого контакта с Нечистым, но при посредничестве третьей силы – ведьмы или колдуна⁷⁹. Однако в письме Анны Шевро исключительно подробно оказался описан не только сам процесс «превращения» Марты в одержимую, но и события, которые тому предшествовали.

Историю своих обидчиков Анна начинала с описания тяжелой материальной ситуации, в которой оказался глава семейства Жак Броссье. Человек изначально достойный и обладающий средствами, он к старости «по причине войн, проигранных судебных процессов и про-

⁷⁷ Обращение за помощью и защитой к церковным иерархам в делах об одержимости и колдовстве было достаточно распространенным явлением в странах Западной Европы в позднее Средневековье и раннее Новое время. См. об этом, к примеру: *Селунская Н.А. Жить и ворожить в Венеции. Быт или не быт? // Повседневные практики Средневековья и Нового времени. От информации уникальной к информации верифицируемой / Отв. ред. О.И. Тогоева. М., 2015. С. 71-91; Pfister L. L'enfer sur terre. Sorcellerie a Dommartin (1498). Lausanne, 1997.*

⁷⁸ "Ayant esté retenue prisonniere depuis un an en ça, par les Calomnies et impostures de quelques Meschantes personnes, et principalement par les Ruzes criminelles d'une fille nommée Marthe brossier laquelle feignant estre possedée des Esprits Malins, m'a faulcement accusée de l'avoir empoisonnée (non que la chose soit telle). Mais seulement par une faulce opinion que on luy en a persuadée, et pour la hayne et rancune que ses Parents portent à moy" (Pièces concernant Marthe Brossier, de Romorantin. Fol. 1-1v, курсив мой – О.Т.).

⁷⁹ Данная цепочка действий была детально изложена, к примеру, в «Демономании колдунов» Жана Бодена 1580 г. См. об этом: *Тогоева О.И. Узнать врага в лицо. Иерархия ведьм и колдунов в «Демономании» Жана Бодена // In Umbrā: Демонология как семиотическая система / Отв. ред. и сост. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. Вып. 3. М., 2014. С. 17-40.* Только в XVII в. представления об установлении контактов человека с демонами начали меняться, и роль ведьм и колдунов в этом процессе постепенно сошла на «нет», они более не мыслились обязательными посредниками в подобных отношениях: *Soman A. Le sabbat des sorciers: preuve juridique // Le sabbat des sorciers en Europe: XVe–XVIIIe siècles / Textes réunis par N. Jacques-Chaquin, M. Préaud. Grenoble, 1993. P. 85-99, здесь P. 95-97; Levack B.P. The Decline and End of Witchcraft Prosecutions // Witchcraft and Magic in Europe: The Eighteenth and Nineteenth Centuries / Ed. by B. Ankarloo and S. Clark. Philadelphia, 1999. P. 1-93, здесь P. 14-15, 49-52.*

чих неудач» полностью разорился⁸⁰. Таким образом, у него не осталось никаких возможностей дать хоть какое-то приданое за своими четырьмя дочерьми, самой старшей из которых в 1599 г. исполнилось уже «38 или 40 лет», а самой младшей было «по крайней мере 20»⁸¹. Марта была третьей дочерью Жака Броссье и, по словам Анны Шевро, она прекрасно понимала, что у нее нет практически никаких шансов выйти замуж. Вот почему, как полагали многие жители Роморантена, она «совершенно сошла с ума» и предавалась тоске в одиночестве⁸², пока однажды не совершила из ряда вон выходящий поступок.

Тайком от родных Марта обрезала волосы, переоделась в мужское платье и сбежала из дома. Сначала она пряталась в местном соборе, а затем добралась до соседнего города, где провела «день или два». Там, однако, она была узнана, и ее вернули отцу⁸³. После столь одиозной эскапады жизнь девушки стала совершенно невыносимой: она понимала, что навлекла позор не только на себя, но и на всю свою семью, и отныне постоянно скрывала лицо под капюшоном плаща⁸⁴. К стыду за содеянное, вне всякого сомнения, примешивался и страх за погубленную раз и навсегда репутацию, поскольку самовольный уход из дома молодой (замужней или проживающей с родителями) женщины уже в эпоху Средневековья автоматически приводил к возникновению подозрений в ее склонности к занятиям проституцией. Именно так нередко начинались, к примеру, ведовские процессы, когда обвиняемыми становились дамы легкого поведения, якобы обращавшиеся к колдовству, дабы удержать при себе того или иного возлюбленного: об этом свидетельствует рассмотренная выше история Масет де Руйи⁸⁵. Именно так возникло и подозрение в распутном образе жизни в деле Жанны д'Арк; его отвод в ходе ее реабилитации в 1455–1456 гг. по-

⁸⁰ «Jacques Brossier pere de ladite Marthe Brossier, a esté un homme assés aysé, et qui a eu honnestes moyens, desquels il est maintenant descheu, et les a perdus, tant à cause des guerres, pertes de Procés, que autres accidents» (Pièces concernant Marthe Brossier, de Romorantin. Fol. 3).

⁸¹ «Et estant maintenant veil, il luy est demeurée quatre filles toutes nubiles, dont laîsnée...a bien trente huict, ou quarante Ans, et la moindre vingt ans pour le moins lesquelles il n'a moyen d'adresser pour le present selon sa qualité» (Ibid. Fol. 3-3v).

⁸² «Se voyant quasi hors d'Espoir d'estre mariée n'estant que la troisieme... elle en seroit venue toute frenetique comme l'on a opinion... on l'a toujours veüe depuis quelques temps estre fort triste et solitaire» (Ibid. Fol. 3v, курсив мой – О.Т.).

⁸³ «Et un jour entre les autres, il advent qu'elle se deguisa, couppa ses cheveux, et s'habilla en home, et s'en alla de la Maison de Son Pere et demeura quelque temps dedans l'Eglise de cette ville estant incognue, et se cachant, et enfin... s'en alla, et fust absente un jour ou deux, et finalement fust trouvéé en un bourg, distant de cette ville d'une grande lieüe, et estant recongnue fust ramenée chez son pere» (Ibid. Fol. 3v-4).

⁸⁴ «Et depuis ce temps elle a esté si honteuse, et si faschée que on ne l'a jamais veüe depuis aller la Teste decouverte; mais estant toujours voiléé d'une Cape» (Ibid. Fol. 4).

⁸⁵ См. выше: Глава 8. См. также: Тогоева О.И. «Истинная правда». С. 131-135.

требовал от судей особых усилий⁸⁶. И именно такой «дурной участи» (*mauvaise part*) страшилась в свою очередь Марта Броссье, что привело ее, по мнению Анны Шевро, к решению выдать себя за одержимую⁸⁷. Опасения эти оказались не беспочвенны: очевидно, что слухи о ее – пусть и несостоявшемся – побеге достигли каким-то образом Парижа⁸⁸ и легли в основу записи Пьера де л'Этуаль, с которой мы и начали разговор о прошлом нашей героини⁸⁹.

Любопытно, что и сведения о матери Марты, которая якобы промышляла колдовством (о чем также сообщал де л'Этуаль), также отчасти основывались на вполне реальных фактах. Примерно в то же время, когда наша героиня отважилась на побег, в Роморантене появились сразу три женщины, объявившие себя одержимыми (*trois femmes Demoniacles*) и обвинившие в своих несчастьях нескольких местных «ведьм»⁹⁰. Был проведен процесс, результатом которого стал смертный приговор: «ведьм» сожгли на костре, и одержимые чудесным образом исцелились⁹¹. Впрочем, данное обстоятельство не помешало некоторым другим женщинам, «чей разум был слаб, как это часто бывает у представительниц нашего пола» (отмечала в своем письме Анна Шевро), также объявить себя околдованными⁹². Часть из них обратилась за помощью к кюре Роморантена, а одна отправилась в Брюгге к местным капуцинам, которые согласились провести для нее процедуру экзорцизма⁹³.

Именно эта ситуация, по мнению Анны, и позволила Марте реализовать свой план. Понимая, что побег из отчего дома полностью погубил ее репутацию и лишил малейшей надежды на замужество, она

⁸⁶ Подробнее см.: Там же. С. 147-181; Она же. Еретичка, ставшая святой. С. 207-209, 252-253.

⁸⁷ “Or cette honte naturelle qu'elle devoit avoir d'avoir faict cette faulte, et ensemble la peur qu'elle avoit que l'on parlast d'elle en mauvaise part, lui ont tant donné de fantasies, et imprimé tant d'opinions en la teste qu'elle n'avoit gueres de repos en son Esprit comme elle n'a eu depuis” (Pièces concernant Marthe Brossier, de Romorantin. Fol. 4).

⁸⁸ Вполне возможно, в столице Франции они стали известны благодаря письму Анны Шевро.

⁸⁹ См. прим. 71. Мнение американских исследователей о том, что Марта Броссье в связи со своим побегом опасалась исключительно обвинения в занятиях колдовством, не представляется мне убедительным: Walker A.M., Dickerman E.H. Op. cit. P. 540.

⁹⁰ “Des sorcieres qu'elles accuserent leur avoir donné le malefice” (Pièces concernant Marthe Brossier, de Romorantin. Fol. 4v).

⁹¹ “Lesdites Sorcieres furent convaincues par la Justice et executées, et... lesdites possédées se sont trouvées deslivrées” (Ibid.).

⁹² “Ce qui donna occasion à plusieurs, comme il arrive ordinairement d'avoir opinion d'estre ensorcellées, et entr'autres à quelques femmes... qu'ils sont de Cerveau assez léger, comme nostre Sexe y est assés subject et enclin” (Ibid. Fol. 4v-5, курсив мой – О.Т.).

⁹³ Ibid. Fol. 5-5v.

объявила себя одержимой, и этот обман поддержали ее доверчивые родители, которые более всего желали, чтобы соседи забыли о былом позоре их дочери⁹⁴. Они действительно добились своего: о предосудительном поведении девушки отныне никто не вспоминал. Более того, ее нынешнее состояние (ставшее, по мнению Анны, результатом чтения книг о других случаях одержимости⁹⁵) принесло семейству Бросье стабильный и достойный доход, поскольку за предсказания, которые якобы давала Марта (или ее демон), они получали деньги⁹⁶. Правда, пророчества эти касались лишь тех людей, которых наша героиня знала лично, т.е. располагала некоторой информацией об их прошлом и настоящем⁹⁷.

Сама же Марта обрела в какой-то степени ту свободу, о которой она, вероятно, и мечтала, готовя свой неудавшийся побег: она превратилась в местную знаменитость, и контроль со стороны отца оказался ослаблен. А потому первое, что смогла получить девушка от своего нового статуса, была любовь. Анна Шевро с негодованием передавала епископу подробности романа Марты с местным каноником, который сопровождал свою возлюбленную в поездках, целовал ее на глазах у всех, спал с ней, обнявшись «щека к щеке», и искренне верил в ее одержимость⁹⁸. Подобное поведение – как и побег из отчего дома – также вполне могло привести к последующему возникновению слухов о распутном образе жизни Марты. Не освященный церковью союз лишь в редчайших случаях рассматривался как законный брак⁹⁹, на что в свое время справедливо указывала Жанна де Брем, пытаясь отвести обвинения Бридуля де Мезьера¹⁰⁰. Если же речь шла о мужчине, официально принесшем обет celibата (например, о канонике), то подобный союз считался обычным сожительством и мог закончиться либо судебным разбирательством,

⁹⁴ “Ladite Marthe entra en cette mesme opinion, ou quoy que ce soit elle le feignist, et estant en cette opinion elle desiroit et prioit que on l’a conjurast. Le pere et la mere trop legers de Croire et cet endroit toutesfois bien aises que cela fust ainsy, affin de couvrir aucunement la faulte de leur fille” (Ibid. Fol. 5v).

⁹⁵ “Ils eurent recours audit livre, le quel ils lisoient ordinairement... et luy faisoit lire a elle mesme, l’interrogeant suivant les memoires et les demandes qui sont dans leur livre” (Ibid. Fol. 12).

⁹⁶ “Et ayant tant fait, et tant gaigné par ce moyen sur la creance de plusieurs ils delibererent d’aller à Orleans” (Ibid. Fol. 9).

⁹⁷ Ibid. Fol. 6, 7v, 8-8v, 18-18v.

⁹⁸ “Mais l’on sçait fort bien, qu’elle luy a dit beaucoup de fois la conduisant à Orleans et à autre Part. Baise moy Chanoine et de fait se forçoit de le baiser, et ne pouvoit dormir qu’il n’eust sa joüe sur la Sienne, ou qu’il ne la tinst entre ses bras” (Ibid. Fol. 7).

⁹⁹ Речь шла о «внецерковном» браке, который заключался в отсутствие священника и далеко не всегда считался официальным. Собственно, этот вариант был известен еще в римской Античности, но встречался он и значительно позднее: Бессмертный Ю.Л. Указ. соч. С. 30-31, 35-36, 78-79, 81-82, 146, 149.

¹⁰⁰ См. выше: Глава 9.

либо вмешательством соседей «супружеской» пары, более строго относившихся к нормам морали¹⁰¹. Что же касается женщины, состоявшей в подобной интимной связи, то ей чаще всего была обеспечена репутация проститутки¹⁰².

Впрочем, как кажется, Марту Броссье такое положение дел нисколько не смущало. Как не смущал ее и тот факт, что находились люди, не только сомневавшиеся в ее болезненном состоянии, но и прямо обвинявшие ее в обмане¹⁰³. Ибо слишком многие – как и влюбленный каноник – верили ей и призывали найти и сжечь ведьму, которая заставила Марту так страдать¹⁰⁴. Но почему выбор Броссье в данном случае пал именно на Анну? На этот вопрос обвиняемая не давала в своем письме точного ответа, замечая лишь, что причиной вражды стала ненависть, которую Марта испытывала к ней и к ее сестре¹⁰⁵.

Более детальные сведения о непростых отношениях, сложившихся между двумя семействами, мы можем найти в следующем документе, происходящем из BNF. Ms. fr. 18453, – из анонимных «Рассуждений о мошенничестве Марты Броссье». Этот трактат был написан человеком, который верил в невиновность Анны Шевро и сочинил весьма пространный текст в ее поддержку¹⁰⁶. С точки зрения автора, причина ненависти, которую испытывали все без исключения представители семейства Броссье к Анне, заключалась в разочаровании,

¹⁰¹ Факт незаконного сожительства кюре городка Ранжи с юной девушкой упоминался, в частности, в «Уголовном регистре Шатле». Именно это обстоятельство, согласно показаниям обвиняемых, явилось непосредственным поводом для их нападения на местное аббатство. В свое оправдание участники преступления заявляли, что просто хотели вернуть в отчий дом «супругу» священника: *Registre criminel du Châtelet de Paris*. Т. 2. Р. 221-247 (а. 1391). Подобные стычки между клириками, проживавшими в конкубинате, и их соседями являлись весьма распространенным явлением на протяжении всего позднего Средневековья. См., например: *Tanon L.* Op. cit. Р. 434; ANF. X 2a 9, fol. 132v-134v (а. 1378).

¹⁰² Подобное происходило часто даже в тех случаях, когда сожитель женщины не принадлежал к церкви, о чем свидетельствует упоминавшаяся выше (см. Главу 1) история Колена Бюшерона. Он вынужден был вступить в драку со своими соседями и ранить нескольких из них, поскольку они оскорбляли его конкубину, обзывали проституткой (*femme publiquement diffamee*), а затем и вовсе изнасиловали ее: ANF. JJ 102. № 130 (а. 1371).

¹⁰³ Этих людей Марта сразу объявляла гугенотами: «Et il n'y avoit home sy hardy quil osast dire qu'elle n'estoit possedée, d'autant qu'elle disoit et qu'elle en estoit advertie, cestuy estre huguenot» (*Pièces concernant Marthe Brossier, de Romorantin*. Fol. 6).

¹⁰⁴ «Quant à ceux qui l'ont conjuréé, l'ont a assistéé, et qui ont dit qu'elle estoit posedée, et qu'il falloit brusler la Sorciere, le pere et la mere... les recevoient en leur Logis» (*Ibid.* Fol. 6v).

¹⁰⁵ «Certaine rancune qu'elle porte à une mienne Soeur, et à moy» (*Ibid.* Fol. 14).

¹⁰⁶ *Discours contre les impostures de Marthe Brossier, pretendue demoniaque // Pièces concernant Marthe Brossier, de Romorantin*. Fol. 39-61.

постигшем их после несостоявшейся свадьбы старшей из дочерей, Сильвины.

Как и Анна Шевро, ее неизвестный защитник подробно описывал в своем тексте материальное положение Жака Броссье, неспособного из-за полнейшего разорения, дать за своими дочерьми сколько-нибудь достойное приданое¹⁰⁷. Сильвину, тем не менее, выдать замуж все же попытались, однако сир Робер Уппо и его супруга, бывшая как раз сестрой Анны, воспротивились союзу своего племянника с девушкой из обедневшей семьи, чем и породили «смертельную ненависть» (*haine mortelle*) со стороны Броссье¹⁰⁸. Как отмечал анонимный автор, все жители Роморантена в деталях знали эту историю, а потому никто не удивился, когда Марта обвинила именно Анну в наведении порчи, поскольку наличие старшей незамужней сестры полностью лишало ее саму надежд на заключение брака¹⁰⁹.

Помимо интересных подробностей, касавшихся отношений семейств Уппо и Броссье, наш автор также сообщал в своих «Рассуждениях» новые факты о жизни самой Марты в Роморантене. Так, из его текста мы узнаем, что, лишившись возможности выйти замуж и освободиться от контроля отца, девушка в какой-то момент собралась даже уйти в местный монастырь Гратиньи, однако и эта попытка провалилась из-за отсутствия у Жака Броссье средств для уплаты вступительного взноса¹¹⁰. Вот почему, по мнению автора, Марта сбежала из дома, намереваясь зажить самостоятельной жизнью вдали от родных¹¹¹. Потерпев неудачу, она прибегла к последнему средству и объявила себя одержимой, дабы загладить свой проступок и избавиться от вызванного им позора¹¹².

¹⁰⁷ Ibid. Fol. 41-41v.

¹⁰⁸ “Et d'autant que ladicte Marthe et ses parens portoient une haine mortelle a une fille nommee Anne Cheviou et a une sienne soeur femme du Sire Huppeau, pour avoir empesche le mariage d'un certain leur neveu avec la soeur aisnee de ladicte Marthe, come chacun scait” (Ibid. Fol. 43).

¹⁰⁹ “Elle se delibera de luy imposer ce crime et de l'accuser de l'avoir ensorcellee. Le but de son jntention estant que on la pourroit faire mourir” (Ibid.). Вероятно, Марта не могла напрямую обвинить сестру Анны, учитывая высокое социальное положение ее супруга, сира Уппо.

¹¹⁰ “Et se delibera a quelque prix en fut de quitter et sortir hors de la maison de son Pere. Et luy print en fantasie destre Religieuse et en pria son Pere lequel en parla aux Abbessse et Religieuses de Gratigny. Toutesfois Ils ne se peuvent accorder” (Ibid. Fol. 41v).

¹¹¹ “Ce qui ocasiona ladicte Marthe de se contester plus que jamais. De telle sorte que un jour entre les autres il advint que cette Marthe se desguisa, coupa ses cheveux, print habit d'un homme et sort avec jceluy hors la maison de son Pere et hors la Ville” (Ibid. Fol. 41v).

¹¹² “Ne desiroient que de pouvoir couvrirre cette faute de quelque pretexte et recouvrir son honneur. Et ne sachant par quel moyen Elle se delibera de faire la Demoniaque. Et faire courir le bruict qu'elle avoir esté ensorcellee” (Ibid. Fol. 42v).

Однако – и здесь наш автор расходился с Анной Шевро в оценках – между Мартой и ее родителями имел место настоящий заговор: они вместе задумали сей грандиозный обман, обрета поддержку у уже известного нам каноника, а также у приходского кюре, который по неизвестным причинам испытывал личную ненависть к семейству Уппо. Оба священника почти каждый день столовались в доме Броссье и, хотя они были совершенно неграмотными и уж тем более не имели права проводить сеансы экзорцизма, поскольку не могли отличить истинные признаки одержимости от ложных, постоянно во всеуслышание заявляли о том, что в девушку вселился демон¹¹³.

Сама Марта также поначалу крайне неумело «имитировала одержимость» (*faire la Demoniaque*) и могла лишь кривляться и гримасничать¹¹⁴. Она совершила явную ошибку, заявив, что пребывает в таком состоянии последние 30 лет: собственная мать напомнила ей о ее возрасте, и девушка сократила этот срок до 25, а затем до 22 лет¹¹⁵. Впоследствии, впрочем, кюре и каноник помогли Марте узнать об одержимых побольше: они принесли ей книгу, которую постоянно читали в доме Броссье в течение 7 или 8 месяцев и в которой рассказывалось о казусе 16-летней Николь Обри из Лана, остававшейся одержимой на протяжении двух лет (1565–1566)¹¹⁶. Именно оттуда Марта якобы почерпнула все свои познания: особенности поведения истинных одержимых, имена злых духов, приемы имитации голосов животных. Она научилась притворяться мертвой, высовывать язык, разевать рот, изображать судороги и конвульсии и прочее. Она даже выучила несколько латинских слов, хотя в действительности не знала ни латыни, ни греческого, ни иврита¹¹⁷. Как отмечал наш анонимный автор, книга служила в семействе Броссье чем-то вроде наглядного пособия, кото-

¹¹³ “Et pour ce faire saccosta de quelques Prestres de la ville de Remorantin fort ignorans et principalement d’un Chanoine qui ne savoit pas lire et du Curé qui s’y employa plus affectionnement qu’il ne devoit pour la haine qu’il portoit au Sire Robert Huppeau. Lesquels banquettoient ordinairement en la Maison et leur faisoit entendre que sadicte fille estoit possédée de l’Esprit maling. Et adjoustoient qu’ilz en avoient veu beaucoup de signes lesquelz estoient faux” (Ibid. Fol. 44v-45).

¹¹⁴ “Il faut noter qu’a lors ladicte fille estoit encores fort jgnorante en cette affaire et sca voit fort peu que c’est que faire la Demoniaque” (Ibid. Fol. 45v).

¹¹⁵ “Sa mere qui estoit presente luy dist va va sotte, tu n’es pas si vieille que cela. Lors elle replicqua qu’il y en avoit vingt cinq, et puis elle a encore dict... vingt deux” (Ibid. Fol. 46v).

¹¹⁶ “Et a lors ils apporterent le livre qui a esté fait de la possession et delivrance de ladicte Obry et le lisoient ordinairement dedans la Maison et en la presence de ladicte Marthe... et y a bien esté Sept ou huit Mois” (Ibid. Fol. 47). О том же сообщалось в письме Анны Шевро (см. прим. 95). Следы этой информации мы находим и в трактате Мишеля Мареско (см. прим. 38).

¹¹⁷ Ibid. Fol. 47v-48.

рым они продолжали пользоваться и во время своих многочисленных путешествий по стране¹¹⁸.

В целом оба текста – и письмо Анны Шевро и анонимные «Рассуждения» – предлагали своим читателям весьма близкие друг другу версии жизни Марты Броссье в родном Роморантене и описание причин, подвигших ее на мошенничество. Любопытно тем не менее отметить, что никто из исследователей, которые обращались к данным архивным документам, никогда не задавался вопросом, который, как мне кажется, лежит на поверхности. Кто на самом деле был автором этих текстов? Робер Мандру, Сара Фербер, Анита Уокер и Эдмунд Дикерман рассматривали авторство Анны Шевро как само собой разумеющееся, учитывая то обстоятельство, что именно ее имя стояло в титуле первого письма¹¹⁹. Однако сравнение двух сочинений выявляет не просто *равную* степень информированности их авторов, но и их практически полное *текстуальное* совпадение: последовательность изложенных фактов оказывалась здесь идентичной, многие фразы не только сообщали об одном и том же событии, но и делали это теми

¹¹⁸ “Et eux le lisant tout ce qu'ils voyoient qui avoit esté demandé a ladicte Nicole Obry ils le demandoient a ladite Marthe et elle respondoit conformement et ainsy quelle voyoit estre escript dans ledit livre” (Ibid. Fol. 47). Подробнее о деле Николь Обри из Вербена (диоцез Лана), страдавшей от одержимости на протяжении 1565-1566 гг., см.: *Sluhovsky M. A Divine Apparition or Demonic Possession?; Трогеева О.И.* «Мне день и ночь покоя не дает мой черный человек...»: Демоны одержимых во Франции XVI века // *In Umbra: Демонология как семиотическая система* / Отв. ред. и сост. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. Вып. 5. М., 2016. С. 239-258. Какой именно книгой, посвященной этой одержимой, пользовалось семейство Броссье, сказать затруднительно, поскольку ее история излагалась сразу в нескольких сочинениях, имевших широкое хождение во Франции. Наиболее полным из них являлся сборник, выпущенный Жаном Булезом и включавшим как показания свидетелей и заключения врачей и экзорцистов, так и королевские, епископские и муниципальные указы, касавшиеся Николь: *Boulaese J. Le tresor et entiere histoire de la triomphante victoire de corps de Dieu sur l'esprit maling Beelezebub, obtenue à Laon l'an mil cinq cens soixante six*. P., 1578. В этот сборник оказались помещены также опубликованные ранее сочинения Ж. Булеза, посвященные данному случаю одержимости, и трактат Кристофля де Эрикура: *Boulaese J. L'abbregee histoire du grand miracle par nostre Sauveur et Seigneur Jesus-Christ en la sainte Hostie du Sacrement de l'Autel, fait à Laon 1566*. P., 1573; *Idem. Le manuel de l'admirable victoire du Corps de Dieu sur l'Esprit maling Beelezebub*. P., 1575; *Hericourt C. de. L'histoire de la Sacree victoire, obtenue a Laon, contre Beelezebub par la realle presence du precieux corps, de nostre Sauveur et Seigneur Jesus-Christ*. L., 1569. Кроме того, Жан Булез издал краткую историю Николь Обри и сам перевел ее на латинский, итальянский, испанский и немецкий языки: *Boulaese J. Le miracle de Laon en Laonnoys*. Cambrai, 1566. Любое из этих сочинений могло стать доступным Марте Броссье и ее родным.

¹¹⁹ *Mandrou R.* Op. cit. P. 164; *Walker A.M., Dickerman E.H.* Op. cit. P. 536; *Ferber S.* *Demonic Possession in Early Modern France*. P. 40-41.

же словами¹²⁰. Письмо Анны Шевро было короче и, очевидно, представляло собой первичную версию того же самого текста, что и «Рассуждения о мошенничестве Марты Броссье», которые являлись его несколько более пространственным вариантом. Следовательно, послание на имя Пьера де Гонди было написано раньше, однако автором обоих посланий вполне мог выступать один человек, либо (что вероятнее, учитывая стиль и общую грамотность) второй автор (писец) использовал письмо епископу Парижскому в качестве образца.

Следует также отметить, что первый текст составлял очень образованный человек и, скорее всего, это был мужчина, учитывая пассаж о слабости женщин и их предрасположенности к контактам с Нечистым: подобные рассуждения мы находим практически в любом демонологическом сочинении эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени¹²¹. Возможно, автором письма на имя Пьера де Гонди стал какой-то представитель церкви, проживавший в Роморантене и симпатизировавший Анне Шевро, или же, к примеру, местный специалист по составлению писем о помиловании¹²². Возможно также, что инициаторами подобного обращения выступили члены семьи Уппо, глава которой оказался в состоянии оплатить подобную услугу. Однако в любом случае автор и/или заказчик являлись крайне информированными людьми: они в деталях изучили жизнь Марты Броссье в родном городе, они располагали информацией обо всех ее перемещениях по стране и о том, что окончательное решение по ее делу будет выносить епископ Парижский. Вероятно также, что у них на руках имелись копии всех полученных семейством Броссье сертификатов, поскольку они точно знали о результа-

¹²⁰ Можно сравнить, к примеру, описание тяжелого материального положения Жака Броссье в обоих текстах: "Jacques Brossier pere de ladite Marthe Brossier, a esté un homme assés aysé, et qui a eu honnestes moyens, desquels il est maintenant descheu, et les a perdus, tant à cause des guerres, pertes de Procés, que autres accidens" (Pièces concernant Marthe Brossier, de Romorantin. Fol. 3) = "Jacques Brossier Pere de ladite Marthe, a esté un homme asses aysé et qui a eu dhonnestes moyens, desquels Il est maintenant descheu, et les a perdus tant acause des Guerres perte de Proces que autres accidens" (Ibid. Fol. 41). Идентично и описание буйного состояния Марты, в котором она пребывала, узнав, что по причине бедности семьи замуж ей не выйти: "Se voyant quasi hors d'Espoir d'estre mariée n'estant que la troisieme... elle en seroit venue toute frenetique comme l'on a opinion... on l'a toujours veüe depuis quelques temps estre fort triste et solitaire" (Ibid. Fol. 3v) = "Se voyant quasy hors despoir d'estre mariée n'estant que la troisieme... elle en seroit devenue toute frenetique comme lon a opinion... lon l'a tousjours veue depuis quelques temps estre fort triste et solitaire" (Ibid. Fol. 41-41v).

¹²¹ Подробнее см.: Тогоева О.И. «Мужская» и «женская» одержимость; Она же. Узнать врага в лицо.

¹²² О технике составления писем о помиловании см. выше: Глава 2.

тах ее освидетельствования в Орлеане, Клери, Сомюре и Анже¹²³. Получить эти копии наши автор и/или заказчик могли либо у магистратов Роморантена, либо – что более вероятно – у представителей местного духовенства, которые находились в контакте (официальном или частном) со своими коллегами из названных выше городов. Как мне представляется, именно это обстоятельство сближало автора письма, посланного Пьеру де Гонди, с автором «Рассуждений о мошенничестве Марты Броссье».

Несмотря на то, что имя этого последнего остается неизвестно, мы – как и в первом случае – можем совершенно точно сказать, что это был житель Роморантена. Он также детально изучил жизненный путь Марты и был отлично информирован о перемещениях семейства Броссье. Кроме того, вполне вероятно, что наш второй автор являлся представителем церкви, поскольку он исключительно много знал (и писал) о самом явлении одержимости и о процедуре изгнания демонов¹²⁴. Подобный интерес к данной проблеме был, насколько я могу судить, отличительной чертой весьма специфической части французского общества – демонологов-практиков, т.е. священников, проводивших сеансы экзорцизма. Именно такими авторами являлись Пьер де Берюль на момент создания трактатов о Марте Броссье; Шарль Блендек, описавший пять случаев одержимости, имевших место в Суассоне в 1582 г.¹²⁵; Жан Булез и Кристофль де Эрикур, составившие подробнейшие отчеты о случае одержимости упоминавшейся выше Николь Обри¹²⁶. Кроме того автор «Рассуждений» с большим знанием дела рассказывал об особенностях самой процедуры экзорцизма, которому подвергалась Марта в разных городах, а также детально излагал выводы, к которым приходили тамошние экзорцисты¹²⁷. Таким образом, в защиту Анны Шевро мог выступить один из представителей духовенства Роморантена, который хорошо знал и обвиняемую, и ее обвинителей, лично присутствовал при всех описанных им событиях, а потому имел – на основании собственного опыта – право сомневаться в одержимости Марты. Впрочем, нельзя исключать и того, что он оказался подку-

¹²³ Pièces concernant Marthe Brossier, de Romorantin. Fol. 2-2v, 9-11v, 15v-16, 17v-18. Мы можем легко проверить достоверность собранной сторонниками Анны Шевро информации, поскольку все полученные Жаком Броссье сертификаты оказались скопированы в уже знакомом нам кодексе 18453 из Национальной библиотеки Франции: Ibid. Fol. 63-65, 72-72v (сертификаты из Орлеана); Fol. 65v-67, 73-74v (сертификаты из Клери); Fol. 68-71v, 83v-88v (сертификаты из Сомюра); Fol. 75-83 (сертификаты из Анже).

¹²⁴ Ibid. Fol. 42v-43v, 44, 45v-48v.

¹²⁵ Подробнее о Шарле Блендеке см.: Junod S. Op. cit.; Тогоева О.И. «Мужская» и «женская» одержимость.

¹²⁶ См. прим. 118.

¹²⁷ Pièces concernant Marthe Brossier, de Romorantin. Fol. 40, 49v-51v, 54v-55, 57-59v, 61.

плен членами семейства Уппо, точно так же как местные кюре и каноник были ранее подкуплены Жаком Броссье...

Так или иначе, но «Рассуждения» и письмо на имя Пьера де Гонди предлагают нам совершенно иную версию жизни нашей главной героини. Для роморантенских авторов ее случай вовсе не являлся громким политическим делом. Они видели в нем обычное мошенничество, в котором были замешаны все члены семейства Броссье, желавшие улучшить свое тяжелое материальное положение и вернуть репутацию, утраченную в связи с бегством Марты из дома. На то, что речь шла об обычном обмане, указывала и еще одна важная деталь, на которую исследователи не обращали до сих пор внимания. Согласно источникам, происходящим из Роморантена, девушка *сама* объявила себя одержимой либо это сделали ее родственники¹²⁸. Оба эти варианта являлись абсолютно незаконными, поскольку засвидетельствовать состояние одержимости, как уже говорилось выше, имели право лишь официально назначенные лица – представители церкви, специалисты по демонологии и экзорцизму.

Автор «Размышлений» полагал, что изначально Жак Броссье и не думал прибегать к подобному освидетельствованию, надеясь, что судебный процесс, возбужденный им против Анны Шевро, закончится для нее смертным приговором¹²⁹. В этом случае семья могла бы объявить Марту счастливо избавившейся от демонов, как это случилось с легковерными жительницами Роморантена после казни трех местных «ведьм». События стали развиваться по совсем иному сценарию: несмотря на годовое тюремное заключение, Анна не собиралась давать признательные показания и, напротив, начала сбор информации по делу, дабы как следует подготовиться к слушаниям¹³⁰. Обман, к которому столь удачно прибегло семейство Броссье, затягивался, а потому требовались все новые и новые доказательства одержимости Марты, и отец с дочерьми устремился на их поиски в другие города.

Однако девушку далеко не везде признавали одержимой. Среди усомнившихся оказался, в частности, епископ Анже, предложивший Марте отведать хлеба, якобы окропленного святой водой, от которого она отказалась, а также поднесший ей «реликвии», оказавшиеся костями овцы, от которых она отшатнулась¹³¹. В Орлеане Жаку Броссье так-

¹²⁸ Как отмечал автор письма к Пьеру де Гонди: “Ladite Marthe entra en cette mesme opinion, ou quoy que ce soit elle le feignist, et estant en cette opinion elle desiroit et prioit que on l’a conjurast” (Ibid. Fol. 5v). Автор «Размышлений о мошенничестве Марты Броссье» был более категоричен: “Elle se delibera de faire la Demoniaque” (Ibid. Fol. 42v).

¹²⁹ “Et pour ce se delibera... de prouver que sa fille estoit possedée de l’Esprit maling ne pensant toutesfois que cela deust venire à une si grande consequence” (Ibid. Fol. 44v).

¹³⁰ Возможно, именно с этим этапом следствия мы должны связать появление письма на имя епископа Парижского и «Рассуждений о мошенничестве Марты Броссье», написанных в защиту Анны Шевро.

¹³¹ Ibid. Fol. 57v-58v.

же не удалось получить для дочери надлежащий сертификат, поскольку члены местного капитула не сошлись во мнении с представителями канониката относительно ее состояния¹³². Опасность раскрытия обмана (и последующего нового скандала) повисла над семьей Марты, которая предприняла, по словам автора «Рассуждений», «последнее усилие» и отправилась в Париж с целью добиться признания у Пьера де Гонди и его коллег¹³³. Вот только в столице Франции семейство Броссье попало в водоворот сугубо политических событий, в самый эпицентр борьбы «спиритуалов» и «политиков» – и одержимость Марты приобрела уже не «частный», а вполне «публичный» характер – тот самый, что прочитывался по получившим широкое распространение сочинениям парижских интеллектуалов. Настоящее Марты Броссье оказалось, таким образом, практически полностью оторванным от ее прошлого, о котором – в весьма искаженном виде – отныне напоминала всего одна фраза из «Дневника» Пьера де л'Этуаля.

Но каково же было будущее героев всей этой истории? Что произошло после вынесения приговора Парижским парламентом?

Прежде всего, стоит сказать несколько слов об Анне Шевро. Проведя более года в заключении и получив серьезную поддержку от своих сторонников (будь то члены ее семьи или представители местного духовенства), она, насколько можно понять, избежала смертного приговора и вышла на свободу. На это, пусть и косвенно, указывала фраза из уже знакомых нам «Рассуждений», автор которых в заключении отмечал, что Анна «была оправдана»¹³⁴.

Что касается самой Марты, то о ее дальнейшей судьбе нам известно чуть больше. Согласно приговору парламента, она действительно вернулась в родной город, где вплоть до декабря 1599 г. находилась под надзором властей. Однако затем, благодаря поддержке Александра де Ла Рошфуко, настоятеля монастыря Сен-Мартен в Рандане (Овернь) и родного брата епископа Клермонтского Франсуа (будущего кардинала де Ла Рошфуко), нашей героине удалось бежать из Роморантена¹³⁵. Новый покровитель вывез ее вместе с отцом и старшей сестрой Сильвиной сначала в Авиньон, а оттуда – в Рим, дабы подтвердить одержимость молодой женщины в папской курии¹³⁶. 16 апреля 1600 г. Марта прибыла в Ватикан, однако аудиенции у понтифика не получила. Этому отказу предшествовали весьма активные переговоры, которые по приказу Генриха IV провел кардинал Арно д'Осса с фран-

¹³² Ibid. Fol. 50-52, 54v-55v.

¹³³ “Et c'est pourquoy encores il s'est deliberé de faire *ce dernier effort*” (Ibid. Fol. 61, курсив мой – О.Т.).

¹³⁴ “Ladicte Chevrou est justifiée de ladite Calomnie” (Ibid.).

¹³⁵ В Ms. fr. 18453 сохранилась копия донесения парижских официалов Комартена и Мирона, посланных на поиски Марты и доложивших в столицу о своей неудаче в ее поимке: *Pièces concernant Marthe Brossier, de Romorantin*. Fol. 100.

¹³⁶ *Thou J.-A. Op. cit.* P. 11-12.

цузскими иезуитами, проживавшими в Риме и приютившими у себя семейство Броссье. При личной встрече с братом Жаком Сирмоном 16 апреля кардинал наметнул ему «как другу» (*l'avois adverty en amy*), что поддержка этой мошенницы и ее родных, поведение которых создает угрозу для отношений французского короля с папой римским, может стоить иезуитам права вернуться в королевство, откуда они были изгнаны в 1594 г. Утром 17 апреля д'Осса получил личную аудиенцию у Климента VIII и убедил его ничего не предпринимать в отношении Марты Броссье, не посоветовавшись с ним самим¹³⁷. Таким образом, как уверял кардинал Генриха IV в письме от 9 мая 1600 г., девушка более не представляла ни интереса, ни какой бы то ни было опасности для Французского королевства, поскольку превратилась в Италии в «объект для насмешек, который заставляет смеяться абсолютно всех, даже самых простых и доверчивых людей»¹³⁸...

* * *

И здесь история Марты Броссье заканчивается. Мы уже никогда не узнаем о ее дальнейшей судьбе: с кем и какие отношения связывали ее в Италии, вернулась ли она когда-нибудь в родной Роморантен и что стало с ее семьей. Однако благодаря имеющимся у нас архивным документам жизнь этой француженки предстала перед нами в совершенно ином свете, нежели ее изображали в тех официальных сочинениях, которые получили широкое распространение не только в самом королевстве, но и за его пределами¹³⁹. Располагай мы только ими, и казус Марты Броссье так и остался бы для нас еще одной иллюстрацией сложной политической и религиозной обстановки, сложившейся во Франции накануне и сразу после принятия Нантского эдикта. Тексты, имевшие «локальное» происхождение, позволили

¹³⁷ Lettres de l'illustrissime et reverendissime cardinal d'Ossat, évêque de Bayeux. Au roy Henry le Grand, et à monsieur de Villeroy. Depuis l'année 1594 jusques à l'année 1604. P., 1624. P. 412-415.

¹³⁸ "Il m'a esté rapporté que ce n'est rien qu'un pur badinage, qui fait rire jusques aux plus simples et aux plus credules" (Ibid. P. 429).

¹³⁹ В частности, трактат Мишеля Мареко *Discours veritable sur le fait de Marthe Brossier* был практически сразу после публикации переведен на английский язык Абрахамом Хартвелом-младшим, антикваром и членом Парламента: A True Discourse upon the Matter of Marthe Brossier of Romorantin, Pretended to be Possessed by a Divell / Transl. by A. Hartwell. L., 1599. Перевод был осуществлен в связи с полемикой, развернувшейся в Англии второй половины XVI в. между пуританами и католиками относительно практики экзорцизма. Подробнее см.: Серегина А.Ю. Одержимость и гендерные репрезентации в английской религиозной полемике конца XVI в. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2014. Вып. 22. С. 168-182. Позднее, нежели в Англии и Италии, в конце XVII-первой половине XVIII в., история Марты Броссье получила широкую известность в Испании: *Duqueroix F. Marthe Brossier de Romorantin dans le théâtre espagnole du XVIIIe siècle*. P., 1956.

нам, тем не менее, рассмотреть эту историю под совершенно иным углом зрения.

Мы увидели молодую женщину, более всего в жизни желавшую избавиться от опеки семьи, обрести хоть какую-то личную свободу и стремившуюся достичь своей цели любыми законными (как уход в монастырь) и незаконными (как побег из дома) средствами. Только третья попытка Марты оказалась успешной, и она получила – пусть и ненадолго – внимание и уважение окружающих и даже любовь, о которой в силу обстоятельств не могла и мечтать. Одержимость, избранная ею как сознательная стратегия поведения, послужила ей в полной мере: ведь в этом случае она нашла поддержку даже у своих родственников, с удовольствием воспользовавшихся сложившейся ситуацией. Мошенничество, которым столь успешно занималось семейство Бросье, позволило им забыть не только о позоре, который принес им побег дочери, но и о материальных трудностях, преследовавших их на протяжении многих лет. Вот только замуж ни одна из сестер Бросье, похоже, так и не вышла...

Впрочем, история нашей героини заставляет задуматься не только о том, на какие хитрости порой отваживались простые обыватели в погоне за счастьем. В неменьшей степени она подтверждает предположение о том, что порой самая, казалось бы, мелкая деталь, встреченная нами в источниках, деталь, на которую поколения исследователей не обращали внимания именно в силу ее незначительности, может оказаться решающей при анализе сюжета, которому посвящены многочисленные документы и десятки исследований и в которой вроде бы не осталось ничего нового и интересного. Именно такой деталью стало в казусе Марты Бросье мимолетное упоминание о ее возможных занятиях проституцией, позволившее связать воедино два совершенно разных корпуса имеющихся в нашем распоряжении источников и обнаружить за традиционным рассказом о трудностях принятия Нантского эдикта историю совершенно конкретной молодой женщины, историю ее переживаний и борьбы за личное счастье.

Любопытно при этом отметить, насколько представления (и предрассудки) французского общества рубежа XVI–XVII вв., столь сильно повлиявшие на судьбу нашей героини, остались неизменными по сравнению с более ранним временем – периодом Средневековья. Обвинения в занятиях проституцией, которые ждали любую незамужнюю особу, рискни она вести самостоятельную жизнь; ведовские процессы и дела об одержимости, часто имевшие политическую подоплеку и использовавшиеся в религиозной пропаганде¹⁴⁰; побег из родительско-

¹⁴⁰ Аналогичная ситуация имела место, в частности, в Англии Нового времени, где возбуждение уголовного дела о колдовстве очень часто оказывалось связано с конфессиональными разногласиями и политическим заказом: Серегина А.Ю. Гендерные и конфессиональные аспекты английской демонологии XVI–XVII вв.: ланкастерские ведьмы (1612 г.) // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2010. Вып. 18. С. 84–101.

го дома и свободная любовь, не связанная узами брака, порицаемые не только официальной церковью, но и обществом в целом, – все эти идеи никуда не исчезли из системы мировосприятия людей раннего Нового времени и были заимствованы ими из предшествующей эпохи.

Впрочем, как показывает практика, и в более поздний период – уже в XVIII столетии – представления, сформировавшиеся или получившие развитие в период Средневековья и даже существенно раньше, оставались значимыми для большинства людей, сколь бы образованными и «современными» они ни являлись. Наш последний рассказ будет посвящен именно этой особенности человеческого восприятия – тем неизменным «узелкам, завязанным на память»¹⁴¹, которые формируют сознание индивида, позволяя ему находить аналогии для всего нового и удивительного и, таким образом, примиряться с ним и встраивать его в уже отчасти известную картину мира, будь то явления «большой» истории или незначительные, но от того не менее странные события, происходящие здесь и сейчас.

---

¹⁴¹ «Представим себе два типа сообщения: одно – записка, другое – платок с узелком, завязанным на память. Оба рассчитаны на прочтение. Однако природа «чтения» в каждом случае будет глубоко своеобразна. В первом случае сообщение будет заключено в самом тексте и полностью может быть из него извлечено. Во втором – «текст» играет лишь мнемоническую функцию. Он должен напомнить о том, что вспоминающий знает и без него» (Лотман Ю.М. Каноническое искусство как информационный парадокс // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб., 2002. С. 314-321, здесь С. 316-317).

ГЛАВА 12

История Маргариты Ле Петур, которая никого не любила, но все-таки вышла замуж

Думаю, среди моих коллег-медиевистов, а особенно среди тех, кто занимается историей средневековой Франции, найдется немало любителей заглянуть при случае в книжную лавочку при музее Клюни. Порой там можно обнаружить редкие и весьма ценные издания, которых не найти нигде больше. Я и сама не раз убеждалась в этом, практически в каждый свой приезд в Париж унося из особняка на площади Поля Пенлеве очередное сокровище.

Именно там несколько лет назад был мною найден и без раздумий приобретен увесистый том под названием «Палачи во Франции»¹. Возможно, эта работа и не отличалась особой научностью (в ней было маловато примечаний, практически полностью отсутствовал источниковедческий анализ и преобладала описательность изложения), но, учитывая бедственное положение со специальными исследованиями по данной теме², книга Фредерика Армана обещала стать отличным подспорьем в работе. В ней был представлен общий исторический экскурс развития этого специфического судебного института (от Античности до наших дней), в котором рассказывалось об общественном положении палачей в различные эпохи, об их правах и обязанностях, об изменении отношения к ним современников, а также – о различных

¹ *Armand F. Les bourreaux en France.*

² См., тем не менее: *Delarue J. Histoire des bourreaux en France. Le métier de bourreau du Moyen Âge à aujourd'hui.* P., 1979; *Ardouin-Weiss I. Les Exécuteurs des sentences criminelles en Touraine, 1636-1853.* La Membrolle, 1983; *Klemettilä H. The Executioner in Late Medieval French Culture.* Turku, 2003; *Eadem. Epitomes of evil: representations of executioners in Northern France and the Low Countries in the late Middle Ages.* Turnhout, 2006; *Friedland P. Seeing Justice Done. The Age of Spectacular Capital Punishment in France.* Oxford, 2012. P. 71-88. На русском языке см.: *Левинсон К.А. Палач в средневековом германском городе: чиновник, ремесленник, знахарь // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 3: Человек внутри городских стен. Формы общественных связей.* М., 1999. С. 223-231; *Тогоева О.И. История одного рукопожатия: От домыслов средневековых хронистов к вымыслам современных историков // Диалог со временем.* 2016. Вып. 56. С. 194-209.

ситуациях, связанных с деятельностью самых известных династий французских палачей.

Среди этих последних мое внимание привлек один, мельком упоминавшийся сюжет – судьбы *женщин*, которые волею обстоятельств становились палачами и с честью (и с заслуживающим удивления мастерством) исполняли свои обязанности. Конечно, столь странных персонажей эпоха Нового времени знала не много. И, тем не менее, они существовали – и существовали в реальности, а не в воображении писавших о них авторов.

Так, история сохранила для нас имя некоей Мехтельды, жены палача из Неймегена, столицы герцогства Гелдер в испанских Нидерландах. О ее приключениях поведал в 1563 г. Иоганн Вейер в трактате *De prestigiis daemonum*, в 1567 г. переведенном на французский. По его сведениям, в сентябре 1562 г. Мехтельда вместе со своим супругом прибыла в городок Грав-сюр-Мёз, где должна была состояться казнь трех преступников. Речь, однако, шла не об обычном повешении, а об обезглавливании, и приглашенный палач отказался вершить правосудие, ссылаясь на собственную неопытность в подобных делах³. Он отправил Мехтельду просить помощи у своего коллеги из Арнема, но женщина, рассчитывавшая на достойное вознаграждение за проведение экзекуции и не желавшая его лишиться, никуда не поехала⁴. Напротив, она тайком обрезала волосы, оделась в мужское платье и на следующий день явилась к прево Грав-сюр-Мёз. Увидев палача, у которого еще не начала расти борода, тот удивился и выразил сомнение в том, что столь юный человек сможет осуществить тройную казнь. Мехтельда же поспешила уверить его в наличии у нее должного опыта и немедленно приступила к проведению экзекуции⁵. Однако, в тот момент, когда она уже приготовилась отрубить голову первому из осужденных, кто-то предупредил прево, что он имеет дело с переодетой женщиной. Местные жители, возмущенные поступком Мехтельды, собрались было избить или утопить ее, но судебные чиновники помогли ей бежать, и она вернулась в родной Неймеген, где еще долгое время оставалась объектом ядовитых насмешек⁶. Впрочем, дурная репутация вовсе не помешала ей, когда

³ “Ce bourreau pensant qu'on les condamneroit à estre pendus se mit en chemin; mais quand il fut arrivé, et qu'il sceut que la sentence du magistrat estoit qu'ils fussent decapitez, il s'adressa au prevost, se plaignant de son imbecilité” (*Wier J. Op. cit. P. 343-344*).

⁴ “Mais elle, cupide du gain qu'elle voyoit present, se delibera de supleer, par son adresse au default de son mary” (*Ibid. P. 344*).

⁵ “Le prevost (la voyant sans barbe) luy demanda si estant ainsi ieune elle oseroit bien entreprendre de couper trois testes en un iour; elle respondit que c'estoit à elle à ce faire, et que ce n'estoit pas la premiere fois qu'elle avoit fait ces effais” (*Ibid.*).

⁶ “Estant de retour à Nieumeghe, elle servit de risée à plusieurs, estant ennoblée par un tel acte” (*Ibid. P. 345*).

она овдовела, сразу же выйти замуж во второй раз – за коллегу своего покойного супруга, того самого палача из Арнема⁷...

Не менее яркой оказалась и судьба мадам Гранжан. В 1625 г. ее супруг, палач Дижона, был вызван в соседний Бург-ан-Бресс, дабы отрубить голову некоей Элен Жилле, молодой женщине, признанной виновной в совершении аборта. Мэтр Симон Гранжан прибыл на место действия, однако провести экзекуцию по всем правилам он не сумел: удары его меча лишь ранили осужденную. Толпа собравшихся зрителей начала роптать, угрожая палачу расправой, так что после третьей – и вновь неудачной – попытки казнить Элен он обратился в бегство. Тогда за дело взялась мадам Гранжан, происходившая из семьи потомственных палачей Кретьенов, с конца XVI в. занимавших соответствующие должности в Лангре и Дижоне. Очевидно, не раз видевшая своих отца и братьев за работой, женщина была значительно опытнее, нежели ее супруг. Вот почему она не раздумывая забралась на эшафот и попыталась довести экзекуцию до конца. Это, однако, ей не удалось, поскольку возмущенные горожане стащили ее вниз и забили до смерти. Сам мэтр Гранжан погиб в тот же день, а занявший в 1637 г. его пост Гаспар Перрье вынужден был принести властям Дижона клятву в том, что его помощником станет не его собственная жена, но специально нанятый подручный-мужчина⁸.

Значительно менее драматичная история приключилась в 1840 г. в Брюсселе. Для того, чтобы привести в исполнение смертный приговор, вынесенный убийце, власти были вынуждены обратиться к Франсуа Амелю, палачу из Льежа. Тому, однако, подобные путешествия были уже не под силу: мэтру исполнилось 75 лет, и он решил отправить в столицу Бельгии свою супругу, Шарлотту Рен, которой было всего 40 лет и которая – как и мадам Гранжан – происходила из семьи потомственных французских палачей. Королевский прокурор был немало удивлен, увидев столь неожиданную замену, и обратился за советом к министру юстиции. В конце концов услугами Шарлотты воспользоваться никто не решился, убийца получил королевское прощение, а сам мэтр Амель в 1843 г. подал в отставку⁹.

Поиски дополнительной информации позволили добавить к рассказам, собранным Фредериком Арманом, еще одну историю. Произошла она в 1793 г. в Узерше (Франция), где впервые для приведения в исполнение смертного приговора власти решили опробовать гильотину. Однако осужденный – месье Пьяриссу – был слишком тучен, и

⁷ “Après que son mary fut mort, le bourreau d’Arnem son successeur à Nieumeghe, la prit à femme” (Ibid.). Со ссылкой на рассказ Иоганна Вейера привел эту историю и Ф. Арман: *Armand F. Op. cit.* P. 134-135.

⁸ *Armand F. Op. cit.* P. 269-273. К сожалению, Ф. Арман не привел в данном случае источники своей информации.

⁹ *Armand F. Op. cit.* P. 135-136. Упоминание источника информации здесь также отсутствует.

жирная складка на затылке не позволяла лезвию добраться до его шеи. Отчаявшись довести дело до конца, палач предпочел спастись бегством, и тогда к всеобщему изумлению место у гильотины заняла его жена. Хозяйственным ножом, «совершенно случайно» захваченным из дома, она в мгновение ока отрезала осужденному голову, прекратив тем самым его страдания¹⁰.

Несмотря на все различия упомянутых выше казусов – разное время, разные регионы Европы, разные обстоятельства того или иного дела – нечто общее у них все же имелось. Женщины, о которых шла речь, являлись *женами* палачей, происходили из семей потомственных палачей или были помощницами супругов, а потому знали об их ремесле не понаслышке. Данным обстоятельством в большой степени и объяснялась их способность в какой-то момент взять отправление правосудия в свои руки и довести экзекуцию до конца.

На этом, и без того впечатляющем фоне одна история о женщине-палаче выделялась, тем не менее, особо. То был рассказ о жизни Маргариты Ле Петур, на протяжении почти трех лет, с 1746 по 1749 г., занимавшей соответствующую должность в Лионе. Ф. Арман также упоминал о ней, но – как и практически во всех прочих случаях – без ссылок на сохранившиеся источники. Однако обстоятельства жизни этой героини прошлого и, в частности, невероятно долгий срок, в течение которого она исполняла свои обязанности, заинтересовали меня так сильно, что я решила попытаться восстановить ее историю в деталях – настолько, насколько будет возможно.

* * *

Из существующих на сегодняшний день специальных и популярных работ¹¹ мы знаем, что Маргарита Ле Петур родилась в Канкале (Бретань) 2 августа 1720 г. Покинув семью еще в ранней юности, она, переодевшись мужчиной и сменив имя на Анри, пустилась на поиски приключений. В таком виде она поступила на службу во французскую армию, участвовала в сражениях, дезертировала и много месяцев не могла найти себе никакого заработка. Совершенно случайно, будучи в Страсбурге, молодая женщина нанялась на работу к местному палачу и стала его помощником, а затем перебралась в Монпелье, где заняла ту же должность.

Спустя некоторое время Маргарита узнала об открывшейся вакансии палача в Лионе – и получила этот пост в ноябре 1746 г. Оставаясь неузнанной, она исполняла свои обязанности до января 1749 г., когда

¹⁰ Данная история приведена на французском тематическом сайте: Histoire des bourreaux // <http://histoiresdebourreaux.blogspot.ru/2009/05/femmes-bourreaux.html> (дата обращения – 31.10.2017).

¹¹ Armand F. Op. cit. P. 136. Delarue J. Op. cit. P. 71-73; Chomarar M. Quand le bourreau de Lyon était une femme // Bulletin municipal officiel de Lyon. 14 juillet 2002. См. также научно-популярные работы: Avril N. Monsieur de Lyon. P., 2007; Chamou-ton Ch. Histoires vraies en Bretagne. Villeveyrac, 2012.

была арестована. Только в тюрьме подлинная личность мадемуазель Ле Петур оказалась установлена, и она провела в заключении 10 месяцев. Тем не менее, приговора Маргарита так и не дождалась, поскольку 26 ноября 1749 г. она вышла замуж за некоего Ноэля Роша, жителя Лиона, была освобождена из-под стражи и вместе с мужем вернулась в родной Канкаль. Там 14 сентября 1750 г. у супругов родилась дочь, которую окрестили на следующий день как Маргариту-Мари-Жакмин. На этом следы нашей героини теряются...

* * *

История Маргариты Ле Петур, или «месье Анри», как называли ее в Лионе, дошла до нас в источниках различных жанров и, как следствие, различной степени достоверности. Единственными документальными свидетельствами среди них являются запись о крещении нашей героини, найденная в приходских книгах Канкаля; письмо, направленное в Париж в январе 1749 г. кем-то из лионских судебных чиновников и сообщаемое об аресте Маргариты; свадебный контракт, подтверждающий заключение ею брака с Ноэлем Рошем; и, наконец, свидетельство о крещении их общей дочери.

Из этих официальных бумаг о жизненном пути мадемуазель Ле Петур узнать, к сожалению, удастся совсем немного. Впрочем, в них упоминаются имена отца и матери Маргариты (Гийома Ле Петур, сёра де ла Шесне, и Маргариты Жирар) и ее крестных (Франсуа Ле Конта и Жульены Жирар), а также место и дата ее рождения¹². К 1749 г. родителей нашей героини уже не было в живых, о чем она, собираясь выходить замуж, предоставила соответствующие документы¹³.

Мы также знаем, что арестована молодая женщина была 17 января 1749 г. по подозрению в воровстве¹⁴. Согласно показаниям ее сообщ-

¹² "Margueritte Julienne le Paistour, fille [de] Guillaume, sieur de la Chesnais et de Margueritte Girard, ses père et mère, née le second d'aoust an présent, fut baptisée le mesme jour par Messire Gilles Duchesne, prêtre; parain, François Le Conte; marainne, Julliene Girard, en présence des soussignans" (Archives communales de Cancale et départementales de l'Ille-et-Vilaine, registres paroissiaux de Cancale, цит. по: Richelot R. Une jeune aventurière cancalaise au XVIIIe siècle, d'après un contemporain // Bulletin et mémoires de la Société archéologique du département d'Ille-et-Vilaine. 1933. T. 59. P. 1-8, здесь P. 5).

¹³ "Marguerite Julienne Lepaistour fille de defunts Guillaume Lepaistour et Marguerite Girard, son épouse, habitants de la ville et paroisse de Cancale, diocèse de St Malo, en Bretagne... étant décédés conformément... aux certificats qu'en a raporté l'épouse du Sr curé de Cancale don elle est originaire" (Acte de mariage de Marguerite Le Paistour // Archives de la Chambre des Notaires du Rhône, цит. по: Une Cancalais, exécuteur du Roy // <http://cancagen.free.fr/Documents/lepetou.htm>, дата обращения – 31.10.2017).

¹⁴ Extrait d'une lettre écrite de Lyon le 20 janvier 1749 au sujet de l'exécuteur de la Haute-Justice de cette ville, lequel a été reconnu pour femme travestie, & arrêté pour cause de vol. S.I., 1749 (курсив мой – О.Т.). Экземпляр этого письма, опубликованного в виде отдельного оттиска, хранится в Национальной библиотеке Франции: BNF. Département Droit, économie, politique, 4-FM-20007.

ников, захваченных ранее, она являлась участницей организованной банды преступников и занималась скупкой краденого¹⁵. В том же письме лионского чиновника сообщалось, что именно при аресте – а точнее, во время проводимого в доме обыска – выяснилось, что «месье Анри» в действительности являлся «женщиной, переодетой мужчиной»¹⁶. По ее собственным словам, Маргарита готовилась бежать из Лиона в Гренобль (вероятно, зная, что некоторые члены банды уже находятся в тюрьме, и боясь разоблачения): побег был назначен на 17 января 1749 г. – т.е. на тот самый день, когда ее схватили¹⁷.

Слухи о том, что обязанности палача в Лионе долгое время исполняла женщина, очень быстро разлетелись по всей округе: люди приходили и приезжали специально, чтобы посмотреть на Маргариту в тюрьме, и всех их она поражала уверенностью в себе¹⁸. Возможно, эта невозмутимость объяснялась тем, что арестованная рассчитывала получить помилование в благодарность за образцовую службу, т.е. за три наилучшим образом проведенные смертные казни. Интересно, однако, что просить о снисхождении она намеревалась не только для себя, но и для другой, не названной в письме особы, которая на протяжении всех трех лет, проведенных Маргаритой в Лионе, выдавала себя за супругу «месье Анри»¹⁹.

Можно предположить, что прощение нашей героине действительно было даровано, поскольку в следующем по времени документе – свадебном контракте – она именовалась «свободной»²⁰. Так или иначе, но ее союз с Ноэлем Рошем был заключен 26 ноября 1749 г. в часовне приходской церкви Св. Креста в Лионе, и церемония прошла по всем правилам: с оглашением, которое требовалось для поиска препят-

¹⁵ “On arrêta le 17. du présent mois plusieurs Voleurs aux environs de cette Ville, dont les dépositions ont chargé l’Exécuteur de la Haute-Justice, et l’ont déclaré Recelleur de leurs Vols. Ledit Exécuteur a été arrêté en conséquence, et l’on a effectivement trouvé chez lui des Effets de toute espèce et de grand prix” (Ibid. P. 1).

¹⁶ “On a reconnu ensuite par la recherche qu’on a faite sur sa personne, que ledit Exécuteur étoit une femme travestie en homme, qui depuis un tems considérable exerce les fonctions de cet emploi” (Ibid., курсив мой – О.Т.).

¹⁷ “Elle devoit se sauver la nuit du 17. au 18. à Grenoble, ainsi qu’il résulte de ses dépositions” (Ibid.).

¹⁸ “Cette affaire, par sa singularité est aujourd’hui l’objet de toutes les conversations de la [pro]vince, d’autant plus que la confiance de cette femme étonne tous ceux qui vont la voir en prison” (Ibid. P. 1-2, курсив мой – О.Т.).

¹⁹ “Comme elle a déjà exécuté à mort trois hommes avec beaucoup d’habileté, elle se flatte d’obtenir sa grace par égard pour ses talents sur cet article, non seulement pour elle, mais encore pour une autre créature qui a toujours passée pour sa femme” (Ibid. P. 2, курсив мой – О.Т.).

²⁰ “...l’attestation de liberté des dites parties” (Acte de mariage de Marguerite Le Pais-tour). Впрочем, речь могла идти и о незамужнем статусе невесты – свободной на тот момент от супружеских уз.

ствий, существующих для заключения брака; в присутствии достойных свидетелей и священника, благословившего молодоженов²¹.

Наконец, из нашего последнего документа мы узнаем, что новоиспеченные супруги действительно уехали жить в родной город Маргариты, и там 14 сентября 1750 г. у них родилась «законная дочь», крещенная на следующий день кюре Жоссленом в присутствии «отца и многих других». Крестными девочки стали Жак Гурдель, сёр де ла Пинтле, и Мари Кёре²².

* * *

Внимательный читатель уже обратил внимание на то обстоятельство, что в рассмотренных выше документах отсутствовали сведения о том, как и почему Маргарита Ле Петур покинула отчий дом и чем она занималась до своего прибытия в Лион. Об этом мы узнаем из записанного якобы с ее собственных слов рассказа отца Жан-Батиста Ришара, монаха-францисканца из монастыря, расположенного в Гильотьере, пригороде Лиона, где после вступления в должность палача и поселилась молодая женщина. Подробную историю походов «месье Анри» отец Ришар поместил в третий том своего обширного, но так и оставшегося неизданным труда *Mémoires historiques sur différents sujets tirés de l'histoire ecclésiastique et de l'histoire profane*, создававшегося им на протяжении 1739–1770 гг., и его рассказ весьма отличался от того, что говорилось о Маргарите Ле Петур в официальных судебных и церковных документах²³.

Как сообщал отец Ришар, его героиня действительно происходила из городка Канкаль, расположенного в трех лье от Сен-Мало, на берегу моря. Ее отец служил капитаном торгового судна, а также имел некие «владения» в Америке²⁴. К тому времени, как началась интересующая нас история странствий Маргариты, ее мать, вероятно, уже

²¹ «Après avoir publiés trois fois dans cette église paroissiale sans avoir découvert aucun empêchement... ont reçu la bénédiction nuptiale et contracté mariage par paroles de présent en une chapelle dépendante de l'église paroissiale de Ste Croix... par nous custode vicaire général du diocèse soussigné, en présence de Srs Pierre Janpierre, maître chapelier demeurant grande rue de l'hôpital, Gabriel Bernoud, marchand épicier à la poullaillerie de St Nisier, Gilbert Dumont, maître fabriquant place des cordeliers, Renaud Desnoyers, notaire royal à Charlieu" (Ibid.).

²² «Marguerite Marie Jacquemine Roche, fille légitime de Noël et de Marguerite Paitout... en présence du père et de plusieurs autres" (Archives communales de Cancale et départementales de l'Ille-et-Vilaine, registres paroissiaux de Cancale, цит. по: Richelot R. Op. cit. P. 7).

²³ Рассказ отца Ришара о Маргарите Ле Петур стал известен французским читателям в 1933 г. из публикации Рене Ришло, имевшего труд монаха-францисканца в своей библиотеке (см. прим. 12).

²⁴ «Une jeune fille nommée Marguerite Julienne Lepetou, née à Cancale en dix sept cent vingt ou vingt-un, ville de France, dans la haute Bretagne, au bord de la mer avec une rade, à trois lieues de Saint-Malo, et dont le père étoit capitaine d'un vaisseau marchand, qui avoit des possessions en Amérique" (Richelot R. Op. cit. P. 1-2).

умерла, поскольку девушка проживала с мачехой, относившейся к ней плохо. Вот почему она решила покинуть отчий дом и, переодевшись в одежду брата²⁵, бежала из Канкаля²⁶. Сколько лет ей было на тот момент, наш автор не уточнял, но писал, что почти сразу Маргарите удалось познакомиться с неким кюре и устроиться служкой к нему в церковь. Тогда-то она и назвалась Анри, и с тех пор все знали ее только под этим именем²⁷.

У сердобольного кюре девушка прожила несколько лет, после чего оставила его и вступила во французскую армию, откуда довольно быстро дезертировала, но только для того, чтобы наняться в войско императрицы Марии-Терезии Австрийской (1717–1780), королевы Венгрии и Богемии²⁸. С нового места службы она, впрочем, опять сбежала и в компании еще двенадцати солдат, желавших вернуться во Францию, оказалась в Страсбурге. Здесь ее товарищи смогли присоединиться к местному гарнизону, но нашу героиню, в силу ее маленького роста, туда не приняли²⁹. Оставшись не у дел и почти без денег, она решила покинуть город, но буквально у ворот столкнулась с неким хорошо одетым господином, спросившим у нее, не желает ли она поступить к нему на службу. Маргарита согласилась, даже не поинтересовавшись, кто он и чем занимается: только через две недели она узнала, что ее новый хозяин – палач Страсбурга. Данное обстоятельство отнюдь не отпугнуло девушку, напротив, она решила остаться и провела в должности помощника палача некоторое время³⁰.

²⁵ Рене Ришло полагал, что брат у Маргариты действительно существовал, поскольку ему удалось найти в приходских книгах Канкаля запись о крещении некоего Франсуа Петура (*Paitour*), родившегося 8 октября 1717 г.: Ibid. P. 5.

²⁶ “Ayant été maltraitée par sa belle-mère, sortit de la maison paternelle, et pour déguiser son sexe, elle prit les habits de son frère, et sous cet habillement, s’étant éloignée de sa patrie” (Ibid. P. 2).

²⁷ “Elle se présenta à un curé en qualité de servant de messes. Le curé la reçut sous ce déguisement et sous le nom d’Henri, qu’elle avoit adopté” (Ibid.).

²⁸ “Après l’avoir servi pendant quelques années, elle s’engagea dans les troupes de France, et y servit. Elle en déserta et fut servir dans les troupes de Marie-Thérèse d’Autriche, impératrice, reine de Hongrie et de Bohême” (Ibid.). Возможно, речь шла об участии Маргариты Ле Петур в войне за австрийское наследство (1740–1748), в которой Марии-Терезии пришлось отстаивать владения, доставшиеся ей от отца, императора Карла VI.

²⁹ “Ayant encore déserté avec douze françois qui, voulant retourner en France, furent à Strasbourg, sur la parole du gouverneur. Les douze françois furent incorporés dans des régimens; mais, elle, étant d’une petite taille, on lui permit de se retirer dans son pays” (Ibid.).

³⁰ “Il passa auprès d’elle une espèce de monsieur, bien habillé, qui lui demanda si elle vouloit le servir. Elle y consentit. Il la conduisit chez lui, sans qu’elle scut ce qu’il étoit mais, après quinze jours de résidence, elle s’aperçut qu’il étoit l’exécuteur de Strasbourg. Cette connoissance ne l’obligea point à chercher un autre maître elle prit goût pour le noble emploi de celui-ci” (Ibid.).

Переехав затем в Монпелье и поступив на ту же должность, Маргарита ощутила такую склонность к своему новому ремеслу, что вознамерилась из подручного превратиться в «мастера»³¹. Узнав об открывшейся вакансии палача в Лионе, она незамедлительно отправилась в путь, однако по дороге встретила солдата, путешествующего вместе с некоей девицей, которую он ранее совратил и вынудил сбежать с ним из родного Авиньона. Наша героиня завязала с несчастной знакомство и предложила ей ехать в Лион вместе, чтобы там выдать себя за супругов. Так они и поступили³².

Прибыв на место, Маргарита – в образе Анри – была принята на должность палача и поселилась в пригороде Гильотьер в доме, который традиционно предназначался для тех, кто занимал этот пост³³. На протяжении 27 месяцев она самым примерным образом исполняла свои обязанности, «вешая, четвертуя, избивая плетью и клеймя многочисленных преступников». Однако, по мнению автора, «охотнее она казнила женщин, нежели мужчин»³⁴.

Так продолжалось до того момента, пока однажды вечером, укладывая «месье Анри» спать, его служанка внезапно не обнаружила, что имеет дело с переодетой женщиной³⁵. Она немедленно отправилась к отцу Ришару – т.е. к нашему рассказчику – который в то время занимал пост прокурора Гильотьера, и рассказала ему о своем открытии. Монах передал ее слова месье де Квинссону, королевскому прокурору Лиона, и тот приказал арестовать Маргариту и препроводить ее в тюрьму³⁶. Там молодая женщина провела, по мнению автора, всего

³¹ “Elle apprit que dans le Languedoc on pourroit avoir besoin de son ministère. Elle partit pour s’y rendre, et arriva à Montpellier, où elle servit de second à l’exécuteur qui y étoit établi mais, comme elle étoit fort habile dans l’art d’expédier les gens pour l’autre monde, elle voulut être maître” (Ibid.).

³² “Elle sçut qu’à Lyon il n’y avoit point d’exécuteur; elle partit de Montpellier pour s’y rendre, et, dans la route, elle rencontra un soldat qui avoit débauché une fille du comtat d’Avignon; elle fit connoissance avec elle, elle lui découvrit son dessein et lui dit qu’elle passerait pour sa femme. Elles partirent ensemble pour Lyon, et abandonnèrent le soldat” (Ibid. P. 2-3).

³³ “Étant arrivée à Lyon, elle fut acceptée pour exécuteur, sous le nom d’Henri, et conduite avec les cérémonies ordinaires, c’est-à-dire avec deux cavaliers de la maréchaussée de Lyon, au fauxbourg de la Guillotière, dans la maison sise auprès de l’église de la Magdelaine, destinée pour ceux qui sont élevés au dit emploi” (Ibid. P. 3).

³⁴ “Elle avoit exercé à Lyon pendant vingt-sept mois l’office d’exécuteur, sous l’habit d’homme et le nom d’Henri, y ayant pendu, rompu, foïetté et marqué plusieurs criminels. Elle exécutoit avec plaisir les personnes de son sexe, mais avec beaucoup de peines (sic) celles qui ne l’étoient pas” (Ibid. P. 4).

³⁵ “Le sexe de cet exécuteur femelle fut reconnu sur la fin du mois de janvier dix sept cent quarante neuf, par sa servante qui, en le couchant, reconnut son sexe” (Ibid. P. 3).

³⁶ “Fit le rapport à monsieur Richard, procureur d’office au fauxbourg de la Guillotière, qui en donna avis à monsieur de Quinsson, procureur du Roi, qui la fit conduire aux prisons de la ville de Lyon” (Ibid.).

три месяца, называясь теперь Генриеттой, а затем – прямо в тюрьме – вышла замуж за слугу месье де Рошбарона, который являлся начальником военного гарнизона города³⁷. После свадьбы «Маргарита-Анри-Генриетта» была освобождена из заключения и смогла вернуться вместе с мужем на родину, а должность лионского палача занял некий выходец из Испании: это произошло 6 февраля 1749 г., т.е. всего через три недели после ареста Маргариты³⁸.

Свой рассказ отец Ришар, по его уверениям, сочинил на основании признательных показаний, которые Маргарита Ле Петур дала в тюрьме в его присутствии³⁹. Иными словами, в окончательном виде ее история была им записана в самом конце 1749 г., после того, как состоялась свадьба и молодые уехали в Канкаль. Других свидетельств очевидцев об удивительных событиях, приключившихся в Лионе в середине XVIII в., у нас, к сожалению, не имеется. Однако мы располагаем еще одним – косвенным – откликом на похождения «месье Анри», происходившим на сей раз из Монпелье – города, в котором наша героиня, если довериться словам отца Ришара, прослужила какое-то время помощником палача.

* * *

Новое сообщение о жизни Маргариты Ле Петур было датировано 22 мая 1751 г. Оно появилось на страницах журнала *La Bigarure ou Gazette galante, historique, littéraire, critique, morale, satirique, sérieuse et badine*, который издавал в Гааге Пьер Госс. Историю о лионском палаче он поместил в № 7 от 31 мая 1751 г.⁴⁰, и она самым решительным образом отличалась от всего, что мы уже узнали об этой молодой женщине.

Теперь Маргарита происходила уже не из Бретани, а якобы из Бургундии, из города Лангр, и являлась дочерью местного сапожника. В ранней юности она потеряла невинность по вине некоего завязтого развратника, соблазнявшего каждую встречную девушку, и превратилась в проститутку. Ей было настолько стыдно показаться на глаза родителям, что она сбежала из родного города, чтобы никогда больше не

³⁷ “Elle [y] demeura trois mois sous le nom d’Henriette, à la fin desquels elle s’y maria avec un laquais de monsieur de Rochebaron, commandant pour le Roi dans la ditte ville de Lyon” (Ibid.).

³⁸ “Après son mariage, elle sortit des prisons sous le nom d’Henriette, et elle partit pour son pays avec son mari. Un sujet du roi cf Espagne, né en Catalogne, fut mis en sa place et prit possession de ce tragique emploi le six février dix sept cent quarante neuf” (Ibid. P. 4).

³⁹ “Le détail de cette histoire a été tiré de l’aveu de la même Henriette qui en a fait le rapport à l’auteur des présents mémoires, lorsqu’elle étoit dans les prisons de Lyon” (Ibid.).

⁴⁰ *La Bigarure ou Gazette galante, historique, littéraire, critique, morale, satirique, sérieuse et badine*. 1751. № 7. P. 56-60 (цит. по: Monseigneur de Lyon // <http://www.guichetdusavoir.org/viewtopic.php?t=26947>, дата обращения – 31.10.2017).

видеть семью и скрыть свой позор⁴¹. Маргарита переделалась мужчиной и отправилась в Лион, где начала исполнять обязанности палача⁴². Спустя совсем небольшое время она обнаружила, что беременна. Молодая женщина решила спешно выйти замуж за собственного помощника, для чего открыла ему правду о себе⁴³. Он же, желая получить повышение, предал ее и донес о ее обмане магистратам. Таким образом, должность лионского палача досталась ему, а Маргариту изгнали из города⁴⁴.

Тогда она отправилась в Монпелье, по-прежнему пребывая в мужском обличье и надеясь, что ей и там удастся заниматься привычным ремеслом. Но известия о происшествии в Лионе опередили ее приезд (или же кто-то узнал ее в самом Монпелье), и местный палач отказал Маргарите, не желая нанимать столь скандально прославившегося помощника⁴⁵. В заключение неизвестный автор сообщал своим читателям о том, что якобы доподлинно стало ему известно о дальнейшей судьбе героини. По его мнению, молодая женщина уехала из Лангедока в Испанию в надежде найти там вакансию палача и в полной мере проявить свой талант, усмирив наконец ту глубокую злобу, которую она испытывала по отношению к преступникам обоего пола, – и будет испытывать, по ее собственным словам, до конца жизни⁴⁶.

Третий вариант истории Маргариты Ле Петур, таким образом, совершенно не походил ни на официальную версию событий, известную по судебным и церковным документам, ни на рассказ отца Ришара. И перед нами – помимо вполне естественных вопросов о мотивах, под-

⁴¹ “La fille d’un cordonnier de Langres, en Bourgogne, ayant eu le malheur de se laisser séduire par une de ces infâmes qui font commerce de l’honneur des filles, eut tant de honte de reparaitre dans sa famille qu’elle avait déshonorée, qu’elle résolut de ne jamais revoir ses parents mais d’aller au contraire cacher son infamie dans quelque ville éloignée où jamais on n’entendrait parler d’elle” (Ibid.).

⁴² “Elle se travestit en homme et vint à Lyon où, ayant appris que l’emploi de bourreau était vacant, elle le sollicita et l’obtint” (Ibid.).

⁴³ “S’étant aperçue qu’elle était enceinte, elle voulut essayer de réparer cette infamie. Elle proposa pour cet effet à son Maître-valet de l’épouser: ce qu’elle ne put faire qu’en lui déclarant son sexe et une partie de ses aventures” (Ibid.).

⁴⁴ “L’espérance d’avoir sa place lui fit trahir son serment. Il déclara donc aux magistrats tout ce que cette fille extraordinaire lui avait avoué, et en conséquence, l’emploi de bourreau lui fut ôté et donné à son dénonciateur” (Ibid.).

⁴⁵ “Elle quitta la ville et vint ici, (à Montpellier – O.T.) toujours dans le même déguisement, et résolue d’exercer encore la même profession qu’elle avait faite à Lyon... Le bruit de ce qui venait de lui arriver à Lyon étant passé, et ayant éclaté ici où quelques personnes l’ont reconnue, l’exécuteur n’ayant plus voulu la garder lorsqu’il a su qui elle était, l’a payée et renvoyée” (Ibid.).

⁴⁶ “On assure que depuis elle a pris la route de l’Espagne où elle est allée exercer ses talents, et satisfaire son animosité contre tous les malfaiteurs de l’un et l’autre sexe qui pourront tomber entre ses mains; animosité qui, à ce qu’on lui a entendu dire ne finira qu’avec sa vie” (Ibid.).

толкнувших нашу героиню к столь грандиозному обману, и в целом о восприятии подобного *cross-dressing'a* в европейской культуре Нового времени – встают не менее интересные проблемы сугубо историко-культурного порядка: как возникли три различные версии событий, произошедших в 1749 г. в Лионе, как они были связаны между собой и на каких дополнительных источниках информации они могли основываться.

* * *

То, что мы имеем дело с *реальным* эпизодом из прошлого Франции и Маргарита Ле Петур существовала в действительности, не подлежит, как мне кажется, сомнению. Об этом свидетельствуют имеющиеся в нашем распоряжении официальные документы. Речь шла о женщине, переодевшейся мужчиной и получившей совершенно мужскую – о какой бы эпохе мы ни говорили – должность⁴⁷.

Описанные выше случаи, произошедшие в различных областях Западной Европы в XVI–XIX вв., как я уже отмечала, касались исключительно *жен палачей*, которые в экстремальных обстоятельствах (вызванных различными причинами) выступали добровольными помощницами своих супругов, оставаясь при этом *женщинами*, матерями семейств. Исключение составляла лишь фрау Мехтельда из рассказа Иоганна Вейера, но и для нее «превращение» в мужчину носило разовый характер. Такую форму саморепрезентации она, безусловно, избрала с целью наживы и прибегла к ней в чужом городе, где рассчитывала остаться неузнанной, в отличие от родного Неймегена, где она была известна всем как супруга палача – и не более того. Однако обман, который сотворила Маргарита Ле Петур, отличался даже от этого – тоже в какой-то степени уникального – случая. Для нее пребывание в мужском обличье оказалось не единичной акцией, но *образом жизни*, который она избрала задолго до того, как стала палачом, и, по всей видимости, совершенно сознательно: документально подтвержденное наличие у нее сообщницы, выступавшей в роли «жены», лишь усиливало ее легенду.

На первый взгляд, стремление мадемуазель Ле Петур превратиться в мужчину и, как следствие, обрести некую свободу действий не

⁴⁷ Единственным исключением из этого правила являлась норма, прописанная в ордонансе Людовика IX Святого от 1268 (1269) г. В случае, если девочка в возрасте «от десяти до четырнадцати лет» обвинялась в богохульстве или сквернословии, ее следовало раздеть догола и высечь розгами, и исполнить такой приговор должны были женщины «в отсутствие мужчин»: «Et se celle persone, qui aura ainsi meffait, soit de l'aige de dix ans, ou de plus, jusques à quatorze ans, il sera batu par la Justice du lieu, tout à nud de verges en apert ou plus ou moins, selon la grieveté du mesfait, ou de la vilaine parole, c'est assavoir li homme par hommes et la fame par fames, sans presence d'homme» (Ordonnances des rois de France. T. 1. P. 101, курсив мой – О. Т.). Впрочем, ни одного случая соответствия судебной практики данной норме права в истории Франции эпохи Средневековья или Нового времени мы не найдем.

являлось для ее времени исключением. Историкам знакомы судьбы многих французенок XVII–XVIII вв., избравших тот же путь. Такой была, к примеру, Мари-Магдалина Мурон, которая в 1690–1696 гг. служила во французской армии и обман которой был раскрыт лишь в результате медицинского осмотра после ее дуэли с другим солдатом⁴⁸. Похожая судьба ждала и Женевьеву Премуа (1660–1706), в мужском платье бежавшую из дома после конфликта с родителями и поступившую в 1676 г. в войско принца де Конде (1621–1686). Она прославилась исключительной храбростью на поле боя, но получила ранение при осаде Монса в 1691 г. и оказалась разоблачена лечащим врачом. Тем не менее, Женевьеву вызвали в Версаль, где она удостоилась личной аудиенции у Людовика XIV (1638–1715) и получила звание рыцаря Ордена св. Людовика⁴⁹. Еще большей известностью пользовалась Рене Бордеро (1776–1822), которая вступила в армию вслед за своим отцом-монархистом и активно сражалась в ходе Вандейского восстания (1793–1796)⁵⁰. Столь же знаменитой оказалась и Анжелика Дюшмен (1772–1859): она участвовала в обороне Корсики в 1792–1799 гг. и стала первой женщиной, удостоившейся от Наполеона III (1808–1873) звания кавалера Ордена Почетного легиона⁵¹.

Стоит здесь вспомнить и рассмотренную выше историю Марты Бросье, жительницы французского Роморантена, в самом конце XVI в. попытавшейся точно так же, как и Маргарита Ле Петур, сбежать из отчего дома в поисках лучшей доли. Для этого она тоже переоделась в мужское платье, обрезала волосы и отправилась в соседний город⁵². Конечно, Марту узнали и вернули домой – на позор всей ее семье и соседям, но кем бы она могла стать и чем заниматься, если бы ее побег удался? Вполне возможно, что и ее ждала бы служба в армии: ведь именно так, если довериться «Мемуарам» отца Ришара, поступила вначале и Маргарита Ле Петур.

Более интересен, однако, следующий шаг нашей героини, делающий ее историю поистине уникальной, – выбор профессии палача. Чем же могло быть продиктовано это решение? Для отца Ришара причина крылась в безвыходности положения, в котором оказалась молодая женщина: на тот момент у нее не имелось буквально ни гроша, она

⁴⁸ Lynn J.A. *The French Wars 1667-1714: The Sun King at War*. Oxford, 2002. Ch. 5.

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Charles G. *Brave l'Angevin. La véritable histoire de Renée Bordereau, cavalier de l'Armée catholique et royale de 1793*. P., 1976.

⁵¹ Pigeard A. *L'Armée Napoléonienne, 1804-1815*. P., 1993. P. 617. Подробнее об этих и многих других европейках, служивших в XVII–XIX вв. в армии, часто под видом мужчин, см.: Lynn J.A. *Essential Women, Necessary Wives, and Exemplary Soldiers: The Military Reality and Cultural Representation of Women's Military Participation (1600-1815)* // *A Companion to Women's Military History* / Ed. by B.C. Hacker, M. Vining. Leiden; Boston, 2012. P. 93-136.

⁵² См. подробнее: Глава 11.

была растеряна и не уверена в будущем⁵³. Существовало, тем не менее, одно важное обстоятельство, отчасти противоречившее версии монаха-францисканца: мало кто из жителей Западной Европы соглашался стать палачом по собственной воле, если только речь не шла о *наследственной* передаче ремесла.

На протяжении всего периода Средневековья и Нового времени (вплоть до XIX в.) европейские палачи, о какой бы стране ни шла речь, оставались изгоями: к ним относились настороженно или с опаской, с ними старались не иметь никаких дел. Представителей этой профессии всегда селили подальше от центра города, на окраинах или в пригороде, соседи не заглядывали к ним «на огонек», к принадлежавшим им вещам брезговали прикасаться. Более того, никто из местных жителей, даже те, кто происходил из самых низов общества, отнюдь не стремился наниматься к палачам в услужение. Их помощниками становились либо их собственные дети, которых не принимали учениками ни в какие иные ремесленные корпорации, либо приговоренные к смерти уголовные преступники, которым иногда предлагался такой вариант помилования⁵⁴. Место палача мог также занять иностранец, специально приглашенный на эту должность или же случайно оказавшийся в том или ином городе и бывший для его обитателей чужаком⁵⁵. Вот откуда в рассказе отца Ришара об обстоятельствах дела Маргариты Ле Петур возникли вполне, надо полагать, достоверные упоминания о доме, «предназначенном для исполняющих ремесло палача» и расположенном в пригороде Лиона (*la maison... destinée pour ceux qui sont élevés au dit emploi*), и об испанце, нанятом магистратами практически сразу после скандала с разоблачением его предшественницы.

Негативное отношение к палачам, существовавшее в Европе на протяжении многих веков, объясняет, на мой взгляд, причины, по которым обман нашей героини оказалось возможно раскрыть лишь «в домашних условиях». Ведь частная жизнь человека, которого сознательно сторонились местные жители, могла стать известна только крайне ограниченному числу лиц. И хотя точкой отсчета во всех трех версиях истории Маргариты являлись *разные* события – обыск в ее доме, донос служанки и донос помощника – все они так или иначе касались *приватной* сферы. Таким образом, то, что мадемуазель Ле

⁵³ Не случайно он включил в свое повествование трогательный эпизод с покупкой Маргаритой на последние гроши двух яблок. На большее, очевидно, денег не хватило: “Elle n’avoit alors pour tout bien que six liards. En sortant de Strasbourg, elle acheta pour deux liards de pommes” (*Richelot R. Op. cit. P. 2*).

⁵⁴ Подробнее см.: *Armand F. Op. cit. P. 33-37, 45-49, 70-71; Friedland P. Op. cit. P. 71-88.*

⁵⁵ Об идентичном положении палачей как изгоев и чужаков в русских городах XVII-начала XIX в.: *Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Изгой» и «изгойничество» как социально-психологическая позиция в русской культуре преимущественно допетровского периода («свое» и «чужое» в истории русской культуры) // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 222-232, здесь С. 229-230.*

Петур выбрала для себя столь специфическую профессию – куда более необычную, чем даже служба в армии – стало для нее практически идеальным решением с точки зрения достижения поставленной цели: не раскрывая собственной идентичности, всегда оставаться для окружающих «месье Анри».

* * *

Важным, на мой взгляд, является и еще одно обстоятельство. Следование мужскому образу жизни со всеми его внешними атрибутами (костюмом, профессией, военным прошлым и даже наличием «законной жены») в случае Маргариты Ле Петур ничем не напоминало *игровую* травестию, которой так славились европейские XVII–XVIII вв. и которая в этот период не только превратилась в расхожий сюжет для театральных постановок или произведений художественной литературы, но имела место и в реальной жизни, становясь *modus vivendi* для определенных страт общества⁵⁶. Однако ничего от стиля либертенов, аббата де Шуази (1644–1724) или шевалье д'Эона (1728–1810) мы в привычках нашей героини не найдем: ее выбор, как мне кажется, был совершенно прагматичен, ибо обеспечивал ей свободу от внешних условностей и право распоряжаться своей судьбой по собственному усмотрению.

И все же история приключений Маргариты Ле Петур – в том виде, в каком она дошла до нас, – не лишена «темных» мест. Возможно, главным побудительным мотивом для решения стать палачом действительно являлось стремление молодой женщины скрыть свой пол и тем самым сохранить независимость в мужском обществе Франции XVIII в.. Однако причины, вынудившие ее уйти из дома, а также обстоятельства раскрытия совершенного ею обмана по-прежнему остаются не совсем ясны.

В том, что касается последнего вопроса, то версия, изложенная в официальных документах и, прежде всего, в письме лионского судебного чиновника от 20 января 1749 г., представляется мне наиболее достоверной. Напомню, что речь шла о вероятном участии нашей героини в преступлениях банды воров, для которых она являлась скупщицей краденого. Как свидетельствуют материалы судебной практики, в этой роли еще с периода Средневековья могли выступать как мужчины, так и женщины. К примеру, в уже упоминавшемся выше «Уголов-

⁵⁶ Подробнее об этой «моде» см.: The Clothes that Wear Us: Essays on Dressing and Transgressing in Eighteenth-Century Culture / Ed. by J. Munns, P. Richards. L., 1999; Мелетинский Е.М. Указ. соч. С. 18, 89, 117, 140–141; Строев А.Ф. «Те, кто поправляет Фортуну». Авантюристы Просвещения. М., 1998. С. 17–30; Неклюдова М.С. «Лживые одежды»: концептуализация травести во французской культуре XVII в. // Теория моды: одежда, тело, культура. 2017. Вып. 2. С. 235–255 (с новейшей библиографией по теме). На русском материале см., в частности: Лотман Ю.М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. С. 233–254, особенно С. 235–238.

ном регистре Шатле», составленном секретарем суда этой парижской тюрьмы Аломом Кашмаре в самом конце XIV в., приводилось дело неких Жана де Варлюса (*de Warlus*) и его жены Аделины, совместно занимавшихся именно этим «ремеслом» (*mestier*)⁵⁷. Оба они также являлись членами весьма разветвленной шайки воров, которые сбывали через них украденные вещи (серебряную посуду, оружие, одежду). Со своими «поставщиками» супруги встречались среди белого дня, на рынке, а для того, чтобы окружающие не заподозрили их в знакомстве с подозрительными личностями, они разработали свой тайный язык: проходя мимо Жана и Аделины, их сообщники должны были особым образом дотронуться до носа, что означало наличие у них очередной партии «товара». После чего супруги удалялись один за другим в ближайшую таверну, где и совершалась сделка⁵⁸.

Любопытно, что и любой городской палач в действительности прекрасно подходил на роль скупщика краденого. Хотя представители этой профессии, как уже говорилось, не пользовались особой любовью окружающих и без крайней надобности их никто обычно не посещал, они, тем не менее, регулярно имели дело с низами общества, причем сталкивались с ними не только на эшафоте. Так, королевский палач Парижа, к примеру, являлся по совместительству смотрителем публичных домов и бань французской столицы, сконцентрированных в торговом районе Ле Аль, где проживал самый отъявленный сброд⁵⁹. Собственно, именно там обитали и уже знакомые нам Жан и Аделина де Варлюс, а также их сообщники. Так что и в Лионе начала XVIII в. ситуация могла оказаться идентичной.

То, что местные судебные власти явились к «месье Анри» как к предполагаемому скупщику краденого с обыском, также не вызывает сомнений: данная практика существовала уже в Средние века, о чем свидетельствует все тот же «Уголовный регистр Шатле». Порой поиск вещественных доказательств, которыми в случае воровства считались прежде всего украденные вещи, становился единственным способом доказать вину того или иного подозреваемого. Как сообщал Алом Кашмаре, так произошло, к примеру, с уже знакомым нам Флораном де Сен-Ло, отказавшимся давать признательные показания даже после того, как его четыре раза посылали на пытки. Тем не менее, при обыске у него были найде-

⁵⁷ *Registre criminel du Châtelet de Paris*. Т. 1. Р. 157-164 (а. 1389).

⁵⁸ "Iceulx mariez disoient à lui qui parle que quant il auroit aucune chose, qu'il le lui portast, et leur faist un signe du doy contre son nez, en passant par devant eulx, sans parler à lui ne dire mot aucun. Lequel qui depose, et aussi ledit Brun, recordant desdites enseignes, distrent, deposerent ensemble, en la presence dediz mariez, que plusieurs fois ilz alerent ès haies devers lesdiz mariez, se partoient dudit marché, et que quant ilz leur fesoient le signe dessus dit, iceulx mariez se partoient dudit marché li uns après l'autre, et aloyent boire ensamble en une taverne, en laquelle ilz vendoient les biens par eux prins et emblez ausdiz mariez" (Ibid. Р. 158-159).

⁵⁹ *Armand F. Op. cit.* Р. 20-24, 30-33; Тогоева О.И. История одного рукопожатия. С. 199-200.

ны многочисленные серебряные пряжки, цепочки и подвески, которые никак не могли принадлежать ему одному⁶⁰, что и позволило вынести в отношении арестованного обвинительный приговор⁶¹. Точно так же парижские чиновники действовали и в ходе процесса над Жаном дю Буа, который полностью отрицал свою вину, несмотря на то, что был схвачен прямо на месте преступления – за срезанием очередного кошелька. Тем не менее, визит к нему домой дал судьям в руки недостающие аргументы: в ходе обыска, проведенного «так, как принято поступать в подобных случаях», у Жана был обнаружен целый склад явно чужих кошельков и аграфов⁶². Таким образом, лионские чиновники на совершенно законных основаниях посетили дом «месье Анри» с обыском, и им, очевидно, не составило большого труда догадаться, что хозяином жилища являлась женщина, а вовсе не мужчина, как о том и сообщалось в письме, посланном в Париж в январе 1749 г.

Другое дело, почему эта, официальная и вполне правдоподобная версия событий не получила развития в иных свидетельствах современников. В частности, об обыске ни словом не обмолвился отец Ришар, предпочтя ввести в повествование эпизод с некоей безымянной служанкой, которая якобы обратилась к нему как к прокурору Гильотьера с доносом на собственного хозяина⁶³. Данный поворот сюжета вызывает сомнения уже потому, что по роду своей деятельности монах-францисканец обязан был прекрасно знать всех жителей подвластного ему пригорода Лиона, тем более, прислугу в доме местного палача. Однако эту деталь отец Ришар – сознательно или невольно – опустил, как, впрочем, и более значимый факт ареста банды воров, членом которой вроде бы состояла Маргарита. Являясь судебным чиновником, он, безусловно, хорошо представлял себе ситуацию с местной преступностью – тем более, что одна из обвиняемых, как

⁶⁰ «En l'une de ses chaucés fu trouvé le bout d'un mordant d'argent coppé, au bout duquel mordant avoit pendu une petite cheisne d'argent, et au bout d'icelle cheisne une sonnette d'argent. Et aussi, en une des bourses dudit prisonnier, un autre mordant de sainture coppé à une cheisne d'argent pendu au bout d'icellui mordant, et aussi ledit coustel tout nu» (Registre criminel du Châtelet de Paris. T. 1. P. 201-209, здесь P. 201-202).

⁶¹ Подробнее о деле Флорана де Сен-Ло см.: *Тогоева О.И.* «Истинная правда». С. 54-65.

⁶² «Ainsy comme il est acoustumé de faire, ilz avoient trouvé es solers dudit prisonnier iiii blans de huit d. pour pièce, et en sa bourse ledit pelle blanc, et aussy en la manche de son jupon ledit dé d'argent, et entre les deux huis du guichet de Chastellet une bourse semblable que exprimé avoit icelle Climence par sa depposition cy-dessus dite et escripte, et laquele, avec lesdiz pelle et dé, furent monstrez à icelle Climence, et que elle ot affermé par serement, et en la presence dudit prisonnier, que la bourse, dé d'argent, pelle, et les clefs qui pendoient à ladite bourse, estoient celi et ceulx desquieulx elle a cy-dessus parlé, demandé fu de rechief et requis par serement audit prisonnier qu'il deist de ce la vérité» (Registre criminel du Châtelet de Paris. T. 2. P. 6-15, здесь P. 9, курсив мой – О.Т.).

⁶³ См. прим. 36.

выяснилось в ходе следствия, проживала прямо в Гильотьере. И все же, симпатизируя, возможно, давней знакомой и желая как-то ее выгородить, наш автор умалчал о ее преступных занятиях и обратился к распространенному мотиву служанки-предательницы, известному не только европейской литературе Нового времени⁶⁴, но и куда более ранним, фольклорным нарративам⁶⁵. Ибо – происходи дело в *реальности* – любая служанка, прослужившая в доме «месье Анри» хотя бы день, должна была сразу понять, с кем имеет дело: с мужчиной или с переодетой женщиной...

Подобных литературных клише, превращающих документальный, на первый взгляд, текст в художественное произведение, в истории, изложенной отцом Ришаром, можно встретить достаточно. Начнем хотя бы с мотива злой мачехи, своим дурным отношением к падчерице заставляющей ее в отсутствие отца покинуть родной дом⁶⁶. Как и во многих сказочных нарративах о семейно гонимых⁶⁷, в экспозиции истории Маргариты Ле Петур ничего не говорилось о конкретных действиях, вынудивших героиню к бегству, речь шла лишь об адекватных им состояниях – о тяжелых условиях жизни, подтолкнувших ее к подобному шагу⁶⁸. Дабы подчеркнуть данное противостояние, отец Ришар дополнительно сообщал об отце Маргариты – капитане торгового судна, якобы владевшем некими землями в Америке, что, по определению, предполагало его долгие отлучки из дома⁶⁹. Проверить эту информацию не представляется возможным (она могла как соответствовать действительности, так и оказаться выдуманной автором), однако именно мотив униженной мачехой героини задавал весь ход изложения последующих событий в «Мемуарах» отца Ришара⁷⁰.

⁶⁴ Мелетинский Е.М. Историческая поэтика новеллы. С. 111, 113, 127, 147, 151, 160.

⁶⁵ Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М., 2003. С. 32-33, 112, 117, 119-120, 126.

⁶⁶ См. прим. 26.

⁶⁷ Тип волшебной сказки AT 510 и 511, согласно классификации Аарне-Томпсона: Thompson S. The Types of the Folktale // Folklore Fellow Communications. Helsinki, 1973. № 184.

⁶⁸ «С мачехой... у героя (героини) не может быть никаких точек соприкосновения в позитивном плане. Именно поэтому сюжет развивается в направлении полного отсоединения героя от начальной ситуации..., возникает своеобразное выталкивание его за пределы мира, в котором нарушаются родственные отношения, туда, где эти отношения могут быть восстановлены» (Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С., Сегал Д.М. Проблемы структурного описания волшебной сказки // Структура волшебной сказки. М., 2001. С. 11-121, здесь С. 45, разрядка авторов – О.Т.). См. также: Там же. С. 28-29, 31-32, 38, 78, 92-95; Пропп В.Я. Указ. соч. С. 32-33, 79.

⁶⁹ См. прим. 24.

⁷⁰ Строев А.Ф. Указ. соч. С. 25, 124-125; Мелетинский Е.М. От мифа к литературе. М., 2001. С. 43, 51-52. Ср.: «Если рассматривать (с оговоркой на условность столь абстрактного построения) только сюжетный аспект, то западноевропейский роман XIX в. может быть охарактеризован как *вариация сюжета типа "Золушки"*... Сюжетная схема состоит в том, что герой занимает некоторое

Не менее показательными, с точки зрения двойственности интерпретации, являлись и другие элементы рассказа монаха-францисканца – в частности, его сообщение о том, что Маргарита Ле Петур долгое время служила в армии⁷¹. Согласно все тому же сказочному канону, истинным героем становился, прежде всего, смелый воин, готовый встретить любую опасность и совершить любой подвиг, начиная с победы над врагом и заканчивая схваткой с разбойниками и освобождением прекрасной пленницы⁷². Сообщение отца Ришара о продолжительном пребывании его героини в армии, которое мы – при всем его правдоподобии – не можем подкрепить никакими документальными свидетельствами, вполне укладывалось в рамки данного мотива⁷³. Это тем более вероятно, что именно солдат со временем превратился в одного из главных персонажей европейской новеллы⁷⁴, активно разви-

---

неподобающее (не удовлетворяющее его, плохое, низкое) место и стремится занять лучшее. Направленность сюжета заключается в перемещении главного персонажа из сферы “несчастья” в сферу “счастья”, в получении им тех благ, которых он был вначале лишен. Вариантами могут быть удача или неудача в попытке улучшить свой статус; герой может быть добродетельным или злодеем... Несмотря на возможность многочисленных сюжетных усложнений, все эти варианты имеют одну общую черту: речь идет об *изменении места героя в жизни*, но не об изменении ни самой этой жизни, ни самого героя» (Лотман Ю.М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Лотман Ю.М. О русской литературе. Статьи и исследования (1958-1993). СПб., 1997. С. 712-727, здесь С. 719, курсив мой – О.Т.).

⁷¹ См. прим. 28.

⁷² Мелетинский Е.М. О происхождении литературно-мифологических сюжетных архетипов // *Arbog Mundi/Мировое древо*. 1993. Вып. 2. С. 9-62, здесь С. 28-29, 33. Любопытно, что именно модель поведения главного героя волшебной сказки использовал, к примеру, шевалье д’Эон в своей реальной повседневной жизни: Строев А.Ф. Указ. соч. С. 88. Впрочем, часто похождения авантюристов XVIII в. и описывались (в том числе, в их собственных мемуарах) в соответствии со сказочным нарративом: Там же. С. 178-188

⁷³ Возможно также предположить, что армейское прошлое было придумано автором, дабы «облегчить» (и логически объяснить читателю) переход героини к другой сугубо мужской профессии – профессии палача. О военных и государственных делах, воспринимаемых европейцами Нового времени как мужская сфера деятельности, см.: Неклюдова М.С. Указ. соч. С. 235. Не исключено также, что на отца Ришара в данном случае могло оказать влияние чтение современной ему французской литературы, в частности, романа Жана де Прешака «Героиня-мушкетер» (*L'Héroïne mousquetaire*, 1677-1678 гг.), центральный персонаж которого, Кристина де Мейрак, также долгое время существовала в обличье мужчины, путешествовала и участвовала в сражениях: Там же. С. 248, 252. Само же путешествие, как отмечал А.Ф. Строев, являлось «почти необходимой главой» из жизни любого искателя приключений XVIII в., как реального, так и вымышленного: Строев А.Ф. Указ. соч. С. 7, 104.

⁷⁴ Мелетинский Е.М. Историческая поэтика новеллы. С. 100, 116, 119, 126, 129; Строев А.Ф. Указ. соч. С. 27-30.

вавшейся начиная с XV в. и отражавшей очевидный интерес авторов к городскому анекдоту, – жанра, в рамках которого, как мне представляется, отец Ришар и описывал события, приключившиеся в Лионе в 1749 г.⁷⁵

Определенное соответствие Маргариты Ле Петур образу истинно сказочного героя подчеркивалось в «Мемуарах» монаха-францисканца и появлением у нее «чудесных» помощников, которыми последовательно выступали неизвестный кюре, приютивший девушку у себя в начале ее странствий, а затем палач из Страсбурга, встреченный ею в самый тяжелый момент жизни⁷⁶. Без использования этих персонажей автору было бы затруднительно объяснить читателям, при каких обстоятельствах его героине удалось не только без помех вжиться в образ мужчины⁷⁷, но и получить столь странную, на первый взгляд, профессию⁷⁸. И тогда реалистичность всей истории оказывалась бы

⁷⁵ На явную склонность нашего автора к новеллистическому описанию указывает, как мне представляется, само определение данного жанра: «Совершенно очевидно, что сама краткость является существенным признаком новеллы. Краткость отделяет новеллу от больших эпических жанров, в частности от романа и повести, но объединяет ее со сказкой, быличкой, басней, анекдотом. Краткость коррелирует с однособытийностью и со структурной интенсивностью, концентрацией различных ассоциаций, использованием символов и т.д. Все это в принципе ведет и к ярко выраженной кульминации в виде поворотного пункта композиционной «кривой» <...> Эти (французские – О.Т.) авторы не только действительно широко использовали местные предания и устную «хронику», но всячески подчеркивали местную локализацию, свежесть устного сообщения даже в тех случаях, когда они обрабатывали традиционные сюжеты» (Мелетинский Е.М. Историческая поэтика новеллы. С. 4, 122). См. также: Михайлов А.Д. Вопросы типологии европейской новеллы XV века // Пятнадцатый век в европейском литературном развитии / Отв. ред. А.Д. Михайлов. М., 2001. С. 112-132; Шкловский В.Б. Строение рассказа и романа // Шкловский В.Б. О теории прозы. М., 1929. С. 68-90.

⁷⁶ См. прим. 27, 30.

⁷⁷ О сказочном мотиве обучения сироты вне родного дома см.: Мелетинский Е.М. От мифа к литературе. С. 67.

⁷⁸ «Чудесный помощник героя мог присутствовать в героических мифах, но обязательным элементом повествовательной структуры он становится в сказке, ибо практически любой «подвиг» сказочного героя совершается с его обязательным участием» (Он же. О происхождении литературно-мифологических сюжетных архетипов. С. 58). Нас не должно удивлять наличие в рассказе отца Ришара в качестве «чудесного» помощника Маргариты Ле Петур кюре, т.е. представителя церкви, а отнюдь не волшебного персонажа (Бабы-Яги, покойных родителей, говорящих животных и т.д.). В данном случае мы имеем дело с христианизацией сказочного мотива, присутствовавшей уже в литературе XIII в.: Vincensini J.-J. Motifs et thèmes du récit médiéval. P., 2000. P. 11-12; Мелетинский Е.М. От мифа к литературе. С. 68-69. В подобной роли в средневековых рыцарских романах могли выступать монахи и монахини, настоятели аббатств или, к примеру, отшельники: Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М., 1976. С. 245-246, 274, 276.

под угрозой. Впрочем, современники отца Ришара в любом случае могли легко заподозрить в его рассказе вымысел хотя бы потому, что для авантюрного романа и новеллы XVIII в. одним из основных являлся мотив случайно встреченного героем человека, который на поверку оказывался ему крайне необходим⁷⁹.

Отчасти к категории «волшебных» помощников в рассказе отца Ришара можно, по всей видимости, отнести и юную девушку родом из Авиньона, которую Маргарита Ле Петур якобы отбила по дороге в Лион у ее соблазителя и которая согласилась отправиться вместе с ней и притвориться ее женой для поддержания легенды⁸⁰. Истинный герой, согласно сказочному канону, обязан был проявлять милосердие и оказывать помощь любому встреченному им в пути немощному существу (будь то человек или животное), которое в благодарность становилось его верным спутником⁸¹. Впрочем, данный мотив оставался не менее популярным и в эпоху Средневековья, когда спасение (прежде всего, от участи проститутки) совращенной девушки благодаря вмешательству святого или знатного сеньора превратилось в одну из излюбленных тем агиографических сочинений и связанных с ними генетически рыцарских романов⁸². Заимствованный из бытовых сказок⁸³, этот мотив перешел затем и в европейскую новеллу XVII–XVIII вв., где главным соблазнителем девушки обычно выступал авантюрист или плут⁸⁴.

Наличие этого и некоторых других легко узнаваемых литературных мотивов в рассказе отца Ришара о судьбе Маргариты Ле Петур заставляет усомниться в том, что в данном случае он строго следовал одним лишь фактам. К сожалению, мы не можем сравнить историю «месье Анри» с какими-нибудь иными, изложенными в его многотомных «Мемуарах» сюжетами, поскольку, как я уже упоминала, это сочинение так и осталось неизданным. Тем не менее, явное желание монаха-францисканца творчески переработать ставшую ему известной подлинную информацию и представить ее в форме *литературного* произведения, подтверждается уже тем, что он включил в свое повествование заведомо выдуманные элементы, существование которых мы в силах перепроверить по сохранившимся документам и, таким образом, подтвердить их или опровергнуть. Одним из таких элементов являлось,

⁷⁹ «Если в авантюрном романе XVIII века герой встречал прохожего, то именно того, который нужен ему или, по крайней мере, интриге» (Якобсон Р.О. О художественном реализме // Якобсон Р.О. Работы по поэтике / Сост. и общ. ред. М.Л. Гаспарова. М., 1987. С. 387–393, здесь С. 391).

⁸⁰ См. прим. 32.

⁸¹ Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С., Сегал Д.М. Указ. соч. С. 55–56.

⁸² Karras R.M. Holy Harlots. P. 6–17; Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман. С. 141, 146, 210. Об агиографических сюжетах, лежавших в основе предновеллы и новеллы, см.: Мелетинский Е.М. Историческая поэтика новеллы. С. 50–74.

⁸³ Он же. От мифа к литературе. С. 99.

⁸⁴ Он же. Историческая поэтика новеллы. С. 139, 147, 160.

в частности, утверждение автора о том, что наша героиня отличалась исключительной жестокостью, с куда большей охотой казнила женщин, нежели мужчин и проводила бесконечные и самые разнообразные экзекуции⁸⁵. Мы легко могли бы поверить этим словам, не имея мы в своем распоряжении письма неизвестного лионского чиновника, посланного в Париж: ведь в нем ясно говорилось всего о *трех*, пусть и безукоризненно проведенных «месье Анри» казнях⁸⁶. Можно, конечно, предположить, что из показаний самой арестованной отец Ришар узнал какие-то подробности о ее деятельности в Страсбурге и Монпелье, однако в этих городах она служила всего лишь *помощником* палача, а значит, лично в отправлении правосудия участия не принимала⁸⁷. И, таким образом, сообщение о ее исключительной жестокости и особой ненависти к женщинам оказывалось на поверку всего лишь вольной интерпретацией фактов.

Еще одним свидетельством того, что автор «Мемуаров» *домыслил* историю Маргариты Ле Петур, являясь, как ни странно, рассказ о ее свадьбе с Ноэлем Рошем. Напомню, что, по мнению отца Ришара, эта торжественная церемония состоялась *в стенах тюрьмы*, т.е. еще до того, как героиня была отпущена на свободу⁸⁸. Иными словами, речь шла об уже хорошо знакомом нам обычае – о «свадьбе под виселицей», когда тот или иной преступник мог избежать смертного приговора и сохранить жизнь, если незамужняя девушка или женщина изъявляла желание взять его в мужья. Мы знаем, что нередко подобные свадьбы действительно заключались под виселицей или у эшафота, а иногда – прямо в тюрьме. И хотя данная практика обычно встречала противодействие со стороны судебных чиновников (в том числе, и палачей), опиралась она на неписаную правовую традицию, вера в которую у жителей Франции как в Средние века, так и в Новое время оставалась исключительно крепка⁸⁹.

Какая уже упоминала, обращение к «свадьбе под виселицей» было официально запрещено постановлением Парижского парламента от 6 ап-

⁸⁵ См. прим. 34.

⁸⁶ См. прим. 19.

⁸⁷ Данная норма существовала уже в период Средневековья. Об этом, в частности, свидетельствует запись в «Дневнике» Парижского горожанина от 26 августа 1418 г. Столичный палач, мэтр Капелюш, был сам приговорен к смертной казни и за несколько минут до начала экзекуции показывал своему помощнику, как именно нужно рубить голову: «Et ordonna le bourreau au nouveau bourreau la manière comment il devait couper la tête, et fur délié et ordonna le tronchet pour son cou et pour sa face, et ôta du bois au bout de la doloire et à son coustel, tout ainsi comme s'il vouloit faire ledit office à un autre, dont tout le monde était ébahi; après ce, cria merci à Dieu et fut décollé par son valet» (Journal d'un bourgeois de Paris. P. 129). О причинах казни Капелюша см.: Тогоева О.И. История одного рукопожатия. С. 204-206.

⁸⁸ См. прим. 37, 38.

⁸⁹ Подробнее об обычае «свадьбы под виселицей» см. выше: Глава 4.

реля 1606 г.⁹⁰ Тем не менее, она упоминалась в *Coutumier vaudois* 1616 г. и в ордонансе Людовика XIV от 1668 г., вошедшем затем в военный кодекс 1709 г.⁹¹ Иными словами, в середине XVIII в., когда отец Ришар записывал историю Маргариты Ле Петур, подобный исход уголовного процесса не представлялся чем-то устаревшим, напротив, этот обычай, видимо, все еще использовался во французских землях. Более того, именно источники Нового времени свидетельствуют, что вполне реальной могла оказаться и *обратная* ситуация, когда преступником являлась женщина, а ее спасителем выступал, соответственно, мужчина. Любопытно при этом отметить, что роль потенциального жениха в данном случае обычно играл сам палач. Так, в 1683 г. в Анже мэтр Пьер Вердье предложил руку и сердце юной особе 18-ти лет, поразившей его своей исключительной красотой. Судьи, вынесшие ей смертный приговор, были согласны на такой исход дела, однако сама обвиняемая отказалась от сомнительной чести стать супругой палача и предпочла казнь через повешение. Более удачливыми оказались коллеги Вердье, практиковавшие в Гренобле. В 1691 г. местный палач Жан Жанон получил разрешение властей и женился над своей «подопечной» Мадлен Брюн, избавив ее тем самым от смерти. Трое помощников мэтра Жака Жубера – Франсуа Пикар, Жан де Ла Пьер и Франсуа Бальтазар – воспользовались той же традицией в 1702, 1715 и 1718 гг. соответственно. А в 1725 г. новый палач Гренобля Франсуа Рипер последовал их примеру и получил в супруги Клодин Ла Круа, осужденную на смерть за детоубийство⁹².

Таким образом, описывая свадьбу Маргариты Ле Петур, состоявшуюся в тюрьме, отец Ришар, возможно, говорил правду. Но также допустимо, что для этой части своего рассказа – как и в том, что касалось злой мачехи героини, ее служанки-предательницы, ее службы в армии и отбитой ею у соблазнителя юной девицы, – он черпал вдохновение в совершенно иных источниках, имевших мало общего с реальными фактами. Тем более, что, зная о существовании брачного контракта, в котором молодожены фигурировали как Ноэль Рош и Маргарита Ле Петур⁹³, наш францисканец уверял читателей, что из тюрьмы его героя вышла под именем Генриетта и под ним же уехала с мужем в Канкаль⁹⁴...

⁹⁰ *Lebigre A.* Op. cit. P. 224.

⁹¹ *Armand F.* Op. cit. P. 150.

⁹² *Ibid.* P. 151-152.

⁹³ “*Noël Roche*, du lieu de Monthieu, de ce diocèse, fils de deffunts Pierre Roche, habitant de Curys au montdor, et de Benoitte Pilliard, son épouse, valet, demeurant à présent depuis un ou deux mois rue Bombardes, époux à venir, d'une part, et *Marguerite Julienne Lepaistour* fille de deffunts Guillaume Lepaistour et Marguerite Girard, son épouse, habitants de la ville et paroisse de Cancale, diocèse de St Malo, en Bretagne, demeurant environ depuis trois années en cette ville, d'autre part” (Acte de mariage de Marguerite Le Paistour, курсив мой – О.Т.).

⁹⁴ См. прим. 38.

Еще более прозрачным, с точки зрения *реинтерпретации* данных, представляется мне последнее из свидетельств современников о приключениях Маргариты Ле Петур – реляция из Монпелье, датированная маем 1751 г. Ее автор явно ориентировался на известия, дошедшие до него из Лиона, но осмысливал их по-своему. Собственно, единственным достоверным фактом в его сообщении следует считать указание на место действия, остальные же детали были им доработаны самостоятельно.

В основе слухов, которыми питался анонимный автор, с некоторым усилием можно опознать рассказ отца Ришара или же некий общий «прототекст» – возможно, показания самой Маргариты, данные ею на следствии. По его мнению, донос на обвиняемую несомненно имел место и послужил раскрытию ее обмана с переодеванием, однако служанку из «Мемуаров» монаха-францисканца он почему-то заменил на помощника палача, мечтавшего о повышении по службе⁹⁵. Вполне реальная супруга «месье Анри», о которой упоминалось во всех материалах из Лиона, – якобы отбитая героиней у обесчестившего девушку солдата – в заметке из Монпелье обернулась самой Маргаритой, лишившейся девственности и ставшей проституткой в ранней юности⁹⁶. А должность помощника палача, которую мадемуазель Ле Петур, по мнению отца Ришара, занимала *до того*, как переехать в Лион, превратилась в данном случае, если можно сказать, в последнюю надежду молодой женщины на получение достойного заработка после разразившегося ранее скандала⁹⁷. И, наконец, удивительные метаморфозы претерпела информация об Испании: теперь это была уже не родина нового лионского палача, как утверждал автор «Мемуаров», но место, куда устремилась сама героиня, дабы избежать заслуженного наказания и продолжить прерванную карьеру⁹⁸.

Особое место в ряду перечисленных выше несоответствий занимал, безусловно, сюжет с обещанной Маргаритой, которая спустя недолгое время якобы обнаружила, что беременна⁹⁹. Именно это обстоятельство, по мнению автора из Монпелье, и лежало в основе всех дальнейших злоключений героини: предательства ее помощника, изгнания из Лиона и вынужденного окончательного бегства из Французского королевства. Совершенно очевидно, что, вводя в повествование данный мотив, автор пытался осмыслить сам и логически объяснить своим читателям ситуацию, которая казалась ему абсолютно невероятной: то, что на протяжении двух с лишним лет обязанности палача исполняла

⁹⁵ См. прим. 44.

⁹⁶ См. прим. 41.

⁹⁷ См. прим. 45.

⁹⁸ См. прим. 46. Ср. с мотивом неуловимого преступника, также перешедшим в европейскую новеллу Нового времени из сказок и создающим эффект завершенности произведения: Шкловский В.Б. Указ. соч. С. 71.

⁹⁹ См. прим. 43.

женщина, переодетая мужчиной. Он, очевидно, полагал, что только пережитые в юности страдания и последовавшее за этим тяжелое душевное состояние (желание бесконечно мстить окружающим за свою пропадающую жизнь) могли стать причиной столь странного выбора¹⁰⁰.

Впрочем, похоже, что и в данном случае автор реляции из Монпелье не обошелся без литературных реминисценций. Сюжет о женщине, длительное время существующей в мужском обличье и занимающей некий весьма заметный пост, которая внезапно оказывается беременной, был в действительности хорошо известен в Европе Нового времени¹⁰¹. Как мне представляется, в его основу отчасти легли средневековые истории о т.н. папессе Иоанне – женщине, якобы занимавшей престол римского понтифика под именем Иоанна VIII в период между правлением Льва IV (790–855) и Бенедикта III († 858)¹⁰². Согласно легенде, в возрасте 12-ти лет она сошлась с монахом из монастыря Фульды и ушла с ним, переодевшись в мужское платье, на Афон. Оказавшись в конце концов в Риме, Иоанна поступила писцом в папскую курию, была избрана кардиналом, а затем – папой римским. Однако, во время одной из торжественных процессий, проходивших по улицам Вечного города, у самозванки начались роды, в результате которых она скончалась (или была убита оскорбленными в религиозных чувствах участниками шествия).

Рассказы о папессе Иоанне как о реально существовавшем персонаже прошлого регулярно воспроизводились в сочинениях самых различных жанров (включая католические и протестантские памфлеты) с середины XIII в. до середины XVII в.¹⁰³ Однако, начиная с *De mulieribus claribus* Джованни Боккаччо (ок. 1361 г.), данный сюжет прочно занял место и в произведениях художественной литературы, оставаясь одним из излюбленных для французских авторов вплоть до периода Революции¹⁰⁴. Таким образом, история папессы Иоанны вполне могла послужить основой рассказа неизвестного автора из Монпелье о внезапной беременности Маргариты Ле Петур и последующем раскрытии ее тщательно оберегаемой тайны.

¹⁰⁰ “Elle est allée exercer ses talents, et satisfaire son animosité contre tous les malfaiteurs de l’un et l’autre sexe qui pourront tomber entre ses mains; animosité qui, à ce qu’on lui a entendu dire ne finira qu’avec sa vie” (La Bigarure ou Gazette galante).

¹⁰¹ О месте данного мотива в европейской новелле Нового времени см.: Мелетинский Е.М. Историческая поэтика новеллы. С. 122, 153.

¹⁰² Подробнее о папессе Иоанне см.: Boureau A. La papesse Jeanne. Formes et fonctions d’une légende au Moyen Âge // Comptes-rendus des séances de l’Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1984. Т. 3. P. 446-464; Idem. La papesse Jeanne. P., 1988; Hotchkiss V.R. The Female Pope and the Sin of Male Disguise // Hotchkiss V.R. Clothes Make the Man: Female Cross Dressing in Medieval Europe. N.Y.;L., 2012. P. 69-82.

¹⁰³ Tinsley B.S. Pope Joan Polemic in Early Modern France: The Use and Disabuse of Myth // Sixteenth Century Journal. 1987. Vol. 18 (3). P. 381-398; Rustici C.M. The Afterlife of Pope Joan: Deploying the Popess Legend in Early Modern England. Ann Arbor, 2006.

¹⁰⁴ Boureau A. La papesse Jeanne. P. 228-302.

Возникает закономерный вопрос. Зачем нашим авторам, и особенно отцу Ришару, писавшему, по его собственному признанию, *исторические* «Мемуары» (*Mémoires historiques*), а вовсе не художественное произведение, было вводить в повествование такое количество явно вымышленных деталей и мотивов? Думается, что оба делали это до определенной степени осознанно, пытаясь таким образом заставить читателей взглянуть на происшествие в Лионе под особым углом зрения, придав этому событию знакомые и вполне *реалистичные* черты, а значит, и убедительность. Уникальная, а потому вызывавшая удивление история Маргариты Ле Петур, прославившейся благодаря своему грандиозному обману, интересовала их не только фактической стороной дела, не только тем, что этой молодой женщине на протяжении весьма долгого времени удавалось, и вполне успешно, исполнять обязанности палача.

И отец Ришар, и неизвестный автор реляции из Монпелье пытались, как мне кажется, понять побудительные причины, подтолкнувшие их героиню к столь неординарному решению своих проблем, раскрыть ее психологию и осмыслить ее действия. Вот почему в их сообщениях оказались использованы отчетливо литературные мотивы и сюжеты: им хотелось придать истории мадемуазель Ле Петур внутреннюю логику, обосновать то, что их современникам казалось невероятным¹⁰⁵. Иными словами, они пытались создать тот самый *эффект реальности*, о котором в свое время – применительно к разным эпохам и разным текстам – писали Роман Якобсон¹⁰⁶ и Ролан Барт¹⁰⁷, связывая его

¹⁰⁵ Об исключительном интересе французского общества XVIII в. к слухам и сплетням, которыми оно в буквальном смысле питалось, но вместе с тем – к «упорядочиванию» этих рассказней при переносе их на бумагу (в мемуары, художественные произведения или же в газетные публикации) см.: Строев А.Ф. Указ. соч. С. 37-40.

¹⁰⁶ «Мы уже говорили о прогрессивном реализме как о характеристике по несущественным признакам. Один из приемов такой характеристики... – это уплотнение повествования образами, привлеченными по смежности, т.е. путь от собственного термина к метонимии и синекдохе» (Якобсон Р.О. Указ. соч. С. 391, курсив автора – О.Т.).

¹⁰⁷ «Стоит только признать, что известного рода детали непосредственно отсылают к реальности, как они тут же начинают неявным образом означать ее. «Барометр» у Флобера, «небольшая дверца» у Мишле говорят в конечном счете только одно: мы – реальность; они означают «реальность» как общую категорию, а не особенные ее проявления. Иными словами, само отсутствие означаемого, поглощенного референтом, становится означающим понятия «реализм»; возникает эффект реальности, основа того скрытого правдоподобия, которое и формирует эстетику всех общераспространенных произведений новой литературы» (Барт Р. Эффект реальности / Пер. С.Н. Зенкина // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 392-400, здесь С. 400, курсив автора – О.Т.).

прежде всего «со специфическим, нефункционально-функциональным использованием детали»: «Сама по себе “бессмысленная”, избыточная с точки зрения построения конкретного смысла (как пресловутый барометр в гостиной госпожи Обен), – такая деталь работает на другую эстетическую задачу: создание общей рамки восприятия, в которой представляемые явления переживаются нами как “*бывшие-хотя-и-не-бывшие*”, абсолютно убедительные и даже (по Якобсону) “осязательные”, хотя и под знаком “как бы”»¹⁰⁸.

Подобными доводами руководствовались, на мой взгляд, и упомянутые авторы конца XVIII в. в попытке облегчить понимание истории Маргариты Ле Петур как для самих себя, так и для своих читателей. То небольшое количество достоверных фактов о «месье Анри», которые содержались в официальных документах, происходивших из Лиона, показалось им, по-видимому, совершенно недостаточным для полноценной «реконструкции» сложного жизненного пути их героини.

Ну, а мы, историки ХХІ столетия, с уверенностью можем утверждать лишь то, что Маргарита Ле Петур существовала в действительности. В какой-то момент своей жизни по причинам, о которых мы уже никогда не узнаем, она отважилась выйти за рамки предложенной ей и привычной для общества Нового времени роли и прибегнуть к трагедии, что привело к возникновению не только иной личности, но и иной идентичности – как социальной, так и гендерной. Мы вряд ли окажемся в праве отнести Маргариту к категории *авантюристов*, которыми столь славилась эпоха Просвещения, но, как мне представляется, вполне в состоянии назвать ее *самозванкой* – женщиной, не игравшей избранную роль, но жившей ею¹⁰⁹.

Все остальные превратности судьбы нашей героини – за очень небольшими исключениями – могут рассматриваться и как реальные, и как полностью вымышленные. Существовала ли у Маргариты Ле Петур злая мачеха, вынудившая ее оставить отчий дом и подтолкнувшая таким образом к последующим приключениям? Действительно ли она встретила с добрым юре, оказавшим ей поддержку и утвердившим ее в «роли» мужчины? Служила ли она уже в новом обличье во французской или иностранной армии? Стала ли она помощником палача, а затем и «мастером» благодаря случайному знакомству в Страсбурге? Все эти вопросы относятся уже к сфере *интерпретации* и навсегда останутся лишь на совести авторов, их породивших. Здесь, как и во многих иных случаях, перед нами предстает сад расходящихся тропок, где каждая может направить нас как по истинному пути исторического исследования, так и завести в лабиринт фантастических домыслов, выход из которого мы вряд ли когда-нибудь отыщем.

¹⁰⁸ Венедиктова Т.Д. «Железнодорожное чтение» как фактор литературной истории // Вопросы литературы. 2012. № 1. С. 191-200.

¹⁰⁹ Строев А.Ф. Указ. соч. С. 6, 246.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

О казусах и контекстах

Вернемся еще раз к самому началу – к вопросу, с которого мы начали разговор о частной и интимной жизни французов эпохи Средневековья и Нового времени, к проблеме источников и методов подобного исследования.

Хочется надеяться, что мне в какой-то степени удалось продемонстрировать, насколько полезными, с точки зрения изучения истории повседневности, могут оказаться материалы судебных расследований, насколько интересными и яркими предстают в них судьбы самых обыкновенных людей прошлого, как много мы можем узнать не только об их собственных жизненных перипетиях, но и об общекультурных ценностях, свойственных западноевропейскому обществу тех далеких эпох: о понимании чести и достоинства, любви и брака, ненависти и предательства, свободы воли и счастья. Индивидуальные стратегии поведения, которые подчас избирали мои герои, далеко не всегда соответствовали этим общим ориентирам – но тем и ценны для нас их истории, позволяющие лишний раз понять, что из любого правила *всегда* находятся исключения. И этим наблюдением мы также обязаны столь специфическому источнику, как материалы судебной практики, поскольку каждое уголовное расследование – о какой бы эпохе мы ни говорили – всегда остается абсолютно уникальным, рассказывающим о единичном случае, о конкретных людях с их сугубо личными переживаниями и поступками.

Мы узнали о том, что содомия (в любых ее проявлениях) всегда рассматривалась как преступление, карающееся смертью, но Перро Фавареску и Бернардо де Монжé все же удалось избежать подобной участи, поскольку они додумались выставить себя невольными жертвами своего могущественного хозяина, советника Парижского парламента Раймона Дюрана. Мы выяснили, что излюбленным способом мести добропорядочного средневекового француза за измену жены являлось убийство соперника и ссылка неверной супруги в монастырь, но, тем не менее, Бридуль де Мезьер обратился с этим вопросом в суд, дабы получить право самолично распоряжаться судьбой Жанны де Брем, а заодно и ее богатым наследством. Мы были совершенно уверены в исключительно женском характере такого ремесла как проституция, что, однако, не помешало английскому бисексуалу Джону Райкнеру воспользоваться именно им ради достойного заработка. Мы точно

также полагали, что профессия палача – удел одних лишь мужчин, но история Маргариты Ле Петур доказала, что и здесь мы отчасти заблуждались. Наконец, одержимость привычно воспринималась нами как явление, находившееся на протяжении всего Нового времени в «ведении» церковных властей и даже, возможно, выдуманное ими – но похождения Марты Броссье убедили нас, что подобный «недуг» легко можно использовать как хитроумную уловку, дабы вырваться из-под родительской опеки и получить хоть толику личной свободы.

Избранные нашими героями стратегии поведения, их изворотливость, их стремление к личному успеху и счастью не могут не удивлять и не восхищать. Другой вопрос, являются ли их истории объектом, достойным специального изучения. Или все они представляют собой всего лишь частности, не заслуживающие внимания исследователя.

С одной стороны, речь вроде бы идет об истории повседневности и частной жизни, т.е. не только об индивидуальных, но и – и, возможно, в первую очередь – о *коллективных* практиках, т.е. о традиционных действиях, направленных прежде всего на *диалог* индивидов, на организацию взаимодействия участников общения¹. Ведь из рассказов о конкретных персонажах прошлого мы узнаем массу важных для понимания принципов функционирования общества эпохи Средневековья и Нового времени деталей. Эти сведения касаются и допустимого для заключения брака возраста жениха и невесты, и желательного равенства их социальных статусов, и условий вступления в повторный союз, и отношения к незаконнорожденным детям или к сексуальным девиациям, и понимания личной чести мужчины и женщины.

С другой стороны, все эти сведения представлены в наших казусах отнюдь не систематически: они хаотично разбросаны по ним в виде крохотных обрывков информации, которые требуют от исследователя большой дополнительной работы по изучению *контекста*, в рамках которого может быть описана та или иная история и который позволит ее проблематизировать. Иными словами, на первый взгляд может показаться, что сами эти случаи из прошлого не могут считаться самоценным объектом анализа, что их следует «поднять» на высоту генерирующей истории, включив в «большой нарратив»², – иначе они останутся столь мелкими и незначительными, что и говорить о них особого смысла не будет.

Но почему бы не переменить угол зрения и не рассмотреть те же самые, казалось бы, незначительные события, происходившие в жизни одного конкретного человека, с позиций микроистории? Конечно, о таком подходе сказано уже немало, но в данном случае я бы сослалась на работы Ю.Л. Бессмертного, зачинателя микроисторических штудий

¹ См., к примеру: Кохан О.В. Коммуникативные стереотипы в повседневных практиках (на материале немецкой и русской культур). Диссертация кандидата культурологии. Комсомольск-на-Амуре, 2012. С. 1 (на правах рукописи).

² Уваров П.Ю. Между «ежами» и «лисами». Заметки об историках. М., 2015. С. 196-197.

в отечественной исторической науке. Именно он первым предложил оторваться от созерцания народных масс, общественных классов, сословий и корпораций и попытаться разглядеть за их сомкнутыми рядами отдельного *homo privatus* – человека частного, чьи интересы и устремления далеко не всегда соответствовали некой умозрительной норме и соотносились с мнением большинства³. Именно так, как мне кажется, и родился подход к изучению обществ прошлого *через* казус, описание и анализ которого не только уточняет общий и, возможно, уже известный нам исторический контекст, но и делает его живым и по-настоящему интересным для читателя.

Ю.Л. Бессмертный успел сделать многое для того, чтобы этот *homo privatus* стал нам лучше знаком. И дело его, хочется надеяться, живо. Его ученики постарались пойти дальше, предположив и, как кажется, вполне успешно продемонстрировав, что «казусом» может стать не только поведение и(или) мировосприятие отдельного человека. «Казусом» является и текст, созданный им, – сам документ, к какому бы виду или жанру он ни относился и в какую бы эпоху ни появился⁴. Частные письма, воспоминания, дневники, но также хроники, хозяйственные документы, травелоги, миниатюры и фрески – все эти источники так или иначе несут на себе печать «казусности», нужно лишь уметь ее разглядеть.

Подобный подход, подобный взгляд на тексты смещает нас, вне всякого сомнения, из области «чистого» исторического исследования в область практического источниковедения. Не думаю, однако, что подобный поворот следует драматизировать. Напротив, он дает нам по крайней мере одно важное преимущество: он действительно позволяет проблематизировать историю повседневности и частной жизни, играя на противоречии, сравнивая и сталкивая коллективные представления людей прошлого и их индивидуальные стратегии поведения.

Это, впрочем, не означает, что изучать подобные вопросы с позиций микроистории значительно легче, нежели создавать «большой нарратив». Казуса без контекста не существует: только на общем фоне, зная *многое* о традициях и обычаях наших предков, мы можем судить о ком-то из них как о предприимчивых, хитрых или просто очень осо-

³ См. прежде всего: Бессмертный Ю.Л. Что за «Казус»? // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 1996 / Под ред. Ю.Л. Бессмертного и М.А. Бойцова. Вып. 1. М., 1997. С. 7-24. См. также: Он же. Частная жизнь: стереотипное и индивидуальное. В поисках новых решений // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М., 1996. С. 11-19; Он же. Проблема // Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М., 2000. С. 7-15; Он же. Метод // Там же. С. 16-26.

⁴ Подробнее о данном направлении исследований см.: Тогоева О.И. Тексты и их создатели // НЛО. 2009. № 97. С. 428-433; Тогоева О.И., Данилевский И.Н. Указ. соч.

бенных людях, имевших собственные представления о жизни и отважившихся на изменения в ней. И точно также без знания контекста мы не можем в полной мере оценить уникальную информацию источников, мимо которой мы легко могли бы проскочить на пути к генерализирующим обобщениям.

Мы не смогли бы, к примеру, по достоинству оценить степень наглости и самоуверенности Колетт Ла Бюкет, не зная мы биографии ее бывшего возлюбленного, Жана Ле Мерсье, и того, насколько важной в данном случае оказалась его непосредственная близость к персоне французского короля. Мы совершенно точно упустили бы из виду вскользь упомянутые Пьером де л'Этуалем слухи о занятиях Марты Броссье проституцией, которые в результате позволили нам связать ее личную историю, начавшуюся в Роморантене, с историей ее шумного «успеха» в Париже, не располагая мы информацией о традиционном отношении к одинокой молодой женщине, бытовавшем во французском обществе Средних веков и Нового времени. И по той же самой причине мы бы сочли довольно банальными жалобы Масет де Рюи на ее не сложившуюся семейную жизнь. Мы бы восприняли как очередной исторический «анекдот» все рассказы о «предательстве» Гийома де Флави, сочиненные авторами XVI–XIX вв., если бы не понимали, как в действительности появились эти выдумки и на каких реальных событиях из жизни храброго капитана Компьеня они основывались. Мы бы не заметили абсолютно невинное, на первый взгляд, сообщение отца Ришара о бракосочетании Маргариты Ле Петур, состоявшемся якобы в стенах тюрьмы, не располагая мы сведениями об исключительной популярности обычая «свадьбы под виселицей» во Французском королевстве и его колониях.

Не повторяющаяся ни в каком ином тексте информация одного конкретного источника обретает, таким образом, совершенно особую ценность только в том случае, если мы в состоянии оценить эту ее уникальность на более общем фоне, если можем выделить ее из контекста и понять, о чем она нам говорит. Как следствие, малое количество сведений о том или ином персонаже прошлого, отчасти и превращающее его случай в казус, далеко не всегда играет историку на руку. Мы убедились в этом на примере историй Раймона Дюрана, Джона Райкнера, Колетт Ла Бюкет и отчасти Масет де Рюи. В рассказах о них нам приходилось опираться на единичные дела, происходящие из архивов Парижа и Лондона и не имеющие ни начала, ни конца: нам не удалось прочесть показаний всех действующих лиц этих уголовных расследований, мы не узнали всех подробностей существования наших героев до того, как они оказались в суде, и уж тем более нам остается лишь догадываться о том, как сложилась их судьба после. А потому те версии их историй, которые я предложила выше, являются не только фрагментарными, но и весьма условными, возможно, не учитывающими каких-то важных обстоятельств, которые навсегда канули во тьму веков.

Впрочем, когда информации о герое оказывается слишком много, историку также часто бывает не под силу представить читателям одну-единственную и при этом истинную картину событий. Наиболее наглядно, как мне кажется, это продемонстрировали рассказы из третьей части книги – истории Гийома де Флави, Марты Броссье и Маргариты Ле Петур. Об этих персонажах сохранилось огромное количество источников самого разного происхождения: к судебным регистрам добавились и воспоминания современников, и официальная переписка, и церковные документы, и хронистика, и сочинения профессиональных историков, и художественные произведения. При этом каждый автор видел в судьбах упомянутых персонажей что-то свое, а потому все эти многочисленные свидетельства явились в конечном итоге не более чем различными интерпретациями событий прошлого, среди которых отыскать правду оказалось еще сложнее, нежели в наших первых историях, опиравшихся на единичные документы.

И все же отчаиваться не стоит. Напротив, трудности, встающие на пути постижения секретов прошлого, как мне кажется, должны лишь подогревать наш интерес к героям давно минувших эпох и прежде всего – к самым обычным людям, которые любили и ненавидели, мстили друг другу, ссорились или дружили, женились и рожали детей – в общем, вели повседневную жизнь со всеми ее радостями и печалью, узнать о которых, на мой взгляд, оказывается столь же интересно и поучительно, как о событиях «большой истории»...

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ – Вестник древней истории
НЛО – Новое литературное обозрение
СВ – Средние века
AESC – Annales. Economies. Sociétés. Civilisations
ANF – Archives Nationales de France
BEC – Bibliothèque de l'Ecole des Chartes
BNF – Bibliothèque Nationale de France
CRM – Cahiers de civilisation médiévale
DOP – Dumbarton Oaks Papers
MGH – Monumenta Germaniae Historica
PL – Patrologiae cursus completus. Series latina / J.-P. Migne editus
RH – Revue historique
RHD – Revue d'histoire du droit
RHDFE – Revue historique de droit français et étranger
RR – Romanic Review

Библиография

Источники

Архивные документы:

Archives Nationales de France (Paris)

Série JJ – Registres du Trésor des chartes.

Série X – Parlement de Paris. Série X 1 – Parlement civil. X 1a – Registres civils.

Série X – Parlement de Paris. Série X 2 – Parlement criminel. X 2a – Registres criminels.

Série Y – Châtelet de Paris:

Y 5266^A – Registre des prisonniers entrés au Châtelet (14 juin 1488-31 janvier 1489).

Y 10531 – Registre criminel du Châtelet de Paris (6 septembre 1389-18 mai 1392).

Bibliothèque Nationale de France (Paris)

Ms. fr. 8064 – Recueil de différentes pièces concernant la Police (1263-1467).

Ms. lat. 9187 – Coutumes de Toulouse (1292-1297).

Ms. fr. 18453 – Pièces concernant Marthe Brossier, de Romorantin, possédée et accusée d'imposture (1596-1600).

Nouv. acq. lat. 1796 – Cronica regis Karoli, hujus nominis septimi (XV s.).

Опубликованные источники:

Абеляр П. История моих бедствий / Издание подготовили Д.А. Дрбоглав, Н.А. Сидорова, В.А. Соколов, В.С. Соколов. М., 1959.

Алан Лилльский. Плач Природы / Пер. с лат. Р.Л. Шмаракова // Шартрская школа: Гильом Коншский. Философия; Теодорих Шартрский. Трактат о шести днях творения; Бернард Сильвестр. Космография; Комментарий на первые шесть книг «Энеиды»; Астролог; Алан Лилльский. Плач Природы / Подгот. О.С. Воскобойников; пер. О.С. Воскобойников, Р.Л. Шмараков, П.В. Соколов. М., 2018. С. 229-290.

Апулей. Метаморфозы, или Золотой осел / Пер. М. Кузмина // Апулей. «Метаморфозы» и другие сочинения. М., 1988.

Брантом П. Галантные дамы / Пер. с фр. И. Волевич, Г. Зингер. М., 2007.

Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование / Общ. ред. О.В. Аутова, А.В. Мареев. М., 2012.

Вийон Ф. Полное собрание поэтических сочинений / Вступ. статья, сост., коммент. Е. Витковского. М., 1998.

Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / Пер. М.Л. Гаспарова. М., 1993.

- Геродот. История в девяти томах / Пер. Г.А. Стратановского. М., 1999.
- Гюго В. Собор Парижской Богоматери / Пер. с фр. Н. Коган. М., 1959.
- Доил А.К. Записки о Шерлоке Холмсе. Кишнев, 1957.
- Житие Авраамия Ростовского // Тихомиров М.Н. Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968.
- Избранные сказки, рассказы и повести из «Тысячи и одной ночи» / Пер. М.А. Салле. М., 1986.
- Клари Р. де. Завоевание Константинополя / Пер. М.А. Заборова. М., 1986.
- Леонидзе Г.Н. Волшебное дерево. Воспоминания детских лет. М., 1977.
- Михаил Пселл. Хронография / Пер. Я.Н. Любарского. М., 1978.
- Монтень М. Опыты. Избранные произведения в 3-х томах / Пер. с фр. А.С. Бобовича. М., 1992.
- Николай Дамасский. Собрание замечательных обычаев из сборника Стробея / Пер. под ред. Е.Б. Веселаго // ВДИ. 1960. № 4. С. 237-248.
- Плиний Старший. Естественная история. Книга VII / Пер. и комм. А.А. Павлова // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2009. Вып. 17. С. 211-242.
- Плутарх. Греческие вопросы / Пер. Н.В. Брагинской // Плутарх. Застольные беседы. Л., 1990. С. 223-241.
- Полные жизнеописания святых грузинской церкви // <http://sisauri.tripod.com/religion/russian/bidzina.htm>
- Прокопий Кесарийский. Война с вандалами / Пер. А.А. Чекаловой // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М., 1993.
- Салическая правда / Пер. Н.П. Грацианского, под ред. В.Ф. Семенова. М., 1950.
- Слово о преподобном Моисее Угрине // Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик / Изд. подг. Л.А. Ольшевская, С.Н. Травников. М., 1999. С. 48-53.
- Сугерий, аббат Сен-Дени. Жизнь Людовика VI Толстого, короля Франции (1108-1137) / Пер. с лат., вступ. статья и комм. Т. Ю. Стукаловой. М., 2006.
- Тацит Корнелий. О происхождении германцев и местоположении Германии // Тацит Корнелий. Сочинения в двух томах. Т. 1: Анналы. Малые произведения / Пер. А.С. Бобовича. Л., 1969.
- Феофан Византиец. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакta / Пер. В.И. Оболенского, Ф.А. Терновского // Феофан Византиец. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакta. Приск Панийский. Сказания. Рязань, 2005.
- Шервуд Е.А. Законы лангобардов. Обычное право древнегерманского племени. М., 1992.
- Шпренгер Я., Институторис Г. Молот ведьм / Пер. Н. Цветкова. М., 1990.
- Actes du Parlement de Paris / Ed. par M.E. Boutaric. P., 1863-1867. 2 vol.
- Actes du Parlement de Paris. 2me série: Jugés / Ed. par H. Furgeot. P., 1960.
- Alexander Halensis. Summa theologica / Ed. Collegium s. Bonaventurae. Quaracchi, 1924-1948. T. 1-4.
- D'Alexis L. [Berulle P. de.] Traicté des Energumenes, suivi d'un discours sur la possession de Marthe Brossier; contre les calomnies d'un medecin de Paris. Troyes, 1599.
- Andreas Tiraquellus De poenis. Lugduni, 1562.
- Anecdotes historiques, légendes et apologues tirés de recueil inédit d'Etienne de Bourbon / Publiés par A. Lecoy de la Marche. P., 1877.
- Aublet de Maubuy J.-Z. Les vies des femmes illustres de la France. P., 1762.

- Augustinus*. Confessionum libri tredecim // PL. T. 32. Col. 659-868.
- Augustinus*. De bono conjugalii // PL. T. 40. Col. 373-396.
- Augustinus*. De civitate Dei contra paganos // PL. T. 41. Col. 13-804.
- Augustinus*. De gratia Christi et de peccato originali contra Pelagium et Coelestium // PL. T. 44. Col. 359-410.
- Augustinus*. De natura boni contra Manichaeos // PL. T. 42. Col. 551-572.
- Augustinus*. De nuptiis et concupiscentia // PL. T. 44. Col. 413-474.
- Augustinus*. De peccatorum meritis et remissione, et de baptismo parvulorum // PL. T. 44. Col. 109-200.
- Augustinus*. Sermones ad populum // PL. T. 39. Sermo CCCLI.
- Aznar y Navarro F.* Colección de Documentos para el Estudio de la Historia de Aragón. Saragossa, 1905.
- Basin T.* Histoire de Charles VII / Ed. par Ch. Samaran. T. 1-2. P., 1964.
- Beaumanoir Ph. de.* Coutumes de Beauvaisis / Ed. par A. Salmon. 2 vol. P., 1899-1900.
- Benedicti capitularia* / Hrsg. von G.H. Pertz // MGH. Leges. Hannoverae, 1837. Bd. 2 (2). S. 17-158.
- La Bigarure ou Gazette galante, historique, littéraire, critique, morale, satirique, sérieuse et badine.* 1751. № 7.
- Bouchart A.* Grandes Chroniques de Bretagne / Texte établi par M.-L. Auger et G. Jeanneau, sous la dir. de B. Guenée. T. 1-2. P., 1986.
- Boulaese J.* Le miracle de Laon en Laonnoys. Cambray, 1566.
- Boulaese J.* L'abbregee histoire du grand miracle par nostre Sauveur et Seigneur Iesus-Christ en la sainte Hostie du Sacrement de l'Autel, fait à Laon 1566. P., 1573.
- Boulaese J.* Le manuel de l'admirable victoire du Corps de Dieu sur l'Esprit maling Beelezebub. P., 1575.
- Boulaese J.* Le tresor et entiere histoire de la triomphante victoire de corps de Dieu sur l'esprit maling Beelezebub, obtenuë à Laon l'an mil cinq cens soixante six. P., 1578.
- Bouteiller J.* Somme rural, ou Le Grand Coustumier general de pratique civil et canon / Ed. par L. Charondas Le Caron. P., 1611.
- Brantôme.* Les Dames galantes / Ed. par M. Simonin. P., 1962.
- Bruel A.* Recueil des chartes de l'abbaye de Cluny. 6 vol. P., 1903.
- Burchardus Wortatiensis.* Decretorum libri viginti // PL. T. 140. Col. 949-1058.
- Caesarii Heisterbacensis monachi ordinis cisterciensis* Dialogus Miraculorum / Textum ad quatuor codicum manuscriptorum editionisque principis fidem accurate recognovit J. Strange. Coloniae; Bonnae; Bruxellis, 1951. Bd. 1-2.
- Castellano A.* Liber sacerdotalis. Venise, 1523.
- Chartier J.* Chronique de Charles VII, roi de France / Ed. par A. Vallet de Viriville. 3 vol. P., 1858.
- Chasseneux B. de.* Commentarii in consuetudines ducatus burgundiae. Lyon, 1624.
- Choix de pièces inédites relatives au règne de Charles VI / Publ. par L. Douët d'Arcq. 2 vol. P., 1864.
- Christine de Pizan.* Le livre des trois vertus / Ed. par C.C. Willard, E. Hicks. P., 1989.
- Christine de Pizan.* Le Livre des epistres du debat sus le Rommant de la Rose / Ed. critique par A. Valentini. P., 2016.
- Christine de Pisan, Jean Gerson, Jean de Montreuil, Gontier et Pierre Col.* Le débat sur le Roman de la Rose / Ed. par E. Hicks. P., 1977.
- Chronique d'Antonio Morosini. Extraits relatifs à l'histoire de France / Ed. par G.

- Lefèvre-Pontalis, L. Dorez. 4 vol. P., 1901.
 Chronique d'Enguerran de Monstrelet en deux livres avec pièces justificatives, 1400-1444 / Publ. par L. Douët-D'Arcq. 6 vol. P., 1857-1862.
 Chronique de Mathieu d'Escouchy / Ed. par G. du Fresne de Beaucourt. 3 vol. P., 1858-1864.
 Chronique de Tournai // Corpus Chronicorum Flandriae... edidit J.-J. de Smet. Bruxelles, 1856.
 Chroniques de Perceval de Cagny / Publ. par H. Moranvillé. P., 1902.
 Compilation du manuscrit 518 d'Orléans sur la mission, les victoires et la capture de Jeanne la Pucelle // La Minute française des interrogatoires de Jeanne la Pucelle d'après le Réquisitoire de Jean d'Estivet et les manuscrits de d'Urfé et d'Orléans / Ed. par P. Doncoeur. Melun, 1952. P. 55-77.
 Confessions et jugements de criminels au Parlement de Paris (1319-1350) / Ed. par M. Langlois et Y. Lanhers. P., 1971.
 Consiliorum oecumenicorum decreta / Curantibus J. Alberigo, J.A. Dossetti, P.-P. Joannou, C. Leonardi, P. Prodi. Bologna, 1973.
 Les coutumes de l'Agenais / Ed. par H.-E. Rébouis. P., 1890.
 Les coutumes de l'Agenais / Ed. par P. Ourliac, M. Gilles. 2 vol. P., 1976-1981.
 Decretales Gregorii papae IX // Corpus juris canonici. Coloniae Munatiana, 1779. T. 2.
 Discours veritable sur le fait de Marthe Brossier de Romorantin pretendue demoniaque. P., 1599.
 The Ecclesiastical History of Ordericus Vitalis / Ed. and trans. by M. Chibnall. Oxford, 1969-1980. 6 vol.
 L'Estoile P. de. Mémoires-Journaux, 1574-1611. T. 7: Journal de Henry IV, 1595-1610. P., 1982.
 Etablissements de Saint Louis accompagnés des textes primitifs et de textes dérivés / Ed. par P. Viollet. 4 vol. P., 1881-1886.
 Les évangiles des quenouilles / Ed. critique, introd. et notes par M. Jeay. Montreal, 1985.
 Extrait d'une lettre écrite de Lyon le 20 janvier 1749 au sujet de l'exécuteur de la Haute-Justice de cette ville, lequel a été reconnu pour femme travestie, & arrêté pour cause de vol. S.l., 1749.
 Fasciculus Morum. A Fourteenth-Century Preacher's Handbook / Ed. by S. Wenzel. University Park, 1989.
 For de Béarn, législation inédite du XIème au XVème siècle / Ed. par A. Mazure. Pau;P., 1841.
 Fuero Real // Coleccion de codigos y leyes de España / Ed. por A. Aguilera y Velasco, E. Pinel. Madrid, 1865. T. 1.
 Gauvard C., Rouse M. et R., Soman A. Le Châtelet de Paris au début du XVe siècle d'après les fragments d'un registre d'écrous de 1412 // BEC. 1999. T. 157. P. 565-606.
 Gayot de Pitaval F. Causes célèbres et intéressantes, avec les jugements qui les ont décidées. P., 1739-1754.
 Gerson J. Expositio ad potestas publicas, adversus corruptionem juventutis per lascivas imagines et alia hujusmodi // Johannis Gersonii Opera omnia / Ed. par L.E. du Pin. Hagae comitum, 1728. Editio secunda. T. 3. Col. 291-292.
 Gerson J. Oeuvres complètes / Ed. par P. Glorieux. 10 vol. P., 1960-1975.
 Gilles H. Les coutumes de Toulouse (1286) et leur premier commentaire (1296). Toulouse, 1969.
 Gilles N. Les Annales et croniques de France. P., 1553.

- G.N.P. [Naudé G.] Considerations politiques sur les coups d'Etat. Rome, 1639.
- Godefroy D. Histoire de Charles VII, roy de France par Jean Chartier, sous-chantre de Saint-Denys; Jacques le Bouvier, dit Berry, roy d'armes; Matheiu de Covey et autres auteurs du temps, qui contient les choses les plus mémorables advenues depuis l'an 1422 iusques en 1461. P., 1661.
- Grafton's Chronicle or History of England to Which Is Added His Table of the Bailiffs, Sheriffs, and Mayors of the City of London (from the year 1189 to 1558 inclusive). Vol. 1-2. L., 1809.
- Grandes chroniques de France / Ed. par J. Viard. T. 8. P., 1934.
- Guillaume de Lorris et Jean de Meun. Le Roman de la Rose / Edition d'après les manuscrits BN 12786 et BN 378, traduction, présentation et notes par A. Strubel. P., 1992.
- Hall E. Chronicle Containing the History of England during the Reign of Henry IV and the Succeeding Monarchs / Ed. by H. Ellis. L., 1809.
- Hericourt C. de. L'histoire de la Sacree victoire, obtenue a Laon, contre Beelezebub par la realle presence du precieux corps de nostre Sauveur et Seigneur Jesus-Christ. L., 1569.
- The Ingenious and Diverling Letters of the Lady's Travels into Spane. L., 1708.
- Joinville J. de. Vie de Saint Louis / Ed. par J. Monfrin. P., 1995.
- Journal d'un bourgeois de Paris / Ed. par C. Beaune. P., 1990.
- The Lay of Havelok the Dane / Ed. by W.W. Skeat. Oxford, 1915.
- Le Brun de Charmettes Ph.-A. Histoire de Jeanne d'Arc, surnommée la Pucelle d'Orléans. 4 vol. P., 1817.
- Le Gendre L. Nouvelle histoire de France, depuis le commencement de la Monarchie, jusques à la mort de Loüis XIII. T. 1-8. P., 1719.
- Lenglet Dufresnoy N. Histoire de Jeanne d'Arc, vierge, héroïne et martyre d'Etat. P.;Orléans, 1753-1754.
- Lettres de l'illustrissime et reverendissime cardinal d'Ossat, évesque de Bayeux. Au roy Henry le Grand, et à monsieur de Villeroy. Depuis l'année 1594 jusques à l'année 1604. P., 1624.
- Lex Ribuaria / Hrsg. von F. Beyerle, R. Buchner // MGH. LL nat. Germ. Bd. 3 (2). Hannover, 1954.
- Le Livre des métiers d'Etienne Boileau / Publ. par R. de Lespinasse et Fr. Bonnardot. P., 1879 (Genève, 1980).
- Le Livre du Chevalier Geoffroy de La Tour Landry pour l'enseignement de ses filles / Ed. par A. de Montaiglon. P., 1854.
- Livre de justice et de plet // Publié pour la première fois d'après le manuscrit unique de la Bibliothèque Nationale par H. Klimrath et J. Rapetti. P., 1850.
- Loscertaines P. Costumbres de Lérida. Barcelona, 1946.
- Mandeville's Travels. L., 1953.
- Masuerii iuris consulti Galli Practica forensis. Francoforti ad Moenum, 1571.
- Mémoires de Jacques Duclercq / Imprimés sur les manuscrits du roi et publiés pour la première fois par Frédéric, baron de Reiffenberg. 4 vol. Bruxelles, 1823.
- Le Mesnagier de Paris / Texte édité par G.E. Brereton et J.M. Ferrier. P., 1994.
- Mezeray F.E. de. Histoire de France depuis Faramond jusqu'au règne de Louis le juste. 3 vol. P., 1685.
- Mirouer des Femmes vertueuses. 2 éd. P., 1547.
- Monstrelet E. de. La chronique en deux livres avec pièces justificatives, 1400-1440 / Ed. par L. Douët-d'Arcq. P., 1890.
- Muñoz y Romero T. Colección de fueros municipales y cartas pueblas. Madrid, 1847.

- Nicolas A. Si la torture est un moyen seur à vérifier les crimes secrets. Dissertation morale et juridique. Marseille, 1982 (¹Amsterdam, 1682).
- Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France / Ed. par M.M. Michaud at Poujoulat. P., 1837.
- Oeuvres de Georges Chastellain / Ed. par K. de Lettenhove. Bruxelles, 1863-1866. 8 vol.
- Ordonnances des roys de France de la troisième race. 22 vol. P., 1723-1849.
- Papon J. Recueil d'arrests notables des cours souveraines de France. P., 1696.
- Le pécheur et la pénitence au Moyen Âge / Textes choisis, traduits et présentés par C. Vogel. P., 1969.
- Petri Cantoris Verba abbreviatum* // PL. T. 205. Col. 2-554.
- Petri Cellensis Epistola LXXIII* // PL. T. 202. Col. 519-520.
- Petrus Damiani* an Papst Leo IX. Diesem Brief, bekannt als liber Gomorrhianus // Die Briefe der Petrus Damiani / Hrsg. von K. Reindel // MGH. Die Briefe der deutschen Kaiserzeit. Munich, 1983. Bd. 1. S. 284-330.
- Poenitentiale Bedae // Die Bussordnungen der abendländischen Kirche / Hrsg. von F.W.H. Wasserschleben. Halle, 1851. S. 220-230.
- Poenitentiale Columbani // Die Bussordnungen der abendländischen Kirche. S. 353-360.
- Quicherat J. Procès de condamnation et de réhabilitation de Jeanne d'Arc. 5 vol. P., 1841-1849.
- Recueil des lettres missives de Henry IV / Publ. par M. Berger de Xivrey. T. V (1599-1602). P., 1850.
- Reginonis Prumiensis abbatis De ecclesiasticis disciplinis et religione Christiana libri duo* // PL. T. 132. Col. 175-400.
- Registre criminel de la justice de Saint-Martin-des-Champs à Paris au XIVe siècle / Publ. par L. Tanon. P., 1877.
- Registre criminel du Châtelet de Paris du 6 septembre 1389 au 18 mai 1392 / Ed. par H. Duplès-Agier. 2 vol. P., 1861-1864.
- Richelot R. Une jeune aventurière cancalaise au XVIIIe siècle, d'après un contemporain // Bulletin et mémoires de la Société archéologique du département d'Ille-et-Vilaine. 1933. T. 59. P. 1-8.
- Rituale Romanum Pauli V. Pontificis maximis jussu editum. Mechliniae, 1854.
- Samarino F. Sacerdotale. Venise, 1579.
- Stehling T. Medieval Latin Poems of Male Love and Friendship. N.Y.;L., 1984.
- Stow J. A Survey of the Cities of London and Westminster. L., 1720.
- Tanon L. Histoire des justices des anciennes églises et communautés monastiques de Paris suivie des Registres inédits de Saint-Maur-des-Fossés, Sainte-Geneviève, Saint-Germain-des-Prés, et du Registre de Saint-Martin-des-Champs. P., 1883.
- Thevet A. Les vrais pourtraits et vies des hommes illustres. P., 1584.
- Thomae de Chobham Summa confessorum* / Ed. by F. Broomfield // *Analecta Mediaevalia Namurcensia*. T. 25. Louvain;P., 1968.
- Thou J.-A. Histoire de Marthe Brossier pretendue possedee. Rouen, 1652.
- The Travels of Ibn Jubayr / Trans. R.J.C. Broadhurst. L., 1952.
- A True Discourse upon the Matter of Martha Brossier of Romorantin, Pretended to be Possessed by a Divell / Transl. by A. Hartwell. L., 1599.
- Visio Thurkilli / Hrsg. von P.G. Schmidt. Weinheim, 1987.
- Wier J. Histoires, disputes et discours, des illusions et impostures des diables, des magiciens infames, sorcieres etempoisonneurs. P., 1579.
- Winstanly W. Histories and Observations Domestick and Foreign, or a Miscellany of Historical Rarities. L., 1683.

Словари и справочная литература

- Бартошек М.* Римское право. Понятия, термины, определения / Пер. Ю.В. Преснякова. М., 1989.
- Actes du Parlement de Paris. Parlement criminel. Règne de Philippe VI le Valois. Inventaire analytique des registres X 2a 2 à 5 / Ed. par B. Labat-Poussin, M. Langlois, Y. Lanhers. P., 1987.*
- Contamine Ph., Bouzy O., Hélyary X.* Jeanne d'Arc. Histoire et dictionnaire. P., 2012.
- Dictionnaire des lettres françaises. Le Moyen Âge / Sous la dir. de G. Hasenohr, M. Zink. P., 1992.*
- Du Cange C.* Glossarium mediae et infimae Latinitatis. Graz, 1954. Bd. 1-10.
- Favier J.* Dictionnaire de la France médiévale. P., 1993.
- Greimas A.-J.* Dictionnaire de l'ancien français jusqu'au milieu du XIVe siècle. P., 1988.
- Lanéry d'Arc P.* Livre d'or de Jeanne d'Arc. Bibliographie raisonnée et analitique des ouvrages relatifs à Jeanne d'Arc. P., 1894.
- Wagner J.A.* Encyclopedia of the Hundred Years War. Westport;L., 2006.

Исследования

- Алпатов С.В.* Мотив виселица-свадьба в контексте научной методологии П.Г. Богатырева и О.М. Фрейденберг // Функционально-структуральный метод П.Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора. Сборник статей и материалов. М., 2015. С. 70-77.
- Алпатов С.В.* «Виселица или свадьба». От казуса обычного права к фольклорному топосу // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. Т. 69 (3). С. 8-10.
- Ауров О.В.* "Alço la mano, a la barba se tomo": Из истории испанской средневековой правовой символики // Кентавр / Centaurus. Studia classica et medievalia. Вып. 1. М., 2004. С. 125-160.
- Барбер М.* Процесс тамплиеров / Пер. с англ. И.А. Тогоевой. М., 1998.
- Барт Р.* Эффект реальности / Пер. С.Н. Зенкина // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 392-400.
- Басовская Н.И.* Столетняя война: леопард против лилии. М., 2001.
- Бессмертный Ю.Л.* Жизнь и смерть в Средние века. Очерки демографической истории Франции. М., 1991.
- Бессмертный Ю.Л.* Что за «Казус»? // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 1996 / Под ред. Ю.Л. Бессмертного и М.А. Бойцова. Вып. 1. М., 1997. С. 7-24.
- Бессмертный Ю.Л.* Частная жизнь: стереотипное и индивидуальное. В поисках новых решений // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М., 1996. С. 11-19.
- Бессмертный Ю.Л.* Проблема // Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М., 2000. С. 7-15.
- Бессмертный Ю.Л.* Метод // Там же. С. 16-26.
- Бойцов М.А.* Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009.

- Бурба Д. Накинуть платок и выйти замуж: Дело из Вильнюса 1769 г. // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 2014-2016 / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. Вып. 11. М., 2016. С. 270-284.
- Варьяш И.И. Сексуальные связи сарацинок с христианами в землях Арагонской Короны: норма и практика // ЭНОЖ «История». 2017. Вып. 6 (60): Европейское право эпохи Средневековья и Нового времени: между нормой и практикой / Под ред. О.И. Тогоевой и Г.А. Поповой: <https://history.jes.su/s207987840001903-2-1>
- Венедиктова Т.Д. «Железнодорожное чтение» как фактор литературной истории // Вопросы литературы. 2012. № 1. С. 191-200.
- Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима / Пер. В.К. Ронина. М., 1988.
- Габдрахманов П.Ш. Средневековые крестьяне и их семьи. Демографическое исследование французской деревни в VIII-XI вв. М., 1996.
- Говар К. Прославившие ведьмами: четыре женщины, осужденные прево Парижа в 1390-1391 годы / Пер. с фр. И.А. Тогоевой // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 2000 / Под ред. Ю.Л. Бессмертного и М.А. Бойцова. М., 2000. С. 221-236.
- Грабарь-Пассек М.Е. Апулей // Апулей. Апология. Метаморфозы. Флориды. М., 1993. С. 357-372.
- Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Exempla XIII века). М., 1989.
- Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М., 2005.
- Данилевский И.Н. Историческая реконструкция: между текстом и реальностью // Человек читающий: между реальностью и текстом источника / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. М., 2011. С. 5-22.
- Даркевич В.П. Народная культура Средневековья. М., 1988.
- Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология / Пер. А.З. Алмазовой. М., 1977.
- Ельницкий Л.А. Византийский праздник брумалий и римские сатурналии // Античность и Византия. М., 1975. С. 340-350.
- Зеленина Г.С. Огненный враг марранов. Жизнь и смерть под надзором инквизиции. М.;СПб., 2018.
- Иванов С.А. Блаженные похабы. Культурная история юродства. М., 2005.
- Игина Ю.Ф. Ведовство и ведьмы в Англии. Антропология зла. СПб., 2009.
- Коллар Ф. История отравлений. Власть и яды от Античности до наших дней / Пер. Е. Лебедевой. М., 2010.
- Колязин В.Ф. От мистерии к карнавалу. Театральность немецкой религиозной и площадной сцены раннего и позднего Средневековья. М., 2002.
- Кофанов Л.Л. Римское право в Испании до VI века // Вестготская правда (Книга приговоров). С. 19-31.
- Кохан О.В. Коммуникативные стереотипы в повседневных практиках (на материале немецкой и русской культур). Диссертация кандидата культурологии. Комсомольск-на-Амуре, 2012 (на правах рукописи).
- Крылова Ю.П. Автор и общество в позднесредневековой Франции. «Книга поучений дочерям» Жоффруа де Ла Тура Ландри. М., 2014.
- Левинсон К.А. Палач в средневековом германском городе: чиновник, ремесленник, знахарь // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 3: Человек внутри городских стен. Формы общественных связей. М., 1999. С. 223-231.

- Левицкий О. Обычай помилования преступника, избранного девушкой в мужа (Страничка из истории обычного права в Малороссии) // Киевская старина. 1905. Т. 88. С. 89-97.
- Лотман Ю.М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Лотман Ю.М. О русской литературе. Статьи и исследования (1958-1993). СПб., 1997. С. 712-727.
- Лотман Ю.М. Каноническое искусство как информационный парадокс // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб., 2002. С. 314-321.
- Лотман Ю.М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 233-254.
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Изгой» и «изгойничество» как социально-психологическая позиция в русской культуре преимущественно допетровского периода («свое» и «чужое» в истории русской культуры) // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. С. 222-232.
- Марей А.В. Уголовное и гражданское право в «Вестготской правде» («Книге приговоров») // Вестготская правда (Книга приговоров). С. 134-151.
- Мелетинский Е.М. Историческая поэтика новеллы. М., 1990.
- Мелетинский Е.М. О происхождении литературно-мифологических сюжетных архетипов // Arbor Mundi/Мировое древо. 1993. Вып. 2. С. 9-62.
- Мелетинский Е.М. От мифа к литературе. М., 2001.
- Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С., Сегал Д.М. Проблемы структурного описания волшебной сказки // Структура волшебной сказки. М., 2001. С. 11-121.
- Михайлин В.Ю. Тропа звериных слов. Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. М., 2005.
- Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М., 1976.
- Михайлов А.Д. Вопросы типологии европейской новеллы XV века // Пятнадцатый век в европейском литературном развитии / Отв. ред. А.Д. Михайлов. М., 2001. С. 112-132.
- Неклюдова М.С. «Лживые одежды»: концептуализация травести во французской культуре XVII в. // Теория моды: одежда, тело, культура. 2017. Вып. 2. С. 235-255.
- Панфилов Ф.М. Рец. на кн.: Гильом де Лоррис, Жан де Мен. Роман о Розе / Пер. Н.В. Забабуровой, Д.Н. Вальяно. Ростов-на-Дону, 2001; Гийом де Лоррис, Жан де Мён. Роман о Розе / Пер. и комм. И.Б. Смирновой. М., 2007 // СВ. 2011. Вып. 72 (1-2). С. 430-434.
- Пастуро М. Символическая история европейского Средневековья / Пер. Е. Решетниковой. СПб., 2012.
- Перну Р, Клэн М.-В. Жанна д'Арк / Пер. Т.Б. Пошерстник, О.Е. Ивановой. М., 1992.
- Полякова С.В. «Метаморфозы» или «Золотой осел» Апулея. М., 1988.
- Пропт В.Я. Морфология волшебной сказки. М., 2003.
- Рассказы из истории Средних веков // <http://srednevekovje.ru/zhanna5.htm>
- Реутин М.Ю. Народная культура Германии. М., 1996.
- Ромм Ф. Жанна д'Арк. Загадки Орлеанской Девы // http://www.k2x2.info/istorija/zhanna_d_ark_zagadki_orleanskoi_devy/index.php
- Селунская Н.А. Жить и ворожить в Венеции. Быт или не быт? // Повседневные практики Средневековья и Нового времени. От информации уникальной к информации верифицируемой / Отв. ред. О.И. Тогоева. М., 2015. С. 71-91.

- Серегина А.Ю. Гендерные и конфессиональные аспекты английской демонологии XVI-XVII вв.: ланкастерские ведьмы (1612 г.) // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2010. Вып. 18. С. 84-101.
- Серегина А.Ю. Одержимость и гендерные репрезентации в английской религиозной полемике конца XVI в. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2014. Вып. 22. С. 168-182.
- Сидоров А.И. Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. СПб., 2006.
- Строев А.Ф. «Те, кто поправляет Фортуны». Авантюристы Просвещения. М., 1998.
- Тогоева О.И. "Estre ydiot": категория «сумасшедший» во французском средневековом праве и способы ее описания // Власть, право, религия: взаимосвязь светского и сакрального в средневековом мире. М., 2003. С. 206-228.
- Тогоева О.И. «Истинная правда». Языки средневекового правосудия. М., 2006.
- Тогоева О.И. Униженные и оскорбленные. Мужская честь и мужское достоинство в средневековом суде // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 2006 / Под ред. М.А. Бойцова и И.Н. Данилевского. Вып. 8. М., 2007. С. 71-101.
- Тогоева О.И. «Мертвец возвращается к свету...». Религиозные метафоры средневекового правосознания // Одиссей. Человек в истории – 2007. М., 2007. С. 111-126.
- Тогоева О.И. Воспоминания о власти. Реймс 1431 г. // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси в Средние века и Новое время / Под ред. М.А. Бойцова и О.Г. Эксле. М., 2008. С. 307-325.
- Тогоева О.И. Тексты и их создатели // НЛО. 2009. № 97. С. 428-433.
- Тогоева О.И. *Virgo/Virago*: Женщина у власти на средневековом Западе // Власть и образ. Очерки потестарной имагологии / Отв. ред. М.А. Бойцов и Ф.Б. Успенский. М., 2010. С. 256-274.
- Тогоева О.И. Каким не должен быть судья: Огюстен Николя и его трактат о недопустимости пыток (1682 г.) // Право в средневековом мире. М., 2010. С. 255-270.
- Тогоева О.И. Рыжий левша: Тема предательства Иуды в средневековом правовом дискурсе // Одиссей. Человек в истории – 2012. М., 2012. С. 98-112.
- Тогоева О.И. «Мужская» и «женская» одержимость в сочинениях французских демологов XVI-XVII вв. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2014. Вып. 22. С. 183-205.
- Тогоева О.И. Узнать врага в лицо. Иерархия ведьм и колдунов в «Демономании» Жана Бодена // In Umbra: Демонология как семиотическая система / Отв. ред. и сост. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. Вып. 3. М., 2014. С. 17-40.
- Тогоева О.И. Когда преступник – свинья. «Дурные обычаи» и неписанные правила средневекового правосудия // Многоликая софистика: нелегитимная аргументация в интеллектуальной культуре Европы Средних веков и раннего Нового времени / Отв. ред. П.В. Соколов. М., 2015. С. 403-436.
- Тогоева О.И. История права и история повседневности: точки пересечения // Одиссей. Человек в истории – 2014. М., 2015. С. 355-365.
- Тогоева О.И. «Портрет» Жанны д'Арк на полях журнала Клемана де Фокамберга // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 2010-2013 / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. Вып. 10. М., 2015. С. 73-94.
- Тогоева О.И. Еретичка, ставшая святой. Две жизни Жанны д'Арк. М.;СПб., 2016.
- Тогоева О.И. «Мне день и ночь покоя не дает мой черный человек...»: Демоны одержимых во Франции XVI века // In Umbra: Демонология как семиотическая си-

- стема / Отв. ред. и сост. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. Вып. 5. М., 2016. С. 239-258.
- Тогоева О.И. История одного рукопожатия: От домыслов средневековых хронистов к вымыслам современных историков // Диалог со временем. 2016. Вып. 56. С. 194-209.
- Тогоева О.И. Филология на службе у истории, или Феминизм «нулевого уровня». Рец. на: *Christine de Pizan. Le Livre des epistres du debat sus le Rommant de la Rose* / Ed. critique par A. Valentini. P., 2016 // СВ. 2017. Вып. 78. № 4. С. 201-209.
- Тогоева О.И. «Прения, преисполненные любезности». Кристина Пизанская и ее оппоненты-мужчины в споре о «Романе о Розе» // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2017. Вып. 25. С. 50-71.
- Тогоева О.И. Правдивая ложь, или Как ведьме обмануть короля // Стратегии обмана в обществах Средних веков и Нового времени / Под ред. О.И. Тогоевой и О.Е. Кошелевой. М., 2017. С. 187-201.
- Тогоева О.И. Между текстом и миниатюрой: наказание фальшивомонетчиков в «Кутюмах Тулузы» (BNF. Ms. lat. 9187) // ЭНОЖ «История». 2017. Вып. 6 (60): Европейское право эпохи Средневековья и Нового времени: между нормой и практикой / Под ред. О.И. Тогоевой и Г.А. Поповой: <http://history.jes.su/s207987840001890-8-1>
- Тогоева О.И. *Liberatus a suspendio*: судебная практика vs. литературный сюжет // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 2017 / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. Вып. 12. М., 2017. С. 169-184.
- Тогоева О.И. Служанка, ее хозяин и его серебряные ложечки: к проблеме доверия и предательства в средневековой Франции // ЭНОЖ «История». 2018. Вып. 10: Обман и доверие в повседневной жизни обществ эпохи Средневековья и Нового времени / Под ред. О.И. Тогоевой и О.Е. Кошелевой (в печати).
- Тогоева О.И., Данилевский И.Н. *Ad fontes*. О проекте «Средневековые письменные источники как историко-художественные тексты: создатели – читатели» // ЭНОЖ «История». 2013. Вып. 6 (22): Событие-образ-реконструкция. Историко-художественные тексты как основа исторической реконструкции / Под ред. О.И. Тогоевой, И.Н. Данилевского: <http://www.history.jes.su/s207987840000608-7-1>.
- Тогоева О.И., Попова Г.А. О дихотомии понятий «норма» и «практика» в средневековом праве // ЭНОЖ «История». 2017. Вып. 6 (60): Европейское право эпохи Средневековья и Нового времени: между нормой и практикой / Под ред. О.И. Тогоевой и Г.А. Поповой: <http://history.jes.su/s207987840001918-8-1>
- Топоров В.Н. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Топоров В.Н. Исследования по структуре текста. М., 1987. С. 121-132.
- Тушина Г.М. Демографические аспекты социальной истории Прованса XII-XIV вв. // Женщина, брак, семья до начала Нового времени. Демографические и социокультурные аспекты / Отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. М., 1993. С. 83-88.
- Уваров П.Ю. Между «ежами» и «лисами». Заметки об историках. М., 2015.
- Франк-Каменецкий И.Г. Женщина-город в библейской эсхатологии // Франк-Каменецкий И.Г. Колесница Иеговы. М., 2004. С. 224-236.
- Фрейденберг О.М. Везд в Иерусалим на осле (из евангельской мифологии) // Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М., 1998. С. 623-665.
- Цатурова С.К. Офицеры власти. Парижский Парламент в первой трети XV в. М., 2002.
- Цатурова С.К. Танги дю Шатель и успешный заговор чиновников (рыцарь на службе короне Франции) // Человек XV столетия: грани идентичности / Под ред. А.А. Сванидзе, В.А. Ведюшкина. М., 2007. С. 159-180.

- Цатурова С.К. Формирование института государственной службы во Франции XIII-XV веков. М., 2012.
- Чумичева О.В. Иконические перформансы Ивана Грозного: трансформация идеи царской власти // Пространственные иконы. Перформативное в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2011. С. 508-532.
- Шкловский В.Б. Строение рассказа и романа // Шкловский В.Б. О теории прозы. М., 1929. С. 68-90.
- Юрганов А.Л. Убить беса. Путь от Средневековья к Новому времени. М., 2006.
- Якобсон Р.О. О художественном реализме // Якобсон Р.О. Работы по поэтике / Сост. и общ. ред. М.Л. Гаспарова. М., 1987. С. 387-393.
- Ямпольский М. Физиология символического. Книга I: Возвращение Левиафана. Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого порядка. М., 2004.
- Agrimi J., Crisciani C. Savoir médical et anthropologie religieuse. Les représentations et les fonction de la *vetula* (XIIIe-XVe siècles) // AESC. 1993. № 5. P. 1281-1308.
- Aird W.M. Frustrated Masculinity: The Relationship between William the Conqueror and his Eldest Son // Masculinity in Medieval Europe / Ed. by D.M. Hadley. L.;N.Y., 1999. P. 33-55.
- Alexandre-Bidon D., Lett D. Les enfants au Moyen Âge, V^e-XVe siècles. P., 1997.
- Allen D.S. World of Prometheus: the Politics of Punishing in Democratic Athens. Princeton, 2002.
- Angot A. Tiphaine Arnoul, aïeule d'Ambroise de Loré // La Province du Maine. 1894. P. 168-174.
- Anson J. The Female Transvestism in Early Monasticism: the Origin and Development of a Motif // Viator. 1974. T. 5. P. 1-32.
- Ardouin-Weiss I. Les Exécuteurs des sentences criminelles en Touraine, 1636-1853. La Membrolle, 1983.
- Aubenas R. Cours d'histoire du droit privé. Aix-en-Provence, 1958.
- Autrand F. Offices et officiers royaux en France sous Charles VI // RH. 1969. T. 242 (2). P. 285-338.
- Autrand F. Charles VI: La folie du roi. P., 1986.
- Avril N. Monsieur de Lyon. P., 2007.
- Badel P.-Y. Le Roman de la Rose au XIVe siècle. Etude de la réception de l'oeuvre. Genève, 1980.
- Baker J.A. Complete History of Inquisition. Westminster, 1736.
- Baird J.L. Pierre Col and the Querelle de la Rose // Philological Quarterly. 1981. Vol. 60. № 3. P. 273-286.
- Baldwin J.W. Masters, Princes and Merchants: The Social Views of Peter the Chanter and His Circle. Princeton, 1970.
- Baldwin J.W. The Language of Sex. Fives Voices from Northern France around 1200. Chicago, 1994.
- Baschet J. Les justices de l'au-delà. Les représentations de l'enfer en France et en Italie (XIIe-XVe siècles). Rome, 1993.
- Bataille G. Procès de Gilles de Rais. P., 1972.
- Bâtards et bâtardises dans l'Europe médiévale et moderne / Ed. par C. Avignon. Rennes, 2016.
- Beattie C. Gender and Femininity in Medieval England // Writing Medieval History / Ed. by N.L. Partner. L., 2005. P. 153-170.

- Beaune C. Jeanne d'Arc. Vérités et légendes. P., 2008.
- Bériou N. La confession dans les écrits théologiques et pastoraux du XIIIe siècle: Médication de l'âme ou démarche judiciaire? // L'Aveu. Antiquité et Moyen Âge / Actes de la table-ronde de l'Ecole française de Rome. Rome, 1986. P. 261-282.
- Berkowitz E. Sex and Punishment. Four Thousand Years of Judging Desire. Berkley, 2012.
- Berlioz J. Crapauds et cadavres dans la littérature exemplaire (XIIe-XIVe siècles) // Micrologus. 1999. T. 7: Il cadavere. P. 231-246.
- Berriat-Saint-Prix J. Rapport et recherches sur les procès et jugements relatifs aux animaux // Mémoires et dissertations sur les antiquités nationales et étrangères. P., 1829. T. 8. P. 403-450.
- Bloch R.H. Medieval Misogyny // Representations. 1987. № 20. P. 1-24.
- Blumenfeld-Kosinski R. Christine de Pizan and the Misogynistic Tradition // RR. 1990. T. 81. P. 279-292.
- Blumenfeld-Kosinski R. Jean Gerson and the Debate on the Romance of the Rose // A Companion to Jean Gerson / Ed. by B.P. McGuire. Leiden, 2006. P. 317-356.
- Boiteux M. Deraison et deviance: à propos de quelques coutumes romaines // Le Charivari. P. 237-249.
- Boone M. State Power and Illicit Sexuality: the Persecution of Sodomy in Late Medieval-Bruges // Journal of Medieval History. 1996. T. 22. P. 135-153.
- Boudet J.-P. La genèse médiévale de la chasse aux sorcières. Jalons en vue d'une relecture // Le mal et le Diable. Leurs figures à la fin du Moyen Âge / Sous la dir. de N. Nabert. P., 1996. P. 35-52.
- Boureau A. La papesse Jeanne. Formes et fonctions d'une légende au Moyen Âge // Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1984. T. 3. P. 446-464.
- Boureau A. La papesse Jeanne. P., 1988.
- Bowie A.M. Aristophanes: Myth, Ritual, and Comedy. Cambridge, 1993.
- Boyd D.L. Disrupting the Norm: Sodomy, Culture and the Male Body in Peter Damian's *Liber Gomorrhianus* // Essays in Medieval Studies / Ed. by A.J. Frantzen and D.J. Robertson. Vol. 11. Chicago, 1994. P. 63-74.
- Boyd D.L., Karras R.M. The Interrogation of a Male Transvestite Prostitute in Fourteenth-Century London // GLQ: A Journal of Lesbian and Gay Studies. 1995. Vol. 1. P. 459-465.
- Brandt de Galametz (M. le comte de). Les fiancées volontaires et l'asile dans le mariage // Bulletin de la Société d'émulation d'Abbeville. 1904. P. 188-199.
- Braun P. La sorcellerie dans les lettres de rémission du Trésor des chartes // Actes de 102e Congrès national des sociétés savantes, Limoges, 1977. Section de philologie et d'histoire jusqu'à 1610. P., 1979. T. II. P. 257-278.
- Braun P. Le valeur documentaire des lettres de rémission // La faute, la répression et le pardon. Actes du 107e congrès national des sociétés savantes, Brest, 1982. Section de philologie et d'histoire jusqu'à 1610. P., 1984. T. 1. P. 207-221.
- Brown-Grant R. Christine de Pizan and the moral defence of women. Reading beyond gender. Cambridge, 1999.
- Brundage J.A. Prostitution in the Medieval Canon Law // Signs. 1976. Vol. 1 (4). P. 825-845.
- Brundage J.A. Adultery and Fornication: A Study in Legal Theology // Sexual Practices and the Medieval Church / Ed. by V.L. Bullough, J.A. Brundage. N.Y., 1982. P. 129-134.

- Brundage J.A.* Law, Sex and Christian Society in Medieval Europe. Chicago, 1987.
- Bullough V.L.* Sex Education in Medieval Christianity // *The Journal of Sex Research*. 1977. Vol. 13. № 3. P. 185-196.
- Burgwinkle W.E.* Sodomy, Masculinity, and Law in Medieval Literature. France and England, 1050-1230. Cambridge, 2004.
- Burshatin I.* Elena alias Eleno: Genders, Sexualities, and Race in the Mirror of Natural History in Sixteenth Century Spain // *Gender Reversals and Gender Cultures: Anthropological and Historical Perspectives* / Ed. by S.P. Ramet. L.;N.Y., 1996. P. 105-122.
- Burshatin I.* Written on the Body: Slave or Hermaphrodite in 16th Century Spain // *Queer Iberia: Sexualities, Cultures, and Crossings from the Middle Ages to the Renaissance* / Ed. by J. Blackmore and G. Hutcheson. Durham;L., 1999. P. 420-456.
- Cailluyer J.* Une azouade manquée à Sabres en 1866 // *Bulletin de la société de Borda*. 1973. № 97. P. 197-206.
- Carbasse J.-M.* "Currant nudi". La répression de l'adultère dans le Midi médiéval (XIIe-XVe siècles) // *Droit, histoire et sexualité*. P. 83-102.
- Carbasse J.-M.* La condition de la femme mariée en Languedoc (XIIIe-XIVe siècles) // *La femme dans la vie religieuse du Languedoc (XIIIe-XIVe siècles)*. Toulouse, 1988. P. 99-112.
- Carden M.* Sodomy: A History of a Christian Biblical Myth. L.;N.Y., 2014.
- Chamouton Ch.* Histoires vraies en Bretagne. Villeveyrac, 2012.
- Champion P.* Guillaume de Flavy, capitaine de Compiègne. Contribution à l'histoire de Jeanne d'Arc et à l'étude de la vie militaire et privée au XVe siècle. P., 1906 (repr.: Genève, 1975).
- Le Charivari. Actes de la table ronde organisée à Paris (25-27 avril 1977) par EHESS et CNRS / Publiés par J. Le Goff et J.-C. Schmitt. P., 1981.
- Charles G.* Brave l'Angevin. La véritable histoire de Renée Bordereau, cavalier de l'Armée catholique et royale de 1793. P., 1976.
- Chartier R.* La pendue miraculeusement sauvée. Etude d'un occasionnel // *Les usages de l'imprimé (XVe-XIXe siècle)* / Sous la dir. de R. Chartier. P., 1987. P. 83-127.
- Chiffolleau J.* Les justices du pape. Délinquance et criminalité dans la région d'Avignon au XIVe siècle. P., 1984.
- Chomarar M.* Quand le bourreau de Lyon était une femme // *Bulletin municipal officiel de Lyon*. 14 juillet 2002.
- Christoph S.* Honor, Shame and Gender // *Masculin/Féminin dans le roman arthurien médiéval. Actes choisis du XVIIe Congrès International Arthurien* / Ed. par F. Wolfzettel. Amsterdam;Atlanta, 1995. P. 26-33.
- The Clothes that Wear Us: Essays on Dressing and Transgressing in Eighteenth-Century Culture* / Ed. by J. Munns, P. Richards. L., 1999.
- Cohen D.* Law, Society, and Homosexuality in Classical Athens // *Past and Present*. 1987. № 117. P. 3-21.
- Colin-Goguel F.* L'image de l'amour charnel au Moyen Âge. P., 2008.
- Combes A.* Jean de Montreuil et le chancelier Gerson: contribution à l'histoire des rapports de l'humanisme et de la théologie en France au début du XVe siècle. P., 1942.
- Courtemanche A.* La rumeur de Manosque. Femmes et honneur au XIVe siècle // *Normes et pouvoirs à la fin du Moyen Âge* / Sous la dir. De M.-C. Déprez-Masson. Montréal, 1989. P. 127-142.
- Courtemanche A.* Morale sexuelle des clercs et des laïcs à Fréjus au XIVe siècle // *Revue de l'histoire des religions*. 1992. T. 209 (4). P. 349-380.

- Coville A. Gontier et Pierre Col et l'humanisme en France au temps de Charles VI. P., 1934.
- Cullen C.M. Alexander of Hales // A Companion to Philosophy in the Middle Ages / Ed. by J.J.E. Gracia and T.B. Noone. Oxford, 2002. P. 104-108.
- Davis N.Z. Fiction in the Archives. Pardon Tales and their Tellers in the Sixteenth-Century France. Stanford, 1987.
- Davis N.Z. Pour sauver sa vie. Les récits de pardon au XVIe siècle. P., 1988.
- Dean T. Marriage and Mutilation: Vendetta in Late Medieval Italy // Past and Present. 1997. № 157. P. 3-36.
- Delarue J. Histoire des bourreaux en France. Le métier de bourreau du Moyen Âge à aujourd'hui. P., 1979.
- Delcourt M. Le complexe de Diane dans l'hagiographie chrétienne // Revue de l'histoire des religions. 1958. T. 153. P. 1-33.
- Desmond M. The Querelle de la Rose and the Ethics of Reading // Christine de Pizan: a Casebook / Ed. by B.K. Altmann, D.L. McGrady. N.Y., 2003. P. 167-180.
- Desplat C. Charivaris en Gascogne. La "morale des peuples" du XVIe au XXe siècle. P., 2007.
- Deswarte T. Une sexualité sans amour? Sexualité et parenté dans l'Occident médiéval // CRM. 2005. № 190. P. 141-164.
- Détienne M. Les jardins d'Adonis. La mythologie des aromates en Grèce. P., 1972.
- Dinshaw C. Getting Medieval. Sexualities and Communities, Pre- and Postmodern. Durham, 1999.
- Dover K.J. Classical Greek Attitudes to Sexual Behavior // Arethusa. 1973. Vol. 6. № 1. P. 59-73.
- Dover K.J. Greek Homosexuality. L., 1978.
- Droit, histoire et sexualité / Textes réunis et présentés par J. Poumarede et J.-P. Royer. Lille, 1987.
- Dubois-Desaulle L. Etude sur la bestialité du point de vue historique, médical et juridique. P., 1905.
- Du Fresne de Beaucourt G. Histoire de Charles VII. P., 1882.
- Dunbabin J. Treason, sodomy, and the fate of Adenolfo IV, count of Acerra // Journal of Medieval History. 2008. T. 34. P. 417-432.
- Dunbabin J. The French in the Kingdom of Sicily, 1266-1305. Cambridge, 2011.
- Duparc P. Les origines de la grâce dans le droit pénal romain et français du Bas-Empire à la Renaissance. P., 1970.
- Duqueroix F. Marthe Brossier de Romorantin dans le théâtre espagnole du XVIIIe siècle. P., 1956.
- Edgerton S.J. Pictures and Punishment. Art and Criminal Prosecution during the Florentine Renaissance. Ithaca;L., 1985.
- Elliott D. Pollution, Illusion, and Masculine Disarray // Constructing Medieval Sexuality / Ed. by K. Lochrie, P. McCracken, J.A. Schultz. Minneapolis;L., 1997. P. 1-23.
- Evans G.R. Thomas of Chobham on Preaching and Exegesis // Recherches de théologie ancienne et médiévale. 1985. T. 52. P. 159-170.
- Fabre D., Traimond B. Le charivari gascon contemporain: un enjeu politique // Le Charivari. P. 23-34.
- Favier J. Paris au XVe siècle, 1380-1500. P., 1974.
- Ferber S. The Demonic Possession of Marthe Brossier, France, 1598-1600 // No Gods Except Me: Orthodoxy and Religious Practice in Europe, 1200-1600 / Ed. by Ch. Zica. Melbourne, 1991. P. 59-83.

- Ferber S. *Demonic Possession in Early Modern France*. L., 2004.
- Flandrin J.-L. *Familles. Parenté, maison, sexualité dans l'ancienne société*. P., 1976.
- Fleming J.V. *The Roman de la Rose: a Study in Allegory and Iconography*. Princeton, 1969.
- Friedland P. *Seeing Justice Done. The Age of Spectacular Capital Punishment in France*. Oxford, 2012.
- Gaiffier B. de. Un thème hagiographique: le pendu miraculeusement sauvé // *Revue belge d'archéologie et d'histoire de l'art*. 1943. T. 13. P. 123-148.
- Gagliardi I. Giovanni Colombini e la "brigata de povari". Padri spirituali e figlie devote a Siena alla fine del Trecento // *Annali dell'Istituto storico italo-germanico in Trento*. 1998. T. 24. P. 375-414.
- Gaignebet C. *Le carnaval. Essai de mythologie populaire*. P., 1974.
- Gauchet M. *L'Etat au miroir de la raison d'Etat: la France et la chrétienté // Raison et déraison d'Etat. Théoriciens et thories de la raison d'Etat aux XVIe et XVIIe siècles / Ed. par Y.-C. Zarka*. P., 1994. P. 193-244.
- Gauvard C. *L'image du roi justicier en France à la fin du Moyen Âge d'après les lettres de rémission // La faute, la répression et le pardon. Actes du 107e congrès national des sociétés savantes, Brest, 1982. Section de philologie et d'histoire jusqu'à 1610*. P., 1984. T. 1. P. 165-192.
- Gauvard C. *Paroles de femmes: le témoignage de la grande criminalité en France pendant le règne de Charles VI // La femme au Moyen Âge / Sous la dir. de M. Ruche*. Maubeuge, 1990. P. 327-340.
- Gauvard C. "De grace especial". *Crime, Etat et société en France à la fin du Moyen Âge*. P., 1991.
- Gauvard C. *Rumeurs et stéréotypes à la fin du Moyen Âge // La circulation des nouvelles au Moyen Âge*. P., 1994. P. 157-177.
- Gauvard C. *La justice pénale du roi de France à la fin du Moyen Âge // Le pénal dans tous ses états. Justice, Etats et sociétés en Europe (XIIe-XXe siècles) / Sous le dir. de X. Rousseaux et R. Levy*. Bruxelles, 1997. P. 81-112.
- Gauvard C. *Renommée d'être sorcières: quatre femmes devant le prévôt de Paris en 1390-1391 // Milieux naturels, espaces sociaux: Etudes offertes à Robert Delort*. P., 1997. P. 703-716.
- Gauvard C. *Paris, le Parlement et la sorcellerie au milieu du XVe siècle // Finances, pouvoirs et mémoire. Mélanges offerts à Jean Favier / Textes réunis sous la dir. de J. Kervhervé et A. Rigaudière*. P., 1999. Vol. 1. P. 85-111.
- Gauvard C. *Les juges jugent-ils? Les peines prononcées par le Parlement de Paris, vers 1380-vers 1435 // Penser le pouvoir au Moyen Âge (VIIIe-XVe siècles) / Textes réunis par D. Boutet et J. Verger*. P., 2000. P. 69-87.
- Gauvard C. *Rumeur et gens de guerre dans le royaume de France au milieu du XVe siècle // Hypothèses – 2000*. P., 2001. P. 281-292.
- Gauvard C. *Honneur de femme et femme d'honneur en France à la fin du Moyen Âge // Francia. Forschungen zur Westeuropäischen Geschichte*. 2001. T. 28. № 1. P. 159-191.
- Gauvard C. *La violence des nobles // Gauvard C. Violence et ordre public au Moyen Âge*. P., 2005. P. 245-264.
- Geremek B. *Les marginaux parisiens aux XIVe et XVe siècles*. P., 1991.
- Giry A. *Les établissements de Rouen. Etudes sur l'histoire des institutions municipales de Rouen, Falaise, Pont-Audemer, Verneuil, La Rochelle, Saintes, Oleron, Bayonne, Tours, Niort, Cognac, Saint-Jean d'Angély, Angoulême, Poitiers*. P., 1883.

- Goldberg P.J.P. Women in Fifteenth-Century Town Life // Towns and Townpeople in the Fifteenth Century / Ed. by J.A.F. Thompson. Gloucester, 1988. P. 107-128.
- Gonthier N. Cris de haine et rites d'unité. La violence dans les villes, XIIIe-XVIe siècle. Montrouge, 1992.
- Goodich M. Sodomy in Medieval Secular Law // Journal of Homosexuality. 1976 (Spring). T. 1. P. 295-302.
- Goodich M. Sodomy in Ecclesiastical Law and Theory // Journal of Homosexuality. 1976 (Summer). T. 1. P. 427-434.
- Goodich M. The Unmentionable Vice: Homosexuality in the Later Medieval Period. Santa Barbara;Oxford, 1979.
- Grand R. Les paix d'Aurillac. Etudes et documents sur l'histoire des institutions municipales d'une ville à consulat (XIIe-XVe siècles). P., 1945.
- Greene H.C. The Song of the Ass // Speculum. 1931. Vol. 6. № 4. P. 534-549.
- Greene M.H. Caring for Gendered Bodies // The Oxford Handbook of Women and Gender in Medieval Europe / Ed. by J.M. Bennett, R.M. Karras. Oxford, 2013. Ch. 22.
- Grimm J. Deutsche Rechtaltertümer. Leipzig, 1899.
- Grinberg M. Charivaris au Moyen-Ages et à la Renaissance: Condamnation des remariage ou rites d'inversion du temps? // Le Charivari. P. 141-147.
- Grinberg M. Le nouage rituel/droit. Les redevances seigneuriales (XIVe-XVIIIe siècles) // Riti e rituali. P. 247-261.
- Guyon G.D. La justice pénale dans le théâtre religieux du XIVe siècle: les Miracles de Notre-Dame par personnages // Guyon G. La justice en questions. Recueil d'articles. Limoges, 2015. P. 79-105.
- Hanlon G., Snow G. Exorcisme et cosmologie tridentine: trois cas agenais en 1619 // Revue de la Bibliothèque nationale. 1988. T. 28. P. 12-27.
- Harsgor M. L'essor des bâtards nobles au XVe siècle // RH. 1975. T. 253 (2). P. 319-354.
- Henne A. Histoire de la Belgique sous le règne de Charles-Quint. Bruxelles;P., 1865.
- Henneman J.B. Who were the Marmousets? // Medieval Prosopography. 1984. Vol. 5. P. 19-63.
- Hergemöller B. U. Sodomiter, Schuldzuschreibungen und Repressionsformen im späten Mittelalter // Randgruppen der spätmittelalterlichen Gesellschaft / Hrsg. von B.U. Hergemöller. Warendorf, 1990. S. 316-356.
- Hicks E., Ornato E. Jean de Montreuil et le débat sur le *Roman de la Rose* // Romania. 1977. T. 98. P. 34-64, 186-219.
- Hillner J. Prison, Punishment and Penance in Late Antiquity. Cambridge, 2015.
- Hoareau-Dodinau J. Les injures au roi dans les lettres de rémission // La faute, la répression et le pardon. Actes du 107e congrès national des sociétés savantes, Brest, 1982. Section de philologie et d'histoire jusqu'à 1610. P., 1984. T. 1. P. 223-240.
- Hoareau-Dodinau J. La jeune fille, le roi et le pendu: A propos de la grâce par mariage // Le pardon / Textes réunis par J. Hoareau-Dodinau, X. Rousseaux, P. Texier. Limoges, 1999. P. 353-372.
- Hotchkiss V.R. The Female Pope and the Sin of Male Disguise // Hotchkiss V.R. Clothes Make the Man: Female Cross Dressing in Medieval Europe. N.Y.;L., 2012. P. 69-82.
- Houdard S. Les invasions mystiques. Spiritualités, hétérodoxies et censures à l'époque moderne. P., 2008.
- Houdard S. La possession de Marthe Brossier. Un carrefour critique entre libertinage politique et mystique en France au début de l'époque moderne // Chasses aux sorcières et

- démonologie. Entre discours et pratiques (XIVe-XVIIe siècles) / Textes réunis par M. Ostorero, G. Modestin et K. Utz Tremp. Firenze, 2010. P. 117-129.
- Hours B. L'Eglise et la vie religieuse dans la France moderne, XVIe-XVIIIe siècle. P., 2000.
- Huot S. *The Romance of the Rose and its Medieval Readers: Interpretation, Reception, Manuscript Transmission*. Cambridge, 1993.
- Huppert G. *The Idea of Perfect History. Historical Erudition and Historical Philosophy in Renaissance France*. Chicago;L., 1970.
- Jacquart D., Thomasset C. *Sexualité et savoir médical au Moyen Âge*. P., 1985.
- Jordan M.D. *The Invention of Sodomy in Christian Theology*. Chicago;L., 1997.
- Junod S. Le récit au piège du démoniaque: Charles Blendecq, *Cinq Histoires admirables* (1582) // *Albineana: Cahiers d'Aubigné*. 2009. Vol. 21..P. 115-135.
- Just R. *Women in Athenian Law and Life*. L.;N.Y., 1989.
- Karlin-Hayter P. Further Notes on Byzantine Marriage: Raptus – ἀρπαγή or μνηστεία? // *DOP*. 1992. Vol. 46. P. 133-154.
- Karras R.M. The Regulation of Brothels in Later Medieval England // *Signs*. 1989. Vol. 14 (2). P. 399-433.
- Karras R.M. Holy Harlots: Prostitute Saints in Medieval legend // *Journal of the History of Sexuality*. 1990. Vol. 1 (1). P. 3-32.
- Karras R.M. The Latin Vocabulary of Illicit Sex in English Ecclesiastical Court Records // *The Journal of Medieval Latin*. 1992. Vol. 2. P. 1-17.
- Karras R.M. *Common Women. Prostitution and Sexuality in Medieval England*. N.Y.;Oxford, 1996.
- Karras R.M. Marriage, Concubinage, and the Law // *Law and the Illicit in Medieval Europe* / Ed. by R.M. Karras, J. Kaye, E.A. Matter. Philadelphia, 2008. P. 117-129.
- Karras R.M. The Regulation of Sexuality in the Late Middle Ages: England and France // *Speculum*. 2011. Vol. 86 (4). P. 1010-1039.
- Karras R.M., Boyd D.L. "Ut cum muliere". A Male Transvestite Prostitute in Fourteenth-century London // *Premodern Sexualities* / Ed. by L. Fradenburg and C. Freccero. N.Y.;L., 1996. P. 101-116.
- Kazhdan A. Byzantine Hagiography and Sex in the Fifth to Twelfth Centuries // *DOP*. 1990. Vol. 44. P. 131-143.
- Kazhdan A. Women at Home // *DOP*. 1998. Vol. 52. P. 1-17.
- Kelly H.A. Bishop, Prioress, and Bawd in the Stews of Southwark // *Speculum*. 2000. Vol. 75 (2). P. 342-388.
- Klemettilä H. *The Executioner in Late Medieval French Culture*. Turku, 2003.
- Klemettilä H. *Epitomes of Evil: Representations of Executioners in Northern France and the Low Countries in the Late Middle Ages*. Turnhout, 2006.
- Koopmans J. Le pendu miraculeusement sauvé: littérature et faits divers // *Rapports. Het Franse boek*. 2000. T. 70. P. 130-138.
- Kruger S.F. Conversion and Medieval Sexual, Religious, and Racial Categories // *Constructing Medieval Sexuality* / Ed. by K. Lochrie, P. McCracken, J.A. Schultz. Minneapolis;L., 1997. P. 158-179.
- Langbein J.H. *Torture and the Law of Proof*. Chicago;L., 1977.
- Langlois E. Le traité de Gerson contre le *Roman de la Rose* // *Romania*. 1918-1919. Vol. 45. P. 23-48.
- Lebigre A. *La justice du roi. La vie judiciaire dans l'ancienne France*. P., 1995.
- Le Jan R. *Famille et pouvoir dans le monde franc, VIIe-Xe siècles. Essai d'anthropologie sociale*. P., 1995.

- Lemercier P. Une curiosité judiciaire au Moyen Âge: la grâce par mariage subséquent // RHDFF. 1955. 4 série. 33 année. № 1. P. 464-474.
- L'Engle S. Justice in the Margins: Punishment in Medieval Toulouse // Viator. 2002. T. 33. P. 133-165.
- Le Roy Ladurie E. La sorcière de Jasmin. P., 1983.
- Lett D. "Femme tenues" et "femmes connues". Concubinage et adultère dans trois status communaux marchésans du XVe siècle // Splendor Reginae. P. 169-178.
- Levack B.P. The Decline and End of Witchcraft Prosecutions // Witchcraft and Magic in Europe: The Eighteenth and Nineteenth Centuries / Ed. by B. Ankarloo and S. Clark. Philadelphia, 1999. P. 1-93.
- Lever M. Les bûchers de Sodome. Histoire des "infâmes". P., 1985.
- Leyser C. Cities of the Plain: The Rhetoric of Sodomy in Peter Damian's "Book of Gomorrah" // RR. 1995. T. 86 (2). P. 191-211.
- Lopez R.S. Byzantine Law in the Seventh Century and its Reception by the Germans and the Arabs // Byzantion. 1942/1943. T. 16. P. 445-461.
- Lovato A. Sulla novella 134 di Giustiniano // Carcer II. Prison et privation de liberté dans l'Empire romain et l'Occident médiéval / Ed. par C. Bertrand-Dagenbach et al. P., 2004. P. 71-92.
- Lugt M. van der. L'humanité des monstres et leur accès aux sacrements dans la pensée médiévale // Monstres et imaginaire social: Approches historiques / Ed. par A. Caiozzo, A.E. Demartini. P., 2008. P. 135-162.
- Lynn J.A. The French Wars 1667-1714: The Sun King at War. Oxford, 2002.
- Lynn J.A. Essential Women, Necessary Wives, and Exemplary Soldiers: The Military Reality and Cultural Representation of Women's Military Participation (1600-1815) // A Companion to Women's Military History / Ed. by B.C. Hacker, M. Vining. Leiden; Boston, 2012. P. 93-136.
- Maier E., Ostorero M., Utz Tremp K. Le pouvoir de l'inquisition // Les pays romands au Moyen Âge / Sous la dir. de A. Paravicini Bagliani, J.-P. Felber, J.-D. Morerod, V. Pasche. Lausanne, 1997. P. 247-258.
- Mandrou R. Magistrats et sorciers en France au XVIIe siècle. Une analyse de psychologie historique. P., 1968.
- Martin C. Ne inter conjuges divortium fiat // Splendor Reginae. P. 93-99.
- McDougall S. The Opposite of the Double Standard: Gender, Marriage, and Adultery Prosecution in Late Medieval France // Journal of the History of Sexuality. 2014. Vol. 23 (2). P. 206-225.
- McNulty J.B. The Lady Aelfgyva in the Bayeux Tapestry // Speculum. 1980. T. 55. № 4. P. 659-668.
- Melleville M. L'usage au Moyen Âge de permettre à une jeune fille de sauver un criminel en l'épousant // Bulletin de la société académique de Laon. 1854. T. 3. P. 377-387.
- Mellinkoff R. Riding Backwards: Theme of Humiliation and Symbol of Evil // Viator. 1973. Vol. 4. P. 153-186.
- Menard H. Deux affaires de mœurs au XVe siècle // Revue du Comminges. 1986. T. 99. P. 333-336.
- Mestre J.-B. Guillaume de Flavy n'a pas trahi Jeanne d'Arc. P., 1934.
- Metzler I. Hermaphroditism in the Western Middle Ages: Physicians, Lawyers and the Intersexed Person // Bodies of Knowledge: Cultural Interpretations of Illness and Medicine in Medieval Europe. Oxford, 2010. P. 27-39.

- Meyendorff J.* Christian Marriage in Byzantium: The Canonical and Liturgical Tradition // DOP. 1990. Vol. 44. P. 99-107.
- Michel Marescot: enfant de Vimoutier, 1539-1605, médecin du bon roi Henry IV. Vimoutier, 2003.
- Moorhead J.* Justinian. L.; N.Y., 1994.
- Morabito M.* Droit roman et réalités sociales de la sexualité servile // Droit, histoire et sexualité. P. 3-20.
- Morel B.* Une iconographie de la répression judiciaire. Le châtiment dans l'enluminure en France du XIIIe au XVe siècle. P., 2007.
- Morgain St.-M.* La théologie politique de Pierre de Bérulle (1528-1629). P., 2001.
- Nederman C.J., True J.* The Third Sex: The Idea of the Hermaphrodite in 12th Century Europe // Journal of the History of Sexuality. 1996. T. 6. № 4. P. 497-517.
- Normington K.* Gender and Medieval Drama. Cambridge, 2004.
- Olivier-Martin F.* Histoire du droit français dès origines à la Révolution. P., 1992.
- Ourliac P.* Les coutumes méridionales et les fueros // Annales de la faculté de droit de Toulouse. 1958. Vol. 6. P. 148-155.
- Ornato E.* Jean Muret et ses amis Nicolas de Clamange et Jean de Montreuil: contribution à l'étude des rapports entre les humanistes de Paris et ceux d'Avignon, 1394-1420. Genève; P., 1969.
- Otis-Cour L.* "Lo pecat de la carn": la répression des délits sexuels à Pamiers à la fin du Moyen Âge // Studi di storia del diritto I. Milan, 1996. P. 335-366.
- Otis-Cour L.* L'exemplarité de la peine en question: la pratique de la "peine cachée" dans le Midi de la France au XVe siècle // RHD. 2002. T. 80 (2). P. 179-186.
- Otis-Cour L.* Réflexions sur l'application de la peine dans le Midi de la France à la fin du Moyen Âge // La peine. Discours, pratiques, représentations / Textes réunis par J. Hoareau-Dodinau, P. Texier. Limoges, 2006. P. 99-109.
- Pastré J.-M.* Droit matrimonial et loi naturelle dans les fabliaux allemands // Le droit et sa perception dans la littérature et les mentalités médiévales / Actes du Colloques du Centre d'études médiévales de l'Université de Picardie. Göppingen, 1993. P. 145-153.
- Patlagean E.* L'histoire de la femme déguisée en moine et l'évolution de la sainteté féminine à Byzance // Studi medievali. 1976. Ser. 3. V. 17. Fasc. II. P. 597-623.
- Pearl J.L.* Demons and Politics in France, 1560-1630 // Historical Reflections. 1985. Vol. 12. № 2. P. 241-251.
- Pearl J.L.* "A School for Rebel Soul": Politics and Demonic Possession in France // Historical Reflections. 1989. Vol. 16. № 2-3. P. 286-306.
- Père Godefroy de Paris.* Les frères mineurs Capucins en France. Histoire de la province de Paris. T. II: De l'expulsion projetée à l'approbation enregistrée (1597-1601). P., 1950.
- Pernoud R., Clin M.-V.* Jeanne d'Arc. P., 1986.
- Perrot E.* Les cas royaux. Origine et développement de la théorie aux XIIIe et XIVe siècles. P., 1910.
- Pfister L.* L'enfer sur terre. Sorcellerie a Dommartin (1498). Lausanne, 1997.
- Pigeard A.* L'Armée Napoléonienne, 1804-1815. P., 1993.
- Porteau-Bitker A.* Un crime passionnel au milieu du XIVe siècle // Revue d'histoire du droit français et étranger. 1981. T. 59. P. 635-651.
- Quicherat J.* Aperçus nouveaux sur l'histoire de Jeanne d'Arc. P., 1850.
- Rey M.* Le domaine du roi et les finances extraordinaires sous Charles VI, 1388-1413. P., 1965.

- Riti e rituali nelle società medievali / A cura di J. Chiffolleau, L. Martines, A. Paravicini Bagliani. Spoleto, 1994.
- Röhrkasten J. The Mendicant Houses of Medieval London, 1221-1539. Münster, 2004.
- Rossiaud J. Prostitution médiévale. P., 1988.
- Rossiaud J. Amours vénales. La prostitution en Occident, XIIe-XVIe siècle. P., 2010.
- Roques F. Note sur l'origine de la Course // RHDfE. 1959. Vol. 36. P. 398-406.
- Ruggiero G. Violence in Early Renaissance Venice. New Brunswick, 1980.
- Ruggiero G. The Boundaries of Eros. Sex Crime and Sexuality in Renaissance Venice. N.Y., 1985.
- Ruggiero G. "Più che la vita caro". Onore, matrimonio e reputazione femminile nel tardo Rinascimento // Quaderni storici. 1987. № 66. P. 753-775.
- Ruggiero G. Constructing Civic Morality, Deconstructing the Body: Civic Rituals of Punishment in Renaissance Venice // Riti e rituali. P. 175-190.
- Rustici C.M. The Afterlife of Pope Joan: Deploying the Popess Legend in Early Modern England. Ann Arbor, 2006.
- Saint Augustine on Marriage and Sexuality / Ed. by E.A. Clark. Washington, 1996.
- Scanlon L. Unspeakable Pleasures: Alain de Lille, Sexual Regulation and the Priesthood of Genius // RR. 1995. T. 86 (2). P. 213-242.
- Scanlon L. Unmanned Men and Eunuchs of God: Peter Damian's *Liber Gomorrhianus* and the Sexual Politics of Papal Reform // New Medieval Literatures. 1998. № 2. P. 37-64.
- Schmidt P.G. The Vision of Thurkill // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1978. Vol. 41. P. 50-64.
- Schmitt J.-C. La raison des gestes dans l'Occident médiéval. P., 1990.
- Schmitt-Pantel P. L'âne, l'adultère et la cité // Le Charivari. P. 117-122.
- Suhovsky M. A Divine Apparition or Demonic Possession? Female Agency and Church Authority in Demonic Possession in Sixteenth-Century France // Sixteenth Century Journal. 1996. T. 27. № 4. P. 1039-1055.
- Suhovsky M. Spirit Possession as Self-Transformative Experience in Late Medieval Catholic Europe // Self and Self-Transformation in the History of Religions / Ed. by D. Shulman, G.G. Stroumsa. Oxford; N.Y., 2002. P. 150-170.
- Soman A. Les procès de sorcellerie au Parlement de Paris (1565-1640) // AESC. 1977. № 4. P. 790-814.
- Soman A. The Parlement of Paris and the Great Witch Hunt (1565-1640) // Sixteenth Century Journal. 1978. T. 9. № 2. P. 30-44.
- Soman A. Le sabbat des sorciers: preuve juridique // Le sabbat des sorciers en Europe: XVe-XVIIIe siècles / Textes réunis par N. Jacques-Chaquin, M. Préaud. Grenoble, 1993. P. 85-99.
- Splendor Reginae. Passion, genre et famille. Mélanges en l'honneur de Régine Le Jan / Sous la dir. de L. Jégou, S. Joye, T. Leinhard, J. Schneider. Turnhout, 2015.
- Taddei I. Gioco d'azzardo, ribaldi e baratteria nelle città della Toscana tardo-medievale // Quaderni storici. 1996. Vol. 31. № 92 (2). P. 335-362.
- Tallon A. Conscience nationale et sentiment religieux en France au XVIe siècle. P., 2002.
- Tardif A. "Practica forensis" de Jean Masuer. P., 1883.
- Tatlock J.S.P. The Legendary History of Britain. Berkeley; Los Angeles, 1950.
- Thompson S. The Types of the Folktale // Folklore Fellow Communications. Helsinki, 1973. № 184.
- Tinsley B.S. Pope Joan Polemic in Early Modern France: The Use and Disabuse of Myth // Sixteenth Century Journal. 1987. Vol. 18 (3). P. 381-398.

- Valentini A. Le remaniement du *Roman de la Rose* par Gui de Mori. Etude et édition des interpolations d'après le manuscrit Tournai, Bibliothèque de la Ville, 101. Bruxelles, 2007.
- Valentini A. Du paternalisme courtois au féminisme de la vague zéro: antécédents de la "Querelle du Roman de la Rose" et originalité de Christine de Pizan // Christine de Pizan. La scrittrice e la città. Atti del VII Convegno internazionale "Christine de Pizan" / A cura di P. Caraffi. Firenze, 2013. P. 407-415.
- Vallet de Viriville A. Notes bibliographiques sur le *Mirouer des femmes vertueuses* // BEC. 1855. T. 16. P. 551-560.
- Valois N. La France et le Grand Schisme d'Occident. 4 vol. P., 1896-1902.
- Van Slyke D.G. The Ancestry and Theology of the Rite of Major Exorcism // Antiphon. 2006. T. 10. № 1. P. 70-116.
- Vansacker D. The Impact of Humanists on Witchcraft Prosecutions in 16th and 17th century Bruges // Humanistica Lovanientia. Journal of Neo-Latin Studies. 2001. T. 50. P. 393-434.
- Vincensini J.-J. Motifs et thèmes du récit médiéval. P., 2000.
- Voigt G. Die Wiederbelebung des Klassischen Alterthums oder das erste Jahrhundert des Humanismus. Berlin, 1859.
- Walker A.M., Dickerman E.H. A Woman under the Influence: A Case of Alleged Possession in Sixteenth-Century France // Sixteenth Century Journal. 1991. T. 22. № 3. P. 535-554.
- Walker D.P. Unclean Spirits: Possession and Exorcism in France and England in the Late Sixteenth and Early Seventeenth Centuries. Philadelphia, 1981.
- Walker D.P. Demonic Possession Used as Propaganda in the Later Sixteenth Century // Scienze, credenze occulte, livelli di cultura / Convegno internazionale di studi (Firenze, 26-30 giugno, 1980). Firenze, 1982. P. 237-248.
- Warner M. Joan of Arc. The Image of Female Heroism. L., 2000 (1^a L., 1981).
- Weber H. L'exorcisme à la fin du XVIe siècle, instrument de la Contre Réforme et spectacle baroque // Nouvelle revue du XVIe siècle. 1983. T. 1. P. 79-101.
- Wessels J.W. History of the Roman-Dutch Law. Clark, 2005.
- Wunderli R. London Church Courts and Society on the Eve of the Reformation. Cambridge (Mass.), 1981.
- Zorzi A. Rituali e cerimoniali penali nella città italiane (secc. XIII-XVI) // Riti e rituali. P. 141-157.

Происхождение иллюстраций

Обложка – В оформлении обложки использованы копии писем о помиловании, выданных французской королевской канцелярией в XIV в. (архив автора), гравюра «Измена молодой жены» Криспина ван де Пасса (1564–1637): <https://www.rijksmuseum.nl/nl/collectie/RP-P-1908-5658> (свободный доступ), миниатюра из: *Jean Miélot. Miracles de Notre-Dame* (BNF. Ms. fr. 9199), XV в.: http://diletant.media/middle_ages/31394381/ (свободный доступ).

Илл. 1 – Ковер из Байё, ок. 1080 г.: https://fr.wikipedia.org/wiki/Tapisserie_de_Bayeux (свободный доступ).

Илл. 2 – *Джотто*. Страшный суд, 1305 г.: <https://www.wga.hu/frames-e.html?/html/g/giotto/index.html> (свободный доступ).

Илл. 3 – «Кутюмы Ажена» (Agen, Arch. dép., Ms. 42), сер. XIII в.: <http://www.cg47.org/archives/coups-de-coeur/Tresors/gallerie.htm#> (свободный доступ).

Илл. 4 – «Кутюмы Тулузы» (BNF. Ms. lat. 9187), 1292-1297 гг.: <https://ru.pinterest.com/pin/195906652516313195/?lp=true> (свободный доступ).

Илл. 5 – Рисунок Кастенга де Рокфора. Газета *L'illustration* (Гасконь, Франция), 7 августа 1847 г.

Илл. 6 – *Mamerot S. Les passages d'Outremer faits par les Français contre les Turcs depuis Charlemagne jusqu'en 1462* BNF. Ms. fr. 5594). Брюгге, 1474-1475 гг.: <http://istorianaveta.eu/index.php/история/средние-векове/византия/229-комниново-византия-1081-1185.html?showall=1&limitstart=> (свободный доступ).

Илл. 7 – *Boccace. Des cas des nobles hommes et femmes* (München, Bayerische Staatsbibliothek. Cod. Gall. 6). Тип, 1460-1465 гг.: <http://daten.digital-sammlungen.de/0009/bsb00092987/images/index.html?fp=193.174.98.30&id=00092987&seite=9> (свободный доступ).

Илл. 8 – *Le Livre de Lancelot du Lac* (New Haven, Yale University, Beinecke Rare Book and Manuscript Library, MS 229). Северная Франция, кон. XIII в.: <https://brbl-dl.library.yale.edu/vufind/Record/3433279> (свободный доступ).

Илл. 9 – *Иероним Босх*. Семь смертных грехов. 1475-1480 гг.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Семь_смертных_грехов_и_четыре_последние_вещи (свободный доступ).

Илл. 10 – «Кутюмы Тулузы» (BNF. Ms. lat. 9187), 1292-1297 гг.: <https://ru.pinterest.com/pin/567946202986788702/?lp=true> (свободный доступ).

Илл. 11 – *Grandes chroniques de France* (London, British Library. Ms. Royal 20.C.VII). Париж, 1400-1405 гг.: *Morel B. Une iconographie de la répression judiciaire. Le châtiement dans l'enluminure en France du XIIIe au XVe siècle*. P., 2007.

Илл. 12 – *Valerius Maximus. Facta et dicta memorabilia* (BNF. Ms. fr. 289). Брюгге, 1475-1480 гг.: http://expositions.bnf.fr/flamands/grand_nl/fla_213.htm (свободный доступ).

Илл. 13 – Раскрашенная гравюра на дереве, Германия, XV в.: *Fuchs E. Illustrierte Sittengeschichte vom Mittelalter bis zur Gegenwart*. München, 1909.

Илл. 14 – Гравюра на дереве к «Путешествиям сэра Джона Мандевиля», 1598-1600 гг.: *The Travels of Sir John Mandeville, Illustrated with 119 Woodcuts*. N.Y., 1964.

Указатель имен

- Аббас II, шах Ирана – 84, 89
Абеляр – 56–58
Абуладзе Т. – 81
Августин, Аврелий – 31–35, 47, 129, 132
Авраам – 64
Авраамий Ростовский, преп. – 83, 89
Адам – 29–33
Адонис – 72, 143
Аквино, Аденольфо IV д' – 138
Алан Лилльский – 131–132
Александр Галенский – 154–156
Алексис, Леон д' (см. Берюль, Пьер де)
Али-Мохаммед Ширази – 85
Алисон, дочь Симона Суира – 110–111
Алкуин – 34
Алпатов С.В. – 116
Альи, Пьер д' – 19, 22
Амель, Франсуа – 277
Альфонсо X, король Кастилии и Леона – 136
Анастасий, лжепатриарх – 78
Андроник I Комнин, император Византии – 85, 89–90
Анотен, Тристан – 174
Ансельм Кентерберийский – 144
Антуанетт из Абвиля – 108–110
Анферне, Гийом д' – 171, 175
Апулей – 77, 88
Аранжи, Анетт де – 97
Ардавурий – 78
Аристотель – 158
Арк, Жанна д' – 87–88, 156, 233–235, 237–245, 261
Арк, Пьер д' – 233
Арман Ф. – 275, 277–278
Арнуль, Тифани – 177–178
Артавазд, император Византии – 78, 155
Аспар – 78
Бадель П.-И. – 31
Базен, Тома – 234
Бальтазар, Франсуа – 297
Бар, Жаннен де – 101
Барбен, мэтр – 225, 229
Барри, Джон – 147
Барт Р. – 300
Бартелеми по прозвищу Флорентиец – 126
Беатриса, супруга Фридриха I Гогенштауфена – 87
Бедюэ, Риго де – 122, 141–142
Безьон, Адам – 108–109
Белон, супруга Дриона Ансо – 210
Бенедикт III, папа римский – 299
Берюль, Пьер де – 250, 254–258, 269
Бессмертный Ю.Л. – 14, 303–304
Бизо, Жан – 7, 8
Бизо, Тибо – 7
Бизо, Этьен – 7
Билёз, Жанетт – 38
Блаунт, Томас – 146
Блендек, Шарль – 269
Бовей, Жаннен дю – 56
Богуюн, Маргарита де – 165
Боден, Жан – 260
Бойцов М.А. – 14
Бокийон, Жан – 228, 230–231
Боккаччо, Джованни – 86
Бомануар, Филипп де – 36, 135
Бон К. – 240
Бордеро, Рене – 287
Босе, Жанна де – 42
Босх, Иероним – 93
Брагелань, шевалье де – 213
Брантом, Пьер де – 238, 243
Бре, Герберт де – 126–127
Брем, Жанна де – 202–211, 215–216, 224, 229–230, 244, 263, 302
Бриг, Жанна де – 183, 185–193, 195, 197–198, 200–201, 204, 216
Бритби, Джон – 146, 148, 154
Бросс, Жан де, маршал де Буссак – 221
Броссье, Жак – 251, 260–261, 265, 268–270
Броссье, Мари – 251

- Броссье, Марта – 246–273, 287, 303, 305–306
 Броссье, Сильвина – 251, 265, 271
 Броудерер, Элизабет – 146
 Брюлар де Силлери, Жан-Батист – 255
 Брюн, Мадлен – 297
 Буа, Жан дю – 171–175
 Буало, Этьен – 165, 215
 Буве, Оноре – 20
 Буге, Анри – 97
 Булез, Жан – 267, 269
 Булиньи, Пьер де – 8
 Бун, Хью – 162
 Бурбон, Этьен де – 58, 69
 Бург, Жаке дю – 164
 Бурхард Вормсский – 34, 129
 Бутейе, Жан – 137
 Бушар, Алан – 237–238, 243
 Бюшерон, Колен – 46, 264
 Валентини А. – 19, 22
 Валентиниан III, император Византии – 78
 Валетт, Маса – 199
 Валле де Виривиль О. – 235, 238
 Вальтер Шатильонский – 144
 Вандом, граф де – 221
 Вандом, Жанна де – 170
 Ванен, Тома – 206
 Варлюс, Аделина де – 290
 Варлюс, Жан де – 290
 Василий, паракимомен Византии – 90
 Василий II, император Византии – 90
 Вейер, Иоганн – 158–159, 196, 200, 276–277, 286
 Венера – 131
 Вердье, Пьер – 297
 Вержье, Жан – 114
 Верьер, Жилет – 185–186, 189, 192, 201
 Вильгельм I, король Англии – 55, 144
 Вильгельм II, король Англии – 144–145
 Вильгельм V, герцог Клевский – 158
 Висконти, Валентина – 177
 Витри, Жак де – 144
 Владимир, князь Киевский – 83
 Вольтер – 88
 Габдхарманов П.Ш. – 14
 Гаита, супруга Роберта Гвискара – 156
 Гайо де Питаваль, Франсуа – 240
 Гарнье, Гийомин – 108
 Гарольд I, король Англии – 55
 Генрих IV, король Франции – 245, 248–251, 253–258, 271–272
 Генрих Хантингтонский – 144
 Гень, Жаннетт – 199
 Георгий Маниак – 79
 Гераклид Понтийский – 71
 Геркулес – 77
 Гиен, Этьен де – 41, 127, 140
 Гийом, Бастард Пуатье – 178
 Говар К. – 38, 45, 47, 50, 52, 54–55
 Годар – 82
 Годрих – 82
 Гонди, Пьер де – 247, 256, 259–260, 268–271
 Гонто, Пьер де – 38
 Госс, Пьер – 284
 Гранжан, Симон – 277
 Гранси, Робер де – 108
 Графтон, Ричард – 87
 Гренгуар, Пьер – 99
 Григорий V, папа римский – 82
 Григорий VIII, (анти)папа римский – 86
 Грилл – 92
 Гуйар, Гийом – 140
 Гурдель, Жак – 281
 Гуревич А.Я. – 58–59
 Густав Ваза, король Швеции – 82
 Гюго, Виктор – 98, 103
 Дамиани, Петр – 129–130, 133, 141
 Дамхудар, Юст ван – 196
 Данилевский И.Н. – 14
 Дебора – 155–156
 Демье, Бернар – 122
 Дешан, Эсташ – 20
 Джоан, дочь Джона Мэтью – 147
 Джотто – 62
 Дигюльвиль, Гийом де – 18
 Дикерман Э. – 267
 Дионис – 88
 Дойл, Артур Конан – 162
 Дубль, Мартин – 170
 Дутар, Аннекин – 103, 115
 Дюклерк, Жак – 219, 236, 242
 Дюкло, мэтр – 116

- Дюнуа, Жан, бастард Орлеанский, граф – 177
 Дюран, Арналь – 122–123
 Дюран, Раймон – 121–127, 139, 141–143, 145, 183, 244, 302, 305
 Дюшмен, Анжелика – 287
 Ева – 29–33
 Елизавета I, королева Англии – 156
 Жан Бесстрашный, герцог Бургундский – 220
 Жан Люксембургский – 239
 Жан III, король Наварры – 101
 Жанетт, супруга Гийемина Лорана – 52
 Жанна, вдова Мишеля Фора – 199
 Жанон, Жан – 297
 Жерсон, Жан – 17, 21, 23, 26–28, 30–31, 34–35, 47, 149
 Жиак, Пьер де – 230
 Жилле, Элен – 277
 Жиль, Николя – 240
 Жильбер, Робер – 63
 Жирар, Жульена – 279
 Жирар, Маргарита – 279
 Жирар, Эмери – 174
 Жослен, кюре – 281
 Жуанвиль, Жан де – 70
 Жубер, Жак – 297
 Залеский, Гжегож – 101
 Збышек из Богданца – 99
 Зейн-аль-Мавасиф – 84
 Ибн-Джаббар – 86
 Иван Грозный – 83
 Изабелла Баварская, королева Франции – 19, 21–23
 Иисус Христос – 33, 78, 82, 84, 91, 93
 Иль Бушар, Катерина де л' – 230
 Иоанн XVI, (анти)папа римский – 82
 Иоанн Солсберийский – 143, 145
 Иоанна, папесса – 299
 Иосиф – 64
 Исаак – 64
 Итье, Гийом – 7
 Каликст II, папа римский – 86
 Калигула, Гай, римский император – 155
 Каллифан – 158
 Камистро, Гийамо де – 101
 Канда, Жан дю – 181
 Кантор, Петр – 133–134, 152
 Каньо, Мария дель – 159
 Капелль, Гийом де – 203, 206–210
 Капелль, Этьен де – 208
 Капелюш, мэтр – 296
 Карбасс Ж.-М. – 66, 69, 73
 Карл, герцог Орлеанский – 177
 Карл II, граф Анжуйский – 138
 Карл V, король Франции – 102
 Карл VI, король Франции – 19, 102, 163, 167, 170, 180, 184
 Карл VI, император Священной Римской империи – 282
 Карл VII, король Франции – 156, 177, 219–223, 225, 229–230, 234, 236–238
 Каррас Р. – 150, 161, 178
 Кастеллано, Альберто – 248
 Кастель, Этьен де – 21
 Катрин, супруга Анри дю Рокье – 40
 Кашмаре, Алом – 9, 41, 111, 166, 169, 175, 181–184, 188, 197, 202, 290
 Кёре, Мари – 281
 Киприда – 131
 Кишра Ж. – 232, 243
 Клари, Робер де – 85
 Клерк, Джон – 147
 Климент III, папа римский – 103
 Климент VIII, папа римский – 103, 272
 Клотерио, Бертелло – 115
 Клэн М.-В. – 244
 Кнут Великий, король Дании, Англии и Норвегии – 55
 Кодебек, виконт де – 179
 Коломбан, св. – 100, 129
 Коломбини, Джованни – 82
 Коль, Гонтье – 19–23, 28
 Коль, Пьер – 19, 21–24, 26, 28–32
 Комминж, графиня де – 213
 Конде, принц де – 287
 Кондет, Жан де – 203, 206, 208, 210–211
 Константин, лжепатриарх – 78
 Константин V, император Византии – 78
 Константин IX Мономах, император Византии – 79
 Конш, Изабель де – 156
 Королер, Жан – 116
 Котен, Жаннен – 191
 Кошелева О.Е. – 14

- Коэн Д. – 75
 Кристина Пизанская – 19–25, 28–30, 32, 34, 47, 214
 Круа, Гийометт де ла – 208
 Крылова Ю.П. – 14
 Кур, Марион де ла – 176
 Курбский, Андрей – 83
 Куртеле, Жан де – 108
 Куртене, Пьер де – 207
 Куртманш А. – 41
 Кутон по прозвищу Пеле – 127
 Ла Бюкет, Колетт – 163, 166–177, 179–183, 198, 201, 225, 244, 305
 Ладели, Марион – 108
 Ладюшесс, Эрмелина – 43
 Лаис Коринфская – 153
 Ла Круа, Клодин – 297
 Ламбер, Жан – 8
 Ламбер, Пьер – 215
 Ламуа, Симон де – 63
 Лангле Дюфренуа, Николя – 241–242
 Ланглуа Э. – 26
 Ланс, Жан де – 109
 Ла Пи, Жан – 121
 Ла Пьер, Жан де – 297
 Ла Рошфуко, Александр де – 271
 Ла Рошфуко, Франсуа де – 271
 Ла Тремуй, Жорж де – 230
 Ла Тур Ландри, Жоффруа де – 68
 Ла Юр, Клеман – 7, 8, 38
 Ле Брюн де Шарметт, Филипп-Александр – 242–243
 Лев IV, папа римский – 299
 Лев IX, папа римский – 129
 Левит, Бенедикт – 137
 Ле Вогри, Жан – 53
 Ле Гаж, Жанетт – 43
 Ле Жандр, Луи – 240
 Ле Конт, Франсуа – 279
 Ле Корнер, Масе – 114
 Лемерсье П. – 102
 Ле Мерсье, Жан – 163, 166–174, 176–177, 179–180, 184, 225, 244, 305
 Леонидзе Г. – 81
 Леонтина – 20
 Ле Петур, Гийом – 279
 Ле Петур, Маргарита – 275, 278–289, 291–301, 303, 305–306
 Ле Петур, Франсуа – 282
 Ле Шарон, Жан – 224
 Лешассень, Этьенетт де – 108
 Лилль, Гийо де – 193
 Лоран, Франсуаза – 116
 Лоре, Амбруаз де – 164, 177
 Лоре, Амбруаз I де – 177
 Лоррис, Гийом де – 17, 18
 Лот – 128
 Луантрен, Жиле де – 107, 112
 Лувен, Пьер де – 219, 230–232
 Луголи, Пьер – 249
 Лука, св. – 31
 Луций – 77
 Лучицкая С.И. – 14
 Люар; Перро – 68
 Людовик, герцог Орлеанский – 177
 Людовик IX, король Франции – 60, 70, 163, 224, 286
 Людовик XI, король Франции – 69, 232, 235
 Людовик XIV, король Франции – 60, 287, 297
 Маврикий, император Византии – 92
 Мазюз, Жан – 104
 МакКлуркин Дж.Р. – 10
 Маликорн, Жоффруа де – 41, 127, 140
 Мандевиль, Джон – 158
 Мандру Р. – 246, 259, 267
 Маранс, сир де – 213
 Марваль, Жак де – 51
 Марваль, Жирар де – 51
 Марваль, Ламбен де – 51
 Мареско, Мишель – 250–258, 266, 272
 Марживаль, Николя де – 18
 Марион, вдова Жана Булиньи – 8
 Мария, пресвятая Дева – 91–93, 113–114, 167
 Мария Магдалина, св. – 151
 Мария-Терезия Австрийская, королева Венгрии и Богемии – 282
 Марси, Анри де – 143
 Мартен, Ришар – 199
 Мартин V, папа римский – 220
 Мастер Кнут – 82
 Матин, Казин ла – 200
 Машо, Гийом де – 18
 Медея – 131

- Мезере, Франсуа де – 240
 Мезьер, Бридуль де – 203–216, 224, 229–230, 244, 263, 302
 Мейрак, Кристина де – 293
 Мелампод – 88
 Мен, Жан де – 17–18, 20–21, 23–27, 30–31, 35–36, 44, 47
 Мень, Мериго де – 46, 54, 57
 Мехтельда из Неймегена – 276, 286
 Мирра – 131
 Мишо, Жозеф-Франсуа – 243
 Михаил III, император Византии – 92
 Моисей Угрин, преп. – 90–91
 Момарш, Пьер – 98, 112, 115
 Монлюк, Жан де – 104
 Монжё, Бернардо де – 121–125, 139–142, 302
 Монстреле, Ангерран де – 87, 221, 233, 239
 Монтень, Мишель – 112
 Монтрей, Жан де – 19–23, 26, 29–30
 Морен, Мишель – 140
 Мори, Ги де – 18
 Муанель, Жаннен – 127
 Мулен, Шарль – 108
 Мурон, Мари-Магдалина – 287
 Муршон, Жанетт – 103, 115
 Мутье, Жан дю – 204
 Наполеон III, император Франции – 287
 Нарцисс – 131
 Невё, Тено – 199
 Недоншель, Жанна де – 208
 Недоншель, Жильбер де – 208
 Нель, Бланш де – 220
 Николай Дамасский – 77
 Николя, Огюстен – 196
 Нодэ, Габриэль – 257
 Оаро-Додио Ж. – 113, 168
 Обиньи, Симон д' – 227
 Обле де Мобуи, Жан-Зоробабель – 241
 Обри, Николь – 253, 266–267, 269
 Обрио, Гуго – 164
 Овербрюк, Бланш д' – 219, 223–232, 236–238, 242, 244
 Овербрюк, Робер д' – 226–227
 Олон, Жан д' – 233
 Одуэн, Морель де – 42
 Орбанда, бастард д' – 228, 230–231
 Ордерик Виталий – 144–145
 Осса, Арно д' – 271–272
 Отис-Кур Л. – 68
 Отран Ф. – 167
 Отрив, Жан д' – 106–107, 112
 Павел, апостол – 133
 Павел V, папа римский – 248
 Пакерель, Жан – 233
 Папон, Жан – 105
 Парис – 131
 Пасифая – 131
 Патностр, Этьен – 107
 Парижский горожанин – 111, 296
 Патиссон, Мамер – 251
 Пелагия, св. – 151
 Пенлеве, Поль – 275
 Перну Р. – 244
 Перонн, Жан де – 126
 Перрье, Гаспар – 277
 Петр из Целлы – 143
 Пикар, Франсуа – 297
 Пимен, архиепископ Новгородский – 83
 Пинар, Жан – 43
 Плиний Старший – 157, 159
 Плутарх – 77
 Полякова С.В. – 78
 Понс С. – 69
 Попенкур, Жан – 225–227
 Попова Г.А. – 14
 Порт, Жан де – 172
 Порте, Клер де – 69
 Пре, Гийом де – 177–178
 Пре, Мари де – 177
 Пре, Оливье де – 178
 Премуа, Женевьева – 287
 Претреваль, Кардине де – 56
 Прешак, Жан де – 293
 Прокопий Кесарийский – 78
 Псевдо-Лукиан – 77
 Пселл, Михаил – 90
 Пти, Авелина – 110
 Пти, Колен – 108, 110–111
 Пуаньян, мэтр – 225, 229
 Пуарье, Матье де – 18
 Пуатье, Шарль II де – 178
 Пуатье, Эймар де – 178
 Пужула, Жан-Жозеф-Франсуа – 243
 Пупенкур, Жан де – 165

- Пюи, Пьер де – 232
 Пюи, Тевенен дю – 46
 Райкнер, Джон – 143, 146–151, 153–154, 156–157, 160–162, 165, 183, 244, 302, 305
 Рапен, Николя – 251
 Ре, Жиль де – 140
 Регинон Прюмский – 141
 Ремуар, Жан – 169
 Рен, Шарлотта – 277
 Рио, Пьер де – 223, 235–236
 Рипер, Франсуа – 297
 Ричард I, король Англии – 145
 Ришар, Жан-Батист – 281, 283–285, 287–288, 291–298, 300, 305
 Ришар из Сен-Дени – 176–177
 Ришелье, Арман Дюплесси де – 240
 Ришло Р. – 281–282
 Ришмон, Артур де – 222–224
 Робийар, Жан – 113
 Рок Ф. – 74
 Ронкайя, Роландино – 156–157, 160–161
 Россьо Ж. – 150, 165
 Ротари, король лангобардов – 100
 Рош, Маргарита-Мари-Жакмин – 279
 Рош, Ноэль – 279–280, 296–297
 Рошфор, Жак де – 56
 Рошфор, сир де – 213
 Руаго, Жан – 107–108
 Рувруа, Жиль де – 224
 Руджеро Г. – 55, 59, 62
 Рюйи, Аннекин де – 183–195, 198–199, 201–202, 216, 244
 Рюйи, Люсет де – 183, 189, 192, 195, 198, 201
 Рюйи, Масет де – 186, 189–195, 197–202, 216, 228, 244, 261, 305
 Сабатье, Одетт – 53
 Саль, Робер де – 45, 46, 54–55, 57
 Самарино, Франческо – 248
 Сатана – 80–81
 Светоний – 155
 Сен-Дидье, Жанна де – 170
 Сенкевич, Генрик – 99
 Сен-Ло, Флоран де – 111, 290–291
 Сент-Клер, Невилл – 162
 Серегина А.Ю. – 14
 Сеспедес, Элено де – 159–160
 Симона, супруга Жана Нёвиля – 200
 Сирмон, Жак – 272
 Стире, Нильс – 82
 Стоу, Джон – 86
 Строев А.Ф. – 293
 Сутерий – 86
 Сулли, Морис де – 152, 164
 Суннанвадер, Педер – 82
 Таис, св. – 151
 Тацит – 74
 Теве, Андре – 238, 243
 Теофраст – 20
 Тертулиан – 80
 Тиндарида – 131
 Тиньонвиль, Гийом де – 20–23
 Тирако, Андре – 105
 Тлеполем – 77
 Томассен, Матье – 235
 Тогоева И.А. – 14
 Трай, Элиссон де ла – 107, 112
 Треналь, дама де – 40
 Трюкан, Жан – 170
 Ту, Жак-Огюст де – 257
 Турень, сеньор де – 60
 Турне, дамуазель де – 180
 Тьера, Жан – 200
 Тюбе, Гийометт ла – 199
 Тюизи, сеньор де – 64
 Тюрлюр, Перрот – 46, 52, 53
 Удар С. – 254
 Удрак, мэтр – 231
 Уинстенли, Уильям – 87
 Уокер А. – 267
 Уорнер М. – 244
 Уппо, Робер – 265
 Урсен, Жан Жувенель дез – 172
 Урызмаг – 80–81
 Фавареск, Перро – 121–125, 139–142, 302
 Фелип, Колетт – 175
 Фербер С. – 267
 Филипп Добрый, герцог Бургундский – 221–222, 233–235, 239
 Филипп, митрополит Московский – 83
 Филипп II Август, король Франции – 60
 Филипп III, король Франции – 60
 Филипп IV, король Франции – 60

- Филипп VI, король Франции – 60, 102
 Филиппа, супруга Адама Бигона – 199
 Флави, Гектор де – 220, 224–225, 227–228
 Флави, Гийом де – 219–244, 246, 305–306
 Флави, Жан де – 220
 Флави, Луи де – 220, 238–239
 Флави, Рауль де (сын) – 220, 230–231
 Флави, Рауль де (отец) – 220
 Флави, Шарло де – 224
 Флави, Шарль де – 220, 224–225, 227–228, 230
 Флавий Иоанн – 78, 92
 Фокли, Уильям – 147
 Фольвиль, Жан де – 170
 Фома Аквинский – 151
 Фонтен, Жан – 204
 Франсьер, Анна де – 226
 Фрейденберг О.М. – 88, 91
 Фреш, Джон – 146
 Фридрих I Гогенштауфен, император Священной Римской империи – 86
 Фуке, Жан – 86
 Фульбер, каноник – 58
 Халитгар – 34
 Харита – 77
 Хартвел-младший, Абрахам – 272
 Хаус, Грегори – 93
 Хикс Э. – 23
 Хиндасвинт, Флавий, король вестготов – 100, 136
 Холл, Эдвард – 87
 Цезарий Гейстербахский – 59
 Цицерон – 159
 Цицикорэ – 81
 Чобэм, Томас – 152
 Чолокашвили, Бидзин, св. – 84, 89
 Шампион П. – 219–220, 225
 Шап, Жиар де – 127
 Шарло Конверс – 60
 Шартр, Жак де – 214
 Шартр, Реньо де – 220, 222, 236
 Шартье, Жан – 234–235
 Шартье, Симон – 51–52
 Шасне, Бартелеми де – 104–105, 117
 Шатейон, Диманш де – 121
 Шателен, Жорж – 237, 243
 Шевро, Анна – 259–271
 Шико, Жанно – 138
 Шиффоло Ж. – 165
 Шмитт-Пантель П. – 71–72, 75–76
 Шуази, аббат де – 289
 Шуасоль, Галео де – 60
 Эгрмон, сир д' – 60
 Эдуард II, король Англии – 145
 Эйнхард – 155
 Эквен, сир д' – 178
 Элизбар и Шалва, эриставы Ксанские – 84
 Элоиза – 56, 58
 Эльда, супруга Урызмага – 81
 Эльфгива, супруга Кнута Великого – 55
 Энгьен, Мариэтт д' – 177
 Эон, шевалье д' – 289
 Эпикур – 20
 Эрик XIV, король Швеции – 82
 Эрикур, Кристофль де – 267, 269
 Эскуши, Матье д' – 219, 236
 Эсмеральда – 99
 Эстре, Диана д' – 104
 Этвуд, Джон – 86
 Этуаль, Пьер де л' – 248, 255, 258–259, 262, 271, 305
 Юген, Кола – 208
 Юстиниан – 65, 137
 Якобсон Р. – 300

Summary

This book is an attempt to study what is usually hidden in the historical sources – the particulars of private life of the people in the Middle Ages and in the early Modern Times, their personal experiences, their marital love and betrayals, the unshared feelings, friendship, offence, their attempts to solve family problems on their own or resorting to the judicial authorities. The research is based primarily on the archival records (Archives Nationales de la France. Série JJ – Registres du Trésor des chartes; Série X 2a – Registres criminels du Parlement de Paris; Série Y – Châtelet de Paris) and presents a micro-historical work.

The heroes of the stories collected here were the simplest townsfolk who were almost never mentioned in the chronicles, theological and didactic treatises or in the fiction literature. They could get into the view of a historian, only if they were involved in various crimes and the judges began to be interested in them. The records of the criminal investigations, which were carefully conducted in the French Kingdom for many centuries, allow partly to penetrate the secrets of its inhabitants, to hear how they talked about the most intimate moments of their existence, to know what they believed permissible to discuss publicly, and what they didn't, to understand what legal and cultural ideas they were guided by.

Thus, the study begins with the problem of the admissibility of public discussion of the details of private and intimate life, from the point of view of the people of the Middle Ages. The author raises the question whether such a topic was an absolute taboo for them or whether there could be some circumstances which could allow such a conversation. How controversial were the opinions on this issue among enlightened intellectuals and ordinary people, as well as how it was covered in the sources of various genres. Finally, what was considered possible by applicants and defendants, as well as their witnesses, to tell in the court of law, to what details they paid special attention, what they tried to hide from the audience and what goals they pursued in their confessions.

The analysis of the legal norms that guided the people of the Middle Ages and of the Modern Times in solving their private problems is no less important for the author. She studies what actions these individuals considered as the sexual crimes and what measures to combat them the French society provided; how the ordinary citizens combined in their consciousness the belief in the practice of mob justice and in the official judicial control over their private lives; and how this belief was connected with the understanding of honor and dignity of the particular men and women.

Finally, the author analysed in detail the traditional idea about the role of the local custom in resolving disputes concerning private and intimate life

of the French which was common in the Kingdom not only in the Middle Ages and in the early Modern Times, but also in a much later period. That was a custom which had nothing to do with the King's law or with the written law used in particular provinces, but along with that was an unwritten norm, which was used primarily in the criminal proceedings.

In this general cultural and legal background of the people of the Middle Ages and of the Modern Times were analysed the particular stories of their lives which had been saved for us in the judicial records, as well as (in rare cases) in some other texts: chronicles, personal memoirs and correspondence, pamphlets, theological and didactic writings, Church documents and the statutes of the artisan corporations. Each chapter of the second and third parts of the book is a story about a certain court case, most often associated with a certain type of crime – sodomy, prostitution, adultery, verbal abuse, fraud, murder, etc.

But the main emphasis of this analysis was not to make clearer the legal implications of all these numerous atrocities, some of which the medieval and modern lawyers, to tell the truth, were occasionally unable to define precisely. Much more attention is paid here to the heroes of these stories – to their personal experiences, to their complex relationships, to their feelings for each other, to their attempts to become – or at least to seem – loved, lucky and, after all, happy. The way they talked about their private and intimate lives within the walls of judicial court, what they wanted to pay maximum attention to, what tricks they used in order to justify their actions – that's what is at the center of this study.

Contents

Introduction. Court, law and private life: intersections	7
Part I. Between the history of law and historical anthropology	
Chapter 1. Can we talk about the forbidden?	17
Chapter 2. The honor of woman – the dignity of man	48
Chapter 3. The endless <i>azouade</i>	76
Chapter 4. The wedding under the gallows	97
Part II. Cases without end... and without beginning	
Chapter 5. A story of Raymon Durant, a sodomite from Villefranche	121
Chapter 6. A story of John Rykner who called himself Eleanor	143
Chapter 7. A story of how quarreled Colette La Buquete and Jean Le Mercier	163
Chapter 8. A story of Macete de Ruilly' misadventures or The benefits of torture	183
Chapter 9. A story of whom Jeanne de Bremes was unfaithful to	202
Part III. There is too many texts?	
Chapter 10. A story of Guillaume de Flavy, the tyrannical husband and the traitor of France	219
Chapter 11. A story of Marthe de Brossier who loved but did not marry	246
Chapter 12. A story of Margarite Le Paistour who loved nobody but yet got married	275
Conclusion. Unique cases and their contexts	302
List of Abbreviations	307
Bibliography	308
Sources of Illustrations	330
Index of names	331
Summary	338
Contents	340

В СЕРИИ

Mediaevalia: Средневековые как историко-культурный феномен

*Составитель и главный
редактор А.К. Гладков*

опубликовано:

- Савин А.Н.* Университетские дела Дневник 1908–1917 гг. / Публ., вс. ст. и коммент. А.В. Шаровой / Отв. ред. А.К. Гладков. М.; СПб., 2015. – 524 с.
- Отман Ф.* Франкогаллия / Пер., вступ. ст., коммент. И.Я. Эльфонд. М.; СПб., 2015. – 280 с.
- Ars historica.* Сборник в честь О.Ф. Кудрявцева / Сост. и отв. ред. А.К. Гладков. М.; СПб., 2015. – 566 с.
- Кобрин К.Р.* Средние века: очерки о границах, идентичности и рефлексии. М.; СПб., 2016. – 218 с. [series minor]
- Ерохин В.Н.* Становление нации. Религиозно-политическая история Англии XVI–первой половины XVII в. М.; СПб., 2016. – 752 с.
- Браун Е.Д.* Войны роз: история, мифология, историография. М.; СПб., 2016. – 208 с.
- Чернова Л.Н.* Под сенью святого Павла: деловой мир Лондона XIV–XVI вв. М.; СПб., 2016. – 366 с.
- Тогоева О.И.* Еретичка, ставшая святой. Две жизни Жанны д'Арк. М.; СПб., 2016. – 576 с.
- Софронова Л.В.* Джон Колет: христианский мыслитель ренессансной эпохи. М.; СПб., 2016. – 440 с.
- Стаф И.К.* Цветы риторики и прекрасные литеры. Французская литература позднего Средневековья и раннего Возрождения. М.; СПб., 2016. – 246 с.
- Сешников А.В.* Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в. Судьба научного сообщества / Отв. ред. А.К. Гладков. М.; СПб., 2016. – 415 с.

- Лошкарева М.Е. Особая страна: из политической и правовой истории средневекового Уэльса (XII–XIV вв.). М.; СПб., 2017. – 203 с. [series minor]
- Андре Б. История жизни и достижений Генриха VII / Пер. с лат., вст. ст. и коммент. Д.В. Кирюхина. М.; СПб., 2017. – 144 с. [series minor]
- Денисов С.А. Политическая элита Эпирского царства в 1205–1261 гг. М.; СПб., 2017. – 398 с. [series minor]
- Серегина А.Ю. Английское католическое сообщество XVI–XVII вв.: виконты Монтегю. М.; СПб., 2017. – 544 с.
- Шевлякова Д.А. Цвет Тосканы: Лоренцо Великолепный и поэтика слова в ренессансной Флоренции. М.; СПб., 2017. – 240 с. [series minor]
- Польская С.А. Христианнейший король: образы власти в репрезентативных стратегиях французской монархии (IX–XV вв.). М.; СПб., 2017. – 496 с.
- Мосолкина Т.В. Социальная история Англии XIV–XVII вв. М.; СПб., 2017. – 416 с.
- Суприянович А.Г. В слезах и во славе: гендер, власть и идентичность в средневековой Западной Европе. М.; СПб., 2017. – 264 с.
- Старостин Д.Н. Между Средиземноморьем и варварским пограничьем: генезис и трансформация представлений о власти в королевстве франков. М.; СПб., 2017. – 224 с. [series minor]
- Тарасова А.В. Неведомое море, дьявольский коршун и небесные острия: природа глазами ученого монаха Северной Франции X в. М.; СПб., 2017. – 232 с. [series minor]
- Чугунова Т.Г. Уильям Тиндел: Слово, церковь и государство в раннем английском протестантизме. М.; СПб., 2017. – 446 с.
- Щеглов А.Д. Реформация в Швеции: события, деятели, документы. М.; СПб., 2017. – 384 с.
- Зеленина Г.С. Огненный враг марранов. Жизнь и смерть под надзором инквизиции. М.; СПб., 2018. – 396 с. [series minor]
- Кравцова Е.С. Францисканский орден: от апостольского движения к ученой корпорации. М.; СПб., 2018. – 320 с. [series minor]
- Краснова И.А. Флорентийское общество во второй половине XIII–XIV в.: гранды и пополаны, «добрые» купцы и рыцари. М.; СПб., 2018. – 494 с.
- Гусарова Т.П. Венгрия XVI–XVII вв.: портреты современников на фоне эпохи. М.; СПб., 2018. – 456 с.

Акопян О.Л.

**Волки в овечьих шкурах:
«Рассуждения против прорицательной
астрологии» и ренессансная мысль Италии
конца XV–начала XVI в.**

В книге рассматриваются споры о статусе астрологии, которые развернулись в ренессансной Италии конца XV–начала XVI в. Причиной дискуссии послужила публикация в 1496 г. последнего трактата Джованни Пико делла Мирандола (1463–1494) «Рассуждения против прорицательной астрологии». Выделявшийся образованностью и широтой интересов даже на фоне своих современников и еще при жизни ставший легендой, Джованни Пико подверг астрологию сокрушительной критике. Его поддержали Джироламо Савонарола и племянник Джованни Пико Джанфранческо Пико делла Мирандола, после смерти дяди готовивший «Рассуждения» к печати. Правда, публикация трактата встретила сильную оппозицию, в частности, со стороны главы неаполитанской Академии Джованни Понтано. Наконец, отголоски полемики донеслись до Руси, где против астрологических прорицаний выступил Максим Грек, в момент публикации «Рассуждений» находившийся в Италии и поддерживавший тесную связь с Джанфранческо Пико и Савонаролой.

Книга адресована историкам, филологам и философам, а также всем интересующимся культурой ренессансной Италии и Европы в целом.

Микеладзе Н.Э.

Милосердие сильнее мести: время и вечность в театре Шекспира

Театр Уильяма Шекспира как творение средневекового художника исполнял не только игровую функцию, но также воспитательную и терапевтическую. Он стремился донести до своей аудитории как вечные, так и злободневные смыслы, поясняя одно другим. Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена изучению драмы и театра Шекспира как непреходящего художественного феномена и, одновременно, как влиятельного средства коммуникации своей исторической эпохи – сложного периода перехода от Средневековья к Новому времени. В работу вошли исследования, рассматривающие наиболее значительные произведения Шекспира в контексте идей и образов, формировавших культурный код эпохи. Они имеют источник в Священном Писании (Библия оставалась первым и главным текстом), сочинениях греко-римских авторов, Данте, Пико, Макиавелли, Мора, Монтеня, в хрониках, отчетах путешественников, трактатах религиозных публицистов, произведениях товарищей по театральному цеху (Т. Кида, К. Марло, Б. Джонсона и др.). Особое внимание уделено анализу библейской образности и эволюции темы милосердия в пьесах Шекспира.

Книга адресована специалистам по истории европейской литературы и культуры, а также широкому кругу читателей, проявляющему интерес к наследию Шекспира и духовным исканиям его времени.

Евсеев В.А.

«Городская цивилизация» Англии от Тюдоров до Стюартов

В предлагаемой вниманию читателей книге, принадлежащей перу крупного специалиста в области средневекового урбанизма В.А. Евсеева, на основании широкого круга уникальных источников и специальных исторических штудий исследуется многогранная жизнь английских городов в XVI–XVII вв. – переходную эпоху от феодального общества к капиталистическому. Автор выявляет и анализирует экономические структуры в городах различного ранга, изучает характер, причины и особенности ряда социально-политических конфликтов, возникающих в городской среде, обращается к проблемам становления коммунальной инфраструктуры и местного самоуправления, организации социальной помощи приходскими властями. Кроме того, особое внимание уделяется рассмотрению разнообразных социокультурных процессов, имевших место в английских городах XVI–XVII вв. В частности, анализируются отдельные аспекты в области образования, театра, повседневной жизни раннего Нового времени.

Книга адресована историкам, политологам, социологам, культурологам и всем, кто интересуется историей Англии и эпохой раннего Нового времени.

Бароне В.А.

«Английская Нормандия» первой половины XV в.: путь во Францию

В рамках данного исследования «английская Нормандия» первой половины XV в. анализируется сквозь призму вхождения герцогства в состав Франции. Это позволило сосредоточить внимание не столько на событиях истории Нормандии рассматриваемого времени, сколько на механизмах, предопределивших переход герцогства под власть французской короны. Они были связаны, прежде всего, с особенностями правления Ланкастеров в провинции. Генрих V и его преемники оставили в Нормандии административный, политический и юридический корпус Французского королевства, поэтому здесь не было ничего специфически английского. Специфическим английским элементом в герцогстве были гарнизоны. Однако они были призваны выполнять военные, а не полицейские функции. Всеми гражданскими вопросами в Нормандии занимался отдельный административный персонал, среди которого заметно преобладали чиновники французского происхождения.

Колоссальное значение имели идеологические факторы, которые воздействовали на сознание жителей Французского королевства, включая нормандцев; помогали им чувствовать себя частью одной большой страны, а не различных герцогств; способствовали консолидации представлений о войне с Англией как войне справедливой; содействовали формированию и распространению образа англичан в качестве «древних и смертельных врагов» короля Франции и всех его подданных, с которыми нужно бороться; влияли на развитие антианглийских настроений в Нормандии и за ее пределами.

Книга будет интересна не только историкам, политологам и культурологам, но и всем тем, кто когда-либо пытался осмыслить исторические судьбы Англии и Франции в эпоху Средневековья.

Зиньковская И.В.

**Готланд Эрманариха:
остроготы в Восточной Европе
на рубеже Древности и Средневековья**

Книга является первым монографическим исследованием королевства Эрманариха IV в. На основе анализа всего корпуса нарративных, лингвистических и археологических источников, а также изучения богатого историографического наследия впервые реконструируется процесс формирования остроготской государственности, уточняется ее место во всемирной и отечественной истории. Выявлены и осмыслены глубокие изменения в жизни населения юга Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. Исследование проливает свет на истоки европейской цивилизации, когда на рубеже Древности и Средневековья формировались этническая карта современной Европы, «варварская» государственность, письменность и право.

Книга адресована историкам, политологам, культурологам, а также широкому кругу читателей, интересующемуся истоками европейской цивилизации рубежа Древности и Средневековья.

Топорова А.В.

Религиозная жизнь средневековой Италии в зеркале литературы

В предлагаемой вниманию читателей книге собраны очерки по итальянской религиозной литературе Средних веков, посвященные разным проблемам, жанрам и авторам, представленным в итальянской словесности XIII–XV вв. Специфика произведений религиозного содержания указанной эпохи заключается в том, что подавляющее большинство дошедших до нас текстов находится на периферии собственно литературного пространства, однако именно поэтому они во многом и интересны. На примере подобных сочинений можно проследить, как религиозная жизнь средневековой Италии отражается в письменных памятниках, как происходит освоение литературного языка и становление жанров религиозной литературы, где проходит граница между жизнью и литературой. Рассмотренный в работе уникальный материал позволяет увидеть вклад религиозных произведений в процесс формирования того единого целого, которое стали называть итальянской литературой.

Книга адресована филологам, историкам, культурологам, а также всем тем, кого интересует литература и духовная жизни Италии эпохи Средневековья.

Золотов В.И.

Исследование по истории государства и общества Англии XV в.

В предлагаемой вниманию читателей книге, построенной на изучении широкого круга оригинальных источников (например, грамот сделок с недвижимостью, регистрируемых в королевской канцелярии) исследуются процессы социального и политического развития английского общества XV столетия, и по сей день остающегося наименее освещенным в российской историографии. Автор анализирует английскую социальную и политическую действительность с точки зрения как «теории», т.е. интерпретации ряда ярких памятников общественной мысли, запечатлевших корпус оригинальных идей, так и «практики» – путем выявления в документах фиксаций определенных стратегий поведения и моделей репрезентации представителей ряда микрогрупп, от купеческих гильдий до королевской курии и джентри. На основании трактатов общественно-политической мысли и других источников рассматривается эволюция образа королевской власти в условиях потрясений XV столетия, новые принципы отношений между властью и обществом на основе обоюдной ответственности, отказа от узкосословной политики государства, поиски оптимальных моделей сильной королевской власти.

Для историков, политологов, социологов, правоведов и культурологов, а также всех, интересующихся историей Англии эпохи Средневековья.

Политическая культура Средних веков и раннего Нового времени

Сост. и отв. ред. А.К. Гладков

В сборнике собраны работы, посвященные изучению политической культуры средневековых цивилизаций Запада и Востока. Реконструируется система представлений о верховной власти, ее происхождении и функциях, выявляются правовые механизмы ограничения полномочий государя, стратегии удержания власти и низложения правителя («тираноборчество»), анализируются формы взаимодействия различных потестарных институтов, а также авторские приемы конструирования политических образов, выработка специфических моделей ведения полемики и построения системы аргументации в политической литературе. Особое внимание уделено исследованию политических ритуалов, церемоний, обрядов и процедур, демонстрировавших реализацию на практике теоретических представлений о сакральном характере светской власти и высоком достоинстве ее служителей.

На материале истории Италии, Англии, Франции, Древней Руси и Византии, а также Индии, Японии, Монголии обнаруживаются как общие (типологические), так и особенные (уникальные) черты в развитии политической культуры различных регионов средневекового мира.

Сборник будет полезен не только историкам-медиевистам, но и филологам, философам, политологам, культурологам, искусствоведам, а также широкому кругу читателей, интересующемуся историей и культурой средневековых цивилизаций Запада и Востока.

Научное издание

Ольга Игоревна Тогоева

**Дела плоти. Интимная жизнь людей Средневековья
в пространстве судебной полемики**

Макет и оформление Я.В. Быстрова

Издательский редактор С.С. Никушина

Корректор Н.С. Головин

Утверждено к печати Ученым советом Института всеобщей истории РАН

Предложения и вопросы можно присылать
на электронный адрес серии: medieval.books@mail.com

Подписано в печать 10.07.2018. Формат 70×100/16. Заказ № 388.

Тираж 500 экз. 23,1 уч.-изд. л.

Отпечатано в Акционерном обществе

«Т8 Издательские Технологии»

109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5

Тел.: 8 (495) 221-89-80

По издательским вопросам обращаться:

«Центр гуманитарных инициатив»

e-mail: unikniga@yandex.ru. Руководитель центра П.В. Соснов

О.И. Тогоева

Дела плоти

Интимная жизнь людей
Средневековья в пространстве
судебной полемики

Эта книга рассказывает о том, о чем обычно молчат исторические источники, — о частной жизни людей эпохи Средневековья и раннего Нового времени, об их личных переживаниях, о супружеской любви и об изменах, о неразделенных чувствах, о дружбе, обидах, попытках решить семейные проблемы самостоятельно или прибегая к помощи официальных инстанций. Героями историй, собранных здесь, стали самые простые обыватели, о которых почти никогда не упоминалось в хрониках, в теологических сочинениях, дидактических трактатах или художественных произведениях. Эти люди могли попасть в поле зрения историка, только если оказывались замешаны в различные преступления и ими начинал интересоваться суд. Материалы уголовных расследований, которые велись во Французском королевстве на протяжении многих столетий, позволяют отчасти проникнуть в сокровенные тайны его обитателей, услышать, как и что они говорили о самых интимных моментах

своей жизни, узнать, что для них было допустимо обсуждать публично, а что нет, понять, какими правовыми и общекультурными представлениями они руководствовались.

